

Российская академия наук
Институт психологии

А.А. Гостев

**ПСИХОЛОГИЯ
ВТОРИЧНОГО
ОБРАЗА**

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2007

УДК 159.9
ББК 88
Г 72

Ответственный редактор
доктор психологических наук, профессор
В.А. Кольцова

Гостев А.А.

Г 72 Психология вторичного образа. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. — 512 с.

ISBN 978-5-9270-0115-6

В монографии предпринята попытка целостного рассмотрения множества мысленных образов (представлений, воображения, сновидений, образов измененных состояний сознания и т.п.) и образной сферы как важнейшего компонента индивидуального сознания человека. Предмет исследования изучается в контексте проблемы взаимодействия индивидуального и группового сознания. Соответственно затронуты проблемы социальных представлений (в частности, в контексте проблемы психоманипулирования рекламой и политическим пиаром с использованием новых информационных технологий). На историко-психологическом и культурологическом материале анализируется процесс отражения и переживания человеком духовных и религиозно-мистических измерений бытия. Рассматриваются различные иллюстрации действия трансляционной функции, в частности, воображение как процесс продуктивного отражения; опыт мистических и религиозных традиций; данные трансперсональной психологии, святоотеческой православной традиции. Освещается широкий спектр вопросов, связанных с личностным измерением вторичных образов: углубленное самопознание, практическая работа с образной сферой, интерпретация сновидений, трансформация (развитие и регресс) сознания и др.

Книга рассчитана на специалистов в области общей и социальной психологии, психологии личности, а также на философов, культурологов, психотерапевтов, медицинских работников и всех тех, кто интересуется проблемой внутреннего мира личности, личностного и духовного развития, поиском человеком духовно-нравственных основ своего бытия. Отдельные разделы будут интересны широкому кругу читателей.

УДК 159.9
ББК 88

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
грант № 07-06-14087z*

© Институт психологии Российской академии наук, 2007

ISBN 978-5-9270-0115-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
-----------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВТОРИЧНЫЕ ОБРАЗЫ В ТРАДИЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Глава 1

ВТОРИЧНЫЙ ОБРАЗ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	19
1.1. Вторичные образы в системе психического отражения-регулирувания.....	19
1.2. Штрихи к проблеме развития образной сферы человека.....	49
1.3. Полифункциональность вторичного образа	54

Глава 2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВТОРИЧНЫХ ОБРАЗОВ	66
2.1. Феноменологически-герменевтический подход к «миру образов» ...	66
2.2. Образность в нравственно-духовном измерении психики	74
2.3. Онтологический статус вторичных образов	81
2.4. «Миры образов» в интегральном образе реальности	89
2.5. Вторичные образы и проблема сознания	94

Глава 3

ТИПОЛОГИЯ ВТОРИЧНЫХ ОБРАЗОВ	102
3.1. Вторичные образы в состоянии «обычного бодрствования»	102
3.2. Сновидения	124
3.3. Образы измененных и особых состояний сознания	139
3.4. О классификации вторичных образов.....	147

Глава 4

РОЛЬ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБРАЗНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	161
4.1. Методы изучения вторичных образов.....	162
4.2. Проблема многомерного описания характеристик вторичного образа	177
4.3. Индивидуальные различия в образной сфере человека	187

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВТОРИЧНЫЙ ОБРАЗ В ПОЗНАНИИ И РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

ГЛАВА 5.

«Персонификация» вторичного образа	205
5.1. Личностные аспекты в изучении воображения	205
5.2. Образная сфера и проблемы психологии личности	212
5.3. Проблема осознания и понимания образного опыта	221
5.4. К проблеме интерпретации сновидений.....	229

ГЛАВА 6

РАБОТА С ОБРАЗНОЙ СФЕРОЙ В САМОПОЗНАНИИ И В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ.....	250
6.1. Общая характеристика проблемы	250
6.2. Методические принципы	256
6.3. Нравственно-психологические принципы	263
6.4. Значимые аспекты работы.....	281
6.5. Образы измененных состояний сознания в психологической коррекции	295
6.6. Иллюстрации имагопрактики	309

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ТРАНСЛЯЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ВТОРИЧНЫХ ОБРАЗОВ

ГЛАВА 7

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА.....	331
7.1. Проблема прообраза духовно-нравственного и религиозного опыта	331
7.2. Области феноменологии	346

ГЛАВА 8

ОБРАЗНАЯ СФЕРА ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ	367
8.1. Позитивная феноменология «созерцаний внутреннего зрения» ..	367
8.2. Духовно-нравственное прельщение	370
8.3. Различение состояния «прелести»	377
8.4. Об отношении к мистическим «откровениям»	383

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ОБРАЗНАЯ СФЕРА ЧЕЛОВЕКА КАК СИСТЕМА
СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Глава 9

**ОБРАЗНАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ — ЭФФЕКТИВНЫЙ КАНАЛ
ПСИХОМАНИПУЛЯЦИИ.....399**

9.1. Вторичный образ в социальном восприятии399

9.2. Общие сведения о психоманипулировании408

9.3. Манипулирование многоликостью экрана422

Глава 2

**ДРУГИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ.....438**

10.1. Образный канал рекламы438

10.2. О социальных представлениях в политике.....450

10.3. Об образе планетарной ситуации.....472

10.4. Манипулирование образной сферой человека с помощью
информационных технологий477

ПОСЛЕСЛОВИЕ484

ЛИТЕРАТУРА.....495

Посвящается

*100-летию со дня рождения
Бориса Герасимовича Ананьева*

*80-летию со дня рождения
Бориса Федоровича Ломова*

35-летию Института психологии РАН

ВВЕДЕНИЕ

«Умей мечтать, не став рабом мечтания».
(Джозеф Киплинг)

Слова эпиграфа достаточно точно отражают то, чем автору хотелось бы поделиться с читателем при обсуждении сложной и интересной темы, выраженной в названии данной книги, темы очень актуальной, поскольку современный бурлящий мир в качестве главных задач психологической науки все настоятельнее выдвигает задачу исследования тайн человеческой души. Эти тайны касаются высших устремлений людей, изучения механизмов сознания и неосознаваемых сфер психики, познавательных и регулятивных возможностей человека. Понятно, что постановка этих вопросов приводит к исследованию основных форм, в которых внутренний мир человека и окружающая его действительность субъективно существуют для него. Одной из таких форм выступают многоликие образные явления в потоке сознания. Это различные образы долговременной и кратковременной памяти, представления об окружающем мире и самом себе, образы воображения, фантазии, сновидения и пр. Можно говорить о спектре классов «внутренних образов», *переживаемых в отсутствии непосредственно воздействующего стимула в качестве их прообраза*. Речь идет об образах, не привязанных к непосредственному воздействию на человека объектов окружающей среды. Термин «вторичный образ», предложенный ленинградской психологической школой, выступает обобщающим для образных феноменов, соответствующих обозначенной познавательной и психорегулятивной ситуации. Классик отечественной психологии, памяти которому посвящена данная монография, — Б.Г. Ананьев (а также его ученики Л.М. Веккер, Б.Ф. Ломов и мн. др.) заложили основу психологии вторичных образов. Поэтому все, что в книге говорится о них, обязано, прежде всего, работам Б.Г. Ананьева.

Вторичные образы связываются с уровнем представлений, который выделяется как самостоятельный в системном описании психики и признается высокозначимым, относящимся к узловым проблемам

психологии. *Уровень, представлений как отражение мира во вторичных образах*, является не только переходным звеном от непосредственного восприятия к высшим психическим процессам и функциям, но и качественно новой ступенью познания. Уникальность роли образов в психике включает их в психологическую проблематику в конкретных областях психологического знания.

Значимость изучения вторичных образов универсальна. Невозможно назвать область человеческой жизнедеятельности, где не функционировала бы «образность». Роль образов в самом общем виде определяется тем, что они, произвольно и непроизвольно содержательно перемещаясь в пространстве мысленно отображаемой реальности, а также по оси субъективного времени, репрезентируют в сознании (а также в «предсознании», «подсознании» и в неких, условно говоря, «сверхсознательных состояниях») отсутствующий стимул-объект-образ в ситуации непосредственного взаимодействия человека с миром. Это позволяет образам хранить и актуализировать опыт человека, что особенно значимо для целенаправленной деятельности, самопознания и саморегуляции на различных уровнях. Образы также помогают представить внутренний мир других людей. Понятна и роль образного опыта в освоении содержания группового сознания и бессознательного (формирование социальных представлений).

Психология традиционно подчеркивала значение образных явлений в процессах познания, труда и общения, в научном и художественном творчестве. Вспомним, что многие великие ученые (например, Эйнштейн, Бор, Пастер) писали о воображении, помогающем видеть реальность в неизвестных связях, синтезировать информацию, порождать догадки, наглядно моделировать и преобразовывать познавательные сюжеты. Не нуждается в иллюстрациях и роль «внутренней образности» в художественном творчестве. Исследования образной проблематики подтверждают свою актуальность для психологии труда и инженерной психологии. Образный инсайт полезен для согласования представлений участников совместной деятельности о некоем событии, в прояснении общего взгляда на проблемы, в частности, групповой оценки стратегий и тактик организации, приоритетов ее деятельности и видения новых возможностей. Особая актуальность изучения вторичных образов диктуется также тем, что сегодня человек живет в некой «имаго-символосфере» виртуальной реальности, порожденной СМИ, рекламой, компьютеризацией, «интернетизацией» и т.д. Закономерности, положительные моменты и опасности взаимодействия с новой реальностью информационного мира еще неиз-

вестны науке достоверно. Однако это взаимодействие уже вызывает тревогу на уровне общего нравственного опыта человечества, его духовно-религиозных и философских традиций. Поэтому изучение механизмов «тотальной визуализации» сфер жизни человека как фактора трансформации психики, включая деструктивный аспект ее изменения, представляется чрезвычайно важным.

Значимость изучения внутреннего образного опыта отчетливо видна в психокоррекционной практике. Здесь образы выступают и как диагностический инструмент изучения человека, и как средство многоуровневой саморегуляции и личностного изменения. Психологически грамотное использование «внутренней образности» дает подсказки о корнях проблем, причинах конфликтов, об истинных желаниях, расширяет видение мира, рождает новые идеи, повышает сензитивность, помогает «самоконсультироваться» и самокорректироваться, позволяет просматривать варианты в ситуации выбора, осознать и сформировать личностные и профессионально-важные качества, лучше понимать других. Особо отметим то, что образы выступают в роли «окна», позволяющего неосознаваемому материалу проникать во внутренний мир личности и выражать себя именно на языке образов. Следует также подчеркнуть, что образы, помогая интерпретировать сложный язык метафор, символизма и мифологии, хорошо транслируют духовные смыслы бытия.

Познавательная и регулятивная сила «внутренней образности» понятна: образы являются самым древним языком психики, связанным с допонятийным мышлением. И в онтогенезе до овладения речью индивидуальный опыт «записывается» в образной форме. Поэтому через образы становится возможным проникновение в хранилища опыта, недоступные понятийному познанию. Образы на этом глубинном уровне формируют своеобразные «матрицы», участвующие в психической регуляции. В результате образ становится произвольной или непроизвольной программой для изменения существующих обстоятельств, для реализации желаемого или нежелательного.

Несмотря на растущее внимание к образной проблематике самых разных областей психологии и смежных наук, противоречие между значимостью изучения вторичных образов и состоянием проблемы сохраняется. Последнее по-прежнему характеризуется неполнотой, фрагментарностью, неоднозначностью знания. Это касается всех основных ракурсов рассмотрения проблемы (систематизированных, например, Дж. Ричардсоном [272a]): 1) рассмотрение образов как субъективного переживания; 2) понимание образов как «ментальной

репрезентации»; 3) изучение образов как атрибута стимульного материала; 4) рассмотрение образов как когнитивной стратегии. В данной книге мы не будем входить в детали всех обозначенных направлений исследования вторичных образов. Каждому из них будет уделено место в общей картине ракурсов описания образной проблематики. Основное внимание будет уделено *феноменологии¹ субъективной репрезентации окружающей реальности и внутреннего мира, закономерностям актуализации глубинного психического опыта, латентного для «повседневного осознания»*. Следовательно, возрастает роль *описательных и герменевтических методов*, необходимость разработки которых все более осознается в психологии (К.А. Абульханова, Б.М. Аллахвердов, В.Н. Дружинин). С позиций предложенного в книге **феноменологически-герменевтического** подхода (увязываемого с другими теоретико-методологическими основаниями) внутренний мир человека рассматривается как некая «личность», с которой он общается и которую призван понимать. Это подчеркивает значение аутогерменевтики «образного послания», в частности, роль интуитивного угадывания смысла образа как события во внутреннем мире личности. В целом изучение вторичных образов, определяемое синтезом естественнонаучного и гуманитарного основания психологии, выводит проблему в более широкий исследовательский контекст с привлечением междисциплинарных данных. Последнее предполагает расширение анализа переживаний образного опыта.

Для осмысления разных типов образного опыта вводится понятие о совокупности-спектре вторичных образов различных классов — **образной сфере личности**, важнейшем компоненте внутреннего мира человека. Это углубляет научные представления об иерархии и взаимосвязанности множества классов вторичных образов, ориентирует сбор и осмысление соответствующих фактов под строго определенным углом зрения. Целостное психическое отражение-регулирование предполагает функционирование всех классов вторичных образов в зависимости от ситуации жизнедеятельности человека. Образная сфера человека понимается как многомерная, многоуровневая динамическая подсистема психики, «образы-элементы» которой выполняют специфические функции в психическом отражении-регулировании в соответствии с актуальными жизненными обстоятельствами. Образная

¹ Заметим, что термин «феноменология» используется для описания *фактологии* содержания субъективного мира.

сфера человека участвует в непрерывном, идеальном его взаимодействии с окружающей реальностью, содержанием внутреннего мира, неосознаваемым психическим, в определенной форме выражая содержание таких взаимодействий. Иными словами, образная сфера способна как-то отражать бытие, идеально представленное в человеке (в научно-философском плане о данной древней идее писали, например, Б.Г. Ананьев, В.А. Ганзен, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн). Изучение феноменологической развертки образной сферы личности конкретизирует это важнейшее теоретическое положение, ибо вторичные образы могут буквально наглядно показывать результаты реального и идеального взаимодействия человека с миром и самим собой. Подчеркнем, что известные положения о том, что внутренний мир человека есть одновременное выражение субъекта и отражение объекта, а субъективность есть объективный факт, смягчает противопоставление естественнонаучного и феноменологически-герменевтического подходов. И это принципиально важный момент, подталкивающий изучение образных форм субъективности, участвующих в познании реальности.

Отражение многомерного и многоуровневого внутреннего мира человека в его образной сфере может включать: а) духовно-нравственные измерения бытия, б) неявные аспекты объективного мира, в) сферы идеальных объектов — ценностей и отношений философско-мировоззренческого, религиозного и пр. порядка. Переживание духовных измерений — это также разнокачественные встречи внутреннего мира человека с областями трансперсонального опыта, архетипами коллективного бессознательного, религиозно-мифологическим символизмом из различных культурных традиций, а также видениями, воспринимаемыми как «божественные откровения» об объектах высшего идеального бытия. ***Изучение когнитивных и регулятивных эффектов от переживания человеком такой феноменологии*** является актуальной задачей психологической науки.

Функция образной сферы личности ответственна за отражение и регулирование в процессе контакта самосознающего человека со своим субъективным миром и через него — с реальностью в многообразии и единстве ее измерений, она получила название **трансляционной функции**. Образная сфера в трансляционной функции через образный опыт соединяет различные измерения внутреннего мира, связывает его с «действительностью-бытием», представленным в человеке. Понятие «трансляционности» выражает идею непосредственного *показа* субъекту потока вторичных образов на неком, говоря

метафорически, «внутреннем экране», и *переживания* их содержания. Вторичные образы различных классов, имея собственную форму субъективности, определяющую особенности подачи (перенесения) материала в сознание, выступают психологическим инструментом познания и самопознания. В раскрытии трансляционной функции образной сферы личности большую роль играют, например, образы измененных состояний сознания. Они являются потенциальными «окнами» в самые глубокие слои внутреннего мира личности. Важной теоретической проблемой, однако, является соотнесение следующих противоположных точек зрения. С одной стороны, можно видеть подчеркивание позитивной роли данных образов (например, в работах С. Грофа, А. Минделла). С другой стороны, существуют указания на опасности, поджидающие «любопытствующего «визионера».

Важнейшим элементом контакта человека с глубинными аспектами внутреннего мира является переживание, помогающее актуализации материала, неявного для обычных состояний сознания. Чувства выступают важнейшим фактором понимания «образного послания». Спокойствие или тревоги, радость или уныние по-разному будут влиять на образный опыт и на его осмысление.

Изучение образной сферы человека приобретает самое непосредственное значение для решения ключевых теоретических проблем психологической науки: целостное понимание психики и резервных ее возможностей в психическом отражении-регулировании, психология сознания и «неосознаваемое психическое», полифункциональность и развитие психического образа, его онтологический статус, построение «картины мира» — вот перечень только основных открывающихся возможностей. Поднимаемые в ходе изучения образной сферы человека вопросы актуализируют многие острые проблемы современной психологии. В изучении полифункциональности образной сферы необходимо, например, определить основной набор ее функций. Есть данные о функциях образов памяти, воображения, отчасти сновидений, но наука мало знает о функциях образов измененных состояний сознания. А поэтому мы либо игнорируем их, либо некритично превозносим «образную экзотику». Теоретически значим анализ того, как индивидуальные особенности образной сферы человека приводят к различиям в «мире образов», играя важную роль в становлении картины мира. Рассмотрение образной сферы человека в связи с «явлениями сознания» открывает новую грань в исследовании последнего, ибо образы могут пониматься, как своеобразные единицы сознания (форма существования индивидуального и группового сознания). Исследова-

ние феноменологии образной сферы человека добавляет новые грани к проблеме соотношения чувственного и понятийного в психическом отражении. Восстановление в правах «чувственной ткани» вторичного образа актуально для изучения внутреннего мира личности, в частности, социальных представлений.

Привлечение междисциплинарных и культурологических данных открывает новые возможности в изучении образной сферы человека. Психология сближается с другими областями познания человека — искусством, философией, религией. Обращенность человека на нравственно-духовные измерения бытия, открывающиеся во внутреннем мире, является необходимым в самопознании. Как отражает образная сфера духовные смыслы жизни, существующие на различных уровнях, включая самые высшие, — такие, как устремленность человека к абсолютному, «надмирному»? В этой связи очевиден вопрос: а достаточно ли существующего понимания в психологии природы духовности? Как отражаются человеком наиболее сложные и концептуально невыразимые ее проявления в человеке? Для ответа на подобные вопросы феноменология духовных переживаний изучена и обобщена в психологии явно недостаточно. Поэтому нравственно-духовный опыт должен стать полноправным объектом научного познания и участвовать в создании новой парадигмы в человекознании, выходящей за узкоциентистские границы. «Важно осмыслить тот глубинный факт, что *познание может осуществляться на разных уровнях существования психологического знания* — обыденного, научно-академического, искусства, духовно-религиозного опыта» (100, с. 39—40).

Подобные мысли предполагают обращение к истокам отечественной культуры, в частности, к православно-христианской традиции, глубоко изучающей закономерности нравственного совершенствования личности. Накопленный опыт православного подвижничества содержит тонкие наблюдения и обобщения, отражающие глубинные структуры психической жизни человека. Психоанализу придется потесниться в своих претензиях на знание «глубин» человеческой природы. Богатейший материал святоотеческой традиции, описывающий путь к святости через развитие добродетелей (милосердие, справедливость, взаимопомощь и т.д.), однако практически неизвестен академической психологии. Примером значимости святоотеческого наследия для психологии может выступить феномен «духовного прельщения», т.е. утрата человеком способности адекватно воспринимать мир и себя. Следует подчеркнуть значение знания о прельщении для работы психолога с жертвами тоталитарных сект или псевдодуховных школ личностного роста.

Рассмотрение академической психологией междисциплинарных путей и объектов познания является сложным вопросом. Но его надо решать: духовный опыт рассматривается искусством, философией, культурологией, теологией. Психология просто не может не вращаться в подобную междисциплинарность. Заметим, что область «потенциального» в науке будет существовать всегда, поскольку этим задается «зона развития» познания. Психология должна быть открыта для обсуждения материала, накопленного в других системах познания. Все моменты, не вписывающиеся в традиционно-конвенциональный психологический взгляд, будем считать *областями потенциального осмысления научной психологией*.

Укажем на главные задачи, которые решаются в данной книге: 1) описание классов вторичных образов; 2) раскрытие феноменологически-герменевтического подхода к изучению образной сферы личности; 3) анализ психологического, историко-психологического, междисциплинарного и культурологического материала в изучении трансляционной функции вторичных образов; 4) анализ дифференциально-психологического аспекта полифункциональности образной сферы; 5) рассмотрение многоаспектной персонификации образной сферы; 6) освещение теоретических и практических проблем работы с образной сферой человека (имагопрактика); 7) изучение социальных представлений как фактора, опосредствующего эффект психоманипулятивных воздействий в «имаго-символосфере».

Структура книги (четыре части, состоящие из глав, а также комментарии и приложения) позволяет, с одной стороны, представить ее как набор самостоятельных текстов по проблеме, отражающих многогранность образной проблематики, а, с другой — воспринимать текст как целое. Заданные ракурсы анализа проблемы в различных главах могут восприниматься как недостаточно связанные друг с другом. Совмещение разнопланового материала — действительно всегда серьезная теоретическая проблема. Будем исходить из того, что обозначение многогранности предмета исследования — важный необходимый шаг на путях системного изучения сферы вторичных образов. Книга приглашает к *разноплановому* рассмотрению проблемы. Сталкиваясь с переходом от одних ракурсов рассмотрения проблемы к другим, читатель должен помнить, что имеет дело с их *взаимодополнением*, с прояснением роли вторичных образов в жизни людей. Автор надеется, что читатель сформирует свое «пространство понимания» и создаст многомерное видение проблемы образной сферы личности.

Первая часть книги посвящена проблеме образной сферы человека в академической психологии. В главе 1 дается общий обзор состояния проблемы, анализ места образной сферы в системе психического отражения-регулирования. В главе 2 рассматриваются теоретико-методологические вопросы: соединение естественнонаучного и гуманитарного основания психологии, образы духовно-нравственных измерений психики, онтологический статус вторичных образов, роль «образности» в картине мира, образная сфера личности и проблема сознания. В главе 3 описанием основных классов вторичных образов и рассмотрением вопроса об их системной классификации задается целостное представление об образной сфере человека. В главе 4 изучается роль индивидуальных характеристик образной сферы в деятельности, обсуждаются пути создания их многомерного описания с учетом проблемы методов исследования, позволяющих осуществить конкретные измерения вторичного образа.

Вторая часть книги посвящена рассмотрению роли образной сферы в познании и развитии личности. В главе 5 анализируются взаимосвязь образных и личностных характеристик, многомерность и типология образов воображения, проблемы осознания образного опыта, в частности, сновидений, вопросы, связанные с практической работой с образной сферой личности. Глава 6 посвящена работе с образной сферой человека с точки зрения ее роли в познании и развитии личности. Затронуты философско-мировоззренческие аспекты имагопрактики, актуальные в связи с актуализацией глубинного опыта и эмоционально-катарсическим его отреагированием, пониманием «истинного Я», нахождением адекватной самооценки, преодолением негативного мироощущения, открытостью к изменению картины мира. Подчеркивается значение усиления нравственной стороны использования образного опыта.

Третья часть книги посвящена феноменологии трансляционной функции вторичных образов. Привлечены междисциплинарные данные. Опыт религиозно-мистических традиций различных культур, например, является свидетельством определенных проявлений трансляционной функции образной сферы. В главе 8 рассматривается подход к образной сфере личности в православно-христианской традиции. Здесь изложен материал, обогащающий традиционное понимание роли образной сферы человека в познании мира. В частности, это происходит вследствие знакомства с понятием «духовное прельщение», которое описывает различные искажения в познании человеком духовных смыслов бытия. Различение состояния «прелести», отношение традиции

к «визионерству», мистическим откровения и пр. не только выступает той недостающей областью феноменологического знания о трансляционной функции образной сферы личности, но и свидетельствует об опасностях, затушеванных, приглушенных в других традициях.

В *четвертой части* книги затрагивается проблема социальных представлений. Что мы на сегодня знаем об образном манипулировании в многообразии «экранных образов», прежде всего ТВ, в рекламе и в политическом «пиаре»? Какими социальными представлениями людей о «глобальной перестройке мира» следовало бы заняться социальной психологии? Каковы опасности воздействия на человека новых информационных технологий, каковы перспективы противодействия манипулированию образной сферой людей? Исследования социального восприятия недостаточно глубоко изучают эти моменты. Но делать это надо. Автор заостряет ряд вопросов в традиционной сфере изучения социального восприятия, формирования мировоззрения, сформулирует ряд актуальных задач исследования социальных представлений.

Итак, читателю предлагается разноплановое и вместе с тем целостное **видение** проблемы вторичных образов и их роли в познании человеком мира и самого себя. В каждой главе образная сфера человека освещается в определенном измерении, под определенным углом зрения, задаваемым принципиальной возможностью множественности описания предмета. Авторское **видение** проблемы сложилось более чем за 30 лет работы в области психологии образных явлений. Монография в сжатом, систематизированном виде содержит информацию о сфере вторичных образов, накопленную психологией, смежными с ней областями, духовно-религиозными традициями в аспектах: «личность — ее внутренний мир», «личность — личность», «личность — общество», «личность — духовное бытие». В работе намечены перспективы исследований по проблематике образной сферы личности.

Автор выражает надежду на то, что данная книга будет полезна для читателей, интересующихся образной проблематикой. Книга содержит информацию, которая может быть интересна и ученому-теоретику, и практику, сталкивающемуся с работой образной сферы личности. Представленный в книге материал призван сформировать новое понимание роли образности внутреннего мира личности в жизни человека. Книга рассчитана на специалистов в области психологии, философии, культурологии, медицины, других сфер человекознания, а также всех тех, кто интересуется проблемой личностного и духовного развития.

Часть первая
Вторичные образы
в традиционной психологии

1.1. ВТОРИЧНЫЕ ОБРАЗЫ В СИСТЕМЕ ПСИХИЧЕСКОГО
ОТРАЖЕНИЯ-РЕГУЛИРОВАНИЯ

История изучения образной сферы человека имеет долгую историю. В античные времена значение представлений, воображения, сновидений и других образных явлений признавалось весьма определенно. «Образы-эйдолы» у греков были объективной реальностью. Нам известно, что многие приемы, рекомендуемые ораторам Древней Греции и Рима, например, содержали указания на целенаправленное использование образов для усиления доказательности и улучшения памяти. Значение образной мнемоники в искусстве риторики, как считал Аристотель, заключается, в частности, в том, что она позволяет запомнить общую схему аргументации.

В плане анализа трансляционной функции образной сферы важно, что «phantasia» понималась и как орган, с помощью которого «божественный мир» разговаривал с человеческой душой. В европейской психологии Средних веков образы продолжали пониматься с точки зрения своей способности улавливать «послания из духовного мира»; неслучайно воображение было признанным способом достижения религиозного вдохновения. В духовных традициях Индии, Тибета, странах дальневосточного региона, в шаманских культурах различных народов уделялось большое значение «внутренней образности».

Говоря о собственно научном подходе, надо отметить, что история изучения образных явлений во внутреннем мире человека представляет собой чередование подъемов и спадов интереса к ним. Интерес к образам возник в XIX в. (Пуркинье, Фехтнер, Гальтон, Вундт). На рубеже XIX–XX столетий образам, «возвращенным интроспекцией»,

уделяется повышенное внимание. Они прочно входят, например, в различные психоаналитические направления. Но затем бихевиоризм, учение об условных рефлексах, влияние кибернетики вновь привели к падению интереса к образной сфере человека. Новая волна внимания была вызвана, прежде всего, возрождением интереса к сфере субъективного, а также так называемой «революцией сознания». В начале 1960-х годов образы не просто «возвращаются из изгнания», но и становятся модным объектом исследований. Возрастает количество публикаций (в 50-е годы вышла одна фундаментальная работа [421], в 1970–1980-е годы — лавина книг и статей), и симпозиумов. Образная проблематика вошла в психотерапевтическую практику.

В отечественной психологии второй половины XX в. вторичные образы, помимо общей психологии (Б.Г. Ананьев, Л.М. Веккер, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, Ф.Н. Шемякин и др.), изучаются в контексте педагогической и возрастной психологии (см., например, работы Е.Н. Кабановой-Меллер, И.С. Якиманской и др. [181; 182]), инженерной психологии и психологии труда [138; 139; 198a].

Вместе с тем и сегодня можно говорить о противоречии между актуальностью изучения вторичных образов и состоянием освоения проблемы. Несмотря на растущее внимание к образной проблематике самых разных областей психологии и смежных наук, приходится констатировать отставание в изучении образной сферы человека по сравнению с другими психическими процессами.¹ Современное научное знание природы и функционирования вторичных образов характеризуется терминологической неоднозначностью, неполнотой, «размытостью»². Это, в частности, подтверждается обилием концептуальных парадигм и подходов. Вторичные образы получали самое различное свое толкование: они были и «теоретическим объяснительным принципом» (когнитивизм), и «эпифеноменальными конструк-

¹ Говоря о состоянии проблемы, можно отметить негативную роль игнорирования в советской психологии индивидуально-неповторимого внутреннего мира человека. «Внутренние образы», не контролируемые обществом, как бы не допускались. Это был вопрос внутренней свободы человека. Интерес к образам невольно получал неявную идеологизированную окраску, что, очевидно, неосознанно отпугивало исследователей. Проблема образной сферы личности разделила судьбу, например, таких понятий, как «самосознание», «совесть», духовно-религиозный опыт.

² Фрагментарность исследований вторичных образов на фоне разносторонности интереса к проблеме хорошо иллюстрируется рубрикой «Imagery» в «Psychological Abstracts».

циями сознания» (интроспекционизм), их даже вообще не признавали в качестве психической реальности (бихевиоризм). Конкретные знания о том или ином классе вторичных образов обособлены, аспекты анализа слабо соотнесены. Можно, например, отметить существование многочисленных «малых теорий» вторичных образов [407, ch. 2], остающихся, малосопоставимыми друг с другом, схематичными, слабо адекватными описанию реальных переживаний и поведения человека³.

Достаточно взять, в частности, проблему дефиниций образных явлений: происходит невольное перенесение значений терминов, путаница соподчиненности понятий, проекция исследователями собственного интуитивного понимания. Неоднозначность определений хорошо видна на примере термина «представление», под которым, с одной стороны, понимаются вторичные чувственные образы предметов, событий, ситуаций вне сенсорного воздействия соответствующего стимула, однако при наличии его действия в прошлом [6; 56; 197]. Не случайно в учебниках психологии рассмотрение «представлений» обычно включено в раздел «Память». С другой стороны, данный термин используется как более общее понятие для обозначения конкретного уровня психического отражения — **уровня представлений** [197], который охватывает и образы воображения. Термин «представление» обозначает и *процесс* репрезентации, оперирования образом (в этой связи оправдано введение Б.Ф. Ломовым термина

³ Каждая теория базируется на экспериментальных доказательствах, однако, как подчеркивает Б.М. Величковский, ни один из таких фактов не остался без альтернативного толкования. Показаны, например, альтернативные по отношению к теории двойного кодирования возможности объяснения преимуществ запоминания сложных зрительных изображений [53]. Основной интерес проявляется к механизмам образной переработки информации в процессах репрезентации. Анализ мысленного вращения (Shepard) оказался, например, значимым для теорий образа — Anderson, Hinton, Kosslyn, Pinker. При анализе образов как процессов репрезентации, как правило, акцентируется существование двух источников содержания образов (перцепция и память), двух видов кодирования и хранения информации (сенсорно-образная и вербально-лексическая). Рассмотрение “малых теорий” ментального образа позволяет выделить теории а) абстрактные, опирающиеся на компьютерные модели (в определенном смысле это компенсирует теоретические неясности, как у Nebb, или излишнюю специфичность — Morgan); б) пытающиеся более тесно связать образы с биологической детерминацией (Shepard, Trehub, Finke) [372a; 407, ch.2; 412; 433].

«представление»), и его *результат*. При этом «представление» становится синонимом «картинки перед мысленным взором»), образов памяти и образов-воображения/фантазии. «Представление» может трактоваться [42] и как совокупность правил, посредством которых человек запечатлевает свои «встречи» с миром и т.д. Терминами «представление», «образ» широко пользуются философия, логика, эстетика, искусствоведение. Здравый смысл, порой не видящий различий между «представлениями» и «понятиями» (Выготский) добавляет путаницы.

Терминологическая нечеткость обязана происхождению термина «образ» во многих языках. В русском языке это слова «образ», «воображение», «отображение», «изображение». Этимологически корни слова «image» (*англ.*), «imagen» (*исп.*) и т.п. восходят к латинскому «imago», корневая метафора которого указывает на имитацию (*imitari*) в процессе копирования оригинала (первоначально при изготовлении скульптурной копии). «Образ» по Далю, означает модель, вещь, по размеру и подобию которой другие вещи должны изготовляться.

Терминологические проблемы во многом определяются влиянием теоретической позиции исследователя. Для психоаналитика, например, «образ» дуалистичен (осознаваемые и неосознаваемые образы). За любовью к операциональным определениям, за «строгой объективностью», за нежеланием определять вторичный образ в терминах субъективного опыта обычно скрывается бихевиористская ориентация. Для «когнитивистов», для которых переживание образа не является определяющей его чертой, характерно определять «образ» как способ кодирования и переработки информации [221; 412; 440]. Когда объект отражен без осознания, характерно использование термина «репрезентация». Дефиниция зависит и от исповедуемой теории восприятия. Концепция Найсера, например, — образец «некартиночной» теории, в которой «образ», как и «перцепт», является некой «схемой», «пространственным планом» [221]. Терминологические проблемы усиливаются несовпадением субъективного опыта самого исследователя с его теоретической трактовкой вторичного образа. Так, по мнению Арнхейма, «вюрсбуржцы» могли не отмечать образов мышления вследствие несовпадения опыта испытуемого с размытым понятием образа [148, ч. 1]. Отрицание же образов бихевиористами вполне может быть связано с тем, что кто-то из «отцов» данного направления просто не помнил своих снов. С другой стороны, приверженность Титчинера к интроспекционизму может быть объяснена тем

фактом, что он был эйдетиком. Запутывает также и то, что термин «образ» употребляется при описании таких сложных психических явлений, как сны, грезы, галлюцинации, образы измененных состояний сознания и т.п., где чрезвычайно важны факторы *ситуации* и *состояния сознания*. Так, в процессе литературного творчества в психотическом состоянии автор может как бы видеть воочию своих персонажей. Сновидения и галлюцинаторноподобные образы, в свою очередь, могут попасть под широкое определение воображения как перекомбинирования опыта субъекта.

Итак, «богатство» существующих дефиниций отражает многоаспектность образной проблематики, но не охватывает ее (даже на уровне фактологии). Основными причинами терминологической неоднозначности являются: а) различия в теоретической позиции исследователя, б) использование близких по смыслу терминов в различных значениях (что связано, в частности, с трудностями перевода терминологии с одного языка на другой), в) перенесение значения термина с одного круга образных явлений на другой. Следует различать *теоретические* термины, включенные в логическое описание психического, и *эмпирические* термины, предназначенные для описания непосредственно наблюдаемой реальности [4, с. 18]. В психологии, подчеркивает В.М. Аллахвердов, нет ясных и общепринятых определений терминов. Но поскольку отказаться от существующих терминов нельзя (в них отражается уникальный опыт самосознания человечества), то предлагается использовать привычную терминологию как сложившуюся классификацию накопленного опыта психической жизни. Иными словами, термины следует рассматривать как предназначенные для удобного описания феноменов и соответствующих им эмпирических процедур, т.е. как понятия операциональные, а не теоретические [4, с. 22–24]. Использование терминологии в данной книге соответствует этой идее. Вводимое представление об образной сфере личности способствует установлению терминологического порядка.

Необходимыми предпосылками теоретического осмысления вторичных образов является усиление системных взглядов, в частности, сведение воедино разных отношений: образа к объекту (проблема адекватности отражения), образа к самому субъекту (проблема понимания человеком феноменологии своего внутреннего мира), образа к субстрату и условиям, порождающим и детерминирующим образный опыт. Системное рассмотрение образной сферы человека предполагает изучение: 1) характеристик вторичных образов

различного класса; 2) полифункциональности образной сферы; 3) структуры образной сферы как *целого*, раскрываемой совокупностью основных классов вторичных образов, способами их группировки и упорядочивания, характером взаимосвязи (координация и субординация) соответствующих «образов-элементов»⁴; 4) *процессов*, протекающих в образной сфере (особенности переработки информации на уровне конкретных классов вторичных образов), и *состояний*, в которых она может находиться (здесь необходимо выделять *активные* и *пассивные*, *осознаваемые* и *неосознаваемые* компоненты); 5) *активности-реактивности* образной сферы по отношению к другим системам психики и внешним воздействиям; 6) развития образной сферы и динамики формирования вторичных образов в онто- и культурофилогенезе; 7) взаимодействие образной сферы с окружающей средой, особенно информационной.

Б.Ф. Ломов, как известно, выделял 6 принципов описания психических явлений: 1) многоплановость рассмотрения психических явлений⁵; 2) многомерность психических явлений; необходимость рассматривать их в разных системах координат; 3) Система психических явлений должна исследоваться как многоуровневая; каждая из подсистем психики (когнитивная, регулятивная, коммуникативная) имеет вертикальную структуру, например, когнитивная система включает сенсорно-перцептивный, представленческий и речемыслительный уровни; 4) необходимость учета разнопорядковых качеств; 5) выделение системы детерминант, определяющих многоплановость, многомерность и многоуровневость психического; 6) изучение психических явлений в их динамике и развитии [30, с. 34–37].

⁴ При этом необходимо, например, более ясно определить, в чем состоит общность и различие классов вторичных образов, каковы закономерности связи между ними — по функциям и содержанию, включая их субъективную форму. Предстоит, например, проследить закономерности непрерывности–дискретности взаимопереходов между близлежащими классами вторичных образов.

⁵ Выделяется четыре плана: 1) фиксация взаимосвязи изучаемого явления с явлениями того же класса; психика, например, рассматривается как отражение действительности и регулятор активности субъекта в ряду других видов отражения и регуляции; 2) определяющий всю совокупность психических явлений как относительно самостоятельное целое с такими компонентами, как когнитивная, регулятивная и коммуникативная подсистемы; 3) фиксирующий психические явления в их отношении к системам более высокого уровня (например, социального); 4) представляющий психику в терминах нейрональных интеграций [30].

В исследовании образной сферы человека необходимо учитывать, что возникновение и существование психических явлений определяется самыми различными обстоятельствами, или детерминантами, которые могут выполнять функции причины, следствия, внешних и внутренних факторов, предпосылок и опосредствующих звеньев (Б.Ф. Ломов). Хотя каждая из детерминант имеет «зону влияния» и «вес», они тесно взаимосвязаны, образуя единое целое [29, с. 45]. С системных позиций образное явление внутреннего мира полиморфно, многоуровнево и многопланово, протекает в различных степенях активности-реактивности субъекта (эти положения показаны в работах В.А. Барабанщикова применительно к перцептивному уровню).

Как уже говорилось во введении, **вторичные образы** в широком понимании могут быть определены как образы предметов и явлений, имеющие свое бытие в субъективном мире человека в отсутствие непосредственно воздействующего на них стимула-прообраза. «Уровень представлений фиксирует движение вторичных образов, не требующих непосредственного воздействия действительности на органы чувств» [30, с. 49]. Иными словами, вторичный образ по своему содержанию не связан с непосредственным воздействием на человека окружающей среды. Термин, следовательно, выступает как обобщающий для всех переживаемых в различных состояниях сознания образных явлений, «вторичных» в указанном выше смысле по отношению к перцептивным образам. Именно на этом основании анализ составляющих образной сферы человека абстрагируется от перцептов, перцептивных иллюзий и др. К образным феноменам, категоризируемым явным взаимодействием с перцепцией могут быть отнесены «образ тела», «*deja vu*»-опыт, «оперативные пространственные представления» (Д.А. Ошанин). Подчеркнем, что абстрагирование от перцептов является условным, учитывающим возможность присутствия стимула-прообраза во вторичном образе (нечто может присутствовать в ситуации и косвенно влиять на внутренний образный опыт). Понятно, что чем дальше содержание последнего от характеристик непосредственно воздействующей реальности, тем абстрагирование более допустимо. Заметим, что введенное абстрагирование в принципе соотносится с подходом Холта [148; 395, ch.1]. Под «образом» он понимает субъективный феномен, возникающий при различных сочетаниях внешней и внутренней стимуляции: при доминировании первой употребляется термин «перцепт», при доминировании второй — «образ».

К основным составляющим образной сферы человека относятся многоликие репродуктивные *образы памяти* (долговременной, кратковременной и оперативной), обобщенные *образы-представления* о тех или иных предметах и явлениях окружающего мира, *образы воображения, фантазии, сновидения*, различные классы образов *измененных состояний сознания*. Во всех этих случаях речь идет об образах, переживаемых человеком при отсутствии воздействия предметов, явлений, ситуаций в качестве физического стимула. Напомним, что в когнитивной психологии зрительный мысленный образ — это «паттерн активации» в «зрительном буфере», не вызванный непосредственным сенсорным входом (Косслин).

В отечественной психологии психические процессы рассматриваются как разные формы и уровни динамической многоуровневой системы субъективного отражения действительности: *ощущения — восприятие — представления — мышление* [6; 197]. Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, Б.М. Теплов и др. исследователи выделяли три уровня психического отражения: сенсорно-перцептивный, «представленческий» (воображение, эйдетическая память, образное мышление) и речемыслительный. Каждый из уровней обеспечивает определенную «глубину» и «объем» отражения действительности, а также соответствующие регуляторные возможности субъекта. **Уровень представлений** выделяется как самостоятельный, имеющий многообразие «форм образности» (как минимум, это образы представления и образы воображения). Изучение данного уровня психического отражения-регулирования является узловой проблемой психологии, поскольку вторичные образы показывают своеобразие перехода от восприятия к высшим психическим функциям [7; 42, т. 1, с. 279]⁶ (напомним, что еще Аристотель интересовался ролью образов в выработке идей). Каждый из выделяемых исследователями (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов и др.) основных уровней психического

⁶ Б.Г. Ананьев подчеркивает важность того, что «выделение и расчленение чувственного отражения, хотя и осуществляется различно в современной философской литературе, тем не менее является стремлением понять своеобразие структуры чувственного отражения как соотношения определенных форм, а вместе с тем моментов процесса чувственного отражения. Обращает на себя внимание, что выделяемые формы трактуются не только как моменты единого развивающегося процесса, но и как *уровни* от самого элементарного (ощущения) до самого сложного (представления), являющегося известного рода обобщением чувственных знаний об объективной действительности» [6, с. 22].

отражения — сенсорно-перцептивный, «представленческий» (в виде образов памяти, воображения, образного мышления) и речемыслительный — обеспечивает определенную «глубину» и «объем» отражения действительности, а также соответствующие регуляторные возможности человека.

Для формирования системных воззрений на образную сферу человека можно использовать и идеи многоуровневости исследования психического образа [29; 30]. На высшем уровне образ рассматривается в рамках системы «человек — общество». Это социально-психологический и личностный планы анализа, где предметом исследования становятся коллективные представления и связанные с ними психические реалии. На следующем уровне образ исследуется в процессах деятельности и общения людей. Соответственно изучаются закономерности формирования образа и его основные функции: когнитивная, регулятивная, коммуникативная. Далее идет наиболее полно проработанный уровень изучения отдельных процессов познавательной сферы человека, на котором изучаются сенсорные основы образа, его свойства и законы развития, способы хранения, преобразования и использования эталонов памяти и др.⁷ На нижнем уровне изучаются нейрофизиологические основы психического отражения.

Итак, сформированный в единстве восприятия, мышления и речи вторичный образ является прогрессивной, качественно новой ступенью познания, формой более обобщенного, но вместе с тем чувственного отражения реальности (это положение было развито в работах Б.Г. Ананьева [6, с. 261]). Его следует рассматривать не как «тень ощущений», «ослабленный вариант восприятия» (что характерно для традиционной точки зрения, подчеркивающей бледность, фрагментарность и неустойчивость образов-представлений), а как прогрессивную ступень чувственного познания, связанного с формированием обобщенного образа предметов и явлений, несмотря на неизбежную при переходе от восприятия к представлению редукцию сенсорных

⁷ Если мы, в частности, возьмем известную классификацию психических явлений: акты, процессы, состояния, свойства, — то обнаружим везде присутствие образов. Эта классификация психических явлений по степени их динамичности и ситуативной обусловленности [183]. Например, психические акты — это быстро протекающее, простое и однородное по структуре психическое явление. Примером простого когнитивного акта являются конкретные операции с образами.

характеристик отображаемого объекта [197]. «Потери» возмещаются через различные проявления абстракции, через изменения в пространственно-временной структуре вторичного образа, связанные с существенным расширением отображаемого пространственного поля, возможностью представлять «спину» вещей [51, ч.1].

Согласно Б.Ф. Ломову, центральная для психологии категория «отражения» фиксирует два момента. Во-первых, включенность психики во всеобщую взаимосвязь процессов и явлений материального мира, и, во-вторых, тот факт, что источником содержания психического является окружающая человека действительность, обстоятельства его жизни и деятельности. «Ощущения, восприятия, представления выступают как образы, в которых отражаются окружающий человека мир и он сам. Задача психологии и состоит в том, чтобы раскрыть закономерности порождения, развития, функционирования и преобразования субъективного образа действительности, включенной в круг объективных связей и отношений человека» [29, с. 44].

Уникальность положения вторичных образов в системе психики определяет главную особенность уровня представлений — единство и взаимопроникновение *чувственного* (конкретность) и *понятийного* (абстрактность). «Именно взаимопроникновение наглядной внутренней «картинности» и словесного образа составляет структуру образа-представления. Разумеется, такое определение представлений относится только к психологии человека и содержит в себе возможность и необходимость исторического анализа представлений, возможность понимания через общественную историю словарного состава языка истории внутренней наглядности образа» [8, с. 285]. Б.Г. Ананьев подчеркивает важность того, что «выделение и расчленение чувственного отражения, хотя и осуществляется различно в современной философской литературе, тем не менее является стремлением понять своеобразие структуры чувственного отражения как соотношения определенных форм, а вместе с тем моментов процесса чувственного отражения. Обращает на себя внимание, что выделяемые формы трактуются не только как моменты единого развивающегося процесса, но и как *уровни*, от самого элементарного (ощущения) до самого сложного (представления), являющегося известным рода обобщением чувственных знаний об объективной действительности» [6, с.22]

Показательно, что уже в древнейших изображениях слово и образ слиты; на этой основе в дальнейшем появились пиктограммы и иерог-

лифы. Прекрасной современной иллюстрацией этому является начертательная геометрия: влияние понятийного уровня выступает здесь условием устойчивости, целостности образов. Взаимосвязь визуализации и вербализации определяют механизм и динамику вторичных образов, их особенности с точки зрения «яркости-четкости-конкретности» — «обобщенности-абстрактности».

Сказанное понятно, поскольку вторичный образ в основе своего физиологического механизма имеет динамическое взаимодействие 1-й и 2-й сигнальных систем, базируется на полимодальной и полифункциональной сенсорно-перцептивной организации [6; 7] человека. Интермодальные связи ощущений, заложенные филогенетически, обеспечивают целостность чувственного отражения. Закономерности интермодальных сенсорных объединений связаны с принципами а) координации нервных центров (Шеррингтон), б) доминанты (важнейшим эффектом которой Ухтомский считал интегральный образ), в) условно-рефлекторной детерминации деятельности анализаторов (Павлов). Данные закономерности раскрываются результатами работ Бериташвили, Анохина, Айрапетьянца и др. Циркулирующая информация о внешней и внутренней среде сходится в основных узлах системы сенсорной организации человека: в *речеслуховой* подсистеме, *вербализирующей* чувственный опыт человека, и *зрительной*, интегрирующей сигналы любой модальности. *Визуализация* всего чувственного опыта человека позволяет зрительной модальности быть доминирующей, играть роль внутреннего канала связи между анализаторными системами как на перцептивном уровне, так и на уровне представлений. Следует подчеркнуть, что механизмы вторичных образов связаны с включенностью центральных отделов анализаторов в единую полимодальную систему, обладающую обобщающими функциями по отношению к конкретным каналам чувственного отражения с особой ролью зрительной модальности и 2-й сигнальной системы.

Зарубежные сторонники когнитивной психологии также выделяют образные и вербальные процессы, рассматривая их как многоуровневые, независимые, альтернативные, но взаимодействующие, взаимодополняющие и взаимоактивирующие «кодирующие системы» и «формы репрезентации информации в памяти», специализированные для кодирования, организации, преобразования, хранения и воспроизведения информации. Эти системы имеют разную природу, характеризуются различными способами реорганизации и трансформации информации. Эти идеи достаточно полно выражены

в «теории двоичного кодирования» (Пэйвио) [427; 433]⁸. *Образная* система позволяет хранить сенсорные воздействия в целостной форме, представлять информацию в «синхронном» виде (различные части объекта доступны одновременно). Этим обеспечивается переработка перцептивной пространственной информации — ее преобразование по таким пространственным параметрам, как размер, форма или ориентация. *Вербальная* система репрезентирует информацию в виде абстрактных единиц, соответствующих элементам языка, и обеспечивает более эффективную переработку последовательно предъявляемой информации, организацию информации, свойственную лингвистическим выражениям. В зависимости от особенностей психологической задачи обработка информации может опираться либо на образную систему, либо на вербальную, либо на обе системы. Образы помогают вербализации, и, наоборот, вербальная репрезентация несет дополнительную информацию о качествах объектов, которые не даны чувственно. Кликс и Метцлер, например, показали, что семантические отношения легче устанавливаются в случае образного кодирования [53].

Выделение вербальной и образной систем может быть сопоставлено с формулировкой двух значимых вопросов: *что* представляется (вербальная репрезентация) и *как* вещи выглядят при представлении (субъективная форма образа) [407, ch. 2]? Интересной является идея различения правополушарных так называемых «сырых» образов (малая представленность лексических структур) и «приготовленных» образов (продукт межполушарного взаимодействия) (Васап [408]).

⁸ Дискуссии вокруг концепции двойного кодирования привели к постановке вопроса: двойное кодирование или двойная обработка? Из концепции следует, что образы не должны играть особой роли при выполнении заданий на воспроизведение знакомых вербальных объектов, например, в заданиях на непосредственное запоминание (выполнение этих заданий должно зависеть только от вербальной системы). Имеющее место влияние «образо-творности» стимульного материала на воспроизведение подтверждает выделение образной и вербальной обработки. Отсутствие подобного влияния при определенных условиях свидетельствует против разделения образного и вербального хранения информации. Иными словами, влияние «образо-творности» стимулов первоначально использовалось в подтверждение теории двоичного кодирования. Однако впоследствии исследователи предположили, что «высокообразные» и «низкообразные» стимулы связаны с различными видами обработки информации об объектах [433, с. 81–100].

В 70-е и 80-е годы XX в. для понимания механизмов вторичных образов широко применялась компьютерная парадигма, на сегодня показавшая себя малоэффективной для изучения образной сферы человека⁹.

Важнейшей особенностью вторичных образов является их *поли-модальность*. Она хорошо иллюстрируется, например, представлениями о движениях в спортивной деятельности (исследования А.Ц. Пуни, Е.Н. Суркова [199]). На фоне полимодальности в конкретном вторичном образе можно, однако, выделить ведущую модальность, относительно любых сенсорных составляющих (например, даже обонятельную). Слуховые представления у музыканта хорошо иллюстрируют «сплав» музыкальных образов со зрительными образами нотного текста («слышание» нот, трансформация музыки в ноты) [315], другие ассоциации. Ярким примером полимодальности является *синестезия*, «первоописателем» которой считают Ф. Гальтона (хотя он ссылается на Блеулера и Леммана): ассоциативная связь в сознании переживания образа одной сенсорной модальности с ощущением от другой, вызванным внешними стимулами и/или образами памяти.

Наиболее часто встречается зрительно-слуховая синестезия, когда зрительный образ сопровождается слуховыми ощущениями. Более

⁹ Пропозициональная модель, например, подчеркивающая формально-логические описания когнитивных структур [53], описывает генерирование вторичных образов и перцептов. Образы являются аналогами катодного луча на экране дисплея, генерируемого компьютерной программой [412]. Сторонники пропозициональной теории (Kosslyn, Pylyshin) и ряд других исследователей (Shwartz, Pinker, Trehub [407, ch. 2]) полагали, что за образами и за словами лежит некая гомогенная «логическая» форма репрезентации. Р. Шепард [440; 441] подчеркивал то, что воображаемая форма репрезентирована, как набор точек в многомерном пространстве с неевклидовой геометрией. Подобные пространства организованы в иерархию в соответствии с их ролью и значимостью в переработке зрительной информации и не имеют жесткой привязки к мозговым структурам. Активация точек в пространстве, репрезентирующем форму и ориентацию, распространяется, как волна с уменьшающейся амплитудой, пропорционально их дистанции и в соответствии с имплицитной метрикой данного пространства. Близость двух точек в пространстве определяет перцептивное сходство. Долговременная память хранит символические и «пропозициональные» программирующие паттерны, позволяющие человеку создавать образы. Иными словами, образные репрезентации в принципе не отличаются от абстрактно-понятийных, ибо основа *всех* репрезентаций — логико-символические переменные и константы; «картинка» является производной, несущественной [412], специальные образные операции отсутствуют [407, ch. 2].

редкая цвето-музыкальная синестезия, т.е. появление цветовых образов на звуковой стимул, прекрасно иллюстрируется восприятием музыки, особенно художественными натурами, когда цвето-музыкальные переживания в пределе могут проецироваться вовне и представлять собой целые картины, в которых каждый звук имеет свою окраску, оттенок, пространственную форму. Так, Гейне имел способность при каждом звуке видеть соответствующий зрительный предметный образ. Наиболее редкая форма синестезии — боль, отличающаяся по цвету. Описаны цветные образы для различных вкусовых ощущений. Обонятельные образы в определенных ситуациях значимы для конкретных мелодий. Существование вкусо-визуальной и вкусо-слуховой синестезии [201] учитывает психология рекламы. Спонтанные синестетические переживания, однако, редко возникает вне рамок зрительно-слуховой синестезии. Многие редкие виды синестезии получены посредством употребления галлюциногенов, расширяющих ассоциативность переживаний. Не были найдены температурно-тактильные, температурно-кинестетические, обонятельно-болевые, кинестетически-болевые, температурно-болевые ассоциации [395, ch. 2]. Зрительная модальность является единственной «синестетически взаимодействующей» с другими. Помимо ассоциативной синестезии, предполагается существование синестезии филогенетически-регрессивной: на ранних филогенетических стадиях синестезия играла важную роль при ориентации в среде. От истинной синестезии следует отличать некоторые языковые средства: сравнения, метафоры и аналогии, в которых слова, соответствующие одной сенсорной модальности, употребляются по отношению к другой.

Введение понятия о *совокупности* вторичных образов различных классов — **образной сфере** человека, — помогает осмысливать многообразие образного опыта человека, углубляет научные знания об иерархии и взаимосвязанности уровней существования вторичных образов, ориентирует сбор данных о них под единым углом зрения. Представления об *уровне целостности* классов вторичных образов позволяют рассматривать их *во взаимосвязи* как имеющие общие параметры в структуре и функционировании. Раскрытие понятия «образная сфера человека» предполагает: **1) классификацию** образных феноменов, в которой вторичные образы различных классов и уровней представляют собой элементы некой системы, имеющие структуру, систему функций, особенности развития; **2) учет** многообразия вторичных образов, которые могут быть переживаемы *конкретным* человеком; **3) анализ** множества *потенциальных* вторичных образов, кото-

рые могут быть представлены в индивидуальном сознании людей при определенных условиях.

Целостное психическое отражение и регулирование предполагают функционирование всех классов вторичных образов с различной ролью в зависимости от ситуации жизнедеятельности. Образная сфера человека понимается, как *многомерная, многоуровневая динамическая подсистема психики*, «элементы-образы» которой, в комбинации друг с другом, выполняют специфические функции в психическом отражении-регулировании внешней реальности и внутреннего мира личности в соответствии с актуальной жизненной ситуацией. Образная сфера непрерывно участвует в идеальном взаимодействии субъекта с объектом, отражая содержание этого взаимодействия.

Образная сфера в качестве подсистемы входит в сенсорно-перцептивную организацию человека [6; 7]. Последняя является частью психологической макроструктуры человека — «индивид, субъект, личность, индивидуальность» [8; 65]. Поэтому образная сфера человека может быть рассмотрена как многомерная, многоуровневая динамическая саморегулирующаяся подсистема психики, которая расширяет возможности психического отражения-регулирования. Важно подчеркнуть, что: а) в работе любого элемента образной сферы принимает участие вся психика, б) в отличие от перцепции, содержание вторичных образов не ограничено (пример тому — образы измененных состояний сознания), в) в качестве алфавита используются образы, в большей мере определяемые характеристиками самого субъекта, причем алфавит может в пределе перестать быть понятным (сновидения, образы измененных сознаний сознания).

Коснемся ряда вопросов об отношениях между образной сферой человека и другими психическими процессами.

Образная сфера и восприятие. Несмотря на введенное условное разграничение образной сферы и перцепции, вторичные образы, несомненно, тесно связаны с текущей стимуляцией. Восприятие же невозможно без воображения (апперцепция). Достройка перцептивного образа элементами воображения связана с механизмом поиска соответствия формируемых человеком гипотез о реальности. Соотнесение же перцепта с эталонами памяти облегчает категоризацию и обобщение воспринятого. Образы-представления участвуют, в частности, в сличении результата восприятия с «акцептором действия» при антиципации. Также известны искажения восприятия при творческом озарении, вторжении в перцепцию сновидных и галлюцинаторно-подобных эпизодов.

Кюльпе и Перки продемонстрировали интерференцию вторичных образов и перцепции. Кюльпе просил испытуемых сообщать о любых объективных или субъективных событиях, которые они переживали во время релаксации в темной комнате. Время от времени на стены проецировался квадрат, варьируемый по размеру, яркости и локализации. Наблюдалось смещение восприятия стимула с образом. Перки показала, что в зависимости от когнитивного стиля испытуемых, их установок, характера стимуляции, внутреннего опыта, детерминированный преимущественно входной информацией, может переживаться и как *вторичный образ*, и как *перцепт*. Считалось, что исследование феномена Перки позволяет объективно изучать вторичный образ: стимул известен, а образ описан. Однако в последующие годы не было получено четких ассимиляционных эффектов. Можно, однако, указать на исследование Сегал [395, ch. 9]¹⁰.

В связи с введением условного абстрагирования от перцептивных образов и образов, категоризируемых явным взаимодействием с перцепцией, необходимо указать на позицию Холта [148; 395, ch. 1]. Согласно ей, материалом для любых образов является нейрофизиологически закодированная информация. Под «образом» он понимает субъективный феномен, возникающий при различных сочетаниях внешней и внутренней стимуляции: при доминировании первой употребляется термин «перцепт», при доминировании второй — «образ». Из данной стимуляции непрерывно формируются

¹⁰ Испытуемые в исследовании Сегала, глядя на экран, должны были представлять определенные предметы. На экран проецировались подпороговые стимулы: изображения, которые различались по яркости и степени аналогичности представляемому образу. Был получен достоверный эффект. Например, образ коричневого воробья при проецировании голубого полукруга превращался в голубого попугая; представление линии горизонта и проецирование красного помидора давало образ захода солнца; велосипед на фоне красных точек выглядел старым, а на фоне двух больших синих кругов представлялся велосипедом синего цвета; образ вулкана в сопровождении красного телефона извергался, в сопровождении же синего полукруга виделся спокойным, на фоне синего неба. По сравнению с Перки, Сегал уловил более тонкие аспекты ассимиляции стимулов (усиление детальности описания образов по мере увеличения яркости стимула, роль ожиданий испытуемых и др.). Показано, что если стимул по форме и цвету согласуется с образом, последний формируется относительно в неизменном, конвенциональном виде. Если нет, то образ в значительной степени трансформируется. Наблюдались эффекты отсроченного влияния стимулов: ассимилировались характеристики ранее проецируемого стимула.

образы с различным вкладом внешнего и внутреннего информационного источника.

Известная трудность разграничения образных явлений связана с возрастанием влияния *внутренних* факторов в случае сенсорной депривации, усиливающей самостимуляцию организма. К таковым относится влияние мотивации и защитных механизмов, являющихся регуляторами взаимодействия *перекрывающих* друг друга каналов переработки внешней и внутренней информации. Сильно желаемое или, наоборот, тревожные ожидания могут породить иллюзорный образ. Влияние желаний, страхов, пропущенных через фильтр защитных механизмов, на формирование вторичного образа может быть выборочным в связи с конкретной личностной проблемой. Особое значение в различении образных явлений имеют состояния сознания. Дремотные и сновидные состояния знакомят исследователя с ситуациями ослабления контроля над влиянием мотивации и защитных механизмов на порождение вторичных образов, а психопатология — с нарушениями механизма различения.

Представление о том, что информация от внешнего и внутреннего источника репрезентирована в неких взаимосвязанных *матрицах*, достаточно распространено. Об этом писал, например, Хэбб. Перцепты и вторичные образы активируются подобными «клеточными ансамблями». При определенных условиях информация с «перцептивного источника» может быть представлена в матрице, обычно кодирующей информацию из «внутреннего источника», и наоборот. Важна роль контролирующих систем обратных связей, которые могут работать как согласованно, так и конфликтно. Отметим, что при параллельной переработке информации из внешнего и внутреннего источников содержание сознания определяется неким общим лимитированным «когнитивным фактором» (в связи с активацией одних и тех же нейронных структур) [407]. Это предполагает конкуренцию информационных каналов за представленность *своей* информации в сознании, что объясняет факты смещения в сознании (в определенных его состояниях) галлюцинаций, сновидений, гипнагогических и других образов с актуальным восприятием.

В связи с темой «образ и восприятие» следует отметить идеи об аналогиях вторичных образов и перцептов. 1) аналогичность механизмов антиципации: образ — это то, что ожидается увидеть (Найсер); 2) участие в формировании и образов и перцептов определенной сенсорной модальности; распознавание зрительных стимулов значительно ухудшается, например, при одновременной активации слуховых

представлений; 3) аналогичность сканирования и оперирования образами и перцептами; 4) перцептивные аномалии (дальтонизм, близорукость, выпадение отдельных участков перцептивного поля, затруднения с выделением фигуры из фона) также могут по аналогии быть сопоставлены, соответственно, со сдвигами в воспроизведении цвета, бледностью, фрагментарностью, плохой контролируемостью образов; 5) общность мотивационно-оценочного компонента.

Для психологии образной сферы человека могут быть полезны идеи и о том, что форма перцептивного образа проявляется себя тремя: а) как способ функциональной организации информационного содержания (здесь подчеркнем аспект отношения к воспринимаемому, в нашем случае к представляемому, к образу); б) как способ предметной организации информационного содержания (здесь подчеркнем важный для наших целей аспект смысловой основы образа); в) способ развития информационного содержания — перцептивный план, задающий ориентиры и контролирующий движения чувственного содержания, объединяя разномоментные впечатления (различные элементы образного опыта) в организованное целое [30, с. 188].

Остановимся на позиции (3). Вторичные образы — это не только внутренний субъективный опыт, открытый для самонаблюдения, но и внутренний посредник — форма репрезентации, позволяющая отображать информацию о физических объектах и событиях, а также манипулировать ею. Когнитивная психология показала следующее. Представляемые (воображаемые) объекты структурно-функционально эквивалентны своим физическим аналогам. Репрезентации объектов в форме образов во внутреннем мире личности обеспечивается когнитивными механизмами, которые участвуют в восприятии этих объектов. Так, согласно «принципу перцептивной эквивалентности» (Финк), образы функционально эквивалентны перцепции в том смысле, что при переживании образов объектов и при их восприятии активируются сходные механизмы¹¹. Использование образов как внутренней репрезентации связано с работой зрительно-пространственной памяти, содержащей некое «пассивное хранилище», в котором образы конструируются на основе информации о реальном внешнем виде объектов или эпизодов из долговременной памяти.

¹¹ Противоположное значение данного принципа состоит в том, что некоторые виды перцептивных заданий могут избирательно интерферировать с созданием и использованием образов, так как они претендуют на одни когнитивные ресурсы [433].

Эмпирическое подтверждение сказанного можно найти в исследованиях манипулирования образами (см. обзор в [433, с. 41–45]), в частности, мысленного вращения и сравнения (например, школа Шепарда). Было продемонстрировано, что характер осуществляемых во внутреннем плане операций аналогичен операциям во внешнем пространстве¹². Обнаружены изоморфные отношения между

¹² Рассмотрение мысленных действий основано на закономерности, согласно которой представляемые и воображаемые пространственные отношения соответствуют отношениям в физическом пространстве. Манипулирование же образами объектов соответствует способам манипуляции физическими. Финк, как известно, говорил о «принципе трансформационной эквивалентности»: представляемые и реальные трансформации имеют сходные динамические характеристики и подчиняются общим законам.

Одна группа экспериментов в контексте манипулирования образами связана с изучением «*ментального вращения*». Обнаружено (например, в экспериментах Шепарда и Метцлера [440]), что время, необходимое для сопоставления различных видов одного объекта прямо пропорционально углу между ними (от 0 до 180 градусов). Испытуемые в уме поворачивали трехмерные репрезентации одного или обоих объектов с постоянной скоростью до одинаковой ориентации, после чего выносили суждение о том, один это объект или разные. В другом эксперименте (Купер и Шепард [440]) испытуемым предъявляли буквенные или цифровые символы или их зеркальное изображение. Испытуемые должны были определить, в каком виде предъявлен символ. Образ определенного символа создавался и предъявлялся в одном из шести положений. Показано, что время выполнения задания увеличивалось с увеличением разницы в ориентации символа. Был сделан вывод (подтвержденный самоотчетами испытуемых) о том, что люди поворачивали свои зрительные образы с постоянной скоростью до совпадения положений символов. Мысленное вращение глубоко изучалось и в исследованиях Пэйвио.

Другая группа исследований посвящена «*ментальным сравнениям*» [433, с. 45–49]. Относительно этой области мысленного манипулирования также справедлив вывод, согласно которому когнитивная репрезентация, обеспечивающая «ментальные сравнения», структурно эквивалентна перцептивному опыту. Показано, что время реакции человека, сравнивающего два объекта по какому-либо физическому признаку, например, размеру или площади, подчиняется закономерности: чем больше абсолютная разница между объектами по соответствующему признаку, тем быстрее решение задачи. Воображаемые объекты можно сравнивать как по физическому, так и по абстрактным признакам, ими можно манипулировать подобно манипуляции и сравнению реальных объектов. Сравнение названий животных основано на переводе названий в репрезентации, содержащие информацию о реальном физическом размере.

Закономерность изменения времени ответа в зависимости от величины различия между двумя объектами была названа *эффектом символической*

воспринимаемым и представляемым. Мысленное сканирование карты аналогично перцептивному сканированию реальных карт (время визуализации объемных сцен определяется, например, близостью объектов в трехмерном пространстве). В целом обнаружено, что время сканирования образов изменяется прямо пропорционально представляемому расстоянию¹³. Это означает, что образы подчиняются метрике Евклидова пространства (Пинкер и Косслин [433])¹⁴.

Следует также отметить возможность изучения образов как свойств стимулов-объектов, т.е. с точки зрения способности этих стимулов вызывать образы (будем использовать термин «образотворность» — *imageability* [433]). Пэйвио продемонстрировал [427], что результаты запоминания отдельных объектов легче предсказать по способности стимульного материала вызывать образы, чем по другим его характеристикам. Во влиянии «образотворности» усматривается свидетельство того, что образы выступают неким отдельным кодом в долговременной памяти. Стимул-материал, с которыми люди сталкиваются в психологических исследованиях, вызывают образы с разной скоростью и легкостью. «Высокообразные» объекты запоминаются лучше, чем «низкообразные». Это связано с использованием образов как «зрительно-пространственной рабочей памяти»

дистанции (Мойер). Данный эффект был подтвержден Пэйвио, который сравнивал время на часах с точки зрения угла между часовой и минутной стрелками (Например, в каком случае часовая и минутная стрелка образуют меньший угол: 3:55 или 10:40?). Большинство испытуемых использовали образы и сравнивали углы между стрелками на неких визуализированных циферблатах. Время реакции было большим при малых угловых различиях.

¹³ Чтобы посчитать количество окон в своем доме, надо представить дом с разных сторон или изнутри разных комнат (Шепард). Показана связь между временем решения данной задачи и количеством окон. Аналогичные закономерности наблюдаются и относительно представлений о последовательности географических объектов (например, пересекаемых в полете стран), когда люди как бы считывают объекты с представляемой карты [433]. Также показано, что время, необходимое для мысленного сканирования некой местности от одного объекта до другого, линейно увеличивается с увеличением реального расстояния между объектами.

¹⁴ В когнитивной психологии ставится вопрос а) о “принципе имплицитного кодирования”: образы воспроизводят информацию о физических свойствах объектов или отношениях между ними, и б) о “принципе пространственного равенства”: пространственная организация элементов ментального образа соответствует расположению объектов и их фрагментов в реальном физическом пространстве [433].

(и не объясняется чисто лингвистическими свойствами объектов) [433]. Значимой выступила идея о *конкретности-абстрактности* стимулов-объектов. Хотя Пэйвио, в частности, подчеркивал, что конкретность и «образо-творность», по сути, являются оценками одной переменной, лежащей в их основе, другие исследователи подчеркивают, что не следует рассматривать конкретность как еще один способ измерить «образо-творность». Показано, что именно «образо-творность» материала, а не его конкретность, определяет легкость запоминания [433].

В изучении взаимоотношений **образной сферы** и **памяти** главным является вопрос о форме хранения в памяти сенсорного опыта. Мы уже касались этого вопроса, вспоминая теорию двоичного кодирования. Продолжим обсуждение проблемы.

Виды памяти имеют различные механизмы в плане соотнесения с образными явлениями. Так, «сенсорная память» может быть идентифицирована с последовательными образами (различных модальностей), длительность которых зависит от интенсивности раздражителя и сохраняется на несколько секунд. Существование образов обусловлено затухающими следовыми процессами в рецепторно-нейрональных структурах анализатора. Если информация не переходит в кратковременную или долговременную память, то считается, что образы безвозвратно исчезают. Основой долговременной памяти является формирование так называемых *энграмм* — структурно-функциональных комплексов запечатления информации. Условием образования энграмм выступает длительная реверберация информации, находящейся в регистре кратковременной памяти. Этому способствует: 1) повторение информации, 2) ее осмысливание, установление ее логической структуры или связи с уже хранящейся в долговременной памяти информацией, 3) установка на длительное запоминание, 4) высокий интерес к запоминаемому материалу [264]. Элементом памяти становится все, что, «удаляясь» от «вещественной» определенности психики, переходит во «вторичный» продукт, т.е. становится представлением. В память превращается познавательный процесс, когда он становится условием существования другого процесса или себя самого [299, с. 285].

Традиционно зрительные вторичные образы понимались как «ментальные картинки», сохраняющие в той или иной степени конкретные перцептивные характеристики объектов. Но образы не сводятся к наглядным картинкам, хранящимся «в уме» в неизменном виде и выступающим объектом внутреннего созерцания. Об этом

свидетельствуют данные об амодальности «ядерной структуры» образа, в частности, амодальных пространственных его компонентах (А.Н. Леонтьев). Ментальные операции в случае тактильного узнавания сходны и для слепых, и для зрячих. Это подтверждает трактовка вторичных образов как интериоризированных действий, имеющих сложную микроструктуру, и включенность в долговременную память зрительных автоматизмов [53]. Понимание вторичных образов как «картинок» не учитывает информационные, нейрофизиологические механизмы порождения и переработки образной информации. В то же время высказанные замечания в адрес традиционного понимания образов с позиций исследований их когнитивных механизмов не означают игнорирования субъективной формы вторичного образа — его «сенсорной полимодальности».

В связи с вопросом о хранении в памяти «признаков картинки» можно обратиться к терминологии И. Хофмана [345], который также говорит о двух взаимосвязанных формах репрезентации: а) содержащей наглядно-образные характеристики объектов; б) отражающей характеристики, абстрагированные от физических свойств стимулов — семантическая репрезентация (человек, например, помнит информацию, но не помнит форму, в которой она была получена). При достижении цели, ради которой образная репрезентация создавалась, она может заменяться на семантическую. Посредством комбинации и интеграции семантических репрезентаций могут создаваться яркие образы воображения. Степень фрагментарности образов зависит от того, в какой мере семантическая репрезентация сохранила свойства стимульного объекта. Способность перехода от одной формы репрезентации к другой считается важным источником творческих возможностей человека.

Значительный вклад в понимание формы хранения образной информации в памяти внес Косслин. В частности, было введено представление о некоем «зрительном буфере», где в результате сложных процессов обработки информации из долговременной памяти конструируются и преобразуются «пространственные последовательности», представленные точками в некоей матрице в контексте уже упомянутой компьютерной парадигмы¹⁵.

¹⁵ Существует два типа «глубинных репрезентаций», которые могут быть уподоблены компьютерным файлам: 1) репрезентации, содержащие закодированную информацию о перцептивном внешнем виде объектов. Эта информация представлена некими «списками», определяющими заполнение ячеек «зрительного буфера»; 2) репрезентации, содержащие информа-

Другой ракурс анализа проблемы взаимоотношений образной сферы и памяти связан с *изучением образов как мнемонической стратегии*. Формирование образов повышает результативность запоминания. Мнемонические приемы лучше структурируют запоминаемый материал. Например, метод локусов предполагает заучивание последовательности объектов с помощью образа, в котором каждый объект расположен на участке хорошо известного пути (например, «по дороге куда-то», «вокруг дома»). Совершая «мысленную прогулку», можно просто «обнаружить объекты на своем месте». Память улучшается и путем формирования необычных образов.

Бартлетт, как известно, был одним из первых, кто сопоставил результаты запоминания со стратегиями заучивания. По способу запоминания он делил своих испытуемых на «визуализаторов», которые говорили, что при запоминании используют зрительные образы, и «вербализаторов», утверждавших, что полагаются на лингвистические средства. Это деление стало характеристикой когнитивного стиля. Хотя «вербализаторы» воспроизводили материал с меньшей уверенностью, обе группы были сопоставимы по результатам запоминания [433, с. 110–113].

Использованием образов в качестве эффективной мнемонической стратегией можно управлять с помощью инструкций, тренировки, требований задания, особенностей запоминаемого материала. Инструкции по использованию образов в целом улучшают результаты воспроизведения и узнавания материала [433, с. 117–124]. Исследования эффективности инструкций, в частности, при заучивании вербального материала выявили улучшение результатов, особенно «высокообразного» материала¹⁶.

Эффективность инструкций по использованию образов объясняется теорией двойного кодирования и гипотезой «избыточного кодирования». Преимущество, наблюдаемое в условиях образной мнемоники,

цию о внешнем виде объектов, выраженную в дискурсивной форме. Эти файлы состоят из списков утверждений, описывающих части объекта, его расположение и примерный размер, существенные внешние признаки объекта, категорию, к которой он принадлежит. Важным моментом в теории Кослина является то, что информация о физических объектах доступна не только в виде образа, но и в иной форме. При ответе на вопрос о внешнем виде физических объектов образные и пропозициональные процессы вступают в борьбу за правильное решение [433, с. 59].

¹⁶ Эти эффекты были обнаружены при воспроизведении слов (объектов) в любом порядке из ассоциативных пар и при узнавании [433].

подчеркивает Дж. Ричардсон, может быть следствием дополнения образного опыта к вербальной основе, закладываемой во время исходных реакций испытуемого на объекты, подлежащие заучиванию [433, ch. 4]. В исследовании роли инструкций показаны интересные закономерности. Так, особенно эффективны инструкции по использованию «интерактивных образов». Инструкции по использованию единичных изолированных образов могут либо не иметь эффекта, либо приводить к ухудшению воспроизведения, нарушая влияние «образо-творности» стимульного материала. Инструкции по использованию образов могут не влиять на воспроизведение прозы, приводить к улучшению воспроизведения «высокообразного» материала и к ухудшению «низкообразного». Образная и вербальная стратегии также подвержены влиянию соответствующих инструкций.

Интересно явление забывания образов различных классов. В каком смысле можно говорить о реальном стирании образов? Каковы механизмы их перехода в сферы неосознаваемого психического, пребывания их там и актуализации? Обычно считается, что в варианте образов памяти процесс забывания можно интерпретировать как: 1) «стирание» следов ранее хранимой информации (энграмм) в результате интерференции с новой; 2) затруднения в воспроизведении информации при сохранении (в чем можно убедиться, например, при гипнозе) [264, с. 60]. Но относительно других классов вторичных образов возникают вопросы. Почему, например, сновидения забываются так легко (хотя опять же — забываются ли они вообще), а образы измененных состояний сознания нет? Главный же вопрос в том, насколько действительно исчезает образ, или он уходит в такие хранилища памяти, механизм которых наукой пока не схватывается, например, в связи с гипотетическим для академической психологии «энерго-информационным полевым» аспектом психики. Ведь известно, что под влиянием неких условий — психофармакология, специальные психотехники, в частности, гипноз, — воспроизводятся такие «давние воспоминания» (и в таких деталях), о которых человек и не догадывался. Например, научному осмыслению подлежит интригующий феномен прокручивания в сознании человека «ленты его жизни» в экстремальных ситуациях (а также в околосмертных состояниях), часто с нравственной оценкой жизненных событий¹⁷. Интересно в этой

¹⁷ Следует подчеркнуть важность изучения влияния на процессы сохранения и актуализации образного опыта стрессогенной информации как включенной в воссоздание образов, так и выступающей фактором их актуализации.

связи открытие нейрохирурга Пенфилда. Электростимуляция участков коры головного мозга приводила к появлению образов-воспоминаний, сохраняющих *последовательность реальных событий* в различные периоды жизни. Образы в этом «фильме» содержали и события», не зафиксированные памятью на уровне осознания. Уместно добавить и то, что в той или иной форме в религиозных традициях существуют представления (и соответствующая феноменология) о том, что в жизни человека происходит непрерывная фиксация всего текущего опыта — не только каждого действия, но и каждого слова, каждой мысли. Например, в православной традиции есть представление об ангеле-хранителе и демоне, которые осуществляют фиксацию опыта человека (доброе и злое). И поэтому за каждое слово, за каждую мысль, за каждое действие человеку предстоит дать ответ после смерти.

Исходя из сказанного понятно, что современного понимания процессов сохранения и забывания человеком собственного опыта недостаточно. В целом когнитивная психология не создала единой модели памяти, с которой могла бы быть соотнесена феноменология образной сферы личности, не решены, в частности, вопросы долговременного и кратковременного сохранения образной информации, механизмов актуализации образного опыта. Необходим дальнейший поиск механизмов соотношения образного опыта и памяти, в том числе при допущении взаимодействия индивидуальной психики с внешними информационно-экологическими факторами.

Образная сфера и мышление. На уровне вторичных образов формируются различные виды мысленных (ментальных) гностических действий — масштабное преобразование, мысленное расчленение объекта и объединение объектов в целое, агглютинация, комбинация и рекомбинация, мысленное вращение и мысленное сравнение. Ментальные действия связаны с потребностями в новой информации в связи с реализацией потребностей, антиципацией результатов, планированием. К внутренним средствам решения образной задачи, трансформирующим конкретный вторичный образ, традиционно относятся анализ-синтез сенсорного уровня, элементы абстрагирования, обобщения, сравнения, оценки, измерения. Все подобные действия выступают основой *образного мышления*, наиболее изученной разновидностью которого является *визуальное мышление*. Мышление — это по большей части визуальное мышление [12]. Арнхейм подчеркивает, что главным инструментом познания мира является восприятие, прежде всего визуальное восприятие. Зрительные представления рассматриваются им как психические эквиваленты предметов и явлений действительности,

снабженные отпечатками условий их существования в среде. Визуальное мышление переструктурирует проблемную ситуацию, воспроизводит многообразные связи в объектах, отображает их взаимодействие, оперирует менее определенным содержанием (по сравнению с понятийным). Все это «делает значение видимым» (В.П. Зинченко), порождает новые формы, позволяет находить нетривиальные решения [148].

Психология выделяет, как известно, три вида мышления (они же уровни, этапы его развития в онтогенезе): *наглядно-действенное, наглядно-образное, словесно-логическое*. Дж. Брунер утверждал, что ребенок проходит три стадии развития: познание мира через действие, через воображение и далее через язык. Каждая из познавательных стадий использует свой набор операций и влияет друг на друга. Например, когда «перцептуально-иконическое представление» становится доминирующим, оно подавляет символические процессы. Брунер и Арнхейм видели источник совершенствования познания во взаимодействии всех трех способов познавательной деятельности [12, с. 154]. *Наглядно-действенное мышление* дает возможность наблюдать объекты и познавать отношения между ними в процессе преобразования ситуации. При *наглядно-образном мышлении* человек получает возможность оперировать наглядными изображениями объектов. В этой связи следует отметить существование традиционной типологии мышления, основанной на характере используемых средств — наглядных или вербальных. Для полноценной мыслительной работы одним людям необходимо видеть или наглядно представлять предметы; другие предпочитают оперировать отвлеченными знаковыми структурами [299, с. 296]. Актуальной в рассматриваемой связи проблемой является роль знаковых моделей в формировании умственных действий [62; 278].

Образное визуальное мышление может быть конкретизировано понятием «*пространственного мышления*» [369]. Б.Г. Ананьев относил пространственный анализ-синтез к важнейшим проявлениям общего интеллектуального развития [6]. Пространственное мышление является специфическим видом мыслительной деятельности, связанным с обеспечением ориентации в воображаемом и реальном пространствах на основе вычленения требуемых пространственных характеристик ситуации и оперирования пространственными образами.

Для изучения образной сферы человека чрезвычайно актуальным является вопрос об **интуиции**. Интуиция — это «знание-доверие», не вызывающее никакого сомнения. Напомним, что для Пла-

тона интуиция была наивысшим уровнем мудрости — постижением «трансцендентных сущностей». Декарт же считал, что нет иных путей к знанию, кроме интуиции и дедукции, он понимал под интуицией «не веру в шаткое свидетельство органов чувств и не обманчивое суждение неупорядоченного воображения, а понятие, данное нам ясным и внимательным умом с такой готовностью и отчетливостью, что не остается никаких сомнений в том, что мы мыслим» [12, с. 24]. Непосредственное обращение к «чистым сущностям» как к наиболее легкому пути постижения истины было характерно, например, для школы Гуссерля.

В психологии различают мышление *аналитическое* (имеющее осознаваемые этапы) и *интуитивное* (минимально осознанное, характеризующееся быстротой и отсутствием этапов). При этом интуиция и интеллект действуют не порознь, а почти всегда кооперативно [12, с. 41]. Интуитивный инсайт может быть рассмотрен как специфический путь решения задачи [428]. Интуиция — это знание, возникающее без осознания путей и условий его получения. В силу этого человек получает знания как результат «непосредственного усмотрения». Интеллектуальная интуиция — вид интуиции, для которой характерно внезапное, недискурсивное усмотрение истины, т.е. «такое целостное восприятие предмета, в котором происходит внезапное погружение предмета в сознание вплоть до неслиянного единения с ним» [310а, с. 50].

Арнхейм подчеркивает, что механизм интуиции недостаточно понятен, поскольку о ней судят в основном по ее достижениям, во время как актуальный режим работы интуиции по непосредственному постижению вещи отграничен от рассудочной деятельности сознания. Поэтому интуиция сравнивается с «даром из ниоткуда», рассматривается как сверхъестественная способность, «наитие свыше» [12, с. 25]. Описать способы подобного «внутреннего постижения», «целостного схватывания» невозможно, по крайней мере, без наличия большого опыта практической деятельности в соответствующей области [299, с. 112]. Роль интуитивного мышления для профессиональных достижений подтверждена экспертными оценками. Так, юристы считают, что интуиции принадлежит 41% достижений в их области, геологи — 38%, филологи — 31%, математики — 27% [264, с.161]. Интуиция принимает участие в каждом акте познания. Ее можно определить, например, как особое свойство восприятия, заключающееся в способности непосредственно ощутить эффект взаимодействия в «гештальт-ситуации» [12]. В плане сквозного характера образной проблематики в описании

психического связь интуиции с целостностью психического отражения чрезвычайно показательна и важна¹⁸.

Обобщая различные определения интуиции (Платон, Декарт, Кант, Гегель, Бергсон, словарные дефиниции), Р.М. Грановская подчеркивает в них нечто общее: 1) момент непосредственности интуитивного познания, достигаемого без предшествующего рассуждения; 2) уверенность в правильности результата («безоговорная очевидность»), как бы никакими умозаключениями не оправданная; 3) роль предварительного накопления знаний (длительная подготовка ума, предшествующие знания и опыт) [105, с. 60]. Понятие интуиции соотносится ею также с отсутствием причин, приводящих к результату, и посредствующих понятий (интроспекция не обнаруживает таковых).

В последующих главах мы будем возвращаться к отдельным граням проблемы взаимоотношения образной сферы личности и интуитивного постижения мира.

Наконец, еще одна важная грань взаимосвязи образной сферы и мышления — особенности *«первобытного» мышления*. Эта грань важна для нас тем, что архаические пласты психики выступают одним из главных информационных источников образной сферы (что важно для анализа трансляционной функции образов). Суть же «первобытного» мышления, как известно, заключается в том, что оно не выстраивает причинно-следственные связи. Леви-Брюль говорил о пралогическом мышлении, которое не является ни антилогичным, ни алогичным, в котором причины явлений носят мистический характер (современному человеку поэтому так трудно понять подобный тип мышления). Образная сфера человека представляет для этого богатый материал: различные видения, образы мифологического и архетипического содержания. Об этом речь пойдет ниже.

Образная сфера и воля. Значение представлений о цели в понимании волевых процессов в общей психологии хорошо известно. Известно и то, что при использовании человеком образов для преднастройке к предстоящей деятельности происходит его мобилизация, формируется готовность к нужным действиям и поведению. В этом процессе тесно переплетены произвольные и непроизвольные механизмы [161]. На использовании образов основан известный феномен «ментальной тренировки», например, в спорте. Подчеркивается,

¹⁸ Интегрирование в образе рационального и эмоционально-интуитивного в какой-то мере может помочь людям противостоять накатывающимся проблемам хаотичной сложной и противоречивой жизни.

что произвольные движения предваряются их образами. О роли представлений в управлении действиями говорили Т. Гоббс, Г. Спенсер, У. Джемс, Н. Ланге, И. Сеченов, С. Беритов, Н. Бернштейн и др.

Е.П. Ильин напоминает, что еще Лукреций полагал, что «источниками воли являются не только желания, вытекающие из потребностей, но и удовлетворяющие их внешние объекты, представленные в душе в виде образов. В отдельных случаях образы предметов, позволяющих удовлетворить потребности, могут вызываться не прямым воздействием самого объекта, а порождаться желанием, которое было связано с этим объектом ранее. Желания и чувственные образы вещей ведут к формированию образов или «призраков движения», которые затем переходят в реальные действия. Окончательный же выбор того или другого поведенческого акта определяется разумом, основная функция которого состоит в сопоставлении и отборе представлений. По существу, Лукреций *поставил вопрос о роли представлений в мотивации*» [161, с. 62].

О роли образной сферы человека в целеполагании и мотивации мы будем подробно говорить во второй части книги. Здесь же отметим, что отношения образной сферы личности и воли раскрывается путем изучения взаимосвязи психического отражения (активного и реактивного) и психического регулирования (произвольного и непроизвольного). Этот момент описан [67; 98], раскрыт в работах В.А. Ганзена, а также иллюстрируется всей совокупностью материала, излагаемого в книге. В частности, можно обратить внимание читателя на тему «созидающей силы воображения».

Образная сфера и ее мозговой субстрат. Мы уже касались ряда аспектов физиологических механизмов образных явлений. Вернемся к некоторым аспектам данной проблемы. Один из них связан с идеей совместной работы структур и механизмов головного мозга при порождении вторичных образов [6; 7]. Это подтверждает когнитивная психология. Нет оснований сводить механизм порождения и переживания образов лишь к в правому полушарию. Идею о специализации правого полушария мозга относительно вторичных образов необходимо оценивать с точки зрения единого механизма межполушарного взаимодействия¹⁹: оба полушария мозга вносят вклад в формирование

¹⁹ Важную информацию дает обследование пациентов с разделенными полушариями («расщепленным мозгом»). Такие пациенты не только говорят о переживании образов, но и используют их при выполнении заданий на вербальное обучение.

образов, однако выполнение разных заданий обеспечивается различными структурами мозга. Особую роль в механизме формирования вторичных образов играет область задней части левого полушария мозга, теменные доли, нижневисочная или височно-теменная, а также левой нижней затылочной области. Однако первичная зрительная область коры не участвует в функционировании и переживании образов.

Дж. Ричардсон говорит о трех группах данных, помогающих объяснить мозговые механизмы образов [433].

1. Данные, полученные на здоровых людях при предъявлении стимулов в левую и правую половины зрительного поля. Так, распознавание стимула в правом «полуполе», лучше при вербальном материале, и наоборот, распознавание стимула, предъявленного в левое «полуполе» лучше на невербальном материале. Так как «полуполе» имеет преимущественный доступ к противоположному полушарию мозга, эти результаты используются как подтверждение различной роли полушарий в обработке информации.
2. Запись активности мозга во время выполнения испытуемыми специфических задач (магнитоэнцефалография, компьютерная томография, ядерно-магнитный резонанс, позитронно-эмиссионная томография). Дополнительные данные получены с помощью регистрации мозгового кровотока²⁰.
3. Исследования людей, имеющих мозговые повреждения: а) после травмы головы (открытые и «закрытые»); б) связанные с неврологическими заболеваниями, опухолями мозга, повреждениями сосудов мозга; в) как следствия хирургического вмешательства²¹.

²⁰ Измерение локального мозгового кровотока при представлении выполнения какое-либо действия помогает в объяснении эффекта «тренировка в уме» [433, с. 64].

²¹ Больные с повреждениями левого полушария, могут извлекать пользу из применения образов. Эффективность образов как мнемонической стратегии не зависит от целостности правого полушария. Образное кодирование может выполняться в рамках механизмов левого полушария структурами левой затылочно-височной области. Интересными вопросами являются: эффекты «образо-творности» и межполушарная асимметрия, а также и мозговые дисфункции. Пациенты с поражением одного полушария демонстрируют «эффект образо-творности». Пациенты с поражением мозга в целом демонстрируют лучшее воспоминание высокообразных

По ходу изложения материала мы будем возвращаться к физиологическим механизмам образных явлений. Сейчас же отметим, что данные о механизмах образной сферы человека в своей совокупности не позволяют объяснить все аспекты связи «образа-картинки» с «матрицами закодированной информации», лежащей в ее основе.

1.2. ШТРИХИ К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ОБРАЗНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА

Формирование и развитие вторичных образов представляют собой фундаментальный круг вопросов. Как и зачем возникло множество классов вторичных образов? Каковы тенденции развития образной сферы человека как динамического целого? Какова роль окружающей среды в трансляции через образ информации? Какова специфика классов вторичных образов на различных стадиях онто- и культурогенеза? Важной проблемой является воссоздание особенностей представлений о мире наших предков. Например, какие сны видели первобытные люди? Насколько справедливо, например, предположение об их «эйдетикоподобной образности»? Вопросы возникают и в связи с изучением *инволюционно-регрессивных* закономерностей в образной сфере человека.

Психическое отражение следует рассматривать не в отдельных его проявлениях и не статично, а как многомерную, многоуровневую развивающуюся систему (это убедительно показал Б.Ф. Ломов). Центральная для психологии категория психического отражения учитывает два момента. 1. Психика включена во всеобщую взаимосвязь процессов и явлений материального мира. 2. Источником психического является окружающий человека мир, обстоятельства жизнедеятельности. «Ощущения, восприятия, представления выступают как образы, в которых отражаются окружающий человека мир и он сам. Задача психологии состоит в том, чтобы раскрыть закономерности порождения, развития, функционирования и преобразования

слов, чем низкообразных. Влияние же “образо-творности” связано с билатеральной активацией мозга и проявляется у пациентов с поражениями разных полушарий [433, с. 86–94]. Особый интерес представляет изучение пациентов, перенесших хирургические операции (которые были подвергнуты полному или частичному хирургическому иссечению височной доли или у которых полушария разделены рассечением мозолистого тела).

субъективного образа действительности, включенной в круг объективных связей и отношений человека» [30, с. 46].

Появление представленческого уровня психического отражения-регулирования, как известно (например, по А.Н. Леонтьеву), связано с разрывом непосредственного чувственного контакта потребности с предметом ее удовлетворения в процессе усложнения человеческой деятельности. Это привело к появлению необходимости и, соответственно, способности воссоздания в образах предмета потребности, способа его достижения и в итоге к развитию сложных форм идеального существования предметного мира в душе человека. Иными словами, образная сфера человека развивалась в процессе общественно-исторической практики, потребовавшей отвлечения от непосредственного отражения реальности и создавшей необходимость действовать в усложняющейся предметной среде с неполной информацией. Принято считать, что воображение возникло на заре человечества и было связано с созданием орудий труда и предметов обихода, поскольку воображение разграничивает одни свойства образа от других и переносит их на другой образ [299, с. 309–310].

Поскольку ступенями в развитии психического отражения считаются *действенная, образная и символическая* репрезентации мира, различные классы вторичных образов появлялись также не одновременно²². Возникновение, например, репродуктивных и антиципирующих образов связывается, соответственно, со стадиями дооперационального мышления и конкретных операций [199]. Одна из основных вех развития образной сферы человека — возникновение образного мышления. В частности, две стадии *визуального мышления: наглядно-действенная и наглядно-образная* — соответствуют исторической преемственности становления зрительных структур (наскальные изображения, иероглифы) и имеют выраженную специфику.

Вторичные образы — естественный язык психики, связанный с допонятийным уровнем отражения; они способны проникать в те области психики, куда нет доступа рациональному познанию. Онтоге-

²² Просматривается некая последовательность в возникновении вторичных образов различных классов. Сновидения существуют и у животных. Грезоподобные образы является атрибутом архаического первобытного сознания. Развитие образов памяти (определенных классов) и воображения несомненно связано с научно-техническим прогрессом создавшим мощную имагосферу.

нез подтверждает, что высокая развитость образных форм мышления у человека имеет глубокую филогенетическую основу: аналоги воображения есть и у животных [365]. Образы являются генетически более ранней, чем вербально-понятийный уровень, формой психического отражения-регулирования. О глубокой генетической данности вторичных образов свидетельствуют также образные переживания под психофармакологическим влиянием, а также то, что «картинное мышление» связывается с принципом удовольствия, который предшествует «принципу реальности» (К. Левин). Отражение мира именно на уровне представлений поэтому появляется у детей в очень раннем возрасте [60].

Важно учитывать, что в ходе развития — от аутичного уровня в детском, а также в первобытном мышлении — отражение предмета потребности на уровне образа определяется и ограничивается социальными представлениями. Это помогает избежать замещения удовлетворения потребности грезами, а также риска реализации человеком некоторых своих фантазий. Пиаже предполагал, что в довербальный период у детей возникают образы типа псевдогаллюцинаций, которые удовлетворяют или трансформируют желания (близкие соображения высказывал и Фрейд). Исследователи отмечают такие параллели в «паттернах сознания» первобытных народов, детей и психотиков, как использование «магических конструктов»²³.

Есть основание допустить, что развитие образной сферы человека в онтогенезе идет от перцепции к послеобразам и эйдетическим образам, далее к разнообразию образов памяти и фантазии. Пиаже показал, что до одного года собственно воображение у ребенка отсутствует (в противовес мнению К. Бюллера, В. Штерна, считавших способность к воображению первичной). В конце «сенсомоторного периода» ребенок становится менее зависимым от среды, поскольку у него появляются образы, обеспечивающие различные формы «отсроченного реагирования». В 7 лет доминируют статико-репродуктивные образы (в сопоставлении с образами трансформационно-антиципаторными) (Пиаже).

Часто говорят и о более богатом, чем у взрослых, воображении детей. Согласно Выготскому, ребенок имеет меньшую развитость

²³ Отметим, что вопрос о «магических конструктах» является более сложной проблемой, чем это предполагается на уровне академической психологии. По крайней мере, к мистическому содержанию образного опыта ей не стоит подходить как к «примитивному» восприятию реальности.

воображения, но и меньше контролирует его, что и создает иллюзию большего богатства фантазии. Фантазия ребенка беднее по содержанию (образы слабо дифференцированы), по оперированию и др. Большое значение в развитии воображения имеет игра: воображение необходимо для нее; сама же игровая деятельность развивает фантазию [60].

Представляется актуальным поставить важный теоретический вопрос о механизмах совместного функционирования в психике конкретного человека вторичных образов с различной генетической предысторией. Различные их классы как продукты субъект-объектных, субъект-субъектных и аутосубъектных взаимодействий осуществляют отражение и регуляцию на различных уровнях и в различных измерениях. Эта мысль полезна для анализа трансляционной функции образной сферы личности.

Что касается формирования конкретного образа-представления, то, в соответствии с научными данными, оно осуществляется как последовательный процесс интеграции компонентов образа. Выделены фазы становления образа в зависимости от различных факторов (характера деятельности, возраста и др.). Общая закономерность в формировании вторичных образов — *движение через ряд стадий, от первичного нерасчлененного целого через детализацию к дифференцированной целостности*. С.Н. Сурков при изучении формирования представлений о движениях показал последовательную смену фаз первичного нерасчлененного, далее расчлененного, и итогового детализированного образа [199]. Закономерность движения образа от общей формы предмета через отражение контуров деталей к целостному образу-представлению. подтверждается и на примере (воссоздание образа предмета на основе знаковой о нем информации (воссоздающее воображение)). Г. Кирилова (по [365]) выделяет, например, следующие уровни его развития: а) образы смутные, неадекватные; б) образы более полные, но отсутствует их комбинация в соответствие с логикой предмета; в) образы дифференцированы и относительно содержательны; г) образы творческого воображения.

Вторичный образ на любой стадии развития является динамической подвижной структурой. «Стоит сделать попытку фиксировать какой-нибудь образ, чтобы убедиться в том, как он каждый раз на наших глазах изменяется, сдвигается, в какой-то мере трансформируется: то одни его стороны выступают на передний план, то другие; выступающие в один момент отступают, ступшевываются, сходят на нет в следующий» [280, т. 1, с. 347].

Для изучения проблемы развития образной сферы человека теоретически значимы общие закономерности психического процесса²⁴. Анализируя и обобщая их, Б.Ф. Ломов подчеркивал следующее важное для нас моменты [30, с. 48–49]: 1) прохождение ряда стадий, дающих все более адекватный образ реальности; 2) реализация как единство прошлого, настоящего и будущего; 3) обладание свойствами неадитивности, гетерогенности и недизъюнктивности (результат отражения мультипликативен); 4) детерминация психического процесса носит множественный характер и меняется в ходе отражения; 5) результат отражения становится предпосылкой его дальнейшего протекания; 6) каждый отдельно выделяемый психический процесс — момент движения психики в целом.

Закономерности создания вторичного образа, особенности его формирования и изменения соответствуют данным общим закономерностям. В частности, формирование вторичных образов определяются свойствами отображаемого объекта, условиями порождения образа, прежде всего спецификой деятельности с ее задачами и характеристиками самого человека. На разных фазах формирования образов мы имеем различное соотношение чувственного и понятийного. Так, высокая способность мысленного манипулирования во многом обязана вербальным структурам на завершающих фазах формирования образа. Е.Н. Сурков показал, что удельный вес понятийности (внешней и внутренней вербальности) увеличивается по мере развития образа-представления, программирующего и регулирующего сложнокординируемые действия [199]. Значимо влияние сложности объекта²⁵

²⁴ Важна аналогия с перцептивной системой, которая проходит четыре стадии развития (они же четыре формы существования) [30, с. 172]: а) синтез исходных предпосылок восприятия (вторичного образа. — А.Г.); система развивается внутри предшествующей; б) формирование — перцептивная система поднимается на более высокую ступень своей организации; в) функционирование — состояние системы способно обеспечить регуляцию индивида в среде; г) преобразование — система становится предпосылкой новой перцептивной системы.

²⁵ Изучение формирования образа сложного объекта дает дополнительные закономерности. Продемонстрирована [133а] гетерохронность становления образа: отставание операционального компонента от отражательного на первых двух стадиях. Наибольшей обобщенностью отличался, например, образ начальной стадии, наименьшей — образ промежуточной стадии. Сложность образа возрастала к промежуточной стадии и убывала на завершающей. Наименьшим разнообразием обладал многокомпонентный образ промежуточной стадии, наибольшим — образ итоговой стадии.

и условий манипулирования им на уровне образов, которые могут определить возврат на более низкую фазу развития представлений (см. например, исследования П.А. Сорокун [89]).

Реальность на уровне образной сферы реконструируется, системы представлений иерархичны и непрерывно перестраиваются по уровням обобщенности-целостности и конкретности-дифференцированности. В формирование вторичных образов поэтому может быть вовлечена любая информация. Это активный процесс, в котором образ конструируется из прошлого опыта субъекта при использовании текущей информации.

Развитию подлежат показатели всех классов вторичных образов. Можно развивать, например, образность сновидений и их запоминаемость, контролируемость образов измененных состояний сознания.

Развитие образной сферы человека необходимо, поскольку способность к визуализации без тренировки после 6–9 лет инволюционирует. Практическая деятельность, усиливая взаимодействия между образами, помогает синтезировать элементарные изолированные образы в адекватные задаче сложные образы [278], способствуя тем самым развитию образной сферы. Например, воображение хорошо развивается в процессе обучения, особенно при активном участии внутренней речи, совершенствуется в деятельности: у ребенка — в игровой и изобразительной, у взрослого человека — в интеллектуальной и трудовой. К развитию и изменению образной сферы личности мы будем неоднократно возвращаться в разных контекстах.

1.3. ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ВТОРИЧНОГО ОБРАЗА

Будем исходить из того, что многообразие классов вторичных образов определяется развитием полифункциональности психического образа в фило-, культуро-онтогенезе. Целостное психическое отражение-регулирование представляет собой функционирование всей образной сферы человека с различной ролью конкретных образов в зависимости от ситуаций жизнедеятельности человека. Иными словами, образная сфера в своей процессуальной развертке реализуется (по форме и содержанию) в виде конкретных вторичных образов различных классов, которые в комбинации друг с другом осуществляют систему функций в данный момент (включая пребывание образов в латентной форме). В этой связи отметим, что образная сфера чело-

века выступает в формах активности (конструирование образа) и реактивности (грезы). Введем здесь ряд уточнений.

К основным функциям психики относятся: информационная, регулятивная и коммуникативная [197]. Существуют многочисленные функции вторичных образов, соотносимые с указанными функциями. Целостное структурно-функциональное описание психики человека [65] акцентирует ее полифункциональность, в частности, выделение двух взаимосвязанных и взаимообусловленных макрофункций: психического *отражения* и *регулирования*, реализующими основную функцию — *интеграции* (дифференциации) человека с внешней и внутренней средой в режимах *активного* и *реактивного* функционирования. Активность и реактивность взаимосвязаны на всех уровнях. Так, познавательная активность реактивна в смысле того, что возникает в ответ на события, препятствующие достижению цели. Важен акцент в доминировании. Принцип *реактивности* на уровне ощущений является верховным; на более высоких уровнях он подчиняется принципу *активности* [285]. Для анализа частных функций вторичных образов можно применить так называемые функции-отношения [65]: а) целенаправленная деятельность; б) самоафферентация в) самоидентификация-самоконтроль.

Преимущественные функциональные характеристики классов вторичных образов по параметрам *отражения* (продуктивное — репродуктивное) и *регулирования* (произвольное — непроизвольное) можно выделить через функции макросостояний сознания. Основная функция «сновидного сознания» — *репродуктивное отражение*. «Сознание в состоянии бодрствования» прямо участвует в *произвольном регулировании* (поведения и деятельности). Функцию измененных состояний сознания можно характеризовать как *продуктивное отражение* (возможных, но не открытых пока наукой информационных источников, известных по культурологическим данным из истории различных духовно-религиозных, философских традиций). Сферы неосознаваемого психического участвуют в *непроизвольном регулировании*.

Суммируем данные о проявлениях полифункциональности образной сферы.

1. Вторичные образы — это ***приобретение, хранение и репродукцирование информации***. Нет необходимости комментировать очевидные вещи — значимость опоры человека на опыт, в том числе фиксируемый в образной форме. Укажем только на то, что в случае излишней конкретности образов они могут мешать обобщению информации. Роль образов в фиксации опыта зависит от личностных показателей (например,

от осознания себя творцом обстоятельств или пассивным свидетелем), от особенностей самих образов (ригидность образов, например, коррелирует с консерватизмом личности). Частными проявлениями рассматриваемой функции выступают следующие моменты.

- Вторичные образы выполняют функцию *межмодального посредника* в процессе фиксации опыта, например, переводят осязательное восприятие на визуальный язык [6; 422].
- Вторичные образы являются носителями *знаково-символической репрезентации*. Это один из основополагающих моментов для обоснования феноменологически-герменевтического подхода к внутреннему миру личности, для понимания «персонализации» образной сферы человека. В данной функции образы могут выступать также опорой для различных умственных операций, в частности, вычислений «в уме».
- *Эмоционально-экспрессивная* функция: образы на основе сохранения аффективного опыта (в том числе неосознаваемого), организуют эмоциональные реакции. Например, это относится к переживаниям снов и фантазий. Образы позволяют «реализовать» многое мысленно (при невозможности сделать это физически).

2. *Прогнозирующая (антиципирующая) функция* вторичных образов проявляется в том, что образы выступают в виде «упреждающей программы поведения», дают представление результата деятельности и поведения. Антиципация на уровне представлений включена в планирование потенциальных действий. Образы фиксируют опыт для будущего использования и обеспечивают целостную отсрочку непосредственных реакций на основе предвидения. Эта функция проявляет себя в широком диапазоне в зависимости от определяющего вектора «мотив-цель». Яркой иллюстрацией являются варианты «тренирующего эффекта» образов, хорошо известного, например, в спортивной и авиационной психологии. «Ментальная практика» (mental practice) — проигрывание «в уме» воображаемых сцен, — эффективна для подготовки, преднастройки к любой деятельности. Так, в деятельности спортсмена это «мысленная тренировка» формирует, совершенствует сенсомоторные навыки, ускоряет их восстановление и др. [199].

3. *Функционирование вторичных образов в роли эталонов* структурирует хаос стимулов и обеспечивает селекцию нужной инфор-

мации [197; 199]. Образы, функционирующие в роли «призмы» или «фильтрующего эталона», могут, однако, как помогать, так и мешать контакту с реальностью в зависимости от адекватности их *защитной* функции по структурированию и хранению опыта субъекта. Функция селекции связывает текущее восприятие с прошлым и будущим. Она имеет выраженный аспект научения и адаптации. Образы в функции эталонов работают на всех уровнях: от простых актов восприятия до социальной перцепции²⁶ и даже до отражения духовно-религиозных смыслов. Образы-эталонны характеризуются различной степенью обобщенности. При этом образы целостных признаков объектов несводимы к сумме образов частных признаков²⁷. Функция образов в роли эталонов включает *контроль* и *самоконтроль*, а также коррекцию текущих действий, процесса решения задач и поведения в целом²⁸.

Функция «образов-эталонных» тесно связана с прогнозирующей функцией образа: любая входная информация сравнивается с тем, что в психологии получило название «перцептивных гипотез», «эфферентных копий», «поисковых моделей», «перцептивных ожиданий». Перцептивные гипотезы часто существуют в виде воображаемого.

²⁶ Р. Урсано, С. Зонненберг, С. Лазар [328] отмечают организованные наборы воспоминаний — «объектные представления»: при встрече с незнакомцем и при наличии к нему интереса человека начинает формировать «новое объектное представление». Наблюдатель, пытаясь понять нового знакомого, начинает рыться в памяти в поисках стереотипов для оценки нового знакомого. Старые и новые «объектные представления» связываются. В итоге незнакомец изучается при помощи идей, мыслей и чувств, которые предназначались другому человеку.

²⁷ См. например, о «сенсорных вариантах» абстрактных геометрических фигур в работах М.С. Шехтера. В.Ф. Рубахин [278] различает первичные эталоны, обеспечивающие отражение индивидуальных черт объектов, и вторичные, различной степени обобщенности в зависимости от класса объектов.

²⁸ Образы-эталонны определяют величину и длительность движений (информация от двигательного анализатора, трансформируясь в визуализированный образ, позволяет отражать совпадение-несовпадение выполняемых движений с идеальными их образцами) и являются условиями для выработки двигательных навыков, их тренировки (см. исследования Е.Н. Суркова). Образ в функции эталона при операциях сличения участвует в самоконтроле. Мысленное обследование ситуации регулирует процесс поиска и выбора «маршрута» в решении «зрительно-лабиринтных» и зрительно-двигательных задач, участвует в мысленном моделировании пространственных параметров незнакомой местности, играет важную роль в актах обнаружения, оценки пространственных величин, при опознании сложных многомерных предметных паттернов — форма, цвет, локализация [89; 199; 264].

Ожидания, существующие в виде иерархии гипотез, помогают отбирать существенное в воспринимаемом, убыстряют процесс опознания. Допускаемое соответствие между образом-эталонном и ожидаемой перцептивной информацией воплощает «принцип когнитивного контроля». Поскольку образы-эталонны — динамические образования, в их качестве могут быть рассмотрены так называемые «оперативные образы», отражающие динамику объектов (Д.А. Ошанин). Роль образов-эталонных сказывается и в оперативном мышлении [138]. Один из важных аспектов роли образов в качестве эталона связан с преодолением стереотипности повседневного восприятия, привычных представлений, мешающих видеть реальный мир.

4. Следующая функция — *вторичные образы в роли регулятора*: а) действий, а также б) психических и психо-физиологических состояний. Позиция (а) не нуждается в специальных комментариях. Позиция же (б) менее разработана, хотя чрезвычайно важна. Так, работы над психическими состояниями требует и спортивная деятельность, ставящая перед психикой задачи, выходящие за рамки обычного «повседневного» ее функционирования, и деятельность творческая, в которой образы могут способствовать увеличению креативности, и особенно деятельность человека в экстремальных условиях.

Регулирование функциональных состояний человека раскрываются в нескольких аспектах: 1) достижение спокойного, гармоничного состояния и самочувствия; 2) достижение состояния, адекватного текущей жизненной ситуации (например, в связи с требованием мобилизации усилий); 3) поддержание/восстановление здоровья; 4) преодоление фобий; 5) устранение депрессивных переживаний; 6) изживание состояния фрустрации; 6) работа с болью; 7) изменение вредных привычек; 8) формирование оптимистичных жизненных перспектив; 9) «обслуживание» межличностных отношений.

Разнообразие функций вторичных образов обеспечивает целенаправленную деятельность человека, его спонтанное поведение, личностное и духовное развитие, — т.е. в целом регулирует многообразные формы взаимодействия человека с миром и с самим собой. Перечисление функций не исчерпывает полифункциональности образной сферы человека.

С некоторыми функциями мы познакомимся по ходу изложения материала. Свои специфические функции, в частности, имеет каждый класс вторичных образов. Многих из них известны, например, функции образов памяти и образов воображения, отчасти сновидений. Но что можно сказать о функциях образов измененных состояний

сознания? Традиционная психология не задумывается об их функциональной полезности и относит их по сути к галлюцинациям. Духовные традиции многих культур, однако, говорят о многоаспектном значении образов данного класса, причем далеко неоднозначном (как мы увидим при специальном рассмотрении вопроса в третьей части книги).

Ввиду того, что функции тесно взаимосвязаны, их вычленение довольно условно. Однако существует акцент в доминировании определенных функций в зависимости от конкретной ситуации (например, в зависимости от этапов овладения деятельностью, формами поведения). Так, на первый план может выходить и антиципирующее планирование, и формирование образов-эталонов, и контроль, и коррекция действий или психических состояний. Исследования Е.Н. Суркова демонстрируют, например, что становление образа-предствления как программы основано на формировании адекватного полимодального образа в функции различных эталонов [199].

Поскольку принадлежность компонентов к системе определяется его участием в достижении цели [352], место и роль того или иного класса вторичных образов могут быть описаны исходя из характера их функционирования. К образной сфере человека следует подходить как к системе «образов-элементов», которые с функциональной точки зрения можно рассматривать как «преобразователи информации в пространстве субъекта» [63]. Преодоление дискретности различных классов вторичных образов можно увидеть на путях их рассмотрения как элементов *динамической системы*, выполняющих в комбинации друг с другом определенные функции в каждый данный момент времени. При этом углубление и адекватное понимание полифункциональности образной сферы возможно лишь при переходе на *целостный охват* взаимодействия всех классов вторичных образов как ее элементов (с включением в анализ знаний о *конкретных* классах образов). Следует учитывать и тот факт, что в зависимости от функций образа (например, эталон при опознании, регулятор действия или состояния и др.) одно и то же содержание образа может иметь различные значения для человека.

В связи с системным пониманием полифункциональности образного опыта вводится представление о **трансляционной функции** образной сферы — функции, ответственной за психическое отражение-регулирование в процессе «глубинного» контакта человека с областями своего внутреннего мира. Представление о трансляционной функции образной сферы личности соотносится с классификацией функций

психики (по Б.Ф. Ломову): когнитивной, регулятивной и коммуникативной — трансляционная функция имеет соответствующие аспекты. Иными словами, имеющиеся феноменологические данные, которые будут рассмотрены в книге, позволяют рассматривать образную сферу человека как средство его контакта всей многомерной реальностью бытия. Трансляционная функция образной сферы связана с возможностью отражения неявных измерений окружающего мира, идеально представленного в человеке. Такое отражение, например, возможно через интуитивные инсайты в образной форме. Напомним, что, по Платону, именно благодаря интуиции человек постигает «трансцендентные сущности» — идеи, которым все предметы видимого мира обязаны своим существованием. Здесь следует вспомнить древнее представление о человеке как о микрокосме, отражающем макрокосм — все существующие реальности (микромир, мир природы и общества, а также макромир) включая «метафизические измерения», существующие вне рамок сенсорного диапазона и рационального познания. Здесь мы неизбежно входим в круг вопросов, связанных с таинственными психическими явлениями. Об их существовании свидетельствуют духовные традиции всех народов (об этом мы будем подробно говорить в третьей части книги). Например, архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), который был и выдающимся физиологом, нейрохирургом, указывает, что ясновидение — это видение того, что неявно для обычного человека, это интуитивное «восприятие сердцем» (А. Бергсон был его любимым философом) [15]²⁹. По поводу телепатии приведем следующую цитату: «Таинственным образом мысль одного человека сообщается мыслям других людей. Мы не изолированы, мы в неведомой связи со всеми людьми. ... Беззаветный порыв одного храбрца может увлечь все войско. Этот мощный поток духа храбрости и отваги, излившийся из одного пламенного сердца, воспламеняет сотни других сердец, воспринявших его, как антенна воспринимает радиоволны» [15, с. 55–56]. Интуиция противопоставляется разуму и связывается с методом христианского познания сердцем, о котором мы будем говорить ниже.

²⁹ В своей нейрохирургической практике архиепископ Лука видел, что при огромных разрушениях мозга психических нарушений могло не наблюдаться. Аналогичные факты мы находим в исследованиях Б.Г. Ананьева на раненых бойцах во время Великой Отечественной войны. Отсутствие же жесткой «привязанности» психопатологии к нейропатологии говорит о том, что, помимо мозга, существуют другие органы познания, особенно когда речь идет о «высшем духовном познании» сердцем.

Образная сфера человека в трансляционной функции выступает в роли связующего звена («канал-контакта») внутреннего мира личности с многомерными и многоуровневыми реалиями бытия в единстве внешних и внутренних, объективно-реальных и идеальных, явных и скрытых его измерений. Понятие «трансляционности» выражает идею непосредственного созерцания субъектом потока образов на некоем, говоря метафорически, «внутреннем экране», и непосредственном переживания их содержания. Будем говорить о трансляционной функции образной сферы человека как о функции, связанной с «доставкой в сознание» (с «перенесением в сознание», «переводом в пространство переживаний») человека некоей латентной информации о мире и самом себе, как правило, остающейся неосознанной без специальных психотехнических усилий по ее извлечению. Понятие трансляционной функции образной сферы охватывает всю потенциальную феноменологию образного опыта человека. Вторичные образы различных классов, имея собственную форму субъективности, определяющую особенности подачи (перенесения) материала в сознание, выступают особым психологическим инструментом глубинного познания и самопознания. Понятие трансляционной функции образной сферы личности, иными словами, задействовано с целью подчеркнуть именно *глубинное отражение и переживание во вторичном образе психического материала, который обладает значительной латентностью с точки зрения вероятности попадания в сознание*. Речь идет об актуализации материала, неявного в спектре обычных состояний сознания. Переживание образа помогает актуализации материала, нерелексированного в обычных состояниях сознания. Подчеркивание латентности и «глубинности» информации предполагает, что она является информацией и о неких «надсознательных слоях» психического, через которые открываются и осмысляются высшие измерения реальности, как правило, скрытые от людей, не идущих путем духовно-нравственного развития. Здесь уместно сослаться на высказывание С.Л. Рубинштейна, который говорил о том, что внутренний мир человека одновременно выражает субъекта и отражает объект. Это дает возможность рассматривать образную сферу личности как факт объективной реальности и, соответственно, внутренний образный опыт как отношение в самой действительности [299].

Понятие о трансляционной функции подкрепляется семантическим анализом, который показывает несколько значений термина «трансляция». Термин происходит от латинского *translatio* и имеет значения «перенесения», «перемещения», «перевода на другой язык»,

«замены» (в грамматическом смысле), «образного выражения» (как метафоры), «переносного значения». Многие из этих значений соответствуют образной проблематике, например, в связи с символизацией, защитной трансформацией во вторичных образах. Значения термина отражают близкие, но имеющие свою специфику грани. Полисемантика позволяет нам увидеть те грани функционирования вторичных образов, которые реализованы в понятии образной сферы. Трансляционную функцию последней можно рассматривать в целом как частный случай информационной функции психики, несущий вместе с тем дополнительный смысл. Изучение трансляционной функции образной сферы человека помогает выходу за рамки традиционной парадигмы теории отражения (что назрело в современной психологии) и привлечению пласта междисциплинарных знаний. Использование полисемантического термина «трансляционная функция» стимулирует разработку новой системы понятий, нового языка, описывающего не традиционно акцентированную отражательно-репродуктивную функцию вторичного образа (даже при высоком удельном весе активности психического отражения), а процесс осознания личностью своего бытия в контексте смыслов окружающего его мира. Этот момент действительно связан с «переводом на другой язык», с опорой на «переносные значения» и другими приведенными значениями. Трансляционная функция образной сферы — это специфика глубоко индивидуализированной интерпретации человеком символов бытия — своего собственного и окружающего мира. Здесь происходит встреча измерений внутреннего мира — внешних и внутренних, реальных и идеальных, явных и скрытых. Речь идет о поиске связующего звена между ними в процессе самопознания и познания мира. В пределе это встреча всех измерений внутреннего мира, их взаимный «перевод», включая взаимоперевод внешнего во внутреннее (внутреннее, во внешнее через активность образа, и обратно — через интериоризацию)³⁰.

³⁰ Идея о трансляционной функции образной сферы сегодня получает подтверждение в новых философско-гносеологических подходах к формированию человеком «картины мира». «Онтологическая основа бытия — не классические параметры, а то, что порождает их в результате взаимодействия человеческого *логоса* с живой энергийной тканью естества, — то, что правильнее было бы назвать *логосами* твари. Проникая в сферу микромира, мы наталкиваемся на невозможность исключения наблюдателя из самой наблюдаемой реальности, невозможность проведения четкой границы между наблюдающим субъектом и наблюдаемым объектом. Отсутствие такой границы означает, по существу, крушение традиционной «отторгающей»

Вопрос об образной сфере в роли организатора «встречи» различных измерений внутреннего мира является весьма важным, ибо он стимулирует размышления над многомерностью реальности, отражаемой в образной сфере человека. Конкретизация «участников встречи» — следующий перспективный исследовательский шаг, который прояснит ряд моментов. Например, под внешними измерениями имеется в виду аспект репродуктивного отражения внешнего мира в вторичном образе. Под явными измерениями — осознание привычных параметров реальности в оппозиции к скрытым, обозначающим активное продуктивное отражение, конструирование человеком смыслов в процессе осознания бытия. Это и неожиданный опыт в аспекте измененных состояний сознания. В аналогичном плане можно говорить о реальных и идеальных измерениях. Реальные — это то, что имеет бытийный статус в некой *привычной* для человека картине мира; идеальные — воплощенная в образную форму абстракция и символизация. Более четкое различие указанных измерений упирается в проблему источника образного опыта, его статуса, имеющего самостоятельное бытие.

Поясним и используемый термин «глубинный». Отметим, что данный термин в контексте термина «глубинная психология» и по сей день остается достаточно метафоричным, при том что он призван обозначать сложнейшие вещи. Исторически термин закрепился за фрейдистскими и постфрейдистскими подходами, а также направлениями, ориентированными на познание сфер неосознаваемого психического, в частности, в трансперсональной психологии. Во всех вариантах использования термина будем исходить из того, что «глубинная психология» — это метафора, которая указывает скорее на психологическое направление — поиск сущности психических явлений. Понятно, что анализ и обобщение феноменологии переживания человеком образного опыта не может обойтись без термина «глубинный», который несет в себе «налет метафоричности» исходного понимания. Более предметно можно ска-

субъект-объектной парадигмы и замещение ее парадигмой «включающей». Эта новая парадигма должна описывать не только внешний объект (ив)ный мир, но и самого человека. Оказывается, что человек столь глубоко «вписан» в мир, так *соучаствует* в нем в общем *событии*, что мы уже не можем говорить более о существующей «вне» человека и «независимо» от него «объективной реальности». <...> Сегодня <...> начинает происходить трансформация «объективно существующей *вне* человека и *независимо* от него *картины* мира в *лик* со-Бытия — *со-бытия* человека и Творца, Лик Которого», выражаясь словами прп. Максима Исповедника, просвечивается сквозь поверхностную суету «косматости материальных вещей» [293, с. 25–26].

зять, что термин связан с несколькими взаимосвязанными моментами. Во-первых, это оппозиция к содержанию обыденного сознания, здравому смыслу, расхожим мнениям и представлениям, оппозиция к метафоре «поверхности». Во-вторых, использование термина предполагает интерес к многоуровневости «психических содержаний», подлежащих осознанию, в частности, спонтанно или при помощи психологических методов в контексте традиционной психокоррекционной практики и психотерапии. В-третьих, следует иметь в виду латентность, потенциальность областей внутреннего мира, актуализируемых только в условиях специальных психотехник.

Заметим, что уникальность вторичного образа как когнитивного образования внутреннего мира личности заключается в том, что в образе огромная информационная емкость материала сочетается с simultанностью его отображения: информация одновременно и целостно предстает перед «внутренним взором» человека. Эта одновременная данность содержания интенсифицирует переживание различных событий внешней и внутренней жизни личности. Полиморфность хранения, передачи и преобразования информации в образной сфере человека проявляется в возможностях отражения содержания разных уровней бытия личности: от предметного содержания текущей бытовой ситуации до отражения мировоззренческих смыслов жизни. Содержательные различия каждого уровня бытия столь велики, что каждый из них имеет свой язык. Образы оказываются, с одной стороны, неким «трансляционным механизмом»³¹, а с другой — механизмом, обеспечивающим полноту и точность как когнитивной, так и эмоционально-чувственной переработки происходящего в объективной и субъективной реальности. Именно эта полнота и точность интенсифицирует переживание различных событий внешней и внутренней жизни личности и дает новое качество осознания и понимания в познании мира.

Уловление *смысла* в переживании образа, как подчеркивалось, дает дополнительные возможности исследования *духовных измерений* бытия, трудно подающихся концептуальной рефлексии. Трансляционная функция образной сферы человека призвана отражать реальность, идеально и потенциально (для осознания) представленную в человеке. Поэтому речь может идти не только об отражении в образной сфе-

³¹ Примером надязыковости образной сферы, в частности, образных эквивалентов духовно-нравственных измерений бытия, являются невыразимые в словах образы «мира горного» (о чем писал, например, о. Павел Флоренский).

ре многомерного внутреннего мира человека, например, наиболее скрытых от самопознания характеристик личности, ее «отвергнутых частей», тенденций жизненного пути и перспектив развития и т.д. Следует исследовать саму возможность отражения указанных: а) духовно-нравственных измерений бытия, б) неявных аспектов окружающего мира, в) сфер идеальных объектов (ценностей и отношений эстетического, этического, философско-мировоззренческого, религиозного и т.п. порядка). Переживание духовных измерений — это также разнокачественные встречи внутреннего мира человека с областями трансперсонального, трансцендентального опыта, архетипами коллективного бессознательного, религиозно-мифологическим символизмом из различных культурных традиций, а также видениями, воспринимаемыми как божественные откровения об объектах высшего идеального бытия. ***Изучение когнитивных и регулятивных эффектов от переживания субъектом такой феноменологии*** является актуальной задачей психологической науки.

Итак, образная сфера человека должна быть описана как структурно-функциональное целое. Здесь особенно важен анализ объединения функций по классам вторичных образов. В определенной мере объединены, например, функции в связи с основными формами отражения (чувственное — понятийное), менее объединены функции в связи с отнесенностью вторичных образов к сферам осознаваемого и неосознаваемого, совсем слабо — функции образов измененных состояний сознания. Иными словами, при поиске ответа на вопрос, зачем нужно человеку все потенциальное *субъективное многообразие* образного опыта, следует говорить именно о системе функций множества классов вторичных образов. Для теоретического обоснования существования этого многообразия может быть привлечен принцип, согласно которому целостным системам присуще разнообразие свойств частей. Жизнеспособны, как известно, лишь системы с определенным уровнем разнообразия (закон необходимого разнообразия Эшби). Отображение разнообразия объекта — а им в данном случае является сверхсложная многомерная реальность человеческого бытия, включенного в Мир — предполагает определенные свойства отражающей системы [63]. Это аргументы в пользу того понимания образной сферы личности, которое присутствует в нашем подходе.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВТОРИЧНЫХ ОБРАЗОВ

2.1. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИ-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К «МИРУ ОБРАЗОВ»

Сегодня много говорится о синтезе многообразных философско-теоретических подходов, о комплексных многоуровневых исследованиях, о принципах познавательного плюрализма, методологической дополнителности и т.п. Методология предлагаемого в книге исследования образной сферы человека опирается на эти идеи, которые, в частности, позволяют понимать соединение естественнонаучного и гуманитарного знания по проблеме вторичного образа, междисциплинарность подхода к образной сфере человека, привлечение порой гипотетических предположений. Более конкретно теоретико-методологической основой данного подхода выступают: комплексный подход Б.Г. Ананьева, системный подход Б.Ф. Ломова, структурно-функциональные описания В.А. Ганзена, субъектно-деятельностная парадигма¹, принцип единства сознания и деятельности С.Л. Рубинштейна, экспериментальный метод гуманистической психологии. В этой связи важным становится понимание вторичного образа как *изображения* [52]². Здесь следует напомнить о выделении «чувствен-

¹ В процессе изучения образной сферы человека значимо акцентирование целостности психических явлений при необходимости их изучения в таких ракурсах, как контекст сферы бытия, в которую включен человек, рамки форм активности субъекта. Важен учет единства внутренних условий существования явления, модальных характеристик изучаемого явления [29].

² В ходе изучения механизмов репрезентаций под влиянием компьютерной парадигмы вторичные образы в определенном смысле перестали быть *изоб-*

ной ткани» образа в качестве важнейшей образующей индивидуального сознания (А.Н. Леонтьев). Речь идет об обобщенном наименовании для различных перцептивных категорий, типа пространства, цвета, формы и т.д., которые присутствуют в образе. Особая функция чувственных образов сознания усматривалась в том, что они придают реальность картине мира, открывающейся субъекту.

Все затронутые теоретико-методологические основания исследования нашли свое выражение в формулировании **феноменологически-герменевтического подхода**. Именно он выражает уже обозначенную общую исследовательскую установку: целостное многоуровневое рассмотрение образного опыта с точки зрения его *переживаемости, осознаваемости и понимаемости* человеком. Сразу отметим, что при использовании терминов «феноменология», «феноменологический» не имеется в виду понимание, вкладываемое в термин историей психологии и философией. Термин используется как синоним для описания фактологии субъективного мира человека (событий в сознании). Феноменологически-герменевтический подход опирается на разработку проблемы **субъективности**, которая начинает перемещаться в центр психологической проблематики. Происходит осознание, что не все в психике может быть рассмотрено объективно; прежде всего это относится к сознанию [205, с. 61]. Изучая субъективность и феноменологию сознания, мы опираемся на труды отечественных исследователей: В.М. Аллаhverдова, А.С. Арсентьева, Г.С. Батищева, М.М. Бахтина, А.В. Брушлинского, Э.В. Ильенкова, М.К. Мамардашвили, Ф.Т. Михайлова, В.И. Слободчикова и др. Особое значение имеет психологическое наследие С.Л. Рубинштейна, согласно которому психическое объективно существует только как субъективное и потому лишь в этом качестве оно должно исследоваться. Также подчеркнем, что всякий акт психического отражения представляет собой в определенной мере его идеальное преобразование. На уровне вторичных образов

ражением реальности. Под различными именами стало подчеркиваться существование образа в виде некоего внутреннего интегрирующего механизма, обеспечивающего отражение и регулирование: «схема» (Барглет, Найсер), «план» (Миллер, Галантер, Прибрам), «когнитивная карта» (Толмен), а также функционирование вторичных образов в роли «эталона». Репрезентация выступала лишь как процесс построения подобных «схем», «моделей», «планов» при игнорировании вопроса о субъективной форме репрезентаций.

непрерывно осуществляется взаимодействие субъекта с объектом в идеальном плане. Существование психического в качестве процесса означает, что «в ходе непрерывного, в частности в идеальном плане, взаимодействия субъекта с объектом, в ходе постоянного преобразования последнего из него «вычерпывается» новое содержание, которым все более насыщается, обогащается психика» [44, с. 373].

Проблема субъективности — узловая проблема психического отражения, поскольку речь идет о принадлежности психического образа субъекту жизнедеятельности. Б.Ф. Ломов указывал, что субъективность имеет множество «ипостасей». Она открывается как: активность, избирательность отражения, неадекватность образа параметрам объекта, направленность личности, интегральная характеристика нейродинамики [29, с. 44]. Изучение субъективности означает исследование отражения мира с учетом потребностей и отношений человека. Содержание психического отражения поэтому всегда оказывается пристрастным, незеркальным. Субъективность, подчеркивают В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев, — это та категория, которая выражает сущность внутреннего мира человека, родовую специфику людей. Субъективный (*subjectum*) в переводе с латинского означает лежащий в основе. Близкими к понятию «субъективный», по их мнению, являются понятия «душа», «внутренний мир». Поэтому образный опыт как компонент внутреннего мира так важен для изучения духовного становления личности.

Выделяя феноменологически-герменевтический подход к образной сфере личности, мы должны помнить о его истоках в идеях Гуссерля, Brentano, Дильтея и др. Это был подход к человеческой душе как к *живой целостной личности*. Согласно В. Вундту, предметом психологии выступал непосредственный опыт человека, представленный в сознании. У Brentano, идеи которого восходят к Аристотелю, центральным является понятие «интенциональный акт сознания». Сознание активно и направленно; оно всегда есть сознание предмета. Изучение различных проявлений сознания (в ощущениях, *представлениях* и чувствах) было закономерным. Интроспекция закономерно стала методом исследования, породив интроспективную психологию и субъективистский подход к изучению психики. И хотя «сознание из самого сознания невыводимо» и «оно не разлагается на какие-нибудь неделимые элементы, недостатки метода самонаблюдения не призывают отказаться от этого метода, ибо это невозможно», — подчеркивает В.М. Аллахвердов [4, с. 120].

В герменевтике³ главный принцип — это связь текста (слов, знаков, символов, любых предметов, явлений, которым может быть приписан смысл) с контекстом, в который встроена вся информация, подлежащая интерпретации. Поскольку текст вплетается в контекст в основном скрытыми связями, понимание текста зависит от уловления этих связей. Интерпретация — это восстановление неявных или специально скрытых связей с контекстом. Лишь благодаря этому текст обретает голос, а письменные обозначения вновь превращаются в смысл (Гадамер). Всякое понимание, по М.М. Бахтину, есть соотношение данного текста не только с контекстом, но и с другими текстами [168, с. 28-29]. Для феноменологически-герменевтического подхода важно наличие множественности интерпретаций и их конфликта (П. Рикер).

В настоящее время необходимость разработки герменевтических методов исследования в психологии все более осознается. В психологии личности вновь открылась значимость понимания человеком собственного субъективного опыта. Собственный внутренний опыт становится ключом к пониманию других людей [167, с. 195]. Большой вклад в реабилитацию «методов понимания» внесли, в частности, работы К.А. Абульхановой и В.Н. Дружинина. «Субъективные миры психики», подчеркивал последний, предполагают наличие прямо не проявляющихся в поведении психических образований. Внутренний мир действительно открыт только переживающему происходящие там события человеку. Связь этого мира с внешними проявлениями в деятельности и поведении — непростая, хотя она существует (например, святость не может как-то не проявлять себя для окружающих). Это показывает недостаточность естественнонаучного подхода в психологических исследованиях.

Герменевтика, феноменологический метод, «понимающая психология» связаны с гуманитарным основанием психологической науки,

³ Герменевтика восходит к античному религиозно-философскому учению герметизма (герметизм означает закрытость, герметичность). Его основателем считается маг и астролог, первый алхимик Гермес Трисмегист. Герметизм заложил основы западных оккультных учений. В соответствующих текстах используется сложная символика, доступная посвященным. Трактаты алхимиков невозможно понять, не зная данной символики, поэтому тексты приходится расшифровывать. Этим и занимается герменевтика. В Средние века предметом герменевтики стало и Священное писание, толкование которого (в отрыве от апостольской традиции породило многочисленные ереси.

имеющим свою логику анализа психологического факта. Объяснительная и описательная психология демонстрируют два принципиально разных подхода к человеку [299]⁴. В отличие от естественнонаучного основания, когда психика для исследователя выступает как *объект*, воздействием на который обнаруживаются ранее не известные его свойства, психику возможно рассматривать и в качестве *другого субъекта*, с которым человек находится во взаимодействии, с которым он общается, и которого призван понимать. С.Л. Франк, например, показывает [340], что никакими психическими явлениями нельзя объяснить *познание как переживание* — уловление человеком некоего *смысла* познаваемого. Важно подчеркнуть, что душевная жизнь во всем ее богатстве в качестве субъективного непосредственного бытия самости есть целый особый мир, непосредственно очевидная реальность [299, с. 339]. Значение анализа феноменологии внутреннего опыта подчеркивается также проблематикой психологии понимания⁵. Примечательно, что образные явления можно изучать также в русле *двух* дополняющих друг друга традиций [433]: 1) изучения субъективных и качественных аспектов «внутренней образности», различий переживания образов, степени соответствия образов физическим объектам, роли образов как когнитивной стратегии; 2) позитивистски-экспериментального наследия, в котором мы имеем дело с количественными оценками, с отражением показателей образной сферы человека в поведении, в результатах выполнения когнитивных заданий.

Приходится, однако, констатировать, что все связанное с гуманитарной частью психологической науки достаточно отрицательно воспринимается естественнонаучным ее основанием и даже не при-

⁴ Различие естественнонаучного и гуманитарного подходов проявилось в психологии в конце XIX в. Неадекватность методологии естествознания позволила Дильтею противопоставить *объясняющую* (естественнонаучную) и *понимающую* (описательную) психологии. Постигание целостности и уникальности душевной жизни человека возможно только при их различении.

⁵ Отметим рассмотрение В.В. Знаковым [145] феномена понимания как проблемы психологии человеческого бытия в отличие от подхода экзистенциальной психологии, имеющей интуитивный фундамент. Подчеркивается, что субъект является неотъемлемой частью мира, и потому внешние и внутренние условия его существования включены как во внешние, так и во внутренние связи и отношения. Такой подход способствует осмыслению значения объективации феноменологически-герменевтического подхода к изучению образного опыта человека.

знается в качестве науки (причем борьба обоих направлений идет с самого рождения естественнонаучной психологии). Среди представителей естествознания распространена точка зрения, согласно которой субъективное есть враг науки и потому должно быть изгнано из нее [43, с. 9]. В качестве научного метода не рассматривается, например, психоанализ. Более наглядно неприятие гуманитарного основания психологии видно на примере гуманистической и особенно — трансперсональной психологии с уходом последней в попытки осмысления духовного, мистического опыта и особых состояний сознания.

Следует подчеркнуть, что гуманитарное познание обращено к ценностям и смыслам субъективного мира человека. Науки о человеке — это науки о смысле человеческого существования. Поэтому они не могут ориентироваться на эталон естественных наук. П.Н. Шихирев, например, хорошо показывает [357; 358], что ориентация на естественнонаучную парадигму объяснения дала социальной психологии ограниченные представления о человеке. Важно и то, что в гуманитарной парадигме единичное событие рассматривается в своей самоценности. Современные естественнонаучные психологические направления рассматривают человека как объект в ряду других объектов, к тому же абстрагируя его от исследователя. Но именно поэтому с помощью объективного подхода к человеку нельзя изучать субъективность как таковую, духовную сущность личности [299]. Значение исследования феноменологии внутреннего мира человека для этого показано В.М. Аллахвердовым. Естественнонаучный и гуманитарный подходы при этом взаимно дополняют друг друга [4, с. 103–106]⁶.

Уже говорилось о том, что в трактовке «образа» в современной психологии в значительной мере за бортом исследований оказалась

⁶ В.М.Аллахвердов подчеркивает [4], что гуманитарные науки ищут не истину, а «единства смысла» тех текстов/явлений, которые рассматривают. Эти тексты осмысливаются ученым через призму собственных ценностей. Факт является научным тогда, когда он приобретает смысл в правдоподобной картине. Новый подход принимается при соотношении с существующей интерпретацией (в гуманитарной науке все решает научное сообщество). Гуманитарные науки обязаны *учитывать* уже имеющиеся интерпретации (ученый-гуманитарий обязан выразить свое отношение к уже сказанному). Новая интерпретация должна дать новый смысл информации, которая подлежала интерпретации. Интерпретация должна быть принята научным сообществом.

«феноменальная целостность личностно значимого образного опыта», характерная для внутреннего мира человека в каждый данный момент времени⁷. В соответствии с феноменологически-герменевтическим подходом, исходя из непосредственной данности человеку внутреннего опыта в его изначальной целостности, акцентируется изучение **«вторичного образа как объекта переживания и понимания»**.

Переживание не исчерпывается сознанием, ибо оно — первичный признак душевной жизни, область непосредственного субъективного бытия, подчеркивал С.Л. Франк. Сущность душевной жизни лежит в переживании как таковом, в непосредственном внутреннем *бытии*, а не в сопутствующем ему сознании [340, с. 74–75]. Переживание непосредственного бытия является первичным признаком душевной жизни. Поэтому изучение глубинного слоя психического и связано с универсальным языком метапереживаний. Переживание — это особый тип сознания, отличный от самосознания и предметного сознания. Выделение предметного сознания из *«сознания-переживания»* предполагает «на противоположной стороне душевной жизни» наличие «я». Возникновение предметного сознания — это выделение «не-я» из состава сознания-переживания; но «не-я» предполагает соотносительное себе «я», и, таким образом, вместе с «не-я», рождается и «я» [340, с. 54]. «Я» выступает точкой бытия, *«непосредственно для себя»*, живым внутренним бытием — опорой жизнедеятельности человека. Соответственно реальность сознания представляет собой «бытие как *переживание»*, как внутреннее «бытие-для-себя»; в переживании как таковом состоит существо душевной жизни.

Исследование роли переживаний вторичных образов в их трансляционной функции выделяет проблему *психических состояний*, интегрирующих динамику психических процессов. Психическое состояние предполагает вполне определенный спектр переживаемых чувств, их качество и интенсивность, в частности, преобладание положитель-

⁷ В качестве аргументов в пользу значимости переживаемости сенсорных качеств вторичного образа можно назвать их роль в преднастройке к будущему поведению (необходимость детального воссоздания реальной ситуации и требуемого эмоционального фора — см. вторую часть данной книги) и значение образной сферы личности в художественном творчестве. Последнее предполагает метафоризацию, синестезию (в языке используется диапазон ощущений всех модальностей [395, ch. 6]). Анализ использования метафор и сравнений дает ключ к внутреннему миру человека. Рассмотрение стихотворений, например, может определить доминирование сенсорной модальности у поэта [11].

ных или отрицательных эмоций [183]. Данные показатели определяют характеристики потока образов в сознании, выступают факторами порождения образов определенного класса и содержания.

Необходимость преодоления замкнутости академической психологии границами естественнонаучного направления подчеркивается также тем, что ее гуманитарная «ветка» широко открыта другим направлениям «психологизированной мысли» в различных междисциплинарных областях знания. Это вытекает из положения психологии в системе человекознания: психология по своему генезису находится как бы на перекрестке, в центре системы наук [8], будучи одновременно гуманитарной и естественнонаучной дисциплиной [43, с. 8]. Изучение *непосредственного переживания, интуитивного понимания* человеком своего субъективного мира, в частности, образного опыта мира сближают психологию с другими областями познания человека [127]. Вопрос об интуитивности в познании мира через образный опыт является одним из основных. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) говорит о философии одного из отцов интуитивизма А. Бергсона как о глубоко жизненной. Подчеркивается, что философ «проложил совершенно новый путь к познанию жизни и с огромной глубиной мысли раскрыл полную неспособность к этому философии интеллектуализма» [15, с. 42]. К великим предшественникам Бергсона архиепископ Лука причисляет Паскаля, а также ссылается на Шопенгауэра в связи с противопоставлением разуму интуиции, столь необходимой для герменевтической деятельности.

Возможности философии, науки, религии и искусства в познании человека различны. Например, искусство целостно постигает человека. Л.М. Веккер пишет: «За искусством остается и навсегда останется целостное и всестороннее *непосредственное* изображение эмоциональной жизни человека. Наука же реализует свою познавательную функцию, идя от феноменологической поверхности отображаемого явления к его глубинным признакам и — главное — к скрытым закономерностям. По отношению к такой острейшей жизненной, практически и социально значимой сфере, как человеческие эмоции, вполне возможно, естественно и даже вероятно, необходимо взаимное дополнение этих двух важнейших форм человеческого познания» [51, т. 3, с. 57–58]. Наименьших успехов на пути целостного познания человеческой души достигла, как это ни парадоксально, психология. Это объясняется ее ориентацией на идеал научности в классическом естествознании, на создание абстрактных моделей отдельных проявлений человека [299, с. 207].

Итак, можно утверждать, что анализ и обобщение данных и закономерностей в области феноменологии и герменевтики образной сферы личности является необходимым шагом научного гуманитарного исследования психического отражения-регулирования.

2.2. ОБРАЗНОСТЬ В НРАВСТВЕННО-ДУХОВНОМ ИЗМЕРЕНИИ ПСИХИКИ

В развитии феноменологически-герменевтического подхода особое значение имеет *духовное измерение* бытия и его отражение образной сферой человека. Здесь проблема осознания и понимания человеком внутреннего мира становится особенно актуальной с точки зрения методологической проблематики [299]. Изучение того, *как духовное начало в человеке, мир идеальных объектов и духовных смыслов отражается в его образной сфере*, является актуальной проблемой психологии. Например, это касается представлений о нравственных истинах, или нравственных качествах. Так, в третьей книге «Пастыря» Ерма нравственные христианские понятия изображаются посредством образов. В частности, семь женских образов символизировали такие добродетели, как «воздержание», «простота», «невинность», «кротость» и т.п.

В связи с изучением представлений о духовных смыслах возникает ряд принципиальных вопросов. П.Н. Шихирев, например, вопрошает [357, с. 379–380]: что собой представляет эта реальность, на которую указывают понятия «духовный», «нравственный» и т.п.? что скрыто за нравственными переживаниями?⁸ являются ли связанные с ними социально-психологические феномены (например, угрызения совести) качественно иными по сравнению с когнитивным диссонансом? какими методами можно исследовать духовное?

⁸ П.Н. Шихирев указывает несколько вариантов ответа. Психоанализ, например, не доказал, что за подобными переживаниями скрыта область биологически детерминированного бессознательного. Юнг продемонстрировал ограниченность классического фрейдизма и обозначил связь индивидуального бессознательного с коллективным. Другой ответ принадлежит мыслителям, которые рассматривают психическое как часть тотальности отношений человека с миром (Гегель, Маркс). Вариант ответа представлен С. Франком [357].

Человеческая мысль всегда тянулась познать *духовность*, ибо сама эта реальность непрерывно и настойчиво предъявляет себя — и людям и обществу. Пусть даже посредством деструктивных форм: сектанство, наркотическая стимуляция и др. Проблематику духовности затрагивает изучение нравственного становления личности и психология религии. Духовность есть самая глубинная суть человека, возводящая его на вершину смысла человеческого существования — богообщение. Фундамент духовности человека лежит в сфере коллективного бессознательного, что позволило Юнгу и его последователям сделать вывод о существовании у людей «морального архетипа», в частности, архетипа «внутреннего бога». И это признается академической психологией [10]. Важным является и понимание того, что состояния одухотворенности представляют архетип культуры [249].

К проявлениям духовности относились потребность и способность человека познавать мир и самого себя. О «духовной личности» прекрасно говорил, например, У. Джемс. Можно вспомнить и Э. Шпрангера, который ярко писал о том, что человек «вплетен в грандиозную систему мира духа, исторического и общественного по своему характеру» [361, с. 289]. Он подчеркивал, что духовной жизнью люди называют ценности, возникшие в истории человечества и выходящие за пределы индивидуальной жизни. Понятием «духа» М. Шелер обозначал принцип, включающий понятия «разума», «мышления», «созерцания», переживания доброты, любви, «покаяния» и др. и тем самым делающий человека человеком. В философско-психологической литературе духовное начало человека связывается с общественным и творчески-созидательным характером его жизнедеятельности, с включенностью человека в мир культуры. Поэтому ограниченным является психологический взгляд на человека, где он предстает как «отдельность» с точки зрения своих индивидуально-психологических качеств. «Духовная жизнь человека всегда обращена к другому, к обществу, к роду человеческому. Человек духовен в той мере, в какой он действует согласно высшим нравственным ценностям человеческого сообщества, способен поступать в соответствии с ними» [361, с. 335].

Сегодня можно видеть вполне определенную тенденцию — закладывающиеся основы «духовной психологии» как системы знания о духовном начале в человеке [40; 41; 48; 79; 133; 145–147; 232; 249; 299; 352]. Духовное измерение хорошо обосновывается с точки зрения концепции «субъективных миров психики» (В.Н. Дружинин): внутренний духовный мир человека выделяется в качестве *отдельной области*, которая открыта только ему, как-то проявляется вовне. Начинает все

более осознаваться (в развитии, в частности, идей С.Л. Франка, И.А. Ильина), что область духовного и духовно-религиозного опыта — полноправный объект научного познания [40; 41; 299]. «Духовное» рассматривается, например, как важнейший атрибут субъекта [43]. В исследовании духовно-нравственных и религиозных переживаний, подчеркивает П.Н. Шихирев, системообразующим фактором является установка человека к трансцендированию себя. Признание же за духовностью системообразующего качества социального взаимодействия, по его мнению, повлечет за собой формирование качественно иных моделей взаимодействия человека и общества. Следует также отметить анализ духовных способностей В.Д. Шадриковым [352], и постановку В.А. Пономаренко вопроса об «образе духа/духовности» конкретного человека [249]. Это важная проблема, ибо разные типы религиозной духовности с позиций социальной перцепции имеют свои образы (православная духовность, например, не похожа на духовность буддийскую или духовность «свидетелей Иеговы»).

В.А. Пономаренко приводит яркий образ духовных переживаний. Грандиозные картины звездного неба, восходов, других красот природы порождают в душе летчика ощущения причастности к бесконечности вселенной и вечности бытия, создают переживания «не от мира сего». В «состоянии душевной раскрепощенности, совершенно необычного движения в Пространстве и Времени, во власти красоты и гармонии Природы внезапно пробуждались духовные слои сознания, пугая возникшими **не по своей воле** богожелательными чувствами. <...> Удивительным способом мгновения, открывающегося в полете надсознания складываются в осознанное чувство, что в небе надо быть духовно чистым без груза земной суеты, быть особо устойчивым к соблазну страстей раскрепощенной воли» [249, с. 21–22].

Указывается, что летчик выступает носителем не только земного сознания [249, с. 47]⁹, что с *духом* летчики связывают психологическую

⁹ Стремление человека летать пронизывает его религиозные, нравственные побуждения, закрепленные в памяти и подсознании тысяч поколений, и имеет великую цель: уменьшить зло земных соблазнов и материальных вожделений, которые включены «в силу земного притяжения, вектор которого направлен на приземленность Высшего начала в человеке». Необходимо устремленность к небу. В.А. Пономаренко указывает, что авиации и космонавтике предназначено создать условия для нового прорыва человечества к духу как вселенскому бытию. Но для этого необходимо снятие с человека «видового знака «твари», привязанной к земному, к вечной и неизбежной несправедливости, примата зла над добром. Одним из цен-

защиту от состояния ожидания гибели. «Духовный слой сознания» удерживает «в подвалах» подсознания видовые защитные реакции и инстинкты самосохранения, предчувствий, навязчивых состояний, фобий. *Дух* формирует резерв выносливости в опасной профессии, опережает угрозу, мобилизует волю в сочетании с разумом, служит информационным механизмом интуиции, инсайта. Более того, *дух* в полете — это также особое состояние сознания, когда он выступает как «информационный канал разумности Космоса». Если человек материализует *дух* в виде ощущения силы, добра, нравственных побуждений, то он может быть представлен как психическое состояние, как свойство сознания, как информация и как энергия. Подчеркивается, что самым сложным вопросом выступает трансцендентное происхождение *духа*.

В современной психологии начинают обсуждаться проблемы «духовной основы мира». Признание именно духовной основы реальности и системности мироздания, по мнению А.А. Крылова, расширяют возможности познания феномена человека. Создаются предпосылки понимания того, что мышление не ограничивается деятельностью мозга, что коллективное бессознательное содержит информацию, не возникающую в личном опыте. Высказываются предположения о существовании «психосферы» как некоего единства духовной сферы Земли и духовной сферы более высокого порядка [198, с. 23]. В то же время нравственно-духовные переживания, феномен веры и т.п. находятся пока все же на периферии научного исследования. Применительно к социальной психологии об этом пишет П.Н. Шихирев [357]. Он также подчеркивает, что именно «вечные» проблемы (например, бессмертия души, религиозного смысла жизни и т.п.) будут главными проблемами психологии будущего, что уход от решения подобных экзистенциальных проблем приведет к падению интереса общества к науке.

ных составляющих духовного мира «человека летающего» является его свойство быть социальным индикатором накопленного зла в общественном сознании, индикатором демонизации самих ценностных ориентаций в обществе. В человеке больше добра, но это лишь потенциальная энергия, для проявления которой в достаточном объеме и нужном направлении, требуется особое понимание таких явлений, как святое, идеал, вера, честь. Добро и зло не архаичные понятия религиозной философии, а сила, приближающая человека или к богочеловеку или к твари «с человеческим лицом» [249, с. 19–21].

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев указывают [299], что сущность человека особым образом высвечивается в его отношении к «божественному». Смысл жизни, совесть и связанные с ней нравственные переживания являются проявлениями этого отношения. Психиатр С.С. Корсаков писал, что каждому психически здоровому человеку присуще религиозное чувство. Религиозная потребность — это исцеление и неутолимая жажда Абсолютного, Вечного и Безусловного, искание Высшего Смысла [151, с. 31]. Понятие «духовное измерение», под которым понимается высшее в человеке (его смыслы жизни, направленность, системы базовых ценностей), в настоящее время активно используется в экзистенциальной психологии как религиозного (Франкл), так и светского (Сарт, Камю и др.) толка.

Надо, однако, отметить, что психология религии в достаточно большой степени питается методологическими установками западной психологии — позитивная роль религиозных представлений людей в формировании духовно-нравственных качеств людей и социальных ценностей, в достижении жизненного успеха и т.п. (В.А. Соснин).

В целом же проблематика духовности, формирование нравственной личности в качестве самостоятельного направления исследований все еще не освоена академической психологией. Эту мысль архимандрит Киприан выразил следующим образом: «Позитивизм с его узкорационалистическим взглядом на человека породил и узкий подход к душевной жизни <...> психология, претендующая быть экспериментальной, опытной, ограничила этот свой опыт очень узким кругом феноменов. Она изучает в своих опытах только внешние проявления душевной жизни и глубже идти не в состоянии со своими научными средствами. Все сложные приборы для наблюдения за душевными явлениями дают учебнику психологии материал только об апперцепциях, внимании, памяти и т.п. Душа как искра вечности не доступна профессору психологии, а иными из них ее самостоятельное существование просто берется под подозрение» [100, с. 42–43].

Особое значение имеет осмысление отечественной православно-христианской традиции и выражение на языке науки той феноменологии, которая лежит в основе понимания человека в русле данной традиции. А.А. Гостев, В.А. Елисеев, В.А. Соснин, в частности, подчеркивают [100], что потребность оформления «православной психологии» в качестве самостоятельной дисциплины была осознана давно. Это подтверждается трудами блестящих русских ученых религиозной духовно-философской ориентации начала XX в.: В.М. Соловьева, С.Л. Франка, Л.М. Лопатина, Н. Бердяева, С.Н. Булгакова и др. О не-

обходимости научно-богословского осмысления религиозного опыта указывал в 1911 г. архиепископ Федор (Поздеевский)¹⁰.

Важным методологическим аспектом при анализе святоотеческого психологического наследия, особенно под углом зрения изучения трансляционной функции образной сферы личности, является принцип *символизма*¹¹. Он задает ориентиры в духе святоотеческого опыта для анализа и интерпретации психологических данных, для осмысления сложных отношений природы и человека, земного и божественного, отраженных в Священном Писании и творениях святых отцов. Согласно этому принципу, внешние обстоятельства жизни человека являются символами, отражающими его духовно-нравственные состояния. Основной задачей и направлением исследования вопросов нравственного развития личности, понимания ее «духовных болезней» становится проникновение во внутренние проблемы человека на основе рассмотрения внешних событий его жизни. Архимандрит Киприан так раскрывает известное богословское положение «природа есть символ истины» (епископ Николай Охридский): «Святоотеческое мироощущение... смотрит на этот мир как на отображение иного мира. Экран эмпирической действительности есть только сложное сплетение переходящих символов, таинственно говорящих о вечных и непреходящих идейных реальностях иного плана... У вещей есть свой язык... Вся природа есть таинственный иероглиф... А таинственна она потому, что скрывает в себе... загадку иного мира... не тварного, скажем просто: из жизни

¹⁰ Аскеза определялась им в качестве науки, исследующей законы развития и роста христианской жизни в личности, рассматривающей, как путем подвига совершается переход человека из «царства дьявола» в «царство Божие». При этом он подчеркивал важность психологического анализа процесса духовного совершенствования и выделял психологию аскетике как специальное направление. «Обстоятельства послереволюционной эпохи воспрепятствовали начавшемуся поиску путей объединения усилий науки и религии в изучении и совершенствовании духовно-нравственного состояния человека. Сегодня, на новом витке общественного развития, мы вновь поставлены перед необходимостью решения указанной проблемы» [100, с. 44–45].

¹¹ Данный принцип разрабатывается в лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН по теме «Отечественная духовно-нравственная традиция» В.А. Елисеевым, А.А. Гостевым, В.А. Сосниным, А.Н. Моргуном (последним защищена кандидатская диссертация «Психологические принципы духовно-нравственного познания (на материале трудов поздневизантийских восточно-христианских авторов. М., ГУПН, 2006; руководитель А.А. Гостев).

божественной. Природа знает что-то больше о Боге и Его премудром плане, чем ученые системы [100, с. 48]¹².

Символизация мира святоотеческой традицией создается непосредственно духовными откровениями. Поэтому необходимо соблюдать осторожность в анализе и интерпретации психологического материала, содержащегося в данной традиции¹³.

В области изучения человеческой духовности, связанной с глубокими, непередаваемыми в словах переживаниями мы сталкиваемся с обозначенным уже сложным методологическим вопросом соединения традиционной академической науки (с ее принципами, требованиями и пр.) и того, что условно может быть названо «*наукой возможного*» («инонаучным» по С. Аверинцеву). Последняя понималась как допущение к научному рассмотрению неких *возможных* путей познания. Соединение различных путей познания имеет для психологии особое значение: духовный опыт людей рассматривается и другими областями знания (искусством, литературой, философией, культурологией, теологией), и психологи должны учитывать подобную междисциплинарность. Признав неизбежность изучения «сферы духовного» психология не может игнорировать огромный опыт, накопленный в рамках религиозной философии и духовной практикой.

¹² Для религиозных мыслителей явления природы, предметы внешнего мира выступают как отблеск иной реальности. За преходящими предметами они видят сущность мира вечного. Максим Исповедник писал: «Весь мысленный мир таинственно в символических образах представляется изображенным в мире чувственном для тех, кто имеет очи видеть». У отцов церкви создавались *особое символическое мировоззрение и символический язык*. Всматриваясь в человека, в явления природы, они интуитивно находили в них то, что эти явления и предметы отражали из области иной действительности. «Следовательно то, как *относится мир к Богу и Бог к миру, имеет свое символическое отображение и во внутреннем устройении человека...*» (курсив авторов) [100, с. 49]. В человеке символически представлено все мироздание.

¹³ «Изучение св. отцов,— пишет архимандрит Киприан,— в значительной степени сводится к изложению их мыслей в рамках привычной *нам* школьной системы... Но нельзя при этом «*стилизовать*» *отцов под наши понятия*. Нельзя, ища привычных методологических приемов, навязывать отцам наши выводы и ограничивать их нашими предпосылками. Отцы, если и не знали многого, что стало известно нам, все же были глубже в своих прозрениях. Мы можем и должны, излагая отцов, говорить привычным нам научным языком, но до конца понять глубину отцов мы сможем только, если приобщимся к их духовному опыту и будем духовно подвизаться в том же, в чем подвизались они, а не только схоластически, теоретически их изучать» [100, с. 49].

2.3. ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ВТОРИЧНЫХ ОБРАЗОВ

Вторичный образ — не только полноправный представитель психического, но и своеобразная его единица (показательно, например, что *bildertheorie* (*нем.*) — «теория отражения», например, переводится как «теория образа»). Фактологию вторичных образов следует рассматривать как данность, как часть объективной реальности (психическое объективно существует только как субъективное). При таком подходе главным является анализ того, *что* собой представляет образ в качестве события внутреннего мира и *как* он переживается и понимается человеком в виде некоей сущности. Именно такая постановка проблемы подводит нас к изучению **онтологического статуса** образной сферы человека, к анализу образного явления, имеющего самоценностное бытие¹⁴. Любой вторичный образ не только отражает характеристики внешнего (например, среды) и внутреннего (в контексте переживания образного опыта) миров, но и является жизненным регулятором в самых различных планах. Это и дает образу собственное бытие.

Для изучения уровня вторичных образов значимо рассмотрение В.А. Барабанщиковым восприятия как *события*, реализующего специфическую связь индивида со средой. Каждый образ имеет уникальное содержание и уникальную судьбу. Он зарождается в конкретных обстоятельствах жизни, проходит путь внутренней дифференциации

¹⁴ В.А. Барабанщиков подчеркивает: «Долгое время онтология психических явлений относилась к проблемам «второго плана» и нередко отдавалась «на откуп» смежным дисциплинам — физиологии, социологии или информатике. Исследователей больше интересовал гносеологический аспект — механизмы и способы отражения действительности в психике человека. Сегодня становится все более очевидным, что без учета способа существования психических явлений, их бытия психологическое знание остается принципиально неполным, а в практическом отношении — весьма ограниченным» [30, с. 78–79]. По теме онтологии психического образа он отмечает: «В немецкой классической философии <...> субъект отождествляется со структурами сознания и разделяется на эмпирический и трансцендентальный (абсолютное Я, дух). Последний получает статус объективного, организует структуры эмпирического опыта и задает нормы и критерии познавательного процесса в целом. Сливаясь с трансцендентальным сознанием, субъект выступает в качестве активного начала, выделяющего и определяющего воспринимаемый объект из бесконечно разнообразной, неисчерпаемой действительности» [30, с. 102].

и интеграции, обуславливая процесс порождения новых образов. Образ регулирует поведение индивида в ситуации [29; 30]¹⁵. «Перцептивное событие имеет относительно независимое бытие (онтологический статус), организовано в пространстве и времени, внутренне дифференцировано, включено в цепь других событий и может быть рассмотрено в различных системах координат. <...> Событие всегда допускает познающего субъекта, через отношение к которому получает соответствующий смысл» [29, с. 6–7].

Теоретическая значимость разработки проблемы перцептивного акта как события подталкивает исследователя вторичных образов к рассмотрению событий внутреннего мира личности на уровне ее образной сферы. По аналогии с анализом перцептивного события в контексте целостной ситуации как уникальной системы обстоятельств, сконцентрированных на индивиде в данный текущий мо-

¹⁵ Онтологический подход предполагает гносеологическую составляющую, подчеркивает Барабанщиков. «Образ порождается в событии, является его ключевым звеном и в этом качестве обнаруживает новые, не всегда замечаемые свойства и закономерности» [30, с. 187]. Обосновывая перцептивное событие, В.А. Барабанщиков рассматривает три плана восприятия: интерактивный (выражающий генезис взаимодействия субъекта восприятия с объектом), субъектный (генезис внутренних условий восприятия, интегрированных в перцептивный комплекс), и имидженарный (характеризующий «судьбу» чувственного образа). Это важные моменты, по аналогии направляющие исследование и вторичного образа. «И субъект, и объект жизнедеятельности органически взаимосвязаны и выступают как компоненты одного и того же *фрагмента бытия*, или *события* жизни, включающего психические явления в единстве с условиями их существования и развития. Данная система может иметь различное содержание, способ организации, масштаб <...>, подчиняться определенной логике развития. По существу, это и есть онтологическое основание психического как системы. Понятие события позволяет выразить важнейшие характеристики психических явлений — целостность и развитие, вписав их в естественный поток жизни» [30, с. 78]. «Перцептивное событие организовано в пространстве и времени, внутренне дифференцировано, включено в цепь других событий и может быть рассмотрено в различных системах координат. Событие предполагает разделенность существования и встречу различных начал, их *со-бытие*. Наконец, событие всегда допускает познающего субъекта, через отношение к которому получается соответствующий смысл. Событие — это акт бытия, в котором порождается и чувственное впечатление, и его носитель, и само бытие. Восприятие не только отражает, но и творит мир» [30, с. 205]. Эти слова актуальны для изучения регулирующей функции вторичного образа и, в частности, для исследования его созидательной силы.

мент, можно в качестве перспективной задачи изучения образной сферы человека поставить вопрос о «представляемой объект-ситуации». Событие внутреннего мира на уровне вторичного образа — это некий субъективно целостный эпизод внутреннего образного опыта. Он может быть рассмотрен как по результату — завершенное «образное послание», так и по процессу — фрагмент «потока образов» и его переживаний. Здесь важно содержание образного события и его функциональное значение для целостного психического отражения-регулирования. Значимо также различие «удельного веса» отнесенности содержания вторичного образа к внешним объектам-прообразам и к прообразам, идущим от субъективных параметров. Конечно, отражение не только привычных объектов внешнего мира, но и всей феноменологии трансляционной функции образной сферы с ее фантастическим содержанием, виртуальными мирами делает эту задачу достаточно сложной. Вместе с тем вся совокупность излагаемого в книге материала работает именно в этом направлении.

Выделим следующие взаимосвязанные аспекты, раскрывающие онтологический статус образной сферы человека.

Гносеологический и **праксеологический** аспекты воплощают идею многомерного, многоуровневого психического отражения-регулирования. Они детально разработаны и в комментариях не нуждаются. Достаточно отметить, что в отечественной психологии триада «объект — его отражение — регуляции деятельности» была основной.

Морфологический проясняет моменты пространственного аспекта организации образной сферы. Можно отметить универсальность предметно-пространственных характеристик наглядности вторичных образов различных классов: образ является некой «сквозной» реальностью «мысленного экрана», демонстрирующей себя в конкретном субъективном выражении сообразно ситуациям жизнедеятельности человека. Поскольку целое проявляется в своих частях, в образной сфере человека голографично отражается вся психика. Это и позволяет вторичному образу быть специфической разнокачественной единицей психического, а образной сфере в целом иметь системную природу и объединять внешнее и внутреннее в своей трансляционной функции. Образ «странствует» по душе человека — по уровням сознания и неосознаваемого психического, реализуя то, что мы понимаем, как трансляционную функцию образной сферы. Он «универсален» в том смысле, что он приобретает свое конкретное субъективное

выражение в виде вторичного образа данного класса. Это, в частности, позволяет понять взаимосвязанность, например, обобщенных представлений и плохо вербализуемых конкретных образов измененных состояний сознания. Во вторичном образе человек имеет возможность переноситься в *любое пространство* (объективное и субъективное), включая «пространства группового сознания».

Важнейшим для исследования вторичных образов выступает *аксиологический* аспект: образная сфера принадлежит своему носителю — конкретной личности, а потому она замкнута на мотивы, смыслы, отношения человека. Она должна более глубоко рассматриваться и в плане переживания динамики подобных ценностных отношений, участвующих в регуляции его жизнедеятельности. За аксиологией вторичного образа стоит его эмоциональное переживание личностью в связи со смыслами, придаваемыми отражаемой действительности, с отношениями человека к содержанию конкретных образных событий во внутреннем мире. Система субъективных отношений личности, пишет В.А. Барабанщиков, «образует многомерное «субъективное пространство», которое оказывает влияние на все психические явления и формы активности человека, обуславливая их избирательность» [30, с. 56].

Добавим несколько штрихов к сказанному в предыдущих разделах о значимости переживаемости вторичных образов. Прежде всего напомним, что теория деятельности А.Н. Леонтьева показывает, что сознание пристрастно, что оно есть всегда оценка-отношение; для человека всегда существует проблема личностного смысла. Вторичный образ возникает в результате взаимодействия человека с миром в ретроспективном, оперативном, проспективном планах. Его можно понимать, как способ существования возникающих при этом оценочных отношений: субъект-объектных, субъект-субъектных (и аутосубъектных, т.е. в плане отношений человека к собственному внутреннему миру)¹⁶. Вторичный образ — это «оттиск» («наглядная/полимодальная упаковка») указанных форм отношений субъекта. В процессе непрерывного взаимодействия человека с миром вторичный образ выступает динамическим «слепок», фиксирующим валентность отношений субъекта [357; 358]. Именно это и подчеркивает значение

¹⁶ Особенно это касается процесса опережающего отражения. Во взаимодействии субъекта и объекта субъективная цель, как известно, смыкается с внешней объективностью [279], а *оценочное отражение* предполагает активное изменение позиции субъекта относительно объекта.

изучения проявлений образа как «переживаемой полимодальной картинки»¹⁷.

Фиксация валентности отношений человека значима и в связи с регулирующим воздействием опредмеченного синкретического отклика ценностного субъект-объектного отношения; на этом основано построение групповой и общественной идеологии [357]. Ценностное отношение и формы его существования неразрывно связаны с процессом их производства, суть которого составляет обмен оценками и их интерпретациями. В этой связи для социально-психологического анализа социальной системы важное эвристическое значение имеет понятие *Verkehr*, введенное К. Марксом и проанализированное П.Н. Шихиревым [357]. Этим термином Маркс пользовался для характеристики общества как социального организма, существующего благодаря постоянному внутреннему и внешнему «обмену веществ»¹⁸, их постоянной циркуляции, обращению и превращению. Социальное качество разворачивается в процессе обмена в системе субъект-субъектных и субъект-объектных отношений, а также отношением к этим отношениям. Поэтому предмет социальной психологии определяется Шихиревым как исследование отношения (оценки) к отношению (связи).

¹⁷ Заметим, что указанная недооценка исследователями «сенсорности» вторичного образа в определенной мере является следствием определенности отгороженности современного человека от мира. Человек, утратив способность непосредственно *переживать* мир, подменяет живое соучастие в нем интеллектуализацией и «виртуализацией» на основе новых информационных технологий. Причем второй момент более сильно отгораживает человека от реального мира. Именно «сенсорность» образа сегодня уводит в иллюзорную реальность киберцивилизации.

¹⁸ Такими веществами являются все мыслимые продукты связей людей друг с другом и с природой как кристаллизованные, объективированные в той или иной форме общественные отношения. Поэтому понятие *Verkehr* определяет движения общественной связи или движущегося общественного отношения. Для современной социальной психологии марксистское понимание социального обмена сохраняет свое методологическое значение по двум причинам. Во-первых, потому, что отношения обмена реализуются в обществе через механизм отношений собственности, определяющий политические отношения. Они же, в свою очередь, определяют общественное положение индивидов и групп в социальной структуре и тем самым их точку зрения на происходящее в ней, а иначе говоря, их ценностное отношение к другим людям, себе и действительности, выраженное в соответствующих представлениях и оценках как справедливых или несправедливых [357, с. 386–387].

Переживание ценностного отношения в образе связана с проблематикой **психических состояний**. Системообразующей характеристикой психического состояния являются отношения человека — аксиологическая характеристика психического образа. Отметим, что эмоциональные отношения обычно называют чувствами (В.Н. Мясищев). Чувства же связаны с настроениями людей — сравнительно продолжительными, устойчивыми психическими состояниями, влияющими на все психические процессы, придающими окраску всем переживаниям, проявляющимися в качестве эмоционального фона психической жизни человека, в частности, в особенностях эмоционального отклика человека на любые воздействия. Л.В. Куликов рассматривает понятие настроения, как относительно устойчивый компонент психических состояний, основное звено взаимосвязи структур личности с различными компонентами психических состояний — отдельными эмоциями и чувствами, переживаниями событий, происходящих в духовной, социальной и физической жизни личности [183, с. 67]¹⁹.

Эмоции, как известно, выражают состояние субъекта в его отношении к объекту [280]. Л.М. Веккер отмечает, что точнее было бы говорить о том, что эмоции сами по себе — субъективные отношения человека; эмоциональные процессы — это непосредственное отражение отношений субъекта к объектам окружающей реальности. [51, т. 3, с. 61–63]. «Одним из партнеров психического отношения, представленного в эмоции, является отображение ее *объекта*, которое может осуществляться средствами всей иерархии когнитивных процессов, входящих в состав интеллекта. Вторым партнером является отображение *состояния субъекта* — носителя психики, которое воплощает в себе это отношение» [51, т. 3, с. 66]²⁰.

¹⁹ Для изучения образной феноменологии необходимо разграничение доминирующего и актуального настроения и выделение в каждом характеристик активации, тонуса и эмоционального тона. Настроение обуславливает развертку актуального (текущего, переходного) состояния и относительно устойчивого (доминирующего, преобладающего). Значима и структура чувств: активационные чувства (бодрость, радость и т.п.), чувства напряжения (гнев, тревога и т.п.), оценочные чувства (печаль, стыд и т.п.) [183].

²⁰ Л.М. Веккер указывает на неотделимость эмоции от входящего в ее состав когнитивного компонента, отражающего предмет эмоции. Здесь он ссылается на В.К. Виллонаса, который различает «целостное эмоциональное явление» и «эмоциональное переживание как чувственный тон отображения объекта». Вскрывается двухкомпонентность эмоционального явления:

В настроении отражены значимые события в жизни человека, однако прямого соответствия параметров настроения характеру событий не существует, поскольку сдвиги в настроении отражают не только влияния окружающей среды, но и *динамику внутреннего мира личности*. Здесь акцент может быть сделан на влиянии текущего образного опыта на настроение. В свою очередь образная сфера отражает изменения внутреннего мира личности. Зависимость психических процессов от настроения проявилась в том, что у лиц с устойчивым и повышенным настроением обнаружена большая устойчивость внимания и более высокие результаты в манипулировании образами [183]. Отметим также, что настроение как фактор, влияющий на образную сферу, зависит и от темперамента: интенсивность чувств в большей мере находится под влиянием экстраверсии, чем нейротизма и психотизма. Взаимосвязь образов и настроения видна также в том, что духовное содержание внутреннего мира личности, представление о своем социальном статусе влияют на настроение («быть не в духе», т.е. быть в плохом настроении) [48; 183].

Итак, мы видим многоаспектное взаимовлияние особенностей образной сферы личности и психических состояний. Подчеркнем, что субъективное оценивание, участвующее в познании «мира образов», происходит на основе таких значений понятия переживания, как «прочувствование», «вчувствование», «сложное эмоциональное ощущение» [40; 171], дающее оценку отношения субъекта к некому объекту. Чувства, эмоции ближе к внутренним проблемам и конфликтам человека (рационализация — это уже психологическая защита от осознания). Поэтому они и участвуют во «внутренней герменевтике» образного опыта личности.

с одной стороны, единство отражаемого содержания, с другой — собственно эмоционального переживания, т.е. той специфической окраски, с которой данное содержание отражается субъектом. «Один из членов такой формулы — это психическое отражение объекта эмоции, а второй — это психическое же отражение состояний ее субъекта-носителя» [51, т. 3, с. 69]. Следует подчеркнуть, что когнитивный компонент «эмоционального гештальта», будучи отчлененным от второго полюса, сохраняет психическую реальность эмоционально нейтрального «чисто» интеллектуального психического процесса. Эмоция же, лишенная когнитивного компонента, утрачивает свое специфическое качество психического отображения отношения субъекта к объекту и превращается в интерорецептивное образование. Более того, эмоция, свободная от когнитивных образований, является фикцией [51, т. 3, с. 66–68].

Все сказанное подтверждает важнейшую роль эмоциональных переживаний в осуществлении трансляционной функции образной сферы человека. Переживание образов помогает актуализации материала, неявного в спектре обычных состояний сознания. Значимость переживания образа подчеркивается трудностями перевода (а порой и принципиальной непереводаемостью) внутреннего опыта в фиксированные понятийные структуры. Переживание является элементом механизма «канал-контакта» субъекта с глубинными аспектами внутреннего мира и с многомерно-многоуровневой реальностью человеческого бытия. *Познание-трансляция* неосознаваемого материала и *переживание* его содержания в образе, естественно, не тождественны. Между ними нет также родо-видовых отношений. Можно говорить лишь об отношении «средство переработки — материал».

Естественно, что при потере в естественнонаучной психологии адекватного интереса к переживаемости вторичных образов аксиологический аспект не только переместился из общей психологии в психолингвистику, гуманистическую и трансперсональную психологию и т.д., но и вообще вышел за пределы психологической науки в этику, эстетику, культурологию, теологию и др.

Изучение переживаемости вторичных образов оттеняет новые грани в проблеме соотношения чувственно-конкретного и абстрактно-понятийного в психическом отражении-регулировании. Сохранение в образе сенсорных характеристик объекта усиливает непосредственное переживание его содержания. При любых теоретических трактовках вторичных образов нельзя забывать, что они являются «событиями во внутреннем мире», имеющими интимное, глубоко личностное значение для человека. Затуманивание вопроса о форме репрезентации образов в сознании нарушает целостность описания психического. Переживание образа помогает извлекать информацию из «образного послания» и наполнять ею все текущие «перцептивные предвосхищения» и «планы сбора информации».

При системном рассмотрении выделенных аспектов онтологии вторичных образов, в частности, при разложении их по общенаучному базису «пространство — время — энергия — информация» (В.А. Ганзен) получается следующая картина. Нет сомнения, что гносеология образа — это информационный, а морфология образа — пространственный аспекты. Аксиология же и праксеология образа могут быть соотнесены как с энергетическим, так и с временным аспектами. Примечательно, что эти акценты можно сделать в данных измерениях онтологического статуса вторичного образа; лишний раз это косвенно подтверждает

неразрывность данных измерений-аспектов, т.е. значение ценностного отношения субъекта в регуляции деятельности.

Говоря о взаимосвязанности аспектов онтологического статуса образной сферы, отметим, что вторичные образы являются механизмом, обеспечивающим полноту и точность когнитивной и эмоциональной переработки человеком происходящего в объективной и субъективной реальностях.

2.4. «МИРЫ ОБРАЗОВ» В ИНТЕГРАЛЬНОМ ОБРАЗЕ РЕАЛЬНОСТИ

Все, наверное, согласятся, что человек должен стремиться к целостному видению мира. Картина же мира, однако, является лишь предположением, гипотезой человека о некоей воображаемой реальности. По аналогии с тем, что целостный образ сложного объекта возникает в памяти субъекта на основе большого числа вначале слабо организованной информации — локальных слепков с реальности [59], можно заключить, что и интегральный образ реальности включает синтез отдельных последовательных, растянутых во времени ее отображений с их переработкой на уровне образной сферы человека (по принципу «из всего одно»). Поскольку любой переход от объекта к его отображению связан с цепью преобразований, понятна степень сложности итоговой субъективной картины (а мир является гиперсложным объектом — макрокосмом); показательно, что отображение объективного множества элементов реальности в субъективно целостное образование пока не может быть описано в математических терминах.

Важный аспект изучения интегрального образа реальности связан с вопросом об индивидуальных особенностях вторичных образов. Решение этой актуальной проблемы психологии познания имеет теоретическое значение, выходящее за рамки констатации вариаций в изучаемых характеристиках вторичных образов. Значимость вопроса связана с дальнейшим изучением опосредствования психического отражения индивидуальной для каждого человека целостной субъективной картины окружающего его мира (в «терминологических воплощениях» этой идеи: «опытом сознания» — И.М. Сеченов, «схемой» — Кант, Вудвортс, Фресс, Пиаже, Найсер, «образом мира» — А.Н. Леонтьев, «внутренним миром человека» — Б.Г. Ананьев, «структурой субъективного опыта» — Ю.М. Артемьева, «субъективной моделью мира» — Дж. Брунер).

То, что уникальность субъективного видения реальности связана с определяющим влиянием интегрального образа реальности, прочно утвердилась в психологической науке. Психический образ является и обусловленным и обуславливающим [279–281]. В единстве трех своих составляющих (чувственная ткань, значение и смысл) «образ мира» рассматривается как своеобразная «призма», опосредствующая внешние воздействия в процессе регуляции деятельности [189]. В свою очередь, внешние воздействия, формируя соответствующие перцептивные и вторичные образы, изменяют интегральный образ реальности. Изучение внутренних психологических закономерностей, обуславливающих психический эффект внешних воздействий, по мнению С.Л. Рубинштейна, составляет фундаментальную задачу психологического исследования [279, с. 227]. Всякое восприятие предмета фактически является включением воспринятого объекта в организованную систему представлений. Именно потому, что всякий образ включен в интегральный образ реальности, один и тот же объект отражается человеком по-разному. Интегральный образ реальности является «призмой», которая, фильтруя текущую информацию из внешних и внутренних ее источников, определяет содержание образов любых классов.

Ф.Е. Василюк [47], развивая положения А.Н. Леонтьева о структуре «образа мира», указывает, что образы в сознании представляются как детерминированные с трех сторон: а) со стороны предметной действительности, б) культуры, в) внутреннего мира. Эти детерминанты имеют в структуре образа своих «представителей»: предметное содержание, значение и личностный смысл. Каждый из названных структурных элементов образа обладает своей чувственной тканью — непосредственные чувственные впечатления, из которых строится образ, чувственная ткань знаков, опосредствующая этот образ и непосредственные эмоциональные переживания, являющиеся «чувственной тканью» личностного смысла. Поскольку образ мира целостен, действия субъекта оставляют в нем следы взаимодействия (в различных формах и на различных уровнях-слоях) [242]. Так, на «перцептивном уровне» следом взаимодействия является чувственный образ определенной модальности. Могут быть следы взаимодействия, не «стоящие перед глазами». На уровне интегрального образа реальности есть система смыслов (об объектах внешнего мира, о ситуациях). В целом в структуре образа мира мы имеем «ядерные» и поверхностные образования.

В поиске ответа на вопрос, как отдельные вторичные образы детерминируют целостную картину мира и каковы законы интеграции

образов, речь должна идти о *взаимной детерминации* — от целого к части и от части к целому. Образная феноменология свидетельствует о сложных отношениях между отдельными вторичными образами и интегральным образом реальности. Проблема адекватности конкретных вторичных образов, например, поднимает вопрос о необходимости выявления уровня взаимодействия интегрального образа реальности и «внутреннего мира образов».

Интегральный образ реальности имеет характер ядерной структуры по отношению к образу, оформленному в сенсорных модальностях (при неотделимости друг от друга амодальной схемы и конкретно-чувственного содержания образа) («целое больше суммы своих частей»). Любой вторичный образ в иерархии психического отражения целостен и имеет специфические качества. Поскольку целое предшествует частям, образы высокой иерархии выступают «призмой» для частных образов. Образная сфера личности — это поистине безграничный спектр «сверхмногообразного» проявления интегрального образа реальности²¹ (это подтверждается, в частности, психоаналитическими построениями и данными трансперсональной психологии).

Мир образов сложен и разнообразен, является интимным личностным переживанием, особенно у художественно одаренных натур. Исследователь сталкивается с трудностями изучения влияния особенностей конкретных образов на интегральный образ реальности, с проблемой рефлексированности содержания образов в связи с «фильтруемостью» взгляда человека на мир. Искусство прекрасно иллюстрирует влияние «мира образов» на целостное «видение мира» автором. Париж в изображении китайских художников будет отличаться от Парижа на картинах французских импрессионистов. Декорации и костюмы в большей мере несут в себе печать текущей эпохи, чем той, к которой относится действие спектакля. Природа в изображении художников

²¹ Для нас важны следующие характеристики интегрального образа реальности [189; 301]. Интегральный образ реальности задает систему ожиданий, установок, на основе которых идет структурирование поступающей информации. Изолированного от контекста образа не существует; любой образ есть элемент интегрального образа реальности, который с самого начала развивается и функционирует как некоторое целое, предшествующее информации от внешнего и внутреннего источников. Главный вклад в построение любого образа вносит именно интегральный образ реальности. Как целое под влиянием текущей информации он и перестраивается. Результатом познания является и поток образов в сознании/переживании, и обогащаемый текущим опытом интегральный образ реальности.

различных школ будет отличаться [395, ch. 3]. То, что кажется модным сегодня, может восприниматься несуразным завтра.

Определяющая роль интегрального образа реальности по отношению к конкретным образам не отрицает его уточнения, исправления, перестройки, обогащения за счет «жизненных впечатлений» (причем это касается не только образов памяти, но и образов воображения, сновидений и др.), приводящих интегральный образ реальности на протяжении жизненного пути личности ко все большей индивидуализации. Влияние «мира образов» на интегральный образ реальности хорошо иллюстрируется проблематикой фантазий и особенно образов измененных состояний сознания: *глубокие переживания возникающих образов трансформируют представления о мире*. Изучение нравственных, духовных аспектов моделирования измененных состояний сознания, в которых возникают образы, порой переворачивающие привычные представления о мире (другие классы вторичные образы, прежде всего фантазии, весьма успешно искажают «картину мира», о чем мы поговорим в третьей части книги), представляет поэтому важную теоретическую проблему.

Психическое отражение и регулирование всегда опосредовано особенностями субъекта. Процесс построения картины мира «субъектоцентрирован» [6], что хорошо демонстрируется психологией межличностного восприятия и взаимопонимания [37]. Два режиссера при обсуждении сценария могут, в частности, не понимать друг друга только потому, что воображение рисует им различные сцены из будущего фильма, на которые накладываются различия в целостной художественной концепции в контексте их мировоззрения. Каждый будет стремиться смотреть на мир через «линзу» собственных представлений о нем и своего творческого замысла, принимая их самоочевидными.

Р. Гордон пишет, например [395, ch. 3], о наблюдаемом ею непонимании между режиссером и работником сцены в процессе монтажа декораций при различиях в доминирующей модальности их вторичных образов. Поэтому важным фактором в рассматриваемой связи следует считать особенности полимодальности образной сферы человека. Споры любителей музыки свидетельствуют о значимости данного фактора. Например, у приобщенных к опере или балету усиливается визуализация музыки, и такие люди будут с трудом понимать тех, кто прошел школу простого «слушания». Трудности в общении могут возникать у людей при различии в синестетичности внутреннего мира личности. Действительно, внутренний мир человека, в котором зрительные образы сопровождаются звуками и вкусами, а звуки, напри-

мер, смешаны с цветами и т.п., при попытке его передачи другому человеку способен привести последнего в замешательство. Доминирующая сенсорная модальность образов важна и для понятийного уровня. Так, например, взаимонепонимание Сократа и Протогора может быть объяснено доминантностью слуховых образов у первого и кинестетических у второго. Г. Уолтер подчеркивал, что при обсуждении проблем между «визуализатором» и «вербализатором» может возникнуть непонимание [431; 395, ch. 3].

Мир должен казаться различным для людей с ригидными и «живыми» образами. В первом случае картина мира столь постоянная, что человек чувствует себя не в состоянии влиять на окружающее. Мир людей с ригидными образами имеет тенденцию наполняться образами далекого прошлого и даже принадлежащими к другой эпохе (переживаниями «не от мира сего»), поскольку образы давних событий остаются относительно неподвижными, упрощенными и стереотипизированными. Во втором случае образ мира настолько изменчив, что человеку кажется, что в таком мире нет ничего надежного.

Существование психического образа в определенных взаимосвязанных формах (общественно выработанные формы деятельности, знаковые системы, чувственные образы [189]) объясняет как единство отражающей и регулирующей его функций, так и факт отражения в образе значения объекта. Но, как подчеркивалось, любой образ не существует вне оценки-отношения субъекта к объекту. Подобная «личностная привязка» проявляет себя на любом уровне образа, особенно в мировоззрении, как некой интегральной системе обобщенных представлений (философских, нравственно-правовых и т.п.), лежащей в основе базовых личностных образований (убеждений и идеалов) и определяющей способ видения мира личностью, его оценку, способы действия. Чувственная ткань, значение, личностный смысл как компоненты индивидуального сознания выполняют роль связующего звена между психологией познавательных процессов и психологией личности (А.Н. Леонтьев). Интегральный образ реальности несомненно является личностным образованием. Тесное взаимодействие в самой основе психического отражения образного и личностного указывает на необходимость разработки проблемы «персонификации» образной сферы в различных аспектах (о чем речь пойдет во второй части книги).

Взаимная детерминация интегрального образа реальности и «мира образов» при акценте на определяющую роль первого изучена недостаточно. Ясно, что индивидуальные особенности образной сферы

личности человека приводят к различиям во вторичных образах разных классов и тем самым играют важную роль в индивидуализации интегрального образа реальности, в создании «тайны внутреннего мира». Предстоит, однако, много сделать, чтобы наполнить общую схему *неразрывного диалектического развития взаимной детерминации интегрального образа реальности и «мира образов»* конкретным эмпирическим содержанием.

2.5. ВТОРИЧНЫЕ ОБРАЗЫ И ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ

Вторичные образы — неотъемлемый компонент актуального сознания и самосознания, единица потока индивидуального сознания. Изучение образной сферы человека, следовательно, закономерно предполагает свое включение в проблематику сознания. Некое психическое содержание осознается, лишь будучи представленным в форме образа (Юнг). Рассмотрение вторичных образов различных классов, их структурно-функциональный анализ поэтому углубляет понимание феноменологии сознания, в частности, того, что сознание «есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам» [299, с. 179]. Роль образной сферы человека очевидна, поскольку содержание, механизмы, структура сознания остаются одной из наиболее сложных проблем психологии. Для нас, в частности, важно подчеркивание [4] актуальности изучения *феноменологии сознания*, ибо это прямо указывает на значение феноменологически-герменевтического подхода в изучении образной сферы личности. С позиций данного подхода важно не только то, что сознание выступает интегральным способом бытия субъективности, но и развивается по ступеням: бытийное сознание — самосознание — рефлексивное сознание — трансцендирующее сознание [299, с. 77].

Уже подчеркивалось, что для понимания трансляционной функции образной сферы личности важно то, что сознание является *отношением в объективной действительности* [299]²². Человек через свою образную сферу вбирает в себя объективный мир, превращая реальность в содержание субъективности. Это содержание связывается со сферой неосоз-

²² Можно согласиться со следующим: К. Маркс был прав в том, что «сознание — это не знание о бытии и не отношение к нему, а само осознанное <...> бытие» [299, с.182].

наваемого. В итоге человек вместе с переживаемым внутренним миром, со всеми образными в нем событиями оказывается элементом объективной реальности. В связи с этим подчеркивается многомерную причинную обусловленность сознания на одновременно существующих уровнях: «механики социального», «механики бессознательного», «механики знаковых систем культуры» [205]. «Мир субъективности входит в состав самой объективной реальности, а не располагается где-то над ней в качестве *фантома* или *эпифеномена*. Но и наоборот: *в определение субъективности входят* не просто «внутренние», беспредметные силы, тенденции, нужды, влечения, потребности, а сам — во всем многообразии — «очеловеченный» мир» [299, с. 180–181].

Поток индивидуального сознания — это некоторый «поток» текущих впечатлений, образов, мыслей, чувств, проходящих через более или менее сфокусированное внимание. Сознание фиксирует бесчисленное множество ситуаций (актуальных, вспоминаемых, воображаемых) и как-то членит приобретаемый опыт. И хотя границы между отображенными ситуациями не всегда заметны, каждая оценивается человеком как некая единица опыта, заключающая в себе определенную интеграцию пространственного, временного, информационного, эмоционально-оценочного ее измерения.

Будем различать *актуальное* сознания (прохождение определенного психического содержания через фокус внимания) и *потенциальное* сознания запаса содержаний психического, который присутствует в памяти в любой момент актуального сознания и который при определенных условиях может стать фактом последнего. Каждый человек в любом состоянии сознания имеет параллельно весь запас потенциальных содержаний психического [66]. Из этого ясно, что «бессознательное» как таковое не существует. «Сознательное и бессознательное — это не противоположности, а частные проявления «сознания вообще», где собственно сознательное есть рефлексивное, а бессознательное — арефлексивное сознание. Индивидуализированная форма «сознания вообще» — это структурированное, организованное самосознание. Оно воспроизводится семантикой актуальной культуры» [299, с. 187]. Заметим, что Гуссерль говорил о тематическом и нетематическом содержании сознания (последнее — это то, что в данный момент не находится в актуальном поле сознания, а составляет потенциальное содержание; это фон, который можно «тематизировать» слой за слоем, но нельзя актуализировать до конца) [113].

Большая изменчивость «вектора сознания» затрудняет его целостное описание. Одновременно существующие непрерывность

(Брушлинский) и дискретность психического осложняют дифференциацию потока сознания на элементы. В то же время человек вспоминает, мечтает, сновидит, т.е. на феноменологическом уровне имеются некие единицы внутреннего опыта. Концепция «потока сознания» [115; 116] касается непрерывности сознания; поток сознания не разрушается даже при субъективных разрывах в обычном сознании²³. Укажем также, что поток сознания иногда описывается как движение некой многомерной структуры: ряда одновременно протекающих потоков [445]. «Сознавание» предполагает переход от одного потока к другому и высвечивание тех или иных содержаний в каждом из них.

Важнейшей характеристикой «потока сознания» является динамика представленности в сознании вторичных образов определенного класса, осуществляющих в каждый данный момент времени конкретные функции. Но что определяет переключение с одного образа на другой? Почему человек воображает, образно вспоминает, переживает другие образы именно в данной последовательности потока сознания? Поиск ответа предполагает изучение динамики функционирования образной сферы личности как целого, анализ функциональной нагрузки конкретных классов вторичных образов и многофакторности условий их вызывающих. Понятно, что эти факторы (внешние: цели и задачи деятельности — и внутренние: мотивы, потребности и т.п.) взаимосвязаны в факторе ситуации.

Известно, что при формировании образа объекта выделяют в первую очередь те качества, которые отличают данный объект. Согласно утверждению У. Джемса, значение образа заключается в «психических обертонах» к главному содержанию сознания. «Психологи должны видеть в явлениях сознания не то, что соответствует в них действительности, <...> а то, как искажается действительность в ее субъективном переживании. Это искажение придает психической жизни своеобразие, и именно это своеобразие и следует изучать психологам» [4, с. 144]. Важная роль в этих процессах принадлежит активному участию интуиции в трансляционной функции образной сферы человека.

²³ Эффекты сенсорной депривации свидетельствуют о непрерывном информационном обмене человека со средой. Было бы интересным более глубоко изучать особенности взаимодействия психики с внешней и внутренней средой в различных состояниях сознания (сна, обморока, галлюцинирования и т.п.).

Коснемся понятия *состояние сознания*, выступающего фактором возникновения вторичных образов определенного класса (в связи с психическими состояниями, состоянием функционирования мозга и организма). Связь образов с состояниями сознания хорошо показана, в частности, Линдслей [270]. Проблемы многоуровневости сознания, степени субъективной ясности происходящих в нем процессов, в том числе, естественно, и образных, занимается интроспективная психология. М. Хоровитц подчеркивает существование взаимосвязи между состояниями сознания и порождением вторичных образов определенного класса [404]. То, что изменение классов вторичных образов связано с динамикой уровней сознания, помогает разграничивать образные явления. Фантазии, например, уже не будут смешиваться со сновидениями.

Образная сфера человека, с другой стороны, уточняет научные представления о состояниях сознания. Опираясь на системный анализ психических состояний [70], отражающих идею объединения (**со-**) и неизменности (**стояние**) некоторых психических характеристик во времени, подчеркнем следующее; 1) состояние сознания представляет собой целостную характеристику интегрирования психической деятельности за определенный период времени, отражающуюся в поведении (в широком смысле) человека; 2) состояние сознания порождают вторичные образы определенного класса; 3) существует зависимость изменения состояния сознания от условий-факторов, вызвавших его; 4) имеется не только диапазон установившихся состояний сознания, но и переходные состояния по линии сон — бодрствование — «надсознательные состояния»; 5) измененные состояния сознания характеризуются высочайшей эмоциональностью. Подчеркнем группу состояний так называемого «сознания-внимания» в качестве фоновых в континууме «сон—активация» [70].

Роль вторичных образов хорошо просматривается при переходе от состояния к состоянию, требующего усилий по разрушению предыдущего состояния сознания. Например, для достижения психической релаксации именно образы помогают разрушать состояние «суетливого бодрствования» (приглушают перцепцию, приостанавливают внутреннюю речь и др.). Образы создают условия и для нового состояния сознания, например, для сна [348]. Факторами порождения конкретного образа в измененных состояниях сознания являются также установки: социальная ситуация, ситуация проведения сеанса по моделированию изменения сознания. Эксперимент по моделированию измененного сознания и прием галлюциногена,

как часть ритуальной церемонии приводят к различному образному опыту [419].

Часто сознанием называют только сознание бодрствующее и обращенное на предметы окружающего человека мира («предметное сознание»). Наличие же неосознаваемого психического, измененных состояний сознания показывает недостаточность такого понимания. О состояниях сознания необходимо говорить в связи с его функционированием в различных режимах/состояниях: рациональное, обыденное, мистическое, «нормально измененное», патологическое и др. Чем более утончается самонаблюдение, считает С.Л. Франк [340], тем очевиднее становится непрерывность перехода по неким «степеням сознания» — по его ясности и интенсивности. Сознание, взятое как непосредственное переживание, за устранением всего предметного сознания и самосознания, допускает еще переходы по силе и может быть прослежено почти до своего исчезновения. «Есть постоянная непрерывность в переходе от одного к другому, качественная близость всего бесконечного ее многообразия». Поэтому подсознательное есть лишь *бесконечно мало сознаваемое*, предел ослабления сознания-переживания (см. [340, с. 68–71])²⁴.

Исследование индивидуального сознания ставит важные вопросы. Как механизмы сознания на уровне активного бодрствования²⁵ проявля-

²⁴ Показано, что в психических состояниях явно отражается взаимодействие субъекта с внутренней и внешней средой [183]. Психические состояния можно рассматривать на уровне всей психики и в ее отдельных сферах. Каждая подструктура психического состояния играет свою роль в целостной психической регуляции. Для изучения трансляционной функции образной сферы наиболее важны динамика изменений внутренних ощущений, общего эмоционального настроения. Любое значительное изменение внутренней среды вызывает комплекс неспецифических реакций со стороны субъекта, влекущих за собой поиск обновления равновесия между субъектом и ситуацией. В состояниях всегда есть и ситуативная, и транситуативная составляющая. Что касается состояний сознания, то они характеризуются активацией, полнотой — узостью, степенью адекватности, предметной направленностью. Нить сознание-самосознание-самоощущение-самопознание у бодрствующего психически здорового человека не прерывается.

²⁵ Так, в актуальном времени индивидуальное сознание выполняет функции самоидентификации, самоафферентации, регуляторов внешних предметных действий и внутренние действия с образами и знаками. Процесс актуального сознания в состоянии активного бодрствования протекает циклически, и в нем можно выделить следующие фазы. Для внешнего действия: а) восприятие ситуации, б) ее грубая эмоциональная оценка, в) детальная оценка и принятие решения, г) волевое действие по исполнению решения, что изменяет ситуацию и цикл повторяется. Возможны различ-

ются в других состояниях сознания? Как соотносятся актуальный (сиюминутный) и кумулятивный результат деятельности сознания? Как различаются «сознание», «самосознание», «миросознание» как *процессы* в различных *состояниях* сознания? Каково системное описание факторов, влияющих на переходы сознания из одного состояния в другое?

Поскольку человек обладает определенной интеграцией психических процессов, свойств, некой целостностью душевной жизни (более потенциальной, чем реальной), одной из основных проблем психологии, в частности, трансперсональной психологии, является **интеграция** потенциальных форм и содержаний сознания [108–112; 202; 326; 445а; 449]. Трансперсональная психология, опираясь на древние идеи о человеке как микрокосме, подчеркивает, что личность для своего развития должна использовать весь диапазон опыта и интегрировать не только личный опыт, но и более глубокие информационные источники — историю всей общечеловеческой культуры, историю создания мира. Изучение вторичных образов в этом плане продвигает понимание неосознаваемого психического за счет усиления содержательного анализа образного опыта. Особенно это относится к образам, несущим духовную символику и смыслы.

Необходимость системного описания интеграции потенциальных форм сознания (как перспективная задача психологии) определяется, в частности, тем, что в известных вариантах (Фрейд, Юнг и др.) даны лишь фрагменты информации, извлекаемой из областей неосознаваемого психического. Необходимо также строже определять такие однокоренные понятия, как «сознание» — «самосознание» — «осознание» — «подсознание» — «надсознание» с рассмотрением соответствующих данным психическим реалиям проявлениям образной сферы человека.

Известно, что сознание является высшим психическим интегратором и регулятором, фактором объединения внутренней психической жизни (Липс), в силу чего сознание одновременно является и самосознанием²⁶. Интеграция-дифференциация является сущностной

ные редуцированные циклы. Случаи самоидентификации и самоафференциации имеют свои циклы [65].

²⁶ Напомним, что одно из значений понятия «со-знание» (введенное стоиками как высшее общее знание о «Я»), согласно С.Л. Франку, тождественно «самосознанию». Подчеркивается что со-знание должно было быть и со-ведением, т.е. совестью. Возникновение предметного сознания — это выделение «не-Я» из «сознания-переживания» в соотнесенности с «Я» [340, с. 54].

характеристикой сознания, ибо объединение психической жизни осуществляется, в частности, при помощи сквозных процессов памяти и внимания [65; 69], регулирующих «поток сознания».

Для осмысления проблемы интеграции сознания современными оказались идеи У. Джемса [115]: мир обычного повседневного сознания — лишь один из существующих «миров сознания», разделенных, но потенциально способных соединиться. Он понимал, что окружающий человека мир является лишь частью «духовной вселенной», поиск гармоничных отношений с которой является истинной целью человека. Представление человека о мире не может быть законченным, если не принять во внимание потенциальные формы сознания. Изучение образной сферы личности поэтому является одним из способов анализа интеграции индивидуального сознания (через анализ характеристик и содержаний образов).

Введено рабочее определение индивидуального сознания [67], позволяющее лучше почувствовать связь с образной феноменологией при ее рассмотрении в контексте метафизических влияний (о чем еще будет идти речь в книге). *Индивидуальное сознание есть энерго-информационный потенциал человека, способный обеспечить его интеграцию — дифференциацию с макрокосмом и структурными компонентами последнего посредством сложного поливибрационного процесса. В каждый момент времени реализуется лишь часть этого потенциала.* Данное определение должно включить идеи того, что человек, во-первых, есть «образ и потенциальное подобие Божие», во-вторых, он призван к соединению со своим Творцом, в-третьих, что на пути такого «обождения» (святоотеческое выражение) должны быть убраны все иллюзии.

На сегодняшний день есть попытки постижения целостности сознания через иерархическую интеграцию всех его проявлений [111; 326; 445а]. К. Уилбер, например, подчеркивает [449], что духовные традиции имели иерархическое понимание уровней сознания («спектр сознания») — развитие от низших уровней к высшим происходит как последовательная иерархическая интеграция каждого уровня в вышестоящих (вплоть до единства).

Попытку систематизировать многообразие типов измененного состояния сознания предпринял С. Гроф. В результате его исследования страдают избыточностью феноменологии, которая может быть снята лишь путем обнаружения единства в многообразии — нахождения инвариантных содержаний образов. С этой целью следует анализировать архетипические образы у представителей различных культур, использовать данные истории психологии и исторической психологии.

Известно, что многие переживания вторичных образов затруднены или в принципе недоступны вербализации. Слова лишь приблизительно выявляют некий диапазон актуализированного сознания. Невыразимость в словах обычно объясняется задействованностью глубинных уровней психического отражения. Существуют различные степени «неизреченности» и «символической зашифрованности». Это в первом приближении объясняет, почему в образах измененного состояния сознания вербализация затруднена. На первый план выходят образы сложного символического содержания. Почему и какая информация требует сокрытия в символизации?

Следует отметить, что пристальное внимание к образам измененных состояний сознания важно проявлять в разных областях психологии. В частности, в теориях личности, подавляющее большинство которых основано на признании психопатологичности отклонений от твердых границ Эго, особенно в духовном самопознании (забегая вперед подчеркнем, что в опыте измененных состояний сознания, в частности, в трансперсональном опыте субъект переживает растворение своих устойчивых Эго-границ). Интересна психофизика измененных состояний сознания: отражение в образах пространства-времени «иных реальностей». «Острой» проблемой является вопрос источников получения сознанием информации.

Рассмотрение классов вторичных образов является необходимым этапом изучения образной сферы человека. Выделим «устоявшийся» материал, касающийся многообразия образного опыта.

3.1. ВТОРИЧНЫЕ ОБРАЗЫ В СОСТОЯНИИ «ОБЫЧНОГО БОДРСТВОВАНИЯ»

В данном разделе будут рассмотрены классы и подклассы **репродуктивных образов памяти**, преимущественно *сохраняющих* опыт человека в более или менее неизменном виде (при осознании факта воспроизведения воспринятого ранее) и **образов воображения**, *преобразующих* этот опыт.

Репродуктивные образы памяти

Данный класс вторичных образов представлен широким диапазоном «образов памяти» (прежде всего долговременной), в которых главным определяющим признаком является *реконструкция прошлых впечатлений различной степени обобщенности*. Образы любой модальности, но преимущественно зрительные образы с полимодальным сопровождением могут быть как *произвольными*, так и *непроизвольными*, иметь различную степень яркости, ясности, отчетливости. Будем различать следующие виды **образов долговременной памяти**:

1) **Образы-воспоминания** соответствуют ситуационной памяти, т.е. воспроизведению «в уме» конкретных жизненных впечатлений и обстоятельств. Образы-воспоминания — это образная память того, что с человеком происходило, и в этом смысле, пожалуй, они являются самым универсальным видом вторичных образов. Отметим только, что с позиций момента воспроизведения отображаемое в образах про-

шлое может и воспроизводиться и переживаться человеком совершенно по-новому. Образы-воспоминания бывают произвольными и непроизвольными. Так, образы при неопределенности настоящего или наличии фрустрации чаще возникают в сознании непроизвольно. Подчеркнем также, что образы ситуаций, в которых человек имел успех, становятся эталоном и регулируют социальные действия. Разновидностью репродуктивных вторичных образов можно считать так называемые *вспышки памяти* — феномен, характеризующийся неожиданным появлением в сознании (на несколько секунд) образов какой-то ситуации (обычно травмирующей); образы являются настолько яркими и реалистичными, что «вытесняют» в сознании перцепцию. Образы-воспоминания обычно эмоционально окрашенные.

2) **Образы-воспроизведения**, воссоздающие в наглядной форме информацию о мире и о самом человеке на уровне «фактологической конкретики» — конкретные факты, сведения, формулы, тексты и т.п. Такие образы обычно эмоционально нейтральны.

3) **Образы-представления** — *обобщенные* образы памяти о предметах окружающего мира, событиях, ситуациях. Эмоциональный компонент *образов-представлений* определяется их содержанием в зависимости от степени обобщенности и особенностей «текущего момента» воспроизведения образов (вспомним сказанное о роли настроения в работе трансляционной функции образной сферы человека). Поскольку «образы памяти» в психологической литературе часто именуется «представлениями», термин «представление» будем понимать в широком и узком смыслах. В широком смысле это понятие, соответствующее традиционному пониманию представлений и объединяющее *репродуктивно-ретроспективные* и *продуктивные* (образы воображения и фантазии) вторичные образы в состоянии *активного и пассивного бодрствования*. В узком смысле «представление» будет означать репродуктивный образ высокой степени обобщенности ранее воспринятых чувственных впечатлений на основе многократного контакта человеком с данным прообразом-стимулом (предметами, явлениями, ситуациями). Так, образы-представления о Кавказских и Алтайских горах после турпоходов будут различаться.

Ярким представителем рассматриваемого класса вторичных образов являются пространственные, в частности, топографические образы. Они, как известно, существуют в двух разновидностях: «*карта-путь*» (отображающая местность в виде мысленного прослеживания путей передвижения по реальному маршруту, сочетающая как зрительные, так и двигательные представления), и «*карта-обозрение*»

(более сложный образ — обобщенное отображение местности в виде системы взаимного расположения объектов при одновременном, «мысленном» их охвате [56–58; 260; 324; 325]).

Сказанное о видах репродуктивных вторичных образов можно представить также в следующей условной классификации. По характеру запоминаемой информации память можно делить на *фактическую* и *эпизодическую*. Именно в этой связи были выделены «образы-воспоминания» и «образы-воспроизведения». Сделаем дополнительные уточнения.

Говоря о репродуктивных образах на уровне фактической памяти надо говорить об «*информации о мире*» и «*информации о самом себе*». Образы на уровне эпизодической памяти делятся на «*образы истории внешней среды*» и «*образы личной истории*».

Следует указать на проблему поиска системы инвариантов содержания репродуктивных образов различного уровня. Для эпизодической информации это будет выделение инвариантов следующих уровней: 1) жизненный путь человека; 2) «*семейно-генетический сценарий*»; 3) объективные события поколений; 4) история государств, наций-народов, культур (цивилизаций); 6) исторические эпохи; 7) планетарная история.

В целом же репродуктивные вторичные образы долговременной памяти в указанных разновидностях хорошо описаны как на научном уровне, так и на уровне феноменологии здравого смысла. Это освобождает нас от необходимости дальнейшего их описания и экономит место для рассказа о менее представленных в психологической литературе классах образов.

К репродуктивным образам относится и диапазон *вторичных образов кратковременной памяти*. Их изучение является теоретически актуальным: они генетически являются переходными от непосредственного восприятия к психическому отражению на представленическом уровне. Так, изучение *последовательных образов* выявило этапы формирования и развития пространственных представлений в связи с особенностями восприятия и мышления [89].

Наиболее изученными в данном классе вторичных образов являются *послеобразы* (after-image), появляющиеся на несколько секунд после прекращения действия светового стимула. Это сравнительно яркие неконтролируемые образы (используя терминологию из фотографии, образы могут быть и «*негативами*», и «*позитивами*»), субъективно локализованные вовне и перемещающиеся вместе с движениями глаз. Послеобразы встречаются в просоночном состоянии, а также

при галлюцинаторных переживаниях. Механизм затрагивает несколько уровней — от эффектов стимуляции сетчатки до условно-рефлекторного механизма, в силу чего образы могут быть «перенесены» с одного глаза на другой. Выделяются феноменологически близкие разновидности послеобразов: «последовательные образы», образные явления на уровне «остаточных ощущений ретинальной памяти» (типа «фосфенов»). Подобные образные феномены часто имеют место при определенных типах органического поражения мозга и под влиянием галлюциногенов.

Послеобразы не следует смешивать с перцептоподобными, яркими, ясными, четкими, красочными *эйдетическими образами*. Эйдетизм за счет сохранения очень яркого и четкого образа позволяет человеку буквально «видеть» стимул после прекращения его воздействия на органы чувств. Различается эйдетизм явный (человек способен «видеть» предмет с открытыми глазами) и скрытый (предмет ясно и четко предстает перед «мысленным взором» с закрытыми глазами при сосредоточении). Часто эйдетики отличаются синестезией. От послеобразов эйдетические образы отличаются тем, что не требуют для возникновения длительной фиксации на объекте, более длительным своим существованием и легкостью сканирования. Образы чаще существуют в виде «изображения-позитива». Выделяется типология эйдетических образов (Jaench) по их яркости и субъективной локализации во внутреннем или внешнем пространстве. Эйдетические образы как бы определяют «фотографическую память», которая сильно развита у детей и редко встречается у взрослых. Считалось, что эйдетизм характеризует нормальное детское развитие (40% учащихся — явные эйдетики). Исследования 1960–1970-х годов заставили усомниться в масштабах распространенности явления даже у детей. Например, в одном исследовании 1570 школьников не было обнаружено ни одного эйдетика.

Четкого разграничения между классами образов кратковременной памяти нет. Поскольку со временем эйдетические образы могут переходить в класс ярких «образов-воспоминаний», или «образов-воспроизведений», эйдетизм и различные варианты послеобразов часто рассматриваются как явления одного круга (Олпорт). Существуют и переходные формы репродуктивных образов к другим классам вторичных образов. Например, конкретные «конструктивные элементы» воображения могут быть основаны на использовании явных аналогов и прототипов прошлого опыта в представлениях памяти [28; 373; 395; 404; 407; 431].

Образы воображения и фантазии

Понимание природы и механизмов воображения относится к дискуссионным проблемам психологии. Неоднозначность понимания данного психического процесса и феномена заставляет соотносить несколько плоскостей рассмотрения вопроса, акцентируя феноменологический аспект образов воображения и фантазии в их трансляционной функции с учетом регуляторного потенциала¹.

Сложности теоретического осмысления сущности воображения иллюстрируются отсутствием однозначного его определения. Термином «воображение» широко пользуется не только психологическая наука, но и философия, культурология, искусство, религия, а также здравый смысл. Вследствие этого в понятие вкладываются различные значения. «Воображение» (фантазия) через латинское *imago (imaginatio)* синонимично таким словам как образ, изображение. У Даля «воображать» означает представлять мысленно, изображать в уме чувственные и отвлеченные предметы, мысленно живописать картины. В русском языке, например, говорят «представь себе» в смысле «вообрази». Этимология термина в различных языках обычно несет в себе двойной смысл: *формирование образов вообще*² и *создание новых образов*.

В психологии воображение традиционно понимается в этом втором смысле, т.е. как психический процесс создания *новых* образов (в многообразии сенсорных, эмоциональных, понятийных компонентов) на основе творческого преобразования и перекомбинаций элементов различными приемами агглютинацией, акцентированием, гиперболизацией, интерполяцией, экстраполяцией прошлого опыта. Воображение противопоставляется репродуцированию, имитации. Воображение участвует в создании человеком новых образов на основе которых возникают новые действия и продукты человеческой жизнедеятельности. Воображение — это создание того, что еще не существовало актуально.

¹ Влияние воображения на организм иллюстрируется, например, феноменом стигматов, появлением телесных симптомов на основе воображаемой болезни или сильных переживаний; Вольтер, как известно, заболел, в годовщину Варфоломеевской ночи.

² Т. Рибо, например, понимал репродуктивное воображение как образную память [272]. Эббингауз также принципиально не различал продуктивное и репродуктивное воображение. Можно вспомнить и Платона, который сравнивал восприятие с процессом тиснения печати на восковой пластинке, а воображение — с оттиском, который остается после удаления печати.

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев подчеркивают значимый для нас момент: *воображение является одной из фундаментальных характеристик субъективности*, и потому оно включено в процесс познания и преобразования мира [299]. Последнее, в частности, действительно предполагает умение людей преобразовывать реальность не только физически, но и мысленно, — в своих представлениях, мечтах.

Основная функция воображения традиционно видится в познании того, чего человек не воспринимал непосредственно. Фантазия как бы восполняет пробелы в знаниях о реальности. Перекомбинация опыта в субъективно новые сочетания в фантазии дает возможность человеку выйти за рамки причинно-следственных связей обыденной реальности, осуществлять опережающее отражение различного уровня. Следует подчеркнуть интегративные тенденции, тенденции к разрыву устоявшихся связей в личностном опыте, выделение в нем неразложимых элементов, переключение с одного на другой (Вертгеймер, Ферстер [364]).

Под воображением может пониматься также следующее: а) проявления аутичного мышления — «сны наяву», мечтательность (Блейер³); б) показатель одаренности человека; в) способность метафорично выражать мысли, г) способность представлять внутренний мир и переживания других людей, д) изобретательность — способность к необычной и полезной связи вещей, е) склонность воспринимать знакомое с ощущением новизны, ж) умение примирять противоречия. Иногда термин «воображения» относят и к образам измененного состояния сознания (вызванным, например, сенсорной изоляцией, действием наркотических веществ, трансом и др.), а также к сновидениям. В этих классах образов, однако, более важным основанием для категоризации представляется состояние сознания, нежели перекомбинирование информации в образах (см. раздел 3.4).

Теоретически значимо рассмотрение воображения в единстве с другими сторонами психики как «сложной формы психической деятельности, которая является объединением нескольких функций в их своеобразных отношениях» [280, с. 451]. Понимание воображения определяется, с одной стороны, отличием его от других психических

³ Блейлер характеризовал аутизм как болезненное состояние психики, при котором человек концентрируется на своей внутренней жизни, активно уходит от внешнего мира. В тяжелых случаях жизнь человека сводится к грезам и человек воспринимается отрешенным и часто странным. В обычных же случаях человек выглядит нормальным.

процессов, и с другой — включенностью в них и взаимодействием с ними [44; 150; 197; 274; 280]. Любые психические процессы, выступают, с одной стороны, как самостоятельные, а с другой, как компоненты других процессов. С.Л. Рубинштейн, например, указывал, что воображение является аспектом любого акта психического отражения мира: в каждом из них есть «кусочек воображения».

Традиционное понимание воображения оправдано тем, что его деятельность несомненно связывается с *оперированием всем образным опытом*, по крайней мере, на феноменологическом уровне. Обычно поток сознания в состоянии бодрствования содержит комбинацию из фантазий и образов памяти. В процессе фантазирования может происходить переход конкретного в абстрактное [130], могут создаваться сложные комбинированные образы, включающие как чувственно-наглядные, так и рационально-логические компоненты. С.Л. Рубинштейн считал [280], что различие между «конкретным» и «абстрактным» воображением можно усматривать в неодинаковой яркости, отчетливости образов в связи с их абстрактностью, обобщенностью и схематизацией (т.е. в связи с выраженностью в образах сенсорной основы).

Поскольку в результате трансформации представлений возникают новые образы, в воображении мы имеем доминирование *преобразования* информации, в отличие от репродуктивных образов, в которых (несмотря на определенную их трансформацию) происходит *сохранение* исходной информации. На примере «пространственного воображения» можно видеть, что исходными операндами являются пространственные вторичные образы, а операторами — геометрические преобразования, сохраняющие в разной степени метрику и топологию объектов. Результаты преобразований также фиксируются в образе. Даже «необразные» видоизменения обычно приводят к «образному» продукту — визуализация в воссоздающем воображении. Поэтому будем исходить из того, что воображение создает *феноменологически новые* вторичные образы на основе перекомбинирования многомерного и многоуровневого полимодального опыта человека, т.е. дает новые сочетания в связи элементов внешней реальности и внутреннего мира человека в его субъективном пространстве.

Один из главных дискуссионных моментов изучения воображения связан с соотношением *воображения и мышления*. Напомним, что еще Аристотель считал, что мышление частично является воображением, а частично суждением, а согласно Вундту, воображение представляет собой мышление в образах. Перекомбинирование информации входит в механизмы и воображения и мышления. Воображение осуществля-

ет также целесообразное моделирование возможных состояний объекта⁴. Оно, позволяя воссоздавать в образе некий результат, призвано участвовать в программировании поведения, особенно когда проблемная ситуация характеризуется неопределенностью. Познание стимулирует воображение, создающее модель преобразования, которая затем проверяется мышлением [130].

Итак, мышление и воображение выступают как бы равноуровневыми аспектами интеллектуальной творческой деятельности [241]. Есть точка зрения, согласно которой создание нового целиком относится к мышлению, и поэтому нецелесообразно выделять воображение в отдельный психический процесс [44]. Воображение, фантазия, по мнению А.В. Брушлинского, может являться лишь одной из разновидностей чувственного познания. Воображение не относится к мышлению как понятийному познанию, хотя последнее невозможно без опоры на представления⁵. Вместе с тем А.В. Брушлинский согласен с С.Л. Рубинштейном, который не только понимал воображение как аспект и необходимую сторону всякого процесса чувственного отражения действительности человеком, но и признавал, что в познании абстрактные понятия и чувственно-наглядные элементы всегда функционируют во взаимопроникновении. Наглядные элементы в мышлении выступают обобщенными содержаниями восприятия и представления, особыми схемами, которые предвосхищают словесно еще не развернутую систему мыслей. В итоге устанавливается тесное взаимодействие между чувственным познанием и абстрактным мышлением [280; 281]. А.В. Брушлинский возражает в основном против превращения воображения в фантастического «деятеля», который один только способен создавать новое и преобразовывать старое. Традиционное определение фантазии, по мнению А.В. Брушлинского,

⁴ Возникающее целое есть нечто большее по отношению к сумме своих частей. Новое качество можно различать с точки зрения субъективной и объективной новизны продукта воображения. Эти аспекты взаимосвязаны, ибо при создании диапазона субъективно нового вероятность объективно нового возрастает.

⁵ Признание того, что воображение создает новые мысли, приводит, по мнению А.В. Брушлинского, к отрицанию собственно *мыслительной* деятельности. Справедливо, однако, что представления и воображение настолько связаны, что их либо отождествляют друг с другом, либо доводят различие до полной противоположности, опираясь именно на понимание воображения как на создание нового образа, преобразования уже имеющихся представлений.

ведет к признанию других форм психического отражения механическими, «простой репродукцией». Познавательная деятельность лишается творческого момента, ибо все механизмы познания приписываются воображению [44, с. 374]. В этой связи следует отметить его отношение к позиции А.И. Розова [275], полагавшего, что фантазия «вступает в игру» там, где собственно мыслительная деятельность оказывается несостоятельной.⁶

Складывается впечатление, что дискуссия о природе воображения в определенной мере искусственна и связана, в частности, с тем, что не охватывается образная сфера личности в целом. Вдаваться в суть разногласий бесполезно, если не принимать всего многообразия образного опыта и его роль в познании и регуляции жизнедеятельности, который и обсуждается в книге. Но дискуссия полезна тем, что она показывает сложности, возникающие из выделения психических процессов из общего функционирования психики. С точки зрения феноменологически-герменевтического подхода также ясно: то, что традиционно определялось как воображение, имеет онтологический статус во внутреннем мире человека.

А.В. Брушлински признает возможность того, что воображение/фантазия имеет какие-то, пока еще не раскрытые свойства, функции

⁶ В традиционной трактовке воображения под мышлением понимается лишь то, что подчиняется законам логики. Воображение, напротив, выступает как нечто выходящее из-под контроля чисто логических законов. А.В. Брушлинского беспокоит, что тогда основой познания становится только воображение, благодаря которому «удается преодолеть косность мысли, отойти от логических алгоритмов» [44, с. 380]. Но при таком подходе мы имеем неверное понимание мышления. Логика необходима, но недостаточна для понимания мышления. В мыслительном процессе всегда есть некий «остаток», необъяснимый логикой. Спорным является лишь рассмотрение этой существенной стороны мышления, как воображения. Иными словами, трудности в трактовке воображения связаны с тем, что мышление берется только в его логических характеристиках и противопоставляется фантазии. Сторонники традиционного понимания фантазии придают ей самодовлеющее и решающее значение в познавательной, вообще в творческой деятельности. Обращение к исследованию мышления во всем богатстве его логических и психологических закономерностей, во всем многообразии его взаимосвязей с ощущениями, восприятием, представлениями и т.д. приводит к тому, что для воображения либо вовсе не остается места, либо ему отводится весьма незначительная роль. Интересно, однако, что это косвенно подтверждается святоотеческой психологической традицией, в которой воображение рассматривается как *нижнее проявление ума* [134].

и специфику [36, с. 376 и 386]⁷. В целом эти свойства, на наш взгляд, могут быть как раз связаны с системным изучением трансляционной функции образной сферы личности. О многих подобных «пока еще не раскрытых» показателях и свойствах образной сферы свидетельствуют междисциплинарные и культурологические данные, о чем речь пойдет в третьей части книги. Пока же мы будем подходить к анализу воображения с обозначенных традиционных, хотя уже и несколько более общих позиций — целостности образной сферы человека, акцентирования «глубинного психического отражения» и связи воображения с духовным измерением психики.

В.П. Вышеславцев, например, призывает понять не только психологическую сущность воображения, но и его *метафизическое* значение. В этой связи следует снова вспомнить вопрос о соотношении мышления, воображения-фантазии и интуиции. Особенности фантазии, в частности, зависят от характера и степени развитости интуиции (например, интуиции у писателя, ученого, или интуиции первобытного человека). В различных философско-религиозных подходах он выделяет три типа понимания воображения [61, с. 59–65]. Данные аспекты будут рассмотрены в третьей части книги.

- 1) *Воображение как особая психическая функция, низший род познания.* При таком понимании возвышается разум (источник истинного познания и истинной добродетели), а воображение признается источником заблуждения, выражением страстей и пороков. Воображение создает фантастически мир, тогда как задача науки состоит в уничтожении фантастики, враждебной разуму. Воображению отводится скромное место в искусстве. Эта точка зрения характерна для рационализма (Декарт, Спиноза) и позитивизма.
- 2) *Воображение — основная творческая сила человеческого духа, укорененная в подсознании.* «В фантазии,— пишет В.П. Вышеславцев,— слиты все психические функции: чувство, мысль, интуиция, ощущение. Она <...> в сущности, есть выражение

⁷ Отметим следующий момент: по поводу мнения В. Штофа, о том, что преобразование образа объекта в воображении отличается относительной свободой и произвольностью в отличие от мышления, подчиняющегося строгим закономерностям, А.В. Брушлинский замечает, что деятельность фантазии регулируется какими-то другими специфическими закономерностями.

активности всей нашей психики» [61, с. 65]. Напомним, что для К. Юнга основная творческая энергия души есть фантазия. Данный подход основывается на очевидной (на феноменологическом уровне) роли воображения в эстетике, этике, религиозной практике. Большое значение придается выступающему в роли воображения так называемому «эмоциональному мышлению» (Майер), которое, во-первых, стремится «разрешать проблемы» в аффективных состояниях (эстетических, религиозных и др.) и, во-вторых, дает суждения о ценностях и нормах.

3) *Воображение как некая метафизическая сила* (см. ниже).

С позиций феноменологически-герменевтического подхода вызывает интерес многообразие разновидностей воображения, в силу чего образы воображения с трудом поддаются классификации. Эти трудности усиливаются за счет влияния деятельности, направляющей воображение, а также личностных особенностей фантазирования. Вот один из традиционных вариантов классификации: воображение делится в связи с доминированием в жизнедеятельности человека тенденций к *активности — пассивности/реактивности*. В этих случаях обычно говорят об акценте на *произвольное* и *непроизвольное* воображение. В первом случае речь идет о преднамеренном построении образов в связи с сознательной целью. Во втором — образы возникают под действием слабо осознанных или неосознанных потребностей в грезах, в состоянии «бездумного отдыха» и т.п. состояниях.

Активное произвольное воображение описывается обычно в таких разновидностях, как *воссоздающее* (на основе словесного описания, изображений в виде картин, схем, чертежей, моделей), *антиципирующее* и *творческое*. В связи с созданием материальных и духовных ценностей выделяется *практическое воображение*. Особой формой активного воображения является *мечта* — образ желаемого. Мечты, а также образы, отражающие потребности, желания, убеждения, установки, интересы входят в структуру мотивации. По отношению к образам неосуществимого будущего принято говорить о мечтательности, фантазировании.

Пассивное воображение представлено непроизвольными грезоподобными образами, чаще всего состоящими из воображаемых («мечтательных») ситуаций, «удовлетворяющих» сокровенные желания человека. Грезы обычно определяются как образы фантазии, не связанные с волевой направленностью личности на воплощение их в жизнь. Говоря о подобных образах, подразумеваются как произвольные,

так и произвольные фантазии, которые могут возникать при снижении активности сознания в дремотном состоянии, при бездействии, скуке и т.п. Потому можно говорить о некоем едином подклассе образов пассивного воображения. Особенности образов грезоподобной фантазии являются их символичность, трудности описания, «путешествия по оси времени». Заметим, что с точки зрения трансляционной функции образной сферы личности и «грезоподобное воображение» может быть в принципе значимо — в том плане, что человек получает возможность знакомиться с неизвестными аспектами своего внутреннего мира. Однако следует учитывать деструктивные моменты иллюзорности образного опыта, о которых мы поговорим ниже.

Грезоподобные образы обычно анализируются в контексте аутического мышления. Известно, что Блейлер выделял различия в воображении в связи со степенью сохранения соответствия образа реальности. Так, «нормальный аутизм» сохраняет способность отделять фантазию от реальности, усиливает положительный опыт (стремление к приятному) и редуцирует отрицательные эмоции (избегание неприятного). Пассивное грезоподобное воображение детерминировано личностными показателями, в частности, особенностями переживания состояния фрустрации. Здесь важен принцип сохранения аффекта — «зеленый свет» для одних образов и «красный» для других (пессимист, например, собирает в себе трагичное). Поэтому грезоподобные образы чрезвычайно эмоциональны и тенденциозны, подчинены неосознанным желаниям, потребностям. Хотя реальные события и влияют на содержание образов, последние могут пользоваться любым материалом, ассоциироваться по любому признаку.

Антиципирующее воображение связано с образами того, что человек желал бы осуществить. Это образы будущего, участвующие в предвосхищении событий, в частности, в мысленном проигрывании вариантов. «Визуализация гипотез» — важный элемент механизма опережающего отражения, помогающий моделировать будущее.

Образы творческого воображения представляют собой образы, несущие некое новое содержание, реализация которого способна привести к созданию новых материальных и культурных ценностей. Образы творческой фантазии участвуют, в частности, в создании нового в искусстве. В образах имеет место широкое мысленное сопоставление и обобщение, сочетание типического и индивидуального (например, в художественном творчестве). Способы преобразований вторичных образов (агглютинация, гиперболизация, схематизация и др.) особенно ярко проявляются в данном виде воображения. Важны такие основные

операции в создании образов как соединение и расчленение чувственного опыта (Рибо). Художественное отражение мира возможно лишь при наличии мощной конструктивной фантазии, помогающей избежать копирования реальности, и создавать обобщенную и вместе с тем правдоподобную картину.

С точки зрения механизма участия фантазии можно выделить два типа художественных образов [11]: 1) образы, базирующиеся на *осознаваемом опыте* автора, его конкретных воспоминаниях, когда воссоздаваемые впечатления комбинируются вокруг замысла; 2) образ может возникнуть и без осознания своей связи с прошлым опытом личности; перекомбинирование известных образов в новые сочетания идет на неосознаваемом уровне на основе целесообразной группировки образов памяти вокруг некой главной идеи («кристаллизация»). Здесь можно указать на *символическое воображение*; некий образ-символ может вызвать широкий диапазон различных образов, оставаясь основой переживаний⁸.

⁸ Главная идея (замысел) является одной из основных сил вызывающих яркие образы в качестве основы для художественного образа. Развитие творческого замысла представляет собой постепенный процесс от «нечто неуловимого», но интуитивно целостного до конкретного образа-плана художественного произведения. Наполнение замысла конкретным содержанием происходит, как правило, в процессе расчленения общих представлений на частные образы. Следует отметить роль общей установки (системы установок), направляющей работу воображения, а также значение доминирующей эмоции. Находя новые сочетания для известного, воображение позволяет отойти от давления образов воспоминаний. Фантазия превращает личный опыт художника в особый мир — художественный образ, который является творческим отображением реальности. Надо указать и на роль рационального мышления, несомненно участвующего в отборе художественного материала в соответствии с замыслом и оценивающего возникающие перед взором художника образы с точки зрения художественной и психологической правды. Эмоциональность образов помогает трансляции творческого замысла аудитории. Переживания как бы фильтруют поток сознания художника, высвечивая особенно значимые образы. Он вживается в создаваемый им образ, проецируя свой внутренний мир на изображаемый объект. Яркие образы эмоциональных состояний позволяют придать отчетливые формы тончайшим движениям души. Глубокая погруженность в образы также позволяет автору «жить» в воображаемом мире. Не случайно исходной формой творческого воображения можно считать так называемое «сказочное воображение», связанное с феноменом одушевления материального мира. «Сны наяву», в которые погружается художник, дают ему наслаждение от игры собственного воображения. Спецификой образов творческой фантазии является не толь-

Образы воссоздающего воображения формируются на основе знаковой информации, например, словесного описания, схемы и др. и играют большую роль в познании, в человеческой коммуникации, в восприятии искусства. Воссоздающее воображение связано с проблемами психологической семиотики [62]. Данные образы в большой степени зависят от имеющихся у человека представлений и знаний об объекте.

Воссоздающее воображение хорошо иллюстрируется актуализацией образов на основе литературного описания. Сущность смыслового восприятия текста состоит в создании «динамического образа содержания текста», в котором отображается «стоящий за текстом» реальный мир [188а]. Интересно, что при чтении литературы на иностранном языке могут возникать более яркие образы (впечатление «прокручивания фильма») [364]. Возможна типология по степени адекватности отражения литературного описания [231а].

Разновидностью воссоздающего воображения являются также *образы, возникающие на основе чтения карты*. «Представления по карте» [355] связаны со способностью людей видеть за условными обозначениями реальную местность. Выделена типология, связанная с мерностью отображения пространства, фрагментарностью воссоздания облика природных объектов, схематизированностью и обобщенностью образов. По сравнению с образами, возникающими при чтении карты, *образы дешифрирования аэрофотоснимков* характеризуются, в частности, большей схематизацией, подвижностью, динамической комбинацией двумерности и трехмерности, выраженностью операций сравнения в процессе решения задачи. Образы могут отражать целостные ландшафты или элементы (см. работы М.В. Гамезо [89], В.Ф. Рубахина [278]).

К образам воображения могут быть отнесены также следующие его разновидности: 1) *«кинематографические образы»* — подобие «красочного фильма» перед мысленным взором, в силу чего данные образы

ко их реалистичность (происходящее в образе «видится» и «слышится»), но и выраженная антиципирующая функция. Последняя является основой той точки зрения, согласно которой гений знает мир априорно и создает художественное произведение как бы вне своего непосредственного опыта на основе какой-то таинственной силы. Вспомним, например, что Достоевский в возрасте 20 лет не только смог в художественном образе выразить суть общественной жизни своего времени, но и угадать многое из грядущего [87;11].

часто используются в литературном творчестве; 2) *детские фантазии*, достигающие большой реалистичности (дается детальнейшее описание цвета, формы, размера); часто это «воображаемый товарищ по игре» — человек или животное; 3) *образы при математических операциях* — комбинации образов выступают своеобразными кодами при вычислении.

К сфере воображения относят **образы архетипического содержания**, отражающие коллективное бессознательное — этот «информационный банк», хранящий опыт человечества в его связи с «вселенскими измерениями» и их метафизическими влияниями⁹. Архетипы, как известно, выражают представленность в глубинных слоях психики неких изначальных и всеобщих образов, универсальных представлений о мире, обладающих силой воздействия на реальность. Архетипы как прообразы-прототипы, следовательно, участвуют в бытии материального мира. Архетип можно представить как «фундаментальный энергетический, динамический фактор, действующий как в жизни, так и внутри нас самих» [163, с. 16]¹⁰. Строго научного определения архетипа, однако, нет. В частности, это является следствием того, что проблематика архетипа затрагивает «метафизические факторы», которые не рассматриваются психологической наукой. Концептуальное определение архетипов затрудняется и тем, что информация в коллективном бессознательном существует в неструктурированном виде.

⁹ В то же время образы архетипического содержания следует отнести и к макроклассу образов измененных состояний сознания, в котором они проявляются более часто, «рельефно» и, главное, интенсивно.

¹⁰ Архетипы — это некие первичные, изначальные энергии бытия, являющиеся фундаментальными элементами космоса [163, с. 119]. «Архетип, — пишет С. Каплан-Уильямс, — это лежащее в основании тех или иных явлений энергетическое взаимосочетание энергий, ответственное за возникновение форм. *Энергия* — степень силы, способность к движению, способность перемещаться из одного места в другое, воздействовать на материю или породить в ней изменения. Сама *материя* является в некотором смысле сгустком энергии, и когда энергия находится в относительном покое, она принимает форму материи. Архетип — это сочетание энергии и формы. Лишенная формы энергия будет рассеиваться, а форма без энергии остается неподвижной и, выражаясь человеческими понятиями, лишенной жизни. Вселенная создана из этих основных взаимосочетаний энергии и формы, называемых архетипами, и сама жизнь тоже является их проявлением» [163, с. 29]. Эти мысли очень важны, ибо энергия архетипа через мифологические и символические формы выражения в жизни человечества влияет на земную реальность. Знания об архетипах полезны и для понимания механизма влияния «имаго-символосферы» на человека — влияния через универсальную архетипическую символику (в смысле резонанса обеих символических систем).

Границы между единицами «архетипического алфавита» вследствие указанной неструктурированности неизбежно будут размыты и условны. Можно говорить о проявлениях, свойствах архетипа, но это дает лишь некую «рабочую» его дефиницию. Так, принято говорить, что архетипы — это «матрицы-первообразы,» имеющие *всеобщее качество* для всех людей и существующие в «коллективном бессознательном» человечества. Идея архетипов созвучна платоновским идеальным формам, существующим в «божественном уме» и определяющим формы материального мира.

Человек является носителем бесконечно разнообразных архетипов. Как известно, существуют архетипические *сюжеты* (типа «приключения Героя», «вражда братьев», «битва за отделение от матери»), архетипические *персонажи* («божественное дитя», «мудрец», «странник и др.), архетипические *символы*. Архетипическими можно считать и юнговские «персонажи»: «персону» (упрощенно говоря, спектр «масок» для окружающего мира), «тень» (нечто неосознаваемое и непринимаемое в себе) «самость» (некая «идеальная личность», «анима-анимус» (образ противоположного пола любого возраста)¹¹.

К. Юнг показал, что архетипы проявляются в мифологии, культурных, религиозных символах и обрядах, в искусстве. Архетипы формируют некую «ментальную структуру», в которой представлены общечеловеческие роли, стереотипы поведения, типичные человеческие переживания, связанные с универсальной символикой. Отметим, что проблема первообразов в человеческой психике интересовала и Фрейда. Изучение типичных фантазий привело его к мысли о существовании бессознательных «первофантазий», выходящих за рамки

¹¹ Обобщенно говоря, это образы, отражающие представленность в людях черт противоположного пола. Например, для женщины — это могут быть как образы привлекательного молодого человека, так и убежденного сединами мудреца. Подобные образы, однако, трудны для интерпретации и дифференциации от других образов, также содержащих черты противоположного пола (например, архетипического содержания), ибо, закладываясь в человеке с опытом коммуникации, они не представлены в сознании. К тому же человек порой болезненно реагирует на наличие черт противоположного пола в себе, полагая это некой ущербностью. Интересной проблемой является искажение анимы-анимуса в связи с деформацией половой идентификации под влиянием тенденции социального одобрения гомосексуальных тенденций, осуждаемых мировыми духовно-религиозными традициями как противоестественных, противоречащих божественным законам мироздания.

индивидуального опыта и наследуемых генетически. Фрейд выделял различные уровни фантазирования: это уровни сознания, сублимации, бессознательного [264, с. 410].

Важными для анализа трансляционной функции образной сферы личности является то, что архетипические образы выражают психические содержания, которые не подвергались сознательной рефлексивной обработке. Поэтому архетип не может быть описан в понятийно упорядоченном виде. С одной стороны, архетип характеризуется бесконечной изменчивостью связанных с ним образов (в смысле множества своего описания). С другой стороны, описание архетипа не может быть исчерпано сколь угодно подробным перечислением связанных с ним образов. Всегда что-то останется «за скобками». Характерной особенностью образов архетипического содержания является и то, что провести четкую границу между ними практически невозможно. Во-первых, образы как бы плавно перетекают, проникают друг в друга. Во-вторых, архетип, будучи прообразом, проявляется на различных планах/уровнях бытия: как образы и символы, как семантические или понятийно-смысловые конструкты, как «вселенские принципы мироздания» (например, одно и то же «божество» может воплощать космический принцип, служить основой религиозной практики, использоваться для бытовой магии [330, с. 87–88]). В то же время, хотя архетип и предстает в столь разных формах и с ним могут ассоциироваться самые различные образы, он содержит, как подчеркивает Е.А. Файдыш, нечто неуловимо общее, позволяющее во всех образах чувствовать нечто единое, стоящее за ними. Действительно, архетип «Матери», например, включает образ реальной матери, обобщенные образы матери — «любящей», «жертвующей всем ради ребенка», «доминирующей», «угрожающей», «удушающей» и т. д., мифологические образы Женщины из различных культур («Великая Мать», «Мать-Природа» и пр.), а также символы воспитания, заботы, поддержки.

Итак, архетип можно понимать как многомерный объект-образ определенного тематического содержания, актуализируемый через многоликие «образ-проекции» на различных уровнях сознания и в различных измерениях человеческого бытия.

Важнейший аспект изучения архетипических образов связан с неосознаваемой детерминацией социального восприятия (социальных представлений) коллективным бессознательным. Социальный архетип является силой, требующей, чтобы ее воспринимали всерьез и уважали [284]. К.А. Абульханова в исследовании социального мышления затрагивает этот сложный вопрос [1]. Подчеркивается, что кол-

лективное бессознательное действует «изнутри» и образует отправную позицию восприятия мира. Здесь, естественно, надо подчеркнуть роль архетипов, поскольку именно они составляют самые глубокие корни личностной идентичности, выражающие экзистенциальный характер. Действительно, неосознаваемые коллективные представления дают невербализуемые образы\ или же прорываются в форме ярких переживаний. Уровень неосознаваемых представлений очень сложен; психоанализ, духовные традиции показывают это. Последующий материал книги предоставит информацию по обозначенной проблеме.

Образы архетипического содержания тесно связаны с **мифологическими образами**, образами, несущими мифологическое содержание. Психика человека содержит «архетипический алфавит» из которого происходят мифы. Мифы рассматриваются как «проекции» коллективного бессознательного и, соответственно, отражают взаимодействие архетипов. Мифология — способ обработки архетипических образов вместе с сопутствующим мифологическим символизмом. Напомним, что миф — это связанный с народной жизнью способ целостного образного освоения мира, некая коллективная фантазия, обобщенно отражающая действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций и одушевленных существ (Аверинцев). Большая роль в порождении мифа отводится эмоциональной сфере. Мифу присуща своя особая достоверность, которая опирается на силу непосредственного переживания [46, с. 58]. Поэтому мифология связана с искусством и религией, в частности, по тематике выражения духовных смыслов и общечеловеческих проблем, по использованию метафорического и символического языка. Тесная связь с областью переживаний подчеркивает актуальность мифа для раскрытия трансляционной функции образной сферы личности.

В истории изучения природы мифа для анализа мифологических представлений людей можно выделить следующие идеи (возьмем за основу анализ, выполненный В.А. Кольцовой [172], и расставим собственные акценты): 1) выражение в мифе ритуальных представлений людей, отражающих условия их жизнедеятельности (Фрезер); 2) рассмотрение мифа в контексте изучения развития языка и мышления (Потебня); 3) понимание мифа как продукта коллективного духовного творчества; миф отражает представления о мире его создателей, характеристики мифотворящего народа (Вундт); 4) рассмотрение мифа с точки зрения коллективного бессознательного, проявляющегося в индивидуальном сознании в виде архетипических образов/символов (Юнг); 5) изучение мифа в контексте религии,

осознание в этой связи авторитетности мифа (Фромм); 6) подход к мифу как активной силе, участвующей в организации и сохранении социальных структур (Малиновский).

Особое значение имеет изучение мифологического сознания А.Ф. Лосевым [200; 200a]. Рассмотрение этим выдающимся философом природы и функционирования мифа позволяет объединить указанные основные ракурсы исследования мифологических представлений и продвинутся дальше. Миф не только выражает миропонимание, мировосприятие эпохи, но и связан с метаисторической целью человечества, с перспективами *духовного* развития мира, и именно поэтому мифологическое сознание может быть понято как находящееся выше рационализма в его попытках познать мироздание и тайну бытия (именно в силу своей метаисторичности, предполагающей духовные основы исторического процесса, миф не будет понятен историку-позитивисту). Мифология не является иллюзией, вымыслом, социальной фантазией. Миф — это реальное непосредственное чувственное жизненное событие, подлинная, конкретная действительность, связанная с потребностями и стремлениями людей (миф всегда личностен). Для субъективного восприятия мир является таким, каким его репрезентирует миф. Миф отрешен от обыденного и выражает высшие духовные смыслы, направлен на раскрытие «абсолютного бытия». В мифологическом знании, отражающем факты различных степеней реальности, есть свои критерии достоверности, закономерности. В мифе объект и субъект слиты. Миф не предполагает доказательств, не опирается на опыт, в силу чего он непроверяем. Мифологическое сознание отображает редкие и единичные явления.

Мифологическое мышление представляет интерес для психологической науки: оно является источником изучения психологического познания [171a; 172]. В.А. Кольцова отмечает отражение в мифе глубинных пластов самосознания народа. Анализируя продукты мифологического творчества — сказки, легенды, былины¹², она подчер-

¹² Сказки отражают воззрения народов на мир и человека, древнейшие мифологические предания народа, «древнюю мудрость» и верования людей, символически воспроизводят философскую мысль и мистические учения о Боге и мире, метафорически изображают природные явления. Сказки — продукт коллективного воображения. Они воссоздают «универсальные идеи» человечества, непосредственно отражают коллективное бессознательное (архетипические образы). Былины отражают глубинные характеристики, лучшие свойства русского народа. В.А. Кольцова определила былинку как *уникальный источник изучения обыденных психологических воззрений*. Былин-

кивает личностное осмысление действительности. Мифы выступали средством познания и символического моделирования, классификации и интерпретации мира и человека, являлись социальными регуляторами (функция социального контроля, фактор сохранения родовых общественных структур), в частности, формировали общественные идеалы, нормы и т.п. Заметим, что именно исследование мифологических представлений привело к интересным находкам в изучении неосознаваемого психического в русле психоанализа. Миф как источник психологического знания позволяет: 1) исследовать обыденные психологические представления, эмоции и чувства, ценности и идеалы, бессознательные структуры психики (на ранних этапах существования человеческих сообществ); 2) проследить генезис и динамику психических явлений на разных стадиях исторического развития. Накопленные данные о мифологических представлениях исключают пренебрежительное отношение к мифу, считая его выражением «низших форм» отражения реальности, связывая миф с детским и примитивным мышлением. Миф выступает специфической формой выражения некой идеи в связи с архетипическим алфавитом. Коллективное бессознательное мифологично. Мифы, в свою очередь, являются «проекциями» коллективного бессознательного, отражают взаимодействие его архетипического алфавита, обрабатывают архетипические образы. Здесь следует подчеркнуть проблемы мифологического символизма.

ны — продукты коллективного творчества народа, отражающие широкий спектр психологических представлений и переживаний их создателей: их идеалы, ценности, надежды и чаяния. Былины отражают глубинные пласты человеческой психики. Они представляют собой особый вид исторических источников, в которых воплощаются и совмещаются вымысел с реальностью, идеальные образы мира и человека с действительно существовавшими историческими личностями и событиями (само слово «былина» указывает, что это сказание о том, что имело место в жизни), мысленно конструируемое ожидаемое будущее с пришедшими из глубинных слоев народной жизни верованиями и преданиями. В отличие от сказок и мифов у многих былинных героев есть реальные прототипы. Так, историческим прототипом былинного героя Добрыни Никитича, например, является дядя князя Владимира — киевский воевода Добрыня, упоминаемый в русских летописях. Есть прототип образу Алеши Поповича и Ильи Муромца. Мощи последнего находятся в Киево-Печерской Лавре. Былины, с одной стороны, содержат обобщенные психологические образы, стереотипность сюжетных линий, с другой — в них представлены конкретные характеристики их персонажей, глубоко индивидуальные психологические описания. Былины являются непосредственным откликом человека на исторические события.

Итак, будем исходить из того, что класс образов мифологического содержания является формой отражения объективной реальности, носителем психологического знания, в частности, о сфере духовного. К архетипическим и мифологическим образам мы будем неоднократно возвращаться в тексте, в частности, при обсуждении проблематики образов измененных состояний сознания и под тем углом зрения, что данные классы образов отражают некий объективно существующий прообраз в контексте изучения трансляционной функции образной сферы человека.

Описание архетипических и мифологических образов невозможно вне класса **символических образов**. Именно символизм дает мифологическим представлениям форму для их смыслового содержания. Язык символов — универсальный язык человечества, придающий внутренним переживаниям статус событий не только внутреннего мира, но и внешней действительности. Через символ происходит взаимодействие психики (души) с окружающим миром во всем многообразии его бытия, включая метафизические измерения реальности. Ввиду широчайшего феноменологического диапазона класса символических образов (например, от воспоминаний о рекламной информации до социального представления мировоззренческого уровня) они будут часто упоминаться ниже (в зависимости от контекста их анализа). В данном разделе укажем лишь на важные моменты в понимании символа. Сделаем, в частности, уточнения относительно понятий «образ», «символ», «знак». Образ — это отображение некоего объекта-прообраза, в котором максимально сохраняются его пространственно-временные и информационно-энергетические отношения объекта (образ — это некая «копия-слепок» с теми или иными искажениями в процессе психического отражения). Символ отражает лишь существенное, отличительное в объекте. Знак находится с объектом в конвенциональном, т.е. условно принятом, соответствии, заданном извне или положенном самим человеком.

Символ выражает не только образ, но и идеи. Духовная символика поэтому через символические образы так тесно связана с идеологией, мировоззрением. Иными словами, за символом стоит духовная энергия символизируемой сущности. С. Каплан-Уильямс указывает, что символ способен вызывать всплеск энергии и фокусировать ее [163, с. 53]. В.П. Филимонов, например, подчеркивает, что через символ выражается идея, ее мировоззренческая духовная сила. «Символ несет смысл идеи, которую он выражает, а идею питает дух. Так через символ осуществляется духовная связь с той духовной сущностью,

которую этот символ выражает. И, наконец, люди, принимающие и использующие какой-либо символ, соединяются в соответствующем этому символу духе» [332, с. 301]. Символ успешно выступает известным условным опознавательным идентификатором для членов определенной общественной группы, например, тайного общества.

При анализе духовной составляющей символических образов надо отметить подход В.В. Налимова, который предполагает [223], что человеческое сознание погружено в особую «семантическую трансперсональную реальность», не схватываемую естественными науками. В.В. Налимов уже несколько десятилетий назад указывал, что разработка проблемы бессознательного игнорирует тысячелетний духовный опыт человечества в познании «семантической вселенной» в структуре мироздания. Эта вселенная отличается от сенсорно воспринимаемого мира и содержит существующую в природе символику (круг, треугольник, крест и др.). «Семантическая реальность» раскрывается через образы измененных состояний сознания.

Мы рассмотрели весь диапазон основных классов (и подклассов) вторичных образов, условно говоря, в *обычном бодрствующем состоянии* индивидуального сознания. Но у людей бывают случаи, связанные с особыми психическими состояниями, когда вторичные образы носят необычный характер (при этом речь идет о психически здоровых людях). Это могут быть ситуации сенсорной депривации, монотонии, воздействия многочисленных других факторов, порождающих образы измененного состояния сознания. В частности, в ситуации творческого экстаза от художественного творчества некоторые видения Художника (который в обычных состояниях считается здоровым человеком) при максимальном его вживании в содержание образов сопоставимы по яркости и чувству реальности с галлюцинациями¹³. Иными словами, многие классы вторичных образов связаны с измененным

¹³ Возникающие необычные переживания и видения могут выступать информационным источником для творчества. Не случайно многие писатели хорошо изображали измененные состояния сознания, галлюцинации (Диккенс, Достоевский). Вместе с тем, галлюцинаторный бред не имеет ничего общего с художественным творчеством. Творческая суперфантазия может иметь место и у лиц с психопатологическими отклонениями. Ясно, что разграничение «нормальности–болезненности» творческого сознания упирается в необходимость более глубоких знаний об образной сфере. Каковы критерии отклонения от творческой нормы? Что мы например, можем сказать о таких великих людях, как Гете и Мюссе, которые «видели» своих двойников?

сознанием. Мы имеем огромный спектр различных разновидностей подобных образов. Учитывая *большую* сложность материала и меньшую изученность предмета исследования, уделим данным классам вторичных образов повышенное внимание. Также подчеркнем, что выход из проблематики репродуктивных вторичных образов и образов воображения в более широкий контекст рассмотрения образной сферы личности позволяет получить дополнительные феноменологические данные о синтезе психического материала в *новые* сочетания, подчеркнуть существование синергетического эффекта во взаимодействии образов-элементов в рамках образной сферы человека.

3.2. Сновидения

Сны реальны, пока они длятся.

(Х.Эллис)

Сновидения являются неотъемлемой частью психической жизни людей, ярчайшими фрагментами их внутреннего образного опыта. Сны — это как бы вторая жизнь человека, связанная с его жизнью в состоянии бодрствования сложными закономерностями. Сновидения часто характеризуются как один из самых туманных феноменов психической (душевной), а тем более духовной жизни [107] человека. Тайна сновидений волновала человечество с незапамятных времен, порождая порой неожиданные вопросы. Является ли, например, вообще наше бодрствующее сознание «нормальным бодрствованием»? Можно вспомнить, что Шопенгауэр считал сновидения кратковременным умопомешательством, а психоз — пролонгированным сном в состоянии бодрствования. Юнг же характеризовал шизофреника как спящую персону в мире бодрствующих. Согласно суфийской традиции, бодрствование — это особая форму сна, сравнимая с гипнотическим трансом: первым признаком пробуждения от такого «бодрствующего» состояния является подозрение, что оно является сном. Аль-Газали говорил, что, если во сне человек принимает сны за несомненную реальность, а проснувшись, считает их пустыми химерами, то кто может поручиться за истинность понятий, которые «наяву» извлекаются из чувств и разума? Подобные мысли подтверждают осторожное отношение к снам святоотеческой традиции.

Таинственность сна породила в истории человечества много точек зрения на данный образный феномен. Первобытный человек воспринимал приснившееся как реальность (Леви-Брюль). За действия, совершенные во сне, он мог быть наказан. Распространенным было представление о «странствиях души», о посещении человека духами умерших во время сна. Содержанием снов руководствовались при выполнении обрядов, при решении государственных проблем (Плутарх). Для этого существовали толкователи сновидений и соответствующие трактаты. Например, «Толкование сновидений» Артемидора Эфесского, «Большой» и «Малый» египетский сонники, «Мусульманский снотолкователь и гадатель» и др. В попытках осмыслить механизмы сновидения взгляды древних существенно различались. Гераклит, например, считал, что душа во сне находится в состоянии забытья. Демокрит подчеркивал в сновидениях продолжение работы мозга. Сократ акцентировал божественную природу сновидений, позволяющую предсказывать будущее. Аристотель же отрицал последнее. Гиппократ выделял «божественные сновидения» и сны, порождаемые физиологическими процессами в организме. Сон, в частности, связывался и с отравлением мозга гипнотоксинами, накапливаемыми в организме в бодрствовании, с изменением кровоснабжения мозга и с деятельностью специального «центра сна».

Наука стала интересоваться сном лишь в XIX в. Причем интересно, что психологов сон интересовал меньше, чем врачей и физиологов. Например, так называемая гемодинамическая теория сна утверждала, что сон происходит либо от прилива и застоя крови в мозгу в результате горизонтального положения человека (Кабанис), либо, наоборот, от оттока крови от нефункционирующего мозга (К. Бернар, А. Моссо). Картина научных изысканий по этой проблеме за истекшие два столетия достаточно пестрая и противоречивая. Приходится констатировать, что в целом научные знания о природе и функциях сна недостаточны, особенно если учесть, что о снах есть интригующие междисциплинарные и культурологические данные, требующие своего научного осмысления.

Бесспорным, однако, фактом является признание того, что сновидения активно участвуют в психическом отражении-регулировании жизнедеятельности человека. То, что психика, освобожденная от суеты, в сновидениях продолжает решать человеческие проблемы и порой дает новый взгляд на известное, ясно выражает трансляционную функцию образной сферы личности. Регулятивный же потенциал снов виден уже хотя бы в том, что они могут, в частности, вызвать на весь день

приподнятое настроение (воспоминание о каком-нибудь «красивом сне») или, наоборот, ввести в депрессию (образы ночного кошмара).

Сновидения как формы переживания «особой сновидческой реальности», обусловленной физиологически особым уровнем работы мозга [267]¹⁴, должны быть разграничены с галлюцинаторноподобными образами, с образами измененных состояний сознания. Вряд ли сновидение является лишь «кортикальной галлюцинацией» (Кандинский).

К эмпирическим характеристикам образов-сновидений можно отнести следующее. Сновидения в большинстве случаев являются образами произвольными, сумбурными по содержанию. Законы привычной человеку «реальности бодрствования» нарушены. Но образы-элементы могут соединяться по некоей особой, как может казаться сновидящему, логике. Картины следуют друг за другом по течению ассоциаций, над которыми он не имеет контроля. События во сне обычно признаются реально существующими. Но при воспоминании о сновидении его сюжет неправдоподобен и чаще всего субъективно бессмысленен. С позиций бодрствующего сознания в нем отсутствует логика событий. Вундт, например, указывал, что слышимое во сне только на первый взгляд может казаться содержательным и осмысленным, в действительности же это «язык без грамматики» [58].

«Сумбурность» снов выражается, в частности, в их «временной хаотичности». Снящееся может относиться к различным периодам жизни, невероятным образом перемещаться во времени. Сновидения могут совпадать с привычным ходом объективного времени, ускоряться и замедляться; значительные эпизоды могут развиваться за доли секунды. Эта огромная скорость «жизни в сновидениях» является одной из самых ярких характеристик сновидений. Она, в частности, иллюстрируется феноменом, когда внешняя кратковременная, но сильная

¹⁴ Известно, что сон порождается разлитым торможением коры больших полушарий и подкорковых структур, возникающим по мере расходования нервными клетками своего биоэнергетического потенциала и снижения их возбудимости в течение периода бодрствования [106]. В результате сна клетки восстанавливают свой биоэнергетический уровень. Сон не пассивный отдых, а активное состояние организма и психики. Даже при глубоком сне в мозгу остаются «бодрствующие участки», осуществляющие «сторожевую функцию», связанную с возможностью экстренного пробуждения. Кто-то определил сон как бодрствование, направленное внутрь. Отметим также идею о том, что именно психофизиологическое состояние человека и неравномерная деятельность мозговых центров сближают «дремные состояния» с состоянием умственного расстройства [107].

стимуляция (например, будильник, падение каких-то предметов, особенно на спящего человека) «хитроумно к месту» влетает в сон, и человеку снятся какие-то продолжительные события. Так, пророк Магомет за время падения вазы (заснул при первых мгновениях ее падения и поймал вазу после пробуждения) подробно осмотрел рай.

Хотя снящееся трудно отнести к какому-то конкретному времени, все же можно выделить следующие типы снов, различающиеся и по функциям: 1) *ретроспективные сновидения* в форме «воспоминаний во сне» — способствуют распаду устаревших эталонов памяти (роль памяти в механизме сна изучала Р.М. Грановская [104а]); 2) *оперативные сновидения*, в которых снится нечто происходящее как бы в настоящем; они связаны с отражением текущей стимуляции (внешней и внутренней, в частности, со сторожевой функцией сна); 3) *проспективные сновидения*, рисующие будущее, в том числе отражающие то, что впоследствии действительно происходит. Возможны сложные формы временной организации сновидений — «многоступенчатые сны» (сновидения в сновидении). Например в стихотворении «Сон» Лермонтова во сне № 1 герой видит себя умирающим. Во сне № 2 (внутри сна № 1) ему снится молодая женщина, которой — во сне № 3 видится, что «в долине Дагестана с свинцом в груди» умирает человек. Сон возвращается к субъекту сновидения. Следует отметить, что в художественной литературе можно встретить описание всей феноменологии как нормального сна, так и его нарушений.

В снах имеет место значительная гиперболизация и акцентирование отдельных деталей его содержания. Снящееся кажется более значительным, ему даются возвышенные оценки (земная красота представляется в «небесном блеске»). Показательны и несоизмеримые оценки в смысле уменьшения значения какого-то воздействия (ощущение удушья от пожара может быть лишь следствием чувства тяжести, положенной на грудь).

Сновидения высоко эмоциональны. События во сне как бы реально *проживаются*. Это отличает их от вторичных образов нормального состояния сознания. Эмоциональности снов способствует то, что в них происходит определенное «одухотворение» вещей.

В снах отдельные предметы (элементы сновидений) изображаются без особых изменений. Новой или искаженной (относительно привычной реальности) оказывается целостная ситуация. Иными словами, объекты, открывающиеся сновидящему, в основном знакомы, а ситуация дается новая. Изменения в содержании сновидений могут касаться, например, следующих моментов: 1) новые образы появляются как бы

из ниоткуда; 2) сновидение может разделиться на несколько; 3) одни детали сновидения могут поглощать другие [267].

Сновидения, как правило, являются визуальными образами, однако они могут быть и полимодальными с доминированием зрительного компонента. Часто говорят о хроматичности-ахроматичности снов: одни видят цветные сны, другие черно-белые. Есть точка зрения (например, Хартман [404]), что сновидения — всегда цветные, однако по пробуждению у некоторых людей «краски стираются».

В научных описаниях сновидений традиционно отмечалось: замкнутость снов по отношению к действительности при зависимости их от нее, большая свобода течения образов одновременно со значительной ее связанностью, виртуозность сновидений, гениальность их некоторых комбинаций наряду с бессмысленностью и ослаблением психической жизни (Гильдебрандт). Известной идеей является мысль о том, что сны не содержат нового содержания по сравнению с опытом человека. Меняется лишь форма подачи этого опыта в сновидении: все явления искажаются и преувеличиваются, извращается последовательность событий, смешиваются отдельные моменты времени, теряется связь между предыдущим и последующим. Новое и необычное в снах, следовательно, касается не *содержания* образа, а только *формы сочетания* элементов [107, с. 28].

Н.Я. Грот выделяет четыре особенности снов: случайность их направления; односторонность их *состава*; произвольность их *формы*; зависимость их *содержания*. Данные особенности можно свести к двум. Сновидения, во-первых, отличаются односторонностью и отсутствием самобытности в подборе материала, из которого они слагаются, и, во-вторых, их построения имеют случайный и произвольный характер. В то же время, хотя большая часть сновидений представляет ничего не значащие и несообразные с фактами сочетания, есть и исключительные, редкие случаи. К таковым относятся факты творчества. Последнее признание Н.Я. Грота важно для междисциплинарного изучения трансляционной функции образной сферы личности.

Сложный циклический механизм сна как процесса — цикличность и взаимосвязанность его фаз/стадий — определяет многообразнейшую феноменологию сновидений и их эмпирические характеристики. Сон — это внутренне целостный процесс, однако, он имеет разновидности: медленный и быстрый сон (МС и БС). Обычно сны видятся 5 раз за ночь во время БС-фаз. Сновидения в четырех разновидностях МС-фаз имеют свою специфику. В зависимости от индивидуальных

особенностей сновидящего, событий накануне и планов на будущее, «вес» различных фаз в циклах пластично перераспределяется.¹⁵

Сон функционирует как целостный процесс: каждая предыдущая фаза со своими функциями влияет не только на последующие в рамках одного цикла, но на все фазы в других циклах. Р. Картрайт выделила (по [49]), в частности, последовательность в разновидностях сновидений в течение ночи. Первый сон протекает «в настоящем», часто отражает события непосредственно предшествовавшие сну, и, в определенном смысле, задает тему для содержания последующих сновидений. Второй и третий сны могут касаться прошлого, однако все еще

¹⁵ В каждом цикле сна выделяется четыре МС-стадии (например, дремоты, сонных веретен, две фазы дельта-сна) и БС. «Среднестатистический» сон представляет собой пять циклов комбинации МС и БС. Каждый цикл длится приблизительно 1,5 часа (общее время сна поэтому должно быть кратным 1,5). БС завершает каждый цикл. Пробуждение в нем облегчает вхождение в состояние бодрствования и дает субъективное чувство достаточности сна. Пробуждение в МС-стадии нежелательно, ибо прерываются происходящие в нем нейрохимические процессы. БС в 1-м цикле минимален, но к концу ночи его длительность возрастает. Повторение циклов БС имеет приспособительное значение, в частности, первые циклы обеспечивают выполнение биохимических программ-минимум на возможный случай пробуждения. При исключении какой-либо фазы, например, многократной депривации БС имеет место тенденция к ее восстановлению в последующие ночи. Во время БС, занимающего у взрослого человека 20–25% общего времени сна, рисунок ЭЭГ похож на ритмы бодрствования: учащается дыхание и сердцебиение, активизируются физиологические функции, возникают быстрые движения глаз (REM-показатель). Эндокринные изменения также максимально приближены к состоянию бодрствования. Разбудить же человека становится труднее (парадоксальный сон). При МС снижаются все физиологические реакции. МС-ритмы не похожи на ритмы бодрствования. Глазодвигательная активность либо отсутствует (дельта-сон без сновидений), либо отмечаются плавные, неторопливые движения глаз (фаза сонных веретен и дремоты).

Эволюционно БС появляется у теплокровных, причем его «удельный вес» пропорционален развитию мозга у данного вида. У млекопитающих БС занимает до 30% (у детенышей — 75%, у старых особей БС значительно редуцирован). Необходимость сна у животных различна: энергичная охота коррелирует с продолжительным сном; травоядные же спят мало. Продолжительность сна у взрослого человека различна и зависит от индивидуальных (например, у флегматика она больше), профессиональных (люди мыслительного склада имеют также большую потребность во сне) и др. особенностей. Поскольку сон уменьшает нервно-психическую напряженность, с возрастом целесообразно его увеличивать; это компенсирует снижение адаптивных ресурсов организма (показательна значительная продолжительность сна долгожителей).

пропитаны эмоциями настоящего. Четвертый сон более углублен в прошлое. Пятый сон синтезирует все элементы из предыдущих сновидений. А. Вейну это напоминает схему: выбор темы, классификация информации (группировка близких и далеких воспоминаний в различных сочетаниях для рассмотрения темы со всех сторон) и окончательная обработка темы. (Вопрос о логике выбора темы и подбора информации памяти и ассоциированного с ним материала мы обсудим ниже)¹⁶

Разные стадии сна со своими функциями являются «звеньями одной цепи». Целостное функционирование сна демонстрируется универсальным феноменом компенсации фаз сна при их депривации¹⁷.

¹⁶ Интересно сопоставление фаз сна с фазами бодрствования. Отметим, что время среднестатистического сна относится к времени бодрствования в пропорции «золотого сечения». Гипотеза об общности ритмики сна и бодрствования высказана Клейтманом. Б.М.Петухов в этой связи подчеркивает интересные аналогии [243; 244]. Сон представлен полиморфной МС-фазой и однородной БС-фазой; сознание делится на однородное реалистическое и полиморфное аутичное (мечтания, воспоминания). Фазы сна и бодрствования идут в любой последовательности. Компенсация «выключенных» в гипнозе фаз сознания в состоянии бодрствования напоминает известный феномен компенсации фаз сна: если «мечтатель» был вынужден экстренно перейти из аутизма к активной работе, то впоследствии фаза мечтания удлинялась. Ритмики смены фаз сна и бодрствования представляет собой своеобразную личностную константу: «мечтающие» имеют большую длительность проспективных сновидений. Наконец, к старости уменьшается как БС, так и фаза мечтаний.

¹⁷ Уточнения по типологии сновидений могут быть сделаны в связи с эндокринологическими детерминантами смены фаз сна [49; 244]. Известно, что динамика сна зависит от уровня тех или иных гормонов в крови. Особую роль играет серотонин (тормозной медиатор, поддерживающий МС) и норадреналин (иницирующий БС). Роль эндокринного регулятора понятна с точки зрения связи со сменой дня и ночи. Полный цикл сна предполагает сложную динамику в нарастании-убывании (и взаимодействии) не только указанных веществ, но и катехоламинов, кортикостероидов, адренокортикотропного гормона и др. Индивидуальные различия в гормональной динамике определяет привычное для человека расписание засыпания и пробуждения («жаворонки» и «совы»). На основании гормональных механизмов, привязанных к соответствующим стадиям сна, Б.М. Петухов, совместно с В.И. Гуциным [89; 244] уточнили «привязку» проспективных, оперативных, ретроспективных типов сновидений к соответствующим фазам сна. В целом обобщая имеющиеся на сегодняшний день данные, можно говорить о тенденции связи ретроспективных сновидений

Индикатором наличия сновидений считаются быстрые движения глаз (REM), что известно давно (Ладда, 1892). Движения глаз как бы отслеживают наблюдаемое во сне (хотя это далеко не однозначно). На основании REM-критерия предполагается наличие сновидений и у животных, которые во время БС иногда совершают пробежки и прыжки («преследование жертвы»).

Считается, что новорожденные видят сны с первых минут жизни (свидетельство генетической изначальности образных форм отражения). В онтогенезе удельный вес БС-сновидений уменьшается (у новорожденных они составляют до 80% времени сна, у младенцев — 40%, на 3–4 году жизни — 20%, после чего стабилизируется и затем начинают постепенно уменьшаться [402], что отражает значение переработки гигантской информации, обрушивающейся на ребенка¹⁸.

Цикличность сна может быть положена в основу *типологии сновидений*. В БС сновидения яркие, эмоционально окрашенные и выражают обычно какие-то волнующие события, приключения, экзотические, фантастические сцены. Сновидения в МС (особенно в стадии дремоты — 1-й МС-фазе) — спокойные, похожие на «размышления» об имевших место событиях, переосмысление прошлого; это своеобразное «думание во сне» (не случайно «ночное бормотание» происходит именно на эту фазу сна). Подобные сновидения-воспоминания реалистичны; часто расцениваются сновидящим как неинтересные. Ретроспективные сновидения, однако, могут быть связаны с возвращением в снах к какой-то значимой эмоциогенной ситуации. Часто МС сопровождается символическими сновидениями. В МС-сновидениях можно найти и следы сновидений предшествовавшего БС.

дений со 2-й МС-фазой, а проспективных и оперативных снов — с БС (хотя «жесткая привязка» типов сновидений к фазам сна вряд ли возможна; следует говорить лишь об акценте в таком соответствии). Можно также отметить, что выраженность типов сновидений у человека — важный индивидуальный показатель его образной сферы.

¹⁸ Значимость переработки этой информации в БС объясняет противоречие между последовательностью появления разновидностей сна (вначале БС и фаза дельта-сна, затем к 2–3 годам — фаза «сонных веретен»; к 8–9 годам фаза дремоты) и фактом более раннего появления МС в филогенезе. БС целесообразен тем, что он способствует ускоренному развитию мозга и психики [49]. Но может возникнуть и вопрос о том, присутствует ли здесь переработка информации с иных информационных источников.

Встречаются, однако, люди, у которых различия в сновидениях МС и БС минимальны. Так, людям с «бедным воображением» сложные и фантастические сны снятся во время 2-й МС-стадии [49]. В дельта-сне сновидения, как правило, отсутствуют (глазодвигательная активность не наблюдается).

Поскольку сны видят все, однако не все помнят их содержание, важными характеристиками сновидений являются субъективная частота и вербализуемость сновидений. Филогенетически сформировавшийся амнестический барьер, по мнению В.Л. Райкова, свидетельствует о природной нецелесообразности вывода информации сновидений в сознание [267]. По крайней мере, этот вывод может быть отнесен к какой-то определенной информации — факт интересный для нас в контексте анализа трансляционной функции образной сферы человека. В сознание, в частности, выводится лишь результат успешного решения проблемы во сне или «подсказки» в этом направлении; в противном случае сны обычно не запоминаются. Воспроизводимость сновидений зависит от особенностей переработки информации в конкретных фазах сна. Вероятность запоминания приснившегося повышается, например, во время БС. Люди, пробудившиеся после крепкого глубокого сна, обычно реже помнят, что «смотрели», чем те, которые спят чутко. В МС-стадиях запоминается обычно лишь общий смысл приснившегося. Представители научного и художественного творчества чаще и точнее помнят и пересказывают свои сны. Возможно это связано с тем, что сны творческих личностей являются своеобразным продолжением размышления над проблемой в состоянии бодрствования.

Проблема запоминаемости снов связана с вопросом о том, возможен ли сон без сновидений. Н.Я. Грот определял сновидения как продолжающиеся или начинающиеся «проблески сознания» в состоянии сна [107]. Поэтому вопрос: возможна или невозможна жизнь без сновидений? — это теоретический вопрос о непрерывности сознания человека в различных его состояниях. На протяжении длительного времени его обсуждения существуют разные его решения. Древние мыслители (Геродот, Плутарх, Аристотель) склонялись к мысли, что сон без сновидений возможен. Представители новой философии считают невозможным сон без сновидений, ибо сущность мысли в том, чтобы действовать непрерывно (Декарт, Кант, Лейбниц). Сам Н.Я. Грот приходит к выводу, что сон не с неизбежностью сопровождается сновидениями, хотя в большинстве случаев их параллельность следует допустить. Он говорит о следующих главных градациях в осоз-

наваемости сновидений-дрем¹⁹: 1) полусон; 2) сон с отчетливо вспоминаемыми сновидениями; 3) сон со смутно запоминаемыми сновидениями; 4) сон с абсолютно забываемыми снами; 5) абсолютно бездремный сон.

Одним из главных теоретических вопросов психологии сновидений является роль сновидений в психической деятельности. Здесь много противоречивого и нерешенного. Мы видим, как признание некой исключительной роли сновидений, в частности, в самопознании, в саморегуляции (например, в контексте модного сегодня направления — осознанных и программируемых снов), так и встречаемся с высказываниями о бессмысленности и ненужности снов. Большинство теорий сна подчеркивают важное значение сна и сновидений для поддержания физического и психического здоровья²⁰.

¹⁹ Н.Я. Грот развивает типологию Горвича, который отличает четыре стадии: 1) самые живые сновидения, сопровождаемые мышлением и действиями (лунатические состояния); 2) ясно вспоминаемые сны; 3) слабосознаваемые сны, оставляющие смутное воспоминание; 4) глубокий бездремный сон [107].

²⁰ Показательны в этом плане следующие факты. Животные, которых лишили сна, погибали через несколько дней. Не более двух недель может прожить без сна и человек. Подавление у него лишь БС приводит к психическим, функциональным и морфологическим нарушениям (вспомним существование изопренной пытки лишением сна). Даже небольшое недосыпание приводит к заметным психическим изменениям. Показательно, что уровень смертности оказывается минимальным у тех, кто спит 7–8 часов, и резко возрастает у тех, кто спит меньше и больше [106]. Однако существуют, например, экстравагантные точки зрения, отрицающие общепринятые представления о значении сна и сновидений для современного человека (Рэй Меддис). А.М. Вейн [49], однако, подчеркивает, что реакции на лишение сна индивидуальны. Конечно случаи «асонности» ставят вопрос о том, в какой мере можно говорить об абсолютной необходимости сна. Индивиды, обходящиеся без пребывания в «царстве Морфея», очевидно, обладают компенсаторными механизмами, например, могут спать по очереди какими-то крупными функциональными системами и др. В действительности асонные индивиды часто объективно спят (понемногу ночью и дремлют днем), но субъективно не замечают этого. В любом случае исследователи считают, что доступное для индивида, вряд ли возможно в рамках вида.

Восстановительные процессы преимущественно происходят в МС, посредством сложных биохимических изменений в организме. Не случайно после депривации МС наблюдается астения, утомляемость, сонливость [276], и организм активно стремится к его компенсации. Одна из основных функций сна связана с настройкой биоритмов организма на оптимальный

Сон и сновидения имеют множество функций, общих и частных (каждая фаза сна имеет свои функции). Сон может быть, например, рассмотрен как отдых от бодрствования на физиологическом (в плане восстановления сил организма; укажем здесь, в частности, на гомеостатическую теорию сна Ониани [89], который подчеркивает, что сон охраняет гомеостаз) и на психологическом уровнях. Для первобытного человека (и животных) сон — это и минимизация опасностей, сопряженных с активностью. Можно напомнить, что Фрейд подчеркивал значение символического возвращения во сне в некоторый аналог безопасного эмбрионального состояния.

Сон — это психофизиологическая преднастройка к предстоящей после пробуждения деятельности (подготовка к бодрствованию). Происходит не только восстановление для этого энергии организма, но и имеет место реорганизация, утилизация и упорядочивание опыта, приобретенного в бодрствования, т.е. закрепление нужных субъекту установок, знаний, умений, навыков (известно, что сон улучшает запоминание поданного перед засыпанием материала). Сновидения реорганизуют *значимую для личности информацию*: нужное выходит на первый план и в пределе «наутро» попадает в сознание, а неактуальное «на сегодня» уходит в глубины неосознаваемого (поэтому «утро вечера мудренее»). Формирование готовности человека к реагированию в будущих ситуациях обеспечивается самой природой образа-сновидения, который часто феноменологически является новым набором известных элементов (своеобразный новый взгляд на известное)²¹.

режим. В МС идет регулирование внутренних ритмов отдельных мозговых структур и органов тела, а в БС эти ритмы гармонизируются; функциональные связи, отрегулированные по отдельности, собираются в целое, обеспечивая готовность организма к пробуждению (Н. Моисеева [49]). Псевдободрствование в БС посредством сопровождающих сильных эмоций запускает, например, необходимую биохимию для последующего реального бодрствования. БС, следовательно, мобилизует организм. В этом аспекте ясна роль удовлетворения желаний во сне. Остается вопрос, какой цели, например, служит 4-й и 5-й циклы, в которых БС уже может отсутствовать, а биохимические восстановительные процессы уже во многом закончены?

²¹ В теориях сна можно подчеркнуть проблему переработки информации во сне для ее записи в памяти языке «нейрофизиологических матриц» или биохимического кода. В этой связи возникает интересный вопрос: а какую собственно информацию перерабатывает мозг ежедневно, если у человека обычно доминируют «серые будни, не несущие большого количества новой информации [49]?

Следует особо подчеркнуть переработку эмоционально негативной информации: сны предотвращают наслаение невротических переживаний и стрессовых состояний. Это осуществляется, в частности, за счет того, что некая задача продолжает решаться во сне. Примечательно, что лишение БС при отсутствии жизненных невзгод заметно не сказывается на организме. Сновидения дают возможность: а) уйти от проблемы «на время»; б) взглянуть на нее с новых позиций; в) решать проблемы, которые не могут быть решены на рациональном уровне; д) «удовлетворять» потребности, уменьшая фрустрацию (без этого полноценный отдых невозможен, поскольку человек плохо спит из-за фрустрированных желаний); е) отразить сигналы о зарождающейся в организме болезни или о возможности неблагоприятных ситуаций; в этом случае человек как бы подготавливается к встрече с таковыми.

Сновидения считаются в психологии важным элементом научного и художественного творчества. Они — традиционно известное «окно» в области психики, где вызревает научное открытие или художественный образ. Во сне (особенно в БС) усиливается «комбинаторная способность», возникают необычные идеи, что позволяет решать проблемы, нерешенные в бодрствовании (при развитии БС происходит разблокирование синапсов с повышенной активностью интернейронов, что связывается с механизмами творческих процессов (П.В. Симонов)). Известно, что многим творческим личностям в науке и искусстве ответы на мучительные вопросы творческого поиска приходили в сновидениях как результат предшествующего сосредоточения на проблеме. Достаточно назвать хрестоматийные случаи Менделеева, Уотсона или вспомнить, что Рафаэлю привиделся образ Мадонны, а многие поэтические (у Пушкина, Лермонтова, Вольтера, Гейне, Байрона и др.), а также музыкальные мотивы, подсказаны сновидноподобными образами. Отметим, однако, что содержание сновидений прямо не воспроизводится в творчестве; это лишь материал, подлежащий переработке. Нельзя забывать, что на основе сновидений было сделано много ошибочного в науке и малохудожественного, безвкусного и пошлого в искусстве.

Язык творческих снов насыщен символами, которые нужно к тому же расшифровать. Кекуле, например, формула бензола явилась в виде «огненного дракона, пожирающего свой хвост». Разгадка подобных случаев образного кодирования инноваций имеет огромное значение для изучения творческого процесса.

Итак, «ансамбль функций» сна и сновидений многолик. Функции сна и сновидений несомненно имеют многоуровневую структуру. Существуют как общие, эволюционно значимые функции, так и специфические. Речь может идти об определении значения и «удельного веса» каждой из них. Бессмысленно сравнивать наборы функций у животных (причем разного эволюционного уровня) и у человека, ибо ансамбль функций сна специфичен не только для каждого биологического вида, но и для конкретного индивида. На базисные функции сна каждым биологическим видом (а особенно человеком) как бы накладывается своя специфика их проявления.

В целом же есть основания рассматривать сновидения как особый механизм психики для решения разнообразных задач на различных уровнях ее функционирования, в частности, для решения творческих задач, нивелирования внутренних конфликтов, осознания некоторых глубоких состояний [267, с. 78]. Эти моменты, несомненно, вносят свой вклад в изучение трансляционной функции образной сферы личности.

Один из аспектов анализа полифункциональности сновидений связан с изучением возможности их *программирования*. Вундт говорил о том, что воля и привычка — могущественные факторы усовершенствования способности восстанавливать подробности сновидений [58]. Некоторые же люди обладают спонтанной способностью к управлению сновидениями, по крайней мере, в смысле способности забывать неприятные сны.

О возможности влиять на содержание снов знали еще наши отдаленные предки. Например, это было известно шаманской практике в различных культурах (см. книги К. Кастанеды). В настоящее время, часто используя эти древние знания, практикуются специальные методы программирования сновидений. В.Л. Райкову, например, использовавшему гипнотическое воздействие перед сном, удавалось (у гипнабельных людей) вызывать творческие сновидения [267].

Можно, в частности, перед засыпанием программировать пробуждение в определенные промежутки времени (несколько раз за ночь), чтобы запоминать то, что происходит в короткие отрезки сна. Программирование сновидений широко используется в различных школах личностного роста [71; 106; 163; 170; 285; 356].

В целом управление снами возможно, но в определенных условиях и до известной степени (в частности, здесь есть отличие от программирования гипнотических видений). Это отдельная психологическая проблема, связанная с комплексом сложных вопросов в контексте

психической саморегуляции, психологической коррекции и психотерапии, мобилизации потенциала психики, и др. Данная проблема должна изучаться с учетом возможных деструктивных для психического здоровья последствий, не видимых с психотехнического уровня. Об этих импликациях можно будет судить из обсуждения материала в последующих частях книги.

Образы дремотных состояний. Состояния засыпания и пробуждения ото сна характеризуются классами вторичных образов. Например, в форме грезоподобных образов при засыпании могут являться воспоминания о давно минувших событиях, ставших субъективно не актуальными, но периодически возвращающимися в сознание. Для изучения трансляционной функции образной сферы личности значение образов рассматриваемых подклассов определяется, прежде всего, тем, что в этих образах возможно осознание взаимосвязи внешних внутренних событий в текущем образном опыте.

В дремотном состоянии, предшествующем засыпанию, многие испытывают появление так называемых *гипнагогических образов*. Они характеризуются неконтролируемостью (человек чувствует себя наблюдателем), включают сложные геометрические и декоративные паттерны, которые могут двигаться, вращаться, искриться, а также архитектурные или пейзажные картины, различные сцены, незнакомые лица людей (часто страшные). Гипнагогические образы порой сравниваются с сюрреалистической живописью, что связано с оригинальностью их содержания, в частности, цветовых решений и особой яркостью, ясностью деталей. Образы могут казаться приближающейся массой — феномен Исаковера, психоаналитически трактуемый как символический образ материнского лица или груди. В целом содержание гипнагогических образов оценивается как странное и незнакомое; общее эмоциональное впечатление от их очень сильное (не случайно данные образы используются в творчестве [407; 434]).

Гипнагогические образы часто не рефлексированы человеком. На основе ранних исследований данного образного феномена было заключено, что это редкая форма субъективного опыта. Соответственно интерес к нему был невелик. Вместе с тем гипнагогические образы были известны с античности (Аристотель). Впоследствии было показано, что гипнагогические образы различной сенсорной модальности имеют 3/4 людей. Поскольку гипнагогические образы могут появляться в виде «призраков» и «примет-предзнаменований», Т. Гоббс рассматривал их (наряду со снами) в качестве источника суеверий. Скиннер в теории суеверного поведения подчеркивает значение совпадения впечатляющего

гипнагогического образа с эмоционально важным событием. Реалистичность образов приводит порой к вере в то, что образы открывают некую иную реальность. Сильное смешение образа и реальности имеет место в таких многочисленных случаях, когда люди «встают с постели» в ответ на «телефонный звонок» и т.п.

К разновидностям гипнагогических образов порой относят образы, появляющиеся после долгого повторения моторных действий (собирающие ягоды, катание на коньках и т.п.). Явная связь с предшествующей перцепцией говорит о взаимоотношениях данного вида гипнагогических образов с репродуктивными образами кратковременной памяти. В дремотном состоянии (обычно после физического стресса) в сознании могут появляться также стремительные, трудно запоминаемые последовательности образов (часто странные и очаровывающие). Это — феномен Форбса на последней границе сна и бодрствования.

Гипнагогические образы могут относиться и к состоянию на границе с сумеречным сознанием, они близки к непроизвольным галлюцинозоподобным образам. Поэтому гипнагогические образы рассматриваются как посланцы «предсознательного» и «подсознательного», постепенно заслоняя внешние впечатления.

Когда сон начинает уходить, могут появляться так называемые **гипнопомпические образы** как: а) продолжение сна, который видится несколько мгновений после просыпания, и б) образы, возникающие (непроизвольно и даже навязчиво) при закрытых глазах при пробуждении. Люди могут видеть себя «вставшими», «умывшимися», «завтракающими» и т.п. [395, ch.2; 404], хотя все это еще снится. В связи с тем, что образы появляются на границе сон-бодрствование, люди отдают себе отчет в их появлении лишь в 20–50% случаях.

На основе образов просоночных и дремных состояний могут конструироваться фантазии. В гипнопомпических образах (как и в гипнагогических) имеют место нарушения схемы тела. Критерием наличия гипнопомпического образа может выступить так называемая «гипнопомпическая речь» в процессе пробуждения (Маккеллар [395, ch. 2]). Однако до конца не ясно, относится ли она к сновидениям или к гипнопомпическим образам. Гипнопомпические образы не отличаются яркой специфичностью. Это, по сути, часть сна, переходящая в образы диффузного просоночного состояния сознания. Отметим также так называемый «тонкий сон» — вид дремы на границе с бодрствованием. Это особое состояние сознания между сном и бодрствованием, когда душа видит «духовными очами».

3.3. ОБРАЗЫ ИЗМЕНЕННЫХ И ОСОБЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ

Наиболее сложным и вместе с тем малоизученным классом (макроклассом) вторичных образов являются образы, возникающие в измененных состояниях сознания. К данному классу относится огромный диапазон необычных (с точки зрения своей вероятностной представленности в повседневном опыте людей) образов. По теме измененного состояния сознания издано немало работ [106; 108–112; 115; 175; 184; 202; 203; 223; 325; 326; 374; 395; 403; 404; 407–409; 411; 417–421; 431; 449].

Общий механизм измененных состояний сознания связан с тем, что некий внутренний источник информации существенно перекрывает внешние впечатления от непосредственно воздействующих стимулов²². Содержание образов — от бессмысленных геометрических паттернов до целостных сцен мистического содержания, — определяется широчайшим перекомбинированием психического материала под воздействием различных факторов.

Выделим основные факторы: 1) психофармакологические препараты (психотропные и наркотические вещества), химические составы²³; 2) гипервентиляция организма; 3) понижение потребление кислорода («притопление» не случайно использовалось в обрядах духовной инициации) и вдыхание углекислого газа; 4) сенсорная депривация; 5) монотонная деятельность (например, при высотных полетах); 6) перегрузка информацией при световом и акустическом стимулировании;

²² Показательно, например, что известный исследователь в области изучения глубинного человеческого опыта — Дж. Лилли [419] после одного из своих экспериментов временно ослеп. Вначале «виделся» слепящий белый «внутренний свет», затем стали приходиться различные «видения». В этом контексте уместно напомнить о тончайших гранях видения «внутреннего света» у христианских святых подвижников.

²³ В истории человечества подобные образы широко обслуживали область сверхъестественного опыта. Наркотическим дымом сопровождалась гадания греческих оракулов. Для усиления способности к пророчеству использовалась белена (ее составная часть скополамин известен как галлюциноген). С приема наркотических препаратов начинались мистерии. Мы знаем о многочисленных «колдовских варехах». Существует много растений-галлюциногенов. Мистическое растение Сомы, используемое и обожествленное древними индийцами, является разновидностью гриба мухомора, содержащего психотропные вещества. Индейская магия использует кактус пейота, содержащий галлюциногенные психостимуляторы [200; 374; 403; 420].

7) электростимуляция мозговых структур; 8) патологические процессы или повреждения мозга (особенно гиппокампа, диэнцефальных структур); 9) гипноз (самогипноз) и другие суггестивные воздействия; 10) лишение сна; 11) состояния транса (в частности, возникающие под действием монотонного пения, заданного ритма или ритуальных танцев); 12) медитативные психотехники, редуцирующие ассоциативность «внешнего» материала памяти и запускающие механизмы декодирования глубинной внутренней информации и внесенсорного канала; 13) временные патологические состояния организма в связи с эмоциональным и физическим стрессом, заболеваниями, голоданием и т.п. 14) пребывание перед «лицом смертельной опасности»; 15) нахождение в ситуациях и состояниях «при смерти»; 16) состояние клинической смерти.

Субъективные эффекты во всех этих случаях обычно описываются как яркие образы памяти и фантазии, или перцептивные иллюзии, вплоть до реального галлюцинирования. Галлюцинаторность может выступать в форме многообразных перцептивных искажений (сияние, мерцание, редупликация форм), ярких так называемых энтоптических образов (типа качающихся линий) и др. Следует указать на явления коллективных видений, когда группа людей «видит» приблизительно одно и то же (фокусы индийских магов типа залезание по незакрепленному вверх канату и т.п.)²⁴.

Известно, что моделируемые различными факторами зрительные галлюцинаторноподобные образы возникают практически у всех людей, слуховые — более редко; возможны галлюцинации прикосновения, вкуса, запаха. Гальтон подчеркивал, что «чувство галлюцинации» у нормальных людей возникает и *спонтанно*, причем гораздо чаще, чем обычно предполагается; по данным Сидгвика, Меннингера, например, — до 10% [395]. Собственный галлюцинаторный опыт был детально описан У. Джемсом. Среди знаменитых людей, имевших галлюцинаторноподобные образы, можно назвать Рафаэля, Шумана, Гою, Декарта, Вальтера Скотта, Мопассана.

Слово «галлюцинация» появилось в Англии применительно к описанию видений людьми «призраков» (трактат Лаватера). Позже термин

²⁴ Подобные коллективные иллюзии возможны вследствие существования «групповых полей» («дух толпы») [15]. В то же время, многократно зафиксировано, что фокусы индийских факиров через наведенные галлюцинации не удавались при творении Иисусовой молитвы: видения разрушались, наваждение снималось, по крайней мере, для молящегося.

стал применяться к различным видам образных явлений, что породило трудности в дефинициях. **Галлюцинация** является образом, который благодаря ощущению его «реальности», яркости и преимущественно внешней локализации сопоставим с актуальным восприятием в условиях отсутствия воздействия соответствующего стимула-прообраза. Известный психиатр Корсаков определил галлюцинацию как мысль, одевшуюся в яркую, чувственную оболочку. В силу перцептоподобности разграничение реального и фантастического в галлюцинаторно-подобных образах представляет существенную проблему как для воспринимающего человека, так и для взаимодействующих с ним людей. Возникает, например, вопрос разграничения таких образных явлений, как «иллюзия» (обманы чувств, появляющиеся непроизвольно при искажениях восприятия и содействии воображения), «мираж», «галлюцинация». Субъективных критериев различения данных образных явлений практически нет: в переживании всех этих образных феноменов есть чувство реальности. В порождении и иллюзии, и галлюцинаторно-подобного образа может участвовать внешнее воздействие (например, субсенсорные стимулы). Отличие иллюзии от галлюцинации все же видится в том, что галлюцинация — это продукт «фантазирующего ума»; образам в действительности ничего не соответствует. В иллюзии же есть предмет ощущения, но благодаря действию каких-то факторов (например, преобладающего психологического настроения), человек принимает предмет не за то, что он есть в действительности. В появлении миража объективный стимул также присутствует, но в смысле «превратного вида отдаленных предметов на море и в степях в связи с маревом» (по определению Даля). Все подобные моменты подчеркивают *значение контекста* в различении «нормальной» и психопатологической галлюцинации [404]. Галлюцинирование в обычном бодрствующем состоянии без осознания данного факта — тревожный показатель. С другой стороны, даже при тяжелых психозах люди могут осознавать, что они галлюцинируют.

Поскольку для категоризации образов измененных состояний сознания значимой является осознание человеком факта галлюцинаторности своего образного опыта, следует различать так называемую **псевдогаллюцинацию**: образы, характеризующиеся осознаваемостью своей иллюзорности. Данный вид вторичных образов имеет *большую яркость*, чем образы представления и фантазии. Псевдогаллюцинаторные образы в основном не проецируются вовне, появляются непроизвольно (иногда переживаются даже как чуждые и «насильственные») и не рассеиваются сразу, несмотря на усилия человека прогнать

видения. Характерна эмоциональная реакция людей, которые, отдавая себе отчет в галлюцинаторности образов, тем не менее реагируют на их содержание достаточно эмоционально, как если бы образы отражали реальные вещи. Разграничение между галлюцинацией, псевдогаллюцинацией и вторичным образом в обычном состоянии сознания (Кандинский) делает возможным выделение различных промежуточных типов образных явлений по основаниям — чувство реальности и перцептоподобность²⁵.

Многие теоретические проблемы изучения образов измененных состояний сознания связаны с тем, что их наличие ассоциируется в традиционной науке с психопатологией, особенно с шизофренией. Галлюцинация — один из основных психиатрических терминов. Однако парадигма трансперсональной психологии предлагает рассматривать галлюцинаторноподобные образы как нормальное психическое явление, *временно* появляющееся у *психически здоровых* людей при изменении сознания под действие какого-то из перечисленных выше факторов. В современной психиатрии существуют идеи, инвертирующие проблему: поскольку общество ненормально, то кажущаяся аномалия психики на самом деле разумна, ибо освобождает личность от общего безумия. Больными должны считаться люди, у которых галлюцинаторно-бредовая симптоматика является неконтролируемой и спонтанно-повторяющейся. То, что мистические переживания не являются автоматически психотическими, вытекает из классификации соответствующих феноменов, используемой в трансперсональной психологии: существование мистических переживаний с психотическим уклоном, психотических с мистическим, чисто мистических и чисто психотических. Подчеркивается, что люди, имеющие изменения в сознании, нуждаются в помощи, а не в помещении в сумасшедший дом²⁶.

²⁵ Важен вопрос о динамике различения перцепции и галлюцинации. В клинической практике, просматривается инвариантная закономерность. В первой стадии галлюцинации человек имеет яркие «подчиняющие» образы (памяти или фантазии); смешения образов и реальности нет. Далее образы начинают казаться квазиреальными. Человек пытается разобраться в своем опыте: всматривается, закрывает глаза, пытается подавить образ. На следующей стадии образы по переживаемой интенсивности могут напоминать перцепты, и наконец наступает момент, когда человек реагирует на образы, как если бы они были перцепцией [364].

²⁶ Историко-культурологические данные подтверждают, что психоз может выступать как измененное состояние сознания, в котором в силу определенных причин *временно* пребывает человек и которое не вписывается

В то же время, необходимо помнить об известной возможности тяжелых кризисов в связи с переживаниями образов измененных состояний сознания. Так, опыт прохождения символической смерти-возрождения дает широкий спектр негативных переживаний (агрессию, страх и др.). Об этом речь будет идти ниже.

Примечательно, что, несмотря на множественность условий и механизмов возникновения образов измененных состояний сознания, существует значительная инвариантность в их содержании, причем возрастающая по мере увеличения «измененности сознания» за счет его активации различными факторами в сторону «сверхактивации». Например, известная «Тибетская книга мертвых» была рекомендована для использования в качестве руководства в ходе психоделических сеансов. Инвариантным переживанием выступает и «обзор жизни»: он встречается и при сенсорной депривации, и при электрической стимуляции мозга (исследования Пенфилда), и при его повреждениях (однако образы в этом случае обычно хаотичны и тривиальны), и при «околосмертных состояниях». С другой стороны, каждый подкласс образов измененных состояний сознания, связанный с действием конкретного фактора, конечно, имеет свою специфику. По ходу изложения материала указывается на нее, однако подробное феноменологические описания данной специфики выходит за рамки данной книги.

К общим характеристикам психического отражения-регулирования в измененных состояниях сознания можно отнести следующее. Нарушается абстрактное мышление, в частности, теряется способность к различению метафорического и буквального смысла высказываний, имеет место искаженное отражение событий, раскрепощается мышление алогичное/иррациональное со свободной ассоциацией образов. Вместе с тем, как подчеркивал У. Джемс, ум может видеть логические связи событий и явлений с тонкостью, не имеющей параллели в обычном сознании. Возникает способность визуализировать абстракцию. Интуитивная проникательность облегчает осмысление образов многомерных пространств. Сильно изменяется восприятие пространства: нарушается отражение топологии и метрики объектов. Усиливаются

в расхожие представления о психической норме. Если подобные состояния сознания в обществе не узаконены, человека изолируют от других. В Индии психотические состояния рассматриваются как этап в духовном развитии, в силу чего в храмах создаются условия, помогающие человеку прийти в норму.

все сенсорные каналы, отмечается ярко выраженная синестезия, нарушение схемы тела. Общее впечатление более сильное (это некие «оргии видения»), чем от обычной галлюцинации. Содержание воспринимаемого может казаться человеку «роковым», «подчиняющим» и т.п. Сильно изменяется отражение времени.

Инвариантность в образах измененных состояний сознания в принципе позволяет рассмотреть феноменологию, описанную С. Грофом в приведенных в книге работах, в качестве представителя данного макрокласса вторичных образов. Его «картография» наиболее полно отражает спектр образных феноменов. Естественно, следует помнить о культурологических, индивидуальных различиях в константном содержании образов, а также об особенностях, вытекающих из применяемого способа моделирования измененных состояний сознания, выступающего в качестве неспецифического усилителя декодирования содержания сфер неосознаваемого психического. С. Гроф выделил 4 основных уровня переживаний образов.

Абстрактно-эстетические образы [411]. «Парад образов» невыразимой красоты обычно сравнивается с ярким впечатляющим интрапсихическим фильмом, который невозможно описать словами. Человек «видит» драгоценные камни, кристаллы, пространственные структуры («воронки», «конусы», «туннели» «сотоподобные конструкции», «решетки», «спирали», «бесконечные проходы») фантастическую архитектуру (дворцы, соборы), пейзажи с великолепной растительностью, экзотическими животными и другие ярчайшие образы. Фантастическо-экзотический оттенок приобретают и послеобразы; часто видятся джунгли, коралловые рифы и др.

Психодинамические образы воссоздают содержания неосознаваемого, принадлежащего к различным периодам жизни человека в виде повторного проживания эмоционально-значимых событий (травмирующих и приятных) в их взаимосвязи, кажущейся человеку истинной. Актуализация переживаний может происходить и в символической форме. «Обзор жизни» почти всегда происходит в потоке ярких трехмерных образов, хотя он может быть и симультанным.

Онто-эмбриональные (перинатальные) образы. Содержания данных образов — события индивидуальной истории, связанные с памятью о внутриутробном развитии и процессе рождения (см. разделы 3.4, 7.2).

Трансперсональные образы. Содержание данных образов невозможно вывести из переживаний в нашем трехмерном мире, ибо оно парадоксально и не вписывается в законы аристотелевской логики,

в ньютоновско-декартовский взгляд на мир. Общей характеристикой образов является трансцендирование сознания, выход его за эго-границы и за пространственно-временные ограничения (человек переживает нахождение совершенно в иных мирах). Переживается единство мира и всеобщность существования, в частности, возможность «слияния» с любым аспектом реальности. Усиливается ощущение настоящего момента; могут возникать ощущения «вечности», ухода от линейного времени в иную метрику, когда часы могут быть секундами, а секунды — эпохой; время может остановиться, последовательность событий исчезает, прошлое, настоящее и будущее переживаются наложенными друг на друга. Люди могут быть убеждены, что находятся в контакте с «высшим знанием» и созерцают тайны мироздания (запомним это особо, ибо мы вернемся к обсуждению данного явления в третьей части книги).

Среди других подклассов образов измененных состояний сознания можно указать на образы, появляющиеся у людей в *критической ситуации* — «перед лицом смертельной опасности», и при «нахождении при смерти». Результаты опроса лиц, которые падали с большой высоты, но остались живы, говорят о том, что люди имели мистические переживания (собрана репрезентативная феноменология [112; 137])²⁷. Часто отмечаются феномены «отделения сознания» и «просмотр фильма жизни». Есть предположения, что подобные образы спасают индивида от эмоциональной травмы, действуют в качестве защитного механизма, оберегающего от ухода в обморок, дается шанс бороться «до конца». Например, при переживании приближения к гибели последняя не признается реальной и человек может оставаться бесстрастным. Не случайно такие образы обычно вызывают непостижимую скорость переработки информации.

Образные переживания при *клинической смерти* воспроизводят многие из указанных феноменов, хотя имеют и свои особенности [137]. Есть, например, отличия в характеристиках самоидентификации. «Я», как правило, воспринимается как невидимое и неслышимое

²⁷ Иллюстративен личный опыт Юнга. Когда он находился при смерти, ему казалось, что он пребывает в космическом пространстве и созерцает нашу планету сверху. Он осознавал, что находится на грани ухода с земли, видел собственную жизнь как часть некоей «исторической матрицы». Потом он увидел висящий в пространстве камень, в котором был вырублен храм. Сидящий в нем индус сообщил, что время смерти еще не пришло, и Юнг был отправлен на землю.

в физическом мире образование, не имеющее четкой анатомической структуры, сопоставимой с физическим телом, и существующее, например, в виде энергетического «сгустка» или «чистого сознания» (однако все же ощущение наличия какой-то телесной оболочки есть). Образы при клинической смерти максимально реалистичны, однако, как указывает Моуди [218], они не похожи на галлюцинации. В частности, они менее индивидуализированы, чем образы психоделические. Как инварианты таких образов отмечается [112; 137; 218], как правило, неприятный шум и движение сквозь коридор/туннель с большой скоростью, бесстрастное созерцание собственного физического тела со стороны и необычное ощущение нового «тонкого тела», встречи с умершими родственниками и знакомыми, с которыми связывали позитивные чувства. Наиболее волнующим переживанием является встреча с неким «светоносным существом», не имеющим конкретного облика, как бы излучающим любовь и сострадание, интересующимся тем, что человек успел сделать в жизни значительного. Сообщается также о встречах с другими «духовными сущностями». Частым содержанием образов является «обзор жизни» в чрезвычайно реальных панорамных образах, с невероятной скоростью, в хронологической последовательности событий, с различной степенью детальности. Далее следует некий барьер, граница (в виде образа водной преграды, забора, двери, некой черты), и, наконец, возвращение. «Внетелесные» зрительные и слуховые ощущения «тонкого тела» становятся более острыми, чем физического (слепые, в частности, могут обрести **видение**), однако, отсутствуют осязание, обоняние, кинестезия и температурные ощущения. (По мнению Платона, отделившаяся от тела душа способна мыслить более ясно, см. «Государство», рассказ о солдате Эре.) Могут появляться образы «персонифицированной смерти» — женщина в черном (белом) с пустыми глазницами и другие символические образы. Образные переживания умирающего или прошедшего клиническую смерть человека могут иметь и характеристики религиозно-мистического сознания. Некоторые люди видят детальные образы «рая» (экзотические, великолепные райские пейзажи, небесные царства с лучшими творениями природы в животном и растительном мире, небесные города с восхитительной архитектурой и божественными обитателями и др.) и «ада» (замкнутые, темные пространства, зловещие подземелья, пустынные пейзажи с огнедышащими ямами, города, окутанные дымом, населенные демонами и др.), вызывающие чувство ужаса.

3.4. О КЛАССИФИКАЦИИ ВТОРИЧНЫХ ОБРАЗОВ

Построение классификаций-типологий является необходимым шагом в системном описании любого предмета исследований. Системные представления, устраняя избыточные реалии, помогают наглядно представить основные планы анализа-синтеза, отношения классов. Понятно, что классифицирующую работу предполагает и наша ориентация на целостное описание образной сферы личности.

Создание системных описаний образных феноменов является делом весьма сложным. Не случайно целенаправленные попытки классификации основных классов образов, хотя и предпринимаются со времени Фехнера, однако и сегодня эта работа не закончена. Так, Хольт лишь перечислил некоторые образные явления. Имеющиеся варианты не охватывают всего спектра вторичных образов. Непостоянен набор оснований в классификациях. Б.Ф. Ломов, например, разделяет образы-представления на образы памяти и образы воображения. Пиаже выделяет репродуктивные образы: статические, кинетические, преобразующие и антиципирующие образы. Классификация вторичных образов с точки зрения временной ориентации сознания [244; 245] (напомним, что связать образы со шкалой времени пытался еще П.П. Блонский) не позволяет систематизировать подклассы образов. На принципиальные ограничения наталкивается типологизация образов путем факторного анализа [407, ch. 1]. Особенно остро проблема классификации образных явлений стоит в психопатологии, где практически невозможно охватить «гремучий сплав» феноменологических, патологических показателей, характеристик состояния сознания и нарушений психических процессов и функций. Отметим, однако, вариант классификации [283], дифференцирующей нормальные, неврологически, органически и психотически детерминированные образные явления: иллюзии и галлюцинации (включая переходные от нормы к патологии их виды). Понятно, что все подобные классификации являются неполными, поскольку «за бортом» остаются многие классы вторичных образов.

Детализированности классификации способствует увеличение числа оснований. М. Хоровитц, в частности [404; 66; 89] категоризует образы: а) яркостью-четкостью; б) контекстом; в) взаимодействием с перцепцией; г) содержанием. Классификацией охвачено более 20 классов образных явлений. Неясным, остается выбор используемых оснований, отнесенность образов именно к выделенным классам. Так, контекст значим при порождении любого образа, категоризация

по яркости вызывает вопрос о том, почему не задействованы другие важные характеристики, например, контролируемости и подвижности образов. Содержание же имеют все образы.

Трудности разделения вторичных образов на классы и подклассы значительны, ибо их границы предельно размыты: имеет место как бы непрерывная серия постепенных переходов одного класса образов в другой. Отсутствуют четко выраженные отличительные их характеристики. Так, яркий образ собственного тела во время засыпания может быть назван гипнагогическим. В силу яркости и реалистичности он попадает под определение галлюцинаторного. По содержанию он может быть назван аутоскопическим. Тогда полным описанием образа будет концептуализация его как «аутоскопической гипнагогической галлюцинации» [404]. И как в этом случае классифицировать данный образ? Трудности классификационной работы добавляются многомерностью оснований системных представлений об образной сфере человека, а также тем, что роль внутренних и внешних детерминант (в их взаимодействии) порождения различных образных феноменов прописана недостаточно четко.

Известно, что классификация всегда произвольна, однако она валидна для принятых оснований. При классификации вторичных образов надо признать возможность пользоваться существенными описательными их характеристиками, связанными с причинами и условиями формирования образов. При этом будем исходить из принципиальной условности всех возможных классификаций образных явлений.

Автором предложено несколько вариантов типологии вторичных образов (с использованием набора оснований), что реализует принцип множественности описаний и подтверждает многомерность системных представлений об образной сфере человека.

Описание всех классификационных схем и их графическое решение неоднократно приводились [66; 67; 89; 98]. Это освобождает от необходимости их воспроизведения. Предлагаем лишь отдельные комментарии, которые помогут читателю ориентироваться в литературе по этой теме.

Один из вариантов классификации вторичных образов был дан нами совместно с В.Ф. Рубахиным [104]. Использовалось дихотомическое деление понятий. Применялся расширенный по сравнению с традиционным набор оснований, в частности: а) отображение характера внешней среды (физической и социальной); б) репродуктивность — продуктивность содержания образа; в) произвольность — не-

произвольность появления образа в сознании человека; г) состояние сознания и др. В итоге получилось достаточно «пышное» классификационное дерево, на «ветках» которого размещена основная феноменология образного опыта.

Создание классификации обычно заканчивается разбивкой множества изучаемых явлений на классы и подклассы. Для углубления анализа-синтеза объекта можно использовать так называемую систематику (принципы которой разработаны В.А. Ганзеным [63–65; 69]), предполагающую группировку, упорядочивание и разложение элементов рассматриваемого множества по определенной системе оснований для категоризации. Таковой общенаучный базис «*пространство — время — энергия — информация*» и психологический базис «*память и внимание*» (вариант систематики вторичных образов описан [66; 89; 98]).

В предложенной систематике основные классы и подклассы вторичных образов нашли свое место в соответствии с психологическим (память, внимание) и общенаучным (пространство — время — энергия — информация) базами. Образная сфера человека представлена как система, состоящая из разнородных взаимосвязанных элементов: классов и подклассов вторичных образов, упорядоченных в соответствии с условными уровнями активации сознания (в связи с метафорой «расширения сознания») и замкнутых в условную кольцевую структуру. За основание группировки и упорядочения образов была принята последовательность 8 условных уровней (классов) сознания. Вспомним, что вопрос о многоуровневости сознания по степени ясности поднимался в интроспективной психологии. Классами состояний сознания выступили: 1) состояние субъективной утраты сознания; 2) состояние сна со сновидениями; 3) дремотное сознание; классы (2) и (3) объединяются макроклассом «сновидное сознание»; 4) состояние пассивного бодрствования; 5) состояние активного бодрствования; классы (4) и (5) объединяются макроклассом «сознание в состоянии обычного бодрствования»; 6) гиперактивное галлюцинаторное состояние сознания; 7) трансцендентальное состояние сознания; классы (6) и (7) объединяются макроклассом «необычные состояния сознания»; 8) состояние субъективной утраты сознания; классы (1) и (8) в кольце объединяются макроклассом «потенциальное состояние сознания».

При замыкании последовательности в «кольцо» сохраняется упорядоченность уровней сознания, но снимается вопрос об их иерархии. В частности, исчезает противопоставление «низ — верх», что важно для описания образов многомерных пространств в измененных

состояниях сознания. Предусмотрена возможность как непрерывного, так и дискретного перехода между состояниями сознания. «Кольцо» снимает противоречия между понятиями «ограниченного-неограниченного». Представленное в виде листа Мебиуса, оно снимает дихотомию и между «внутренним» и «внешним» — факторами, имеющими огромное значение при описании образного опыта, особенно в связи с его происхождением и генезом. В итоге описание состояний сознания через «кольцо» освобождает сознание от ограничений пространственности в обычном трехмерном его понимании. Это соответствует особенностям образов измененных состояний сознания.

Соотнесение классов вторичных образов с категориями общенаучного базиса «*пространство — время — энергия — информация*» проводилось путем выделения яркой феноменологической характеристики образов. Так, известна динамика изменения временной ориентации сновидений. Образы обычного бодрствующего сознания включены в регуляцию поведения человека. Главное впечатление от переживаний образов измененных состояний сознания обычно выражается как причастность к некоей информации, отсутствующей в состояниях сна и бодрствования. Пространственные аспекты образов «сверхпотенциальных надсознательных» состояний в пределе выражены в отсутствии предметных образов.

Классы вторичных образов с доминированием указанных элементов общенаучного базиса были соотнесены (наложением квадрантов обоих базисов: «энергия» — «произвольность»; «информация» — «продуктивность»; «время» — «репродуктивность») с преимущественными функциональными характеристиками состояний сознания по параметрам *отражения* (продуктивное — репродуктивное) и регулирования (произвольное — непроизвольное). Иными словами, через основные функции состояний сознания были выделены главные характеристики классов вторичных образов, соответствующие данным состояниям (см. раздел 1.3.). Образы «сновидного сознания» (сновидения, гипнагогические образы) — *репродуктивное отражение*. Образы бодрствующего сознания (репродуктивные образы и образы воображения) — *произвольное регулирование*. Образы измененных состояний сознания (галлюцинаторноподобные и «трансцендентально-трансперсональные» образы) — *продуктивное отражение*. Подсознание (со всем его запасом потенциальных образов) соотносилось с непроизвольным регулированием.

Систематика верифицируется закономерными изменениями феноменологических характеристик классов вторичных образов —

от сновидений к образам измененных состояний сознания. По *«информационному»* аспекту характер закономерности связан с увеличением ряда анализируемых параметров, например, степени полимодальности образов, количества их подклассов в классах, метрических искажений объектов в образах. По *«временному»* аспекту характер закономерностей связан с уменьшением параметра (например, условное сближение во времени перцепции и отражения воспринятого на уровне вторичных образов). *«Пространственный»* аспект связан с немонотонными закономерностями (изменения топологических характеристик образов, дуализация в субъектно-объектных отношениях). По *«энергетическому»* аспекту просматриваются сложные закономерности, связанные с комбинированием образов в новое целое и деформацией их как подобных элементов²⁸.

Систематика позволяет говорить о расширении полифункциональности образной сферы человека в плане возможностей по отражению–регулированию. Сновидения, в частности, подготавливают человека к поведению в будущих ситуациях. Гипнагогические образы пополняют образный опыт человека (интересно, что гипнагогический опыт коррелирует с появлением образов при сенсорной изоляции [407, с. 1]. Грезы, характеризуясь «отлетом от действительности», компенсаторной функцией и трансляцией «невротических матриц», дают дополнительное время и материал для самопознания, самокоррекции и развития (не случайно эти образы выражены у детей). Образы памяти и воображения необходимы в любой деятельности. Относительно образов измененных состояний сознания можно говорить о потенциальных функциях в психической саморегуляции, в раскрытии резервов психики.

²⁸ Речь в данном случае идет о деформации «образов как элементов» в строительстве новых образов. Так, в сновидениях элементы достаточно неизменны, в смысле того, что они знакомы человеку из повседневного опыта или общечеловеческого опыта, воссозданного через воображение. В образах же измененных состояний сознания и «образы-элементы», и их «сочетания в новом образе» могут быть какие угодно (феноменология «оргий видения» при галлюцинаторноподобных образах показывает этот момент). Репродуктивные образы искажают, но сохраняют информацию об «образах как элементах». Образы воображения и фантазии могут в широком диапазоне изменять исходные «образы как элементы» и создавать новые образы, однако они имеют менее «творческий» характер, чем последние и сновидения в обоих обозначенных смыслах создания образа. Читателю предлагается самому подумать о возможном наличии закономерности, связанной с сочетанием обоих обозначенных моментов в порождении образного опыта.

Предлагаемое системное описание охватывает набор *основных* классов вторичных образов и тем способствует созданию более целостного представления о феноменологии образной сферы личности. Теоретически важным является то, что ее создание обосновывается кольцевой формой систематики, показывающей невозможность разрыва «кольца» и изъятия его элементов, что подтверждает требование изучения всех видов вторичных образов как целого. Систематика охватывает основные классы вторичных образов при условии развития психических и духовно-нравственных потенциалов человека.

Поскольку систематика использовала общенаучный и психологический базисы, возможна дальнейшая категоризация подклассов вторичных образов в каждом из 6 секторов «кольца» (два сектора «кольца», связанные с потенциальным и «сверхпотенциальным» состояниями сознания из систематизирующего «кольца», соответственно, изымаются ввиду отсутствия соответствующего им образного опыта). Такие основания психологического базиса (память и внимание) как «*продуктивность-репродуктивность*» и «*произвольность-непроизвольность*» тоже могут быть использованы для категоризации подклассов образов в секторах «кольца». В соответствии с доминированием указанных характеристик, образы займут свое место в одном из 4 квадрантов, полученных при пересечении одноименных *осей* [89].

В 6 секторах систематики возможно применение других оснований: 1) отображение характера внешней среды (например, физической или социальной); 2) источник информационного содержания образа — долговременная или кратковременная память, характер запоминаемой информации; 3) степень адекватности образа объектам привычного окружающего мира; 4) субъективная локализация образа — нахождение образа во внутреннем пространстве или проекция во внешнее пространство; 5) чувство реалистичности образа; 6) время, отраженное в образах — отнесенность образов к будущему, прошлому, «обобщенному настоящему»; 7) вид отражаемого и трансформируемого в образе опыта — перцептивный, вербальный, эмоциональный (Ф. Кейра выделял зрительный, слуховой — припоминая текст, человек «слышит» слова, не «видя» их, моторный — кинестетические образы помогают чертить схему типы воображения [364]). Сновидения, в частности, могут классифицироваться с точки зрения своего сенсорного, моторного характера, их сочетания. Возможно деление по интенсивности и запоминаемости сновидений: ярко запоминаемые; смутно запоминаемые; забываемые. Интересно вспомнить, что в древности сны делились на «простые» и «пророческие», в том числе «божественные» и «демонические»; 8) на-

личие психопатологических черт; 9) факторы порождения образов; относительно образов измененных состояний сознания это могут быть факторы, описанные в предыдущем разделе; образы же, например, воссоздающего воображения могут быть детализируемы на основе особенностей знаковых систем; 10) особенности содержания образа — «реально-бытийного» и «виртуально-инобытийного».

Например, уточняя подкласс репродуктивных образов, следует различать образы фактической и эпизодической памяти. На уровне первых надо различать информацию о *мире* и *самом себе*. Образы на уровне эпизодической памяти делятся на «*образы истории внешней среды*» и «*образы личной истории*». Иными словами, по характеру запоминаемой информации (основание 2) в воображаемой таблице эти образы займут четыре «клеточки». Относительно способа извлечения информации в репродуктивных образах следует говорить о произвольности и непроизвольности (тоже четыре «клеточки»). Причем и то и другое предполагает наличие и отсутствие актуализации образа. В итоге нетрудно представить получение матрицы в 16 клеток и применять ее в типологизации репродуктивных образов

Примером классификации подклассов образов измененных состояний сознания может быть разложение по общенаучному базису образов онтоэмбрионального содержания в так называемых «базисных перинатальных матрицах» (БМП по терминологии С. Грофа). БМП 1 выражает пространственный аспект, ибо обобщенно речь идет о переживаниях внутриутробного единства со средой. БМП 2, связанная с началом родов, рассматривается как энергетический аспект. В БМП 3 образы символически отражают собственно процесс родов — временной аспект²⁹. БМП 4 соответствует переходу в новый мир — информационный аспект. Сложные переживания БМП 3 также доступны систематике. Так, «титанические переживания» (*энергетический аспект*) отражают тему «взрыва-извержения». *Информационный аспект*

²⁹ Не случайно переживания содержат образы, воспроизводящие реальные события и обстоятельства рождения. Разрыв пуповины логично зафиксирован в ощущениях биологического разрушения, уничтожения, в переживании «смерти Эго». Понятна смена тотального уничтожения видением «этого света», чувством снятия давления (эмбриональной оболочки) и расширения пространства. Образы «встречи с очищающим огнем», например, являются символическим выражением появления на свет. Интересно, что феноменология «посмертного опыта» также содержит константу «свет» («тот свет»). Понятно и чувство любви к миру: после разрыва с матерью новорожденному нужен новый механизм соединения с миром.

в садомазохистских переживаниях связан с фиксацией в памяти эмбриона страданий в процессе родов. Сексуальные переживания, связанные с идеей соединения полов, можно соотнести с *пространственным* аспектом. *Временной* аспект так называемых «скатологических переживаний» отражает завершение родов³⁰. Другим примером детализации систематики является классификация феноменологии подклассов «трансцендентально-трансперсональных образов». Здесь применимо такое основание, как особенности содержания образов — «реально-бытийного» (подпадающие под естественнонаучные представления) и «виртуально-инобытийного» (описываемые иными формами познания) [89]. Также можно использовать идею каналов получения человеком информации о мире (см. часть 3).

Итак, систематика превращается из плоскостной в многомерную: в секторах кольца мы будем иметь многомерную структуру оснований, категоризирующую разнородный образный опыт человека.

Наконец, для системного описания образной сферы человека воспользуемся рядом идей описания индивидуального сознания, с которым могут быть соотнесены классы вторичных образов в их феноменологии и функционировании [67]. Поскольку в основе такого описания лежит общенаучный базис, то данный вариант систематики соотносим с предыдущим и представляет иную развертку тех же оснований с привлечением дополнительных идей. Последнее дает возможность получения «феноменологических кирпичиков» для детального описания образного опыта в спектре измененных состояний сознания. Рассмотрим следующие аспекты системного описания.

³⁰ Сделаем ряд гипотетических замечаний относительно типологизации онтоэмбриональных образов. Будем различать: 1) генетическую информацию в мужских и женских зиготах до оплодотворения (обладание эмбрионом информации, содержащейся в них представляется естественной) и 2) информацию, фиксируемую в памяти эмбриона в процессе своего роста, и репрезентируемую субъектом, преимущественно в символической форме (онтоэмбриональная память). Так, согласно С. Грофу, «образы ада» могут быть отнесены к символическому выражению «плохого» внутриутробного развития. Содержания образов может определяться также притягиванием информации, сходной по эмоциональному знаку, из постнатального опыта и фантазий. Несомненно, имеет место и «просачивание» информации из культурогенетической памяти и коллективного бессознательного. Вряд ли стоит искать основной информационный источник образов «сражений», «опасных приключений» только в БМП 3.

I. Субстанционально-атрибутивный аспект. Носителем индивидуального сознания является человек, включенный в групповое (различного уровня), общечеловеческое и «вселенское» взаимодействие. Анализ существующих представлений об индивидуальном сознании дает его следующую атрибутивную структуру. Прежде всего, это деление индивидуального сознания на *актуализированное*, выступающее в форме «самосознания» и «миросознания», и *потенциальное* — в форме «подсознание» и «надсознание». Атрибутивная структура соотносится с атрибутивным описанием человека как «индивидуальности», «личности», «субъекта» и «индивида» (Б.Г. Ананьев). Деление индивидуального сознания на «надсознание — подсознание»³¹ производится по таким основаниям, как «биологическое — социальное», «сохранение — развитие», «воспроизводство — творчество», «прошлое — будущее» (или ахронизм-временность), а дихотомия «миросознание — самосознание» акцентирует различия в осознании человеком противопоставленных «мира» и «себя», объективной и субъективной реальности. Основное содержание понятий о «самосознании», «подсознании», «миросознании» и «надсознании» ясно без комментариев.

В онтологическом смысле не существует субстрата без атрибута, и атрибута вне субстрата. Вопрос о субстрате индивидуального сознания, однако, для традиционной западной и отечественной психологии является менее очевидным. Известно, что субстратом является весь организм в целом [8]. Культурологические данные позволяют говорить о том, что различные компоненты «целостного субстрата» как бы различаются по «тонкости» и по «однородности». В восточной психологии выделяются «субстраты сознания» в виде «энергетических центров». Существуют представления и о четырех «телах» человека: «физическом», «витальном», «ментальном» и «супраментальном»

³¹ «Надсознательное» связано с трансперсональным и трансцендентальным опытом и определяется выходом индивидуального сознания за пределы ограничений в психическом отражении-регулировании. Характеристики надсознания метафоричны, символичны, а потому трудны для концептуализации. «Подсознание» в понимании современной психологии — это приграничная часть некой огромной внутренней реальности. Трансперсональная психология различает множество уровней, планов подсознательного, в том числе и такие, которые вообще не концептуализированы и могут быть открыты лишь в непосредственном переживании. Подсознание отражает эволюционное прошлое в самом широком смысле.

[285]³². В святоотеческой православной традиции также можно найти нужные представления о «телесной», «душевной» и «духовной» составляющей человека и в первом приближении с абстрагированием от деталей соотносить с представлениями о «четырёх телах». «Телесное» объединит в себе «физическое» и «витальное», «душевное» соотносится отчасти с «витальным» и отчасти с «ментальным», а «духовное» — с «супраментальным».

«Субстраты сознания» были сопоставлены с указанной уже «атрибутивной структурой» так, что каждый из элементов субстрата связан с каждым из «атрибутов сознания» (т.е. «миросознанием», «самосознанием», «надсознанием», «подсознанием»). Взаимосвязи субстратной и атрибутивной макроструктур имеют, естественно, различный «удельный вес» (понятно, что «витальное» более соотносимо с самосознанием и подсознанием, чем с «надсознанием» и т.п.). Взаимопроникновение субстратов и атрибутов порождает так называемую «*субстанционально-атрибутивную решетку*». Последняя помогает понять парадоксальность, разночтения, сложности в существующих описаниях феноменологии образов измененных состояний сознания. В частности, «решетка» помогает понять, что человек остается причастным духовному (носителем «образа Божьего») в любой ячейке «субстанционально-атрибутивной решетки», в том числе и в состоянии субъективной утраты сознания³³. Хотя большинство ячеек находится в латентном состоянии относительно «повседневного сознания», это не исключает их неизвестного науке взаимодействия.

³² С точки зрения онтологического понимания индивидуального сознания значима идея о том, что «супраментальное» ответственно за многообразные проявления «надсознательных состояний». «Ментальное» — за осмысление и вербализацию. «Витальное» — за чувственное и эмоциональное отражение (различного уровня). «Физическое сознание» управляет функционированием организма [385].

³³ Сознание понималось [67] как объективно существующая «субъективная реальность» в структуре макрокосма. Оно всегда связано с субъектом как носителем сознания — индивидуальным, групповым различного уровня. Сознание неразрывно связано, с одной стороны, с информацией, а, с другой, — с энергией своего носителя. Более того, в феномене сознания энергия и информация настолько тесно интегрированы, что их разрыв невозможен даже в научной абстракции без потери сущности сознания. Поэтому для его описания используется понятие «энерго-информационного потенциала» (характеристика состояния сознания субстрата конкретного плана и уровня) и «вibrации энерго-информационного сгустка» (как процесса).

Относительно пары «физическое — подсознание» заметим, что основной смысл существующих подходов к подсознанию заключается в акценте произвольной фиксации опыта (включая идею генокода), не присутствующего в актуальном сознании. Пара «витальное — самосознание» объединяется идеей глубокой вовлеченности обоих элементов пары в сферу эмоций, желаний и т. п., связанных с проявлениями Эго в социуме. Пара «ментальное — мирознание» связана с отражением предметного мира и регуляцией по отношению к нему. «Супраментальное — надсознание» объединяет ориентированность субъекта в неограниченное пространство — время (вечность и бесконечность), связь с творчеством, с приобретением новых, высших, духовных качеств и т.п.

Каждый субстанциональный уровень характеризуется полным набором атрибутов со своими «удельными весами» (т.е. существует «витальное надсознательное», «ментальное подсознательное» и т.д.). С другой стороны, каждый атрибут, являясь интегральным отношением различных субстратов, несет в себе в снятом виде все многообразие субстанциональных основ (например, каждый план субстрата сознания обладает своим подсознательным).

Субстанционально-атрибутивная структура применима к групповому сознанию различного масштаба. Интересно в этой связи предположение о том, что каждый из субстратов индивидуального сознания взаимодействует с элементами некоего «макрокосмического сознания» (по аналогии с подчиненностью физического тела всеобщим законам материального мира), т.е. с всеобщими — «супраментальным», «ментальным», «витальным», «физическим» [285].

II. Функционально-структурный аспект. Образные события в сознании неразрывно связаны с механизмом взаимодействия человека с миром. Отметим следующие два варианта [65]: **1) функциональная структура индивидуального сознания в общенаучных категориях.** Мы уже говорили о взаимообусловленных и взаимосвязанных функциях *активного* и *реактивного отражения* и *регулирования* психического образа, обеспечивающих целостность сознания в норме, возможность интеграции психического; **2) Функциональная структура в общепсихологических категориях** — сознание: перцепция + мышление + аффект + воля. Исходя из принципа повторяемости целого в частях, функционально-структурный «срез» применим к любому элементу субстанционально-атрибутивной «решетки сознания». Применение общепсихологических понятий способствует пониманию «надсознания». Например, «супраментально-надсознательная область»

индивидуального сознания может быть охарактеризована имеющейся в опыте религиозно-мистических традиций феноменологией «вселенского видения», «действий в человеке вселенского разума», особыми «вселенскими действиями» (например, в связи с молитвой за весь мир, столь характерный, в частности, для святоотеческой традиции)³⁴.

III. Стато-кинетический аспект. Индивидуальное сознание в актуальном времени является и психическим процессом, и психическим состоянием. В систематике вторичных образов мы выделяли 8 уровней состояний индивидуального сознания, которые замыкаются в «кольцо». На фоне любого своего состояния сознание разворачивается как полифункциональный процесс. *Актуальный* результат данного процесса следует отличать от *кумулятивного* результата — накопление индивидуального опыта и формирование свойств личности.

IV. Активно-реактивный аспект. *Активность* сознания заключается в воздействии на реальность. Издревле известно, что «область Духа» потенциально обладает огромной силой, способной воздействовать на материальный мир, творить события социальной жизни, изменять внутренний мир человека пропорционально уровню его духовно-нравственного развития. Например, «стяжание Духа святого» делает человека открытым благодати. Православно-христианская традиция располагает поражающими воображение фактами, показывающими силу духовного молитвенного делания, влияющего на ход истории (об этом в книге читатель найдет много материала). Энергетический аспект сознания акцентирован и в восточной психологии. Сознание рассматривается как управляемая сила, получающая выражение в зависимости от уровня, на котором действует. Потенциальные способности сознания выражают идею *активной регуляции*. Традиционно же психологии больше известно активное и реактивное *отражающее* (реагирующее) сознание. Подчеркнем, что именно активно-реактивный аспект описания индивидуального сознания очень важен для понимания созидательной силы образной сферы личности.

³⁴ В структуре «надсознания», например, просматриваются следующие общепсихологические измерения [385]. Мы находим понятие «глобального видения», охватывающего точки зрения на макрокосм. Термин «супраментальное мышление» связан с отражением единой истины с особой точки зрения — *переживания* одухотворенности мира, в котором «все в каждом», и «каждое во всем», переживание каждого мгновения «здесь и теперь», обретение бесконечного в конечном и вневременного (вечного) в преходящем. Аспект «воли» раскрывается через «действие сознания в материи».

V. Эколого-эволюционный аспект. Здесь перед нами встают вопросы развития сознания, которые а силу крайней мировоззренческой принципиальности (возникает, например, вопрос о том, можно ли серьезно говорить сегодня об эволюции сознания на фоне нравственной деградации человечества через уход от нравственного закона), объемности, сложности и запутанности здесь рассмотрены быть не могут. Изначально неясны многие принципиальные вещи. Что есть эволюция сознания (и есть ли она)? Каковы опасности на пути развития сознания? Можно ли избежать «ловушек» на этом пути? Каково соотношение понятий эволюции сознания и святости, духовного совершенствование, овладения магическими способностями? Есть ли «белый» и «черный» путь изменения сознания о котором говорит история религии? Как концептуализировать порой парадоксальные закономерности в трансформации индивидуального сознания? Ключевая проблема в анализе развития последнего, на наш взгляд, связана с нахождением безопасного пути развития человека с духовной и нравственной точки зрения.

Экологические аспекты связаны с идеей воздействия индивидуального сознания на мир. А это вопросы «экологии сознания» и «чистоты души», задающие содержание, «среду-арену» и вектор действия сознания. Здесь мы выходим и на проблемы социальной экологии. Макрокосм и его структурные компоненты — суть вся экология субъекта. В макрокосме действуют объективные законы (духовные и физические), проекции которых на земной план экологии индивидуального сознания приводят к ограничениям степеней свободы последнего. Понятие нравственности выражает суть основных ограничений со стороны законов духовного мира (Заповеди Божии), важных для человека в плане регуляции его отношение с реальностью. Эти отношения охватывают весь интервал отпущенного человеку на земле времени — от «здесь и сейчас» до «везде и всегда» (проблема «вечной участи» души).

Итак, человек рождается с многофакторной программой развития и функционирования сознания, в частности, через образную сферу личности. С другой стороны, существуют биологическая, социальная (общественное, групповое сознание) и космические среды, которые, взаимодействуя с заданной программой развития индивида, определяют характер изменения (рост или инволюцию) сознания в онтогенезе. Диалектика связи индивидуального сознания с групповым сознанием чрезвычайно сложна. Индивидуальное сознание развивается по тем же законам, что и любая система. Поскольку оно формируется

у индивида с уже существующим субстратом с определенными свойствами (и имеющим представительство во внешнем мире), то центральное место занимает субстанционально-атрибутивный аспект. Следствием развертки процесса в пространстве и времени становится выделение основных атрибутов индивидуального сознания. Последнее возникает как запрос внешней среды (запрос макроносителей сознания — группового, этнического и др., требующих собственного воспроизводства), удовлетворяемый функциями сознания (интеграция–дифференциация, отражение–регулирование), которые, взаимодействуя между собой, образуют описанную выше функциональную структуру индивидуального сознания. Функционирование же индивидуального сознания в актуальном времени подводит к необходимости детального описания процессов и состояний³⁵.

Итак, предложенные варианты типологизации вторичных образов реализуют принцип множественности описаний и подтверждают многомерность оснований системных представлений об образной сфере. Дальнейшая работа в плане системного анализа предполагает развитие интегрированности различных описаний образной сферы человека, в частности, использование формальных и содержательных сторон описания, множественности не только концептуальных, но и мировоззренческих оснований.

³⁵ Существенным дополнением к синтезу картины индивидуального сознания является использование для ее построения принципов гармоничного целого [63]. Работа принципа уравновешенности» — это равновесие противоположностей в целом. Это затронутые вопросы интеграции-дифференциации, отражения-регулирования, дуализации «черного-белого», «добра-зла». Принцип «соподчиненности» реализуется в упорядоченности состояний сознания в «кольце». Действие принципа «соразмерности» иллюстрируется проблемой пропорциональности в различных измерениях сознания (например, по субстратам и атрибутам). Пока известна лишь одна пропорция — временная — относительно некоторых состояний сознания — сна и бодрствования. В принципе можно вычислить пропорцию активности — реактивности сознания. Принцип повторяемости целого в частях использовался при описании голографической «решетки сознания». Принцип «единства» (гармоничности) сознания работает на проблеме интеграции сознания.

ГЛАВА 4

РОЛЬ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБРАЗНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Данная глава посвящена выяснению принципиального вопроса: *обладают ли феноменологические характеристики образной сферы человека диагностическим и прогностическим потенциалом?* Положительный ответ на данный вопрос снимает или по крайней мере уменьшает традиционные возражения против феноменологически-герменевтического подхода к изучению внутреннего мира личности, связанные с субъективностью и произвольностью интроспекционистских оценок. Но надо сказать, что общий положительный ответ на поставленный вопрос уже дан: применимость субъективных измерений образов в широком спектре когнитивных заданий считается оправданной [395; 404; 407–409; 433]). В данной главе это общее мнение будет конкретизировано в ряде аспектов.

Необходимым этапом исследований в этом направлении является построение системы многомерной классификации характеристик образной сферы человека, способной разводить общие и частные параметры, соотносить их не только с сенсорной, но и с эмоциональной и двигательной сторонами психического отражения-регулирующего, а также включать оценку отношения человека к своим образам. В этой связи требуется не столько расширение диапазона рассматриваемых характеристик образной сферы, сколько систематизация в наборе известных, а также взгляд на сочетания характеристик вторичного образа как на некое целое, объединенное системообразующим фактором — прежде всего целью и задачей (познания, деятельности, поведения) в связи с доминирующими переживаниями.

Понятно, что проблема не может быть решена без рассмотрения вопроса о методах изучения вторичных образов.

4.1. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ВТОРИЧНЫХ ОБРАЗОВ

Проблема методов является одной из центральных в изучении образной сферы человека, поскольку применение той или иной методики дает конкретное измерение вторичного образа и тем самым влияет на его описание. Использование же нескольких методов соответствует принципу «множественности описания» (В.Н. Садовский) и способствует раскрытию многомерной природы образной сферы.

Проблема методов изучения вторичных образов стоит весьма остро. Методические трудности вызваны, прежде всего, отсутствием объекта-стимула, с которым может быть прямо соотнесено содержание образа. Образы предстают перед исследователями, по словам Л.М. Веккера, неуловимыми «летучими» структурами, трудно поддающимися фиксации [51, т. 1]. Все это акцентирует опосредованный характер изучения образной сферы человека, а потому в качестве центральной проблемы выделяет вопрос о средствах ее исследования.

Экспериментальное изучение вторичных образов было начато в XIX в. и прервалось в начале XX в. под влиянием бихевиоризма. В зарубежной психологии в 1940-е годы было модно говорить об образах как об «обусловленных ощущениях». В то же время возникали сомнения в возможности применения к ним «павловской парадигмы», поскольку непосредственно воздействующие стимулы здесь отсутствуют. Однако в целом становилось ясно, что лабораторные методы были неспособны охватить «жизнь образов» во внутреннем мире личности.

История изучения образной сферы человека богата неудачными попытками однозначно привязать конкретные измерения образа к вербальному отчету или рисунку, количественно оценить их по субъективным шкалам. Вместе с тем можно указать на разработку следующих подходов: 1) объективные оценки выполнения тестовых задач; 2) измерения «эйдетической образности»; 3) тесты на мысленное манипулирование пространственными отношениями; 4) опросники субъективного оценивания образного опыта. Обобщая, можно выделить группу **объективных измерений** образной сферы человека, оценивающих: а) поведение, деятельность, действия, б) продукты актуализации образа, в) решение задач на мысленное манипулирование, г) характеристики узнавания и идентификации. Другую группу составляет **субъективное оценивание** образов — ранжирование субъектом параметров образов, их свободное описание, заданный самоотчет, анкетирование, интервью и т.д. К смешанным измерениям

можно отнести: а) изучение образа через ассоциации и метафоризацию, б) изучение влияния экспериментально контролируемого стимула на содержание образа.

Объективные методы изучения вторичных образов

Оценка деятельности и анализ объективных показателей актуализации вторичного образа составляют основную группу методов его изучения. При данном подходе способами объективации обычно служат актуализация содержания образа в рисунке, в лепке, в характере деятельности (действиях), в поведении. В зарубежной психологии данная группа методов основана на стандартизированных тестах.

Оценка графической актуализации содержания образа является самым древним методом (по сути, восходящим к «пещерной живописи»). Так, образ, воспроизводимый в рисунке, чертеже, позволяет изучать его пространственную структуру, различные масштабные преобразования. Графическая актуализация образов в виде проективного рисунка может быть применена и для изучения представлений человека о себе, неосознаваемых структур опыта, личностно значимых фантазий, а также образов измененных состояний сознания.

В качестве метода успешно применяется анализ двигательных компонентов (актуализация образов регистрируется, например, кино/телезаписью). Он касается, например, изобразительных жестов, действий с воображаемыми предметами (Б.Ф. Ломов, В.К. Гайда, В.П. Зинченко, Е.А. Сурков [196; 198; 199]). Анализ определенных параметров операторской деятельности позволяет вскрывать значимые особенности формирования образов информационной среды [243]. Идеомоторика оценивалась в контексте изучения представлений о движениях (работы А.Ц. Пуни, В.Л. Марищука [89; 199]).

Существуют методики, направленные на изучение особенностей отдельных классов вторичных образов. В исследованиях фантазии, например, широко применяются проецивные техники (ТАТ и Роршах), разрабатываются специальные тесты [364; 445, гл. 7]. Наиболее простым и часто используемым методическим приемом является актуализация образа фантазии в рисунке, например, изображение комбинаций из объектов неживой природы, растений, животных [201а]. В целом же методики изучения воображения характеризуются своей условностью, неспособностью охватить полноту воображения и его роль в жизни людей, трудностями интерпретации результатов,

субъективизмом экспериментатора (берущегося оценивать степень оригинальности ответов испытуемых).

В изучении эйдетических образов, помимо методик, базирующихся на графической актуализации или использовании так называемых закономерностей Эмерта [28], укажем на разработку тестов, выполнение которых возможно только при наличии у человека эйдетической способности (random-dot stereograms/correlograms test of eidetic imagery) [407, ch.1]. Следует отметить, что феномен эйдетической образности, определяемый исключительно объективными методиками, оказался весьма редким явлением: даже дети не удовлетворяли требованиям к эйдетичности. Был сделан вывод о том, что исследования должны быть дополнены субъективными измерениями [395; 407, ch. 1], например, классической процедурой, предполагающей рассмотрение «картинки» с последующим детальным описанием увиденного.

К объективным методам изучения вторичных образов относятся методики, использующие процедуры *узнавания* и *идентификации*. Например, в исследованиях Е.Н. Суркова спортсмены по кинограммам опознавали конкретные виды спортивных упражнений; получались прогностичные измерения, коррелирующие с уровнем спортивного мастерства, раскрывающие важные стороны формирования профессионально значимых пространственных представлений [199].

Изучение мысленного манипулирования пространственными отношениями базируется в основном на специальных тестах. В ретроспективе можно вспомнить тест Уолтера (в котором способность к визуализации и мысленному манипулированию определяется на основе ответов на вопросы, касающиеся числа сторон, цвета граней куба, который надлежит представить разрезанным на маленькие кубики), «спеллинг-тест» (воспроизведение матрицы, заполненной буквами и называние букв в обратном порядке), тест Бине и др. При изучении мысленного сравнения часто используются тесты на запоминание изображений с целью их дальнейшего сопоставления на уровне представлений (например, последовательно предъявляются два слегка отличающиеся изображения; их сравнение стандартизировано опросником «picture memory test»). На сегодняшний день в зарубежной экспериментальной психологии существует множество измерительных процедур мысленного манипулирования [407, ch. 7; 433], среди которых следует отметить разработки Терстона, Гилфорда, Шепарда, Пэйвио.

В отечественной психологии аналогичные процедуры разработаны Б.Ф. Ломовым [198], А.П. Черновым, Е.Н. Корнеевой, И.А. Мироненко

и др. [89]. Существуют методики определения уровня развития и структуры пространственного мышления, устойчивым показателем которого является тип оперирования пространственными образами [165; 369; 370]. К заданиям на мысленное манипулирование могут быть отнесена и известная методика «Компас» и метод «разрушения образа» [254].

В изучении вторичных образов использовались методы регистрации *движения глаз* (Б.Ф. Ломов, В.П. Зинченко, Н.Ю. Вергилес и др. [89; 199]). Показано, что с феноменом визуализации связаны различные моторные алфавиты в маршрутах движений глаз. Данные о движении глаз во время представительства дают информацию (хотя и противоречивую) относительно типологии вторичных образов [395, гл. 2]. Так, послеобразы «движутся вместе с глазами», а эйдетические образы при сканировании остаются неподвижными. Представление динамики в образах памяти и воображения характеризуются высокой глазодвигательной активностью, в то время как статические образы сканирующими движениями глаз, как правило, не сопровождаются. В качестве индикатора ярких зрительных образов может быть использован оптокинетический нистагм.

Положение глаз может диагностировать (на примере «правшей») наличие вторичных образов определенного класса: зрительных эйдетических образов — «вверх и влево», зрительных образов воображения — «вверх и вправо», слуховых образов — «вниз и влево», кинестетических образов — «вниз и вправо»; положение глаз влево или вправо дает, соответственно, акцент на воспроизведение информации или создание образов.

Определенные возможности изучения вторичных образов имеют *психофизиологические* измерения — набор показателей ЭЭГ, ЭКГ, ЭМГ, пульс, дыхание, КТР, кровяное давление, движение глаз, зрачковый рефлекс, вазомоторные реакции и др. [199; 395, ch. 15; 404; 407; 429; 431]. Исследования А.Ц. Пуни, Е.Н. Суркова выявили многообразные электрофизиологические корреляты представления гимнастических упражнений (индикаторы идеомоторики), что способствовало изучению тренирующего эффекта образов. Определенную информацию об индивидуальных различиях в визуализации, особенностях аффективных образов дают паттерны указанных физиологических реакций.

Ограничения физиологических методов существенны. Они определяются не только тем, что природа связи «физиологического» и «психологического» не ясна, но и тем, что сознание принципиально не может быть описано с помощью физиологической терминологии. С физиологической точки зрения, подчеркивает, например,

В.М. Аллахвердов, нельзя ни понять работу сознания, ни доказать его существование. «Глухой от рождения человек может смотреть на то, как пальцы пианиста бегают по роялю, но вряд ли потом стоит доверять его рассказу о полученном им музыкальном впечатлении. Физиолог, изучающий сознание только физиологическими методами, находится в положении такого глухого» [4, с. 132–133].

Объективные методы изучения вторичных образов могут быть представлены и необычными, пока гипотетическими вариантами: возможностью объективной фиксации образов, спроецированных людьми вовне, и фотографирование образов на сетчатке глаза (см. например, ссылки в [308a]).

Объективные методы изучения образов могут объединяться с субъективными измерениями. Это может быть проиллюстрировано на примере эффекта Перки. Так, во вторичных образах обычно представлена не только хранящаяся в памяти информация, но и характеристики сенсорного воздействия. Неосознаваемое влияние стимула на формирование образа замечалось в различных ситуациях: под гипнозом, во сне, в наркотическом и психотическом состояниях, при алкогольной интоксикации, при сенсорной депривации. Экспериментальное изучение феномена смещения образа и перцепта предполагает совмещение указанных методов.

Субъективные методы оценки вторичных образов

Многомерность образной сферы человека предполагает взаимодополняемость всех ее возможных описаний. Объективные методы не отвечают задаче ее всестороннего изучения. К тому же существует опасность различной интерпретации объективных измерений образов (Вудвортс). Уже такой простой вопрос: как оценить индивидуальные различия людей в степени субъективной яркости и четкости «картинки», стоящей перед «мысленным взором»? — приводит к пониманию важности выделения методического подхода, связанного с *субъективным оцениванием* вторичных образов. Уже говорилось о том, что данные методы сегодня снова широко применяются в исследованиях внутреннего мира личности, в частности, образного опыта, помогая получить более полную научную картину.

Трудности привязки показателей деятельности к изучаемым сторонам образов привело не только к *пониманию разницы между объективными и субъективными измерениями*. Был обнаружен и весьма

неоднозначный характер связи между характеристиками вторичных образов и считающимися их показателями объективными данными [268]. Различия в зарисовках и описаниях образов нашли, например, А.Я. Дудецкий [150], М. Хоровитц [404], Н.И. Кувшинов [180].

Можно констатировать, что методы субъективного оценивания вторичного образа необходимы, прежде всего, для измерения характеристик его субъективной формы, особенностей потока образного опыта. Изучение некоторых классов вторичных образов (сновидений, образов измененных состояний сознания) вообще невозможно без их описания. Проблема методов остро стоит при изучении образов дремотного сознания. Так, трудности оценивания гипнагогических образов связаны с тем, что человек может иметь образы, но не рефлексировать их. В то же время изучение гипнагогических образов актуально для исследования измененных состояний сознания, ибо человек все же способен описывать свой внутренний опыт.

Существуют и свои трудности применения рассматриваемой группы методов. Самонаблюдение в подавляющем большинстве случаев не выявляет содержания сновидений. И не только потому, что сны забываются. Для пересказа снов словами, по мнению Фолькмана, необходим особый язык, так как попытка изложить сон, часто разрушает его особенности [98, с. 23]. На помощь в какой-то мере приходят стандартизированные процедуры оценивания. Характеристики сновидений, их цветность (хроматичность-ахроматичность), частота воспроизведения оцениваются, например, опросником А. Ричардсона [89], шкалой воспроизводимости сновидений Хискока-Коэна [402]. Однако проблема остается.

Заметим, что объективные показатели (например, движение глаз во сне — REM-критерий) говорит о содержании сна еще меньше. В то же время и они должны учитываться. Данные самоотчета о сне следует дополнять наблюдением за телодвижениями, позой, речью сновидца [107]. Отметим также, что сновидения, с одной стороны, следует анализировать сразу после пробуждения, однако, с другой стороны, необходимая для этого процедура лабораторного эксперимента (в которой можно было бы совместить объективные и субъективные показатели) изменяет картину сна.

Большие трудности возникают при изучении образов измененных состояний сознания. Даже детальное интервьюирование не является достаточным, поскольку переживания образов могут быть описаны лишь весьма приблизительно. Поэтому считается, что можно анализировать и формальные пространственно-временные характеристики

образов, в частности, локализацию образа во внутреннем пространстве [33].

Углубим рассмотрение некоторых положений, касающихся вопроса субъективного оценивания внутреннего образного опыта. Для разработки феноменологически-герменевтического метода принципиальным вопросом является, например, следующий: может ли психология объективно исследовать «субъективное», находящееся в постоянном изменении [299]?

Показательно, что возрождение интереса к методам, основанным на принципах самонаблюдения, не рассматривалось как возвращение к классической интроспекции [407, гл. 7]. Еще Хэбб в 1960-е годы прямо подчеркивал, что субъективное описание образного явления не выходит за рамки объективной психологии [148]. Возвращение к субъективным измерениям связано с осознанием того, что они позволяют избежать артефактов, которые могут возникнуть при полагании лишь на объективные измерения, а также с тем, что с его помощью может быть осуществлена регистрация психических феноменов, которая не может быть достигнута иным путем [273]. Проблемы, связанные с субъективным оцениванием образной сферы человека, конечно, существуют, однако они не должны преувеличиваться. Уместно указать на ошибочность крайних точек зрения («позитивной» и «негативной») на ценность данной группы методов. Для скептиков, например, полезен совет МакКеллара больше интересоваться своими сновидениями [395, ch. 2].

Мы знаем, что интроспективная психология в многообразии своих разновидностей восходит к Локку и Декарту. Локк, например, считал психологию наукой о внутреннем опыте. Из наблюдения за деятельностью ума (рефлексии) человек получает знания о своем внутреннем мире. Основные постулаты сторонников методов самонаблюдения сводятся к следующему [323, с. 191–218]. Сознание есть совокупность рефлекслируемых состояний, субъективных переживаний человека, которые познаются особым «внутренним зрением». Интроспективная психология связана с особым способом самонаблюдения: сознания, собственных переживаний и т.п. В психологии существовали различные варианты интроспекции. В школе Вундта, например, интроспекция была включена в специальные процедуры изучения сознания. Психология рассматривалась как наука о непосредственном опыте, который распадается на данное человеку содержание познаваемого объекта и на его восприятие субъектом. В «аналитической интроспекции» Титчинера возникла некая «сенсорная

мозаика» конкретного образа. Утверждалось, что все формы ментального опыта можно рассматривать как состоящие из элементов, которые выявляются из самоотчета при выполнении когнитивных заданий. Образы были очевидными элементами. В школе Титчинера воссоздавалась даже душевная жизнь первобытных племен, детей, душевнобольных и даже животных. Метод «систематической интроспекции» в вюрсбургской школе» дал интересные данные об особенностях мышления, в частности, его безобразности (испытуемые обнаружили, что они думали, не пользуясь поддержкой чувственных представлений). В рамках «функционализма в психологии» (Брентано) сознание изучалось как единство психических актов методом внутреннего, непредвзятого и непосредственного восприятия. Метод «феноменологического самонаблюдения» в гештальтпсихологии (Кюффа) состоял в том, что психолог в позиции «наивного наблюдателя» описывает возникающие у него впечатления как некое специфическое целое без членения на элементы (подчиненные законам целого).

Защитники интроспекционизма были и в отечественной психологии. Л.М. Лопатин, например, прямо подчеркивал, что доступа в душевный мир, кроме интроспекции, не существует. Явления душевной жизни сознаются людьми так, как они есть: свою душевную жизнь человек знает в ее настоящей действительности, в непосредственном, внутреннем переживании. В сфере непосредственных данных сознания нет различия между объективным и субъективным, реальным и кажущимся. Наш внутренний мир есть точка, в которой раскрыта подлинная действительность [323, с. 191]. Г.И. Челпанов, будучи сторонником Титчинера, писал, что восприятие психических явлений доступно только для того, кто их переживает. Только из наблюдений над самим собою можно строить законы психической жизни. Согласно А.И. Введенскому, существование собственных душевных явлений для человека — самая несомненная вещь, не нуждающаяся ни в каких доказательствах (ибо сомневаться можно только в том, чего нельзя подтвердить опытно). Сторонником «внутреннего зрения», с помощью которого человек познает психические процессы, был К.Д. Кавелин. Отметим и философские искания Г.Г. Шпета, в которых он отстаивал феноменологию Гуссерля с указанием на недостаточность его концепции [360].

Противники же методов самонаблюдения доказывают, что интроспекция не может выступать научным методом изучения сознания, ибо не существует какого-то особого «внутреннего зрения»,

открывающего законы психической жизни. Человек судит о своих психических особенностях на основании опосредствованного познания. Так, Б.М. Теплов напоминал, что «внутренним глазом» нельзя увидеть механизм психических процессов, а Выготский подчеркивал необходимость отделения переживания от знания [323, с. 218].

Столкновение точек зрения на интроспективную психологию не стоит драматизировать. Следует признать правомерность критики претензий интроспекции быть основным и единственным орудием познания психики, средством самопознания и вместе с тем подчеркнуть значение самонаблюдения «душевной жизни» вне таких претензий. Действительно ясно, что без самонаблюдения невозможно исследование внутреннего мира человека, невозможна психотерапия. Например, относительно нравственных переживаний, религиозного опыта это очевидно. Самонаблюдение внутреннего мира предполагает *самоотчет* — словесный или письменный (дневники). А это уже ближе к собиранию фактов (что является первым и необходимым моментом научного анализа). Фиксируя в какой-то форме свой самоотчет об образном опыте, человек знает, что в его сознании совершилось некое событие, в котором он принимал участие в качестве актера или зрителя, как об этом пишет Н.Я. Грот [107, с. 20]. Для анализа трансляционной функции образной сферы человека важно, что в самонаблюдении внутреннего мира человек находит образы, связывающие его с окружающей действительностью, с другими людьми. Интроспекция не замыкает людей во внутреннем мире сознания а, напротив, выводит их во внешний мир [299, с. 109].

В.Н. Дружинин, разбирая принцип дополнительности в психологическом исследовании, пишет: «Поскольку множество психических состояний мощнее множества поведенческих состояний, то никакой идеальный эксперимент не может дать полной информации о психике индивида, не говоря уже о реальном эксперименте. <...> Совершенно очевидной становится необходимость методов понимания и тем более интроспекции для познания психики человека. При этом «понимающий психолог» может лишь отчасти понять психическую жизнь другого человека, так как он, во-первых, ограничен своим сознанием, <...> а во-вторых, он ограничен множеством своих собственных индивидуально-психических отличий» [128, с. 271].

Понятно, что анализ интроспективных методов неотделим от герменевтического подхода, общего для всех наук об обществе и человеке [128; 299]. Герменевтику можно определить как искусство, теорию, способ интерпретации (истолкования) различного рода текстов — ли-

тературных, исторических, научных, религиозных; к текстам могут быть также отнесены жизненные явления. Герменевтический метод ориентирован на постижение уникального (Гадамер). Истоки метода, как известно, восходят к Шлеймахеру, который говорил об «искусстве понимания» как способности переходить от собственных мыслей к пониманию автора текста, к поиску в тексте, в частности, скрытых смыслов. Понятия «интерпретация», «понимание», «герменевтика» толковались им как равнозначные.

Обоснование герменевтических методов в психологии связано с именем Дильтея (кстати, не считавшего себя последователем Шлеймахера). Дильтей разграничивал «науки о духе» (философия, эстетика и др.) и «науки о внешнем мире» (физика, биология и др.), в которых природа эмпирического знания различна. Надо отметить, что именно с герменевтическим подходом связана позитивистская и антипозитивистская традиции в познании (фон Врихт). А. Демер, например, делил все направления познания на герменевтические (феноменология, экзистенциализм, психоанализ, структурализм и др.) и антигерменевтические (бихевиоризм, рационализм и др.).

В «науках о духе» основным является метод понимания как непосредственного осмысления (противопоставляемого методу объяснения). Дильтей выделял разные виды понимания: 1. Понимание как теоретический метод. 2. Понимание действий, требующее реконструкции целей, на которые они направлены. 3. Понимание проявлений «живого опыта» человека. Метод понимания другого человека — это вчувствование, моделирование внутреннего мира другого человека. Понимающая психология не отвергала методы традиционной психологии. Дильтей писал, что психология «соединяет восприятие и самонаблюдение, постижение других людей, сравнительный метод, эксперимент, изучение аномальных явлений. Она пытается сквозь многие входы проникнуть в душевную жизнь» [299, с. 90]. Назначение методов описательной психологии состоит не в построении причинно-следственных конструкций психического, а в понимании и постижении духовно-душевной жизни человека во всем многообразии ее проявлений и связей с последующим анализом по законам этого целого [299, с. 107].

У сторонников герменевтического метода следует отметить понятие «глубинная герменевтика» (Хабермас), а также подчеркнуть важность различения «интерпретации» и «понимания» (Хирш) (правильное понимание возможно только одно, а интерпретаций — множество).

В.Н. Дружинин говорит, что понимание применяется тогда, когда требуется познать уникальный, целостный, неприродный объект (который несет «отпечаток разумности») путем перевода его признаков в термины «внутреннего» языка исследователя и получить в ходе этого перевода его оценку и «переживание понимания» как результат процесса [128, с. 274]. Он разделяет понятия «понимание» как психический процесс и как эмпирический метод «наук о духе». Объектом герменевтики в психологическом исследовании является психологический анализ уникальных продуктов творческой деятельности, уникальность внутреннего мира человека, его неповторимый жизненный путь. К классическим вариантам герменевтического метода относятся графологический и физиогномический методы, психоаналитическая интерпретация, проективные методы, психологическая интерпретация в гуманитарных науках и др.

Психологическому анализу феномена понимания посвящены работы В.В. Знакова [145], который, в частности, выделяет два главных подхода к изучению данного феномена: познавательный и экзистенциальный (о чем уже говорилось в разделе 1.1).

Среди ограничений герменевтического метода, относящихся к пониманию человеком образных событий внутреннего мира, отметим следующие: 1) нечто в человеке остается недоступным для понимания; 2) любое толкование происходит в терминах субъективного опыта интерпретатора и зависит от его индивидуальных особенностей. Поэтому «множественность истины» при герменевтическом исследовании принципиально неустранима (что требует согласования нескольких точек зрения) [128, с. 276].

Итак, будем исходить из ясно наметившегося в психологии представления о том, что самонаблюдение в широком смысле — важный источник сведений о психической жизни, но оно не является «прямым усмотрением» законов и механизмов психики. Полученные данные требуют своего истолкования и объективации. Отметим, например, успехи использования самоотчета о переживаниях в позиции «наивного наблюдателя» без «интроспективного усмотрения» законов этих переживаний (в частности, можно взять данные трансперсональной психологии). Интерпретация интроспективного «сырого материала» является важнейшей задачей исследователя [323, с. 222]. Согласимся также с тем, что естественно научное описание психической реальности и описание, полученное герменевтическим методом, взаимодополняют друг друга (как в квантовой физике взаимодополнительны «матричная» и «волновая» версии описания реальности) [128, с. 278].

«Недостатки метода самонаблюдения не призывают отказаться от этого метода — это невозможно, — пишет В.М. Аллахвердов. — Они лишь подчеркивают невозможность объяснения сознания из самого себя, экспериментально подтверждая логическую несостоятельность этой идеи» [4, с.120]. Он замечает также, что не слишком продуктивно экспериментировать над сознанием: *один и тот же эксперимент невозможно повторить* [4, с. 142].

В психологии используются методы: а) объяснительной психологии, б) описательной психологии, в) практической психологии и психотерапевтической практики [299, с. 93]. В.Д. Дружинин выделил [128] восемь «чистых» методов: естественный и лабораторный эксперимент, инструментальное наблюдение, наблюдение, интроспекция, понимание, свободная беседа, целенаправленное интервью, а также «синтетические» методы, объединяющие в себе черты «чистых» методов, но не сводимые к ним. Обзор подобного спектра методов показывает: ***все используемое в изучении образной сферы человека, вписывается в рамки научных методов исследования.*** В частности, ее исследование в рамках феноменологически-герменевтического подхода не только разворачивается на научных основаниях, но приобретает особое значение при изучении субъективного мира личности.

Понимание своего внутреннего опыта, в частности, «мира образов» человек осуществляет с помощью *интроспекции* — метода, в котором основная функция отводится к пониманию человеком собственной субъективной реальности. С одной стороны, это обсервационный метод, с другой — субъективный в смысле неинструментальности, требующий для своего применения высокого уровня рефлексии психических состояний. Интроспективное самонаблюдение предполагает всматривание, вслушивание, вчувствование человека в свой внутренний мир с целью найти (или создать) образы, осмыслить, интерпретировать, понять образный поток. Интерпретация человеком внутреннего мира как метод познания определенных сторон своего образного опыта хорошо проявляется в изучении имагопрактики (см. вторую часть книги). Здесь следует подчеркнуть, что «непосредственное усмотрение» чего-то в себе и в окружающем мире часто происходит на *интуитивном уровне*. Известно, что чужой опыт понимается путем вчувствования во внутренний мир другого человека, моделирования в себе (через эмпатию) его состояний через попытки представить систему его представлений. Это подтверждает значение исследования образной сферы личности в общении, в частности, использования для этих целей коммуникативных методов. В этих методах для нас важны

оба полюса — и свободная беседа, консультирование, и целенаправленный опрос. В свободной беседе или рассказе происходит описание переживаний внутреннего мира. Опросники и интервью отвечают требованиям целенаправленного опроса. В имагопрактике, в частности, в работе с воображаемыми «внутренними персонажами», эмпатическое слушание применимо и этому «внутреннему собеседнику» с установкой на эмоциональное сопереживание. Эффективным приемом является *идентификация* с «персонажем» (способность мысленно поставить себя на его место) и *беседа/диалог* с ним. Наконец, важна оценка понимания, интерпретации человеком феноменов культуры, которая может использоваться для получения о нем данных мировоззренческого, нравственно-философского плана.

Из группы «синтетических методов 1-го уровня» (по классификации Дружинина) для изучения образной сферы личности значимым является глубинное интервью и самонаблюдение. Метод «глубинного интервью» реализуется путем синтеза понимания и свободной беседы, тесного общения психолога и исследуемого им человека с целью понимания внутреннего мира последнего. Большую роль в изучении образной сферы человека играют «синтетические методы 2-го уровня»: субъективное шкалирование, самоанализ (самооценивание, самопознание, самонаблюдение) и актуализация его результатов (в частности, в письменной форме), консультирование. Методики субъективного шкалирования параметров вторичных образов получаются из сочетания самонаблюдения и психологического измерения. Консультационная форма общения дает дополнительную информацию о внутреннем мире людей, помогающую интерпретировать образный опыт. Рассмотрение консультирования как метода познания личности подчеркивает значимость данных об имагопрактике. Для нас также важна связь между психотерапевтическим методом и методом герменевтической интерпретации (для практической работы с образной сферой эта связь очевидна). Психотерапевтические и психокоррекционные техники близки к методам глубинной психологии (частности, в контексте трансперсонального опыта) и к клиническому методу (данные об образной сфере личности могут использоваться в реабилитационной психиатрической практике).

Вернемся к методам субъективного оценивания параметров вторичного образа. Психометричность, валидность подобных субъективных измерений подтверждается специальными исследованиями [89; 98; 433]. Важной задачей анализа надежности получаемых показателей является определение *рамки их прогностичности* (отметим, что это раскрывает феноменологически-герменевтический подход к образной

сфере человека). В этой связи получены устойчивые функциональные корреляты субъективных измерений образов с показателями психической деятельности и поведения человека (см. раздел 4.4).

К недостаткам субъективных измерений обычно относят то, что даваемые при описании образа суждения и оценки изменяют его. Использование видеозаписи деятельности, ее комментариев человеком отчасти компенсируют указанный недостаток [407; 409]. Необходима также разработка строгих процедур фиксации свободного описания человеком своего образного опыта, особенно в ситуациях общения и деятельности [30].

Поскольку дети могут рассказать о снах и фантазиях лишь начиная с определенного возраста, интригующим является, например, таинственное, «небесное», «божественное» содержание образного опыта. Дети сообщают о видении ими ангелов и т.п. Возникает вопрос, насколько формирующаяся речь блокирует считывание информации с каких-то иных информационных источников? Действительно, в чем различие образов до и после возникновения речи и понятийного мышления?

Наиболее разработанными методами субъективного оценивания образной сферы человека являются процедуры *саморанжирования* параметров вторичного образа, основанные на приписывании чисел измеряемой характеристике. В опросниках используются шкалы, градации которых определены словесно и проранжированы. Испытуемый оценивает параметр образа соответствующим баллом путем соотнесения словесного описания со шкалой. Методическому учету подлежат факторы экспериментальной ситуации, а также влияние установок. Так, различия в субъективном опыте «вюрсбуржцев» и «интроспекционистов» объясняются Найсером [395, ch. 10] исследовательской установкой: ожидавшие образов видели их, не ожидавшие — не видели. Можно в принципе абстрагироваться от «социальной желательности» (т.е. от неосознанного влияния престижности оценок в шкалах), хотя ее влияние есть. Фактор пола в принципе оказался незначимым.

Разработка методов субъективного шкалирования вторичных образов началась с Гальтона, опросник которого был взят за основу многими исследователями (например, Titchener, Griffiths, Bart, Brower, Sommer). Опросник Гальтона выявлял индивидуальные различия в способности вызывать образы разной модальности. Требовалось представить процесс завтрака, стук дождя в окно, вкус лимонного сока, жажду, голод, холод, усталость, сонливость и др. и оценить яркость возникающих образов [396]. К настоящему времени создано и широко применяется много опросников. Самым коротким, например, является

опросник Броуверса, в котором от испытуемых требуется «видеть», «слышать», «обонять» и т.д. то, как жарится лук на сковородке.

Отметим также, что практически единственный в советский период опросник Рамуля [268], является модификацией западных аналогов.

Большинство опросников направлены на выявление двух обобщенных оценок вторичного образа: «яркости-четкости» (ясности, чистоты) и «контролируемости». Большой вклад в экспериментальное изучение первой внес Беттс [380], показавший существование интермодальной константы, впоследствии эмпирически подтвержденной П. Шианом как *фактор яркости-четкости* вторичных образов.

Наиболее популярными для оценки яркости-четкости образов являются опросники *Беттс* и сокращенный его вариант — опросник *Шиана*, опросники *Маркса* и *Джонсон* [395, ch. 4; 407, ch. 7; 448]. Для оценки контролируемости образов широко используется *Гордон-тест* и *опросник А. Ричардсона* [395, ch. 5; 398]. Гордон-тест имеет сложную факторную структуру и отражает, например, три типа образов: трансформационные, статические и кинетические. Тестом для измерения яркости и контролируемости вторичных образов является также опросник Лэйна [416; 448] и Суитраса [98]. По опроснику Паивию оценивается типичное для человека использование образов и вербальных процессов в мышлении («визуализаторы» и «вербализаторы») [427]. (Имеется сокращенный его вариант [432].) Исаак, Марк и Рассел разработали опросник на определение яркости-четкости образов движений [433]. Существуют опросники, направленные на выявление частных особенностей образности, например, для получения клинических показателей, оценки эмоциональных аспектов образов [407], творческого воображения и связи образов с внушаемостью [98]. Опросник Сингера и Антробуса [395, ch. 8, 444] выявляет связь образов с личностными измерениями. Можно указать также на другие опросники [98; 433; 448].

Для изучения типологии образов по доминирующей сенсорной модальности используются *спонтанно возникающие образы на определенные стимулы-слова* и оценивать легкость возникновения образа, его яркость, чистоту. Эвристичным является также анализ *использования языковых средств — метафор, сравнений, аналогий* как способа описания человеком своих образов, когда отсутствуют конвенциональные символы. Например, человек, не имеющий языковых средств для описания определенного запаха, может использовать аналогии и сравнения — сравнивать его, например, с «запахом летней южной ночи на берегу океана»

[395, ch. 14]. Метафоры используются для изучения представлений человека как о себе (можно сравнить себя со «стремительной рекой», «догорающим костром» и т.п.), так и о других людях. Практика «тренинга сензитивности» показывает, что ассоциации цвета, звука, текстуры и др. (и их сочетания) могут эффективно передавать грани образа другого человека. Керр и Пиар [395] предположили возможность использования сравнений и метафор в качестве метода изучения синестезии. М. Вернон [383] предполагал, что конвенционально принятые лингвистические выражения возникли у «синестетичных» от природы людей при описании своих переживаний. Некоторые «синестетичные» метафоры общеприняты: «теплые» — «холодные» цвета, диссонирующие сочетания («кричащий галстук»); люди могут говорить «сладко» или делать «кислые» замечания. Огромное количество метафор можно найти при дегустации вин. К синестетическим переживаниям часто обращается искусство. Поэтому анализ художественного образа обладает психодиагностическим потенциалом. Так, в определенные периоды в творчестве поэтов могут доминировать какие-либо цвета [11].

4.2. ПРОБЛЕМА МНОГОМЕРНОГО ОПИСАНИЯ ХАРАКТЕРИСТИК ВТОРИЧНОГО ОБРАЗА

Исходный перечень. Особенности психического отражения на уровне вторичного образа выражаются в его характеристиках, доступных субъективной оценке [6; 31; 33; 51, т.1; 148; 197; 198а; 199; 280; 315; 355].

1. Пространственно-временная структура вторичных образов. К группе собственно *пространственных* характеристик относятся, прежде всего, особенности формы и величины образов. Характеристика субъективного размера образа интересна тем, что в образе происходит *выпадение абсолютных величин объекта*: несохранение числа его однородных элементов и нарушение воспроизведения абсолютных размеров отображаемых объектов. За счет многоуровневых преобразований геометрической формы объекта в его топологическую схему вторичный образ схематизирован и сохраняет наиболее информативные элементы объекта; случайные признаки редуцируются или отсеиваются. Это позволяет сохранять максимум информации об объекте. В образе возникает возможность произвольно *отделять фигуру от фона* (чем обеспечивается возможность сосредоточения

на существенном). Вторичный образ отличается также *пространственной панорамностью*, которая заключается в расширении объема компонентов пространственного поля, выходящего за пределы перцептивного аналога («карта-обозрение»), в способности видеть «спину вещей». Характеристика панорамности дополняется также местоположением образа в представляемом пространстве: человек каким-то определенным способом располагает возникающие в сознании образы в *трехмерном* пространстве вокруг себя: выше-ниже, впереди-сзади, правее-левее. Следует учитывать и расположение образа — во внешнем по отношению к субъекту пространстве или «внутри головы». Показателем является *субъективное расстояние до образа*. Также важны особенности «образа Я в некой ситуации» — это видение себя в представляемой ситуации со стороны, или видение этого мысленно, но «своими глазами».

Особенности отображения в образе *параметров времени* характеризуются: 1) *временной панорамностью* — преобразованием временной последовательности в одновременную структуру; например, это объединение тактильных ощущений, формирование пространственных динамических представлений у спортсменов, создание целостного музыкального образа; 2) *неадекватностью отображения длительности* при воспоминании прошлого (чем плотнее заполнен событиями отрезок времени, тем более длительным он представляется человеком); 3) более прочным отображением *последовательности* событий, чем их длительности.

II. Характеристики сенсорной модальности вторичного образа. Отображение в образе сенсорных качеств стимула обычно иллюстрируют в психологической литературе зрительной модальностью. Так, цветопередача характеризуется сдвигами отображаемого цвета в сторону основных цветов при выпадении оттенков (пропорционально времени хранения образов в памяти).

III. Интенсивностные характеристики образов. Вторичные образы характеризуются большей «бледностью» по сравнению с перцептивными образами.

Интегральные характеристики

Субъективные методы изучения образной сферы человека позволяют фиксировать и более общие характеристики вторичных образов, охватывающие перечисленные группы (I–III) их особенностей. Образы

характеризуются *неустойчивостью* отражения пространственных («колеблемость» и текучесть компонентов образа), модальных («мерцание цвета») и интенсивностных (колебания яркости) характеристик объекта. Также выделяется *фрагментарность* вторичных образов: некоторые стороны объекта в образе не отражены или могут проявляться в образе последовательно при «мысленном разглядывании».

Определяющей характеристикой вторичного образа обычно считается его *обобщенность*: образ отражает не единичный объект, а класс аналогичных объектов. Причем в образах происходит не только обобщение и «сжатие» информации, но и изменяется структура образа — одни характеристики затушевываются и редуцируются, другие подчеркиваются. Обобщенность касается всех сторон образов (форма, цвет, тембр, текстура и т.п.). Сходные впечатления зафиксированы в памяти слитно; конкретные тонут в более крупных единицах опыта. Диапазон в обобщенности чрезвычайно широк. Например, в области музыкальных представлений — от высокой конкретности у музыкантов («слышание» в отсутствии стимула), до высокой обобщенности (мелодической, ритмической) у рядового слушателя. Освобождение от прикованности лишь к единичному объекту позволяет вторичным образам выступать в функции эталона, участвовать в механизме выбора и реализации программ деятельности. Механизм обобщенности образов заключается в динамическом взаимодействии 1-й и 2-й сигнальных систем, что определяет индивидуальные различия в конкретности, яркости образов.

Вторичный образ *субъективно целостен* и имеет свою *интегральную* оценку человеком. В предыдущем разделе указывалось, что уже первые исследователи выделили показатель, связанный с особенностями его «общей внутренней наглядности» — субъективной *яркостью-четкостью, чистотой, ясностью* (vividness). Характеристика не только как бы впитывает в себя многие частные показатели образа (например, дифференцированность, фрагментарность и др.), но и оказывается общим фактором для всех сенсорных модальностей.

На первых шагах экспериментального изучения вторичных образов была выделена также и указанная общая характеристика субъективной способности к оперированию вторичными образами, названная *контролируемостью* (controllability). Она касается произвольного формирования требуемых образов предметов и ситуаций, их преобразования, манипулирования ими, их произвольной смены в сознании, удерживания «в уме». Контролируемость охватывает все аспекты мысленного оперирования любым образным материалом, включая

произвольный контроль потока сознания (в частности, в связи с феноменом навязчивой вторгаемости образов). Фехнер указывал, например, на контролируемость образов памяти и неконтролируемость послеобразов. Хорошая контролируемость, по мнению Гальтона, — это способность представлять что угодно, строить в уме, например, любые геометрические структуры. Не случайно контролируемость коррелирует с объективными измерениями образной сферы (см. работы о многомерности Гордон-теста и факторной структуре контролируемости образов [398; 103]). Контролируемость эмоционально-оценочного компонента образа предполагает произвольное вчувствование в образ, способность представлять самые различные эмоции. Формой потери контроля над образами является неспособность сформировать желаемый образ (например, представить чье-то лицо) или избавиться от импрессивного неприятного образа.

Важнейшей характеристикой образной сферы человека является *подвижность* («живость») вторичных образов, т.е. скорость формирования образов, их смены в сознании, вхождение в определенные сочетания. Подвижность вторичных образов может включаться в характеристику контролируемости.

Итак, можно говорить о разных уровнях субъективно оцениваемых показателей вторичных образов: 1) парциальных особенностях пространственно-временной структуры, модальности и интенсивности образа, 2) более общих его показателях — неустойчивости, фрагментарности и обобщенности, интегрируемых самим человеком (3) в синтетичную характеристику субъективного качества образа — его *яркость-четкость* в ее полимодальной развертке. Следует выделять также интегральные субъективные характеристики *подвижности* и *контролируемости* образов.

Если задаться соотношением данных характеристик с компонентами «общенаучного базиса»: пространство — время — энергия — информация [65] (а это, естественно, важно с позиций системного описания образной сферы человека), то *яркость-четкость* образа можно рассматривать как *информационную* характеристику, поскольку в самой общей форме она ответственна за утку информации во вторичном образе: нечеткий и бледный образ менее информативен. *Контролируемость* — характеристика *энергетическая*, поскольку любая регуляция требует затрат энергии. *Подвижность* образов прямо соотносится с категорией *времени*. *Пространственный* аспект как неотъемлемый компонент предметного содержания любого образа (пространственно-предметная структура образа) может играть роль

стержня, на который «нанизывается» триада интегральных характеристик вторичных образов.

Следует выделять и **специфические характеристики** отдельных классов вторичных образов. Например, основная феноменологическая особенность воображения — образное перекомбинирование, предполагает характеристику *агглютинации* — перекомбинирование в образе разнородных элементов, «склеивание» порой несводимых вместе в реальной жизни элементов.

Выделяются виды агглютинации [201a]: 1) дополняющая (в образе добавляется несвойственная объекту деталь); 2) созидаящая (создание нового образа); 3) формально-композиционная (образы соединяются в необычные сочетания, выступающие как самоцель); 4) эволюционирующая (образы более низких классов объектов приводятся к сходству с образами объектов более сложных классов); 5) аморфная (образы группируются в комплексы, не имеющие отчетливой или содержательной идеи); 6) персонифицирующая (образы соединяются в подобие человеческих лиц и фигур); 7) регрессирующая (образы сложных объектов сводятся к более простым).

Характеристиками агглютинации являются *продуктивность* и *оригинальность*. По сочетанию их выраженности было выделено 9 типов воображения. Так, люди могли иметь выраженность обеих характеристик, но различной степени развитости: у одних оригинальность была выше продуктивности (содержательное воображение), у других наоборот («формальное воображение»). Примечательно, что 71,6% испытуемых обладали слабо или односторонне развитым воображением.

Другими традиционно выделяемыми характеристиками образов воображения является *акцентирование*, заострение (преувеличение /преуменьшение, подчеркивание сторон отображаемого, например, в шаржах), *гиперболизация* (подчеркивание всего объекта или ситуации), *типизация* (отображение существенных, повторяющихся сторон объекта). В качестве характеристик могут выступать факторы-способности, которые включаются в понятие воображения (Терстон и Жерард [364]): а) реагировать на аморфный стимульный материал и завершать размытые структуры в ясный образ (измеряется процедурами типа теста Роршаха); б) завершать неполные структуры (можно измерять особенностями идентификации предмета, контуры которого частично стерт); в) замещать один гештальт другим; видеть неразложимое целое в другой структуре (фактор определяется с помощью фигур Гютшальта или рисунками со «скрытыми лицами»).

Важнейшей характеристикой является эмоциональный компонент образов воображения, влияющий на поведение и психофизиологические состояния, помогающий рефлексировать эмоции других людей и собственные чувства [37]. В.К. Виллонас определяет также динамику фантазирования [270] и порождение потока ретроспективных образов. О роли переживаемости образного опыта уже говорилось.

Существенной особенностью воображения является *сила идеомоторики*. Данный показатель важен, прежде всего, в аспекте изучения двигательных представлений. Известно, что образ движения (на основе актуализации закрепленных связей в функциональной системе) порождает состояние готовности к его осуществлению. Данная закономерность была обнаружена физиком Фарадеем и детально изучена П.К. Анохиным, Н.А. Бернштейном, Е.Н. Сурковым. Было подмечено, что двигательные образы выявляют мышечные реакции, а зрительные образы дают идеомоторные реакции глазодвигательных мышц. Показательно, что при напряжении мышц тела может визуализироваться штормовой океан, а при их расслаблении — спокойный океан (Wolpin [409]). Примечательно, что при выполнении моторных задач в полной темноте кинестетическая обратная связь может вызывать проецируемый вовне зрительный образ [89].

Сила идеомоторики проявляется на различных уровнях. С ней связаны поразительные случаи влияния психики на физиологические процессы: самовнушение (например, феномен стигматов у католиков), эффекты гипнотического воздействия (вызываемый «ожог» или «укус комара»). На высших уровнях аналог механизма идеомоторики лежит в основе «общей созидательной силы» образов воображения, о которой мы будем говорить во второй части книги.

Многие характеристики воображения, связанные с личностными показателями, также будут рассмотрены во второй части книги. Что касается характеристик сновидений и образов измененных состояний сознания, то мы уже касались их и к ним еще вернемся.

Характеристики вторичных образов изменяются при переходе между классами. Например, образы воображения имеют *большую произвольность* (агглютинация), *обобщенность* (схематизация-типизация) и *меньшую яркость*, чем репродуктивные образы. Понятно, что реализованное событие определяет более яркие, структурированные, предметные, но менее контролируемые репродуктивные образы. Образы же воображения должны быть более контролируемыми, чтобы в ходе реализации прогнозов можно было оперативно изменять установку [244].

Важной характеристикой образной сферы личности является субъективная *реалистичность* образов — осознание иллюзорности их содержания. Это один из ключевых моментов в анализе трансляционной функции образной сферы человека. В большинстве случаев человек способен оценить реалистичность содержания вторичного образа. В условиях психической напряженности, однако, степень осознания неадекватности образа падает; образная сфера может давать «ложные тревоги». Данная закономерность — многоуровневая (например, она явно присутствует в деятельности человека-оператора [179; 198a] и при изучении социальных представлений [85; 97; 102; 357]). К проблеме реалистичности вторичных образов следует подходить с точки зрения: а) степени вовлеченности субъекта в содержание образа, б) способности к разграничению им субъективных и объективных компонентов образа, в) социальной детерминации психического отражения. Проблема нуждается также в специальном анализе с точки зрения специфики характеристик реалистичности вторичных образов различного класса. Особенно это касается образов измененных состояний сознания.

К характеристикам образной сферы человека можно отнести показатели представленности вторичных образов в потоке сознания, например, степень их детализированности и определенности, акцент в отнесенности к внешней-внутренней информации, знакомость-необычность («причужденность»), временная направленность образов, активность-реактивность, отношение субъекта к образам и др. [445].

Взаимосвязь характеристик

Раскрытие многомерности образной сферы человека предполагает анализ взаимосвязи ее различных измерений. То, что методические процедуры связаны с изучением различных сторон образной сферы и дают свои специфические измерения, ставит проблему соотношения получаемых характеристик друг с другом. Ее решение является необходимым шагом к созданию общей системы методов изучения образной сферы человека.

При анализе литературы [89; 94] заметна большая противоречивость данных. Характер интеркорреляций между измерениями образной способности не подтверждает существования общих ее измерений. Паивию, например, не удалось выявить «чистых» факторов «образности» и «вербальности». Переменные проникали из одного

фактора в другой — вербальные в невербальные и наоборот; объективные и субъективные измерения также были перемешаны [427]. «Пространственная» и «образная» способности эмпирически также выступают различными показателями [430а]. Характеристики, относящиеся к образу как результату («образ-картинка»), ортогональны по отношению к характеристикам процесса мысленного манипулирования [103]. В исследовании Т.П. Елохиной [89] при применении процедур опознания были получены результаты, сходные с теми, которые имели место при использовании графической актуализации и отличные от них. Н.И. Кувшинов показал также различия между *правильностью узнавания* и *точностью актуализации* образа [180]. В то же время корреляции между объективными показателями выполнения пространственных тестов в основном положительно значимы.

Субъективные измерения образной сферы человека также обычно положительно коррелируют друг с другом. Это и позволило выделять характеристики яркости и контролируемости вторичных образов, измеряемые различными опросниками в качестве основных общих показателей.

Противоречивость фактов заметна в основном в корреляциях между показателями *субъективного* и *объективного* оценивания образов. Но в этом вопросе все же достаточно данных о положительном характере связи данных групп оценок. Результаты пространственных тестов имели, например, значимую связь с оценками яркости-четкости, значимости и контролируемости зрительных образов, переживаемых при решении задач [379; 89; 94].

В целом имеющиеся данные подтверждают ***многомерный характер образной сферы человека и наличие определенной функциональной нагрузки ее параметров в деятельности***. Характер интеркорреляций выражается в несводимости одних измерений образной способности к другим. Неизбежно возникает вопрос о дублировании аналогичных, на первый взгляд, показателей, поиске их общности. Объективные и субъективные измерения идентифицируют независимые черты «образности». Субъективное оценивание образов дает показатели, не сводимые к информации от объективных измерений (В. Duncan [89]). В рамках факторного анализа они образуют обычно независимые факторы. Сами же классы объективных и субъективных измерений также неоднородны. Гилфорд, например, указывал, что объективные измерения могут представлять более чем один фактор, связанный со способностью оперирования пространственными отно-

шениями. В рамках каждого выделяемого класса измерений существуют многообразные показатели, имеющие специфическую функциональную нагрузку в деятельности. Поэтому сложный характер взаимоотношений между измерениями образной сферы следует изучать в контексте рассмотрения степени их прогностичности относительно решаемой человеком задачи.

В этой связи важно подчеркнуть, что особенности вторичных образов различных классов определяются характером деятельности (в которую образная сфера включена), ее целью и задачей [6; 83; 197; 198; 199; 278; 355; 395, ch. 2]. Образ, включенный в конкретную деятельность, преобразуется в интересах деятельности, и в нем выделяются важные для достижения цели признаки окружающего. Особенности деятельности в формировании образов определяют их характеристики: бледность, неустойчивость или фрагментарность и устойчивость, обобщенность в отражении параметров объекта во вторичном образе. Наиболее четко в образе отражены предмет, условия, результат и средства деятельности. Воображение, например, чрезвычайно индивидуально (как в количественном, так и в качественном плане). Профессиональный вид деятельности предрасполагает к развитию воображения в той или иной плоскости.

Для построения многомерного описания характеристик образной сферы человека необходимо следующее.

1. Определение **достаточно полного набора исходных характеристик, описывающих конкретный тип вторичного образа в связи с процедурами их измерения**. Неполнота описания образной сферы человека заключается в отсутствии достаточно исчерпывающего набора *парциальных* измерений составляющих ее «образов-элементов». В большей мере, например, оцениванию подлежат репродуктивные образы. Особенности же других классов вторичных образов в исследованиях учитываются слабее (в частности, показатели агглютинации и гиперболизации фантазии) либо вовсе не учитываются (характеристики сновидений, образов измененных состояний сознания). Оцениваются в основном сенсорные аспекты образов. Игнорируются многие специфические особенности образов, например, пространственная панорамность, эмоционально-оценочный компонент. В то же время при создании такого набора следует избежать дублирования исходных парциальных характеристик.

2. Нахождение **минимально достаточного набора характеристик интегральных, способных нивелировать специфичность парциальных показателей и ограничения измерительных процедур**. Примером могут служить указанные показатели яркости-четкости и контролируемости образов, действительно придающие «экономность» описанию.
3. Изучение **соотношения общих и парциальных характеристик**. Это предполагает создание процедур выводимости первых из вторых (по каждому классу вторичного образа), в частности, выяснение, с какими коэффициентами входят парциальные измерения в интегральные характеристики. Речь идет о поиске минимального набора парциальных измерений, дающих обобщенный прогностичный показатель. В этом вопросе дефицит данных особенно заметен. Существующие подходы в изучении вторичных образов не удовлетворяют указанным моментам. Обычно приводятся перечни рядоположных характеристик образов, нередко дублирующих друг друга.

Определенные шаги в указанных направлениях были предприняты в наших совместных исследованиях с Б.М. Петуховым [103]. Было выделено три независимых фактора образов, которые были названы «яркостью», «контролируемостью» и «живостью». Названия для данных интегральных характеристик были даны, исходя из содержания первичных шкал (см. их факторную структуру [103]). Интегральные показатели живости, контролируемости и яркости-четкости получались путем усреднения оценок первичных шкал (например, яркость образа движений, контролируемость образов настроения и т.п.) с учетом их «весовых» коэффициентов, с которыми они в данный фактор вошли [103]. В итоге индивидуальный тип «образности» был представлен точкой в трехмерном пространстве выделенных факторов. Последние соответствуют динамическим, регуляционным и структурным характеристикам образов, а также согласуются с трехмерностью психосемантических конструкторов. Примечательно, что Осгуд связывал трехмерность семантических конструкторов с синестезией, участвующей в построении полимодального образа трехмерного пространства. Иными словами, в выделенных факторах можно предположить своеобразный синтез парциальных характеристик образов различных модальностей в трехмерное пространство интегральных оценок образной сферы человека.

Преодоление парциальности в измерениях вторичных образов, переход к интегральным характеристикам с исследованием корреляций значений факторов с другими психическими показателями помогает увидеть закономерности в организации образной сферы человека, которые на уровне первичных измерений не видны. Речь идет о нахождении новых связей внутри самой образной сферы, а также и внешних ее связей с различными сторонами психики и деятельности/поведения. Была обнаружена, например, нелинейность взаимосвязи между факторами в парном сопоставлении: при стремлении одного из факторов к крайним значениям, второй стремится принять среднее значение. Лица со средним значением живости образов имеют более высокую контролируемость, чем лица с очень живыми и очень ригидными образами. Минимальную и максимальную яркость-четкость имеют лица со средней живостью. Крайними значениями по контролируемости характеризуются люди со средней выраженностью яркости-четкости образов.

Можно предположить существование «организующих» и «дезорганизирующих» процессов в образной сфере человека, отражающих интенсивность структурирования образного материала и его «хаотизацию». «Живость» определяет смену данных процессов. «Яркость» выступает в качестве интегральной меры преобладания свертывания образного материала над дифференциацией. «Контролируемость» можно понимать как меру устойчивости объема «репрезентационного пространства».

4.3. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОБРАЗНОЙ СФЕРЕ ЧЕЛОВЕКА

Построение многомерного описания образной сферы человека должно происходить не только за счет расширения его эмпирической основы и углубления изучения взаимосвязи показателей (внутренней «архитектоники» образной сферы). Оно предполагает рассмотрение индивидуальных различий во «внутренней образности»: каждая из характеристик образной сферы личности представляет собой индивидуально варьируемую переменную, параметр многомерной образной способности. Необходим также поиск наиболее изменчивых переменных, а также анализ функциональных коррелятов индивидуальных особенностей образной сферы человека.

Основные измерения

Рассмотрение эффектов индивидуальных различий в образной сфере человека раскрывает важнейший аспект ее функционирования как целого. Дифференциально-психологический подход к образной сфере позволяет углубить понимание функций ее «элементов-образов», ибо показывает тот вклад, который вносят индивидуальные особенности вторичных образов различных классов в обеспечение успешности психического отражения-регулирования. В психологии же накоплены данные, указывающие как на устойчивую дифференциацию людей в отношении характеристик вторичных образов различного класса, так и на влияние указанных различий на проявления жизнедеятельности людей. Весь этот фактологический багаж, однако, нуждается в дополнительном осмыслении. В противном случае индивидуальные различия образности будут являться помехой в ее изучении.

Индивидуальные особенности образной сферы человека касаются любой характеристики конкретных классов вторичных образов, в любом показателе их структуры, функционирования, включая особенности формирования образов, способы оперирования ими и пр. Будем различать «образную способность» в узком и широком смыслах. В первом случае «образная способность» понимается как формирование ярких вторичных образов (памяти и воображения), оперирование ими, а также легкость перехода с одного образа на другой. Здесь можно различать, в частности, следующие виды «пространственной способности» [433, р. 36]. *Пространственное восприятие* — определение человеком пространственных отношений с учетом ориентации своего тела, как, например, в тесте «Рамка и стержень». *Ментальное вращение* — вращение в уме двух- или трехмерных фигур (например, субтест «Пространственные отношения» из Primary mental abilities test). *Пространственная визуализация* — манипулирование сложной пространственной информацией (например, МРФБ-бланк).

В случае широкого понимания «образной способности» речь идет о развитии «внутренней образности», способствующей адекватности психического отражения-регулирования. По мере расширения понимания образной способности увеличивается число рассматриваемых параметров. Образная способность, как правило, определяется на основе различных комбинаций объективных и субъективных показателей. Это, например, может быть сочетание оценок нескольких пространственных тестов или ряда показателей субъективного шкалирования по опросникам, или комбинация разного количества объективных

и субъективных измерений. Возможно использование и единственно-го показателя.

Охватить все проявления индивидуальных особенностей образной сферы личности не представляется возможным ввиду их разнообразия. Укажем лишь на наиболее часто встречающиеся в исследованиях.

Существенным показателем считается *доминирование образов определенной сенсорной модальности* (Galton, Betts). Например, спонтанно возникающие образы, вызываемые серией слов, как правило, группируются вокруг какой-то конкретной сенсорной модальности. Различия проявляются в вероятности формирования образов определенной модальности. Показано, что 97% людей имеют зрительные образы, 93% — слуховые, 75% — моторные (кинестетические), 70% — тактильные, 67% — вкусовые, 66% — обонятельные, 54% — болевые, 43% — температурные [395, ch. 2]. Однако «чистых типов» доминирования модальностей не обнаружено.

Понятно, что наиболее распространенным является доминирование *визуализированности* или *вербализуемости* образов. Многообразные различия в образности могут быть сведены, прежде всего, к вариантам дихотомии «зрительность — вербальность» [427]. Это соответствует известному делению людей на «художественный» и «мыслительный» типы. Известно, что одни люди «видят» внутренним взором достаточно ярко (good imagers), другие же испытывают трудности с «картинкой перед мысленным взором» (poor imagers), третьи, вместо наглядных образов имеют некие «понятийные конструкции». Это и позволяет различать «зрительный тип», мыслящий конкретными образами (visualizers), и «ауди-моторный тип», мыслящий вербально (verbalizers). А. Roe [431] выделила, например, четыре типа образности в связи с ее ролью в научной деятельности — мыслящие: а) конкретными образами; б) с большим удельным весом внутренней речи, в) безобразно; г) смешанный тип. Различия ученых по способу использования вторичных образов подчеркивал Адамар [3]. Вербальный тип образности соотносится с кинестетическим типом. В обоих присутствует явно выраженная опора на проприорецептивные и кинестетические ощущения (этим вопросам посвящены работы Е.Н. Суркова [199]).

Образно-наглядная и вербальная способности выступают различными когнитивными измерениями. Вместе с тем факторный анализ образных и вербально-символических переменных показывает отсутствие «чистых факторов» [427]: вербальные образы включают

компоненты различных сенсорных модальностей, и наоборот. Показатели «визуальности», «когнитивности», «кинестетичности» также обычно оказываются независимыми факторами.

Большой диапазон индивидуальных различий отмечается в *оперировании вторичными образами* [89; 165; 180; 248; 278; 355; 369]. Различия, в частности, связаны с использованием наглядной опоры для мысленного манипулирования образами и участием сенсорно-перцептивных компонентов определенных модальностей в решении задач. Типичными являются также трудности воссоздания ретроспективных образов движущихся объектов, трудности в воспроизведении цвета, легкость и скорость формирования, изменения и разрушения образов, широта оперирования ими. Кто-то может легко и свободно преобразовывать образы, но затрудняться в их создании. Другие не затрудняются в формировании отчетливого образа, не могут долго удерживать возникший образ и постоянно обращаются к наглядной опоре. Третьи имеют четкие статические образы, но не могут мысленно их преобразовывать. Мысленное манипулирование может не затрагивать структурные особенности образа, но может быть связанным с преобразованием его структуры или с созданием нового образа.

Значимыми являются различия в особенностях *кодирования и интеграции* пространственной информации. Примером могут служить особенности формирования и использования «карты-пути» и «карты-обозрения», а также образов, возникающих при дешифрировании аэрофотоснимков. Одни люди не могут визуализировать объект, изображенный на карте, другие вносят в образ отсутствовавшее в ней элементы фантазии и т.д. Спектр индивидуальных различий пополняет инженерная психология (см. обзор данных [83; 95]). В частности, интересные особенности пространственной ориентации операторов, найдены в совместном исследовании автора с Л.А. Китаевым-Смыком [81; 174].

Варьируют показатели, связанные с *развитием* образной способности. Общая закономерность заключается в более успешной ее тренируемости людьми с изначально высокой образностью. По обозначенному выше узкому пониманию образной способности отметим исследования Шиана [395, ch. 4; 431]. По широкому ее пониманию полезными являются данные практической работы с образной сферой личности (см. очерки 8 и 9).

Широкий диапазон индивидуальных особенностей наблюдается в образах воображения. Они касаются указанной типологии фантазии [201a], параметров творческого воображения (см., например, работы

Е.Н. Кабановой-Меллер, П.Н. Сорокуна, а также [364; 365]), особенностей интегрального образа реальности [400]. Показатели воображения могут, например, свидетельствовать о предпочтении и глубинной неосознаваемой установке человека жить в стабильных или изменяющихся картинах мира.

Важным является вопрос о половых различиях в образной сфере. В целом у женщин отмечается большая «общая образность», визуальность, яркость-четкость образов, скорость формирования статических образов. Мужчины лучше выполняют задания на пространственную способность, в частности, на ментальное вращение и пространственное восприятие. Скорость формирования динамических образов у них выше (за счет лучшего контроля и преобразования информации [392; 427; 433; 447; 448]).

Как же проявляются индивидуальные различия в образной сфере в жизнедеятельности и поведении человека? В чем особенности психического отражения-регулирования людей с различными особенностями образной сферы? Какие характеристики вторичного образа, каких классов, в каких сочетаниях ответственны за успешность конкретных сторон познания и регуляции поведения человека? Укажем на некоторые устойчивые тенденции, подтверждающие то, что характеристики субъективной формы образа прогностичны относительно показателей деятельности и поведения.

Эффекты образной способности: основные тенденции

Начнем с роли *наглядной образности* в решении **мнемических задач**. Конкретный характер такой роли проявляется при различении этих задач.

Тенденция в задачах на **вербальное научение**: люди с высокой образной способностью медленнее заучивают вербальный материал (особенно абстрактный) и воспроизводят его с большими потерями. Тенденция уточняется при учете: а) содержания задачи, б) конкретности, абстрактности, бессмысленности стимульного материала, в) установки на использование образов, г) «образо-творной» силы стимулов (использование образов при заучивании материала как индивидуальная особенность хорошо предсказывает, например, результаты воспроизведения высокообразных слов [433]), д) пола и возраста.

Хорошие «визуализаторы» (по объективным и субъективным измерениям образной способности) более успешны и в **непосредственном**

дословном («импринтинговом») запоминании, и в воспроизведении различной невербальной информации на уровнях кратковременной и долговременной памяти — в репродуцировании изображений, реконструировании пространственных конфигураций и т.п. Тенденция во многом связана с особенностями кодирования информации: «зрительный тип» кодирует визуальную информацию буквально, в то время как «вербальный тип» применяет различные формы символически-смыслового кодирования. Это хорошо демонстрируется быстротой и точностью решения задач обнаружения различий между последовательно предъявляемыми похожими визуальными стимулами (например, при сравнении картинок). Яркий и четкий образ компенсирует отсутствие одного из стимулов; возникает возможность обозрения сравниваемых изображений мысленно.

В задачах на **ассоциативное запоминание** (типа «мысленной прогулки») четко определенные тенденции отсутствуют, что объясняется широкими компенсационными возможностями в работе с образами.

Относительно **задач опознания** можно обобщенно заметить, что высокая образная способность характеризуется более быстрой перцептивной идентификацией невербальной информации (при более низком пороге опознания незнакомых изображений), а низкая образная способность — большей успешностью опознания слов.

Противоречивость данных в классе мнемических задач иллюстрирует огромные потенциальные возможности компенсации образной способности за счет индивидуального стиля деятельности, в частности, мнемотехник. Однако в целом можно говорить о положительном влиянии наглядности/образности на мнемическую деятельность и об эффективности использования образной стратегии запоминания/воспроизведения. Отметим также, что роль образов в обучении должна рассматриваться в контексте сенсорной отнесенности стимульного материала, его потенциальной силы к порождению образов (Линдауэр), индивидуальных особенностей в доминировании сенсорных модальностей, особенностей воображения, специфики организации стимульного материала испытуемым.

В решении **перцептивных задач** отметим следующее. При затруднениях в контролируемости вторичных образов имеет место, в частности, недостаток в контроле над «флюктуациями» перцептивного образа в задаче «куб Некера», хуже выполняется Струпп-тест. Высокая образность положительно коррелирует с появлением перцептивных иллюзий на основе воображения. Четкость, подвижность образов,

умение воссоздавать трехмерность из плоскостного изображения способствуют успешности обучения черчению, определяют успешность изобразительной деятельности, имеют существенное значение для точности зрительно-моторного воспроизведения и оценки пространственных величин, для решения задач по дешифрованию карт и аэрофотоснимков.

Образная способность связана с характером *глазодвигательной активности*. Можно, например, считать, что «хорошие» визуализаторы сканируют изображение более быстро, с **большими** саккадами (при более постоянном маршруте обзора), чем «плохие»; движения глаз первых менее однообразны. Интересно, что знакомый образ может быть актуализирован «хорошим визуализатором» и без движений глаз. Статические образы сопровождаются минимальной глазодвигательной активностью при отсутствии сканирования. Неопределенность ответов здесь, однако, также очень высока и связана с тем, что образ не сканируется мысленным взором в буквальном смысле. Так, «визуализаторы» в зависимости от характера перцептивной задачи могли показывать как **большую**, так и меньшую глазодвигательную активность по сравнению с «невизуализаторами». В целом же подчеркнем, что индивидуальные различия в образах влияют на решение перцептивных задач через очевидную связь с перцептивно-моторными навыками. Заметим, однако, что корреляционная природа эмпирических данных позволяет говорить и о том, что яркость образов определяется навыками выполнения неких действий.

Образная способность хорошо прогнозирует успешность **мысленного манипулирования** образами. Причем чем полнее оценивается образная способность (включая объективные и субъективные показатели), тем данная связь рельефнее. Эффективность мысленного манипулирования зависит и от интегральных феноменологических показателей образов (их яркости-четкости, подвижности, контролируемости) и от объективных измерений образной сферы. Люди с высокой способностью к оперированию пространственными отношениями (с высокой «зрительно-пространственной образностью») лучше формируют и используют ментальные репрезентации, содержащие информацию о физических объектах, в частности, быстрее сравнивают в уме физические объекты по размеру или форме. В этой связи следует подчеркнуть соотношение характеристик обобщенности и дифференцированности образов, поскольку высокая обобщенность вторичных образов при одновременной тонкой и точной различимости

отдельных признаков, нужной для сопоставления образов, является важным условием решения пространственных задач. При неустойчивости, «рыхлости» образов в процессе их мысленного преобразования возникает много ошибок. Яркие и подвижные образы помогают легко и быстро переключаться с одного образа на другой («визуальность» положительно коррелирует со скоростью возникновения образов) и произвольно оперировать ими. Развитое пространственное воображение предполагает создание, преобразование, разрушение пространственных образов и свободное оперирование ими. Это четыре взаимосвязанных аспекта мысленного манипулирования, отношения между которыми не полностью ясны. Важен учет показателей памяти, ибо точность воспроизведения обуславливает успешность оперирования «пространственным материалом» и др. Роль контролируемости и подвижности образов иллюстрируется, например, тем, что решение даже простейших конструкторских задач состоит из смены фаз ассоциации и разрушения образов.

Эффективность использования так называемой «мысленной практики» в связи с совершенствованием двигательных навыков коррелирует со следующим ранговым порядком сочетания яркости-четкости (Я): бледности-смутности (Б) и контролируемости (К; неК — неконтролируемый) образов: *ЯК — БК — БнеК — ЯнеК*. Это показывает, что яркие, но недостаточно контролируемые образы могут служить помехой в решении задачи. Мысленная практика продуцирует большие последствия у хороших визуализаторов.

Показана зависимость (на нескольких экспериментальных моделях) формирования образа на основе знаковой информации от индивидуальных особенностей вторичных образов: большая точность и скорость визуализации людьми с высокой образной способностью, определяемой сочетанием характеристик яркости-четкости и контролируемости образов [83]. На характер этой зависимости влияют структура и содержание задачи визуализации. Важным показателем здесь является сложность задач визуализации, определяемая: а) степенью знакомства человека с приемами перекодирования знаковой информации в элементы наглядного образа, б) необходимой скоростью переработки знаковой информации и в) объемом информации. Максимальную успешность имел тип контролируемых вторичных образов высокой степени яркости-четкости; менее успешным является тип контролируемых образов низкой яркости-четкости; минимальную успешность показали неконтролируемые образы различной яркости-четкости и невизуальный тип образности. Отметим, что простран-

ственная визуализация на основе знаковой информации является показателем воссоздающего воображения [254].

Хотя общее понимание роли образов в творчестве не подвергается сомнению, роль образной способности в **мышлении** и **творчестве** эмпирически изучена недостаточно. Попытки соотнести образную способность с различными аспектами познавательной деятельности не выявили однозначных закономерностей. Не ясна, например, связь яркости-четкости вторичных образов с уровнем интеллекта. Предстоит прояснить, какие *конкретные* интеллектуальные и другие творческие задачи лучше решаются людьми с определенным типом образного мышления и образной сферы в целом. Так, контролируемость образов имеет тенденцию положительно коррелировать с IQ и отрицательно — со стереотипностью мышления. Успешность решения различных дивергентных задач, как правило, положительно коррелирует с наличием одновременно ярких и контролируемых вторичных образов, особенно при учете объективных индикаторов образности. С дивергентностью мышления положительно связана динамичность образов. Так, реинтерпретация образов (на примере «перцептивного обращения» известных двусмысленных фигур: «утка/кролик»; «повар/собака»; лестница Шредера; и куб Некера) связана с креативностью мышления. Наглядность ментальных образов подтвердила свою значимость для решения силлогистических задач. Показатели MPFB-теста положительно коррелировали с решением анаграмм в условиях мысленного и физического манипулирования образами. Известно также, что обобщенность вторичных образов влияет на формирование понятий. Б.Г. Ананьев связывал сложность овладения пространственными абстракциями с развитостью пространственных представлений. Примечательно, что люди с доминированием первой и второй сигнальных систем могут достигать одинакового уровня в формировании геометрических понятий при их ориентации, соответственно, на наглядные признаки или на словесное обозначение, а также при наличии специфических ошибок и специфического пути обобщения в овладении математическими понятиями.

Моделью творческого образного мышления выступает *режиссерское мышление*, в частности, в телевизионном творчестве [87]. Оно характеризуется развитостью фантазии, контролируемостью и динамичностью образного потока, конкретностью и полимодальностью образов, способностью мыслить действием, видеть разнообразные изменения ситуаций. Актерские способности также связаны со многими из названных особенностей. Показано, что с творческим

самовыражением положительно связана яркость-четкость образов [448], а выработка установок на основе воображения коррелирует с драматическим талантом [224].

Роль образности в переживании различных **состояний сознания** — тема наименее исследованная. Можно говорить о том, что общая способность к визуализации определяет количество и качество «сновидного опыта», более высокий уровень воспроизводимости сновидений (яркие сны лучше запоминаемы); заметим при этом, что «левши» помнят в среднем 5,8 сновидений, «правши» — 3,2 [408] и гипнагогических образов. С другой стороны, показано, что лица с высокой воспроизводимостью снов характеризовались более ярким и причудливым эмоциональным опытом. Люди, имеющие яркие сны, характеризовались также более «богатыми» гипнагогическими образами [395, ch. 1]. «Хорошие визуализаторы» имели больше визуального опыта в измененных состояниях сознания (включая экстрасенсорные его качества), в частности, больше воспоминаний о трансперсональных переживаниях. Степень погруженности в данные классы образов коррелирует с наличием галлюцинаторного опыта. Яркость-четкость образов в обычном бодрствующем состоянии сознания и в измененных состояниях сознания является, следовательно, в определенной мере характеристикой «общей образности». Это подтверждается и ЭЭГ-показателями.

Мощным фактором изменения сознания являются *суггестивные воздействия*. Известно, что необходимым (однако недостаточным) условием гипнабельности является яркость-четкость используемых образов. Все люди, имеющие яркие образы, гипнабельны, но гипнабельные люди — обычно «хорошие визуализаторы». Гипнотическую внушаемость определяет также и контролируемость вторичных образов. Лица с бледными, но контролируемыми вторичными образами могут более быстро прогнать навязанный образ по сравнению с теми, кто имеет яркие, неконтролируемые образы. С убыванием эффективности внушения коррелировал, в частности, следующий ранговый порядок сочетания яркости и контролируемости: *ЯнеК — БнеК — ЯК — БК*. Интересно, что люди с яркими образами более толерантны к переживанию «пугающих образов», успешнее избавляются от фобий.

Роль вторичных образов в **решении коммуникативных задач** очевидна: воображение себя на месте другого человека, видение себя его глазами, представление мыслей, чувств, поведения людей и т.д. Вместе с тем при изучении данного вопроса из поля внимания исследователей выпадает такая важная детерминанта, как особенности образной сферы субъектов общения. На взаимопонимание же влияют,

например, такие характеристики вторичных образов, как доминирование конкретности-обобщенности, «реконструктивности-конструктивности», степень синестетичности, контролируемости и подвижности образов [395, ch. 3]. Теоретически значимо изучение и того, как индивидуальные особенности того или иного класса вторичных образов приводят к различиям в «мире образов» и, соответственно, играют важную роль в индивидуализации внутреннего мира личности. В этой связи укажем на следующие данные.

В изучении некоторых сторон *совместного участия людей в создании телеэкранного образа* на качественном уровне было отмечено, что выходящий на экран телевизионный образ (телепередачи, фильма, сюжета и т.п.) в ходе своего создания претерпевает многоходовую трансформацию, которая в своей основе является следствием «наложения» и взаимодействия друг с другом индивидуальных представлений о телепередаче творческих работников телевидения различной категории, прежде всего авторов, редакторов, режиссеров, журналистов и др. Это в целом подтвердило данные Р. Гордон [395, ch. 3] о том, что люди часто не понимают друг друга только потому, что воображение рисует им различные сцены и ситуации, на которые накладываются особенности художественной концепции в контексте их интегральных картин мира.

Можно ставить вопрос об изучении влияния на взаимопонимание мерности вида искусства, к которому принадлежал работник ТВ. Этот фактор задает своеобразие полимодальности образной сферы личности. Есть основания считать, что особенности диапазона полимодальности образов влияют на поиск творческого консенсуса. В частности, это достаточно очевидно относительно музыкального сопровождения телепередач. Музыкальные редакторы имеют, например, *большой* опыт слуховых представлений, а также память на соответствие видеоряда с музыкальным сопровождением уже созданных ими (или другими) телепередач (фильмов). Телережиссер, использующий меньший диапазон сенсорных каналов, может испытывать затруднения в переносе на экран того, что он «видит» как прообраз. И эти затруднения могут влиять на творческое взаимопонимание. На примере создания так называемого «фотофильма» можно предположить большое значение способности преобразовывать двухмерное пространство в трехмерное и обратно. Роль динамичности образного потока обнаруживается в актерско-режиссерском сотворчестве. Если один специалист не будет успевать за «образным потоком» творческой мысли другого, появляется непонимание.

Примечателен факт недостаточной ориентации создателей телепродукции на тот образ, который будет сформирован зрителем: представление о реакции зрителя во многом является лишь проекцией их собственного видения передачи. Отмечена также роль проекции внутренних проблем в экранное творчество и в профессиональном общении. Например, у режиссеров ТВ характер межличностных и внутриличностных конфликтов во многом определяет содержание творческого замысла и его решение в «экранном образе». Итак, ответ на вопрос о том, что вносят люди в итоговый телеэкранный образ, предполагает специальное изучение профессиональных и индивидуальных различий в их образной сфере.

При изучении *диадического общения* (здесь речь идет о совместных исследованиях с Б.М. Петуховым) было показано, что совместимость при обсуждении проблемы зависит от *рангового сочетания* выделенных интегральных характеристик вторичного образа — яркости-четкости, контролируемости, подвижности. Максимальную совместимость в диадическом общении проявили лица, имеющие минимальные расхождения по характеристике подвижности, большие расхождения в показателях яркости при высоких значениях контролируемости. Минимальная совместимость была у лиц, имевших расхождения по показателям подвижности, совпадения по яркости и низкие значения контролируемости.

Для общения людей очевидна и роль *идентификации эмоционального состояния* человека. Было показано, что способность человека правильно идентифицировать эмоциональные состояния (самого себя и других людей) зависят от соотношения образного и понятийного уровней отражения, определяемых: а) сочетанием интегральных характеристик образности по показателям контролируемости, яркости, подвижности вторичных образов; б) показателями когнитивной сложности, в) «жесткостью-гибкостью» семантических структур. В целом установлено, что максимальная *способность идентифицировать оттенки эмоций — свои и другого человека — предполагает высокую подвижность вторичных образов при средней их контролируемости и яркости*. Особенно на дифференциацию эмоциональных состояний влияние оказывают яркость и подвижность образов «другого», а также подвижность образов эмоциональных состояний «самого себя». Обнаружена связь этих характеристик образной способности с показателями когнитивной сложности и жесткостью-гибкостью семантических структур. Найденные закономерности зависят от профессиональных особенностей. На примере работников ТВ продемонстрировано, в частности,

что развитие образной сферы у режиссеров в целом оказалась выше, чем у комментаторов, особенно по показателям контролируемости образов «другого» и «самого себя». Были получены данные и о связи образной способности с индивидуальными особенностями: экстраверты характеризуются более высокими показателями подвижности и яркостью образов эмоциональных состояний «другого» при независимости от яркости образов эмоциональных состояний «самого себя».

Среди других коррелятов укажем на связь образной способности с **физиологическими** показателями. Последние изучаются, прежде всего, с точки зрения изменений в вегетативных функциях и биоэлектрической активности мозга. «Визуальность», в частности, соотносима с регулярным дыханием и пульсом. Однако константных изменений вегетативных функций не обнаружено. Корреляты в биоэлектрической активности мозга относятся, прежде всего, к ЭЭГ-данным. На уровне тенденции обнаружено, что люди с более высокой способностью к визуализации имеют низкую выраженность альфа-ритма. Редкий и быстрый альфа-ритм низкой амплитуды соответствовал, например, активному, независимому типу личности и доминированию зрительных представлений, а медленный, сильный, регулярный альфа-ритм — пассивному, зависимому типу личности и доминированию кинестетических образов. Несмотря на противоречивость, физиологические корреляты все же позволяют лучше понять природу индивидуальных различий образной сферы личности, в частности, в связи с сенсорными и мозговыми поражениями.

Часть вторая
Вторичный образ
в познании и развитии личности

«Воображение и представление есть зрение сердца или души».
(*Святой и праведный Иоанн Кронштадский*)

Образная сфера человека многоаспектно персонифицирована. Феноменологически-герменевтический подход подчеркивает проблему переживания образов *личностью*: образный опыт не существует вне ее отношений к нему. Механизмы образной сферы человека не могут быть поняты вне эмоционально-волевых проявлений человека. Возникает много вопросов, связанных с рассмотрением роли вторичных образов в контексте личностной проблематики. Главные среди них — о роли «внутренней образности» в актуализации неосознаваемых сфер психики, в познании духовных смыслов бытия, в формировании социальных представлений.

5.1. Личностные аспекты в изучении воображения

Образная сфера человека тесно связана с его мотивационной и эмоционально-волевой сферой. Достаточно указать на работу воображения, которое отражает и общечеловеческое, и «культуроспецифичное» и интимнозначимое в человеке. В определенном смысле верно выражение: «Скажи мне, о чем ты мечтаешь, и я скажу, кто ты». Содержание фантазий, образы желаемого, с одной стороны, определяются социальной направленностью и системой потребностей личности, с другой стороны, такие образы влияют на развитие личности, в частности, на ее жизненные перспективы и даже на общественную жизнь — «великие мечты» всегда влияли на историю.

«Персонализация» образной сферы проявляется во многих очевидных явлениях. Воображение рассматривается в психологии как важнейшее условие формирования творческого подхода к жизни. Бесспорна значимая роль фантазии в психическом развитии ребенка [60]. Э. Берн [34], в частности, подчеркивает, что образы персонажей сказок с влиянием на них инфантильных влечений и ранней психологической травмы формируют у ребенка представления о мире, которые влияют на неосознаваемый жизненный сценарий. Человек в итоге может неосознанно действовать «под диктовку» воображения. Сегодня при массивном ТВ-воздействии он может находиться под влиянием, например, агрессивных или похотливых фантазий.

Чтобы углубиться в изучение образной сферы личности, необходимо исследовать связи воображения и личностных параметров в разных ракурсах. Это поможет ответить на многие значимые теоретические вопросы, например: на каком уровне, может быть понята двойственная природа воображения? (Об этом рассуждал, например, К. Юнг.) С одной стороны, это способность воображения созидать, пробуждать творческие способности, а, с другой, — оказаться деструктивным

фактором, например, в виде «грез наяву», тематики ненависти в образах. Что мы реально знаем об образах воображения в норме, невротических и «пограничных» состояниях, а также в психопатологии? В каком соотношении они находятся с особенностями других классов вторичных образов, с различными психическими процессами, состояниями, полифункциональностью психики, характеристиками личности? Как соотносятся во внутреннем мире человека, например, произвольно-активное и спонтанно-пассивное воображение? В каком смысле можно говорить о человеке как о «фантазере-мечтателе»?

Произвольно-активные и спонтанно-пассивные образы воображения в целом оцениваются исследователями как два полюса континуума: ориентированность личности на внешний или внутренний мир. Здесь важно содержание образов и тип мышления («понятийное — образное»). В.Ю. Завьялова, Л.С. Дубицкая [364], в частности, показали, что у экстравертированного «мыслительного типа» преобладает активное воображение с реалистичными образами, подчиненными практической деятельности. У «мыслительно-интровертированного» типа личности — пассивное воображение, оторванное от социально значимых целей (образы носят глубоко личный характер, отражают вытесненные желания, неотреагированные чувства и т.п.).

В литературе выделяются [88; 89; 395, ch. 8, 407; 408; 409; 444; 445, ch. 10] такие измерения воображения, как: а) глубина погруженности в образы, б) частота фантазирования, в) реакции на содержание образов (положительные или реакции испуга и тревоги), г) доминирующая модальность образов и их яркость, д) временная ориентация в фантазиях. Выделены также *«лично-образные» факторы*. Например, «тревожная погруженность в фантазию», «негативно-аффективная фантазия», «контролируемая погруженность в фантазию», «эмоционально-навязчивая фантазия», «творческая фантазия», «позитивно яркие фантазии» и др. Каждый из таких факторов может быть детализирован¹. Конкретизируем эти данные набором известных основных личностных особенностей образной сферы [88].

¹ Эмоционально-навязчивые фантазии, например, обычно включают воображаемую виновность, различные страхи, враждебно-агрессивную, сексуальную, героическую тематику. Факторы, содержащие в себе подобную «образность», характеризуются яркостью образов, реакциями испуга и неприятием воображаемого, высокой эксцентричностью, невротично-тревожным погружением. Наличие эмоционально-навязчивых фантазий положительно коррелирует с нейротизмом и эмоциональной нестабильностью, с переживанием

«Общая развитость воображения». Переменная включает также соотношение произвольных и непроизвольных образов в связи со степенью направленности воображения на решение жизненных задач и достижение целей. Оцениваются степень *субъективной реальности* мечты и представление человека о способах претворения ее в жизнь.

Переменная **«реалистичность воображаемого»** предполагает адекватную уверенность личности в том, что воображаемое сбудется (адекватность планирования в контексте некоей общей оптимистичности). В отдельный показатель можно выделить **«неоправданную веру в реальность воображаемого»**, оценивающую степень, в которой человек «строит воздушные замки», несмотря на то, что жизнь не подкрепляет его оптимизм.

Переменная **«компенсационный уход в фантазию»** оценивает степень, в которой фантазия осуществляет компенсаторную функцию при неудовлетворенных потребностях, фрустрации желаний, при жизненных неудачах, монотонности повседневной жизни. Высокую «компенсирующую силу» имеет, например, переменная **«героические фантазии»**.

«Частота фантазирования» (в случае и положительного и отрицательного отношения к воображаемому). В целом чаще фантазируют люди с комплексом неполноценности, слабо социализированные, с низким самоконтролем, эмоционально нестабильные.

«Степень погруженности в фантазии» показывает глубину ухода человека в содержание образов в связи с эмоциональной нестабильностью, тревожностью и т.п.

По переменной **«решение проблем в воображении»** оценивается не только произвольная ориентация человека на образы в решении проблем, но и **«спонтанно творческая фантазия»**, т.е. то, насколько для него характерно решение проблем в непроизвольно возникающих образах. То, что конфликтные люди менее склонны использовать воображение в решении проблем [408], свидетельствует о позитивной роли образов в реализации нравственных требований.

Важным является **отношение** человека — позитивное и негативное — к своим образам (в связи с удовлетворенностью внутренним

несостоятельности, низким самоконтролем, низкой интеллектуальностью и недостатком реалистичности. «Позитивно-яркие фантазии» характеризуются частотой образного опыта, потребностью во внешней стимуляции, ориентацией личности на будущее, предпочтением мыслительной деятельности, фемининностью личности и др. [88].

миром или тревожностью, создаваемой образами). Это отношение может быть различным к вторичным образам разного класса (например, негативное к фантазиям, положительное к образным воспоминаниям). Интересна, в частности, оценка идентификации человека с «миром своих образов»: пребывание в позиции наблюдателя за образными событиями или «залипание» на образных переживаниях.

Следующая группа переменных оценивает важные *содержательные* аспекты фантазии. «*Адекватность — эксцентричность фантазии*» отделяет образы, не связанные с земными проблемами людей, и оценивает, насколько для личности типично воображать невероятные ситуации в связи со страхами, навязчивыми чувствами. Даже склонность человека создавать искаженный образ памяти, произвольно выдавая желаемое за действительное («*фантазерство*»), работает на «мифологизацию биографии» на основе эмоциональной нестабильности. Переменную «*воображаемые неудачи*» можно считать показателем визуализации тревожности, мнительности, других невротических состояний. Показатель важен для анализа самооценки личности. Фантазирование по поводу возможных неудач положительно коррелирует (как компенсация переживания несостоятельности) с агрессивными и эротическими фантазиями, воображаемой виновностью, мечтами о героическом. С помощью переменной «*воображаемый реванш*» («*воображаемая агрессивность*») оцениваются образы, касающиеся темы мести, враждебности к окружающему через фантазию. Вместе с «*воображаемой виновностью*» эти две переменные подтверждают известное отношение к показателям «комплекса неполноценности», честолюбивым мечтам, низкому самоконтролю и тем самым диагностируют навязчиво-эмоциональные аспекты фантазии. Данные психотерапии показывают, что отражение в фантазии сексуальной темы (переменная «*эротические фантазии*»²) чрезвычайно разнообразно и связано, в частности, с психологической деформацией пола.

² Что касается «эротических фантазий», то отметим, что одни люди этот тип фантазирования рассматривают как «здоровое и положительное явление», другие — как навязчивые размышления, третьи — страдают от подобных образов как от тревожных и угнетающих картин. То же относится и к исследовательским позициям по данному вопросу. Возникает вопрос об определении «нормальной сексуальной фантазии». Однако в этой связи необходимы не только детальные эмпирические исследования, но и учет духовно-нравственного аспекта, ибо «похоть плоти» как повествует евангельское Слово в принципе не является нормальным явлением для человека — образа Божьего.

Важным показателем личностных особенностей образной сферы выступает доминирование в потоке сознания вторичных образов определенного класса. Например, преобладание воспоминаний или фантазий характеризуется определенными установками, мотивами личности, чертами характера. Доминирование образов памяти свидетельствует, в частности, о консерватизме, ригидности. В связи с особенностями образного потока в указанном смысле следует оценивать *блуждание мысли*, затрудняющее фиксацию образных событий. Также отметим, что возможность найти личностные измерения есть в каждом классе вторичных образов. Наиболее рельефно это заметно на примере сновидений (см. следующий очерк). Переменная **«частота и вербализованность сновидений»**, например, связана с оценкой удельного веса снов в «мире образов», с компенсацией нереализованных желаний, защитными механизмами и др. Доминирующая в снах *временная ориентация* имеет личностные измерения. Частые **«ночные кошмары»** отражают невротические черты. Существуют также личностные особенности гипнагогических образов (например, в связи со склонностью к суевериям), а также образов измененных состояний сознания (в частности, в связи с их диагностическим и коррекционным потенциалом).

Что касается личностных аспектов образов памяти, то можно указать на следующий факт. Лица знакомых людей бывают как более, так и менее [89; 396] яркими по сравнению с типичной для человека яркостью-четкостью образов. Это объясняется социальными установками на «значимых других». Доминирование ярких слуховых образов характерно для шизоидных тенденций. Яркость образов воображения положительно связана с погруженностью в фантазии, особенно на фоне комплекса неполноценности с переживанием агрессивности и чувства вины. Выявлено [243; 244], что яркость вторичных образов коррелирует с энергичностью, консерватизмом, упрямством человека. «Заострению» контролируемости и подвижности образов соответствовал определенный тип настроения, а также особенности формирования установки. Образная сфера различается у шизотимиков (дифференцированные образы) и циклотимиков (обобщенные образы) [65]. Люди с высоким невротизмом испытывают затруднения с контролируемостью образов. Непроизвольные вторичные образы у интровертированных невротиков — яркие, а у «экстравертированных истероидов» — бледные [395, ch. 5]. Плохо контролируемые бледные и смутные образы связаны со спецификой психологической защиты невротиков, приводящей к малой осведомленности субъекта

о «внутренних событиях». Интересны и такие частные проявления контролируемости образов, как их навязчивая вторгаемость, а также легкость изменения отношения к образу.

Личностные показатели параметров образной сферы проявляются в особенностях пространственно-временной организации, выражаясь метафорически, того «внутреннего экрана», на котором происходит просмотр образной феноменологии. Расположение образов по направлению «вперед-назад» отражает не только временную отнесенность их содержания, но и показатели осознания (так, Юнг при описании снов характеризовал зону «позади себя» как область бессознательно-го). Вектор «снизу-вверх» означает возрастание значимости образов. По мнению Т.Н. Березиной [33], например, пространственная локализация и величина образов, их яркость, цветность, динамичность определяют временную ориентацию человека. Было показано, что способность к предвидению выше при подвижных и ярких образах будущего. Выраженность визуализации образов оказалась связанной с *интуитивностью* в отражении будущего. Интересна типология внутреннего пространственно-временного континуума личности: *панорамный* (образ-панорама вокруг испытуемого), *необъективированный* (образы расположены во «внутреннем пространстве»), а также типы «образных» гештальтов в связи с особенностями проецирования образов вовне и расположения их вдоль различных направлений относительно человека. Субъективно оцениваемые характеристики образа оказались также диагностичны применительно к анализу: *ретроспективы* (события, представляющие угрозу для жизни, потери родных и близких, психологические травмы, вытесненные неприятные переживания) и *перспективы*. Последнее касалось: а) предполагаемой продолжительности жизненных периодов (например, «образ себя» с некоторого возраста исчезает или величина образов увеличивается/уменьшаться); б) ожидаемых событий (для тяжелых событий это были маленькие темные образы или даже отсутствие образов на какой-то период; для счастливых — расположение образов в верхней части «пространства воображения»).

Итак, обобщая сказанное, можно определять типологию образов воображения в условном трехмерном пространстве следующих факторов.

- 1) *Невротически тревожная погруженность* в фантазию, сопровождаемая «комплексом несостоятельности», низкой толерантностью, эмоциональной нестабильностью, навязчивыми

мыслями, отвлекаемостью, эротическими и враждебно-агрессивными образами (компенсаторный момент), «осуждающими» себя и других.

- 2) *Конструктивное использование воображения* для решения жизненных проблем, для саморегуляции и преднастройки к будущему поведению. Такой тип воображения характеризуется высокой рефлексивностью и интеллектуальной активностью, способностью наслаждаться ярким, неконфликтным внутренним миром. Следует, однако, различать образы, дающие просто положительные переживания, и образы, связанные с творческой продуктивностью. Конкретизация фактора идет по акценту на переработку в образах информации из окружающего или внутреннего мира.
- 3) Фактор *адекватности* воображения привычным «земным вещам». Речь идет о степени и глубине погруженности человека в эксцентричные, не связанные с обычной реальностью образы. Заметим, что значение этого фактора в жизни человека сегодня неуклонно растет в связи с «виртуализацией жизни».

Понятно, что каждое измерение данного трехмерного пространства — многомерно. Оно включает характеристики самого вторичного образа, набор личностных коррелятов образных показателей, гендерные, профессиональные и другие особенности человека. Значимыми показателями выступает содержание «невротического радикала», личностных проблем, влияющих на появление образов в сознании. Поэтому можно ставить вопрос о создании в перспективе *многоуровневой трехмерно-многомерной модели* образной сферы личности. Предстоит развести уровни рассмотрения образной сферы с точки зрения ее личностной, социально-нравственной детерминированности (сравним, например, образы кратковременной памяти и социально ориентированные мечты). Усилия следует сконцентрировать также на построении «имагограммы» как своего рода «паспорта» индивидуальных особенностей образной сферы человека, в которой интегрировались бы знания о выраженности классов вторичных образов, их характеристиках и личностных показателях «внутренней образности»³.

³ «Пилотажное» интервью «Образная сфера личности» включает шкалы, в первом приближении соответствующие данным требованиям [89; 98].

5.2. ОБРАЗНАЯ СФЕРА И ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Поскольку образная сфера способна и положительно, и отрицательно изменять внутренний мир человека, затронем ряд теоретических вопросов психологии личности.

Психология личности в целом исходит из того, что человеку необходимо осознать и проработать все, что мешает познанию себя и мира. Образная сфера — потенциальный помощник на этом пути, ибо вторичные образы являются мостом между прошлым опытом, пребыванием в настоящем и будущими планами, целями человека. Развитие личности предполагает, что оно не должно быть лишь компенсацией невротических комплексов, бегством от неудовлетворяющей реальности. Истинное развитие, жизнь духовная вряд ли могут быть выстроены на фундаменте душевной болезни или личностной патологии [151]⁴. В то же время последние моменты могут породить стремление к самоисправлению и самосовершенствованию.

Будем исходить из того, что духовно-нравственное развитие на своих высших уровнях связано с религиозными потребностями человека, поскольку невозможно следовать духовным законам бытия, не зная их. Но люди не должны обращаться к религиозным исканиям за компенсацией жизненных неудач и ждать религиозных восторгов. Как подчеркивает И.А. Ильин, люди, гоняющиеся за «мистическими экстазами», идут мимо здоровых глубин религиозного опыта, извращают свою религиозность и не находят пути к Богу [162, с. 397–401]. Хотя стремление к самосовершенствованию свидетельствует о важнейшей потребности, в ее реализации, по моему мнению, следует исходить из того, что психологические подходы могут использоваться лишь на этапе *духовного пробуждения* человека, для снятия *явных* блоков, невротических комплексов и т.п. Чем дальше человек будет продвигаться в самопознании и саморазвитии, тем осторожнее следует относиться к различным психотехнологиям личностного роста.

Сегодня стали говорить о совмещении религиозного и психотерапевтических подходов [151]. Действительно, можно выделить два взаимосвязанных уровня личностного развития: *психокоррекционный* и *духовно-нравственный*. Последний может быть облегчен осознанием и проработкой всего, что мешает познанию себя и мира («игры», в ко-

⁴ Насколько действительно можно считать «духовно развитой» личность, похожую на таковую, но с глубоко спрятанными садистскими наклонностями?

торые люди играют в жизни, неадекватные психологические защиты и др.). Достаточно указать на то, что фиксация на власти и доминировании вытекает из детского комплекса неполноценности. В то же время взаимосвязь указанных уровней в личностном развитии представляется весьма непростой. Сразу, например, возникает нравственный вопрос (он же и теоретический), а полезно ли для развития человека снятие всех его так называемых «комплексов»? Как относиться, в частности, к тому, что целомудрие сегодня воспринимается как «закомплексованность» [232, с. 167], подлежащая психокоррекции. Вправе ли психология работать с подобными «комплексами»? Как влияет на процесс психологической помощи (консультирования, коррекции, терапии) иллюзия психолога (хотя бы и неосознаваемая им) по поводу собственного превосходства, а также осознание определенной власти над клиентом? Осмысляется ли то, что «краеугольный камень» теорий личностного роста — самоактуализация — чревата таким духовным изъяном, как гордыня? Эти и многие другие вопросы сегодня не находят адекватного отклика в профессиональной среде психологов-практиков [333]. Несомненно, прикладная психология личности учит общаться с ближними, стимулирует творчество. Но ответственность психологии за развитие личности возрастает [97; 213; 400]. Следовало бы более критично относиться к претензиям различных «популистских» школ личностного роста на духовное руководство людьми. Психология в целом в настоящее время вряд ли готова к тому, чтобы взять на себя ответственность (и реально нести ее) за последствия «избавления» людей от «невротичности» и «закомплексованности».

Следует отметить, что слабости психотерапии приводят на рынке «коммерческой духовности», в частности, к переоценке значения и возможностей неоязычества (шаманизма), к созданию различных психотехнических манипулятивно-зомбировочных синтезов (призванных как бы компенсировать эту слабость). Миллионы людей в поисках себя и «путей к Свету», практикуют самые различные формы самосовершенствования. Движение за развитие человеческих возможностей на Западе, со своей стороны, способно предоставить любые платные услуги по «приобщению к духовному». Бесчисленное количество печатной, аудио- и видеопродукции, тренингов-семинаров предлагают осваивать различные духовно-религиозные традиции, эзотерические практики и т.п. Но насколько правомерно предоставление коммерческих услуг по «приобретению духовности» (будем называть ее «коммерческой духовностью») в принципе? Конкурентная борьба на рынке

психотехнологий приводит либо к свехупрощению подачи «духовного товара», как по форме, так и по содержанию, либо к оригинальничанию, к созданию иллюзии сложности (когда, например, даются различные названия известным феноменам и закономерностям, создаются особые языки (типа «птичьего языка» дианетики), что запутывает как неофитов, так и специалистов.

Одна из главных ловушек «коммерческой духовности» заключается в возникновении в сознании людей идеи об отсутствии *необходимости активных усилий* по саморазвитию. У многих появляется иллюзия, что приобрести его можно, участвуя в серии каких-то платных тренингов. Духовный же рост, как показывает история человечества, является результатом тяжелой кропотливой работы, и *купить его нельзя в принципе*. К тому же духовное развитие, по сути, подменяется психотехническим развитием, которое, как правило, превращается в самоцель и сопровождается искаженным восприятием нравственных ценностей. Человек при этом может пропустить момент, когда он становится носителем пустой, ложной духовности. Вызывает беспокойность и механическое следование людей полученным на тренингах-семинарах принципам поведения и «думания», вырванных из целостного контекста конкретной духовной традиции. Экзотические упражнения для современного последователя определенной традиции становятся самоцелью и используются, как правило, для приобретения каких-то конкретных способностей, необходимых *для овладения чем-то во внешнем мире с целью потребления*. Известный американский психолог-психотерапевт А. Минделл является одним из тех немногих западных психотерапевтов, которые подчеркивают [213]: западные школы личностного роста не учитывают того, что развитие сильного «эго» противоречит духовному в человеке. Психотерапия, по его мнению, нуждается в обновлении, в частности, потому, что она не работает с реальными проблемами цивилизации (экономическим неравенством, расовыми конфликтами и др.), а пытается лишь «приручить демонов внутри человека» (не говоря уже о том, что она доступна лишь тем, у кого есть деньги и время). Отталкиваясь от подобных самокритичных идей, можно сказать, что в том, что законодателем «моды на духовное водительство» стала западная, преимущественно американская психотерапевтическая традиция в широком смысле, включая западное понимание духовного развития (индивида, общества, цивилизации), заключается трагедия человечества. Эта традиция лишь на словах учитывает духовный опыт других народов, а на деле через путешествующих

по миру «учителей-проповедников», навязывает свою «культурно-духовную программу», вторгающуюся в традиционные культуры в искаженном виде.

В различных подходах к личностному росту серьезной является проблема *психоманипулятивности*. Особенно остро эта проблема стоит в псевдорелигиозных тоталитарных сектах и школах «окультурной религиозности». На путях же истинного личностного развития главным принципом должна быть минимизация манипулирования человеком. Недостаточно исследованными аспектами проблемы психоманипуляции являются, в частности, отношения человека с: а) *психологом* (консультантом, психотерапевтом, наставником, учителем и т.п.), б) *школами личностного развития и духовного поиска*, в) *институтом различных «церквей»* и псевдорелигиозных сект⁵. Личности тех, кто берет на себя ответственность «вести к свету», порой вызывают особую тревогу⁶, поскольку декларировать ответственность (в данном случае за душу человека) не означает реально быть готовым нести ее. Борьба с психоманипуляцией в школах личностного роста предполагает также учет не только индивидуальных особенностей человека (в том числе «глубинно-индивидуальных»), но и национально-культурных характеристик того пространства, где собирается прилагается некая система психологической помощи.

В связи со сказанным заострим проблему определения рамок психокоррекционной помощи в плане соотношения «светских путей» самосовершенствования личности (атеистических или богоборческих по своей сути) с различными религиозными представлениями о духовном становлении человека. При этом отметим актуальность святоотеческой традиции на фоне недостаточной разработанности темы духовно-религиозной ориентации личности [100].

⁵ О. Владимир Елисеев подчеркивает важность понимания того, что все усилия, направленные на развитие личности есть «лишь рыхление почвы». Зерно истинного духовного развития имеет божественное происхождение [122, с. 9].

⁶ А. Минделл в раздутом самомнении многих психотерапевтов (и «гуру-шаманов») видит серьезную опасность [213]. Однако, к сожалению, этот взгляд присущ далеко не каждому, кто считает себя «духовным Учителем». Поэтому в сфере индустрии «коммерческой духовности» мы видим «тотально раскрепостившихся пророков» с гипертрофированным Эго, пропагандирующих «духовный культуризм». Примечательно, что православные святые годами пребывали в подвиге самоочищения и только потом несли слово Божье.

Многовековой опыт православных святых проясняет вопросы смысла жизни, формирования социальных установок и нравственных ценностей, фокусирующиеся на проблеме «предстояния личности вечному и беспредельному». Изучаются закономерности движения личности в континууме «добро — зло», «любовь — ненависть», «самопожертвование — эгоизм». «Если современная психология в основном акцентирует внимание на отношениях «человек — внешний мир», «человек — общество», «человек — человек», то «святоотеческая православная психология смещает центр рассмотрения на отношение человека к своему внутреннему миру, к внутренним ценностям, среди которых важнейшее значение приобретают категории «бесплотного», «беспредельного», «духовного», «божественного»» [100, с. 58].

Сказанное приводит к необходимости среди теоретико-методологических вопросов изучения личностного развития (непосредственно относящихся к изучению образной сферы человека) остановиться на ключевой проблеме **нахождения «истинного Я»**, синонимами которого, по мнению А. Мелик-Пашаева, являются термины «духовное Я», «свободное Я», «вечное Я» и пр.

Известно, что люди осознанно или неосознанно становятся такими, какими себя представляют. Работа с образной сферой личности показала себя эффективной для самообозрения «внутреннего Я». К. Юнг продемонстрировал роль образного опыта в преодолении ограничений самоосознания: человек может прямо увидеть особенности взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых «частей души», что помогает ощутить собственную индивидуальность. Но «Я» чрезвычайно сложно и изменчиво. Вопрос о том, кем мы являемся на самом деле, представляется главным в самопознании, поскольку человек состоит из многих «персонажей», явно, «полулегально» или тайно живущих в нем, общающихся мирно, не знающих друг друга или враждующих между собой. Человек, как минимум, двоякий: «внешний» (причем по-разному воспринимаемый окружающими и самим собой) и «внутренний» (также различными гранями сокрытый от себя и других), «плотский» и «духовный». Апостол Петр говорит, например, о «сокровенном сердца человеке» (1 Пет. 3:4). Уже в каждом из этих основных «персонажей» — великое множество лиц. Понятно известное положение психологии личности о том, что глубокое самопознание и эффективная работа по коррекции негативных глубинных структур опыта невозможны без нахождения человеком своих «различных Я». Более того, человеку надо

учиться входить с ними в контакт, особенно с «истинным/высшим/сущностным Я»⁷.

Однако здесь сразу возникает один вопрос первостепенной важности, о котором, как правило, специалисты умалчивают — это уверенность в том, *действительно ли человек в работе со своим внутренним миром достигает «сущностного Я», к голосу которого он обязан прислушиваться.* Ведь в сферах неосознаваемого психического есть много сильных «персонажей», выступающих от имени «сущности человека», влияние которых может, однако, оказаться отрицательным. При рассмотрении материала следующей главы мы увидим иллюстрации данного положения. Эти «персонажи» могут заметно не проявляться ни в поступках, ни в сознании или, наоборот, убедительно и настойчиво появляться во внутреннем мире личности в замаскированной форме, навязывая человеку какие-то идеи⁸. Примером таких «ложных персонажей» могут выступать помыслы в христианской традиции.

Интуитивные «послания» и инсайты, которые очень любят именно «образный канал», не следует поэтому автоматически считать голосом «высшего и истинного Я». Надо всегда помнить, что голос искушений, толкающий, например, человека к преодолению определенных нравственных ограничений (например, родительского или сыновнего долга, супружеской верности и т.п.) также может звучать как голос «истинного Я», разрешающий людям сделать нечто для «развития себя и самоактуализации». Показательно, что, например, при работе над преодолением комплекса жертвенности в тренингах личностного развития можно часто наблюдать обретение человеком способности расстаться с чувством долга в реализации желаний,

⁷ Это «истинное Я», по мысли С. Франка, является «ядром» душевной жизни, местом, в котором «общее душевное сознание как бы сгущается и тем самым просветляется». Это центральное, наиболее светлое ядро имеет особое значение, ибо оно есть место, откуда ведется управление душевной жизнью, где как бы хранится направляющая энергия сознания. При этом самосознание не сводится к *самопознанию* как познанию своей личности в качестве руководящего центра душевной жизни [340, с.56-58].

⁸ Проблема маскировки «истинного Я» другими «персонажами» видна достаточно отчетливо в том, что часто в современных подходах к личностному росту такие отрицательные человеческие проявления, как гнев, сердитость, мстительные и т.п. чувства, считаются идущими от «истинного Я», проявления которого нельзя блокировать; человек должен быть тем, кем он является в конкретной ситуации.

как ему кажется, «истинного Я»; человек начинает преимущественно руководствоваться словом «*хочу*». Поэтому главная задача самопознания — пробиться через все подобные ложные голоса и услышать истинное в себе и для себя. Задача эта непростая, поскольку критерии того, действительно ли человек слышит благодатную интуитивную подсказку «свыше» или находится в состоянии иллюзорного духовного познания, размыты.

«Истинное Я» часто понимается в психологии как некий *центр природной биологической мудрости*, который заложен в каждом человеке [214]. Эта «биомудрость» понимается как разумное «положительное ядро» в людях, связанное с «универсальностью жизни», имеющее собственные стремления, обладающее тенденцией к их реализации. Оно спонтанно и непрерывно, как считается, указывает человеку нужное действие в конкретный момент. Только те действия человека, которые совпадают с его природными потребностями, способствуют развитию. Открытие самого себя рассматривается, по сути, как возвращение «центра биологического Я»⁹. На уровне телесной организации и психодинамики подходы к «центрированности человека», может быть, и отражают некую грань проблемы. Но насколько правомерно экстраполировать закономерности одних уровней организации человека на другие? Редукционизм уже давно получил свою известную оценку. Тем более он недопустим, когда недооценивается нравственная ипостась человека.

Проблему «истинного Я» можно понять только через интеграцию основных измерений человеческого бытия. Основным же является нравственно-духовный уровень. Человеческие страсти и инстинктивные влечения не могут быть выражением истинных интересов чело-

⁹ Мудрость «бессознательного Я» как бы подменяет «сущностное Я». В частности, одним из условий развития человека является необходимость изменения зависимых отношений, когда человек начинает чувствовать, что они толкают его к уходу от интуитивно ощущаемой внутренней сущности — этих истинных родителей, созидających его Эго [214, с. 19]. Биологическая сущность индивида, по сути, отождествляется с высшими проявлениями человека. И здесь возникают вопросы: равнозначна ли «природная мудрость» нравственно-духовным измерениям? Христианская антропология, например, подчеркивает необходимость освобождения человека от власти его «низшей природы», ибо предоставленная сама себе искаженная человеческая природа способна развивать лишь слепое удовлетворение потребностей. Для накопления добра в мире люди должны освободиться от искажений своей природы.

веческой личности в ее высшем предназначении. Страсти, влечения, инстинкты и т.п. принадлежат «низшему и искаженному» состоянию человеческой природы. Они способны руководить лишь «ветхим» человеком, отказывающимся выстраивать в себе нового человека.

А.А. Мелик-Пашаев указывает, что на языке христианской антропологии¹⁰, личность — это «человеческая *ипостась*, или *персона*, неповторимо — индивидуальный, незаменимый и неразрушимый лик единой человеческой природы. ... К тому, что мы здесь называем личностью, относятся многие образы-понятия, живущие в христианской культуре: искра Бога в человеке; небесный образ человека; сокровенный человек; глубина, куда не проникал грех, и другие определения, подчеркивающие неразрывность человека с его Творцом. ... По отношению к ограниченному, наличному Я повседневного самосознания человека личность можно назвать его глубинной, не проявленной сущностью. *А личностное бытие — это становление личностью*: как бы встречное вертикальное движение эмпирического и высшего Я, процесс реализации высшего Я в самосознании, творчестве, всей жизнедеятельности человека. В пределе — растворение границ эмпирического Я, его превращение в прозрачную форму проявления высшего первообраза, ипостасного человеческого лика. И чем полнее это «отождествление», тем более человек является личностью в эмпирическом плане своего существования» [208, с. 205]. Подчеркивается, что корень идей о процессе становления личности, характерных для гуманистической мысли XX в., находится в святоотеческом понимании человека. «Человек призван подвигом своей жизни, уподобиться запечатленному в нем Божественному первообразу, расчищая его в себе, как расчищают святой лик на потемневшей иконе. ... Этот духовно-практический труд, сознательное и произвольное преобразование «материала» своего эмпирического Я во все более верное подобие высшего первообраза, неспроста называли *художеством из художеств*. В нем — и только в нем! — творчество человека вполне тождественно его личностной самореализации» [208, с. 206].

Поскольку истинное высшее в человеке является неотъемлемым компонентом человеческого естества, любой теоретический синтез невозможен без него. Психологические концепции, не ставящие этот

¹⁰ А.А. Мелик-Пашаев подчеркивает [208], что другие религии и учения, при всех различиях богословского и религиозно-мистического плана также утверждают существование высшего уровня бытия и сознания человека, а также необходимость приближаться к нему в течение жизни.

момент во главу угла, являются несостоятельными. Во всех личностных концепциях должно учитываться то, что только через жертву своей «уникальной единичности» человек причастен универсальному бытию [232, с. 18]. А это невозможно сделать на основаниях «биологической мудрости».

В связи с обсуждаемой проблемой воспользуемся вводимым И.А. Ильиным понятием «религиозного центрирования», которое означает образование некоего истинного центра человеческого существа, где душа чувствует себя «взятой в воспламенение» Духа [162, с. 402]. Религиозное центрирование рассматривается как «самое подлинное, глубокое и всепроникающее средоточие личной жизни» [162, с. 418]. Мало воспринимать божественный Предмет. Надо принять Его глубиной сердца, вовлечься всем своим существом в это принятие и придать этому опыту судьбоносное значение в личной жизни. И.А. Ильин говорит об одухотворенном созерцании, трепете горячего и горящего искреннего сердца, трезвении, энергии верующей страсти, власти духа [162, с. 414–415].

Надо, однако, признать, что формирование истинного духовного центра личности — «религиозной Купины» — возможно только на вершинах духовного развития. Этим «центрированием» обладали люди, прошедшие сложнейший путь духовного подвига. Такие святые личности, как Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский, были адекватны и своему «биологическому статусу», и своему времени, и «миру горнему» (и уж, конечно, они не были психопатами и невротиками). На путях же развития обычного человека то, что люди хотели бы видеть как центр своего существа, будет трагически нецелостно, поскольку человек подвержен влияниям законов развития разного уровня: *природного, социального и высшего духовного*. Путь к интеграции — это *объединение всех аспектов человеческой природы в сердце*. Религиозное центрирование тогда выступит вершиной интеграции всех видов «Я», ибо возникает доминанта, объединяющая «мудрость тела», эмоциональное и ментальное «Я».

Актуализация сил подсознания, разрушение неадекватного самоконтроля и сложившихся культурных стереотипов в нахождении «истинного Я» — это сложнейший круг проблем связи человека и группы, определения степеней свободы индивида от общества, к которым должно быть привлечено большее внимание. Мы полагаем необходимым, чтобы подходы, описывающие поиск истинного «центра человека», учитывали соотнесение «*высшего духовного Я*» с «*индивидуально-природным Я*», и с «*культурно-историческим контекстом*»

(условиями, в которых сформировалась личность). Только на этом пути, в частности, можно углублять изучение понимания человеком смысла своей жизни. Ибо у развивающейся личности формируются не только образы-цели, соотносимые с системой потребностей (желаниями), с представлением человека о своей индивидуальности, но, выражаясь словами А.Ф. Лосева, «миф, обращенный в вечность», который, являясь нравственным идеалом, дает силу и основное направление развития.

Понятно, что изучение когнитивно-регулятивного потенциала всех возникающих образов поиска «истинного Я», смысла жизни нашедших его людей является необходимой задачей изучения трансляционной функции образной сферы личности и разработки феноменологически-герменевтического подхода. В свою очередь, изучение образных событий на путях движения личности к «истинному Я» затрагивает такую общую проблему, как осознание и понимание образного опыта.

5.3. ПРОБЛЕМА ОСОЗНАНИЯ И ПОНИМАНИЯ ОБРАЗНОГО ОПЫТА

Важным в исследовании образной сферы личности является изучение осознания человеком внутреннего опыта, в том числе системы факторов, способствующих представлению этого опыта в образной форме. Данная проблема актуальна для всех психологических школ, особенно для психоанализа и аналитической психологии. Первый рассматривает образы в качестве главного «оформителя» глубинного личностного опыта. Вторая подчеркивает значимость опосредованности образных переживаний архаическими пластами психики. В то же время проблема осознания образного опыта — это огромный спектр вопросов, которые обсуждаются по ходу изложения материала в последующих разделах книги. В данном разделе мы коснемся лишь двух общих вопросов: роли психологических защит в порождении образного опыта и личностных коррелятов нарушений образной сферы в плане рефлексивности внутреннего мира.

Психологические защиты, как известно, рассматриваются в психологии личности как своеобразные «призмы», фильтрующие опыт, и закрывающие человека от осознанного контакта с фрустрирующей ситуацией, проблемой (конфликтом) и т.п. Традиционно считается, что актуализации образов мешают и сами внутренние конфликты,

и психологические защиты от них. В результате субъективный мир личности наполняется тревожными фантазиями, искаженными образами памяти, воспоминаниями о «ночных кошмарах», навязчивыми образами неких травмирующих событий (причем часть данных образов с большой настойчивостью появляется в сознании в течение продолжительного времени).

Сознательное переживание образов выступает неким итогом сложных психических (и психофизиологических) процессов. Обобщенно говоря, формирование образов определяется различными вариантами взаимодействия содержания сознания и неосознаваемой информации, прежде всего, неосознаваемых мотивов, часто конфликтующих друг с другом, и защитных механизмов, призванных препятствовать их выражению [395, с. 10; 404]. Форма и содержание образов тесно связаны с прошлым опытом человека, в частности, с его эмоционально-мотивационной сферой, системой потребностей, индивидуальными, личностными особенностями, характером «невротического радикала» и др. Между процессом порождения конкретного образного события и сопровождающими его эмоциями существует сложная связь различной степени осознанности. Когда образы субъективно снижают эмоциональное напряжение, усиливая приятные переживания, имеет место тенденция к невротической навязчивости фантазий и воспоминаний. В механизме «вторгающихся образов» подчеркивается и то значение «защитной трансформации» образа, когда «непрощенный» образ поднимает общий уровень тревожности, тем самым препятствуя осознанию чего-то. Образ может трансформировать травмирующие эмоции, маскируя какой-то сильный внутренний конфликт. Например, вместо образов «законного гнева», раскрывающих некие враждебно-агрессивные установки, порождаются образы, отражающие страх и вину. Образы в этом случае как бы реализуют самонаказание за негативные чувства. Агрессивные чувства могут быть спроецированы и на образ другого объекта. Так, избегая осознания чувства злости на мать, ребенок фантазирует неприятности, связанные с некой женщиной — «символической матерью».

На порождение образов особенно влияет стрессогенный опыт. Он, в частности, искажает образы памяти, т.е. воспроизведение неких событий, происшедших с человеком во время стресса. М. Хоровиц подчеркивает, что непроизвольные образы могут *символически* выражать переживание стрессовых ситуаций, прямое «видение» которых вызывало бы неприятные эмоциональные состояния. При этом непосредственные образные воспоминания могут: а) оставаться не-

осознаваемыми в течение долгого времени после стрессовых впечатлений, б) сдерживать осознание других «образных событий», в) влиять на другие образы, г) навязчиво возвращаться в сознание. Понятно, что, если ассоциированный со стрессом конфликт сохраняется (но не осознается), то травмирующие образы-фантазии, утрированные и искаженные воспоминания или ночные кошмары, будут самопроизвольно повторяться¹¹.

«Навязчивую образность» можно рассматривать в качестве обобщенного ответа на стресс, как результат «незаконченных ситуаций», а не как выражение клинического симптома. Она возникает вследствие незавершенности подсознательной переработки информации. Связь вторгаемости образа в сознание со стрессовым событием особенно сильно проявляется при истерических и абсессивно-компульсивных неврозах.

Переживание травматического опыта включает также воспроизведение сцен из стрессогенных фильмов, выступающих как триггер для подбора визуального материала в соответствии с описанными механизмами. Аналогичные механизмы имеет непроизвольное воспроизведение образов измененных состояний сознания. Кстати, именно этот момент хорошо показывает вредность для психики кровавых и иных жутких мотивов в современной экранной продукции, равно как и опасность любопытства об опыте измененных состояний сознания, способных ввести человека в сильный стресс.

Не следует забывать, что некие неосознаваемые мотивы могут быть замаскированы заменой их на противоположные. Также важно и то, что любой конкретный образ выступает *итогом* многих факторов своего формирования. Образ несет в себе и *замещение* значений отражаемых в нем объектов: значимое приглушается, а незначимое акцентируется. Фрейд не случайно искал ключевую информацию во второстепенных деталях сна.

В связи со смещением акцентов можно говорить об инверсиях мотива. Известно, что многие переживания являются неосознанными *инверсиями*. Скромность может скрывать жадность, развязность — застенчивость и др. Образы, показывая подобные инверсии, помогают

¹¹ Существует пример навязчивого образа — лицо убитой женщины, который вновь и вновь являлся американскому ветерану вьетнамской войны [404]. Анализ показал, что образ предохранял от осознания того, что при виде агонии он испытал одновременно и сексуальное возбуждение, и чувство вины.

найти истинные чувства и мотивы. Так, тенденция воображать себя «властелином мира» свидетельствует о необходимости поисков истоков комплекса неполноценности. Самоосознание может усиливаться созданием образов противоположного содержания. В случае частых «наполеоновских мечтаний» это может быть, например, проживание в образах ситуаций на тему «принц и нищий». Очень полезно осознание нюансов эмоциональных реакций. Наконец, важнейший момент связан с *символизацией*: один объект (чувство, ситуация и т.д.) выбирается для обозначения другого. Известно, что действия с символическими образами выражают реальные чувства. Образы, «удовлетворяя» желания, могут выражать неотложные, критические, но еще скрытые от осознания идеи и чувства. Символизация и смещение наиболее часто работают при подавлении мотивов, когда они несут потенциальную опасность в плане конфликта с другими мотивами (например, связанными с моральными нормами).

Вторичный образ *выражает* переживания и *порождает* их. Эмоции, в свою очередь, являются не только реакциями на содержание образов, но и участвуют в их формировании (см. следующую главу книги¹²). В традиционной парадигме, акцентирующей положительную компенсаторную функцию фантазий (редуцирование негативных эмоций от неудовлетворенных потребностей и порождение взамен их компромиссных замещающих образов), недостаточно учитывается, что фантазии могут усиливать эмоциональное напряжение, в частности, порождать враждебно-агрессивные переживания. Поэтому важно понимать, что компенсаторная функция воображения может препятствовать адаптации личности, не говоря о том, что она наносит вред ее нравственному развитию.

Также отметим, что при сильно выраженной защите от травмирующих переживаний в виде ориентации в фантазиях на социальный успех, наслаждение от жизни и т.п., образы могут лишь усилить фрустрацию: субъективно желаемое не достигается вследствие имеющего место объективного неосознанного ухода человека от мира. Невротик, защищаясь от «нападающего» мира, не может к тому же ясно разгра-

¹² Речь пойдет о том, как человеческие страсти облекаются именно в образную форму, порождая фантазии о вожденном. Современные святоотеческая точка зрения на роль, в частности, массового искусства в разжигании низменных человеческих страстей, влияющих на образную сферу личности, является развитием общей нравственной установки православно-христианской традиции.

ничивать субъективную и объективную реальности и во многих других аспектах. Вместе с тем бегство от «жестокой действительности» к «идеальной реальности» в фантазии может иметь и моральный аспект — неучастие в безнравственных делах «мира сего». Уход в неадекватные образы, следовательно, ставит теоретический вопрос об уместности, степени и содержании «бегства от беснующегося мира».

Напомним, что содержание образного опыта часто объясняется известной ролевой структурой: «жертва», «агрессор», «спаситель» [404]. Образы в роли защитных механизмов позволяют регулировать эмоциональное состояние «жертвы», избавляя ее от определенных идей и чувств. Часто вместо образов враждебно-агрессивного содержания возникают, как указывалось, образы, отражающие страх и вину.

В целом «ужасные фантазии» рассматриваются как фактор усиления переживания позиции «жертвы» (самонаказание), защищающего человека от осознания своей агрессивности. Например, если некую мать — агрессора по отношению к дочери — мучают произвольные образы собственного отца-тирана по отношению к ней самой, то предполагается, что травмирующие детские воспоминания о реально деспотичной матери (неосознанная идентификация с которой приводит к агрессии в адрес дочери) маскируются защитным образом деспота-отца; представление себя «жертвой» провоцирует чувство вины и уменьшает враждебность к дочери [404]. Интересно также, что люди с фантазиями вины исключали образы самого себя из содержания воображаемого или, наоборот, пролонгировали свои «ужасные фантазии», как бы подтверждая способ уменьшения комплекса вины посредством «страдания в позиции воображаемой жертвы» [445].

Итак, представляется необходимым более детальное изучение защитных механизмов в порождении и осознании образного опыта. Это, в частности, позволит прояснить двойственность функционирования психологических защит, связанную, с одной стороны, с положительно-охранительной и, с другой стороны, с негативно-маскирующей (блокирующей) их ролью в этих процессах. Подобные перспективные исследования должны позволить выйти из-под влияния, в частности, психоаналитической методологии, включив в план анализа «образное сопровождение» нравственного опыта и социального восприятия (с рассмотрением онтологии духовного мира и его влияния на человека).

Важный аспект осознания личностью своего внутреннего образного опыта связан с тем, что каждому виду личностной патологии

соответствует специфическое изменение образной сферы [364; 365; 404; 408; 409]. Этот момент следует более широко использовать в психодиагностике. Так, при истерической акцентуации богатое воображение обслуживает игру ролей, обеспечивающих пребывание человека в воображаемом им мире в качестве центральной фигуры любой ситуации. Содержание образов касается вымышленных приключений и искаженных реальных историй, демонстрирующих истероидную личность в «исключительном свете». При неврозе навязчивых состояний в воображении возникают картины возможных несчастий, бедствий, «объективных» причин неудач, причем, освободиться от образов не просто; попытки их игнорирования приводят к усилению «мрачных картин». Абцессивные невротика имеют упрощенные образы. У алкоголиков страдает конструктивная и реалистическая активность воображения. Они склонны к нереальным планам или регрессии в приятные воспоминания.

Серьезно изменяется образная сфера личности при органических нарушениях и психопатологии. При эпилепсии (особенно при патологии височной области) имеют место зрительные образы особой реалистичности, яркости и отчетливости, по силе воздействия превосходящие перцептоподобные видения. Отмечается обостренная яркость сновидений, причем содержания снов и фантазий может совпадать, что приводит к тотальной неадекватной оценке реальности. Характерны и образы неприятного содержания: перед припадком воображение ярко рисует мрачные картины, происходит визуализация соматических ощущений и болей, возникают, например, образы фантастических чудовищ. При атеросклеротическом психозе часто имеют место слуховые галлюцинации угрожающего характера; зрительные же галлюцинации обычно яркие, но не страшные. При шизофреническом аутизме наблюдаются ригидные, неадекватные реальному миру и не выводимые из личного опыта образы. Поскольку мир фантазии становится реальностью, в соответствии с которой оценивается все происходящее и которая проецируется на окружающую действительность, с образами трудно расстаться. Сновидноподобные неконтролируемые образы могут напоминать панорамный фильм, в котором участвует большой. Воображение в целом ограничено определенной сравнительно узкой необычной тематикой, часто это ложные воспоминания.

Следует отметить проблему личностных проекций в художественном творчестве. Психология искусства показывает, что поэта и невротика, например, объединяет исчезновение границ между воображаемым

и реальным. Художник может жить в мире фантазии, освобождаясь от невротичности с помощью искусства [11]. Поскольку в художественном образе могут быть актуализированы *любые* проблемы его творца, мы сталкиваемся с проблемой допустимости «выплескивания» собственной психопатологии или личностной деформации на других людей. «Всякое сочинительство, — пишет архимандрит Рафаил, — основано на воображении и представлении. ... Воображение непосредственно связано со страстями — эмоциональными реакциями на образ, всплывший из недр подсознания. Образы и картины, чем более они яркие и поразительны, тем сильнее вызывают эмоциональную напряженность душевных сил, и, с другой стороны, чем сильнее и изощреннее страсти, чем интенсивнее эмоции, тем ярче и причудливее калейдоскоп представлений, возникающий в уме. Поэтому мирское искусство со стороны артиста или писателя — это искусство вызвать в душе своей яркие захватывающие чувства и страсти и воплощать их в мимику и слово. ... Артист и писатель переживают состояние влюбленных, убийц, преданных друзей, непримиримых врагов. Страсти требуют разнообразной пищи, поэтому автор должен создавать новые ситуации, похожие на комбинации в игре, и т.д., и этот поиск называется творческим талантом. ... От читателей и зрителей требуется повышенная внушаемость, быстрая возбудимость и пластичность эмоций. ... Через мирское искусство человек мысленно совершает все виды порока. Он на уровне подсознания перевоплощается в персонажи сцен и книг, живет их жизнью, отключаясь от себя самого» [24, с. 298].

В то же время, роль образной сферы личности в художественном творчестве имеет положительную связь с «духовными планами». А.А. Мелик-Пашаев, в частности, говорит о такой важной грани в художественном творчестве, как размыкание границ Эго художника и «вещной скорлупы, в которую закован предмет его творчества». В этом процессе в предмете находится «родственная внутренняя жизнь», а в себе самом — новые грани собственного существа, позволяющие усваивать этот новый опыт. «Художник не только получает «откровение природы» как чего-то объективного, но и открывает в себе самом способность чувствовать и понимать ее инобытие и иносознание» [208, с. 210]. Подчеркивается, что всякий раз, когда человек видит мир без очков Эго, он соприкасается с более высоким уровнем сознания. «Опыт художественного отношения — это, по сути, внутренняя встреча человека с собственным *высшим, творческим Я, которому доступна и соразмерна эта новая картина мира*. Хотя сознательное внимание художника может быть обращено при этом не внутрь

себя, а на внешний мир, преобразившийся в его восприятии» [208, с. 212]. При этом создатель художественного продукта может видеть, что возникающий замысел превышает его возможности, что его «авторское Я», несопоставимо с его «житейским Я». В этом случае по завершению произведения автор переживает чувство, что он не имеет к созданному прямого отношения. Этот момент связывается с божественным влиянием на истинное творчество, с синергией совместного творчества Бога и человека. Мелик-Пашаев подчеркивает необходимость пробуждения «неотчужденного, родственного отношения к миру, которое чревато сверхсознательным соприкосновением с высшим, творческим Я — Божественным первообразом в себе» [208, с. 215].

С опытом «трансцендирования по вертикали» как источником положительной мотивации переживаний в художественном творчестве связаны и свои опасности. «Главная из них — это опасность принять проявление синергии, «прорывы» высшего Я за собственную гениальность, чуть приоткрывшийся ипостасный лик — за собственное эго. ... С таким ошибочным отождествлением связана не только опасность ... замутив источник своих творческих замыслов, но и многое другое, пагубное для психики и судьбы талантливого человека...» [208, с. 213].

Вернемся к проблемам понимания человеком своего внутреннего опыта. Данный вопрос связан с проблемой **интерпретации** образных событий. Вопрос понимания «образного послания» чрезвычайно многогранен и сложен. Достаточно вспомнить положение о том, что ключ к «коллективному опыту человечества» (Юнг) дает именно понимание символики образного опыта (прежде всего фантазий и сновидений). Интерпретации образов посвящены последующие разделы и главы (по ходу раскрытия феноменологически-герменевтического подхода и трансляционной функции образной сферы личности). В данном разделе предварим разговор лишь частными замечаниями. Так, символическое значение многих видов образов может быть оценено только самим человеком, поскольку, по сути, здесь речь идет лишь о проецировании им чего-то в образный опыт и возвращении «визуализированной проекции». Интересны, в частности, образы дремотного сознания [91; 93; 395; 408]. Например, гипнагогические образы диагностичны в смысле изучения процесса снятия контроля за бодрствующим сознанием: погружение в сон происходит, когда бодрствующее Эго отказывается от контроля за осознанием и принятием решений [163]. Гипнагогические образы использовались в работе с телом [409]. Удивительным прогностическим потенциалом обладает «тонкий сон» (см. следующую главу книги).

Также подчеркнем, что толкование образного опыта — это психодиагностический аспект в исследовании личности. Работа с образной сферой хорошо показывает это. Отметим возможность использования данных об одном виде вторичных образов в интерпретации содержания образов другого класса. Так, показано сходство фантазий и сновидений [405; 445, ch. 10]. На характер сходства влияет типология фантазии. Доминирование «тревожно-деструктивной» фантазии, например, соответствует эксцентричным и негативным высокоэмоциональным снам (ночным кошмарам — 22%) субъективно большой длительности. При наличии в фантазиях, например, явной темы вины в снах акцентирована агрессивность и страхи. Преобладание в образном опыте «положительно-ярких фантазий» совпадает с позитивно-аффективными сновидениями [445]. Можно говорить и о сходстве сновидений и галлюцинаций в плане их связи с универсальным символическим языком мифологической тематики (Юнг, Фромм и др.). Важным вопросом при интерпретации фантазий, сновидений, образов измененных состояний сознания является поиск их инвариантного содержания при учете множественности информационных источников образного опыта.

Разговор о проблемах интерпретации образного опыта может быть продолжен на примере толкования сновидений. Понимание снов как «образных посланий», изучение механизмов формирования и функционирования сновидений представляют собой важнейшие грани исследования трансляционной функции образной сферы личности, раскрытия феноменологически-герменевтического подхода.

1.4. К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СНОВИДЕНИЙ

«Сны — истинные интерпретаторы наших наклонностей,
но требуется искусство, чтобы различать и понимать их».

(Монтень)

Сновидение — это не только образное событие во внутреннем мире личности, образный опыт человека, но и некое сообщение. Но что означают данные сообщения? Как их интерпретировать, толковать, понимать, использовать в жизни?

Толкование снов имеет давнюю историю. Наши дальние предки не сомневались, что во сне людям не только открывается доступ к собственной сущности, к тайным граням своего Я, но что сновидения

дают уникальную информацию о других людях, об окружающем мире, о духовной реальности. Поэтому неотъемлемым атрибутом народной мудрости во всех культурах были «сонники» и толкователи сновидений. Знания о снах были достаточно детализированными. Например, различались сновидения, возникающие по физиологическим причинам, предсказывающие будущее, отражающие реальность аллегорически, определяющие душевное состояние человека (Артемидор Эфесский). Противоречия снов тому, что происходило с человеком в ближайшем прошлом, могло означать патологический симптом (Гиппократ). Тибетская же традиция толкования сновидений указывала на то, что сны не только отражают прошлый опыт человека, предсказывают будущее, но, в частности, хорошо сигнализируют о заболевании. В древности при интерпретации сновидений старались учитывать личностные, возрастные и профессиональные особенности человека. Узнай характер человека, прежде чем толковать его сны, говорил Артемидор Эфесский.

Высочайшая степень символичности и многозначности сновидений исключает возможность их механической интерпретации. Связь снов с жизненными событиями очень сложна и скрыта от сновидящего. Достаточно сказать, что в сновидении внешний мир может быть представлен в виде некоего символического места, где происходит некое символическое действие. Показательно поэтому, что понимание снов представляет трудности не только для людей, но и для специалистов. Легкая интерпретация едва ли будет точна. Требуется усилие, чтобы уловить, о чем сообщается в сновидении. Существует очень уместный и конструктивный совет избегать трактовок в русле конкретных школ, т.е. трактовок, например, «согласно мнению Юнга» (Фрейда, Адлера и др.). В этом плане уместно вспомнить, что взгляды Фрейда не разделялись его ближайшими учениками.

Любые интерпретации снов следует рассматривать в качестве *гипотез*, требующих конкретизации при учете индивидуальных, возрастных, профессиональных личностных и др. особенностей человека, его жизненной ситуации, прошлого опыта и перспективы развития. Не случайно поэтому в психотерапии процесс интерпретации снов все чаще понимается как совместное творчество терапевта и клиента. Действительно, сновидящий, уже как-то интерпретирует сон и, по сути, ждет подтверждения собственному толкованию. Фрейд, кстати, указывал, что человеку известно значение его сна, только он не знает об этом. Понятна характерная (особенно в старину) негативная реакция человека в случае, если, по его ощущению, ему неверно толкуют сон. Вспомним, что в древности цари даже казнили «неправильных

толкователей». Например, это отражено в библейском сюжете о сне Навудохонасора (книга пророка Даниила) или о толковании сна фараона Моисеем (книга Бытия).

В связи с проблемой понимания сновидений следует отметить важный момент: *копаться в сферах неосознаваемого психического в поисках подсказок от сновидений далеко небезопасно*. А Минделл прямо указывает, что учиться видеть сны — опасная работа [213]. Сложности контактов со сферой неосознанного через сны учитывает психоанализ. Культурологические данные также подтверждают эти опасения. От имени индейской шаманской традиции предупреждает против «простого вхождения в сновидение», например, дон Хуан — популярный сегодня среди «ню-эйджевского движения» персонаж Карлоса Кастанеды. Иллюзорный опыт, полученный через сновидения, отмечен святоотеческой традицией.

Многоаспектность интерпретации сновидений подчеркивает необходимость усиления их системного рассмотрения. В качестве скромного вклада в этом направлении выделим следующие взаимодействующие блоки и уровни анализа проблемы, которые помогают систематизировать существующие подходы [49; 71; 89; 163; 170; 176; 185; 285].

Таблица 1

Уровни детерминации сновидений

I.	Отражение в сновидении физической среды (внешней стимуляции и внутренней среды)
II.	Личностная детерминация сновидений
	1. Уровень временной детерминированности сновидений (отражение «ретроспективы» различной давности, обобщенного «настоящего», разнообразные «проспективные» формы отражения)
	2. Уровень проекции в сновидение личностных показателей
	• «Мотивационный подуровень» — отражение неудовлетворенных желаний различной степени осознанности
	• Структурный подуровень — проекции отчужденных частей личности, внутренних проблем
	• Отражение лично значимого «здесь и теперь»
	• Отражение лично-экзистенциальных проблем
	• Отражение «неосознаваемого жизненного сценария»
III.	Внеличностная детерминация сновидений (проекцией «коллективных форм психического»)
	1. Детерминация сновидений групповым сознанием, национально-культурными особенностями
	2. Детерминация сновидений коллективным бессознательным и архетипической символикой
IV.	Гипотетическая внесенсорная» детерминация сновидений

Прежде чем мы перейдем к содержанию заявленных уровней детерминации сновидений, сделаем одно замечание, которое будет способствовать более целостному восприятию информации. Рассмотренные блоки интерпретации сновидений могут быть разложены по уже известному нам общенаучному базису. Тогда «*отражение в снах физической среды*» будет выражать пространственный аспект, «*личностная детерминация снов*» — временной аспект, «*внесенсорная детерминированность снов*» — энергетический аспект, «*внеличностная детерминация снов*» — информационный аспект (в связи с информационным «океаном коллективного бессознательного»).

Отражение в сновидении физической среды

1. *Отражение текущей внешней стимуляции.* Спящий человек в контексте известной «сторожевой функции» сна воспринимает многое из того, что делается вокруг него, однако стимулы вплетаются в ткань сновидения в трансформированной форме (особенно в БС-фазе). Еще Аристотель говорил о том, что слабый шум может породить во сне гром («О вещих сновидениях»). В силу этой закономерности человек, слыша, например, звук работающей утром под окном газонокосилки, может представлять себя летящим на самолете. Ощущение во сне холода (от сползшего одеяла) часто приводит к тому, что снятся мрачные ситуации, злые люди и т.п.; если же кто-то поправил одеяло и человек согрелся, то содержание сновидений меняется на позитивное (например, «Сон Карелина» из романа Григоровича «Петербург прошлого времени»).

Также вспомним, что Фрейд подчеркивал: сновидение «не узнает» стимул, вплетающийся в него, и каждый раз толкуют его по-разному (можно добавить: в зависимости от взаимодействия с другими информационными источниками снов). Исключение составляют стимулы, имеющие особое значение для сновидящего, например, плач младенца для матери.

2. *Отражение интрорецепции.* Интрорецептивные сигналы, не замечаемые в повседневности, отражаются во сне в усиленном виде. Возможные «сигналы нездоровья» помогают диагностике болезней. Например, сняющаяся зубная боль подсказывает, что пора идти к врачу. Однако «сигналы о болезни» могут быть завуалированы в символическую форму (что затрудняет понимание подсказки организма). В частности, по многим сонникам известно, что снящееся сырое мясо (символ «телесности») — к болезни. Сновидения могут отобразить

информацию от внутренних органов с помощью сходных им предметов. Например, образы «узких извилистых проходов» могут иметь отношение к проблемам с кишечником. Отметим, что отражение в сновидении зарождающейся болезни значимо для понимания «вещих снов». Роль ощущений — дать *толчок, направление* «построительной ассоциации ума», черпающей элементы своих комбинаций из прошлого опыта человека. Ощущения внешние и внутренние составляют «общую мораль тех басен, которые плетет воображение» [107, с. 41].

Личностная детерминация сновидений

В данном блоке наиболее тесно переплетены различные аспекты и уровни анализа. В силу этого их различие достаточно условно. Однако судя по акцентам в подходах к интерпретации снов все же можно говорить о следующем.

I. Уровень «временной детерминированности сновидений».

Он включает следующие подуровни:

1. ***Отражение в сновидениях ретроспективы*** различной давности. Это воспоминания конкретных: а) познавательных ситуаций, б) переживаний и состояний, в) действий (поведения, деятельности). Следует учитывать фактор искажения воспоминаний под влиянием уже имеющихся у человека установок. Обычно подчеркивается значение впечатлений последних дней. Об этом говорил еще Вундт. Фрейд также подчеркивал фактор взаимодействия неосознаваемых желаний с так называемым «дневным остатком». Н.Я. Грот говорил об образах дремного состояния в ответ на прошедшие события. Однако подобное влияние не следует переоценивать. Определяющим для содержания сновидения могут стать и давние события. Поэтому надо говорить о впечатлениях: а) прошедшего дня; б) недавнего времени; в) отдаленного прошлого¹³.

¹³ Следует подчеркнуть отражение во сне ситуаций детства и конфликтов, требующих разрешения. Мифологические и символические сюжеты таких сновидений могут преследовать человека во сне всю жизнь.

2. **Отражение в сновидениях «обобщенного настоящего»** человека предполагает продолжение во сне: а) ситуаций познания (например, «муки творчества»); б) актуального для данного периода жизни переживания (важный фактор повторяющихся снов); в) чего-то незаконченного к настоящему моменту, незавершенных ситуаций. Сны могут отражать все это достаточно достоверно и даже без символизации.
3. **«Перспективные» формы сновидений.** Сновидения предупреждают о важных будущих событиях. Изучение «перспективных снов», однако, осложнено. И не только тем, что связь сновидения с событиями жизни очень сложна, многозначна и скрыта от самого человека, но и наличием закономерностей, о которых говорится в блоке IV. Интуитивное предвосхищение во сне обычно объясняется переработкой информации механизмом вероятностного прогнозирования: сознание вовлечено в некую проблему и во сне проигрываются варианты. Естественно, что какой-то из них может реализоваться. И человек, вспомнив сон, посчитает его пророческим (ошибочные сновидения забываются). Не случайно, что большинство сновидений сбывается в течение первых же суток (т.е. прогнозируется ближайшее будущее). «Вещные сны» могут выражать и более тонкие механизмы, например, отражать не замечаемую логику событий. Предсказание чаще означает экстраполяцию ситуаций «обобщенного настоящего» в жизни сновидящего. Психика, освобожденная от «дневных помех», становится во сне более сконцентрированной на проблемах человека и потому начинает видеть более глубокие (чем на сознательном уровне) причинно-следственные связи в его жизни. Тогда телесные болезни, типичные неприятности и т.п. будут просто вытекать из характера жизни человека. Важна готовность человека воспринять во сне информацию о событиях. Формирование установки основывается на «логике жизни», на сознательном и подсознательном уровнях. Знание о болезни близкого человека, например, подготавливает основу (предчувствие) для «вещных снов».

Рассмотренные уровни анализа проблемы отражают, преимущественно, повседневную жизнь человека, поэтому сновидящий способен достаточно адекватно понимать свои сны. На следующих уровнях идет возрастание удельного веса неосознаваемого материала в организации сновидений.

II. Уровень «проекции в сновидение личностных показателей»

1. **«Мотивационный подуровень»** раскрывается отражением в сновидениях неудовлетворенных желаний, потребностей человека различной степени осознанности. Чаще отражение в снах неудовлетворенных желаний происходит в символической форме. Речь может идти и об исполнении конкретных ситуативных желаний и желаний, имеющих место в расширенном настоящем человека в контексте «общего нереализованного». Большое значение имеют обобщенные неосознаваемые мотивы-установки в связи с ретроспективным погружением в собственный опыт. Данный подуровень во многом связан с именем Фрейда¹⁴. В силу этого он не нуждается в комментариях.
2. **«Структурный подуровень»** раскрывается с точки зрения проекции в сновидение неосознаваемых «субличностей» — «внутренних персонажей». В частности, акцент может быть сделан на «отчужденных частях» личности и, соответственно, на широком спектре внутренних проблем и конфликтов

¹⁴ По мнению Фрейда, сновидения в своей основе являются исполнением желаний. Во время сна неудовлетворенные потребности перекомбинируются так, чтобы компенсаторный образ давал максимум удовольствия. Даже к пугающим снам можно подойти с точки зрения актуализации сильных запретных, глубоко вытесненных, неосознанных желаний, которые в сновидящем сознании появляются через инвертированную форму страха. Страшные сны, в частности, связаны со случаями, когда исполнение желания сопряжено с чем-то неприятным. Сновидения как бы реализуют тенденцию к получению наказания за «непотребное желание». Для Фрейда главным ключом к интерпретации была идея о том, что человек во сне разрешает себе то, что он не может позволить при бодрствовании. Реализация специфических потребностей в сновидении связана с отбором, трансформацией (перегруппировка, изменения, пропуски материала и т.п.) и символическим кодированием опыта человека с целью сделать его желания приемлемыми для осознания. Подобная работа проводится под влиянием цензуры защитных механизмов и до неузнаваемости трансформирует мотивы. Символическая форма мотивации облегчает принятие запретных желаний. В сновидении может реализовываться и конкретное осознанное желание без всякой символизации. Так, сны детей, как правило, без символической трансформации; детские сновидения — прямое исполнение желаний, нереализованных в ближайшем прошлом ребенка. Не подвергаются искажению и сны, отражающие некоторые органические потребности: голодный человек, как правило, видит во сне еду или что-то, с едой связанное.

человека вместе со способами защиты от их осознания. Большой вклад в «структурный подуровень» внес Перлс [239], для которого понимание человеком сна означает возвращение проецированных в сновидение отчужденных частей его личности. Сновидение является незаконченной, неассимилированной ситуацией. В этом смысле оно несет информацию о том, чего не хватает человеку в жизни, чего он избегает, указывает на внутренний конфликт. Символичность сновидений чрезвычайно высока, в частности, как раз потому, что человек избегает прямого взгляда на себя. Во сне же человеку символически показаны скрытые механизмы его психической жизни, его проблемы, сознанию возвращены элементы внутреннего мира во взаимодействии с текущей жизненной ситуацией¹⁵. В связи с проекцией в сновидение различных «внутренних персонажей» и «драмы их отношений» подчеркнем, что сны «не пытаются ввести сновидящего в заблуждение» [375]. Сновидение символически выражает нечто значимое для человека¹⁶. «Персонажами» являются «отрицаемые события», «подавляемые переживания», которые возвращаются в снах в виде неких «сопротивных сил», пугающих, мучающих человека. Избегает-

¹⁵ Человеку снится, что он входит в комнату и в соответствии с ее особенностями — цветом, обстановкой — он может ощутить, какую часть своего внутреннего мира посещает [285]. «Крушение стен» в подобных случаях символизирует преодоление границ между «частями личности».

¹⁶ Сновидения хорошо изображают отторгнутые аспекты жизни и части человека, которые могут быть представлены в образе животных, растений и др. (что работает на интегративные тенденции в психике). Когда дон Хуан помогает Карлосу Кастанеде вызвать образы его друзей, то последние появляются в виде животных, показывая какие-то свои грани. Иными словами, подчеркивает А. Минделл, человек может появляться в сновидениях других людей в различных образах в зависимости от того, от чего он отрекается в данный момент [213]. Сновидения также показывают те части мира, которые человек должен научиться признавать. Подобные моменты объясняются идеей «поля совместных переживаний»: некий образ, имеющийся у человека, может быть найден в сновидениях других людей. Такой «двойник» для них может представляться парапсихологическим явлением: другие могут видеть человека где угодно, ибо он является не только самим собой, но и частью «всемирного поля» (этим объясняются известные случаи, когда умирающие люди способны путешествовать сквозь время и пространство; мы поговорим об этой феноменологии в очерке 15). А. Минделл связывает подобные феномены с новейшими изысканиями в физике.

мое в жизни возвращается людям в неприятных снах, в ночных кошмарах (убегание от враждебных сил заставляет проспать-ся¹⁷). Тема разрушения во сне может, однако, указывать на необходимость осторожности, на потребность в прочной опоре, в защите. Сновидение тогда означает приглашение пройти через некое внутреннее изменение [163].

Следует выделить аспект «отражения во сне отношений с людьми» для познания их и самого себя. Люди могут узнать друг о друге что-то важное, увидеть суть взаимоотношений. Отношения в снах могут включать в себя решение тех или иных коммуникативных проблем, показывать чувства, которые вызывают определенные люди, а также взаимные проекции. Сны хорошо отражают динамику отношений между мужчиной и женщиной. Проекция в сновидения «частей личности» может быть связана с неосознаваемой идентификацией человека с животными. Такой «подсознательный тотем» значим для изучения копирования человеком особенностей поведения некоего животного¹⁸. Отождествление с животным может отражать значимые аспекты внутреннего опыта личности, связанные с детскими воспоминаниями, с психодинамикой в целом. Заметим, однако, что образ «животного в сновидениях» многозначен. Соответствующие образы, например, могут быть связаны и с «аутосимволическим феноменом» и юнговской «тенью», и фактором неосознаваемого жизненного сценария человека. Критерии всех этих моментов достаточно расплывчаты. «Персонажами» для отождествления могут стать и растения, и предметы, и природные явления.

¹⁷ Этот момент будет для нас важен впоследствии при разговоре об онтологии и субстанциональности «отрицательного метафизического фактора», ибо показывает, что «враждебные силы» могут иметь интропсихическую природу искаженного человеческого естества.

¹⁸ Так, видение себя хищником может выражать интенсивные агрессивные чувства человека. Образы мула могут отражать упрямство, свиньи — небрежность, неряшливость и моральные изъязны и т.п. Существует большая палитра оттенков сексуальных эмоций. Отождествление с обезьяной говорит об извращенных сексуальных тенденциях, «неприкрытая похоть» акцентирована в идентификации с кабаном. Сексуально окрашенный мужской эксгибиционизм может символизироваться кукарекающим петухом, [408]. Интересна трактовка этих символов А. Минегетти [214]; рассмотрение разных точек зрения позволяет вскрыть проблему многозначности символики образов.

3. **Отражение личностно значимого «здесь и теперь».** Из содержания блока I мы видели, что сновидение отражает текущую ситуацию настоящего человека (естественно, включая в себя прошлый опыт личности). Поэтому необходимо в качестве дополнения и детализации включить в анализ те подходы к интерпретации снов, которые подчеркивают, что сновидение — это актуализация ситуаций настоящего, а поэтому ключи интерпретации снов находятся в этих обстоятельствах. В качестве основного представителя данного подуровня укажем на К. Юнга, который приписывает сновидениям смысл, дополняющий жизненную ситуацию человека. Толкование сновидения дается, исходя именно из нее. Символический язык актуален для актуализации в образе архаических пластов психики, «архетипического алфавита» (блок III). Юнг видит в сновидении как бы «намек» со стороны неосознаваемого психического. Символика сновидений имеет значение «поучающей притчи». Это хорошо проясняется известным хрестоматийным примером сна со срыванием яблока [366].

Для юнгианской традиции характерно рассмотрение трансформаций содержаний снов как отражения изменения целостной психологической ситуации. За символами не признается фиксированных значений¹⁹, что важно для раскрытия феноменологически-герменевтического подхода к образной сфере человека в ее трансляционной функции. Сны содержат те значения, ради которых возникли. Поэтому один из принципов толкования снов связан с нахождением того, какое именно сознательное отношение к чему-то дополняется во сне. С позиций феноменологически-герменевтического подхода интересно, что очень значимая сновидческая информация часто менее символична в сновидении и интуитивно более понятна. Воссоздание целостной психологической ситуации человека на момент настоящего и нахождение ее отображения в сновидении представляет собой, однако, трудную задачу благодаря акценту на неприятных переживаниях,

¹⁹ Оценка символизма снов зависит, в частности, от прилагаемых к их интерпретации теоретических подходов. Так, во фрейдовском подходе, ориентированном на установление в значительной степени однозначного смысла, исходным берется вытесненное желание сновидящего, которое может быть скрыто под разными «масками» (например, сексуальная символика — это и «открытие двери ключом», и различные «полеты»).

возникающих при встрече человек с тем, чего он избегает. Сложности связаны и с тем, что точка «здесь и теперь» для личности является многомерным фокусом, на который оказывают многофакторное влияние потенциальные информационные источники сновидения.

4. **Отражение личностно-экзистенциальных проблем.** Многие сны связаны с транспортной тематикой. Последняя подсознательно ассоциируется с проблемами жизненного пути, стремительным и неумолимым «бегом времени». Например, человеку снится, что он должен куда-то ехать (от этого многое зависит). Но когда поезд (автобус и т.п.) подъезжает, что-то мешает сдвинуться с места — и «поезд уходит». В этом случае актуализируется экзистенциальная идея неисполненных желаний, чего-то несбывшегося, нереализованного. Примером может служить и символика «блуждания по жизни»: человек бродит по неким коридорам, по улицам, заканчивающимся тупиками и т.п. Индивидуализированная «транспортная проблематика» как выражение экзистенциальных проблем тесно связана с архетипической темой «Путешествия», о чем будет сказано в блоке III.

Подуровни личностно значимого «здесь и теперь» и личностных экзистенциальных проблем связаны с обобщенным отражением «проблемности жизни» человека. Часто это некий повторяющийся сон, постоянная тема которого может являться проекцией незаживающих «душевных ран» и указывать на какую-то обобщенную аффективно заряженную нерешенную жизненную проблему человека (по аналогии с механизмом навязчивых образов). Следует особо подчеркнуть роль преобладающих переживаний, которые занимают человека в течение долгих лет (конкретные виды страхов, упреки совести и др.). Они представляют репродукцию «прошедших психических состояний» и служат элементом построения сновидения в значении цемента, связывающие все части образа, как «полотна, на которое ложатся краски живописующего воображения» [107, с. 38]. Жизненные события, действительно, способны вызывать один и тот же вид тревожности, который либо порождает некое сновидение, либо воспроизводит сон, который снился когда-то. Сон, в котором человек неоднократно видит, как он приходит к врачу, а тот уже ушел, может свидетельствовать не только о желании избежать любых встреч с медициной (какая-то из них могла вызвать стресс), но и дать повод к размышлению об общем отношении человека к здоровью и болезни, жизни и смерти.

5. **«Отражение «неосознаваемого жизненного сценария».**

Фактор отражения в сновидениях неосознаваемого жизненного сценария (в смысле подхода Э. Берна [34]) необходимо выявлять и учитывать. Заданная с детства «сценарная основа» мышления, чувствования, поведения также выступает информационным источником снов, в частности, может быть найдена в повторяющихся сновидениях. Данный подуровень очень тесно связан с предыдущим. Сценарная основа проблем личности и ее экзистенциальные проблемы взаимозависимы²⁰. Тем не менее разграничение подуровней возможно в детальном теоретическом анализе и в конкретной психотерапевтической работе.

Внеличностная детерминация сновидений

Данный блок анализа связан с проекцией в сновидениях коллективных форм психического образа на двух уровнях.

I. Уровень детерминации сновидений групповым сознанием и национально-культурными особенностями

Здесь перспективным представляется изучение вопроса об культуро-специфической символике снов. Интересным видится сопоставление содержания конкретной культурной среды с типичными снами (анализируемыми, например, по произведениям искусства и литературы). Так, у американцев сновидения часто связаны с темами «жизненного успеха и процветания», «поиска восхищения от окружающих» и «уверенности в себе». В то же время отметим, что, несмотря на роль факторов культуры, определяющие особенности социализации человека, многие проблемы людей однотипны для целых культур (например, с точки зрения ориентированности на позицию «Родителя» в традиционных культурах, или «Ребенка» в «карнавальных» культурах).

²⁰ Пример повторяющегося сна, отражающего некую экзистенциальную проблему конкретного жизненного периода, можно усмотреть в приводимом Э. Берном [34] случае, когда женщина часто видела себя во сне «запертой» в тоннеле преследователями: речь может идти об отражении некой актуальной общей жизненной ситуации-ловушке.

II. Уровень детерминации сновидений коллективным бессознательным и архетипической символикой

Данный уровень — традиционно признанный глубокий и богатый информационный источник сновидений. Наибольший вклад в его разработку внес К. Юнг, который предполагал, что способ выражения снов символами, притчами связан с общечеловеческой доисторической памятью. Мы уже говорили о круге связанных с этим вопросов в первой части книги. Уровень детерминации снов архетипической символикой раскрывает многоуровневый трансперсональный язык сновидений — этнического, «национально-локального», «цивилизационно-регионального», общепланетарного масштаба. Этот образный язык, впитавший в себя символику древней мифологии, отражает некие общие для людей (опять же различных общностей) представления о мире, содержащиеся в коллективном бессознательном «культуорогенетической памяти» человечества.

Внеличностные факторы порождения снов работают, однако, через индивидуальное в человеке: *сновидения имеют следы архетипических и мифологических мотивов, индивидуально и лично значимо выражая их*²¹. В снах действительно поражает индивидуальная специфика облика архетипа, корректирующая интерпретация архетипической символики. Сновидение архетипического содержания через соответствующую символику показывает глубинные энергии, участвующие в жизненной ситуации сновидящего. Сложность же архетипической символики в ее индивидуальном преломлении приводит к тому, что самая очевидная интерпретация может оказаться неверной [300, с. 105] или, по крайней мере, недостаточно глубокой.

Обобщенная символика вместе с тем способна облегчить понимание «образного послания». Речь идет о достаточно постоянной символике снов, позволяющей в принципе использовать некоторые правила интерпретации (например, сонники). Можно назвать, например, темы «падения с высоты», «полеты», «плавание», «контакты с природными стихиями» и др. Однако и здесь следует особо

²¹ Тема «укуса» (укола, инъекции) — архетипическая тема «вторжения иного», связанная с индивидуальной спецификой потребности людей контролировать других и быть самим (преимущественно неосознанно) под контролем. Змея в сновидениях часто рассматривается как «вторжение других» — знак судьбы.

учитывать, что подобные сюжеты весьма многозначны²². В символике воды, например, можно увидеть как многоаспектную связь с «женским началом» (репродуктивную тематику, особенности женской идентификации, тенденции инфантильной привязанности к матери и др.), так и глубинную регрессию в воспоминание о «первичном океане жизни».

Необходимые для интерпретации снов инварианты коллективно-бессознательного, как известно, выражают себя и в архетипических *сюжетах* (типа «приключения героя», «битва за отделение от матери», «вражда братьев»), и в архетипических *персонажах* («божественное дитя», «двойник», «старый мудрец», «первоматерь» и др.), и в архетипических *символах* (крест, разноконечные звезды, и др.). В сновидениях встречаются все юнговские «личностные персонажи». Для «персоны» это одежда, вуали, покрывала; сильная «персона» часто «одета в униформу» или «не может снять одежду» (она предстает также актером или манекеном); слабая «персона» часто видит себя во сне обнаженной. «Тень» (нечто отвергаемое, например, какие-то желания) может появляться как некое «низкостатусное существо» — животное, карлик и т.п., как «примитивная враждебная сила». «Самость» предстает некой «идеальной личностью», а «анима-анимус» предстает фигурой противоположного пола (любого возраста)²³.

Моменты, связанные с архетипическими планами анализа сновидного опыта, описаны подробно [163]. Наиболее общим архетипическим символом сновидений является образ самого сновидящего — точка самоотождествления человека во сне. Подобное «сновидящее Эго» проявляется в «действиях во сне», отражающих отношения к миру. Очень важна связь «сновидящего Эго» с «сущностным Я», которое, в свою очередь, взаимодействует с различными другими *архетипическими силами*, влияющими на Эго. В сновидениях может проявляться то, что «сущностное Я» через «сновидящее Эго» хотело бы видеть. Но люди недостаточно осознают в снах «образ самого себя». Важнейшим является архетип «Путешествия» (через жизнь), который рассматривается как первичный энергетический фактор жизни человека. Люди всегда

²² Символические сновидения полисемантически вследствие влияния «палеологике» (Ариети) аутичного сознания: похожесть в силу множественности предикатов, равнозначна идентичности.

²³ Сновидения, связанные с проявлениями Эго, показывают отношения, чувства, способы поведения, которые необходимо изменить. Сны, связанные с тенью и маской, — показывают теневые стороны поведения.

куда-то стремятся. Символами «путешествия» являются: часы, календарь, свет впереди, дороги, пути, гора, дерево, лодка на воде, средства передвижения (поезда, самолеты, машины). Противоположностью архетипа «Путешествия» является архетип «Смерти-Возрождения», проявляющийся при кризисах, смене жизненных этапов. На пересечении обоих архетипов находится архетип «Эго», служащий архетипу «сущностного Я» в процессах трансформации личности. Известным содержанием сновидений является тема различных противников и конфликтов. Поэтому в снах проявляются архетипы *Противника* (энергия противодействия и разрушения) и *Героя/Спасителя* (энергия конструктивного начала), взаимодействие которых и задает область конфликтности. В целом же предлагается модель семи основных архетипов. Помимо указанных, выделяется также архетипы *Мужественности* (структурирующая сила жизни, положительный аспект доминирования, действия и т.п.) и *Женственности* (сила творческого начала, объединения людей, принятия и т.п.)²⁴.

В связи с темой «архетипического алфавита» коснемся символики сонников. С одной стороны, нет сомнения, что они содержат некие постоянные символы сновидений. Таковыми, например, являются человеческое тело (его символом служит “дом”), родители (часто изображающиеся “царем” и “царицей”), смерть (“отъезд”) и др. С другой стороны, приходится констатировать, что информация об инвариантном символическом языке сонников чрезвычайно «зашумлена»²⁵. В научном анализе «сонников» нужно найти ценное. Проведение

²⁴ Каждый из полов проецирует противоположные архетипические характеристики на другой пол, наиболее воплощающий в себе эти характеристики. «Правильное» проецирование вызывает желание единения. Сновидения сексуальной тематики отражают архетипические структуры, скрытые за внешними проявлениями половой жизни. Сновидение может открыть особенности сексуального самовыражения человека, истинные причины поведения партнеров, особенности брачных отношений. Например, тема «отсутствия или потери обручального кольца» символизирует неудовлетворенность браком, нежелание его продолжать (независимо от сознательного отношения к этому) [163, с. 99].

²⁵ Правила толкования сновидений строились, например, на ассоциациях, понятных в свое время в рамках конкретной культуры, непонятной сегодня. В то же время происхождение многих ассоциаций очевидно. Это словесно-звуковые ассоциации в рамках конкретного языка (кровь — кровные родственники), ассоциации с простой образной символикой: вырвали зуб — к потере, рыба (скользящая, неприятная) — к болезни, жемчуг — к слезам (похожи на слезы) [49].

сопоставительного анализа-синтеза инвариантной символики «сонников» — задача, однако, чрезвычайно трудная, ибо данная символика многозначна и противоречива²⁶. Это и позволяет здравому смыслу верить в предсказательность сонников. Наконец, многие толкования нелепы и вряд ли имеют под собой какие-либо основания. Сопоставительный анализ содержания сонников с выделением инвариантов должен проходить одновременно с нахождением рамок применения сонников, которые накладываются культурной традицией, профессиональными, половыми, социальными и психологическими особенностями сновидящего. Древние сонники не случайно рекомендуют как можно больше знать о нравах и обычаях культуры, к которой принадлежит сновидец. Без проведения такой работы фактор «индивидуального случая» перевешивает и применение «сонников» будет вносить дезинформацию в интерпретацию сновидений²⁷.

²⁶ Приведем примеры многозначности символики сонников [124; 305; 320]. *Беременность во сне* означает, например: а) молодой женщине — счастье в любви; б) старой женщине — смерть; в) бедному — богатство; г) богатцу — обнищание, д) женатому — потерю жены; е) холостому — женитьбу. *Видеть во сне лошадь* может обозначать как «ложь», так и быть «доброй приметой». *Видеть во сне голову* означает в одном случае пир, довольство, в другом (если голова маленькая) — предсказание бедности. *Видеть во сне похороны* предвещает в одном случае веселье, в другом — «ложные вести», в третьем — брак (а женатому разлуку с женой), в четвертом — отъезд из родных мест или приезд на родину. *Летать во сне* символизирует исполнение желаний, успех в делах и любви (обобщенно означает «удовольствие»). В то же время «летать высоко над землей без крыльев» — это страх и опасность. Возникает вопрос и о том, что делать с известной психоаналитической трактовкой «полетов» или с тем, что они могут отражать личностный рост человека. Вместе с тем есть и достаточно инвариантные трактовки: «иметь большой и правильный нос», например, говорит о прибыли, а «иметь маленький нос» — о потере. В образе «беременности» просматривается идея изменения какого-то качества на противоположное. Есть возможность привязки символики тела к психосоматическим проблемам человека, к отношениям к другим людям (верхние части тела символизируют хороших людей; нижние — противоположное). Обращает на себя внимание детальность телесной символики (есть, например, разница в том, «лысеет» ли во сне затылок или другая часть головы; значим вид и качество волос). Для того чтобы сложилось впечатление о многозначности символики снов, можно сопоставить приведенные толкования с тем, которое использует А. Минегетти [214].

²⁷ Например, у человека «падение с высоты» в повторяющемся сне может означать вовсе не «пючести» [305], а выражать сугубо индивидуализированное глубокое подсознательное желание «низко пасть» для переживания вины.

Материалы четвертого интерпретационного блока — **внесенсорной детерминированности снов** — для академической психологии носят гипотетический характер, поскольку обсуждаемое в нем не имеет строго научной верификации. Однако приводимый материал имеет свое подтверждение на уровне феноменологии культурологических данных, философских систем, а также современных парапсихологических исследований [118; 213; 307], а потому заслуживает внимания. Внесенсорная детерминированность снов признается и в психотерапии. Сны показывают то, что обычным путем человек узнать не мог бы. Так, С. Каплан-Уильям [163] допускает детерминацию сновидения парапсихологической связью с другим человеком — сонатроенностью с какими-то аспектами других людей²⁸. Через сновидение можно войти в контакт с умершим близким человеком для разрешения неких проблем. К внесенсорной детерминированности сновидений мы еще вернемся. Пока же в рамках академической психологии будем считать внесенсорные отражательные возможности сновидений предположением, основанным на феноменологическом уровне. Этот план интерпретации снов обсуждался автором ранее [89].

О механизмах сновидений

Ключевой проблемой понимания снов является изучение *механизма* их порождения. Необходимо учитывать взаимодействие всех описываемых блоков и уровней, охватывающих все основные источники и факторы сновидений. Обобщенно говоря, сновидение является *продуктом совместного влияния* рассмотренных подуровней, уровней и блоков в их определенном сочетании, с определенными акцентами и под влиянием определенных закономерностей²⁹. Многоуровневость и многофакторность обусловленности любого образного события порождает реальные трудности его понимания, не решенные как научной психологией, так и иными формами познания человеческой души.

²⁸ Здесь, конечно, возможно просто интуитивное угадывание динамики отношений, например, их тупиковость и необходимость завершения (типичным будет видение во сне своего партнера уже с другим человеком).

²⁹ Полезным в данной связи является вводимое С. Грофом понятие «системы конденсированного опыта» (СКО), о котором мы будем говорить в последующих главах.

Несмотря на многочисленные теории сновидений и методы интерпретации, истинное значение сна может остаться неясным, причем не только для сновидящего, но и для работающего с ним специалиста. Это и неудивительно, если вспомнить, что один и тот же сон может выражать несколько значимых и часто конфликтующих тенденций в жизни человека, показывать как целостное состояние психики, так и конкретные вещи, например, некие скрытые даже от самого себя переживания. Понимание снов должно хотя бы гипотетически учитывать множественность его информационных источников, в том числе и не признаваемых пока академической психологией (например, метафизического влияния объектов «невидимого мира»).

В литературе по проблеме часто встречается термин «источник сновидений». Сновидения рассматриваются как переживание возможностей человека, исходящих из интегративного центра в психике людей — «глубинного Я» (в этой связи вспомним все, что уже было сказано о проблеме нахождения «истинного Я» человека). Оно и обращается к человеку на универсальном языке образов, отражая жизненные события, требующие своего разрешения, раскрывая психические структуры, различные аспекты личности. Термин «источник сновидений» можно оставить в смысле интегративного механизма сновидений, который суммирует все информационные источники порождения снов и дает результирующий образный опыт сновидящего. Вместе с тем влияние метафизического фактора не позволяет упрощать проблему, полагая существование Источника сновидений вне опасностей функционирования с искажениями, порождающими не полезные для человека подсказки со стороны сновидного опыта. Как читатель увидит из дальнейшего материала, сновидения могут быть инструментом духовного прельщения.

Обычно исследователи различают *источники* сновидений, лежащие в человеческих переживаниях, и *факторы*, влияющие на форму и содержание сна, в частности, на смену его сюжета, который во многом складывается из впечатлений прошлого. Факторами порождения сновидений являются следующие [107]: 1) впечатления от окружающего мира и ощущения «от организма», выступающие неким направляющим началом — импульсом-толчком для сновидящего сознания; 2) воспроизведение основного материала снов — прошлых впечатлений, особенно привычных переживаний; 3) комбинирующая деятельность психики, созидающее целостное сновидение. Подобная работа включает также законы репродукции информации (по сходству, контрасту, сосуществованию, последовательности, в отношении средств

к цели и причины к действию). Можно говорить о взаимодействии данных факторов³⁰.

Указав на множественность источников сновидений, следует подчеркнуть роль некоторого события текущего жизненного периода, способного определять порождение сновидения центрирующим на себя влиянием всей системы информационных источников сновидного опыта. На основе сложных ассоциативных механизмов в соответствии с жизненной ситуацией информация от неких источников сновидений символизируется и трансформируется (используются вербально-образные ассоциации, перегруппировка, различные виды замены информации и др.). В этом процессе могут существовать следующие моменты: а) какие-то элементы исключаются из сновидения; б) элементы, имеющие общие или, наоборот, противоположные черты, сливаются в одно, усиливая многозначность сновидения; в) явный элемент соответствует многим скрытым, а скрытый участвует в нескольких явных; г) скрытый элемент замещается чем-то отдаленным; д) акцент переносится со значимого элемента на незначимый. Все подобные моменты выражают, в частности, защитную функцию сновидений по трансформации неосознаваемых конфликтов в субъективно «бесконфликтные» сны. «Вся работа сновидений, — пишет А. Вейн, — направлена на то, чтобы найти тот язык, который скроет от самого спящего субъекта его тайные помыслы» [49, с. 165]. Это важное положение, однако ему диалектически противостоит необходимость признания возможности трансляции через сновидения важной для человека информации при различной степени ее символизации.

Еще раз подчеркнем, что все факторы порождения сновидений работают через индивидуально-специфическое (и типологическое) в человеке, которое вносит порой решающие коррективы в правила интерпретации. Особенно подчеркнем это относительно надындивидуального плана анализа в блоке III. Любая константная внеличностная символика снов индивидуализируется личностными и другими особенностями человека, его конкретными проблемами и конфликтами.

³⁰ Согласно Шернеру [107], мы имеем, например, следующие виды сновидений: 1) бессмысленные, никак не соотносящиеся с объективной действительностью, аналогичные бреду; 2) составленные из поразивших человека фактов; 3) образующиеся из органических раздражений; 4) вытекающие из настроений и аффектов, сопровождающиеся желаниями; 5) отличающиеся элементом фантазии или мышления. Возможно сочетание факторов.

Просматривается задача соотнесения содержания сновидений (информационный аспект анализа) с определенной типологией людей³¹. Было бы интересно, например, выявить устойчивую специфику сновидений для известных типологий личности: экстравертов-интравертов и экстерналов-интерналов (внешняя или внутренняя пространственность). По энергетическому аспекту (статика — динамика) следует коснуться макрокультурных различий в системе координат «Восток-Запад»³². Следует также глубже изучить типологию дифференциации снов по временной перспективе-ретроспективе.

Итак, главная проблема заключается в познании многофакторности порождения сновидений в контексте интегративной деятельности «сущностного Я» — этого системообразующего фактора всех обозначенных источников сновидений, включая метафизические положительные и отрицательные влияния.

Необходимым аспектом изучения сновидений являются *правила* их интерпретации, выступающие неким ключом к толкованию снов [124, с. 60–61; 213].

Необходимо изучить весь сон без упущений (Фрейд говорил о значимости деталей сна). Сны, запомнившиеся *не целиком*, серьезному толкованию не подлежат. В анализе образов полезно подробно описать, *что/кого* человек видит во сне, в *какой роли* персонажи выступают, какова обстановка (контекст ситуации), и взаимодействия лиц. Необходимо выяснять, *куда* и *на кого* направлены действие во сне, какова субъективная выгода сюжета, а также *зачем* это нужно и

³¹ В дополнение к обозначенным ранее типам сновидений укажем на следующие [163, с. 177–179]. *Великое сновидение* отражает все основные события жизни сновидящего вместе с положительными жизненными перспективами. *Интуитивное сновидение* открывает информацию о чем-то. *Компенсаторное сновидение* представляет некую такую точку зрения, которая противоречит мировоззрению человека. *Осознаваемые сновидения* дают человеку осознание того, что он спит. *Поучающие сновидения* помогают человеку учиться новому. *Усиливающие сновидения* делают определенные жизненные ситуации или отношения очевидными для сновидящего. *Экспрессивные сновидения* дают возможность пережить невозможное в реальной жизни. Эту информацию можно использовать для детализации представлений о блоках, уровнях интерпретации сновидений, а также при их классификации.

³² В аюрведической медицине, например, различают типы людей: «вата», «питта» и «кафа». Во сне «вата» часто испытывает страх, прыгает, летает, «питта» злится, видит огонь; «кафе» же снятся водная стихия, любовные истории.

почему все это происходит. При интерпретации сложных снов можно выделять в них основные элементы и толковать их по отдельности, но в контексте целостной ситуации.

Учитывать «принцип противоположности» в трактовке: *все благоприятное становится неблагоприятным, если используется не по назначению*. Принцип проявляется и в том, что неприятные роли могут отдаваться близкому человеку (руками друга убивается враг). Все увиденное во сне *в соответствии* с природой, законом, обычаем, временами года — благоприятно, а все противоречащее — вредоносно.

Не следует «залипать» на интерпретации каждого сновидения «во что бы то ни стало». Следует отложить интерпретацию, понимание может придти впоследствии, часто *спонтанно*. Любая интерпретация-гипотеза, со временем может углубиться или уйти. Образная сфера человека как бы исправляет ошибку толкования, посылая проясняющие образы. Человек должен быть просто готов к осознанию содержания сновидений, просматривая «образные послания» с точки зрения неадекватной бесполезной и деструктивной информации. Важно хотеть получить истинное значение образного послания, даже если оно в чем-то ожидается неприятным.

Не следует забывать возможность *интуитивного толкования*, которая является не менее значимой, чем соответствие некой «правильной интерпретации» на основе значений символов.

6.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМЫ

Использование образной сферы человека в прикладной психологии личности, в частности, в психодиагностике, в психологической коррекции и психотерапии чрезвычайно широко. Имагопрактика показала себя эффективной в семейной терапии, в работе с малыми группами, в профессиональной подготовке, в коррекции правонарушений, в избавлении от вредных привычек и патологических наклонностей, в обучении лиц с задержкой в развитии и нетрудоспособных, и др. [408; 409; 439].

Практически все психокоррекционные направления используют образную сферу человека, особенности же апелляции к ней различаются. Наиболее известными областями применения опоры на образы являются психоанализ, рассматривающий их в качестве «оформителя» жизненного опыта, а также средства в борьбе с психологическими защитами, и аналитическая психология, фокусирующаяся преимущественно на роли архаических пластов психики в порождении образов. Поведенческая терапия специализируется на коррекции образов ситуаций, мешающих человеку. Образы, например, оказываются весьма эффективными для уменьшения тревожности и страхов, снижения чувства неполноценности. Например, техника десенситизации заключается в ослаблении страхов посредством воображения «страшной ситуации» при постепенном увеличении интенсивности «пугающих образов», что позволяет людям привыкать к такого рода образам. Используется также представление позитивного результата некой фобической сцены или отвлечение от нее внимания посредством визуализации ассоциированных с ним ситуаций. Существует и так называемая имплозивная терапия, использующая шоковую терапию

образами. Гештальт-подход акцентирует воспроизведение в образах эмоциональных ситуаций, как если бы они присутствовали в настоящем. «Здесь и теперь» является отправной точкой для понимания потока образов. Высвобождение именно в ней «энергии образа» помогает нахождению выпадающих областей осознания. В НЛП типично «мысленное путешествие» человека по своей жизни в поиске заблокированных положительных чувств (например, до начала неких «трагических событий») и перенесение в настоящее и будущее. «Внутренний фильм» на эту тему можно прокручивать в любом направлении. Интерес представляет психодиагностический потенциал субъективных измерений образов, мысленная коммуникация человека со значимыми людьми из своего прошлого или с «частями своей личности», прием совмещения образов, учет сенсорных качеств репрезентативной системы конкретного человека (человеку кинестетического типа, например, не следует говорить «Я вижу вашу проблему»). Однако в целом НЛП подход представляется достаточно манипулятивным (сами создатели признавали таинственность его воздействия [4, с. 49]. Достижения использования образов в психологической коррекции хорошо аккумулированы в *психоимагинативной терапии* [408; 409; 442], базирующейся на концепции Салливена, направленной на поиск и оживления как можно более широкого диапазона образного опыта. Используется широкий набор имаготехник, например: а) образы заданных сцен; б) манипулирование символическими образами; в) решение проблем в воображаемых ситуациях; г) анализ спонтанных образов, выявляющих нужную информацию. Анализ 2500 «воображаемых ситуаций» выявил основные классы образов, например, представления о себе, образы тела, образы родителей, образы в связи с конфликтами или со стилями психологических защит и др. Следует отметить также и *кататимно-имагинативный подход* [140], подчеркивающий эмоциональное переживание образа. Подход, в частности, предлагает некие образы-темы для диагностики личностных особенностей, например, «луг», «ручей», «гора», «дом», «опушка леса». Также проводится работа с символическими «внутренними персонажами» (поэтому о кататимно-имагинативном подходе говорится и как о «символдраме»). Кататимно-имагинативная работа с образом, по свидетельству ее сторонников, является техникой для лечения неврозов (особенно неврастения, депрессии, навязчивых состояний; данный подход, однако, нельзя использовать в психотических состояниях). «Глубинных изысканий» поэтому делать не следует, тем более что не затронут уровень экзистенциальных

проблем¹. Актуализации неосознаваемого материала в образы помогает *арт-терапия*, использующая символические образы в рисовании, лепке и др. [409]².

Существуют различные названия, отражающие систему имагопрактики в подходах авторов, например, Creative Imagery (John Pehrson), Creative visualization (Shakti Gavain). Однако, несмотря на то, что практически все психокоррекционные школы используют работу с образами, *единый обобщающий подход отсутствует*. Недостаточно исследований по определению дублирования и взаимодополняемости, рамок применимости, достоинств, психодиагностической и психокоррекционной силы существующих частных вариантов работы с образной сферой личности. Решать проблему создания унифицированной системы имагопрактики еще предстоит. По-прежнему перспективной задачей выступает разработка системы имагокоррекционных моделей — набора имаготехник для компенсации конкретных психологических проблем человека.

О психодиагностическом аспекте имагопрактики

Образы помогают понять взаимодействие внешних и внутренних факторов, влияющих на личность, что облегчает понимание ее субъективного мира как испытуемым, так и психологом, с ним работающим. Оба лучше понимают имеющиеся проблемы. При работе с образной сферой личности можно найти блоки самопознания и раскрытия творческого потенциала человека, а также деструктивные программы

¹ Эффективно совместное представление образов в группе. Например, в имагоэтиде «Джунгли» люди представляют себя различными животными. Считается, что это позволяет выразить инстинктивные желания, отрицательные эмоции (например, агрессивные), которые человек может позволить себе лишь под маской животного. Для работы с конфликтом в паре полезным оказывается «сходить друг к другу в гости» и «посмотреть, кто как живет». Социально-психологический потенциал ряда других этюдов («Побег из тюрьмы», «Карнавал») очевиден.

² «Визуальные искусства» оказались эффективными для решения проблем «виктимной личности», ибо образы помогают «жертве» понять, что она сама спровоцировала травматическую ситуацию (например, особенности терапии травмы изнасилования [409]). Арт-терапия усиливает внутреннюю поддержку (виктимная личность зависима). Известным приемом арт-терапии является создание воображаемых юмористических ситуаций.

поведения и стереотипы восприятия³. Образы показывают особенности поведения и общения, систему мотивов и потребностей, структуру образа Я и др. Например, при излишней яркости и навязчивости тревожащих воспоминаний, фантазий или, наоборот, при обедненности внутреннего мира образами надо найти связь этих феноменов с чем-то в себе. Вспомним и о роли эмоционального сопровождения образного опыта, помогающего интуитивно интерпретировать личностно значимые символические и мифологические образы.

Образы — не только каналы трансляции всей этой информации, но и организующий ее фактор. Главное преимущество имагопрактики заключается в том, что образы способны обходить психологические защиты. Это преимущество усиливается тем, что в довербальный период индивидуальный опыт кодируется в образной форме. Потому работа с образами в целом адекватнее, чем другие подходы, способна отразить неосознаваемые сферы. Некая глубинная проблема человека проецируется на разные образы, появляясь в разных обличьях. В этом смысле можно сказать, что образ обмануть нельзя. Человек, работающий со своей образной сферой, убеждается, что в образном опыте он сталкивается с символическим отображением чего-то постоянного в себе. Поэтому изучение репрезентации психологических защит является важнейшим аспектом имагопрактики, позволяющим лучше понять, как строится иллюзорная картина мира, неадекватное поведение и планы.

Напомним, что образные события внутреннего мира появляются не без влияния защитных механизмов. Это и помогает разобраться в их своеобразии. Образы могут показать, например, тенденцию к самонаказанию. Открытие же ее в воспоминаниях, продолжающих, как известно, жить в настоящем, позволяет уменьшить влияние на поведение человека обнаруженной в образах ретрофлексивной агрессии⁴.

³ Фантазия, например, обладает и деструктивной компенсаторно-защитной функцией в том смысле, что в некоем воображаемом сценарии исполняются безнравственные желания.

⁴ Психоаналитические трактовки вызывают вопросы нравственного порядка. Уместно напомнить святоотеческое предупреждение об опасностях «обслуживания греха» в фантазии. Возьмем, например, мастурбацию как «сексуальную ретрофлексию» (по Перлсу). Воображение контакта с конкретным партнером является изнасилованием на уровне представлений — вещь запретная, особенно при сопровождающих фантазиях садистского содержания.

В фантазиях и воспоминаниях можно ясно видеть и невротическую *фиксацию* на некоем объекте, и личностно не ассимилированное принятие в себя внешнего поведения, переживания и т.д. на основе неадекватной идентификации — *интроекцию*. Особое значение имеет работа с *проекцией* — этим зеркалом для человека: поскольку то, что кажется верным в отношении окружающих людей, верно и по отношению к себе. Так, в себе можно найти все, что не нравится вокруг. Беспокоящие образы, несомненно, являются аспектами самой проецирующей личности. Постоянно происходящее «не вовремя» свидетельствует о неорганизованности субъекта такого восприятия времени. Если не нравятся люди противоположного пола, то это подсказка поработать с представленностью его черт в себе. Воспринимающий себя как отвергнутого, сам отвергает других. Поэтому визуализация того, кто отвергает, «разговор» с ним и выяснение отношений помогает установить границы фантазий. Многие «воспоминания» иллюзорны; это проекции в ситуации детства. Прекрасным полигоном для проецирования являются сновидения. Ночные кошмары — это проецирование агрессии. Проецируются и положительные качества — все, что человек находит добрым, привлекательным и т.д. в своем образном опыте. Интересно, что «светлые стороны» проекции осознаются труднее. Уместно напомнить о рамках «адекватного проецирования», чтобы не потерять объективность восприятия. Понятно, что полезным в осознании проекций является работа с «внутренними персонажами».

Говоря о факторе психологических защит в имагопрактике, подчеркнем значимость анализа того, что *мешает* формированию образов на определенную тему. Что это: страх, отвращение, что-то иное? Возникающие при визуализации страхи могут являться показателями истинности желания (инверсии мотива). Особенности психологических защит раскрываются также через поиск противоположных смыслов в интерпретации образов. Истинные желания обнаруживаются также в борьбе фантазий со скукой. Особое значение в преодолении психологических защит приобретают *символические образы*. Они, символически удовлетворяя желания, могут выражать неотложные, но скрытых от осознания идеи. В то же время символические образы появляются и как результат избегания осознания неприятного. Это объясняет, почему внутренний мир человека может наполняться образами тревожного содержания. Образная сфера личности хорошо символически отражает подсознательные психодинамические «паттерны контроля» [404; 409]. В частности, саморегуляция на уровне образов может быть идентична материнскому контролю (т.е. не-

осознанно соотноситься человеком с представлениями о мире его матери).

Для ослабления защитных механизмов человеку обычно предлагается следовать за потоком образов, как бы просматривая некий «фильм». При этом, в частности, возрастает значимость образов-воспоминаний. Например, человеку, страдающему от чувства вины за не любовь к отцу в детстве, образы могут подсказать детали, помогающие переосмыслить отношение к родителю. Отметим также, что образы памяти, особенно искаженного содержания, могут обслуживать неосознаваемый жизненный сценарий. Другим приемом для ослабления психологических защит является, наоборот, фокусирование на образе или любой его части. Наконец, специалисты отмечают особую полезность «делания чего-то» в воображаемой ситуации.

Образы могут сопротивляться произвольным изменениям. Трудности создания образов и их переключения, исчезновение образа или его бледность и расплывчатость, невозможность интерпретации и другие моменты имагопрактики имеют объективную причину в биографии человека. Поскольку образы способны в позитивном смысле защищать человека от травмирующих воспоминаний или фантазий (т.е. одни образы защищают от более травмирующих), не следует взламывать защитные механизмы. Препятствием осознанию могут служить и некие другие «охранительные силы» в человеке, которые могут закрыть определенную информацию, осознание которой в данный момент было бы человеку «не во благо». Задача имагопрактики поэтому заключается в нахождении неких «компромиссных образов», мягко подводящих внутренний мир личности к раскрытию своих тайн и изменению. Поскольку конкретные виды сопротивлений чаще всего являются следствиями подавленных переживаний, обычно рекомендуется на фоне самопринятия и любви к «истинному Я» одновременно с осознанием готовности избавиться от разрушительных эмоций и отрицательных сторон личности найти способ «мягко пережить» заблокированную эмоцию. Эта постепенность очень важна и потому, что преодолению психологических защит мешает заниженная самооценка («что хорошего я могу узнать о себе»). Следует помнить и о том, что образы могут извлечь сильные эмоции по отношению к предполагаемому источнику проблемы.

Перейдем к другому важному аспекту имагопрактики — рассмотрению образов как средств углубления взаимопонимания между психологом/психотерапевтом и его клиентом. Так, в их общении акцентируется, как правило, их недирективное взаимодействие, в котором

подчеркивается значение согласованности субъективных систем значений. Это хорошо показано на примере совместной интерпретации образного опыта. Образы рассматриваются также и как средство интеграции психологом собственного внутреннего опыта [409]. Его способность к созданию и дифференциации образов чрезвычайно важна для понимания человека, с которым он работает. Поймет ли, например, психолог внутренний мир музыканта без слуховых образов и музыкальной сензитивности? Очень важен образ терапевта в глазах клиента [408].

Трансформация образов в процессе имагопрактики может быть индикатором происходящих изменений — образ способен выступить в роли обратной связи. Поэтому образы помогают найти нужное в коррекционном процессе в каждый данный момент времени. Значима и возможность проигрывать варианты: человек всегда может создать иное образное решение. Образы-индикаторы возникают спонтанно, но можно искать их и произвольно (например, изменения образа домашней ситуации говорит о внутреннем изменении в процессе коррекции семейных отношений). Часто это бывает некомфортный или необычный образ, связанный с доминирующей темой в содержании снов и фантазий.

Психодиагностический аспект имагопрактики также хорошо иллюстрируется наличием личностных коррелятов параметров образной сферы личности, а также особенностями пространственно-временной организации «внутреннего экрана».

2.2. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Имагопрактика многопланова и включает в себя [178] следующие основные элементы, которые в зависимости от решаемой задачи имеют различную значимость и по-разному освещаются в литературе.

Определение целей и задач работы. Человек должен четко осознавать, *какая* конкретно область в себе и в своей жизни и *для чего* привлекается к работе с образной сферой. Хочет ли человек понять, в чем его главная проблема, или уяснить значимые жизненные цели, конкретные актуальные вопросы на данный момент? Хочет ли узнать новое о себе или получить подсказку о поведении с окружающими, или он мечтает что-то исправить в своих взаимоотношениях с кем-то? Уяснению этого помогает определение «областей интереса»: «отноше-

ния с людьми» (родственниками, друзьями и врагами)», «дела на работе (учебе)», «состояние здоровья», «самопознание и личностный рост». Осознание того, что именно в данных областях хочется узнать, позволит формулировать конкретные вопросы. Эффективнее работать со *значимыми* целями и ситуациями, ибо позитивный результат усилит доверие к имагопрактике. Если работа идет с акцентом, например, на познании жизненной ситуации или на самопознание в каком-то аспекте, то сформулировать четкий вопрос просто необходимо. Неясные и недостаточно значимые вопросы предполагают двусмысленные ответы. Важно оценить, не является ли вопрос смесью разных вопросов (тогда необходимо разделить его на составляющие). Начинать надо с вопросов, на которые с опорой на образную подсказку можно ответить «да» или «нет»⁵. В то же время для «обобщенного просмотра проблемы» допустимы и общие вопросы. Необходимо учитывать стремление людей к реализации ложных целей, не отражающих потребностей «сущностного Я». Также существует проблема иллюзорной уверенности человека в наличии ответа на некий вопрос, ибо она, проецируясь в образы, способна получить «подтверждение». Образы могут показывать и путь к цели. Ожидать таковых не рекомендуется, но и исключать такую возможность не следует.

Регулирование психофизиологического состояния. Поскольку вторичные образы эффективны в психической регуляции/саморегуляции психических состояний, они включены практически во все соответствующие этим целям методы (например, в АТ). Роль образной сферы личности в саморегуляции обычно сводится к: а) участию в выработке состояний релаксации;⁶ б) обучению самовоздействию на организм; в) овладению приемами коррекции негативных психических состояний и развития способности создавать желаемые состояния, например, настроения или жизненного тонуса.

⁵ Можно, в частности, представить два термометра или два цветка и посмотреть, какой из столбиков поднялся выше или какой из цветков увял. Для оценки приоритетов можно представить, что им соответствуют некие фигуры, визуализация размера которых и поможет ранжированию [428]. Можно использовать эмоциональный критерий приятности образа. Например, какой из двух воображаемых предметов, символизирующих вопросы, больше нравится.

⁶ Снижение уровня бодрствования с ослаблением защитных механизмов, повышает чувствительность к внутренним сигналам и, соответственно, усиливает трансляцию неосознаваемых областей психики в образы.

Имагопрактику следует проводить на фоне спокойного состояния с одновременной концентрацией на задаче⁷. Общее требование заключается в том, что человек, закрыв глаза, расслабляется телесно и психически. Оптимальным считается удерживание сознания на границе между дремой и бодрствованием. Это задает состояние одновременной релаксированности и сконцентрированности на задаче [192]. В то же время, в имагопрактике следует учитывать существование поз тела, связанных с различными аспектами внутренней работы [376]: *Положение сидя* дает доступ к «внутренней мудрости» (это позы типа «лотоса», коленопреклоненная поза христианской молитвы, сидение на стуле). *Положение стоя* открывает качества «внутреннего воина» («крепость стояния на ногах» в любой ситуации, не сдаваясь и не уклоняясь). *Положение лежа* помогает «внутреннему целителю». Движение раскрывает «внутреннее творческое начало», способствующее спонтанному решению проблем, интуитивным озарениям.

Очень важно обретение чувства защиты от любых отрицательных воздействий на основе, в частности, установки на то, что через образы придет только *полезная* информация от «истинного Я». Работа с образом не должна выходить за рамки внутренней комфортности (самопринуждение не полезно). Значимый аспект требуемого состояния заключается в готовности при столкновении с пугающими образами не паниковать (однако быть готовым к появлению сопротивлений). Надо спрашивать свое «истинное Я» об источнике проблемы и причине негативного опыта, принимая ответственность за них. При сильных отрицательных переживаниях имагопрактику надо приостановить [192].

Для усиления релаксации используются *словесные формулы самовнушения* (так называемые аффирмации). Заметим, однако, что они могут выступить фактором самогипноза с опасностью открытости к информационным, духовно-экологическим и метафизическим воздействиям, а также быть использованы для более прямого психоманипулирования внешним словом со стороны психолога⁸.

⁷ Это достигалось установкой на серьезную внутреннюю работу. Специальные приемы, вводящие человека в глубокую релаксацию, осуществлять не следует.

⁸ Распространенным является и применение мантр из восточных психотехник. Но надо учитывать ряд моментов. В частности, работая с мантрой «ОМ», нельзя просить о чем-нибудь «заземленном» [330], как это обычно происходит в школах коммерческой духовности. Ограничения использо-

Имагопрактика часто осуществляется в некоем воображаемом «*Внутреннем Убежище/Храме*», символизирующем «глубинные пространства» внутреннего мира, где пребывает «истинное Я» [118]. Оно может быть любым (по виду, форме, размеру и др. параметрам), размещаться в некоем прекрасном уголке природы, иметь все, что человеку кажется необходимым для его личностного развития, для решения проблем (об этом, однако, рекомендуется подумать специально, сознавая проблему искусственных потребностей)⁹.

Настройка на образные события. В работе с образной сферой человек должен выйти из-под воздействия суеверия и сформировать установку на приход образов в сознание. Методическим требованием обычно выступает *остановка рефлексивности сознания* (в меру возможности), т.е. внутренних монологов, диалогов, «многосторонних переговоров», которые, как правило, связаны с оценочными суждениями (о мире, людях, себе). Существуют психотехники, помогающие решению данной проблемы. Простейшим, например, является совет на время забыть повседневные заботы, пообещав себе вернуться к ним после занятий. Добиться «внутренней тишины», однако нелегко, поскольку сам человек не хочет вслушиваться в себя, неосознанно боясь узнать о своих проблемах [422].

В имагопрактике образный поток функционирует в двух основных режимах.

1. **Отслеживание произвольных образов.** Люди, начинающие имагопрактику, обычно имеют тенденцию к цензуре потока образов. Главное же преимущество работы с образной сферой — включенность

вания мантр связаны и с фактором иной «языковой среды». Неточности в вибрационных характеристиках произносимой мантры могут оказывать разрушающее воздействие [182]. Используются также различные «очищающие имагоприемы», в частности, в работе с *цветом*. Цвет рассматривается как атрибут духовной реальности, выражающий некое ее качество и связанный с определенными психическими особенностями человека. Обычно представляется прохождение света через тело человека. Наша позиция строится на том, что в силу сложности задействованных механизмов делать специальные манипуляции с цветом (особенно манипуляции сложные [238]) не следует.

⁹ Обязательными должны были быть следующие компоненты: 1) главная комната/зал, 2) рабочий кабинет с системой связи с миром, 3) кино- видеозал с экраном, 4) апартаменты для гостей, 5) уютные уголки (например, зимний сад, зоопарк с любимыми растениями и животными) и др. Описание некоторых иллюстраций имагопрактики в разделе 6.2 предполагает проведение работы во «Внутреннем Убежище».

интуиции — породило методическое требование: *позволить образным событиям состояться*. Ответ на сформулированный человеком вопрос может прийти разными путями, как правило, через символический образ. Поэтому полезным считается всякое образное событие: информативно само переживание образа. Часто наиболее важными являются именно неожиданные, первые пришедшие образы. К встрече с ними человек должен быть готов. Он должен оставаться спокойным, отслеживая содержание потока образов без преднамеренной их интерпретации и ожиданий, фиксируя опыт. Однако надо быть готовым принять «образное послание», которое может быть откровенным и показать, *что и как* человек неосознанно думает и чувствует. По мнению специалистов, следует обращаться к «высшему Я» (например, к «внутренним персонажам», которые защищают человека) с целью, с одной стороны, *помощи* в анализе образного потока для лучшей осознаваемости получаемой информации, и, с другой — *защиты* от «бесполезно-иллюзорных» образов, от деструктивных влияний. Иными словами, совет заключается в просьбе к «высшему Я» проконтролировать *использование образного канала лишь во благо*. Даже простая уверенность в том, что человек внутренне отрицает всякое деструктивное влияние образов, является определенной защитой, способствующей к тому же лучшему их пониманию.

Итак, общее методическое требование сводится к тому, что не следует позволять образам ускользать, не передав «послания», но нельзя попадаться в ловушку видений. Следует помнить, что чем больше человек отождествляется с образами, тем большим влиянием — как положительным, так и отрицательным — они потенциально обладают. Поэтому существует принцип: *пусть образы приходят и уходят*. Данный принцип означает, что, с одной стороны, образов не нужно бояться, но, с другой, — нельзя на них фиксироваться. Иными словами, человек внимает тому, что приходит в его сознании «здесь и сейчас», появляющиеся образы принимает к сведению и провожает или прогоняет их волевым усилием в случае желания задержаться в сознании. Задержка внимания на образе актуализирует взаимодействие с ним, что может привести к отрицательным моментам. «Залипание» на образе, «смакование» видений разрушительно, особенно если речь идет об образах гневливо-агрессивно-враждебного, сексуально-похотливого и иного негативного с нравственной точки зрения содержания (эффективный прием для смены образов при «залипании» на какой-то из них — «щелчок пальцами»). Опять подчеркнем, что в оценке образного опыта речь не идет о моральной позиции психолога, осуществля-

ющего имагопрактику. Оценку дает нравственный контекст. Сказанное не исключает возможности целенаправленной работы с образами названного содержания, вызванными нерешенными личностными проблемами или жизненными ситуациями. Иначе говоря, когда речь идет о предметной работе с образной сферой личности со специалистом, отбраковывания образов по причине их аморальности не подразумевается. Имагопрактика допустима с любым образом, но профессионально. Однако если имеется в виду текущий образный опыт в рассматриваемом режиме имагопрактики и тем более вне ее, высказанные предостережения справедливы.

2. Произвольное формирование образов. Данный режим имагопрактики определяется задаваемыми упражнениями. Общим требованием выступает формирование ярких образов — *образ должен быть четким, ясным, максимально детальным* (в зависимости от образной способности человека) — и фокусировка на образных событиях с идеей питания их энергией позитивного преобразования¹⁰. Для усиления эффекта используется значимая для человека универсальная символика, которая становится проводником силы для внутренних изменений [375]¹¹. Фокусирование же на любой детали образа может вызвать его изменение, высветить иные стороны, трансформировать содержание (например, животное превращается в соседа, невеста — в растение и т.п.), изменить эмоциональный фон имагопрактики. Хрестоматийный пример: представление строгого профессора в домашних условиях способно уменьшить стресс от предстоящего экзамена. В то же время образы могут *сопротивляться* произвольному созданию (не достигать, например, четкости) и изменению. В дополнение к сказанному о работе с сопротивлениями в имагопрактике добавим, что их преодолению способствует совмещение произвольного формирования образов на заданную тему и непроизвольного пассивно-внимательно-го следования за потоком возникающих образов по той же теме. В работе с сопротивлениями необходимо некоторое оптимальное время

¹⁰ Часто используется образ «любви» и «света», которые человек посылает в ситуацию, всему тому, что заботит и от чего он хочет избавиться или что хочет изменить.

¹¹ Здесь, однако, надо подчеркнуть то, что есть символы, которые используются в демонических и сатанинских культах. Поэтому выбор символа чреват подключением человека к метафизическим «темным силам», превращением человека в канал воздействия через него на всех, находящихся в «поле взаимодействия» данного человека.

пребывать в содержании образа (без залипания на образе и без бегства от него), пытаясь понять и прочувствовать опыт. Для тренировки создания яркого и контролируемого образного потока существует совет вспомнить приятную ситуацию из недавнего прошлого и пережить ее вновь, воспроизводя детали (например, интерьер театра). Хороший объект — прекрасный уголок природы. При отсутствии наглядности образа можно полагаться на детальное вербальное его описание.

Рефлексия опыта, его интерпретация и анализ являются центральными моментами в работе с образной сферой личности. В дополнение к уже рассмотренному укажем на следующие моменты. Прежде всего люди могут как-то оценивать свой образный опыт. Поэтому считается, что человек не должен бояться неправильной самоинтерпретации. «Истинное Я» или другие «внутренние персонажи» способны в принципе понимать образы на интуитивном уровне¹² и перепроверять образные инсайты в плане подстраховки. Практика повышает эту способность. Значимым в понимании образов является эмоциональный критерий. Обычно считается, что правильную интерпретацию образов (правильный выбор на их основе) сопровождает «легкое чувство». «Тяжелое чувство» свидетельствует «о непопадании в цель». В то же время, исходя из роли психологических защит, можно сказать и обратное: чем труднее интерпретация, тем более важная информация спрятана в образе («чувство легкости» — знак возможного пребывания в иллюзорности). И тогда «тяжелое чувство» может быть позитивным знаком следования в более правильном направлении самопознания (затронута некая значимая информация). При этом надо помнить и о положительном значении защитных механизмов осознания образного опыта. Поскольку «тяжелые чувства» могут быть сопротивлением как осознанию чего-то полезного, так и вхождению в информацию, деструктивную для человека, критерий «легкости и приятности образа» не является однозначным и его оценка возлагается на профессиональную интуицию психолога. Есть и специфические аспекты эмоционального критерия, например, некая особая сила переживания образного опыта при подключении к «энергии коллективного бессознательного» [376].

¹² К данной позиции феноменологически-герменевтического подхода близка точка зрения С. Каплан-Уильямса, который в работе со сновидениями отстраняется от их интерпретации на основе фиксированных значений символов, — подхода, позволяющего человеку проецировать свои рациональные объяснения в толковании символики образов.

Интуитивному пониманию образа помогают следующие моменты: *Использование словесных ассоциаций* (по Фрейд), собирание их *вокруг центрального символа* (Юнг показал, что образы проявляют некий центральный образ). *Диалог с образами* (его компонентами) как с «внутренними персонажами». *Отожествление с образом* — анализ переживаний от его компонентов. *Построение предположений* а) о значении образа в целом, б) о конкретной цели, которой образ служат, в) о наличии лично значимых деталей, г) о том, что образ сообщает человеку, если его элементы означают то-то и то-то). *Выделение основной темы. Определение своей роли* в содержании образа. Для прояснения указанной двойственности эмоционального критерия полезно обращать большее внимание как на общее чувство «близости» образа, так и на реакции на его детали (что конкретно привлекает или не нравится). Можно встретить совет попросить «высшее Я», чтобы понимание образа пришло в сновидении.

Систематичность занятий. Непрерывность анализа образных событий структурирует образный опыт, углубляет ответы на весь спектр имеющихся у человека вопросов. Имагопрактика ставит также вопрос об *использовании* получаемого опыта.

2.3. НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Образный опыт достаточно капризен, и потому для конструктивного функционирования образной сферы человека «дисциплинирующих» психотехник недостаточно. Чтобы образ стал истинным «внутренним учителем», добрым советником-подсказчиком, необходимо, чтобы человек — субъект образного опыта — был подчинен не только психологическим, но и нравственным принципам. При постулировании таких принципов возникают теоретико-методологические проблемы, которые вынуждают обратиться к междисциплинарным и культурологическим знаниям. В этой связи в качестве одного из ракурсов рассмотрения имагопрактики была взята православно-христианская традиция, которая помогает прочувствовать сложность работы с образной сферой личности именно с духовно-нравственной точки зрения. В частности, она подсказывает, что акцент современных школ личностного роста на раскрепощение искаженного состояния нецелостной (искаженной страстями) человеческой

природы (считающейся, однако, «естественным») таит в себе опасность незаметного для людей ухода от нравственных законов человеческого бытия

Признание «высшего начала» и принцип любви

Ведущая роль неких высших духовных начал в жизни людей очевидна. У. Джемс, например говорил, что высшие планы человеческого сознания приводят к притоку духовной энергии, которая изменяет не только человека, но и окружающий его мир. Нет культуры, у которой не было бы осознания существования чего-то «абсолютного», «божественного». Духовный опыт человечества неразрывно связан с попытками людей отразить и понять нечто «высшее», присутствующее в их жизни, и выразить этот опыт в простых народных верованиях, в философско-религиозных системах (хотя бы на интуитивном уровне). Духовное наследие в различных религиозно-философских воззрениях в принципе можно свести к мысли о том, что цель жизни человека заключается в нахождении «божественного в себе». При этом мысли о Боге в какой-то конкретной форме — *глубоко интимное* дело каждого. Так, для одних людей доказательством бытия Бога является существование человека (Н. Бердяев). Атеисты могут согласиться, что «божественное» — это некие абсолютные ценности, такие, как «добро», «красота», «любовь», «справедливость» и т.п., которые должны реализовываться в жизни людей. Имперсональный мистик говорит о том, что он непосредственно переживает эти ценности. Христианин стремится к личностному богообщению.

Вера в высшую реальность связывает человека с тем, что может быть названо *«Вселенским Нравственным Законом»*. Человек чувствует в душе этот закон через совесть и предполагает существование того же закона в других людях. Эту непреложность законов духовного мира — «высших и абсолютных установлений», «богоустановленных устоев бытия» — человечество пытается понять уже много тысяч лет. Еще Гераклит указывал, что все *человеческие законы питаются единым божественным законом*. Во все времена существовало религиозное убеждение человека в наличии неких ненарушимых законов жизни. История подтверждает существование закономерностей, которые человек не может нарушать безнаказанно (хотя кара может быть отсрочена; показательна судьба коммунизма в мире). Люди и народы

должны разобраться, каковы «правила Вселенной», и уметь согласовываться с ними (Карлейль).

Для отечественной психологии при соприкосновении с кругом затронутых вопросов полезной была бы **большая** соотнесенность с русской религиозной философией. С.Л. Франк [339], например, подчеркивает, что *сущность* общественной жизни имеет нравственный характер — подчиненность «должному» не как социальному требованию, а выражению неразрывного единства Бога и сущности человека. Человек в глубине сердца соприкасается с абсолютной божественной реальностью, которая в своем действии на жизнь людей предстает как *нравственное начало*. В этом понимании нравственность перестает быть как внешним социальным законом, так и внутренним его исполнением из уважения или страха перед «должным». Нравственный закон признается *свободно*.

Компонентом принципа «признания высшего начала» является проблема **добра и зла**. И.А. Ильин, например, подчеркивал, что добро есть одухотворенная любовь, любящая сила духа, оно состоит в зрячей и целостной преданности Божественному. Зло же является противоположной враждой, силой ненависти; оно состоит в слепой, разлагающейся отвращенности от Божественного [162, с. 19]. Многие решения проблемы добра и зла имеют под собой представление о единстве и взаимосвязи противоположностей (принцип космической раздвоенности — *диакосмеза* Гераклита). Другой исходной мировоззренческой позицией является библейско-христианская традиция: все, сотворенное Богом, совершенно и прекрасно, является добром по своей сущности. Зло не имеет *предвечно бытия*, а является извращением нравственных законов Вселенной на основе свободы воли сотворенных Богом разумных существ¹³, уклонением их от своего исходного естественного состояния, противлением божественному бытию. Но в нашем уклонившемся от следования духовным законам мире зло существует онтологически. Поэтому-то ему необходимо подчеркнуть свою *относительность*, представить себя как «ценное средство», помогающее достигать «светлых целей». Идея о стремлении «темных сил» замаскироваться была хорошо известна в христианском богословии. И временной победой силы зла, как говорят святые отцы, надо признать именно то, что многим поколениям людей она внушила, будто

¹³ Ангелов, часть которых отпала от Творца, став бесами, и человека, сотворенного для восполнения ангельского мира.

ее нет. Удалив сатану из религии, указывает И.А. Ильин, «просвещенное» человечество объявило его несуществующим, но стало культивировать «демонизм» в искусстве, философии, морали, политике, «пока не обрело зрелого сатанизма» [162, с. 368].

Проблема добра и зла нравственно-психологически неотделима от проблемы совести. Не случайно слово «religio» (*лат.*) в одном из своих значений — «совестливость». Опираясь на обобщенное знание, накопленное человечеством, совесть можно рассматривать как некое сущностное нравственно-психологическое качество в функции высшего регулятора поведения людей, как неотъемлемое свойство истинной духовной природы человека. Это позволяет видеть в совести доказательство бытия Бога в душе человека (Достоевский)¹⁴. В этом смысле совесть — некое врожденное личностное измерение. Ввиду укорененности совести в духовной природе человека, психологии в перспективе уместно воспользоваться идеями в русле теологических описаний предмета [304а]. В частности, полезной метафорой может выступить представление о таких состояниях совести, как «спящая совесть» или даже «сожженная совесть» (1 Тим. 4:2), идея сравнения совести с компасом, указывающим человеку духовный путь, выступающим нравственным индикатором, необходимым для самопознания. Большая опасность для человека (она же трудность для психологии в изучении совести) заключается в подмене содержания понятия совести как «нравственного голоса» в человеке представлением о соответствии культурным нормам, стандартам или даже просто корпоративной этике. Подмена «чувства совести», несомненно, усиливается происходящей релятивизацией представлений о добре и зле, размытием нравственных основ человеческого общежития.

Рассмотрение **принципа любви** прямо вытекает из предыдущего разговора. Духовный опыт человечества позволяет рассматривать принцип любви не как отвлеченную моральную норму, а как основополагающий принцип отношения человека к миру, к жизни, к Богу, как некий универсальный закон онтологического единства всего сущего — Вселенский Закон, который человечество должно познать и воплотить¹⁵. Любовь человека к миру и людям — основной источник

¹⁴ У человека отсутствует генетическая программа «не убий себе подобного», которая есть у многих видов животных, ибо она заменена на нравственную.

¹⁵ Уже в неживой природе существуют силы притяжения-отталкивания. Тот, кто знаком с «царством минералов», прекрасно чувствует это. У животных мы отчетливо видим проявление симпатий-антипатий (есть аналоги

духовного очищения человека и мира, показатель достигнутой степени духовности. Только преображающий принцип любви делает человека человеком. Каждое проявление любви разбивает панцирь эгоизма, разрушает отчужденность от мира.

Раскрытие принципа любви ставит бескомпромиссный вопрос о ее наличии у тех, кто претендует на обладание ею. Надо отметить, например, что в святоотеческом учении о любви она находится

и в растительном царстве). Человек рождает сложнейшую гамму данного чувства: от низменной эгоистической страсти или эгоистического наслаждения, от «потребления любимого» через невротическую привязанность (например, на основе страха утраты объекта любви), и рабское самоуничтожение до преодоления любых корыстных отношений и восприятия безусловной ценности любимого, до взаимной очищающей жертвенности обоих. Все богатство философского осмысления *сущности* любви сводится к тому, что она есть осознание подлинности и бесконечной глубины души другого человека, самоотдача любимому, пребывание в нем, исчезновение и замена «замкнутого самобытия» на «жизнь для другого» и, как результат, — парадоксальное обретение себя через потерю в другом. Главным в переживании такой истинной любви является чувство благодати от самоотдания. Это святое чувство ничего не требует взамен, ибо оно — безграничная полнота. Человек осознает и переживает волнующий опыт: *жизнь — это любовь, а любовь — это жизнь*. Такое понимание открывает истинный смысл бытия и раскрывает душу, созданную по образу (человеческая любовь является частичкой любви божественной) и подобию (любовь созидает и творит мир) Божьему, давая душе крылья для перелета в «горный мир». Любовь поэтому является главным благом, самым большим подарком Создателя детям своим.

Можно говорить о различных проявлениях любви: о эротической низшей плотской любви, о любви к семье (сторге), о любви к какому-то занятию при обладании к нему выраженной способностью (харис). Можно говорить о любви как о дружбе и братолюбии. Высшей степенью любви выступает любовь всеобъемлющая, всепрощающая и жертвенная (агаппе). Она — действие божественной любви в человеке и потому не приходит по человеческому хотению. Но в душе каждого человека можно найти аналог истинной любви. Для большинства это любовь к ребенку, к родителям, для многих — к родному человеку, друзьям и близким людям; для некоторых важна любовь к Природе, к своей стране. Кто-то переживает любовь как полное единение со своим «высшим Я», когда исчезают границы Эго и индивидуальный дух сливается с мирозданием. Есть люди, стремящиеся к переживанию именно Христовой любви, ибо Спаситель является не только абсолютной воплощенной Любовью, но и показывает путь обретения способности любить истинной высшей любовью и «душу положить за другого». *И если нет иного пути к Отцу Небесному, как только через Сына Его, значит, без Любви не войти нам в Царство Небесное* (см. 1 Кор. 13: 1-3).

на высшей ступени добродетелей. И именно это несопоставимо с пониманием любви в современном мире. Возникает большой и очень тонкий самообман нравственно не очистившегося человека¹⁶. И. А. Ильин видел трагедию человечества в невозможности любить всех людей, испытывать любовь к незнакомому человеку и призывал преодолевать все лицемерные заверения в обладании любовью к другим. Человек не может отменить разделение людей, но ему дано преодолевать его в духе, чтобы жить, «созерцая множество как живое духовное единство и действуя среди разделения в его смягчении» ([162, с. 436–438]. Каждому человеку следует беспристрастным образом рассмотреть, насколько его жизненные ценности соотносятся с *законом истинной любви*, в частности, с приверженностью известным принципам: *не причинять вреда другим, не проявлять над ними насилия, творить добро, не гордясь, быть сконцентрированным на помощи людям*.

Важным в реализации принципа любви является правильное **отношение к себе**. Доверие, и уважение к себе рассматриваются в психологии как основные компоненты самооценки. Психология личностного развития в целом исходит из того, что любовь к себе, самоуважение должны проявляться не в эгоистическом себялюбии, а в реальной любви к миру, к людям. Но этого понимания недостаточно, ибо каждый человек — уникальное Божье творение. Человек должен преобразиться в свою «высшую природу» и понять свое предназначение по промыслу Божьему. Любовь человека к себе должна быть любовью к своему «истинному Я» — индивидуальному выражению «высшего начала» в человеке. Именно такая любовь к себе помогает развить правильное отношение к миру, людям и самому себе. Кто не любит именно свое «высшее Я», обычно испытывает к миру враждебные чувства, а мир платит ему тем же. Надо как можно глубже сердцем прочувствовать евангельскую заповедь: *«Возлюби ближнего своего как самого себя»* и ощутить невозможность причинения вреда «божественному» в каждом из нас.

Известно, что неосознанные страхи, неадекватные сомнения в себе, невротический самоконтроль с неосознаваемой потребностью самому «быть под контролем» и мн. др. рожают неадекватную низкую

¹⁶ В различных «группах личностного роста» можно наблюдать, например, посылание «импульсов любви из правой руки» от одного участника к другому. Это похвальная интенция души, но она еще не есть реальность. И принимать одно за другое — значит впасть в иллюзию, затрудняющую человеку проработку своей искренности. Лукавое же не может быть духовным, по определению.

самооценку в ее разрушительной роли. Имея низкую самооценку, люди склонны заниматься вредным для духовного возрастания самоосуждением. Причем в этом вопросе все «свалено в кучу» как в головах людей, страдающих «атеистическим самоедством», так и психологов, призванных прояснить проблему и помочь, не повреждая «тонкие духовные аспекты» человека (например, в связи с осознанным или неосознанным раздуванием в нем гордыни неадекватной самоактуализации). Психология личности исходит из того, что все негативные моменты в формировании отрицательной самооценки подлежат устранению. Самоуважение развивается правильно, если человек, с одной стороны, принимает себя таким¹⁷, какой он есть на данный момент, однако, с другой, стремится видеть свои недостатки и недостойные поступки и делать конкретные шаги по их преодолению — принцип *принятия самих себя при ориентации на самосовершенствование*.

Важное условие формирования адекватного самоуважения — чувствование человеком тонкой грани между тем, что может быть названо *духовной силой* и *личной силой Эго*¹⁸. То, что субъективная и объективная личная сила может быть для людей коварным врагом, опасным замаскированностью мотивации, связью с гордыней, недостаточно освещается в психологической литературе. Существует реальная опасность возможности незаметного для себя переключения личной силы на подпитку Эго, на усиление гордыни, на осознанное или неосознанное манипулирование людьми в личных целях (вместо выстраивания «личной духовной вертикали»). Вседозволенность, наглость, «крутизна», которые позволяют порой силой и напором добиваться многого в этом мире, идя напролом и «по трупам», не следует путать с духовной стойкостью человека — силой, которая помогает личностному развитию,

¹⁷ Заметим, что в западных школах личностного развития возобладал принцип *«любви к себе таким, какой есть»*. Психологи исходят из того, что неумение человека принять себя является одной из причин неправильного самоуважения: поскольку принять себя с недостатками трудно, человек просто не желает их видеть [192, с. 68]. А это затрудняет обретение ориентации на *изменение себя к лучшему*, любовь к *потенциальному* духовному развитию. Подобная, на мой взгляд, неадекватная задачам реального духовного развития человека точка зрения понятна. Она не знакома с более глубоким пониманием «истинного Я» на основе православно-христианской антропологии, которой удастся соотнести «личностную статику несовершенства» и потенциальную динамику преодоления «ветхого» человека.

¹⁸ Именно обретение духовной силы является одним из самых привлекательных моментов для людей, вставших на путь личностного развития.

противостоит жизненным трудностям и которую поэтому нельзя уменьшать возвращением в себе ложного смирения, беспомощности, депрессивности и т.п.¹⁹ Понимание нравственной в своей основе духовной силы должно быть связано с глубоким осознанием ответственности за те выборы, которые человек делает, прежде всего между добром и злом, а также с решительностью и способностью идти к достижению истинных целей.

Отметим один важный аспект рассматриваемого круга вопросов. В процессе личностного роста (особенно при использовании техник «созидающей визуализации») созерцание желанного усиления некоего качества, имеющего смысл нравственных пороков из-за связи, например, с тщеславием, самолюбованием от «успехов» достижения и самоактуализации и пр., будет личностно-деструктивным. Позиция гуманистических направлений современной психотерапии такова: все качества личности следует не подавлять, а проявлять адекватно сложившейся ситуации. Эта позиция может быть принята лишь с определенными ограничениями: когда при актуализации личностных качеств не нарушаются духовные законы. Можно ли согласиться с принципом необходимости принятия *всех* человеческих качеств без их нравственной оценки? Ведь такая оценка, хотим мы этого или нет, дается духовным опытом человечества. Нравственную оценку устранить нельзя, ибо она является выражением духовных законов бытия.

Итак, адекватное самоуважение обретается путем *принятия самих себя при ориентации на самоочищение души*. Человеку предстоит победить в себе много негативного, творить добро, даже не вспоминая об этом, возвращать в себе истинную любовь, непрестанно двигаясь к ней от «внешнего Я». Непосредственный опыт работы человека над собой позволит каждому найти свои ходы, свои грани в сложной проблеме самоуважения.

¹⁹ Духовный воин не может быть слабым. Кто будет спорить с тем, что слабость не позволяет людям защитить другого человека или самого себя, выразить свою точку зрения, мешает стремиться к заветным целям. Но в психологической литературе можно встретить идеи, абсолютизирующие положительную сторону обладания силой. Так, о «чувстве личной силы» говорится в связи с необходимостью преодолеть замаскированный «страх силы» (отраженном в стереотипах мышления типа «нехорошо доминировать, используя силу»). В таком одностороннем подходе теряется нравственная основа вопроса, что, естественно для западной психологии с ее включенностью в общие мировоззренческие установки экспансионистской агрессивной западной культуры.

Изменение негативного мироощущения и открытость самоизменению

Считается психологической аксиомой, что люди, не умеющие остановить поток пессимистически настроенного воображения и воспоминаний, становятся рабами своих внутренних проблем. Спонтанно происходящая «негативная визуализация» приводит в действие разрушительные силы как внутри человека, так и, проецируясь вовне, в окружающем мире. Получается, что образные события внутреннего мира как бы программируют судьбу: то, на чем человек фиксирован, становится постоянным в его жизни. В имагопрактике существует «порочный круг»: отрицательные переживания влияют на содержание образов; содержание же образов определяет эмоциональные состояния. Человек обычно переходит от одного деструктивного состояния к более разрушительному. Это, как правило, известная последовательность: печаль (грусть, сожаление) — страх неудачи — отчаяние — ненависть к себе (порождающая саморазрушение) и в пределе суицидальные тенденции. Психология советует человеку прекратить думать о неудачах, болезнях и т.п. (с соответствующим образным сопровождением), сосредоточиться на положительном, стоять на достигнутом, работать с отрицательным. Следует, однако, избегать упрощенного понимания вопроса. Например, при гиперкомпенсации комплекса неполноценности на сознательном уровне человек имеет самые положительные мысли о мире и о себе, выглядит уверенным до самоуверенности, а на подсознательном — страдает от низкой самооценки. Внутренний неосознаваемый конфликт усугубляется тем, что подсознательное «нижнее Я» усиливает то, на чем человек *на самом деле* неосознанно фиксирован.

Поскольку внутренний мир человека, его образная сфера, многопланово связаны с внешней реальностью, изменение негативного мироощущения является одним из *духовно-экологических* аспектов функционирования индивидуального сознания в его влиянии на мир. Есть основания предполагать (духовно-религиозные традиции всегда отмечали это), что все мысли и образы, которые порождаются человеком, как бы фиксируются на некоем, условно говоря, «все-ленском уровне». А потому понятна необходимость проработки психологических, социальных и глобальных проблем: люди не имеют права просто выбрасывать «психический мусор» в «духовную систему планеты» (А. Минделл). Каждое движение души отражается на состоянии всего мира. Свет в сердцах и умах будет высветлять

мир, в то время как мрак в душах будет усиливать тьму в мире. И.А. Ильин подчеркивает, что все люди «вращены» в мировой процесс, сплетены в великое всемирное единство, уходящее корнями в прошлое и ведущее в будущее. От черствости одного черствеет весь мир; развратный человек развращает собой всех; всякое преступление взывает на всю вселенную; всякая личная фальшь и злоба лжет на весь мир и гасит любовь во всей вселенной. Люди должны чувствовать свою ответственность и заботиться «об очищении посылаемых ими «волн», «искр», заботиться о том, чтобы «не отравлять духовный эфир вселенной», а посылать в него свет разума и тепло сердца, чистые желания и вдохновенные видения [162, с. 337–339]. Каждый человек, преодолевая в себе зло, наносит поражение «злу космическому». Поэтому молитва святого изменяет течение исторических событий, оказывает огромное охраняющее и преображающее воздействие на мир.

Можно сказать, что для выживания «человечества с человеческим лицом» нужно изменение, условно говоря, «ментально-духовных матриц», которые, возникнув в умах людей и проецируясь на мир, способны (согласно голографическому принципу «малое в большом») изменять социо-политико-экономические реальности. Это очень ответственное дело, ибо, например, как пишет В.А. Елисеев, «широкие созидательные мысли о чудесном будущем» не мешали проливать кровь невинных людей [133, с. 17]. В процессе духовного осмысления планетарных процессов важны нюансы думания и чувствования людей. Как, например, добиться в сознании баланса, чтобы, с одной стороны, не впасть в преждевременные апокалипсические настроения из-за усиливающихся планетарных проблем, а с другой, — не пребывать в духовно-нравственной слепоте и расслабленности по поводу того, что некая новая эпоха придет сама и пронесет человечество через кризис.

Негативное мироощущение, как известно, происходит под влиянием прошлого опыта, в частности, многочисленных обид — явных или замаскированных. Образы памяти помогают вспомнить, что люди (прежде всего родители) на протяжении всей жизни (особенно в детстве) говорили человеку в самых разных аспектах его оценки. При этом необходимо *прощение* — не только их, но и всех тех, кто раздражает, на кого обижаемся и т.п., — необходимо и *неосуждение* всех людей. Психология личности едина во мнении, что если у человека возникают проблемы — это значит, что ему следует поискать, *кого* надо простить и *в чем* именно.

В работе по изменению негативного мироощущения следует отметить одну тонкую нравственно-психологическую грань, пролегающую между позитивностью этого момента²⁰ и замаскированными под этот флаг, во-первых, вседозволенностью, как минимум, внутреннего действия на уровне образов, и, во-вторых, иллюзорностью, «накачки нереалистично оптимистичного», а потому деструктивного восприятия мира. Когда психология однозначно негативно оценивает любые сомнения человека в том, а действительно ли он имеет право на что-то, чтобы уменьшить нечто отрицательное в своей жизни, она тем самым подталкивает его к усыплению совести признанием того, что он имеет право на все — ведь он идет путем саморазвития!

Негативное мироощущение у человека преодолевается усилением **открытости его картины мира к изменению**. Такая открытость понимается как условия движения его к целостности, предполагающие принимать все события жизни, все аспекты самого себя как уроки (ибо реальность всегда побеждает представления о том, какой она должна быть). Однако хотелось бы заметить, что открытость миру все же должна помогать *положительным* изменениям. Например, она должна обогащать человека истинно духовными смыслами, углублять его нравственные стремления, а не подталкивать замаскированную под «развитие личности» духовную деградацию, связанную с его включенностью в многосуетность жизни, с открытостью в погоне за удовольствиями.

Открытость к изменению начинается с искреннего желания изменить себя и предполагает готовность к преодолению огромного числа мешающих факторов. Саморазвитие требует серьезной работы. «Никто не восходил на Небо, «живя прохладно», подчеркивали святые отцы [286, с. 310]. Одной из наиболее сильных помех являются разного рода сопротивления, существование которых подтверждается всеми направлениями духовной практики как религиозно ориентированными, так и «атеистически-психокоррекционными».

Принцип открытости связан с выбором человеком духовного пути. Это очень сложная проблема как для самого индивидуально-го выбора, так и для рассмотрения проблемы. Трансперсональная

²⁰ Речь идет о преодолении «пораженческих установок», рисующих в фантазиях соответствующие картинки. Э. Берн показал, что такие образы программируют неудачника.

психология, например, пытается изучать общие основы духовного поиска. Подчеркивается, что выбранный духовный путь отражает то, как человек понимает духовность «на настоящий момент». Обращение человека к поиску своего «истинного Я» является началом духовного путешествия, характеризующегося переживанием «неслучайности» происходящего [232, с. 55]. Вместе с тем выбор духовного пути является проблемой более сложной, чем о ней сегодня думают. Достаточно в очередной раз напомнить о различных псевдорелигиозных сектах, «духовных школах», наносящих вред попавшим в них людям.

В связи с рассмотрением принципа открытости изменению следует более предметно изучать феномен **«синусоиды духовного пути»**. Суть его известна и заключается в следующем: как только человек готов к переходу на иной уровень развития, в дело вступают некие деструктивные силы, тянущие человека назад²¹. Каждый новый шаг на пути «дается с боем», и человек переживает, например, чередование чувств духовной силы и слабости [387, с. 39]. Описания сопротивлений на пути личностного развития, успехов продвижения и падений можно увидеть в различных духовно-религиозных системах²² [285]. Знание о «синусоиде духовного пути», в частности, помогает понять, что отсутствие сопротивлений, помех, срывов на пути личностного развития есть отсутствия *реального* духовного восхождения человека. Поэтому, если не возникает сложностей, то это признак, подсказывающий всем ищущим свое «высшее Я» необходимость задаться вопросом: *а идет ли он путем духовного развития?* Следует также особо отметить, что *сопротивление возрастает по мере духовного продвижения*. Динамика духовной борьбы православного подвижника, в которой происходит чередование переживания райского блаженства и адских страданий, может быть иллюстрацией «закона синусоиды».

²¹ Сопротивления могут иметь самый разный вид. Так, одной из распространенных их форм считается желание *мгновенного* превращения в развитую личность. За этим часто скрывается неосознанное стремление к провалу и разочарованию, способных обосновать бесполезность дальнейшего развития.

²² Например, в традиционном даосизме следование Дао не рассматривается как движением по пути наименьшего сопротивления, как это, по сути, стало пониматься в New Age-методологии развития личности.

Важнейший аспект принципа открытости — проблема ежемгновенного *выбора*. Образы (вместе с мыслями, чувствами) участвуют в обосновании выбора, позволяя буквально просматривать необходимый для этого материал. Каждую ситуацию можно расценивать как негативно мотивирующую через вероятность катастрофы и как позитивную — через потенциальную возможность чего-то нового. Считается, что главное условие для правильного выбора — принять реальность такой, какая она есть и взаимодействовать с ней. Однако это упрощенное понимание проблемы, поскольку есть проблема предательства добра и принятия зла. Поэтому проблема свободного выбора должна рассматриваться в связи со следованием Нравственному закону. Выбор — это всегда принятие *ответственности* через понимание, что все, что человек делает, говорит, думает и чувствует, оказывает влияние на мир. Есть и сложный вопрос о *свободе* выбора — истинной свободе, истинного выбора, а не субъективно свободного псевдovyбора. Поэтому выбор — это также вопрос понимания сущности человеческой **свободы**. Особое значение приобретает проблема своеволия людей. И здесь проблема *свободы* срastается с проблемой *ответственности* и *проблемой* выбора, поскольку свобода человека может быть и на стороне его духа, и на стороне души, и на стороне плоти. А это — аспект изучения трансляционной функции образной сферы личности в плане тех тенденций в человеке, которые будут отражаться в его образном опыте. Без глубокого осознания религиозно-философских аспектов проблемы свободы трудно найти *грань между желанием проявить творческий потенциал «сущностного Я» и своеволием «эмпирической самости»* (в плане вопросов, возникающих вокруг концепции самоактуализации). Это очень непростой вопрос, ответ на который должен искать каждый ищущий духовный путь. Богословие [252] и философия позволяют выделить три основных смысла понятия свободы.

1. **Понимание свободы в смысле социально-политически разрешенного.** Свобода — это преодоление всего, что подчиняет человека извне (Ясперс)²³. Этот аспект порождает очевидный вопрос: как быть с тем фактом, что любую свободу можно

²³ Европейский либерализм и анархизм строились на предположении о том, что человек от природы добр и его надо только освободить от социального давления (Руссо). История, однако, не подтвердила подобного «гуманистического идеализма» (достаточно примеров революций и войн, включая современные).

использовать во зло? Права одних — это беззащитность других. Свобода информации приводит к праву на дезинформацию и манипулированию психикой людей. Свобода слова позволяет «очернять святыни». «Свобода ради свободы и без ограничений» стало «наркотиком», и все большее число людей и стран попадает в зависимость (обретая сущностную несвободу). Ясно, что при таком правовом понимании свободы не берется во внимание нравственный аспект. Но социальные свободы без нравственно-духовных критериев превращаются в насилие одних над другими. При «внешней безбожной свободе» человек растит в себе зло, которое выступает страшной разрушительной силой для человечества. Исторический опыт показал это. Прогресс становится регрессом, цивилизация — одичанием, свобода — деспотизмом (Аксаков). Хотя сегодня подобное и скрыто «лукавством двойного социально-политического стандарта».

2. ***Свобода человека в самоопределении между добром и злом.*** Никто не властен над такой свободой, даже Бог, создавший человека со свободой воли и возможностью отпадения от него. Утрата свободы самоопределения между добром и злом ведет к деградации личности. Сегодня же добро и зло объявлено условностью.
3. ***Духовная свобода как власть человека над собой.*** Это вопрос о «рабстве страстям». Только преодолевший это рабство становится новым истинно свободным человеком. Вопросы свободы в первых двух аспектах имеют смысл только при свободе от страстей и греха. Без нее невозможно ни различение добра и зла, ни даже справедливые социально-ответственные свободы.

С пониманием сущности *духовной свободы* связан такой аспект имагопрактики, как работа с сильными эмоциями и вредными пристрастиями. Здесь может быть использована знакомая нам идея о том, что *истинная внутренняя свобода обретается проработкой низменного в себе*. Причем речь должна идти о свободе человека не только от своего «телесно-инстинктивного начала», но и от гедонистических социально-психологических стереотипов (типа «Надо жить играючи» или «Бери от жизни все»).

Свобода должна заботиться о благе другого человека — вот ключ к пониманию того, чем должна быть свобода в ее многоплановости.

Только такое понимание приемлемо с точки зрения нравственного закона. Все, что препятствует осуществлению Заповедей Божьих, евангельских духовно-нравственных норм не может претендовать на законное место в жизни общества. Только те права человека могут быть признанными в качестве выразителя добра, которые искореняют эгоизм, и способствует произрастанию в людях любви к Богу и ближнему. Для психологической науки полезной представляется православная мысль о том, что там, где свобода становится идолом, там начинается «человек-зверь», а свобода превращается в узаконенное орудие зла.

Итак, человек, опирающийся на искаженный принцип открытости, будет неизбежно наполнять через образную сферу свою душу противодуховной информацией.

Достижение цели

Целеобразование включено во многие этапы работы с образной сферой личности, особенно такого направления имагопрактики, как создающая (креативная) визуализация (*creative visualization*) [397; 424; 428; 436; 439; 446]. Выделим ряд основных аспектов в достижении целей.

Прежде всего это постановка цели и создание отражающих ее образов (абстрактное определение цели менее эффективно). При этом то, что человек считает своими жизненными целями (карьера, материальные блага, любовь, духовные искания и др.), может быть лишь *средством достижения каких-то более глубоко спрятанных целей*. Поэтому следует ответить и на вопрос, *для чего* нужно то, что человек хотел бы иметь. Связано ли это с «высшими велениями сердца» (желание обретения любви к людям, реализации каких-то *неэгоистических* планов), потребностью самовыражения, заботами о здоровье, благополучии и т.п. Для определения *истинных целей* и соответствующих им областей и размера желаемого необходимо также нахождение смысла жизни.

Решение экзистенциальных вопросов существенно помогает человеку жить без лишних (а в случае неправильной постановки жизненных целей и тщетных усилий, позволяет «быть в потоке своей жизни». Незнание же истинных целей и смысла жизни создает плохое ее планирование и потому в таком случае неизбежны неудачи. Трагедия человека может состоять в том, что он годами обманывается

относительно целей, которые на самом деле его «сущностное Я» никогда не хотело достигнуть. Каждый должен понять, *зачем он живет*, чтобы служить себе, людям, планете, чтобы «просто наслаждаться жизнью» или непрерывно познавать и т.д., и в соответствии с этим определить, *чего он реально хочет*.

Далее необходимо определение степени *истинности целей/желаний* (с минимизацией влияния престижности) и рассмотрение цели с точки зрения нравственно-психологических принципов имагопрактики. Работу с образами нельзя использовать *для удовлетворения эгоистических потребностей и достижения эгоистических целей*. Нельзя мысленно манипулировать людьми с целью получения желаемого, нельзя ничего отнимать и т.п. (даже в воспоминаниях не следует воссоздавать подобные сюжеты). На уровне образной сферы человек не должен причинять *никому никакого вреда*.

Следующий момент — настройка на обретение веры в реализацию цели. Основным здесь является *уверенность в том, что желаемое будет, а цель будет достигнута*. Сомнений в получении желаемого не должно быть, ибо предполагается, что просится нечто во благо «сущностному Я». Человек должен быть уверен и в том, что он искренне желает того, что просит (особенно это касается «организации жизненных событий»). Существует опасность и того, что могут реализоваться и неосознанные желания, идущие от «нижнего Я»²⁴. Указанные условия делают понятным методическое требование *формирования представления о желаемом как о «уже имеющемся, реализованном»*. Это относится ко всему, с чем человек соприкасается своим целеполаганием — к материальным предметам, собственным чертам характера и способностям, «житейским ситуациям» и др. Полезно поискать для себя ту *грань между уверенностью в получении просимого и смирением в запросе* (в словах эту сложную грань индивидуального духовного опыта выразить невозможно). Надо, в частности, отдавать себе отчет в том, что хотящий «всего» не знает, чего реально он хочет. Кто-то сказал, что «наказанием богов» может быть исполнение всех желаний человека.

Уверенность в получении желаемого связана с вопросом об *объективной его полезности* для человека. *Просить нужно о действитель-*

²⁴ Вспомним, что Сталкер в романе Стругацких просил здоровья, а получил мешок денег, ибо реально думал именно о них. Вместе с тем подчеркивается, что в связи с получением неосознанно желаемого не должно быть негативных реакций на «сюрпризы судьбы» [110]. Все происходит по воле Божьей.

но нужном и, прежде всего, для духовно-нравственного развития человека. Люди не должны просить помощи свыше в делах, основанных на ненависти, жадности, пошлости и т.п. Молитвы об успехе коварных, бесчестных или постыдных начинаний, как подчеркивает И.А. Ильин, противодуховны. Просящий увенчать грехи успехом, призывает дьявола на помощь [162]. Этот момент следует относить и к потребительским установкам «плотского вождедеющего человека», обуреваемого страстью «увеличивать имение». Главной же должна быть просьба об обретении способности распознавать добро и зло. Именно в таком внимании к нравственному аспекту работы с образной сферой заключается гарантия, что имагопрактика не будет, по сути, магией и колдовством.

Человек также должен быть *готов принять* то, что он желал получить, и *благодарным* за все. Необходимо также *реальное делание* по претворению желаемого (планы, мечты). Здесь нужно избавиться от страха перед неизвестным, неподготовленностью, ошибками [118]. Поэтому полезно, во-первых, как минимум, думать о том, что *мы собираемся делать для получения желаемого, а не о том, чего хотим избежать*, и, во-вторых, что является главным — *начать делать*. Психологи советуют объявить все причины, которые якобы мешают реализации заветной цели, несостоятельными.

Соответствие самоотдачи и получения в «законе момента»

«Что ты спрятал, то пропало что ты отдал, то твое», говорил гений Шота Руставели. Действительно, все, что человек вносит в мир — и положительное и отрицательное, — неизбежно возвращается ему. По словам У. Теккерея, мир есть зеркало, и оно каждому возвращает его изображение. Чтобы этот образ был положительным, надо увеличивать самоотдачу миру. Однако, чтобы отдавать, нужно быть открытым для того, чтобы получать. Поэтому можно сказать так: *«Надо отдавать, чтобы получать, а брать, чтобы отдать»*. Но здесь возникает вопрос об уровне, мере и акцентах в этом «круге». Архимандрит Софроний, например, применительно к высшему уровню взаимобмена человека и мира пишет, что если люди отдают Богу лишь часть своей жизни, то не должно ожидать, что Он откроется им во всей полноте и притом навеки. «Господь неисповедимо щедр, но Он ... отдается нам настолько, насколько мы *готовы* в нашей свободе Его принять» [21, с. 100].

Результат работы с образной сферой личности зависит от обретения человеком способности «не залипать» на материальных ценностях. *Фантазия не должна обслуживать потребительские установки.* Практика «созидающей визуализации» показывает: чем более выражена отдающая ориентация, тем легче исполняются образы желаемого. Исходящее от человека как бы освобождает место для вхождения к нему чего-то извне. Современному человеку потребительского общества, неготовому к тому, чтобы по-христиански «отдать последнее, ничего не требуя взамен», необходим баланс отдачи и получения [376]. Щедрость на фоне непреодоленного сребролюбия и эгоизма может оставлять людей с чувством некоей опустошенности. Однако надо понуждать себя на самоотдачу теми способами, которые на данный момент приемлемы и возможны.

Наконец последний принцип работы с образной сферой личности связан с **законом момента**. О «законе момента» написано много (необходимость осознания текущих ситуаций акцентирует большинство школ личностного роста²⁵). Это освобождает от пересказа известного. Подчеркнем лишь, что имагопрактика достаточно акцентировано предполагает способность человека *пребывать в «настоящем моменте»* при воспоминаниях или представлении будущего. Необходимо отложить жизненную суету, ибо главным врагом духовной жизни является многозаботливость, когда человеку некогда побыть в сосредоточенном внутреннем состоянии. Надо остановиться в суете жизни и постараться хоть какое-то время «просто быть самим собой», услышать голос «истинного Я» [79].

²⁵ Несколько слов хотелось бы сказать относительно «закона момента» в восточных учениях. Например, это касается определенных искажений в понимании принципа Дао («жизненного потока» и близких ему понятий) при его изложении в школах коммерческой духовности. Дао, как известно, имеет смысл всеобщего закона всего сущего, некоей субстанциональной основы Реальности — вневременное, неизменное, бесформенное, бестелесное и невидимое начало всех вещей. Но при применении представления о Дао как о «потоке» возникают вопросы по поводу исчезновения фактора духовного целеполагания. В результате возникает представление о «пассивном плытии по течению». Но в этой связи на ум могут прийти евангельские слова, предупреждающие о том, что *«широки пути ведущие в погибель»* (Мф. 7:13). Поэтому следует осторожнее относиться к обещаниям «духовных учителей» «вписать» человека в различные «естественные силовые потоки».

2.4. ЗНАЧИМЫЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ

«**Телесные образы**». Различные духовные традиции по-разному относятся к человеческому телу, однако все они так или иначе свидетельствуют о сложной связи *тела, души и духа*. Работа с телом является важным аспектом личностного развития: тело участвует в столкновении друг с другом высших (духовно-нравственных) и низших (животно-инстинктивных) сил в человеке. Не случайно православная традиция подчеркивает, что только в теле возможно изменение «ветхого человека», воссоздание в себе «утраченной небесной природы».

Сегодня в исследовании сомато-психо-нравственно-духовных взаимосвязей в человеке можно отметить дисбаланс — перекокс интереса в область «собственно телесности». Тело начинает все более видиться не только как источник гедонистического, эгоцентрического «самонаслаждения», но и как самый ценный рыночный товар — инструмент жизненного успеха. Тем самым специалистами недооценивается ответственность за тело человека как «сосуда» «высшего Я». Здесь уместна евангельская метафора о теле как «храме Святого Духа» (1 Кор. 6:15-20), который нельзя осквернять реализацией через него страстей. В то же время нельзя не считаться с тем, что тело участвует в познании человеком и самого себя, и мира. Показано значение чувствования людьми своей телесности. То, что человек не должен иметь невротически-негативного отношения к своему телу, продемонстрировано, например, процессуально-ориентированной психологией [213; 422], проработкой телесной организации в системе целостного движения [182]²⁶.

Тело является объектом проекции жизненных впечатлений, в частности, «точек напряженности», уязвимых и сильных сторон души, особенностей образов «значимых других». Язык, например, прекрасно отражает тот факт, что эмоциональная тяжесть может «раздавить», «согнуть спину», «лечь на плечи», утрата чего-то способна «разбить сердце». «Телесные образы»²⁷ поэтому обладают диагностическим и психорегулирующим потенциалом — произвольным и непроизвольным

²⁶ В этой связи укажем на подход Н.И. Кудряшова [182], изучающего проекции «сущностного Я» на тело.

²⁷ «Образ тела» в норме функционирует как центр неосознаваемой информации о теле, существующей в связи с текущими психическими процессами, внешней средой, жизнедеятельностью человека. Он включает представления о морфологических и функциональных особенностях тела в целом и его компонентов, положении в пространстве.

(феномен появления симптомов на основе воображаемой болезни). Это объясняет значение работы с телесными образами для разрушения психосоматических комплексов в их отрицательном влиянии на человека.

Проецирование на тело эмоционального опыта определяется психодинамикой. Не случайно выполнение упражнения, требующего ассоциировать родителей с частями своего тела, часто сопровождается детскими воспоминаниями. К проявлениям неосознаваемой психосоматической связи относятся также мышечные блоки, потеря чувствительности в частях тела или ощущения связи между ними, нарушение границ тела и изменение его размера, идентификация с телесными ощущениями противоположного пола, избегание определенных типов движений и эмоций, ими вызываемых (например, человек, не желая осознавать свою слабость, избегает «мягких манер»). В имаго-этюдах человек, в частности, представляет, в какой части тела находятся те или иные его «субличности-персонажи», локализируются положительные и отрицательные чувства. Со всеми подобными образами он может работать. Связь образов отца и матери с частями тела проясняет отношения человека с ними и их между собой. Например, в соответствии с неосознаваемой телесной локализацией образов родителей переживание их развода может привести, например, к чувству «отделенности головы от тела». Психокоррекция происходит мягким «переселением» дискомфортных образов ближе к сердцу.

Для самопознания и саморегуляции важна мысленная *коммуникация с физиологическими* процессами. Например, это касается переживания ощущений во время выполнения имагоупражнений. Человек, которого начинает тошнить, скорее всего, не может чего-то переварить в жизни. Полезна работа и с *образами движений и невербального поведения* в целом. Концентрация на образе своего лица позволяет хорошо осознать эмоциональные нюансы (например: не надменен ли я, если у меня «брови дугой»?) Образы обнаруживают «сообщения» о причине болезни, подсказывают, как снять боль, симптом и т.п. (например, постоянные боли могут «забираться на время каким-то животным»). Полезно постараться услышать, *что и кому* органы тела хотят сказать? Кто-то, например, жалуется на усталость, «кто-то» предъявляет «кому-то» претензии. Человек улучшает взаимоотношения между органами тела друг с другом и между органами и им самим. Другой часто используемый прием [182; 192] связан с представлением того, как светятся органы — тускло, ярко, каким цветом (с оценкой и без оценки символики цвета), почувствовать их эмоциональное состояние (печаль, раздражение и пр.). Человек регулирует яркость образов на основе

ощущения «нормы» и эмоционально поддерживает органы, пребывающие в плохом состоянии. В случае «мысленного путешествия по собственному телу» можно исправлять все то, что находится в плохом состоянии — загрязнено, напряжено, «плохо звучит». Диагностично то, какую часть тела или орган, человеку хочется «навестить». Отдельный класс имагоупражнений связан с представлением *интер-телесной коммуникации*. Образы, раскрывая неосознаваемые послания людей друг другу, помогают взаимопониманию²⁸. В частности, хорошо воспроизводится характер детско-родительских отношений (человек представляет, например, что он стоит рядом с отцом, с матерью и телесно контактирует с ними). Работа с образами может быть полезна, например, и в связи с тем, что некоторые люди не выносят прикасания к ним, ибо это «напрягает» их [407–409].

Самоисцеление через образы. Древняя традиция врачевания основана на использовании образов. На это указывал Гермес и Парацельс, это подтверждали приходящие в сновидениях и исцеляющие людей «боги» и «демоны», а также шаманские практики всех времен и народов. Исцеляющей силой обладало конфуцианское «Небо». Особую силу, проявляемую порой на огромных расстояниях, имеет молитва христианского святого.

Представители разных культур по-разному рассматривают болезнь. Японцы — как дар, утверждающий жизнь. В странах Океании болезнь считается знаком того, что организм к чему-то приспосабливается. На Западе на фоне культуры «юности» и «красоты» болезнь — беда, приходящая *извне*. Болезни напоминают о смерти, и потому мысли о них изгоняются. Это особенно характерно для американской ментальности, отрицающей и вытесняющей любые «области неблагополучия». Недуг редко рассматривается как учитель, заставляющий искать причину, изменить что-то в себе. Так называемая «холистическая медицина», исходя из невозможности отделения физического здоровья от иных

²⁸ Однако подобные имаготехники вызывают вопросы по этическим соображениям, а также иллюстрируют тенденции к психоманипулированию, выражающиеся в наличии приемов, направленных на вторжение во внутренний мир другого человека. Существует, например, имагоприем, в котором представляется некое послание от каких-то частей тела одного человека к другому (от сердца к сердцу, от горла к голове и т.п.). В частности, было показано [408], что послания от половых органов вскрывают сексуальные проблемы человека. Используется мысленное «вхождение в тело» другого человека и «путешествие» в нем или, наоборот, представление как некто «путешествует» в нашем теле.

аспектов жизни, имеет дело с физическим телом, эмоциями, базисными установками, ценностями жизни и др. Считается, что болезнь способна помогать духовному развитию, в частности, послужить ему толчком. Исцеление — это процесс обретения целостности, а потому он духовен по своей сути. Примечательно, что корень в русских словах «исцеление» — «целостность», равно как и в английских — *health* (здоровье), *holy* (святой), *wholeness* (целостность) один тот же.

Западная культура пыталась лечить тело в отрыве от духа. Интересно отметить, что английское слово *salvation* — «спасение», заимствованное из латинского «*salvus*», означает «целить» и «целый». Здоровье рассматривается не как отсутствие болезни, а как состояние творческого самовыражения, гармонического единения тела и духа. Основой здоровья являются нравственно-психологические моменты. Поэтому к причинам болезни следует отнести совершение даже «маленьких» — краж, лжи и пр. [375].

Со святоотеческих позиций болезни — это отеческое посещение нас Создателем, призванное помочь преодолеть «плотского ветхого человека». Страдание, действительно, повышает осознание себя и мира, ибо боль несет информацию о степени гармоничности отношений человека с окружающим миром и самим собой, о нарушении человеком духовных законов. И чем сильнее боль, тем настоятельнее надо искать причину и избавляться от разрушительных греховных привычек. Святые отцы наставляли: пришла болезнь — отчего не полечиться, пройдет болезнь от лекарства — слава Богу, не пройдет — терпеть и Бога благодарить [286, с. 500]. Надо учиться пользоваться болью для исправления жизни, для укрепления духа. И.А. Ильин говорил о необходимости учиться одухотворять страдание.

Итак, болезнь не только отражает духовно-нравственные искажения, внутреннюю дисгармоничность личности, нерешенные конфликты, но и очищает. Главное, чтобы заболевший человек стал изменять что-то в себе и в своей жизни. Симптомы болезни иногда прямо указывают на ее причины²⁹. Для этого и развивается способность слушать

²⁹ 1) Одна очень нервная женщина обратилась к психотерапевту с жалобой на спазмы в шее. Она разговаривала с такой скоростью, что он попросил ее говорить медленнее. На это клиентка ответила, что это для нее «естественный темп», что она «всегда носит ся сломя голову». 2) Страдающий воспалением сухожилий на ноге мужчина тяжело переживал, что жена ему изменяет. Когда же он наконец вмешался и «топнул ногой», болезнь прошла [375].

«внутренние подсказки», часть которых может приходиться в виде образов. Подчеркивается, что роль образной сферы личности в лечении опирается на самопознание.

Специалисты подчеркивают, что целью должно быть не преодоление недуга как самоцели, а *обретение покоя ума, способности прощать, усиливать самоотдачу*. Изменение системы установок при возникшем понимании причин болезни изменяет ход болезни; с изменением поведения или образа мыслей болезнь уходит. Очень важны также следующие моменты [375]: а) безоценочность восприятия болезни: надо стать наблюдателем за болезнью, с позитивным ожиданием (не случайно один из эффективных методов лечения — поиск вылечившихся); *следует принять болезнь, но не покориться ей*; б) наличие творческого начала в жизни; в) ориентация на личностное развитие: болезнь — *источник позитивной переориентации* в жизни (потерянное из-за болезни чем-то заменяется; многое можно сделать из того, что все время откладывается)³⁰. Образы помогают понять «выгоду», извлекаемую человеком из болезни, и через это осознать, что «болезнь-проблема» коренится в нем, выполняя некую функцию, а также понять то ценное и вредное, что болезнь дает и отнимает.

В воздействии на организм используются разные имаготехники. Эффективным, например, является прием «*обстрела*» болезни. Так в работе с онкозаболеваниями опухоль представляется любым образом/символом. Человек может вообразить, например, что «миллионы пуль» обстреливают и разрушают ее [446]³¹. Можно представить болезнь в виде «грозового облака, развеиваемого ветром». Боль, символизируемая льдом, «растопливается солнцем». Солнце своими «палящими лучами» может и «подсушить раны». Используются и детские фантазии (например, боль в образе «чудовища» прогоняется палкой).

³⁰ Э. Эрриен [375] подчеркивает роль «*духовно-психологической диеты*»: какими мыслями, эмоциями, представлениями питает себя человек, «*системы поддержки*» — людей, в которых человек уверен, что они не оставят его в беде (человек вместе с тем должен сам входить в «системы поддержки» других людей).

³¹ Используются любые образы процесса деструкции, но с одним ограничением. Поскольку болезнь может быть психосоматическим результатом подавления неких переживаний, конфликтов, образ «обстрела» не должен восприниматься как агрессия со стороны самого человека или каких-то враждебных сил извне. Следует создать такой образ, при котором обстрел будет переживаться как «благодатные лучи помощи».

Можно визуализировать постепенное высветление и уменьшение темного пятна — символа конкретной болезни (ее симптома).

Можно представить, что болезнь — это персонаж из мультфильма (книги), советующий, что нужно делать, чтобы болезнь ушла. Такой совет или помощь можно получить от Врача, приглашенного во «Внутреннее Убежище», или от собственной болезни. Можно, наконец, самому стать Врачом и помочь себе. Если с болезнью работать как с «субличностью» (описание таких техник дается ниже), полезно поразмышлять о том, что этот «персонаж» делал с человеком (разрушал, подавлял, мешал развитию, изолировал от мира) и проанализировать взаимные чувства. К работе с образом в плане гармонизации «персонажа» можно привлекать другие субличности (например, «безпристрастного свидетеля»).

Обобщая, можно сказать, что лечебный эффект имагопрактики достигается: 1) получением диагностической информации о болезни, особенно в контексте глубинного самопознания; 2) созданием более оптимистичных представлений о мире и самом себе; 3) формированием образов конкретного воздействия на организм. Дальнейшее изучение образной репрезентации а) синдрома психосоматической патологии, б) положительной установки на излечение и в) ипохондризации, являются актуальными задачами. Особую значимость имеет разработка методов упреждающей имагопрактики на этапе латентной стадии болезни. Однако, поскольку грани работы с психосоматикой через образную сферу личности сложны, требуются не только дополнительные исследования, но и осторожность³².

Работа с деструктивными переживаниями. Известно, что «комплекс вины», агрессивность, невротическая неосознанная потребность в подконтрольности и зависимости при компенсаторных тенденциях к доминированию тесно взаимосвязаны и определяют широчайший спектр переживаний, отражаемых образной сферой личности. Образы, усиливая самоподдержку, способны уменьшать неадекватные реакции (можно ведь негодовать лишь на основе воображения чего-то «оскорбительного» для себя), тенденцию обвинять и осуждать. Имагопрактика помогает *прощать*, а это основное средство в коррекции деструктивных состояний, анализировать

³² Актуальной задачей выступает поиск новых путей к пониманию внутреннего мира душевнобольного в качестве альтернативы традиционному рассмотрению галлюцинирующего сознания (измененных состояний сознания) как исключительно бредового.

причины тревожности, побеждать страхи³³. Например, техника изменения сенсорных каналов [422] переводит пугающий зрительный образ в музыкальное произведение, травмирующий внутренний диалог в «сражение» рук. Эффективным является представление *визуального контакта* — с воображаемым человеком или с реальными людьми в прошлом, настоящем и будущем. Имагоприем помогает прояснить отношения, узнать нечто неожиданное и полезное. Особенно выделяется «общение глазами» родителей и детей (например, «смотрение в глаза» своему ребенку может помочь «отвергающей матери» понять важные вещи).

Разрушающими являются навязчивые образы низменного содержания. Имаготехники помогают прогнать их. Например, кровавое или порнографическое «внутреннее зрелище» может быть заменено возвышенным образом [338]. Можно представить, как образ разлетается на кусочки, а на его месте создается другой, символизирующий нравственную чистоту, например, белая лилия. При атаках нежелательных образов в моменты бодрствования, а также для защиты сновидений существует совет прибегнуть к покровительству представителя «небесных сил», например, вообразить, что Ангел-хранитель находится рядом и очерчивает огненным мечом защитный круг (т.е. речь идет о создании образа «защитающего пространства»). В работе с «низшими потребностями» можно встретить совет сознательно идентифицироваться с ними и помочь развернуть их послание человеку [213]. С последним, однако, можно согласиться лишь при наличии уверенности, что полученное человеком послание не будет самообманом, рационализацией потакания собственной похоти.

Один из известных приемов, целительных для негативных внутренних состояний — общение с «Ребенком в самом себе» (существуют многочисленные модификации этого приема Дж. Рейнуотер) — предполагает представить, вспомнить себя маленьким, обиженным

³³ Считается, что, проходя через страх, человек личноно растет, ибо он задействовал архетип смерти-возрождения. Отметим и то, что страх часто является восприятием лишь возможной опасности, утраты и т.п. Поэтому, подстраховываясь от возможных неприятностей, психологи советуют не пребывать мыслями в будущем, ибо тогда воображаемое будет влиять на текущее настоящее [163]. Однако сегодня при объективном возрастании опасных ситуаций (в нашей стране и в мире) эта рекомендация нуждается в более четких критериях для мер предосторожности.

ребенком и помочь ему какими-нибудь «реальными действиями», утешить словами. Если представить детьми своих родителей и также проявить поддержку и заботу, то это помогает прощению каких-то обид на сознательном или неосознаваемом уровнях. Можно работать с образом «травмированного» персонажа, посылая ему «энергию благоговения, поддержки и любви» [192] или пригласив ему в пару «субличностей-персонажей», которые заботятся о человеке («внутреннего целителя», «внутреннего воина» и др.).

Наконец любые проблемы можно уподобить некоему «внутреннему Иерихону». Как и в библейском сюжете, «стены проблемы» падут, если «ходить вокруг» них, рассматривая символизирующие проблему образы со всех сторон, и день за днем общаться с их содержанием, питая энергией изменения и разрешения проблемы.

Проблемные ситуации в деловых отношениях. Приведем примеры, показывающие суть работы с образной сферой по данной теме [428].

Пример 1: выявление *скрытых потребностей* людей. Пример связан с подготовкой группы американских бизнесменов для поездки в Индию. Им было предложено представить любой объект, символизирующий поездку. Группа выбрала работу с образом «длинного висячего моста в солнечный, но прохладный день». Далее нужно было «встретить кого-либо на мосту». Возник образ нищего, стоящего на мосту со старой сумкой, в которой были старая одежда и книга «Les Miserables» (корень данного слова — жалкий). Образ подтвердил, что индийцы чувствуют себя «бедными родственниками», но ожидают от встречи позитивных результатов, ибо далее сумка превратилась в модный портфель — символ запроса финансовой поддержки.

Пример 2: прояснение *особенностей конкуренции*. Участникам тренинга было предложено представлять людей, выявляя сильные и слабые их стороны, а также сочинить некий газетный заголовок. Образ сильного тигра, который тратит слишком много сил на охоту, и заголовков «Сибирские тигры вымирают» подсказал, что данный конкурент скоро выдохнется. Относительно следующего конкурента возник образ «худенькой рыжеволосой

женщины, способной преодолевать трудности, но в то же время слишком чувствительной и ранимой». На основе этого образа и заголовка «Женщина умерла от сердечного приступа» был сделан вывод, что и этот конкурент сойдет с дистанции. Следующий конкурент (японская фирма) вызвал образ «пилота космического корабля» и заголовок «Новый космический крейсер скоро выйдет на звездные трассы». Был сделан вывод о том, что, несмотря на обладание новой технологией, представляющей угрозу, есть уязвимые стороны конкурента — излишняя деятельность за пределами Японии.

Пример 3: облегчение *нахождения приоритетов* в бизнесе. Для решения этой задачи были представлены здания, стоящие в ряд. Их размер и другие особенности дали подсказку.

Жизненный успех. Специфика имагопрактики по данной теме на российской духовной почве получает неоднозначную оценку. Я склонен акцентировать то, что визуализация желаемых финансовых ситуаций должна быть соотнесена прежде всего с альтруистическими ценностями. Западные установки по «правильному отношению к деньгам» достаточно иллюзорны в силу вытеснения, особенно американским коллективным бессознательным, несправедливости в мире, которая, к тому же будет увеличиваться при реализации проекта «Нового мирового порядка». Центральная идея в подходах к «тренировке жизненного успеха» заключается в том, что «во Вселенной всего для всех достаточно». Несправедливость распределения мировых ресурсов не осознается западным менталитетом, в частности, благодаря вытеснению факта многовекового ограбления мира. Спокойнее жить, полагая, что зло — лишь некая субъективная реальность, связанная с невежеством людей, а бедность «третьих стран» происходит из неправильных установок сознания их граждан. Сегодня же с вползанием в мир идеологии элитарности к идеалистичности западных теорий «всеобщего процветания» добавляется постепенное их разворачивание в сторону явного и скрытого манипулирования сознанием людей.

Работа со сновидениями

Об этой теме поговорим чуть подробнее, поскольку некоторые затрагиваемые в связи с ней моменты применимы и в практической работе с образной сферой личности, и при теоретическом осмыслении ее трансляционной функции. Анализ сновидений является «королевской дорогой к бессознательному» (Фрейд). Не случайно поэтому в психотерапии считается аксиомой, что сновидения помогают сновидящему понять себя, психотерапевту — пациента (в частности, в снах обнаруживаются особенности психологических защит). «Работа со сновидениями, являясь зеркальными проекциями и контрпроекциями клиента и психотерапевта, способна обеспечить прорыв, иногда столь необходимый в терапевтическом процессе» [163, с. 168]. Даже простое записывание снов (без интерпретации) приводит к их лучшей воспроизводимости, облегчает их понимание. Работа же с символикой сновидений (например, переделка «страшных снов» в «сказочные») дает положительные изменения в человеке. Целенаправленная работа со сновидениями раскрывает роль образной сферы в личностном росте и психотерапии. «Дневной остаток» снов, выражение в них желаний, страхов уже на ранней стадии лечения помогают понять суть конфликтов пациента. Повторяющийся сон почти прямо дает «ключи» для понимания основных проблем личности. Регулярные ночные кошмары (особенно на одну и ту же тему), например, указывая на нерешенную неосознаваемую проблему, сигнализируют о необходимости поработать с чем-то подавленным в себе. Работая со снами, человек узнает, что они связаны с его жизненным опытом. Это подготавливает понимание более глубоких значений сна — детских страхов и желаний, «затаенной тревоги», природы переноса на мир чувств любви, ненависти, привязанности, противостояния авторитету и т.д. В снах человек извещается и об окончании лечения (проблемы видятся в ином свете или исчезают) [328].

Принципы работы со сновидениями изложены в книге С. Каплан-Уильямса [163]. Такая работа должна проходить на фоне ориентации на личностное развитие, с установкой на следование за ходом каждого сновидения в поисках понимания того, что за ними стоит. Путешествие, совершаемое в сновидении, отражает скрытые факторы, действующие в жизни (особенно при обращении к воспоминаниям о детских снах). Так, сны проявляют типичные страхи, показывают особенности мотивации в дороге жизни (сон, в котором человека везут по улице на каталке, как на операцию, — символ особенностей движения по жизни

[163, с. 20]), раскрывают архетипические, часто конфликтующие силы, действующие в человеке. Сновидения предупреждают о предстоящих событиях, давая человеку возможность подготовиться. Один из главных принципов работы со сновидениями — внутреннее изменение породит внешнее изменение. «Работа со сновидениями помогает людям входить в соприкосновение с их внутренними возможностями вместо того, чтобы искать решение проблем в каких-то других людях или учениях» [163, с. 93]

Новые способы поведения во сне, новые отношения могут переноситься в реальную жизнь³⁴. Сновидения способны раскрывать специфические трудности и проблемы в общении человека с другими (тенденция к защите себя в сновидениях, например, лишь усиливает конфликты), важные переходные моменты во взаимоотношениях. Взаимоотношения в сновидениях ценны в том смысле, что может проявиться переживание, невозможное в реальности по моральным соображениям (и человек может покаяться в этом скрытом до того от него самого чувстве). В сновидениях людям приходит то, с чем они не справляются в жизни. «Сновидения не должны пугать нас или держать в страхе, они мотивируют работу со всем тем, что мы отвергаем» [163, с. 108].

Отметим тенденцию критики классических подходов к толкованию снов (прежде всего школ психоанализа, юнгианской психологии), основанной на трудностях интерпретации многозначной символики. Ставится под сомнение способность к толкованию снов на основе фиксированной символики. Классические подходы лишают человека возможности через переживание понять сновидение. Вместо непосредственного чувства самооткрытия ему предлагается правдоподобное объяснение. К тому же интерпретатор привносит себя в толкование сна другого человека. Новый подход избегает толкования по фиксированной символике и подчеркивает непосредственную работу человека со снами, которая уравнивает происходящую в снах проекцию³⁵. В работе со сновидениями предпочитается возвращение в него,

³⁴ Делаемый в сновидениях выбор помогает совершать выбор в реальной жизни. Человек через сновидение может понять, что некой ситуации лучше позволить развиваться естественно.

³⁵ Приводится пример, в котором женщина обсуждает со знакомым мужчиной сон, в котором они предавались любви. Этот сон в любом случае будет вызывать проекцию со стороны мужчины в смысле желания женщины, хотя сон может символизировать просто идею внутреннего единения мужского и женского начал [163].

переживание имевших там место чувств и совершение мысленных действий с элементами образа³⁶. Человек не ищет интеллектуальных объяснений сновидению, а проживает его.

Актуализация сновидений помогает им проявиться в жизни человека. Это, однако, не означает, что человек должен следовать снам буквально (не стоит пытаться летать, прыгая со скалы, как во сне, замечает С. Каплан-Уильямс). Сновидение дает не готовое, а некое символическое решение, которое стоит использовать в жизни (заметим, что это вызывает вопросы в связи с ценой ошибки, вызванной неправильной подсказкой сна). Оно подталкивает к поиску ответов на вопросы. Толкование же снов питает Эго и мешает проявиться «сущностному Я». «Основная функция сновидения состоит в создании необходимости разрешения каких-то заблокированных структур и подавленных воспоминаний о тех или иных событиях жизни путем перехода от «эго» к более глубокой интегрирующей сущности, подлинному «Я»» [163, с. 46]. Чтобы почувствовать смысл сновидения, не обязательно знать, какую символику несут его элементы, а надо сосредоточиться на том, что «сновидящее Эго» делает в нем. Так, можно не знать, что для человека означает некая стена, увиденная им во сне, через которую он перелез. Важно почувствовать себя преодолевшим серьезное препятствие. «В сновидении раскрывается общая структура событий и то, что необходимо сделать с ней. Затем бодрствующее «эго» может перенести творческий способ действия в реальную жизнь» [163, с. 63].

Критические замечания в адрес интерпретации снов через символику не отменяет данного традиционного подхода. С. Каплан-Уильямс говорит, что задания, выполняемые со сновидениями, обусловлены символическим значением сновидений для сновидящего. Но учет символики имеет некую служебную роль, «ориентирующую» процесс работы со снами. Присутствуют и психоаналитические импликации. Так что речь должна идти о системном подходе к работе со сновидениями. К уже сказанному о методах работы со сновидениями сделаем ряд дополнительных комментариев [163].

«Следования сновидящему Эго» (соединяющий идеи Юнга и американскую традицию Сенои) предполагает отказ от контроля за сновидениями и фокусировку на том, что делает сновидящий в сновидении, что он переживает. Только в неконтролируемых сновидениях возможна

³⁶ «При возвращении в сновидение ... мы возвращаемся в то состояние ума, при котором возник наш сон, чтобы полнее пережить все его потенциальные возможности» [163, с. 40].

«репетиция» поведения в связи со страхами, проблемами и пр.³⁷, научающая справляться с враждебными и травматическими ситуациями, принимая их, присутствуя в них, делая нужный выбор. Через ключевые действия определяются скрытые чувства, мотивы отношений. Анализ символики сновидений помогает понять ситуации в реальной жизни. Развивается способность взаимодействовать с элементами сновидений. Метод усиливает переживание сна как события, вскрывая подавленные чувства. Здесь важно принятие «враждебных сил сновидений» (как частей целого), обретение навыков их одоления. Это позволяет сновидению разрешать проблемы неким интегративным образом, достигать естественного разрешения конфликтов, порождаемых травмами. В то же время следование чувствам, не зная, какие отношения за ними стоят и создаются, опасно (анализ отношений возможен через другие методы работы со снами: «переписывание сновидений», «возвращение в сновидение» и т.д.³⁸).

С. Каплан-Уильямс говорит об архетипической фигуре Воина сновидений, который, пребывая в содержании сна, как в реальности, и встречаясь с архетипом Противника, преодолевает страхи. Сновидения выражают темные стороны души, что невозможно в жизни. Забывание неприятных снов отделяет образный опыт личности от реальной жизни. Работа со сновидениями помогает справляться с ночными кошмарами, не убегать от них через пробуждение (рано или поздно человек сталкивается с тем, чего он боится). Проработка ночных кошмаров выводит прошлые психотравмы с сопровождающими их подавленными эмоциями. Враждебные персонажи снов учат справляться с жизненными проблемами. «Сновидения даны нам не для того,

³⁷ Метод осознания сновидений учит человека как бы пробуждаться во сне, осознавая, что он спит и что его сновидения нереальны. Чувство присутствия во сне изменяет символизм сновидений и искажает степень их адекватности тому, что есть на самом деле. Феномен «осознанных сновидений» является формой контроля сновидений, мешающей движению к более адекватному отражению в снах реальности.

³⁸ Типичные реакции со стороны сновидящего Эго [163, с. 81]: сновидящее Эго пытается убежать от «враждебных сил». Но оно может стать «наблюдающим Эго», выводящим из пугающей ситуации. В отличие от техники осознанных сновидений с ее ориентацией на контролирование снов в сторону уменьшения их эмоциональной значимости сновидящему следует посмотреть, что произойдет во сне, и принять это. В этом случае ночные кошмары понимаются как тренировка организма в плане подготовки к столкновению с потрясениями в бодрствовании.

чтобы устрашать нас <...> — они мотивируют нас иметь дело со всем тем, что мы обычно отвергаем». Ориентация на приятные сновидения, компенсирующие неблагоприятные внешние обстоятельства, является ошибкой [163].

«Возвращение в сновидение и объективирование». Человек воспроизводит сон и позволяет событиям в нем развиваться дальше без вмешательства. Это обладает психокоррекционным потенциалом: человек прорабатывает неприятный и пугающий материал. Неспособность уснуть, в частности, часто связана с потребностью в проработке какого-то материала. Пребывание в сновидении позволяет также изучать его внутреннюю структуру, главные события и символы. Этому помогает *техника «ключевых вопросов»*³⁹. Метод **«переписывания сновидения»** помогает выяснить, как сновидящий может улучшить свое поведение во сне, определить и воплотить некое отношение. Исходя из желаемого поведения сон как бы переписывается. Техника особо актуальна, когда некий элемент сна нуждается в коррекции, но возвращение в сновидение пугает. **«Диалог с персонажами сновидений и разыгрывание сновидений»** — внутренняя беседа с «энергиями сновидения», когда «сновидящее Эго» воссоединяется с другими частями психики⁴⁰. С диалогами связано разыгрывание сцен из сновидения (вариант психодрамы), когда ключевое действие сновидения, символически оформляется и приводится к положительному разрешению. Близкой можно назвать *технику «символического погружения в сновидение»*, когда ключевому символу надо измениться и стать более сильным и связанным со структурами неосознаваемого психического. **«Вызывание сновидений»** на заданную тему предполагает фокусировку на ней перед сном с формулированием взгляда на проблему. Отметим, *исследование повторяющихся сновидений* и соотнесение найденных в них тем, символов, форм поведения с событиями реальной жизни. **«Работа со сновидящим телом»** связана с переводом образного опыта на уровень непосредственного телесного ощущение

³⁹ Приведем некоторые вопросы к сновидению (о других вопросах мы уже говорили). Каковы основные события во сне? Почему во сне я делаю именно то, что делаю? С чем хотелось соприкоснуться и чему я больше всего сопротивлялся? Что связано с событиями других сновидений и с происходящими событиями в моей жизни? Что больше всего вдохновило меня? На что в этом сновидении мне нужно обратить особое внимание? Какие вопросы возникли?

⁴⁰ С. Каплан-Уильямс говорит и о диалоге с «духовными сущностями», которые реальны, однако их место в психике человека не выявлено.

ния (осознание телесных ощущений в снах способствует осознанию заблокированного материала). Наконец **«работа со сновидениями архетипического содержания»** выявляет, какие основные архетипы преобладают в снах. На этой основе усиливаются другие архетипы. Работа с архетипами основана на рассмотрении сновидения как энергии, возникающей за пределами Эго [163].

Из сказанного ясно, что работа со снами — это тема, имеющая свою тонкую специфику, отмеченную сторонниками различных подходов [71; 163; 170; 176]. Освещение данной темы более подробно не входит в нашу задачу. Однако мы еще вернемся к этой проблеме под другим углом зрения, при котором подчеркиваются возможности «зависания» человека в травмирующих переживаниях при работе со снами (а такое случается), указывается присутствие в «организации сновидения» отрицательного метафизического фактора, способного вносить существенные искажения в трансляционную роль сновидений.

6.5. ОБРАЗЫ ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ

В последние десятилетия осознание недостаточной эффективности традиционных методов психокоррекции привело к возникновению направления, ставящего во главу угла опыт непосредственного переживания вне рамок обычного состояния сознания. Использование измененных состояний сознания для психологического воздействия имеет, однако, древнейшую историю. Во все времена в различных духовно-религиозных традициях старались «расширять сознание». Привлечение этого опыта и играет сегодня большую роль в развитии новейших методов психической саморегуляции. Широкое использование получили как относительно легкие способы формирования измененных состояний сознания (например, различные упрощенные медитативные психотехники, адаптированные к неопитам школ «коммерческой духовности»), так и сильные, связанные с применением психофармакологии, специальных дыхательных техник, шаманских практик и др. Многие приемы воздействия на индивидуальное сознание давно используются в психотерапии, особенно в гештальт-терапии, эриксоновском гипнозе, НЛП, психосинтезе. Такие психотехники, как считают специалисты, помогают в контроле образного опыта (при достижении внутреннего покоя, концентрации на решении задач).

С понятием «медитации», в частности, специалисты связывают спонтанное проявление в человеке информации в состоянии «внутреннего созерцания». Считается, что подобные приемы помогают адекватному видению мира, освобождают от внутренней дисгармонии⁴¹.

Для имагопрактики признается полезным то, что медитация развивает способность фокусировать сознание на объекте, каковым может стать и внутренний мир человека, любой присутствующий в нем образ. Люди получают возможность побыть во «внутренней тишине», сконцентрироваться на чем-то важном и выработать контроль за «потоком образного опыта». Человек может стать квалифицированным наблюдателем за событиями внутреннего мира [213; 422]⁴².

⁴¹ Подчеркивается, что медитация — не бегство от самих себя (от страха остаться наедине с собой) или от того, что кажется нежелательным в жизни, а возможность что-то вспомнить в личном опыте, послушать, что говорят различные части Я, наладить взаимоотношения между Эго и «духовным началом». Слово «медитация» понимается в различных смыслах: как размышление (*лат. meditatio*) с особой концентрацией на мысли, образе, внешнем предмете как внутреннее очищение в процессе поиска «истинного Я». Существуют различные формы медитации. Например, можно выделить типы медитации, связанные с телесными чувствами (типа хатха-йоги), визуализацией, слышанием (например, работа с мантрами), движением (в частности, тайчи-чуань, суффийские танцы) и др. [422].

⁴² Согласно процессуально-ориентированной психологии А. Минделла, все сенсорные каналы выражают одно и то же послание. Часто люди не могут работать с материалом подсознания не по причине *содержания* его «послания», а по причине *неадекватности языка*. Поэтому и надо упражняться в переходе с одного сенсорного канала на другой. Надо осознавать, в *каком* канале человек находится, и уметь переключать каналы, чтобы найти переживание, которое он хочет избежать. При затруднениях в работе с образами в каком-то из них, следует перевести опыт в канал «ведущей сенсорной модальности». Ощущения усталости в теле можно переводить в образ (например, усталого человека в определенной ситуации), или в звук. При визуализации трудной сцены можно послушать голоса, сопровождающие «картинку», или найти телесные ощущения, которые ей соответствуют. Во внутреннем видении и слышании наиболее эффективно *усиление* сигнала, помогающее «посланию» раскрыться (вспомним о методическом требовании имагопрактики — представлять как можно ярче и детальнее). При работе с болезненными симптомами надо научиться чувствовать тонкие вещи: например, *как* боль распространяется по телу, *где* именно начинается тошнота и т.п. Симптом усиливается до ощущения некоего предела (edge) — границы осознания, за которой информацию трудно принять. Здесь отмечается феномен повторяемости какого-то переживания (образа, мысли).

Вариантом работы с образами измененных состояний сознания является известная юнговская техника *активного воображения* (АВ). АВ использует образную сферу для развития способности устанавливать связь сознания с неосознаваемыми сферами психики, в частности, с архетипами коллективного бессознательного. АВ стимулирует человека к порождению произвольных спонтанных образов, готовых выйти из глубин души в сознание. Глубинные образы освобождаются и *осмысляются* [72]. АВ-техника включает участие в воображаемых событиях, общение человека с «посланцами бессознательного», которые осознаются реальными, ранее скрытыми (и часто конфликтующими с осознаваемой информацией) внутренними частями его «Я», представленными в образах. Подчеркивается позитивность этого момента. Например, это может быть восполняющий характер неосознаваемых образов «анимы-анимуса-структур» относительно пола человека. Образы «персонажей» противоположного пола помогают, например, женщине увидеть себя в глубине души по-мужски агрессивной (что не проявляется в ее «персоне»). Мужчина может узреть в себе черты женственного характера, которые к тому же усиливаются при старании выглядеть мужественнее.

В активном воображении различают варианты (по R. Johnson): 1) Простая «встреча с бессознательным» — осознание «частей личности», в том числе архетипических персонажей, персонификации переживаний и т.п. Человек может называть «персонажи» именами, имеющими для него личностный смысл. 2) «Сделка» — использование воображения, чтобы договориться с найденными «персонажами», каждый из которых, «живя своей жизнью», имея свои потребности, хочет участвовать в общей деятельности сознания. Человек начинает видеть, что многие конфликты в жизни являются лишь спорами между «персонажами»⁴³. 3) Встречи с «великими архетипами духовного», в частности, с переживаниями и видениями, воспринимаемыми как божественные откровения⁴⁴.

⁴³ Один из АВ-вариантов — «проживание непрожитой жизни» (например, в сновидениях). «Непрожитые части себя» являются значимыми «персонажами», которые могут деструктивно заявить о себе — фантазиями на тему того, «что могло бы быть, если бы...», огорчениями и обвинением людей за нечто несвершившееся, завистью. С другой стороны, человек может почувствовать, что некий «несостоявшийся путь» не столь уж хорош.

⁴⁴ Р. Джонсон, подчеркивает: искусственное создание «духовного» опыта приводит к раздуванию Эго и скатыванию к оккультизму.

Одним из самых репрезентативных направлений психотерапии измененными состояниями сознания можно назвать подход и исследования С. Грофа, использовавшего различные способы формирования данных состояний, включая психофармакологию (ЛСД-терапию) и интенсивную гипервентиляцию мозга (голотропическое дыхание).

Осмысление личностных изменений посредством моделирования измененных состояний сознания должно учитывать, с одной стороны, недопустимость массового (т.е. профессионально неконтролируемого) использования специальных методов изменения сознания, а с другой, считаться с фактом того, что они в принципе показали себя психокоррекционным средством. Необходимо признать, в частности, определенные успехи терапии измененными состояниями сознания в наркологической практике. Алкоголизм и наркомания во многом являются следствиями неправильной реализации потребности в трансценденции [357]. Образы измененных состояний сознания способны не только показывать такие важные для самопознания вещи, как взаимосвязь жизненных событий, невротические матрицы, со специфическими эмоциональными проблемами, но также влиять на мироощущение. Человек может почувствовать себя освобожденным от агрессии и тревоги, пережить духовное обновление в чувстве единства с миром, испытать желание творить добро и пр. Психокоррекционный потенциал, например, трансперсональных образов состоит в их способности преодолевать ложную идентификацию человека со своим Эго, внутреннюю раздробленность и невротическую отделенность от мира, депрессию, танатофобию, суицидальные тенденции и др. Так, образы, отражающие «проблемы рода», помогают разобраться в индивидуальных проблемах человека, ибо они во многом «сценарны»: человек может нести проблемы («родовые грехи») умерших родственников.

Сторонники подхода к психокоррекции измененными состояниями сознания считают, что сильное эмоциональное отреагирование в этих состояниях способно «сжечь» психотравмы, уничтожить некую сквозную систему установок, освободив человека от психопатологических проблем на глубинном уровне. Образный опыт измененных состояний сознания выражает конкретного человека на текущий момент его жизни. Диапазон высоко индивидуализированного образного опыта снимает вопрос о «моделировании психоза». Подобные идеи базируются на известной психологической идее: чтобы лишить негативные внутренние силы «тайной власти» над человеком и предотвратить последствия их спонтанного прорыва, эти силы должны быть вытасканы на свет. Измененные состояния сознания позволяет не толь-

ко пережить в возникающих образах эмоциональный заряд конкретного травмирующего события и всей системы конденсированного опыта⁴⁵, не только вновь увидеть мир таким, каким он воспринимался ребенком (круг воспоминаний к тому же расширяется)⁴⁶. Человек сталкивается с переживаниями за пределами биографии, в которых могут находиться истоки его проблем.

Вместе с тем острой теоретико-практической проблемой изучения психокоррекционного потенциала образов измененных состояний сознания являются возможные негативные моменты при актуализации глубинного опыта. Отметим, что психология признает сложности

⁴⁵ С. Гроф вводит понятие «системы конденсированного опыта» (СКО) — констелляции реальных воспоминаний и связанных с ними фантазий из различных жизненных периодов человека, включая и внутриутробный. Образный опыт имеет некую стержневую тему и сходные переживания в ее реализации в образном опыте в целом. Травмирующие события различных периодов фиксируются в памяти в тесной связи с исходным переживанием этой серии — так называемой «первичной травмой». Последняя формирует «исходное ядро СКО», как правило, восходящее к ранним годам. Вокруг образного события, составляющего содержание данного ядра, и организуются более поздние воспоминания (ретроспективные образы и фантазии на их основе). На переживание каждого нового события в жизни человека влияют уже все случившиеся события сходного ценностно-эмоционального смысла. Например, различные слои одной СКО могут содержать все воспоминания о столкновении человека с унижительными или тревожными ситуациями. Под влиянием «ядерного переживания» возникает обобщенная система установок, определенный комплекс защитных механизмов и специфических симптомов. Негативные СКО отражают спектр проблем, описанных классическим психоанализом, причем у лиц, не знакомых с ним (особо у лиц с серьезными эмоциональными проблемами, психологическими травмами). Положительные СКО фиксируют приятные воспоминания. Образы при актуализации СКО могут быть хаотичны (бред). Элементы травматических воспоминаний часто представлены в символической форме. Отражаются либо ассоциативные связи предмета (например, игрушки) с эмоциями (например, с чувством одиночества) либо травматическая ситуация в целом. Человек испытывает на себе некие роли, например, «жертвы». Особое значение приобретает осознание роли физической травмы в развитии внутренних конфликтов, проблем (например, садомазохистских тенденций). Многие проблемы связаны с событиями в уже знакомых нам БМП. Так БМП 1, например, вероятный источник шизофренических и паранойяльных состояний, а БМП 3 — садо-мазохистских наклонностей.

⁴⁶ Например, как указывает С. Гроф, ребенок может иметь травмирующие воспоминания не о стрессе «операционного стола», а об изоляции от родителей или о контактах с окружающими его в больнице взрослыми.

контакта сознания с неосознаваемой сферой психического, в частности, то, что многие люди были травмированы при столкновении с ней. В специальной литературе метафорично говорится о том, что в глубинах неосознаваемой психики существуют «вселенные неизвестных реальностей» со своими законами. В связи с этим понятно предостережение, почему даже «мягкую» АВ-технику не следует практиковать, если рядом нет кого-то, кто способен вернуть человека из неизвестных реальностей в этот мир (в случае, если образы ошеломят его) [72, с. 54]. Действительно, сфера неосознаваемого психического «затягивает» и «захватывает» человека. Юнг, как известно, на себе испытал атаку выпущенной наружу фантазии, захлестывающей сознание, разрушающей личность.

Важным является замечание А. Минделла о том, что поток измененного медитативным воздействием сознания может быть опасен для человека без понимания источников образов, без грамотной проработки актуализируемого материала. В частности, подавление в медитативных техниках негативных чувств или черт характера может спровоцировать напряжение в межличностных отношениях (медитация в указанном варианте дает лишь иллюзорное избавление от проблем). Особенно это касается тех людей, которые сильно отождествляются со своими «масками» [422]. Специалисты по измененным состояниям сознания подчеркивают необходимость уважения к «могущественным и неведомым силам»⁴⁷ неосознаваемых сфер психического (особенно наиболее «глубинно-подсознательных или, наоборот, «надмирных» ее уровней), которые человек не в состоянии контролировать и, соответственно, правильно с ними обращаться [213]⁴⁸

Феноменология образов измененных состояний сознания свидетельствует о негативных моментах, таких, как, например, сильные дезадаптирующие симбиотические тенденции по отношению к «гиду-терапевту», соскальзывание и застревание в тяжелых переживаниях

⁴⁷ Помимо традиционного их представления в психологии, в частности, в виде юнговской «тени», это могут быть силы, описанные в культурологических источниках. Например, это силы, связанные с состояниями «бардо» в тибетской традиции или шаманскими путешествиями в «нижний мир» и др.

⁴⁸ Есть проблемы и в плане опытного руководства. О необходимости такого, естественно, говорится. Но специалисты как-то самоуверенно полагают, что они способны защитить человека от возможных при измененных состояниях сознания психотравм. А это сомнительно хотя бы потому, что в России работающие с «измененкой» психологи штампуются в огромных количествах в сериях непродолжительных семинаров.

и приобретение на этой основе стойких психосоматических симптомов. Сам класс образов измененных состояний сознания влияет на характер негативных последствий. В частности, переживания «проблем рода» могут оставить человека в «полной безысходности», а так называемые «реинкарнационные воспоминания» о своих «прошлых жизнях» привести к чувству «раздавленности плохой кармой». Переживания образов архетипического содержания травматичны из-за ощущения, что некая «сущность архетипа» контролирует человека, влияет на мысли, эмоции, поведение. Не случайно юнговские «комплексы» рассматривались и как одержимость души воображаемыми существами. Архетипы также можно рассматривать как «автономные сущности». Образы архетипического содержания часто переживаются как «божественные существа», помогающие или угрожающие. Причем человек не властен их контролировать. Напротив, различные «боги/демоны» управляют людьми. Например, присутствующая в архетипе бога Меркурия, олицетворяющем первозданный хаос, гигантская жизненная энергия превращается в огромную разрушительную силу. «Овладев человеческим воображением, она толкает на безудержное разрушение, упоение битвой, кровожадное иступление» [330, с. 92]. Уместно сказать и о переживании «божественного всемогущества», которого человек боится. В исторической ретроспективе, пытаясь представить «божественную сверхсилу», человек не только воображал страшных богов: огромных, многоруких, драконообразных, но и приписывал им свои страсти — жестокость, мстительность, извращенную эротику. Такой «бог» санкционирует все это, выступая орудием вседозволенности [162, с. 372].

Двойственность оценки вторжения неосознаваемого материала существовала давно. Мы можем увидеть это на следующих примерах. Юнг испытал вторжение архаического содержания в сознание, когда его ум буквально разрывался от страшных видений. У Джемса же вторжение бессознательного анализировалось в контексте обретения человеком веры в Бога: «озарение» наступало, когда сознание, изнуренное молитвенными трудами, было уже неспособно сопротивляться. Подобная двойственность может быть соотнесена с идеями С. Грофа о двух комплементарных, но противоречащих друг другу модусах сознания — картезианско-ньютоновском (окружающее воспринимается как разделенные объекты в трехмерном пространстве) и трансперсональном (сознание такие объекты не фиксирует). Здесь надо подчеркнуть мысль о том, что, воспринимая мир трансперсонально, человек *не может нормально функционировать в обычном мире. Неспособность произвести интеграцию модусов оканчивается психозом* [167, с. 187].

В оценках опасностей контакта со сферами «латентно-потенциального сознания» необходимо более глубокое понимание того, что в этих сферах человек встречается с мощнейшими *автономными силами*, которые *могут выйти из-под контроля и принести вред*. В частности, недостаточно осмыслены духовно-нравственные последствия актуализации неосознаваемых сфер. Поскольку более глубокая и серьезная постановка вопроса «духовной безопасности» человека в измененных состояниях сознания многим кажется излишней, подходы, направленные на овладение силами неосознаваемого психического, сегодня очень популярны⁴⁹. Будем, однако, исходить из представления о том, что в глубинном самопознании существует возможность проявления и функционирования деструктивных сил, замаскированных под «энергию самоактуализации». Современная психология личности не учитывает опасностей, которые могут возникать при попытках людей овладеть этими силами, в частности, при эмоциональном реагировании в измененных состояниях сознания. Речь же может идти о своеобразном включении человека в некие, еще не осмысленные наукой, аспекты взаимодействия с реальностью.

Итак, главное в проблематике измененных состояний сознания, — взаимодействие человека с гипотетическими метафизическими измерениями реальности. Суммарный религиозно-философский опыт человечества свидетельствует о такой возможности в связи с «ангельскими» и «демоническими сущностями» «невидимого сверхчувственного мира». Проработку вопроса о воздействии отрицательного метафизического фактора («темных сил») можно найти не только в православно-христианской традиции, но и в традициях многих других культур⁵⁰. На уровне феноменологии выделены различные степени такого влияния — от легкой манипуляции душой человека через внушение различных греховных помыслов без осознания контакта с «темными силами» до субъективного чувства «бесовского одержания», своего подчинения «воле демона» и даже до произвольного служе-

⁴⁹ Часто эти подходы связываются с идеей «пути воина-шамана», важной для «путешествий» в измененных состояниях сознания. А. Минделл [213] подчеркивает, что западные идеи об индивидуации кажутся сухими без «поиска воина в себе». Он, однако, предупреждает, что не все смогли найти «путь сердца», ставши лишь «жестокими инструкторами».

⁵⁰ Например, это восточные традиции, популярные именно в кругах развивающих программ (в трансперсональных и ньюэйджевских «духовных тусовках»).

ния «нечистой силе». Намечена и типология «духовных контактеров» в зависимости от духовно-нравственного состояния и гипотетических механизмов [236; 330]. Оставаясь в рамках академической психологии, не будем вдаваться в описание подобной информации, но заметим, что в принципе, такая информация должна быть как-то осмыслена традиционной наукой. В частности, исследователям роли измененных состояний сознания в психологической коррекции бесполезно знать, что вследствие несоблюдения людьми духовных законов мироздания и снижения в этой связи благодатной защиты возможно подключение человека на «отрицательный метафизический контакт» *без его согласия* (согласие человек уже дал уходом от исполнения духовных законов). Это и происходит в псевдорелигиозных сектах, школах личностного развития ньюэйджевской и трансперсональной методологии. Характерно отрицательное влияние через рынок «безгрешных» магических услуг, получивших широкое распространение.

Часто внедрение «демонической программы» происходит во время болезни, несчастного случая, клинической смерти (см. историю М. Цвигун, основательницы Белого Братства), во время гипноза.

Следует отметить феномен маскировки «темных сил» под «силы светлые» (об этом мы поговорим ниже), а также подчеркнуть вопрос о «целителях-экстрасенсах», различных «гуру», у которых имеется опасная иллюзорная вера не только в собственную исключительность и «богоизбранность», но в покровительство «высших сил». Отсюда возникает иллюзия собственной неуязвимости для сил зла и вседозволенности в «духовном руководстве» людьми. В результате прельщенный «наставник» становится носителем зла, не замечая этого⁵¹. Забывается, что описываемые в различных традициях духовные состояния

⁵¹ В западных школах личностного роста используются специальные образные психотехники усиления контакта с «высшими божественными силами». Считается, что подобные приемы увеличивают открытость поступающей от него через образы информации. В качестве примеров можно указать на: а) строительство некоего «светового моста» от индивида к «высшей реальности», б) сосредоточение на «высшем Я», как на бессмертной «частичке мироздания», в) представлении своей связи с неким «Источником жизни» и т.п. Однако все подобное способно привести к духовно-нравственному самообольщению и разрушительному для личности «контактерству» с демоническими духовными сущностями. Е.А. Файдыш подчеркивает, что этот процесс облегчают мифологемы типа «Откройся всему миру — и твоя любовь все трансформирует», «Ты неуязвимый для злых сил светлый дух».

являются следствием многолетних усилий аскезы, отречения от материальных благ, наработкой духовной силы. Е.А. Файдыш выделяет признаки деструктивных сект: 1) обещание решения всех жизненных проблем; 2) ориентация на обретение магических способностей; 3) отсутствие преемственности от духовной традиции, претензии на создание новой всеобщей религии (синтезы типа Аум Синрике и «виссарионовщины»); 4) искажение «посвящения в традицию» — «духовная инициация» стала, по сути, просто дорогостоящей психотехнической процедурой [330]. Также отмечается, что часто эзотерические практики воспринимаются как виртуальная игра.

Современный ренессанс язычества обусловлен тем, что в религии, магии и оккультизме человек ищет лишь дополнительных средств для усиления своей значимости. Не вступило ли человечество в эпоху «оккультно-мистического гуманизма», в котором с помощью различных «высокоумных трансценденций», «горделивых медитаций» человек усиливает «эгоцентрическую самость», полагая, однако, что он устремляется к свету [298, с. 198]? Священник и психолог Владимир Елисеев в этой связи подчеркивает, что при всем разнообразии оккультных и восточных религиозно-мистических систем их психотехнические приемы удивительно похожи и направлены на установление контакта с «невидимым миром» [133, с. 32]. Он заостряет вопрос об обеспечении безопасности души человека. В.А. Елисеев напоминает, что назначение земной жизни человека не включает необходимости чувственного познания «невидимого мира» (в образах измененных состояний сознания).

Относительно роли образов измененных состояний сознания в психологической коррекции возможны вопросы: что скрывается за подобными состояниями и в какие пространства входят люди, практикующие различные психотехнические приемы воздействия на сознание? Есть серьезная опасность того, что медитативные психотехники, например, приводят к ложнодуховному состоянию. В плане преодоления искаженной духовности на путях решения проблемы использования духовного опыта в развитии личности возрастает значение христианского святоотеческого аскетического духовного опыта. Его уникальность состоит в том, что оно не ориентировано на приобретение магических способностей (когда человек не желает *меняться сам*, а хочет, чтобы по его воле менялось все вокруг), а обращено на преобразование искаженной человеческой природы. В качестве центральной выдвигается проблема единства-разъединенности телесных, душевных и духовных подструктур человека.

«Описание и выявление закономерностей интеграции или распада указанных сторон в разные периоды жизни личности в зависимости от ее жизненного выбора (зла или добра) позволяет выделить основания для личностной типологии. Согласно христианской антропологии, дух есть то, что должно стоять на вершине иерархии психической жизни человека. Когда же иерархия нарушается и главенствующее место в ней занимают низшие составляющие психической жизни и человеческого бытия, говорить о полноценной, совершенной и гармоничной личности неправомерно» [100, с. 48].

Необходимым для разговора на затронутую тему понятием христианской антропологии является *грехопадение*, оказывающее влияние на телесную, душевную и духовную жизнь личности. А.А. Гостев, В.А. Елисеев, В.А. Соснин подчеркивают [100], что в психологическом плане «грехопадение» можно трактовать как нарушение человеком в себе *иерархии составляющих его структур*, приводящее к изменению, извращению и даже распаду его психологической природы. Человек совершил переворот внутренней структуры, переставив центр своей жизнедеятельности с Бога на самого себя [100, с. 50]. Душа утратила свое субстанциональное единство, и потерялась в хаосе своих же состояний, в «потопе страстей» [337, с. 175]⁵². Иерархия подструктур

⁵² В христианской антропологии **«страсть»** понимается как *несвободное* состояние внутренних сил человека, отражающее некий интерес, чрезмерно разросшийся в ущерб другим и подчиняющий себе волю человека (это ярко видно на примере алкоголизма). Страсти, связанные с телесно-потребностной сферой, становятся центром внутреннего мира человека, и под их влиянием человек реагирует на окружающую действительность и на самого себя. Православное учение сводит все многообразие страстей к восьми главным: «чревоугодие», «блуд», «сребролюбие», «гнев», «печаль», «уныние», «тщеславие», «гордость». Являясь пороком человеческой природы, страсти опираются, по мнению св. Максима Исповедника, на «погрешительное суждение о мысленных представлениях, сопровождаемое неправильным употреблением вещей». Иными словами, грехом является неправильное употребление вещей: не пища является злом, а чревоугодие, не деторождение, а блуд, не деньги, а сребролюбие. В природе нет зла, кроме злоупотребления, «которое случается от невнимания ума к действиям естественным». Подчеркивается, что «пища создана для двух потребностей — для питания и врачевания», поэтому «принимаящие ее не с этими намерениями, употребляют во зло данное Богом на пользу. Поскольку же источник греха — в поврежденности духовной стороны человека как следствии его разрыва с Богом, в ее ослаблении по сравнению с низшими составляющими — душой и телом, то источником преодоления «страстного состояния» является восстановление связи человека с Богом [100, с. 51–52].

психики деформируется: на первое место выходит низшая часть — плотское начало, делающая своими слугами и «душу» и «дух».

Актуальность идеи грехопадения для психологии очевидна даже вне мистического смысла психической иерархии: нельзя высшее подчинять низшему. Влияние тела на душу у современного «перевернутого человека» доходит до извращения деятельности души. Но именно такого человека культивирует академическая психология, утверждающая нервно-соматическую обусловленность психики и все еще не освоившая смысл и роль духовного в человеке. Согласно святым отцам, искаженность человеческой природы обусловила всю психологическую проблематику современного человека. Чувственность, освободившая от контроля со стороны духа и разума низшие потребности, получившие преобладание по численности и интенсивности, все отчетливее вступает в антагонизм с сущностью человека [100, с. 50–51]

В соответствии с соотношением в человеке духа, души, тела можно предпринять (В.А. Елисеев писал об этом раньше) типологизацию личности [100; 269а]: 1) душа полностью подчинена потребностям тела и обслуживает его; 2) душа полностью подчинена потребностям духа и обслуживает их, 3) душа живет сама собой, пренебрегая и телом и духом. «Два первых альтернативных варианта соответствуют двум крайним типам личности, которые характеризуются взаимно перевернутыми иерархиями соотношения духа, души и тела. Главный выбор человеческой жизни — это выбор направления движения, определяющий тип формирующейся личности. Поскольку этот выбор совершается в течение всей жизни, то исходным в православной психологии является тезис о несовершенстве человека, о пребывании его в состоянии «расстроенности», когда не определено окончательно взаимоотношение основных его составляющих — духа, души и тела. Естественным итогом человеческой жизни должно быть достижение окончательного и уже неизменного соотношения этих начал, когда переход в иное состояние уже не возможен» [100, с. 58].

Итак, понятно, что ни о какой «безпроблемно-позитивной» с точки зрения духовного развития людей измененности их сознания речи быть не может, особенно при попытках произвольного его моделирования. Напрашиваются, как минимум, следующие вопросы для научного обсуждения на междисциплинарном уровне, включая данные духовного познания в конкретных традициях.

- 1) Нужно ли человеку в принципе проходить через энергетически и информационно мощные пласты своего неосознаваемого психического с целью их проработки и интеграции сознанием?
- 2) Насколько необходимо на путях личностного развития и духовного роста «сжигание» психотравм, внутренних проблем и конфликтов в катарсисе мощных, порой драматичных, болезненных и шоковых переживаний измененных состояний сознания?
- 3) Какую роль для духовного развития играет контакт «фокуса сознания» с подсознательными «темными закоулками» психики?
- 4) Осознает ли в полной мере наука и в целом духовное познание человечества опасность выпуска на волю «внутреннего необразованного зверя страстей»?

Эти вопросы тем более уместны, что катартическое отреагирование глубинного материала, хотя и признается психокоррекционным средством, но не является бесспорным в среде психологов [428]. Проблема глубинного эмоционального катарсиса не видна, если исходить из традиционного психологического взгляда, согласно которому *заблокированный психический материал находится внутри субъекта* (например, образы — лишь актуализация событий внутреннего мира). Но духовный опыт человечества не позволяет игнорировать предположение о том, что люди подвержены воздействию объективных «метафизических сил». То, что их наличие нельзя научно доказать, не снимает вопроса. Опровергнуть их существование науке также не удалось. Допущение же таких воздействий означает то, что снятие определенных индивидуальных блоков (интроспсихической и экстрапсихической природы) может привести к «выпуску джина из бутылки» и, соответственно, к усилению взаимодействия души как с деструктивными силами неосознаваемого психического, так и отрицательными метафизическими влияниями. Какую энергию и какую информацию в этом случае может получать человек, откуда и с какой целью?

В любом случае высказанные предположения поднимают вопрос *защиты* человека в ходе психологической коррекции моделированием измененных состояний сознания.

Вместе с тем указанные сложные и противоречивые моменты в использовании образов данного класса могут учесть только сами

специалисты в данном направлении, — относительно конкретных случаев в своей практике и при условии, если они задумаются о существовании указанных аспектов проблемы. Позиция автора — это привлечение внимания специалистов к вопросу с акцентом на принцип «*Не навреди*». В любом случае вопроса о ***более строгом определении ограничений в использовании образов измененных состояний сознания не избежать.***

В зависимости от нравственных достижений личности, от качества и интенсивности образного опыта можно выделить три *плоскости* рассмотрения роли образной сферы личности в познании духовных смыслов бытия.

- 1) *Психокоррекционная плоскость*: образы рассматриваются как безусловно положительное явление, помогающее самопознанию, внутреннему изменению, психокоррекции. Это, по сути, уровень традиционной «атеистической психотерапии», на котором еще нет гипотетического «метафизического измерения» вопроса. «Духовная вертикаль» высших духовных смыслов здесь представлена неявно⁵³.
- 2) *Плоскость начального духовного поиска*. Здесь мы имеем подходы, в которых образная сфера личности соотносится с выделяемыми общими моментами в различных системах духовного поиска, например, в связи с представлениями о «высшей реальности», о «невидимом духовном мире», о «трансперсональных областях» человеческого опыта и т.п. Здесь присутствуют сложнейшие вопросы методологии изучения нравственно-духовного развития и религиозного опыта. На данной плоскости необходимо активизировать и задействовать весь резерв, известный психологии личности, практике психологической коррекции и психотерапии, связанный с защитной функцией самой психики от негативных воздействий как в плане аутодеструкции актуализацией определенных матриц, так и внешних энергоинформационных экологических факторов, в том числе и метафизических влияний. В данном ракурсе понимания мы сталкиваемся со скрыто деструктивной

⁵³ На данной плоскости могут быть выделены уровни анализа проблемы, например, образная сфера личности и психосоматическая организация человека, образная сфера «глубинно-неосознаваемое психическое» и др.

методологией New Age с подходами трансперсональной психологии.

- 3) *Плоскость конкретной духовной традиции.* Отношение к роли образной сферы в личностном развитии задается самой традицией. Здесь следует отдавать предпочтение тем традициям, которые наиболее глубоко отрефлектировали проблему когнитивных, эмоциональных и поведенческих искажений в процессе осознания, переживания и понимания духовных смыслов бытия. Подобный опыт в рамках духовной традиции способен выступить предостережением для других. На этой плоскости анализа проблемы мы встречаемся с точкой зрения святоотеческой аскетики на те опасности духовного роста, которые могут идти через образную сферу.

Перечисленные ракурсы с их возможной детализацией являются *разными измерениями* роли образной сферы в личностном развитии. Они *дополняют* друг друга в прояснении той роли, которая проявляется по-разному на указанных плоскостях. Плоскости рассмотрения могут быть поняты и как различные мировоззренческие, духовно-концептуальные основы описания трансляционной функции образной сферы личности и как этапы на пути к обретению истинного духовного видения. На первом этапе можно признать полезным использование имагоприемов. Неоднозначность роли образной сферы личности в духовном познании не должна лишать человека психокоррекционного потенциала образов в рамках традиционной психотерапии — проработки житейских проблем (вне «религиозного контекста»). Для кого-то психологическая консультация была началом духовного пути. Однако эту неоднозначность следует всегда иметь в виду и психологу в работе с людьми, и ведущему тренинг, и человеку, самостоятельно стремящемуся к личностному росту.

6.6. ИЛЛЮСТРАЦИИ ИМАГОПРАКТИКИ

В данном разделе даются простые иллюстрации имагопрактики в соответствии с теми нравственно-психологическими и методическими требованиями к ней, которые были изложены выше [79; 428].

Образная сфера личности в самопознании

Для тренировки использовались спонтанно возникающие образы (животного, предмета и т.д.) и оценка человеком чувства наличия в них некоей информации в плане подсказок или подтверждения догадки. В работе с образной сферой эффективными показали себя следующие имагоэтюды. «*Дверь*»⁵⁴ имеет отношение к разным темам⁵⁵. Телеведущие, например, «войдя в студию», видели себя со стороны, что могло дать подсказку относительно их профессиональной деятельности⁵⁶. Имагоэтиюд «*Коробка*» — формирование

⁵⁴ Человек представлял некую дверь (или двери), воображал, что происходит за ней, потом «открывал» ее и описывал, что там «на самом деле» происходит и как это к нему может относиться.

⁵⁵ Дверь (ворота) является символом входа/выхода в новые социальные отношения, жизненные обстоятельства и т.п. Можно говорить и о преодолении сопротивлений на пути обретения нового опыта. *Закрытие двери* — выход из неких ситуаций, прекращение отношений. Закрытая дверь является также символом барьера. Сильные барьеры — это дверь с замками, открывание которых символизирует преодоление препятствий (невозможность открыть замок говорит о страхе преодоления барьера).

⁵⁶ В имагоэтиуде «*Три двери*» человек наблюдал за некими тремя дверями, расположенными перед ним во фронтальной плоскости. Он мысленно вопрошал себя, что происходит за ними. Вокруг дверей могли происходить и некие действия — в двери кто-то входил, выходил, переходил; при этом что-то могло быть видно в «пространстве» за дверьми. Информация от центральной двери связана со взаимоотношениями с противоположным полом; левая дверь в сочетании с центральной может свидетельствовать об основном конфликте человека; правая — символизирует способы разрешения жизненных проблем или надежды человека. «Прохладные отношения» с родителями в детстве обычно проявлялись в степени закрытости левой двери. Наоборот, прекрасные воспоминания детства отражались в видении добрых людей, выходящих из левой двери и входящих в правую (жизненная перспектива, заложенная родителями). Отсутствие личной жизни или пустота отношений, или проблемы в этой сфере, конфликты в семье соответствовали либо ощущению пустого пространства за центральной дверью, либо присутствию за ней чего-то неинтересного («на что и смотреть-то не хочется»), что подтверждали образы, связанные с центральной дверью. Отсутствие интимной жизни как тенденция выражалась в «стойкой» закрытости двери. Яркий пример травмы сексуальных отношений — огонь из распахнувшейся двери (часто это выражало «опаление страстью в запретных отношениях», например, при прелюбодеянии). Гармоничные отношения в семейной жизни рождали образы, показывающие привлекательность того, что находится за

представления о содержимом некой коробки (ок); «открытие» ее, осмысление находящегося в коробке также дает подсказку (испачканное свадебное платье могло предупредить о проблемах семейной жизни, порванный железнодорожный билет помочь принять решение не ехать куда-то)⁵⁷. «*Посещение дома/помещения*» обозревает общее «положение дел» или конкретные обстоятельства. «*Обследование дома*» показывает психологические проблемы человека — проекция внутреннего мира на внешнее пространство жизнедеятельности человека⁵⁸. «*Прийти в ...*» (мысленно отправиться

дверью. Часто было желание войти туда (хотя оно могло быть и в случае стремления прояснить что-то в сложных отношениях). У большинства же лиц из центральной двери выходили просто лица противоположного пола (часто при этом возникали подсказки, которые не озвучивались, но которым люди были благодарны). Хождение (частое) неких персонажей из левой двери в центральную обычно подтверждало вторгаемость родителей в личную жизнь. Правая дверь была в целом менее задействована. Она была либо закрыта, что соответствовало переживаниям «отсутствия выхода» у лиц с сильными внутренними конфликтами и внешними проблемами, либо это были некие абстрактные «светлые пространства», интуитивно ощущаемые за дверью, или видимые сквозь приотворяющуюся дверь.

⁵⁷ Данный имагоэтиюд помог, например, принять решение о предпочтительности увеличения доходных статей, чем сдерживания расходов. Так, в коробке — символе первого варианта, — находились «соломинка», «кристалл», «дорогая кукла». В другой коробке был манускрипт с описанием «путешествия в неизвестной стране» [428].

⁵⁸ В этой связи не обязательно вспоминать Фрейда. И с христианских позиций «дом» — это место, где разворачивается телесная, душевная и духовная жизнь семьи [232]. *Крыша* символизирует покров, надежность, то, как человек защищает себя. *Труба* — символ очищения. Значение *фундамента* — это основа духовного устройства (Мф. 7: 24-27). *Стены* показывают ограды и опоры, автономность и ограничения; стены — это память рода (что на стенах, то и в душе). *Окна и двери* показывают особенности общения с миром. Окна во двор или на улицу? Есть ли они вообще и какого размера? К дополнительным характеристикам отнесем следующее. Прозрачные стены дома свидетельствуют об истероидно-демонстративных тенденциях [140]. Окно может быть символом и ситуации *еще* открытой для реализации и ухода от неприятной ситуации, и желания, чтобы другие заглядывали внутрь [213]. *Дверь* — признак границы в общении с миром. *Порог* — символ входа в новое пространство. *Ступени* — духовное и социальное восхождение «наверх» (патриарх Иаков видел лестницу на Небеса). *Подвал* символизирует «душевный низ», а *угол* — тупик и т.п. Диагностичен вид дома снаружи. В норме это дом предназначенный для одной семьи [140]. Мысленная прогулка по помещениям *дома* помогает прояснить

в некую ситуацию и осмотреться) помогает обозрению как общего состояния дел, так и конкретных ситуаций. (Следует учитывать символику взгляда назад, вперед, вправо, влево.) Вариантами имагоэтюда были модификации заданий «*луг*», «*ручей*», «*опушка леса*» [140]⁵⁹. Имагоэтиуд «*Встретить кого-то*» — знакомого, незнакомого,

содержание индивидуального опыта. Обследование *чердака* и *подвала* и нахождение там каких-то забытых старых вещей помогают найти конкретные воспоминания. Дом также хорошо символизирует [375] персону-маску человека (это способ, которым он защищается, идентифицируясь с чем-то значимым в образе Дома), но может означать и мечты. Похожесть дома снаружи на дом кого-то из близких людей — свидетельство психологической зависимости от данного человека. Образ запущенности заднего фасада в отличие от парадного свидетельствует о большем стремлении «казаться», нежели «быть». Проблемы в интимной сфере ассоциируются с «образами спальни».

⁵⁹ *Образ луга* показывает особенности «поля жизни». Нормативный образ — солнечная погода летом или поздней весной; на лугу богатая растительность. Мрачность пейзажа (особенно в осенне-зимнее время) предполагает усиление внимания к внутренним проблемам человека. Находиться на краю представляемой картины — находиться на периферии жизни. «Бескрайние луга, уходящие вдаль» отражают недостаточную дифференциацию границ Я и неадекватные ожидания; «поляна в лесу» может свидетельствовать о депрессивных тенденциях, зажатости. Образ можно отнести и к ретроспективе (у Лейнера именно такой акцент). Работа с образом «луга» тогда может пролить свет на особенности детского периода. *Образ ручья* показывает грани протекания жизни (вода — источник жизни) через скорость течения, наличие запруд, температуру и прозрачность воды. «Образ-норма» — чистая, прозрачная, прохладная, приятная на вкус вода. Считается, что образ источника ручья отражают эмоциональную близость между матерью и младенцем. Работа с образами включает «пробование воды на вкус», «умывание лица», «растирание водой больных частей тела». Признаками нарушения считаются ненахождение истока, трудности в развертке образов, сложности с использованием воды (например, отказ пить по причине «грязной или плохо пахнущей воды»; нежелание «водных процедур из-за ее «холодности»). Положительным эффектом обладает «привыкание к воде», «очистка» ручья по пути к источнику. «*Опушка леса*» помогает выявить неосознаваемые страхи. Образы появляющихся из лесу «гостей» выражали каких-то неосознаваемых субъектов внутреннего мира или значимых людей в символической форме. Работа с образами (см. ниже) помогла преобразовать враждебность или, наоборот, пугливость «гостей из леса». В результате человек выходил из укрытия и начинал как-то общаться с ними. Давалась установка на «постепенное и мягкое приручение» (например, в виде кормления и нежного обращения). Информативными были также особенности «образа моря/океана». Здесь можно было судить не только о «море жизни», но и о конкретных вещах. Например, не отра-

символического персонажа — несет значимую информацию не только о взаимопонимании, но и о самопознании («внутренних персонажей»). Так, «встреча со старцем» может быть понята как контакт с «внутренним мудрецом». Встреча с кем-то и совместное дальнейшее путешествие — тесное взаимодействие неких «внутренних персонажей». Образ помощи от незнакомца подталкивает к попыткам понять, кто же этот внутренний помощник.

Имагоэтюды можно комбинировать. Например, для прояснения будущего в отношениях с людьми хорошо показала себя работа с темой: «*отправиться в ситуацию и встретить там кого-то*»⁶⁰. Блоки имагоэтюдов могут составлять серии. В следующей последовательности упражнений использовалась, например, вариация на известную архетипическую тему, символизирующую человека в плане личностного развития⁶¹.

Отождествившись с неким человеком, идущим по **дороге**, «путешествующие» изучали образ дороги и ландшафта вокруг, оценивали, насколько трудно идти. Далее надо было представить, что дорога привела к **туннелю**. Люди изучали образ **входа** в него, искали некое **послание** и шли внутрь. Через какое-то время они находили **дверь**, открывали ее и запоминали образ «за дверью». Послав от себя поток **света** (доброжелательности в любой другой форме), люди фиксировали произошедшие изменения и шли дальше. В конце туннеля их ожидал **подарок**.

Образ дороги является известным символом жизненного пути человека и может отражать цель, перспективу, конкретику жизненного периода. Мы имеем голографическую ситуацию — возможность описания опыта, полученного во время *любого* продолжающегося события.

жает ли образ заглохшего катера то, что в чем-то человек «запнулся» в жизни? Чему может соответствовать образ бухты, где не так явствен сильный шторм?

⁶⁰ Например, некто увидел прекрасный по хореографии мужской сольный танец, имевший, однако, какой-то едва ощутимый оттенок «демоничности». Образ помог не сделать большой ошибки в отношениях с неким человеком.

⁶¹ Здесь имело место комбинирование обобщенных ключей к интерпретации (которые человек получал после выполнения задания) с интуитивным пониманием «образного послания».

Это может быть большой жизненный период (например, юность в целом), время некоего «путешествия во время отпуска», любовного романа или каких-то «экстремальных страниц» жизни; образ может относиться и к ближайшему периоду текущего настоящего. Поэтому вопрос, *к чему лучше* подходит образ, поможет дать многоуровневую интерпретацию. Несмотря на простоту, образ дороги позволяет прояснить многое. Особенности дороги — прямая, извилистая⁶², протоптанная, ухабистая, широкая-узкая, уклон ее вверх или вниз, покрытие дороги, чувство легкости в представлении своего шествия по дороге (многие другие нюансы), — все это как-то свидетельствовало об особенностях жизни человека. Уже степень яркости-четкости образа свидетельствовала о показателях ясности представлений о своей жизни. В целом люди без особых личностных нарушений видели себя идущими из хороших мест в интересные места, через открытые лесостепные красивые ландшафты с встречающимися поселениями людей. Реакции людей могут быть отнесены к двум основным классам: 1) образы подтвердили общее представление о своей жизни или каком-то ее отрезке; 2) образы показали нечто неожиданное (или то, о чем человек лишь догадывался). Взгляд назад позволял оценивать какие-то важные события прошлого. Мысленное представление, куда приводит дорога, работало на оценку целей. Картины справа и слева интерпретировались, соответственно, с точки зрения следующих измерений: мужское — рациональное — социальное и женское — эмоциональное — личное. Приведем ряд иллюстраций.

Информативно *покрытие дороги*. Шествие по дороге, засыпанной тополиным пухом, например, могло выразить представление о комфортном отрезке жизни. Искусственное покрытие дороги показало диагностичность в смысле наличия некой «искусственности» в жизни человека, отсутствия связи с ее «естественными началами», «экранированности» от природного и т.п. (показательно, что в ходе имагопрактики образ искусственной дороги, как правило, исчезал). Особенно это относилось к асфальтированной дороге, при прохождении ее через урбанизированные ландшафты с обеих сторон (подчеркнем при этом значимость для женщин «застройки» с левой стороны). Один человек видел себя крадущимся по тропинке вдоль широкой автостреды, к которой он не мог подойти. Поскольку он считал себя «хозяином своей судьбы», образ для

⁶² Сильное «петляние» дороги из стороны в сторону отражает то, как жизнь «бросает из стороны в сторону».

него стал откровением, позволившим ему осознать, что на самом деле он вовсе не идет по своей «дороге жизни», а проживает какую-то другую жизнь, что ему надо привести их в соприкосновение. Покрытие дороги драгоценными камнями имеет тенденцию корреляции с демонстративно-истероидными чертами. *Заборы вдоль пути*. Жертвенный жизненный путь (служения близким, Богу), с которого «нельзя свернуть», давал образ узкого пути, идущего мимо заборов (или даже ограждений из колючей проволоки). Причем в образе отражались сомнения относительно пути — возникал взгляд сверху на себя, т.е. образ приобретал качества динамического индикатора, оценивающего внутренние сомнения на неосознаваемом уровне. *Пустыня* — путь через безводную пустыню помогал осознанию человеком безжизненности собственной жизни. В этом случае в плане психокоррекции полезно формирование образов «весеннего цветения» данных мест.

Туннель — символ прохождения человека через внутреннее изменение на пути личностного развития. Образ особенно диагностичен в случае прилагаемых в этом плане усилий. Информативно обозрение препятствия, через которое проходит туннель, вид входа в него. Можно ли, например, обойти некую гору? Препятствия для входа внутрь свидетельствовали о сопротивлениях личностному росту. *Послание* у входа относится к важной для личностного развития информации (часто в связи с работой человека в группе, индивидуально с психологом или самостоятельно). Образ туннеля внутри говорил об особенностях в процессе самопознания. Длинная бетонная трубка — не то же, что извилистая пещера. Пространство и предметы *за дверью* в туннеле (показательны вид двери и трудности ее открывания) отражают информацию, которая близка к осознанию и способна помочь прояснить особенности происходящих изменений в человеке. Посылаемый в это пространство *свет* (импульсы благожелательности, добра, благословения и т.п.) рассматривается в имагопрактике как преобразователь (катализатор) негативного в человеке в позитивное. Поэтому важен анализ, что произошло после изливания позитивности (что именно высвечивается и высветляется). Сильные изменения образа вселяют оптимизм: «скрытые резервы» есть, и их надо задействовать. *Подарок* — символизирует то, что человек, работая над собой, вносит в мир. Прекрасным подарком одного участника тренинга была лопатка для прополки сорняков: именно она поможет в будущем «очистить душу от плевел». То, что человек видит после выхода из туннеля, отражает его дальнейший жизненный путь. Информативно сопоставление образа дороги до и после *туннеля*.

Обычно туннель пролегает через места, которые трудно обойти. Наличие желания обойти туннель (под железнодорожными путями, шоссе, сквозь небольшие холмы), а также решетки перед входом в него, неприятные переживания (страхи) соответствуют сильным психологическим защитами. Послание в большинстве случаев либо не читается, либо содержит идею ободрения (типа «Я жду тебя»). Но бывают и важные подсказки. Например, одной женщине был дан совет «обязательно креститься», который она смогла прочесть только на выходе из тоннеля. Относительно образов туннеля внутри следует отметить вариант железнодорожного или автомобильного туннеля, что наталкивает на мысль о заданности другими, о запрограммированности, искусственности в развитии личности (не игра ли в самоизменение?!). Человек мог почувствовать, что он как бы не может выйти из некоей «колеи повседневности», вторгающейся в процесс самопознания. Показательны локализация двери (в связи с символикой правого и левого). Трудности открывания двери свидетельствуют о сопротивлении. Типичным примером трансформации «пространства за дверью» является его преобразование: некие «казематы» превращаются в «приятные пространства» с растительности («узкие пещеры — «галереи дворца»). Склонность к экзальтации проявила себя в образах чего-то «космического», «мистического». Что касается подарка, то часто это образы кристалла, драгоценного камня («кристаллизация» — символ внутренней организованности), шарообразных конструкций (символ гармоничности). Но были и конкретные «подарки судьбы» (например, свадебное платье). Поверхностное отношение к имагопрактике проявлялось в невозможности определить, что в коробке. Наконец отметим, что образ дороги и ландшафта вокруг менялся у всех людей (пропорционально вниманию к выполнению упражнений).

Повторение серии имагоупражнений (любого его элемента) развивает образ, вскрывает детали, а также позволяет работать в плане психокоррекции через изменение образов в сторону позитивности. Так, у одного участника тренинга дорога изменилась (до туннеля), стало легче идти, пейзаж стал дружелюбнее (он отмечал, что в период имагопрактики отношения с людьми стали более «гладкими»). У другого участника бетонные плиты, по которым он шел первоначально, были разбиты (это показывает процесс разрушения элемента ответственности в жизни), травянистые холмы заменили лес.

Другая серия имагоэтюдов включала: нахождение в дороге некоей вещи (не обязательно материальной), встречу с незнакомцем и получение от него подарка, проход через несколько ворот с наблюдением

изменяющегося ландшафта после каждого из них, нахождение инструмента, мусорного ящика, посещение дома/сооружения. *Находки* символизируют то, что человек неосознанно полагает полезным для себя. Они также могут пониматься с точки зрения *подарка*. *Встреча* информативна и в плане представлений о значимых других, и в плане образа самого человека (его «внутренний персонаж»). Найденные вещи помогают пониманию конкретных проблем в «дороге своей жизни» на отдельных ее этапах, прояснению, что полезно и что мешает в некоей ситуации, что необходимо для ее изменения («извлечение жизненных уроков»). Прохождение ворот свидетельствует об особенностях раскрытия материала из сфер неосознаваемого психического. *Образ инструмента* символизирует «настроенность струн души»⁶³. Содержания *мусорного ящика* — то, от чего надо как можно скорее избавиться (например, от вредных привычек).

При «прохождении ворот» отмечено соответствие сопутствующих этому трудностей (дискомфорт при открывании ворот, их закрытость, массивность и т.п.) выраженности защит, проявленных, в частности, в других имагоэтюдах. Некоторые участники тренинга даже поднимались по приставленной лестнице и смотрели, что находится за воротами. Отметим, что глубинные психологические проблемы могли обнаруживаться лишь за «четвертыми воротами». Так, у одного участника после одинаковых «полей» открылась пустыня, что соотносилось с его скрытыми депрессивными чертами. Работа с образом инструмента помогает почувствовать «внутреннюю гармоничность» в контексте особенностей коммуникативности человека (предназначенность инструмента к «сольному» применению). Образ мусорного ящика порой прямо демонстрировал, от чего нужно избавиться.

Имагоупражнения серии «*двойники*» помогают раскрывать грани *представлений людей о себе*. Образы показывают «внутренние персонажи», о которых человек и не догадывается. Понятно, что здесь не обойтись без образов воспоминаний, зафиксированных в памяти

⁶³ Это проясняют вопросы: какой это инструмент и насколько хорошо настроен? Какова его традиционная роль в оркестре и насколько типично для него исполнять соло? Умеет ли человек играть на нем и насколько легко? В связи с музыкальным инструментом можно постараться «услышать» звучание внутренних органов [191] — музыкальное или природно-естественное — сопровождаемое зрительными образами (избегая интерпретаций). Можно постараться улучшить неудовлетворительное звучание, например, «натягиванием ослабленной струны».

детских фантазий, влияний социальных стереотипов и культурных табу в процессе воспитания. Прояснению особенностей взаимодействия между различными Я (чаще всего оппонентами становятся аспекты внешнего и внутреннего Я) помогает прием наблюдения за двойниками. Например, человек представляет, что заходит в дом, подходит к одной из дверей, смотрит в замочную скважину, видит человека и понимает, что это он сам. Зайдя в другую комнату, он опять видит себя и разговаривает с двойником. В следующей комнате он видит уже компанию «своих Я» и т.д. Образы изучаются и оцениваются. Другой иллюстрацией выступает видение компании «своих Я» на берегу моря. Здесь можно поискать знакомые и незнакомые лица, проанализировать, что делают «персонажи» (например, один пошел купаться, начал тонуть и звать на помощь. Что делают все остальные «персонажи» и кто они?). К числу упражнений на поиск «персонажей-двойников» относилось, например, наблюдение за водной поверхностью или взгляд в зеркало с анализом изображений. «Взгляд на себя через замочную скважину» не только демонстрирует скрытые конфликты, отверженные части личности, психозащиты, но помогает принять все это; это те грани человека, над которыми надо работать. Телесный контакт между «персонажами» может раскрывать особенности глубинной деформации пола. В целом же все подобные упражнения показывает человеку его внутреннюю дезинтегрированность. Так, «первое Я» может быть «респектабельным миролюбивым господином», «второе Я» — одинокой злобной личностью, «третье Я» — гранью «идеального Я».

Важный элемент работы с образной сферой — составление списка «персонажей». Вначале человек задумывается о забытых «персонажах», например, чертах характера, интуитивно ощущаемых жалаемых качествах и т.д., не допуская в себя ничего, что ощущалось чужеродным. «Персонажами» могли быть любые личностные качества, черты характера, след, оставленный людьми, любые установки на мир, на самого себя, доминирующие чувства; особую тему составляют «страхи» и «устойчивые неприязненные чувства». Список содержит также архетипические фигуры. Наиболее осознаваемые в себе такие внутренние персонажи, как «целитель», «учитель», «мудрец», «воин», «беспристрастный честный свидетель» и др. Выделяются и функциональные команды «персонажей», например, «внутренний спецназ», в котором функции защиты его состава имеют свою специфику, «судебно-процессуальная команда» с известными ролями «судьи», «адвоката», «прокурора». Список включает также экзистенциальные темы: «смысл жизни».

ни», «главные цели». Наиболее предпочитаемые архетипические роли этого плана — «адвокат» (оправдывает людей во всем), «утешитель» (успокаивает, когда адвокат бессилён), «критик», заставляющий совершенствоваться, «мудрец» (наставляет в трудные минуты), «целитель» (врачует душевные раны; часто с «мудрецом»). В ходе имагопрактики список пополнялся. Работа с «персонажами» заключается в принятии пришедших по ассоциации образов, локализации их на субъективно комфортном расстоянии и «высветлении-гармонизации»⁶⁴.

Приведем ряд примеров изменения образов. **Отрицательные.** **Агрессивность, злость, гнев:** мотки колючей проволоки — красивая металлоконструкция; чудовище с несчастными глазами — цыпленок. **Гордыня:** каменная статуя — улыбающаяся девушка. **Язвительность:** осклаивающийся лев — мурлыкающая кошечка. **Ревность:** покрытый плесенью кактус — цветок в горшке. **Зависть:** гиена в огне — домашняя собака. **Ложь:** женщина в черном — мальчик в белых одеждах. **Страх:** летучая мышь — голубь. **Отвращение:** клякса — розовый куст. **Субъективно нейтральные.** **Неуверенность:** капкан — нечто декоративное на стене. **Безразличие:** туман — озеро с прозрачной водой. **Вспыльчивость:** черный огнедышащий шар — фонтан «солнечной энергии». **Терпение:** деревянные палки — красивый забор. **Позитивные.** **Совесть:** искры бенгальского огня — горящая свечка. **Надежда:** крест — золотой нательный крестик. **Вера:** неземной свет озарил все вокруг **Прощение:** сочное яблоко стало огромной корзиной фруктов. Пример работы с группой персонажей см.⁶⁵

⁶⁴ Во всех случаях работы с образом в плане его «чистки» использовалась модификация методики Н. Линды [185] и аналогичных приемов. См. описание {79}.

⁶⁵ «...Итак, ко мне придут гости, с которыми я не знакома, хотя знаю, что они мне очень близки. Вдруг я услышала «Привет!» Повернувшись, я была сильно удивлена. Передо мной стояла ... я сама. Я пригласила гостью сесть. Это была **Ученая**, одетая в строгий костюм, в очках, с папкой в руке. Меня поразило то, что она очень много знала, но хотела узнать еще больше. Я предложила ей остаться у меня жить. Она с радостью согласилась и пошла смотреть библиотеку, а я осталась встречать следующего гостя. ... По тому, как была выбита входная дверь я поняла, что у меня в гостях **Жестокость** — тоже мой двойник. Все время общения она грубила и оскорбляла. Я была удивлена своему терпению и вдруг поняла, что все те реакции, которыми я отвечаю в подобных ситуациях, сейчас сидят напротив. Мне захотелось понять, почему она так поступает. Разговор был долгий и закончился слезами. Жестокость плакала, и каждая ее слезинка, попадая на одежду, оставляла на ней прожженные пятна. Но когда она успокоилась,

Итак, мы видим положительное влияние подобных имаготехник на человека. В частности, отмечено чувство «удивительной точности», с которой образ показывал ту или иную черту характера, автобиографический параметр и т.п. На фоне радостного переживания легкости от созерцания изменения образов возникало чувства большего покоя от каких-то проблем.

Образная сфера личности в психологической коррекции

Изменение негативного мироощущения

1. *Изменение «отрицательных персонажей».* Образ-символ отрицательного «персонажа» (человек, животное, растение, предмет) человек размещал перед собой, оценивал, что именно неприятно в образе, и начинал изливать на образ любые найденные в себе положительные чувства к «персонажу» (например, образы света), стараясь в целом высветлить образ, сделать его более «мягким», подправить что-то

я увидела, что напротив меня стояло большое, в полный рост зеркало, в котором я видела свое отражение. Я оставила его около кресел. Следующим гостем оказался **Страх** — на глазах разрастающийся сгусток черного дыма непонятной формы. Я молча наблюдала за этой картиной. Потом меня осенила мысль: это же мой гость и, может быть, ему надо просто помочь приобрести форму, стать полезным предметом, чтобы он почувствовал, как он необходим людям. Через несколько секунд я увидела перед собой деревянную вешалку, которую поставила около входной двери. Тут же я услышала за дверью чей-то смех. Это было **Чувство юмора**. Этот мой двойник от меня отличался только тем, что непрерывно шутил. Гостью попросилась пожить у меня. Я согласилась и направила ее в библиотеку, откуда тут же услышала веселый смех. Несколько секунд спустя в комнату вошла худенькая девушка с носовым платком. Это была **Сентиментальность**. Ее глаза постоянно слезились, и она часто шмыгала носом. Она также согласилась погостить. Следующими гостями оказалась семейная пара — **Воспитательница** и **Альтруист**. Воспитательница очень любит детей, часто сама бывает как ребенок. Альтруист — мужественный и бесстрашный — работает спасателем. Приняв мое предложение остаться, они пошли за детьми в садик. А я стала ждать нового гостя. Тут я почувствовала цветочный запах в комнате. В дверь вошла **Нежность** — я сама — в розовом ажурном платье с цветочным венком на голове. Приблизившись ко мне, она сказала, что ей здесь нравится, она остается. В этот же момент она превратилась в разноцветные пузырьки с приятным цветочным запахом, которые разлетелись по всему дому...»

конкретно (можно представить также потоки солнечного света и теплого воздуха). Образы становятся менее неприятными. По мере гармонизации образы-персонажи можно приближать к себе и размещать «персонаж» во «внутреннем Убежище» в явно улучшенном и виде (с мыслью о продолжении работы). Если дискомфорт еще большой, то «персонаж» можно «запереть» около «внутреннего Убежища». Наиболее характерными «персонажами» выступают страхи, чувство неполноценности и «загнанности в угол».

Можно работать с парными «персонажами»⁶⁶ или с их группой. Например, это могут быть «внутренний агрессор» и «объект его враждебности». Вначале работа идет над преобразованием образа «агрессивного персонажа». Потом находится «часть в себе», на которую направлена агрессия, и работают с ней. Далее, посадив обоих на стулья, человек работает с обоими образами через «диалог» в виде взаимобмена «энергиями» (все отрицательные моменты контролируются импульсами благожелательности и света). Положительным изменениям в «агрессоре» способствует, например, возвращение ему потока собственной агрессивности (для ее разрушения). Важно также искать, что нужно изменить в «образе-жертве», чтобы она перестала быть объектом агрессии. В ходе взаимодействия оба «персонажа» будут преобразовываться, что может позволить им сблизиться в пространстве, слиться в одно целое. Работа с парными персонажами описана Н. Линдой [192].

2. Прощение обид. Имагоупражнения позволяют по-новому взглянуть на обиды в ситуациях их получения, пережить появление чего-то прощающего в себе. Люди отмечали чувство облегчения от этого. Процедура обычно сводится к приглашению во «Внутреннее Убежище» людей (живых или умерших), на которых сохраняется обида, но кого решено простить. Далее представляется разговор на фоне необходимости найти любые положительные чувства к собеседнику, хотя бы за что-нибудь. Если находится собственная вина, надо самому попросить прощения, почувствовать желание загладить вину в их мысленном благословении.

3. Развитие самоуважения. Использовались: а) «просмотр» человеком во вспоминаемых и воображаемых ситуациях своих индивидуальных положительных качеств; б) представление способов

⁶⁶ Интересная параллель есть в святоотеческой традиции. Святой Евагрий, например, говорил, что при нападении на монаха уныния надо разделить душу на две части — «утешающую» и «утешаемую»

проявления позитивных чувств к людям; в) создание образа успешности действий в ситуациях, воспоминание о которых рождало чувство неуверенности, а также воспоминание ситуаций, в которых демонстрировались некие положительные качества; г) создание образов преобразования недостатков в достоинство⁶⁷, мысленное общение с людьми, обладающими требуемыми для преодоления чувства неполноценности качествами⁶⁸.

4. *Работа с деструктивными состояниями.* Простейший прием при психотравматике — создать образы, ассоциирующиеся с духовной силой, стойкостью и жизненной мудростью (любыми другими качествами, способными, по представлению человека, помочь в преодолении психотравмы). В случае агрессивно-враждебных состояний полезно просто вспомнить о психологической рекомендации относиться к таковым, как потенциальной энергии для решения проблем в случае трансформации этих импульсов⁶⁹, тем более, что известно: эмоциональную вспышку можно упредить; она предупреждает о своем появлении в циничности, безразличии, оценочности, «черном»

⁶⁷ Озлобленность может в принципе породить неприятие зла. Жадный имеет шанс стать филантропом, а разочаровавшийся в материальных ценностях — продвинуться к духовной сфере. Эффективно использование приема «чистки» образа недостатка, как «персонажа-грешника». Так, можно отдавать персонажу «негативные чувства к нему, можно поработать в паре с «плохо относящимся к грешнику».

⁶⁸ Это были встречи (во «Внутреннем Убежище») с выдающимися представителями науки, искусства, с духовными подвижниками. Действительно, помощь, например, духовного наставника признана во всех системах духовной практики (хотя не следует забывать о проблеме лидеров псевдорелигиозных сект). При встрече представлялись сцены передачи-обретения желаемых качеств. Для усиления внутренней связи с «положительным в себе» применялся прием, когда участники тренинга представляли людей (современников или исторических личностей), глубоко повлиявших на них, при непосредственном контакте и заочно. Необходимо было подойти к фотографиям/портретам, развешенным в картинной галерее, и поблагодарить.

⁶⁹ Человек, например, представлял, что между ним и некой «проблемной ситуацией» стоит «энергия собственных агрессивно-враждебных чувств» в каком-то виде — молнии, пламя, ураган и т.п. Человек должен спокойно смотреть на «энергию-ширму», спрашивая себя, для чего в этой ситуации нужна агрессивность. По мере осознания иллюзорности «необходимости гнева», образ «энергии-ширмы» рассеивается. Можно просмотреть все жизненные ситуации, ранее провоцировавшие агрессию и враждебные чувства, меняя символику выражения гнева.

юморе или ироничности и др.⁷⁰ Относительно *страхов* имагопрактика ограничилась а) воспоминаниями о том, насколько обычно опасности, присутствующие в жизни человека, вымышлены; б) фиксацией образов, связанных с тематикой легких страхов (нахождение типичных опасений). Найденный образ напуганного или травмированного «персонажа» можно гармонизировать. Также воображались обстоятельства, в которых люди преодолевали страхи: сочинение счастливого конца, видение себя после пугающего события или воображение травматического эпизода в желаемом свете, представление «персонажа», который «проходит через страх». Возможно создание образов, вмешивающихся в «пугающий образ», например, заслоняющий неприятную картинку и пр. приемы⁷¹.

О созидательной силе образов

Имагоупражнения касались: а) формирования представления о себе как о человеке, стремящемся к гармоничности в себе; б) изменения жизненных обстоятельств⁷². При поиске необходимых для практики созидательной визуализации истинных целей и мотивов поведения людей полезны воспоминания о реализации жизненных планов, анализ фантазий, мечтаний, мыслей при скуке. Работа с темой жизненно-

⁷⁰ Для человека важно осознать, что какое-то представление о себе, о другом, о мире находится под угрозой разрушения. Важно также выбрать между желаниями чувствовать себя «правым во что бы то ни стало» и воспринимать реальное положение вещей.

⁷¹ В коррекции последствий психотравмы применялся прием, в котором человек представлял, что его некие два «двойника» смотрят автобиографический фильм. Одному из них отданы все возможные негативные переживания. На экране воспроизводятся неприятные ситуации. В каждом таком случае изображение на экране медленно гаснет, и далее изображается следующая ситуация. Известным простым приемом является мысленное писание на песке того, что хочется забыть, когда набегающая волна «смывает» запись.

⁷² Человек представлял себя гармоничной развивающейся личностью. Образ создавался из элементов «образа себя», с которыми человек уже работал. Образ совершенствовался посредством добавления представлений о том, как некие желаемые качества могут проявиться в жизни. Создавались также детальные образы жизненных обстоятельств, которые люди хотели бы изменить, и образы, символизирующие желаемые жизненные обстоятельства, которые вытесняют образы «старой ситуации».

го успеха⁷³ соотносится с поисками истинных целей и нравственно-психологическими принципами имагопрактики. В частности, использовались имагоэтюды «Гора» и «Мост», показывающие особенности достижения конкретных целей различного уровня значимости (например, насколько типична иллюзорность формируемых целей или неадекватность способов достижения). Достижение цели представлялось в виде «восхождения на гору» или «строительства моста». Образы подсказывают характеристики обстоятельств, при которых формируются цели, возможные трудности и т.п.⁷⁴

⁷³ Людям полезно было вспомнить, как и что они могут отдавать миру (дружба, деньги, время, физическая помощь, какие-то таланты). С другой стороны, жизненное благополучие в образе надо было принимать с идеей помощи другим (по совести). Также представлялись страдания, зло, насилие, несправедливость, и создавались образы того, что человек лично может сделать для утверждения добра. Просматривался поток образов

⁷⁴ Человек представлял гору и восходил на нее, запоминая все, встречающееся на пути. Потом — образы вершины, спуска вниз и т.д. **Гора** — многозначный символ в зависимости от ее внешнего вида, восхождения на нее и спуска [79; 140; 376]. Это и духовный поиск, и потребность в самореализации/индивидуации (образ восхождения), и психоаналитические трактовки «отцовско-мужского» и «материнско-женского» измерений в половой идентификации и самоутверждении (вид формы горы). Высота горы характеризует притязания и самооценку человека (при заниженном уровне самооценки — это холм; при завышенном — высокая гора, покрытая снегом и ледниками). Образ «восхождения» связан с задачами, которые ставит жизнь, и потому способен сообщить: а) об индивидуальных особенностях достижения жизненных целей в целом; б) о ситуации с реализацией конкретных целей (желаний). Как правило, уровень притязаний положительно коррелирует с трудностями подъема на высокую гору. Ключевым является разворачивающееся при «восхождении» действие. Любое событие в пути может быть соотнесено с жизненной ситуацией, порождая подсказку в понимании (например, это трудность подъема, различные препятствия, частота и характер падений, эмоциональное состояние, окружающая панорама, погода и т.п.). Следует обращать внимание на крутизну, необходимость использования специальных альпинистских средств (в противопоставлении с «легкой прогулкой наверх»). Уместно поработать именно с опасными участками пути. Частые привалы являются характеристикой особенностей достижения целей. Показательно, что люди, готовые к преодолению препятствий, обычно представляют себя в условиях восхождения на пути к «труднодоступной вершине». Упражнение углубляет понимание роли общения в жизни (явный повод для размышления — люди, встречающиеся на пути). Невротические нарушения проявляются в «узкой, едва заметной тропе», в «скатывании вниз в темный лес» (любые падения с горы — это страхи или отражение каких-то реальных

Впечатляет то, насколько точно образы отражают значимые параметры цели. Так, если вначале цели (стратегические, среднесрочные и текущие) могли не соответствовать образам гор по величине (сопки, высокие и очень высокие горы) и форме (форма горы была уточняющим символом в каждой подгруппе целей), то потом соответствие действительной значимости целей достигалось. Одна из закономерностей заключалась в том, что чем субъективно реалистичнее цель, тем меньше гора. Возрастание масштабности жизненных целей отразилось в образе восхождения на все более трудную гору со спуском с предыдущей. При очень сильном желании достичь некоей цели никакие природные препятствия на пути (реки, водопады, обрывы и др.) не являются помехой. Человек даже не задумывается о препятствиях, поскольку идет как бы сквозь них. Тема «горы» особенно важна в случаях пассивности и неуверенности в себе. В ходе работы с конкретными целями человеку становится все легче понимать образные послания.

Мост — символ разрешения проблемы, перехода в иные ситуации; «переход по мосту» — способность сделать это [214]. «Строительство моста» подсказывает особенности преодоления препятствий в реализации целей. Например, некоторые люди склонны видеть препятствия там, где их нет. Так, можно увидеть «строительство моста в поле». Важна собственная роль в строительстве. При тенденции избегать ответственности и обращаться к помощи типичным было видение себя в роли архитектора, наблюдающего за строительством («начальственность» диагностична и в смысле других личностных показателей). По итогам выполнения имагоэтюда оценивается также особенность кооперирования с людьми, тенденция к доминированию. Образ «разрушенного моста» нацеливает внимание на психосоматические проблемы.

Примеры. Текущие цели. *Помириться с кем-то:* небольшой холм, заросший кустарником. Видится яма, которую человек засыпает. *Бросить курить:* гора с огромным количеством скальных выступов мешающих достичь вершины. *Избыток целей (суета):* холмистый пейзаж. *Некая мелкая цель:* очень маленький холм с зыбкой почвой под

проблем), в «лесных завалах на пути», в плохой погоде. Люди с истероидными чертами сразу оказываются на вершине, избегая трудностей даже на уровне образа. *Спуск с горы* (для отдыха или следующего восхождения) показывает отношение человека к неудачам или к необходимости различных подготовительных моментов для «штурма иных высот».

ногами (воспринято как предупреждение). *Наконец-то написать письмо бабушке*: холм, но чтобы взобраться на него надо прорыть канаву для стока воды, чтобы склоны не были столь скользкими; при подъеме весь холм зацветает — это бабушкина радость. **Среднесрочные цели.** *Поправить здоровье*: много спусков в ущелья и подъемов по пути к вершине⁷⁵. *Родить ребенка*: отвесная стена, но там плоскогорье с красивыми деревьями (реальные трудности). *Порвать отношения с человеком*: для восхождения надо вначале обрести здоровье. *Самосовершенствование*: вершины горы не видно; подъем тяжелый с мыслью, что двигаться придется долго, многократно спускаясь в каньоны и строя мосты. Уже первая гора состоит из утесов, на которые человек ползет, получая удовлетворение. **Стратегические цели.** *Создать семью*: образ некой третьей горы со снежной вершиной, далеко вдали, окутанной дымкой, которая стала видна лишь со второй. Между горами — река, через которую надо строить мост. Подниматься надо очень осторожно через многочисленные препятствия. В целом надо сделать больше, чем думалось, от многого отказаться, многое переосмыслить. *Нахождение истинного смысла жизни*: образ множества возможных путей, часть которых ведет в тупики и в опасные места; в красоте ландшафта таится некая опасность, поэтому в пути надо полагаться на интуицию и молитву.

Определение приоритетов жизненных ценностей неразрывно связано с поиском главного в жизни человека — *ее смысла*. Образные референты смысла жизни помогают разобраться в противоречивых намерениях. Подсказки могут дать различные «мудрецы», посетившие человека, а также работа со смыслом жизни как «персонажем».

Известно, что представление поведения в конкретных ситуациях полезно для преднастройки к нему, в частности, *коррекции поведения* на основе образа-эталона для подражания, анализа опыта (воспоми-

⁷⁵ Примечательно, что у данного участника тренинга здоровье было текущей целью. Но на вершине увиделась другая вершина (здоровье стало среднесрочной целью), к которой нужно было идти, спустившись в глубокую долину. Пришло переживание того, что нужно разобраться со всеми своими целями.

наний). Важная тема в этом плане — преднастройка к *общению*, особенности которого хорошо показывают образы⁷⁶. Работающими показали себя представление визуального контакта и общения без слов, типичных ситуаций «семейных трапез», мысленного помещения себя на место другого в ситуации взаимного непонимания. Полезным оказалось рассмотрение того, насколько интерпретация поступков других людей является собственными проекциями. Также эффективным был обмен представлениями со значимыми лицами («как я вижу себя и тебя», «как я представляю твое представление обо мне», «как ты представляешь мое представление о тебе» и т.д.).

⁷⁶ Необходимо осознавать *особенности общения* (например, преобладание слушания или перебивания для самовыражения, готовность принимать критику, способы усиления взаимодоверия) *цели общения*; *личностные характеристики*, которые взаимно «отзеркаливаются»; *мотивы* (например, хвалим ли мы человека за заслуги или лицемерно для стимулирования); *согласование интересов*; особенности *выражения чувств* (гнев выражается и молчанием); *последствия* контакта для других. Участники тренингов просматривали сценки из опыта применительно к высказанным положениям и тренировались в мысленной коммуникации.

Часть третья
**Феноменология трансляционной функции
вторичных образов**

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Говоря о трансляционной функции образной сферы личности, мы неоднократно подчеркивали проблему отражения человеком нравственно-духовных смыслов, их переживания, осознания и понимания. Особый интерес вызывают образы, возникающие в глубоких религиозно-мистических переживаниях, когда человеку практически невозможно найти слова для их описания (У. Джемс). Поскольку латентные для осознания глубинные области психического, отражающие духовные измерения бытия, в значительной мере связаны с проблематикой культурологии, с философским осмыслением духовно-нравственного наследия человечества, а также иными способами познания — непосредственным интуитивным познанием — возникают проблемы, не включенные в должной мере в область интересов традиционной психологии. В данной части книги мы коснемся спектра проявлений трансляционной функции образной сферы личности. Однако прежде остановимся на одной ключевой проблеме.

7.1. ПРОБЛЕМА ПРООБРАЗА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА

Анализ образной феноменологии в перечисленных областях показывает, что человеку могут открываться некие ярчайшие переживания духовно-нравственного содержания, которые с должным вниманием психологией не рассматриваются. Неоднократно подчеркивалось, что такой опыт представляется необходимым предметом психологического исследования. Нельзя отрицать того факта, что подобные переживания существуют, и, в частности, в философской и теологической литературе они описаны и осмыслены детально.

Феноменология переживаний духовных измерений бытия связана не только с отражением в образах этических, эстетических ценностей. Она касается и образов религиозно-мистического содержания. Подобные образы дают человеку волнующие метафизические трансперсональные переживания, включая религиозный опыт, имеющий своим содержанием сферы идеального бытия и абсолютный источник всего существующего. Весь спектр религиозно-мистических переживаний поэтому представляет собой сложнейший гносеологический вопрос, связанный с их *прообразом*. Возникает проблема онтологичности и субстанциональности реальности, открывающейся в религиозно-мистическом опыте. Поскольку рассмотрение этого вопроса на сегодня выходит за рамки науки, ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

В.М. Аллахвердов, рассматривая «мистическое сознание», поднимает вопрос о достоверности соответствующего опыта в плане отражения в нем объективного представления о мире. Он отталкивается от известного: мистический опыт свидетельствует о том, что, хотя человек и не знает, откуда к нему пришли подобные переживания, они в силу самоочевидности остаются для него самым достоверным на свете. Самоочевидному в сознании придается особый таинственный смысл. Делается заключение, что в этой таинственной очевидности сознания содержится истина. Подчеркивается, что во все времена в различных культурах было известно, что для овладения мистическим знанием о тайнах мироздания требуется особое умение, вырабатываемое в труднейшем процессе успокоения тела и души, в прохождении через соблазны мира и в отречении от всего, включая самого себя. В истории человечества были разработаны способы обретения мистического сознания, запечатляющего особую картину мира, включая специфический образ самого себя. Мистические переживания — это психическая реальность, бросающая вызов своему научному изучению. Причем этот вызов не принят психологической наукой. Но как бы психология ни строилась, «она вынуждена объяснять *феноменологию сознания*, включающую в себя и мистически переживаемое, и рациональные логические построения» [4, с. 47].

В.М. Аллахвердов заостряет проблему критериев истинности мистических откровений. Это действительно важнейший для изучения трансляционной функции образной сферы личности «открытый» вопрос. Ведь «мистическая истина» существует лишь для того, кто нашел ее, и непостижима ни для кого другого. Как человек узнает, что он узрел истинное, а не продал душу дьяволу? Как отличить святость от ее ими-

тации? Как отделить пророков от лжепророков? В.М. Аллахвердов вспоминает Жанну д'Арк, которая слышала голоса, призывающие ее на известные исторические действия. Но чьи голоса она слышала — свя-тых или дьявола, и были ли они реальны? [4, с. 104–106].

Для определения возможных путей исследования научно заяв-ленной проблемы критериев мистического знания необходимо, одна-ко, выйти за рамки традиционной психологии и «иметь в виду» другие способы познания мира. Так, слова апостола Павла — «*Проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы*» (1 Кор.) — дают основание считать, что проблема критериев нравственно-духовного опыта в принципе имеет решение. Роль, кото-рую подобный опыт играет в развитии личности, можно начать прояс-нять «по плодам». Предметом научного изучения может стать анализ критериев, которые используются в различных системах религиозно-мистического знания. В этом случае необходимо сопоставление кри-териев, определение их взаимодополнения, выделение глубины, раз-ветвленности и т.п.

В вопросе о прообразе духовного, в том числе и религиозно-мис-тического опыта мы имеем два варианта подхода к проблеме. При первом из них будем считать, что каждое «переживание/познание/по-нимание» такого образного события связано с некой психической реальностью, стоящей за ним, без выяснения природы данной реаль-ности. Прообразы образной феноменологии при таком подходе сво-дятся к самим переживаниям, что позволяет оставаться в рамках на-учного изучения предмета. Это действительно соответствует позиции традиционной психологии: возникающие в религиозно-мистических переживаниях образы являются иллюзией, не имеющей своего прооб-раза. За содержанием видения нет объективной субстанциональной реальности, отображенной в данном образе в символической форме. Переживания образов, связанных со сферой высших духовно-нравс-твенных и религиозных смыслов, будут выступать как некие особые измерения внутреннего мира человека, требующие к себе допол-нительного внимания психологии и научного междисциплинарного осмысления духовного бытия человека. Для психологии уже значимо то, что образы духовных измерений бытия выводят исследователя в феноменологию недостаточно полно описанных сфер психического. Представляется, что на исходном уровне осмысления обсуждаемой проблемы допустимо будет признание того, что образные пережива-ния отражают некую реальность, которую психологическая наука пока «не схватывает» своей методологией и концептуальным аппаратом.

Нет необходимости настаивать на том, что за подобными переживаниями есть некая объективная реальность. Поэтому можно принять религиозно-мистический опыт *без выяснения онтологической сущности и природы его прообраза*.

При втором подходе к проблеме прообраза духовных переживаний исследователь вынужден учитывать более сложные моменты. С.Л. Франк говорил о том, что, идя вглубь «индивидуального микрокосма», исследователь в конечном счете увидит, как эта сфера размыкается на «макрокосм духа». Другой выдающийся русский мыслитель И.А. Ильин помогает нам в осмыслении вопроса «бытия духа» как реальной силы, которая способна творить себя и способы своей жизни из любого жизненного содержания, оценивать это содержание и на основе этого избирать или отвергать его. Человек духовен в той мере, в какой абсолютный дух стал его индивидуальным духом. Духовность обнаруживает себя в наивысшей степени, когда для человека открываются его отношения с Богом. Духовность человека выступает силой личного самоутверждения, основанной на верном восприятии своей личностной «самосути» в ее предстоянии Богу и в ее достоинстве. Дух есть умение распознавать и принимать совершенное. Дух дает силу личного самоопределения и ответственности в этой связи, выступает источником, приводящим к полноте личной свободы. Дух — это способность к бескорыстной любви и самоотверженному смирению, это «потребность священного», радость осознания себя нашедшим свое призвание, дар молитвы, «жилище совести», источник правосознания, патриотизма, здоровой государственности и великой культуры [162, с. 51–52, 337–339].

Хотя отраженные в терминах «духовность», «религиозность», «мистичность» особые психологические реалии уловить традиционно научным познанием не удавалось, многотысячелетняя история духовного опыта человечества подтверждает, что за ними стоят вещи бытийные. А потому для психологии в перспективе ее развития правомочен вопрос: могут ли образы духовного содержания иметь своим прообразом нечто «объективно внепсихическое»? Вопрос о субстанционально-онтологическом понимании «духовной реальности», открывающейся в образной сфере личности, подкрепляется, в частности, известным теоретическим положением, согласно которому во внутреннем мире человека выражается и его субъективность и отражается объект [280; 299]. Человеку потенциально может открыться вся реальность, идеально в нем представленная. Если вспомнить древнюю идею и допустить, что в «человеке-микрокосме» идеально представлена вся

«реальность-макрокосм», что в принципе признается научной методологией, то через свою образную сферу человек потенциально связан с любым элементом мироздания, которые могут открываться в *образных событиях качественно иного уровня и иного класса*¹. Все это позволяет допустить, что вторичный образ при определенных условиях может выступить своеобразной **«духовной перцепцией»** неясных, скрытых для обыденных «повседневных» состояний сознания людей аспектов реальности. Духовно-психологическая суть подобных **«созерцаний внутреннего зрения»** раскрывает наивысшую форму проявления трансляционной функции образной сферы личности. В этом плане для будущих исследователей важны такие термины, как «сверхчувственное созерцание», «мистическое духовное видение», «озарение», «откровения» (из высших сфер бытия) и пр., используемые при характеристике интуиции с позиции иррационалистического ее понимания на уровне философских традиций (см., например, у бл. Августина, Плотина).

Конечно, это область спорных представлений. И мы не будем углубляться в проблему возможного и гипотетического для психологической науки сегодня. Однако отметим, что есть мнение о принципиальной важности положить начало разговору по проблеме². Так, у психологов наметилась тенденция к пониманию термина «духовность» в связи с осмыслением общения человека с высшей реальностью. Встречается и сожаление о том, что тайна причастности человека духовному миру лишь для психологии является «запретной территорией», и идея, что именно религиозная точка зрения на человека выявляет истинную природу психического [151, с. 22–23; 299, с. 332–337].

Признание уровня объективной реальности, который детерминруется духовно-нравственными законами, как подчеркивает П.Н. Шихирев, для психологии является трудным шагом, ибо он предполагает ее соприкосновение с новыми связями человека с миром. Но именно

¹ Об этом свидетельствует как спонтанный духовный опыт (в рамках различных культур и религий), так и опыт психотехнически моделируемый.

² В частности, для такого разговора на уровне психологической науки полезно вспомнить, что говорили предшественники на философском уровне. Вопросами духовного бытия человека занимались в русской религиозной философии С. Франк, о. П. Флоренский, С. Булгаков, И. Ильин, М. Бахтин; в зарубежной мысли — А. Бергсон, Т. де Шарден, М. Бубер, представители гуманистической и трансперсональной психологии. Большой интерес представляют работа С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» [363а] и анализ ее А.С. Арсеньевым [14].

этот шаг выведет, например, социальную психологию на уровень духовного осмысления своих проблем [358, с. 58–59]. Поэтому при втором подходе к прообразу духовных переживаний можно допустить его «субстанциональную онтологичность». Данный поворот вопроса предполагает междисциплинарное обсуждение такой гипотетической реалии как существование «невидимого духовного мира», феномена религиозной веры, как способа его познания (вспомним, что Апостол Павел определяет веру как *об осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом*). В этой связи предстоит, в частности, дальнейшее осмысление вопроса об источниках получения информации индивидуальным сознанием. Работа по данным темам, однако, потребуют расширения академического психологического знания.

Несколько слов о «науке возможного»

Область возможного, потенциального знания в научном познании существовала всегда и будет продолжать присутствовать, поскольку есть позитивный результат от их взаимодействия. Достаточно вспомнить, что алхимия не только участвовала в возникновении химии, но и способствовала становлению системного подхода, в частности, дала представление о голографическом принципе «повторяемости целого в частях». «Эпистемологические и методологические исследования последних лет, — указывает В.С. Степин, — четко обнаружили, что процесс порождения нового научного знания не может быть раскрыт только в рамках изучения «внутринаучных» процессов...» [308, с. 3]. «Наука возможного» актуальна, поскольку, рассматривая совокупность путей познания, она задает «зону развития мысли», «поле познавательных возможностей». Отсутствие языка для описания этих возможностей не означает, что сами возможности дополнительного к традиционному научному познанию не существуют. Напомним, что развитие науки идет путем проверки и отбраковки тупиковых путей. Было бы неверным не замечать участия «инонаучного» (С. Аверинцев) в познании действительности, задачей которого является открытие и включение в сферу внимания академической науки новых областей познавательного интереса. В «науке возможного» речь идет о реальности, которая может иметь место при возникновении каких-то новых условий. Например, такое понятие, как «виртуальный объект», отражает некие возможности, которые при определенных условиях могут реализоваться (потенциальная опасность «ядерной зимы»

существует по сей день). Отметим также, что «наука возможного» опирается на наблюдаемые факты, на феноменологию внутреннего опыта, на определенную систему доказательств, имеет проверку вариантов иррационально-интуитивного познания. Примером области «потенциального» в психологической науке может быть известный ответ П.Я. Гальперина Ж. Пиаже: последний говорил, что он изучает «то, что есть», Гальперин же — «то, что может быть». В то же время ясно, что фальсификация науки путем ее смешивания с наукообразной мистикой недопустима.

Приближении психологии к междисциплинарным «инонаучным» вопросам неизбежно, поскольку научное знание не дает целостного представления о человеке [299, с. 16]³. Будучи ориентированной на построение идеальных моделей, выявление общих закономерностей, наука не схватывает уникальности личности. Уже то, что научное познание представляет собой лишь одну из разновидностей познавательной деятельности, наряду с философским, религиозным, художественным осмыслением мира, поднимает вопрос о более тесной их интеграции ради повышения адекватности целостного познания мира⁴. В.С. Степин отмечает формирование представлений о множестве возможных форм действительности, в частности, в связи с идеей «вариабельного бытия» в античной философии. Развертывая модели «возможных миров», античная философия реализовала эвристическую функцию философского познания, что и послужило необходимой предпосылкой становления науки в собственном смысле слова. В истории науки действительно выделяется стадия зарождающейся науки («преднауки», изучающей преимущественно то, с чем человек

³ Человек, например, рассматривается в проекциях научно-философского и вненаучного знания [299, раздел 1.2]. Вопрос о взаимоотношениях с научной психологией ставит, в частности, житейская психология.

⁴ В.С. Степин указывает [308] на роль фундаментальных мировоззренческих структур (общих представлений о месте человека в мире, о социальных отношениях, духовной жизни, ценностях и т. д.) в познании. Философ говорит о типах научной рациональности (этапах развития науки), различающихся глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности: 1) классический тип научной рациональности стремился элиминировать все, что относится к субъекту; 2) неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств познавательной деятельности; 3) постнеклассический тип рациональности, учитывающий соотношенность полученных знаний об объекте с ценностно-целевыми структурами.

многократно сталкивается в опыте), и стадия науки в собственном смысле слова. По сути, «преднаука» существует в любом направлении познания, взятом в качестве сферы познавательного интереса, в том числе это относится и к психологии изучения духовного опыта и познания сфер идеального бытия.

В.М. Аллахвердов подчеркивает существование принципиально разных путей познания, в силу чего психология вынуждена пользоваться разными языками для описания изучаемых ею явлений. Помимо пути естественнонаучного и гуманитарной науки, он выделяет *мистический* (обосновываемый доверием к опыту собственных переживаний), логический (ориентированный на формальную правильность рассуждений), практический (доказывающий правоту достижением результата). При этом ни один из путей не является исчерпывающим. Естественнонаучное описание, например, не является абсолютно истинным, поскольку в своей основе описывает идеализированные объекты⁵. Отмечена возможность определенного

⁵ Научные нормы имеют следующие недостатки [4, с. 56–73]: 1) ученые могут не замечать новых, не поддающихся логическому объяснению явлений (под лозунгом «Этого не может быть, потому что не может быть никогда»); 2) опровержение логических построений в эксперименте еще не подвергает сомнению теорию; существует возможность переинтерпретировать данные; 3) экспериментально исследовать можно лишь то, что поддается такому исследованию; данное ограничение не позволяет рассматривать проблемы, лежащие за пределами опыта (например, проблеме первоначал души); 4) естественнонаучное знание — всегда открытое изменению знание; никакое знание не может быть обосновано окончательно; естественнонаучное знание — это самое достоверное знание о мире, которое заведомо неверно; к тому же оно всегда оказывается лишь одним из возможных описаний; 5) всякое теоретическое описание — логическая идеализация; 6) экспериментальные данные потенциально имеют огромное число интерпретаций и могут быть описаны множеством теорий; 7) подтверждение фактов ничего не говорит об их природе и значении.

Нет ничего удивительного в следующей характеристике науки. В разговоре о «сфере инаучного» интересны следующие мысли. «Наука есть нечто весьма коловратное. Нет ничего более текучего, чем ее теории и гипотезы. Неоспоримые же факты, добытые ею, сами по себе говорят очень мало. Открытые ею законы в огромном большинстве описывают лишь частные ограниченные случаи реальности <...> Они лишь слегка проливают свет на важные и глубокие вопросы бытия. <...> Сейчас во многих местах она дошла до границ своего научного метода, во всяком случае доказала, что объяснить бытие мира своими силами она не в состоянии» [296, с. 9–10].

взаимодействия способов познания. Для нас важна идея, что *все пути познания имеют свою ценность в описании психического*. Так, содержание сознания поддается анализу только на языке гуманитарной науки (описания). Как бы ни хотелось рассматривать психику только с естественнонаучной точки зрения, «психическое всегда будет содержать не подлежащую исключению гуманитарную добавку» (например, в любом научном описании присутствуют переживания, передающие то чувство очевидности излагаемого, которое присуще автору описания) [4, с. 99–102].

При осмыслении разных путей познания одним из основных обсуждаемых вопросов является соотношение научного и религиозного познания. Здесь можно отметить, как попытки увидеть нечто общее в них⁶, соотнести познавательные возможности, так и подчеркнуть

⁶ Приведем несколько мыслей, способствующих указанному синтезу познавательных подходов [298, с. 16–18]. Наука и религия основаны на постулатах веры. Христианство не отвергает роль человеческого разума, а ставит вопрос о его границах. Сами физические законы подчас несут в себе Божественную премудрость. Так, если бы не факт аномальности воды (лед легче воды), при первой же зиме на земле все живое в водоемах замерзло бы. Другой пример: после «Большого взрыва» появившиеся частицы стали передвигаться во Вселенной с определенной скоростью, при которой было возможно образование галактик и планет. Апостол Петр говорил, что «*словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водю*» (2 Петра 3:5). Сегодня мы знаем, что во всем веществе присутствуют атомы кислорода и водорода. Ученые приходят к выводу о том, что «все величины физического и космического характера продиктованы условием соблюдения и созидания жизни на земле» [298, с. 11]. «Мир спланирован — это общее мнение и ученых, и богословов, — случайное возникновение мира исключено. ... Все константы, которые действуют в нашем мире, имеют определенное значение; в области сил гравитации, слабых и ядерных взаимодействий, электромагнитных влияний константы рассчитаны до тысячных долей, и случайные значения этих констант немислимы» [298, с. 22].

Отметим, что в познании мира Библия опережает науку. Об образовании мира из бесформенной материи Книга премудрости Соломона сообщает (11:18), что всемогущая рука Бога создала «мир из необразного вещества». Св. Василий Великий говорил о невещественности энергии — «невещественном свете». То, что Земля круглая, сказала третья книга Ездры (11:32), и св. Иоанн Златоуст в толковании на Книгу пророка Исаии (40:22). Указания на атомы — «пылинки Вселенной» — мы находим в Притчах Соломона (8:26). О законе сохранения энергии мы читаем в Исаии (40:26). О том же, что, помимо нашего четырехмерного мира, существует и мир иной — мир духа — религия говорила всегда.

различие. В первом случае обычно говорится, что религиозное познание имеет некие аналоги научного метода: а) понятие метода (особенности духовного пути в конкретной традиции), б) проверка практикой (например, молитвенный монашеский опыт), в) критерии истинности и т. п. [235]. Наука и религия многими (например, П. Шарденом) рассматриваются как дополняющие одна другую стороны одного и того же акта познания высших уровней бытия. Познание мира, согласно учению Церкви, неотделимо от познания Бога [371, с. 81]. Постоянство естественных законов, закономерности всего существующего берут свое начало в Боге. Более того, сами эти закономерности видятся как доказательство действия Божественного разума.

Применительно к проблематике образной сферы личности, отметим определенное выполнение требований научного метода — воспроизводимости, предсказательности. Так, феномены образов необычных состояний сознания могут быть воспроизведены по форме и содержанию в разных культурах и разные эпохи. Пророческий потенциал истинных откровений также известен.

Относительно второй тенденции в соотношении научного и религиозного познания мы видим различные меры критичности. У религии и науки — разные ориентиры в познании. Наука утверждает рациональный путь познания истины, религия опирается на высшие проявления веры и иррациональное познание. Поскольку изучение сферы духовности требует отхода от сциентистского подхода, коснемся критики ограничений научного метода со стороны религиозного познания. Прежде всего, вспомним, что истоки бытия, основы и смыслы человеческой жизни, метафизические и экзистенциальные вопросы лежат вне компетенции науки. Отметим также ошибочность проекций на духовную реальность земных законов, происходящих под влиянием рационализма, который породив веру во всемогущество научного знания, вытеснил «метафизические аспекты» познания мира. Рационализм, как подчеркивал К. Лоренц, разрушителен, когда ум выходит за стены научной лаборатории и пытается осмысливать проблемы жизни. Сложности соотношения научных и религиозных форм познания усиливаются нравственным аспектом. «Идея равноценности научного и религиозного знания в корне порочна, потому что она *вне-*, а точнее, *без-*этична, а стало быть, уничтожает возможность различения добра и зла. ... Только личностно-этическое отношение человека к Творцу, Словом Своим этот мир сотворившему, может позволить нам наконец-то найти *общий язык*

с природой, ... и тем самым со-*гласовать* способ бытия твари с бытием Творца» [293, с. 35]⁷.

На познание истины претендуют различные познавательные системы. Философия, например, считает, что истина рациональна и выражаема в понятиях и суждениях (о которых люди договариваются). Наука не отвечает на «вечные вопросы». Мистика полностью иррациональна. Религия же дает особую познавательную возможность. Так, христианство обладает такими методами познания, как рациональное богословие и практика духовной жизни, открывающая Истину. Американский психолог Н. Пил пишет, например, что христианство можно рассматривать как науку, поскольку «это особая философская, метафизическая система, свод богословских понятий, ибо содержит в себе развернутую систему принципов и методов, помогающих лучше познать человеческую натуру. Эти законы отличаются точностью, ясностью и много раз демонстрировали свою действенность» [151, с. 29]. В православном христианстве Истиной является Единый Личный Трехипостасный Единосущный Бог, непостижимый по существу в своей трансцендентности, однако имманентный земному миру. Познание Истины возможно через богоуподобление в духовно-нравственном развитии на пути правильной духовной жизни. Методом познания реальности поэтому выступает достигнутый уровень богоподобной любви, в единении человека с Иисусом Христом через благодать Святого духа в Таинствах Церкви. Главным гносеологическим принципом православной психологии в этой связи является принцип неразрывной связи глубины познания мира и уровня нравственно-духовного развития познающей личности: «*чистые сердцем Бога узрят*». Только высоконравственной личности (святому) истина открыта непосредственно [100]. Православно-христианская аскетическая практика, приводя душу к совершенной любви, открывает красоту Истины,

⁷ И еще одна важная мысль в рассматриваемом контексте. И.А. Ильин писал: «Русская наука не призвана подражать западной учености ни в области исследования, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать *свое мировосприятие, свое исследование*. Всякий настоящий, творческий исследователь всегда вырабатывает *свой, новый* метод... Русский ученый по всему складу своему призван быть не ремесленником и не бухгалтером явления, а *художником* в исследовании; ответственным импровизатором, свободным пионером познания... Его наука должна стать наукой творческого созерцания — не в отмену логики, а в наполнение ее живую предметностью; не в поправку факта и закона, а в *узрение целостного предмета*, скрытого за ними» [50, с. 13].

и познание сущности сотворенного. Противоположную роль в познании Истины играет *«похоть плоти, похоть очей и гордость житейская»* (1 Ин. 1:16). Идея духовного самосовершенствования как условия истинности познания не учитывается академической психологией, отодвинувшей проблему власти человека над собой и своими недостатками. Это препятствует освоению психологией святоотеческого опыта самопознания и «самodelания» в целях формирования нравственно совершенной личности [100, с. 42]⁸.

Говоря о познавательных возможностях святоотеческой психологической традиции, надо отметить, что она представляет собой символическое (аллегорическое) описание, требующее «перевода» на язык, понятный академической психологии. Необходимо сведение множества психологических понятий, выработанных в разные исторические эпохи и в разных культурных контекстах к единой понятийной системе. Это, в свою очередь, предполагает нахождение системообразующего принципа, способного организовать всю совокупность эмпирических сведений, накопленных многовековой аскетической практикой, в систему понятий. Таким принципом, как предлагает В.А. Елисеев, может стать принцип «троического единства» (соотношения сущности и ипостаси в Святой Троице) и его отражение на уровне отдельного человека и человеческого рода в целом. Это позволяет использовать категориально-понятийные богословские разработки по соотношению сущности и ипостасей применительно к телесной, душевной и духовной структурам человека. На уровне души ее ипостасями выступают ум, чувства и воля. Психологическая разработка этого принципа опирается на идею о человеке как «образе и потенциальном подобии Божиим».

Особую роль в раздвижении рамок «науки возможного» приобретает история психологии и историческая психология. Они помогают психологии осваивать мировое и отечественное наследие религиозной философии, нравственно-духовного опыта в изучении проблемы

⁸ Святоотеческая психологическая традиция неотделима от практики аскетической жизни, во всей полноте доступной только тем, кто правильно осуществляет свой духовный подвиг. Речь идет о великих святых прошлого. Собственно психологические воззрения не были описаны в психологических категориях, как это требуется в науке. Современным исследователям остались лишь тексты, подлежащие научному анализу и реконструкции содержащихся в них идей. Главными доступными источниками научного изучения психологических данных, накопленных в практике православного подвижничества, являются творения святых отцов — субъектов аскетического делания [100, с. 44].

субъективного, внутреннего мира человека, его сознания, неосознаваемых сфер психики и «надсознания». Именно история психологии помогает понять то, что «неправильно забыто», и, соответственно, использовать «вновь найденное» в развитии теории и методологии психологической науки. Историко-психологическое знание включает «инонаучное знание» в тенденцию поиска *новой научной парадигмы* в человекознании. «Обращение к истории зачастую делает ясным то, что кажется сложным и непонятным с позиций современных представлений, позволяет найти в прошлом разрешение актуальных проблем. Православная психология, созидавшаяся на протяжении почти двух тысяч лет, содержит в себе ответы на многие, до сих пор не проясненные вопросы» [100, с. 40]. В.А. Кольцова ставит вопрос о расширении предметной области истории психологии, об ассимиляции различных источников психологического знания [172]. Речь, в частности, идет о вненаучных сферах мифологии и религии, дающих материал для исследования национально-культурной специфики образного отражения мира.

Проблемы методологии науки, связанные с «иными познавательными возможностями», отразились в феномене «*антинауки*» («*альтернативной*» науки) [343]. Антинаука не является невежественной версией «правильного» научного миропонимания, а выступает имеющим под собой свои основания общекультурным способом познания, к которому следует отнестись с серьезностью⁹. Не в связи ли

⁹ «Антинаука представляет собой ясное, конструктивное и функциональное альтернативное миропонимание, значение которого заключается в том, чтобы развенчать, преодолеть западную науку с ее амбициями определять смысл и направление прогресса человечества. Научоборческим тенденциям способствуют беспокойство по поводу последствий плодов науки (экологические проблемы, научно-технический авторитаризм и др.). Можно выделить направления антинауки: а) течение в современной философии, утверждающее, что статус науки не выше статуса любого полезного в практическом смысле функционального мифа (М. Хессе, Б. Латур); б) антинаучное мировоззрение группы интеллектуалов, воплощенное, в частности, А. Кестлером; в) наследие контркультуры 60-х годов; мышление «Нового Века». В качестве дополнительных замечаний укажем на то, что, во-первых, картина мира, в которой отсутствуют черты, присущие картине мира западной науки будет восприниматься в качестве альтернативной» [309, с. 41]. Во-вторых, заметим, что «пронаучная» картина мира конца XX в. представляет взгляды меньшинства» [343 с. 32]. Третье замечание касается того, что любая аргументация против псевдонауки должна быть компетентной (примером неубедительной критики может выступить статья «Наука клеймит псевдонауку» (Известия, 17.07.98).

с методологией антинауки сегодня все более ясно видна тенденция прихода в психологию (прежде всего, в лице такого ее направления, как трансперсональная психология) древних воззрений на человека и появление новых подходов, связанных с открытиями в современной физике (в частности, речь идет об исследованиях самоорганизации и хаоса в сложных системах [241], с более глубоким пониманием взаимосвязанности мира [50; 54; 69; 108–112; 115; 175; 176; 213; 256; 285; 326; 330; 331; 375; 376; 423]. Происходит интеграция науки с религиозно-философским наследием [166]. Мы явно видим принципиально новую волну в исследованиях сознания, которое становится предметом междисциплинарных исследований. Идеи У. Джемса активно развиваются в различных подходах и направлениях: теория «космического сознания» Р. Бекка, «спектральный» подход К. Уилбера, концепции базисных и дискретных уровней сознания Ч. Тарта, «холотропная теория сознания» С. Грофа и др. Трансперсональная психология особо усиливает интерес к образному опыту в измененных состояниях сознания, недостаточно знакомому традиционной психологии. Новые подходы к изучению сознания не сопоставимы с традиционным его пониманием в рамках «ньютоно-картезианской модели». Сознание выводится из привязанности к нейроанатомическим структурам в некое «полевое образование». Психика рассматривается как обладающая природой «поля» [285]. Индивидуальное сознание, в частности, сравнивается с голографическим фрагментом «космического сознания», подключенного к «телесному носителю» — индивиду. Соответственно, внутренний мир человека начинает пониматься как часть объективного мира. Научной реальностью стало обсуждение возможности существования «тонкоматериального невидимого мира» в виде «энерго-информационных полей» различного масштаба. Влияние «невидимого мира» на физический мир фиксируется в экспериментах (см., например, исследования академика В. Вейника [50]¹⁰). Концепция ноосферы Вернадского, теория морфогенетического поля Руперта и Шелдрейка, теория коллективного бессознательного Юнга, взгля-

¹⁰ Установлено бытие тонких (пико-) и сверхтонких (фемто-) объектов «невидимого мира» — соответственно того, что традиционно именуется «душами» и «духами». Причем подтверждено наличие духов добра и зла. Особое внимание В. Вейник посвятил проблеме «невидимого мира зла», порождающего все так называемые аномальные явления. Чрезвычайно интересно то, что его научные представления возникли на основе осмысления библейских текстов.

ды Шардена позволяют говорить о существовании своеобразного «информационного планетарного хранилища», с которым связана человеческая психика. Феноменология образов измененных состояний сознания как бы показывает, что индивидуальное сознание взаимодействует с «полями» различных объектов — от «поля» другого человека, до групповых полей различного масштаба. Субстанциональность «мира духа» видна и через квантовую механику.

Становится все более ясно, что за пределами элементарных частиц уже, по сути, не существует материального мира в традиционном смысле. Вселенная состоит из неких строго организованных «волновых субстанций» (будем называть их «волнами»), организованных в очень сложную структуру. «Волны» как бы строят физический мир и управляют им. Это позволяет говорить о том, что материальный мир управляется волновым нематериальным миром. Материя существует только в своей «волновой одухотворенности», придающей материи формы. «Волна» всепространственна и всевременна и настолько пластична, что может материализоваться и принимать бесчисленное количество форм в любой точке пространства, дав столько же разнообразных миров. Из этого ясно, что человеческая душа обладает вселенским знанием, что подтверждает идею об идеальной представленности реальности в человеке и, соответственно, о возможности иметь «созерцания внутреннего зрения» в контексте трансляционной функции образной сферы личности.

Итак, привлечение потенциального знания из междисциплинарных областей, несомненно, обогащает изучение трансляционной функции образной сферы личности. Все моменты, не вписывающиеся в парадигму академического психологического знания можно считать областями научного интереса и рассматривать как подлежащие осмыслению¹¹. Существенной трудностью при этом выступает необходимость,

¹¹ Примером могут служить идеи С.Л. Франка, который не только отмечал отсутствие в начале XX в. учения о человеческой душе, но и подчеркивал то, что эмпирическая психология объявила себя «психологией без души». Психология действительно такова, поскольку в ней отсутствует «живой целостный внутренний мир человека», познающий субъект есть лишь теоретический взор, перед которым душевная жизнь разворачивается, как отчужденная от него внешняя картина. Франк утверждает необходимость «учения о душе» в форме *научного знания*, необходимого в качестве посредника между «сверхнаучными областями» (религии, искусства, нравственности) и областью логического знания. «Мы хотим познавать не проявления жизни души во внешнепредметном мире, а <...> существо

с одной стороны, ответов на вопросы, задаваемые научной парадигмой, и, с другой, невозможность ответа на многие вопросы, задаваемые «наукой возможного» и феноменологией междисциплинарных и культурологических данных. Дискуссию по возникающим в этой связи «острым вопросам» автор выводит за рамки работы; значимым представляется уже сама их постановка. Перейдем к рассмотрению областей феноменологии трансляционной функции образной сферы личности.

7.2. ОБЛАСТИ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Трансляционность воображения

О воображении как «восприятии идеального мира»

Трансляционность воображения многопланова и раскрывается, в частности, тем, что оно является мостом между рациональным и эмоциональным, между внутренним миром человека и внешней реальностью, между актуальным сознанием и неосознаваемыми сферами психики. Воображение, проникая в эти сферы, проявляет в них некий материал, превращая его в осознаваемые образы, доступные переживанию и пониманию. Неосознаваемое, в свою очередь, питается образным опытом личности. Этот диалектический момент можно сравнить с «подземным ключом, из которого бьет струя фантазии», и с «темным бассейном»,

душевной жизни, как таковой», [340, с. 13]. Душевная жизнь — не мозаика из душевных камешков-ощущений, представлений и т.п., а нечто целое, присутствующее в каждое мгновение. Человек способен всегда заметить эту целостность своей жизни: например, когда многообразие душевных движений, образов, настроений, мыслей протекает в нас, как капли воды в текущей реке, и вместе с тем слитно в одно неразрывное целое, или в состоянии сильнейшего возбуждения человек чувствует свою душевную жизнь; даже при сосредоточенности на какой-то задаче, периферия внимания занята игрой душевной жизни. Душевная жизнь — «великая неизмеримая бездна», «особая бесконечная вселенная», находящаяся в каком-то совсем ином *измерении* бытия», «совершенно самобытный и в известном смысле самодовлеющий мир, имеющий собственные условия жизни» данный в непосредственном переживании [340, с. 39–49].

куда «падают сверкающие образы, чтобы жить там и двигаться в недоступной глубине» [61, с. 50]. Подчеркнем также, что воображение выражает человека, его жизненный опыт, эмоциональные состояния, личностные особенности. Оно есть творчество по созданию образного опыта, инструмент предвосхищения будущего. Отметим и то, что трансляционность воображения означает изменение внутреннего мира человека с помощью образов, живущих в нем, и изменение окружающей действительности через их воплощение. Если затронуть проблематику «надсознания» с его нацеленностью на отражение духовных смыслов, то небезынтересно узнать, что английское слово «fantasy» происходит от греческого *phantasia* — производное от глагола, означающего «делать видимым, выявлять». В античности *phantasia* понималась как орган, которым «божественный мир» разговаривал с человеком. Воображение как бы открывает созерцание высшей реальности (прообраз религиозно-мистических переживаний). В средневековой Европе образы продолжали рассматриваться с точки зрения улавливания «небесных посланий» и упаковки их в виде образа, стимулирующего религиозное вдохновение. Заметим, однако, что в латинском языке слово *imaginatio* более отражало идею «вымышленности» в смысле несоответствия образа объекту, который он представляет. Производное от *fantasy* английское *fancу* означает также «прихоть».

В изучении трансляционной функции образной сферы личности необходимо рассмотрение известной нам программирующей функции воображения, т.е. понимание воображения как силы, которая продуцирует образы, *вливающие* на человека и окружающий его мир. Проблематика созидающей визуализации опытно показывает, что воображение никогда не остается без результата: человек становится таким, как он себя представляет, а мир — таким, каким его воображают люди. Можно даже, вслед за Б.П. Вышеславцевым, говорить об «изумляющей и устрашающей магии воображения»: образы живут в неосознаваемых сферах человека и производят невидимое действие — вредное или полезное. Положительные образы становится источником положительного в окружающей реальности, и наоборот. Подсознание как бы видит сны, которые могут уплотняться до прекрасных образов искусства или жизненных безумств [61, с. 50–52]¹².

¹² Философское решение вопроса о воображении как метафизической основе реальности можно увидеть, например, в индуизме и буддизме: между образами мира (фантазиями, сновидениями и др.) и миром, считающимся реальным, принципиального различия нет — и то и другое является

Но «магия воображения» — чрезвычайно сложный и тонкий предмет, ибо в своей основе и потенциальности она является колдовством и чародейством. В этой связи интересно, что в тибетском буддизме мощь воображения не только связана с сущностью всякой магии — конденсацией и концентрацией образов воображения, получающих силу влиять на мир, созидать «миры», «демонов» и «богов». Воображение признается вещью опасной, поскольку от воображения можно погибнуть: воображаемый тигр столь же страшен, как и тигр настоящий, и он может растерзать мага, вызвавшего данный образ [61, с. 65].

Грани в оценках программирующей и созидающей силы воображения очень тонкие. Но ясно одно: без достижения нравственно-духовной чистоты души очень трудно через образную сферу не повлиять на что-то (так и не узнав при этом последствий; поэтому нравственно-психологические моменты столь подробно обсуждаются нами). Глубочайший святоотеческий опыт, ветхозаветная традиция именно поэтому отрицает божественность так называемой «белой магии» и запрещает *любое* чародейство. В то же время надо понимать, что все возрастающий «магизм современного мира» с предлагаемыми человеку возможностями и способностями не позволит большинству исследователей образной сферы личности, равно как и всем интересующимся данной проблемой, избавиться от очарования «магии через воображение». Поскольку данный вопрос закрыть нельзя, ограничимся пока сделанным замечанием и будем излагать существующие идеи о положительных моментах созидающей силы воображения.

Обратимся к идеям Б.П. Вышеславцева, который рассматривает его как силу, отображающую «образ Божий» в человеке, старающуюся

иллюзией («мая»). Сознание как бы воображает мир, развертывает и затем свертывает образы (возвращаясь в так называемую нирвану). Источником воображения в буддизме является «жажда жизни» («тришна»). Люди воображают то, чего хотят или чего боятся. Угасание вождения есть угасание воображения. Воображение является источником страданий. В этом плане есть некие аналогии со святоотеческой традицией в том смысле, что воображение питает страсти и препятствует борьбе с грехом. Европейским аналогом восточного понимания природы и силы воображения является немецкий идеализм с его лозунгом: «Мир есть мое представление» (вспомним, например, Шеллинга, Фихте). По Канту, образы и иллюзорны, и «эмпирически реальны». Еще раньше сходные идеи мы найдем у Плотина, для которого «созерцающее в человеке производит созерцаемое». Чувственно-практическая жизнь есть бессилие души достигнуть истинного созерцания [61].

угадать «вечные смыслы бытия». В сфере «откровения» всегда нечто дано, а не создано. Истинное творчество всегда благо-*датно* в том смысле, что выраженная в нем ценность *дана*. Этот момент переживается особым чувством «очевидности». Иными словами, момент творческого вдохновения с образным его сопровождением — это *узрение и услышание свыше*. Воображение при этом выступает также органом некоего «эмоционального мышления» через чувство, выражающее идеальную ценность. Об этом мы уже говорили в связи с ролью переживания в понимании «образного послания». Поток образов связан с особой эмоциональной логикой веры и красоты, в основе которой лежит эмоциональная интуиция идеальных ценностей — религиозных, этических, эстетических (об этом хорошо писал В.В. Зеньковский [141; 130в; 131]). Критерием для оценки трансляционности воображения является критерий *правды* в связи с интуицией духовных ценностей, воспринимаемых «логикой сердца». Существует предрассудок, указывает Б.П. Вышеславцев, что фантазия является миром вымыслов. В образе воображения, равно как и в мифе, в символах, должна быть отображена (хотя бы как-то угадана) некоторая подлинная ценность (А.Ф. Лосев, по сути, говорил о том же). Поскольку в образ облекается и «духовно-высокое» и «порочно-низкое» и он воплощается, образы, символы, мифы соответствуют критерию правды, когда в них отображаются нравственно-духовные смыслы. Критерий правды воображения связан со способностью образа *сублимировать*, т.е. возвышать человека и воплощаться, преображая действительность. Б.П. Вышеславцев анализирует и негативное проявление силы воображения. Существует и воображение, связанное с «наслаждением в низком». Поскольку образы неизбежно воплощаются, то в зависимости от их содержания возникают условия создания ложной и низшей этики, мифологии, религии [61, с. 52–56].

Здесь уместно вспомнить о Павла Флоренского, который писал о восхождении души в художественном творчестве из мира «дольного» в мир «горный», где она созерцает «небесный мир», сущности вещей и, обогащенная подобным ведением, возвращается в наш земной мир. М. Воловикова и А. Трофимов подчеркивают в этой связи важность различения образов *нисхождения* и *восхождения*. Павел Флоренский говорит о том, что художник может заблуждаться сам и вводить в заблуждение других, когда выражает чувства, возникающие у него в момент вдохновения, ибо это есть «психологизм и сырье, как бы ни действовали они сильно и как бы ни были искусно и вкусно разработаны». Данная идея актуальна применительно не только к искусству,

но и к психологии. Образы нисхождения являются символами «горного мира» — духовной прародины человека. Это то, чем питается душа и что сохраняется, накапливается в мировой культуре. Психологии же пока известны и близки образы, питаемые переживаниями. О. Павел предупреждал и о таких пустых образах. Он говорил о соблазне принять за духовное мечтания, которые, уподобляясь реальностям мира духовного, прельщают человеческую душу и пытаются удержать ее в этом мире [56, с. 25–26].

Итак, воображение стремится подняться до символического отражения идеального мира и стать его своеобразным *восприятием*. Это связано с проблемой «мистической интуиции». Развиваемый в книге феноменологически-герменевтический подход близок к пониманию интуиции в гуманистической психологии — это осознание собственных переживаний, познание неосознаваемых сфер психики, «высшего Я». Интуиция с иррационалистических позиций (А.Бергсон, В. Дильтей, Н. Лосский, Л. Шестов, Э. Шпрангер) акцентирует механизм вчувствования, «внутреннего восприятия», неинтеллектуальные формы познания. Интуиция рассматривается как универсальный инструмент познания, дающий непосредственное восприятие знания. Идея, полученная в мистической интуиции, — пишет Э.А. Тайнов, — становится знанием, если она выдержала эмпирические испытания и получила и рациональное обоснование. Мистическая интуиция играет большую роль во всех взаимосвязанных видах человеческого познания: обыденном, художественном, научном, философском, религиозном [310а, с. 54]. При этом необходимо отделять воображение, относящееся к сферам «метафизического» от беспредметного фантазирования [162, с. 104]. Человек должен освобождаться от иллюзорных миров привычных фантазий. В идеале же следует отрешиться и от образов воображения, поскольку идеальный мир не имеет предметно-чувственного образа.

*Высшие аспекты воссоздающего воображения:
философско-богословское осмысление духовного опыта*

Философско-богословские тексты порождают многогранный образный опыт, и этот факт значим для изучения трансляционной функции образной сферы личности. Уровни нравственно-духовных переживаний, в частности, ясно отражены в философской литературе. Высшие, наименее поддающиеся выражению концептуально переживания (религиозно-мистические, открывающие для личности особые обла-

ти внутреннего опыта), не составляют для философского анализа запретной и пугающей области. Например, идея «непосредственного усмотрения» прямо выражена в интуитивизме (Н. Лосский, А. Бергсон), во многих вариантах иррационализма. Встав же на позицию идеализма, мы получаем «мир идеальных концептов», отраженных в тех или иных образных формах как у авторов этих концептов, так и в индивидуальном восприятии читателя. Теоретическая значимость изучения образного сопровождения философских размышлений усиливается тем, что философское знание о человеке имеет мировоззренческий статус и, следовательно, выводит нас на проблему интегрального образа реальности. Возникающие при философских размышлениях образы несут личностно значимую информацию в связи с фундаментальными вопросами человеческого бытия. Устремления людей к идеалам добра, справедливости, размышления о смысле жизни, бессмертия и пр. не только всегда как-то философски осмысливались, но и выражались в различных образных формах, в том числе, в виде «трудно понимаемых символов, в представлениях мифологических» [318, с. 19]. Особый интерес вызывают образы, отражающие познание идеальных сфер бытия.

Образные ассоциации, возникающие при контакте с философско-богословскими текстами, связаны с высшими аспектами воссоздающего воображения, в механизме которого всегда явно присутствует проекция человека — субъекта интерпретации. Проблема правильности понимания усиливается высокой символическостью и метафоричностью подобных текстов. Например, религиозный стиль Востока, лежащий в основе мировых религий, всегда был языком символов и образов. Таков стиль Моисея. Известна высокая символическость евангельских притч, а Апокалипсис апостола Иоанна Богослова именно по причине его сложнейших образов и символов породил огромное число толкований. Затронутый вопрос о взаимосвязях образа и текста/стиля на уровне высших духовных смыслов является многоплановым.

Можно говорить о *восприятии текстов Священного Писания и святоотеческих творений*. Святоотеческие изречения и богословские цитаты способны вызывать яркие, отчетливые индивидуализированные представления о духовных смыслах. Кто-то увидит, например, благодать Божию подобной воде, которая бежит по почве, впитывается корнями и дает каждому дереву то, чего оно желает [215, с. 159]. Относительно текстов Священного Писания интересно осуществить реконструкцию (в рамках исторической психологии) образной формы

«ветхозаветных мессианских предчувствий» и образов на ту же тему, которые обрели очевидность в Новом Завете в истинном святоотеческом понимании [371, с. 54].

Формой донесения Священного Писания и Священного Предания выступают **тексты проповедей**. Реконструкция возникающих у людей от проповеди образов представляет теоретический интерес в связи с изучением нравственно-духовного развития личности, особенностей религиозного сознания. Интересные грани проблемы можно найти в анализе проповедей выдающихся проповедников. В.П. Зубов, например, говорит [149] о сознании, имманентном Богу, дающем мистическое мировосприятие, и о сознании, имманентном душевным переживаниям человека, вследствие чего духовное низводится к душевному [266, с. 29]. При первом типе сознания автор проповеди выражает духовные реалии через образ-символ, который порождает динамику образов — от простого к сложному, от конкретно-чувственного к Богу [266, с. 28]. При другом типе религиозного сознания в проповедях символические образы отражают душевные состояния.

Тексты, отражающие внутренний духовный опыт. Эта позиция раскрывается всей совокупностью православной аскетики. В качестве иллюстрации возьмем выдержки из описания образов Фаворского Света — «Божественной нетварной энергии» (именно этот Свет видели будущие апостолы на горе Фавор при Преображении Спасителя). Так, характерно переживание надмирности, несозданности, неизменности, непостижимости, сокровенности, вечности, невыразимой благодати любви, человеческого богоподобия, необъятных горизонтов в «светоносном прорыве в Небо», при котором духовные видения открывают реальность, не поддающуюся описанию. Свет переживается как откровение небесных тайн. При этом душа переживает глубокое покаяние [21, с. 152–59].

Образно-символический язык в восприятии богословия. По этой позиции предложим два кратких комментария. Первый из них связан с восприятием богословских антитез, когда понятия как бы отрицают друг друга, чтобы с большей полнотой смог выявиться их внутренний смысл. Бог, например, есть *сверхсущностная Сущность; безымянное имя, безначальное начало; неизреченное слово*. Познание Бога есть *ведение в неведении, неприсутствие причастности*. Богословие же есть *представление непредставимого* [371, с. 48]. Второй комментарий по поводу возникновения образных ассоциаций при чтении богословских текстов связан с ограничениями логико-понятийного способа выражения философско-богословских мыслей. Умозрительные пост-

роения не могут заменить непосредственного опыта богопознания. Поэтому в богословии есть особый прием — отказ от логики и использование «языка поэзии», когда с помощью образов и символов указывается некий смысл, таящийся за прямым значением слов [371, с. 48].

Частным случаем образного опыта на основе высших аспектов воссоздающего воображения является «высший духовный текст» **православной иконы**. Икона, наряду со своей основной духовной функцией — возведение сознания к духовным прообразам из «мира горнего», — отображает и конкретное богословское содержание. Можно, в частности, посоветовать читателю посмотреть на иконографическое решение православного «Символа веры» в музее Андрея Рублева в Андрониковом монастыре в Москве.

«**Литургические образы**» — представления, возникающие на основе читаемых на различных Службах в храме священных текстов, а также символических действий. Например, православные Службы проходят с использованием красивых символических образов, раскрывающих богословские истины. Причем следует говорить не только об образах, в которых облекается и протекает суточный и годовой богослужебный круг в храмах, но и об образах, возникающих у молящихся (причем со всеми возможными индивидуальными особенностями и искажениями).

Взаимодействие перцепции и воображения в понимании богословских проблем. В качестве иллюстрации приведем случай, углубивший представление известного богослова — епископа Василием (Родзянко) — о Святой Троице. Наблюдая за огнем, он отметил, что языки пламя различались и в то же время были едины, не разделяясь и не сливаясь. Единство достигалось «вхождением» отдельных языков огня друг в друга. Пламя не поглощало языки, и само не поглощалось ими. Все было одно: огни входили друг в друга, не разлучаясь и не сливаясь. Огонь был один, но языки были различны [136, с. 174–175]. Понятно, что в роли исходного «поясняющего образа» может быть не перцент, а любой вторичный образ, включенный в деятельность воображения.

Опыт религиозно-мистических традиций

Трансляционная функция образной сферы личности отчетливо видна в религиозно-мистических традициях, всем богатством своего опыта свидетельствующих о том, что у человека в особых состояниях

сознания происходит контакт с некими невидимыми слоями реальности, не отражаемыми им на сознательном уровне в обычных состояниях. Древние традиции предполагали как бы особый психологический механизм непосредственного созерцания, переживания и понимания (не концептуального рефлексирования!) скрытых измерений реальности, призванного обеспечить познание мира, в том числе мира «невидимого тонкоматериального», «инобытийных» его сфер, «внутренним прозрением». Культурологические данные позволяют говорить о том, что видения, возникающие в этих особых необычных состояниях, не являются плодом больного воображения и могут быть рассмотрены как отражение определенных сфер «невидимой реальности». Несмотря на удивительное разнообразие субъективных миров в мистических переживаниях, в них прослеживаются общие черты (например, «дерево миров» из «верхнего», «среднего» и «нижнего» миров). Надо подчеркнуть, что реальность, открываемая человеком в измененных состояниях сознания, невообразимо сложна, включает бесконечное множество миров, обладающих более высокой размерностью, другой геометрией пространства и времени, другими физическими законами. Принципы объединения «тонкоматериальных миров» зависят от характера рассматриваемых связей, поэтому с разных точек зрения миры будут выглядеть по-разному [330, с. 208]. Речь идет о многомерном гиперпространстве. Связи между «вселенными» напоминают «многомерную виртуальную паутину». Интересно, подчеркивает Е.А. Файдыш, что подобные образы присутствуют не только в визионерском опыте различных мистических традиций. Древние картины космоса в определенном смысле похожи на космогонические концепции современной физики. Для анализа трансляционной функции образной сферы человека могут представлять интерес карты тонкоматериального мира как инструмента «навигации» в нем при погружении в сложнейшую реальность измененных состояний сознания [330] (показательно, в частности, уже такое название, как «шаманское путешествие»).

Важнейшая тема анализа мистического опыта — описание «архетипического алфавита» и многозначной символики его выражения. Несмотря на изменчивость связанных с конкретным архетипом символических образов, в нем содержится нечто, позволяющее чувствовать единое начало, невыразимое словами [330, с. 90].

Надо отметить, что мистические переживания с видениями могут посетить любого человека — верующего и неверующего, религиозно опытного и атеиста. Более того, эти переживания приходят внезапно

как для тех, так и для других, а потому не являются непосредственным следствием принятой религиозной позиции. Конкретный образный опыт индивидуален и с необходимостью не вытекает из мировоззрения человека, подчеркивает В.М. Аллахвердов [4]. Для анализа трансляционной функции образной сферы личности значим как этот примечательный факт, так и то, что религиозно-мистические переживания подтверждают религиозные взгляды человека [4, с. 52].

Что касается спонтанного духовно-религиозного опыта человека, то здесь надо отметить известный феномен *спонтанного визионерства*. Конечно, при созерцании «иных миров» речь идет о полимодальном опыте. Большой удельный вес занимает слуховая сенсорная модальность. «Послания из невидимого духовного мира» способна передавать музыка. Музыкой «небесных сфер божественного мира» представляется, например, многим творчество Баха, православное литургическое пение и др. В качестве свидетельств «видения иных миров» обычно рассматривается творчество ряда художников (например, Чюрлениса, Дали, современных мастеров). Художники изображают картины «невидимого мира» и его проявлений в нашем мире. Отдельной темой является иконопись. Спонтанность визионерства может зависеть от условий жизнедеятельности человека (стресс, чрезмерное нервно-психическое возбуждение и т.д.). В качестве иллюстрации спонтанного визионерского опыта в особых условиях ГУЛАГа может быть назван опыт Даниила Андреева, отображенный им в известной книге «Роза мира». Из полученных видений была сформирована «картография невидимых миров» и даже картина «метаистории человечества».

Огромное количество примеров визионерства можно обнаружить у членов различных религиозных и псевдорелигиозных сект (как христианского толка, так и других традиций). В этой связи надо отметить существование психотехник, стимулирующих проявление этого феномена на основе моделирования измененных состояний сознания (например, «визионерский поиск» в индейской традиции).

Данные трансперсональной психологии

Существование «трансперсонального познания» очевидно не только для трансперсональной психологии, но известно и психологии академической. С.Л. Рубинштейн говорит, например, о приобщении человек к бесконечному бытию, идеально представленному в нем самом, указывает, что каждое Я является и всеобщим Я/Мы [281, с. 334]. При этом

подчеркивается, что выход человека за пределы самого себя является становлением и реализацией своей сущности. О трансцендентной функции, связанной с расширением масштабности личности, пишет Л.И. Анциферова [10]. О трансперсональности человеческой психики — А.С. Арсеньев [13]. Человек, подчеркивают В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев, является противоречивым бесконечно-конечным существом, воплощением мира в человеке. Чем глубже осознание себя, тем дальше продвижение к переживанию своей сопричастности Миру [299].

Основная форма субъективности, внутреннего опыта, с которой имеет дело трансперсональная психология — это образы измененных состояний сознания. Напомним, что последние рассматриваются как *язык глубинного общения* человека с областями своего внутреннего мира. Считается, что они отражают как нечто индивидуально-специфическое для человека, так и некий общечеловеческий опыт, помогающий двигаться к целостности личности (С. Гроф). В образах измененных состояний сознания подразумевается также контакт человека с микро- и макромиром, включая «метафизические измерения» вне пределов сенсорного диапазона. В целом говорится о возможности проникновения в многослойность и многомерность неосознаваемого психического, в котором отражена реальность. Описывается широчайший спектр соответствующих проявлений трансляционной функции образной сферы личности — пространство переживаний.

Можно говорить о роли образов измененных состояний сознания в следующих позициях.

1. Специфическая роль в *творческом познании*. Образы представляют возможность отождествления с групповым сознанием различного уровня, непосредственного переживания нравственных ценностей, видения новых миров, реалий ноосферы и коллективного бессознательного. По мнению физика Паули, архетипические образы, например, участвовали в формировании теоретических концепций Кеплера [223].
2. Раскрытие необычных потенциальных возможностей человека, в частности, в плане осуществления тонкой саморегуляции психо-физиологических состояний человека.
3. Подготовка к «околосмертным» и посмертным переживаниям души. Известно, что созданием измененных состояний сознания в так называемых «обрядях перехода» многие культуры подготавливали человека к смерти, помогая освоению пугающей информации, приходящей в процессе умирания.

Рассмотрим феноменологию образов измененных состояний сознания подробнее. Обратимся к картографии подобных образных переживаний, приводимой С. Грофом (с дополнениями из других источников информации).

Содержание феномена **абстрактно-эстетических** образов может быть причислено к трансляционным возможностям образной сферы — человеку раскрываются некие «прекрасные внутренние пространства», которые могут нести личностный смысл, порой даже интуитивно как бы понятный человеку.

Психодинамические образы воссоздают неосознаваемые ранее психические содержания, принадлежащие к различным периодам жизни человека в виде непосредственного проживания эмоционально-значимых событий (травмирующих и приятных) в их взаимосвязи. Более сложными феноменами являются образы, в которых переплетены реальные воспоминания и фантазия (желаемое), в том числе образы, взятые из кинофильмов и других источников. Иными словами, образы несут информацию из «эпизодической памяти» под влиянием глубоких информационных слоев памяти (преимущественно онтоэмбриональных и культурогенетических подсистем).

В классе **онтоэмбриональных (перинатальных)** образов исследователь входит в сферу, не охваченную даже интроспективной психологией. Считается, что содержания данных образов — события индивидуальной истории, связанные с памятью о внутриутробном развитии и процессе рождения. Воспроизводятся, например, травмирующие события (анестезия, сдавливание головы, обрезание пуповины и др.). Образы-переживания соответствуют базисным перинатальным матрицам, о которых уже говорилось¹³.

¹³ 1. Матрица «*изначальное единство с матерью*» фиксирует блаженное чувство покоя, защищенности, различные биологические детали эмбриональной ситуации — телесные диспропорции, окружающую жидкую среду и др. (причем знания о ней выходят за рамки информированности человека в этой области). Нарушения внутриутробной жизни фиксируются в образах, которые могут воспроизводиться в особых состояниях сознания. 2. Матрица «*антагонизм с матерью*» отражает воспоминания о первой стадии родов. Здесь образы несут вариации на тему «отсутствия выхода» (безысходность, удушье, переживание запертости, физических и психологических пыток и др.), нахождение в дегуманизованном мире, видение апокалипсических сцен, «пребывание в аду» в описании различных религий. Есть образы поглощения гигантскими водоворотами, заглывание огромными сюрреалистическими чудовищами. 3. Матрица «*прохождение*

Содержание собственно *трансперсональных образов* парадоксально, и с огромным трудом поддается описанию. Феноменология образов данного класса содержит следующие основные проявления их трансляционной функции: *пространственная трансценденция* сознания с выходом за пределы Эго и *временная трансценденция* сознания. У. Джемс писал о подобном выходе сознания за пространственно-временные ограничения. Главными переживаниями выступают нахождение в мирах иной пространственно-временной организации и размерности, возможность «слияния» с любым аспектом реальности (преодоление дуализации мира на субъект и объект), чувство контакта с «высшим знанием», с «тайнами мироздания». При этом может иметь место как сохранение, так и полная утрата самоидентичности.

Наиболее частыми объектами отождествления являются другие люди. При отождествлении с *групповым субъектом* переживается его «коллективное сознание». Образы, связанные с *национально-культурными переживаниями*, можно рассматривать в контексте проблемы коллективного бессознательного. Образы относятся к любой традиции, любого исторического периода (хотя отмечается предпочтение древним культурам с высоко развитыми религиозно-философскими традициями). Содержание образов не зависит от этнической принадлежности человека, особенностей его исторической осведомленности и воспитания, и часто достаточно точно соответствует историческим реалиям (образы не переживаются как отражение некоей генеалогии-

родового канала» дает сложные образы, группирующиеся вокруг тем «борьбы рождения и смерти», «сражений» и «опасных путешествий» и т.п. Выделяются следующие классы образных переживаний: а) *титанические* — эти апокалипсические картины связаны с разрушительным действием огня и воды (сцены разбушевавшейся стихии, природных катастроф, военных разрушений, космических катаклизмов и т.п.); важнейшая особенность переживаний — противоречивость, например, смена огромного страдания «экстазом космического масштаба»; б) *садомазохистские* — сцены различных «зверств»; в) *сексуальные* — образы «диких оргий»; г) *скатологические* — полимодальные образы контакта с различными видами биологического материала (кровь, слизь и т.д.), видение свалок отбросов, разлагающихся трупов и др.; часто «очищающий огонь» уничтожает все эти «мерзости». 4. Образы, связанные с матрицей «отделения от матери», несут яркое символическое переживание смерти-возрождения (из различных культурно-исторических традиций): человек может переживать тотальное уничтожение, которое сменяется видением слепящего света, чувством освобождения от огромного давления, расширения пространства, переживанием единения с невыразимо прекрасным миром.

ческой линии). Образы также отражают сложные мифологические эпизоды.

Образное отождествление с животными имеет яркую специфику. Субъективно переживание отличается от подкласса образов так называемых «филогенетических воспоминаний». Переживание «растительного сознания» встречается реже (это, например, неповторимые и невербализуемые чувства соучастия в физиологических процессах растений). «Сознание живой материи» охватывает всю полноту форм жизни на земле. «Сознание неорганической материи» может быть представлено «сознанием различных природных явлений». Редким феноменом является переживание идентификации с *планетарным сознанием*. Земля воспринимается «космическим организмом», существующим в различных аспектах: геологическом, биологическом, социально-культурном, технологическом и т.д. Образы *внепланетарного сознания* отражают различные космические события, планеты, миры Вселенной и т.п. Отмечается переживание интуитивного проникновения в процесс «божественного творения Вселенной», сопричастности к тайнам ее существования. Образы при переживаниях «инобытийных реальностей» предполагают еще более экзотические переживания, в которых человек вступает в коммуникацию со сверхъестественными «духовными сущностями». Некие «духовные гиды», например, могут что-то объяснять, давать советы. Самыми сильными феноменами являются переживания слияния со «Вселенским Разумом», и «изначальной метакосмической пустотой». Частным случаем пространственной трансценденции является группа образов при *сужении* сознания, представленная феноменами сознания органа, ткани, клетки, субмолекулярных и атомарных процессов. С точки зрения трансформации «образа Я» можно выделить уровни переживаний — от изменения восприятия себя в контексте фиксированного образа тела до его полной потери при сохранении самосознания, способного перемещаться в любые реальности. Осознается «вечная природа истинного Я», которое может казаться неразрушимым «чистым духом». Исчезает граница между реальностью и субъектом; от самосознания остается чувство, что субъект есть часть некоего бесконечного гармоничного Целого [82].

Временная трансценденция сознания предполагает образы «путешествий во времени». Говоря о таких образах, следует указать на представление о множестве «временных потоков», в каждом из которых время течет по-своему, сгущаясь и разрежаясь, меняя свой темп. Описываются *временные* представления о «стреле времени» из будущего,

цикличности/фрактальности времени («юги»); интересный феномен — «петли времени» [330, с. 82]. В образных событиях переживается уход от линейного времени в иную метрику (когда часы могут быть секундами, а секунды — эпохой), т.е. усиливается ощущение настоящего момента, вплоть до переживания «вечности» (последовательность событий исчезает, прошлое, настоящее и будущее переживаются наложенными друг на друга).

Образный опыт группируется также вокруг различных вариантов временной регрессии. Субъект соприкасается, прежде всего, с информацией, относящейся к опыту предков. Образы, связанные с актуализацией фрагментов информации по генетической линии (память рода), характеризуются ярким чувством того, что человек столкнулся с событиями, составляющими часть его судьбы. Они могут включать эпизоды из жизни предков, касаться семейных взаимоотношений, привычек, традиций и др. Содержание образов соответствует культуру-этно-расовому происхождению человека (скандинав переживает приключения викингов и т.д.). *Кармические образы* являются наиболее загадочной категорией трансперсональных переживаний: человек чувствует себя индивидуальностью, жившей когда-то ранее. Переживания отличаются от прошедших по родственно-биологической и культуру-генетической линии как по особенностям идентификации с содержанием образа, так и по его эмоциональной насыщенности. Данные образы могут, однако, пониматься как просто символически-метафорические представления о сопричастности неосознаемых сфер психики всему многообразию прошлого человечества. Отметим в этой связи образы, связанные с культуругенетической памятью. Образы, связанные с филогенетическим опытом, включают идентификацию со всеми видами животных (на основе созданного Творцом филогенетического ряда). Человек в этих состояниях испытывает сложный комплекс переживаний — чувство необычного тела, инстинктивные побуждения, необычные восприятия и т.п. Опыт выходит за пределы самой буйной фантазии (ощущения осьминога или сексуальное возбуждение змеи действительно трудно вообразить). Человек обретает детальные знания о строительстве гнезд, брачных танцах и др. особенностях поведения животных. Наконец, возможны более глубокие формы регрессии в историю творения мира. «Путешествия во времени» включают и предвидение на основе ясновидения/яснослышания.

Трансперсональный опыт зафиксирован в деятельности летчиков и космонавтов. В космических полетах отмечались (во сне и в бодрствовании) фантастические видения и состояния: например, указанное

ощущение себя животными в соответствующей среде обитания, перенос в пространстве и времени, в том числе и на другие небесные тела и т.п. В голове ощущался мощный поток информации (как будто кто-то «мощный и великий пытается передать информацию» [249, с. 56]). В.А. Пономаренко описывает прорыв в сознание «подавленных чувств, эмоций, смыслов, обид, тревог, страхов, которые потом лишь проявляются в самых причудливых формах психологического отражения и искажения реальной действительности. <...> Однако *далеко не все можно объяснить* «с позиций физиологии мозга». Психика человека, особенно в небе, не удовлетворяется рефлексивным сознанием. Мощное информационно-энергетическое поле Вселенной, ее пространство и время, которое для летчика является смысловым информационным источником и оценкой достижения результата пилотирования, безусловно, воздействует на чувственную сферу, на *духовные слои сознания* (курсив мой. — А.Г.), генерирующие высшее эстетическое наслаждение» [249, с. 56].

В феноменологии трансперсонального опыта следует особо отметить связь образов в с религиозными переживаниями. По мнению многих специалистов, исследования данного образного опыта позволяют изучать некоторые базисные элементы религиозных представлений и переживаний. На уровне феноменологических описаний мы видим, что специфические видения закреплены в древней мифологии («матрицы архаического сознания»). В то же время рассмотрение религии как сугубо психологического феномена, возникшего в качестве одного из принципов организации психики (юнговский архетип «внутреннего бога») представляется недостаточным, в частности, вследствие недооценки непосредственного метафизического взаимодействия души человека с духовным миром.

Коснемся других классов образов измененных состояний сознания. Например, это образы, возникающие в *критической ситуации* перед лицом смертельной опасности. Можно предположить, что подобные образы в качестве защитного механизма предохраняют от эмоционального шока, от потери бодрствующего состояния; этим дается шанс бороться до конца. При переживании, в частности, приближения к гибели последняя обычно не признается реальной, и человек может оставаться спокойным. Отмечается сверхактивность сознания и непостижимая скорость переработки информации.

Другой подкласс — *образы в состоянии «при смерти»*. Здесь мы встречаемся с рядом инвариантов трансперсонального опыта. Опрос лиц, которые падали с большой высоты, но остались живы, показал,

в частности, наличие образов мистического содержания, феномен «отделения сознания», «просмотр фильма жизни» и т.п. Обзор жизни, абстрагируясь от специфики феномена в разных классах образов измененных состояний сознания, например, проходит в панорамных образах, с невероятной скоростью отражающих события прошлого (с различной степенью детальности, с фиксацией совершенного добра и зла; в этой связи характерным является самоосуждение) [112; 137].

Иллюстративен личный опыт К. Юнга. Когда он находился при смерти, ему казалось, что он созерцает нашу планету из космического пространства. Он осознавал, что находится на грани ухода с земли, видел собственную жизнь как часть некоей «исторической матрицы». Потом он увидел висящий в пространстве камень, в котором был вырублен храм. Сидящий в нем индус сообщил, что время смерти еще не пришло, и Юнг был отправлен на землю.

Образы при клинической смерти также воспроизводят многие из описанных образных феноменов, хотя имеют и свои особенности. Я, как правило, воспринимается как невидимое и неслышимое в физическом мире образование, существующее, например, в виде энергетического «сгустка» или «чистого сознания». Обычно переживается страх и желание вернуться в тело или, наоборот, ощущение покоя, желание остаться «там». Образы при клинической смерти очень реалистичны, однако они не похожи на галлюцинации. Инвариантами содержания образов являются следующие: бесстрастное созерцание собственного физического тела со стороны и необычное ощущение нового «тонкого тела», встречи с умершими родственниками и знакомыми, неприятный шум и движение сквозь коридор (туннель) с большой скоростью, встреча со «светоносным существом», интересующимся, в частности, тем, что человек успел сделать в жизни значительного, и другими «духовными сущностями». Типичным является обзор жизни. Далее следует некий барьер, граница (в виде образа водной преграды, забора, двери и др.) и возвращение в этот мир. «Внетелесные» зрительные и слуховые ощущения «тонкого тела» становятся более острыми, чем физического (слепые, в частности, могут обрести «видение»; вспомним, что, согласно Платону, отделившаяся от тела душа способна мыслить более ясно — «Государство», рассказ о солдате Эре), однако отсутствуют осязание, обоняние, кинестезия и температурные ощущения. Часто сообщается о феномене моментального пространственного перемещения души в любое место, о возможности «проходить сквозь стены» и т.п. В образах данного подкласса может отсутствовать мифологическое содержание. В то же время (более часто в состоянии

«при смерти») встречаются характеристики религиозно-мистического сознания: образы персонифицированной смерти (женщина в черном или белом с пустыми глазницами), архетипические образы «рая» (экзотические, великолепные пейзажи, «небесные царства») и «ада» (темные пространства, зловещие подземные сооружения, бесплодные пейзажи с огнедышащими ямами, города, окутанные дымом, населенные демонами) [137; 159; 218].

Египетская и особенно тибетская «Книги мертвых», святоотеческое описание «посмертных мытарств души», ряд других источников содержат описания более поздних переживаний образных событий — уже после *реальной смерти*.

Надо сказать, что представления о посмертном существовании, с одной стороны, столь многообразны, что часто несовместимы друг с другом. Они варьируют от идеи поглощения индивидуальной психики некой «абсолютной реальностью» до веры в сохранение индивидуального посмертного существования в различных формах. В частности, несовместимы христианские и восточные представления. С другой стороны, есть сходство загробных представлений в разных культурах. Смерть, например, переживается как отделение некой «субстанции сознания»; есть представления об «аде», «рае», «суде».

Что касается попыток собственно психологии заглянуть в тайну смерти, то здесь можно вспомнить, что К. Юнг толковал посмертный опыт как актуализацию матриц коллективного бессознательного, а У. Джемс обосновывал наличие внутреннего источника многообразного религиозного опыта, который, в частности, разворачивается в посмертных переживаниях. Это позволяет исследователям предполагать существование в человеческой памяти некоего набора матриц, которые кодируют основные моменты «путешествия» умершего и запускаются при жизни различными факторами порождения измененного сознания. Нахождение в «околосмертном состоянии» является, в частности, таким фактором. Есть и другие модели. С. Гроф, например, говорит об актуализации памяти в процессе рождения. Однако подобные идеи все же мало проясняют картину того, что происходит с сознанием после смерти.

Понятно, что для изучения трансляционной функции образной сферы личности значимым является анализ взаимодействия, взаимопроницаемости содержаний образов. Это требование отчасти присутствует в известной проблеме трансперсональной психологии — проблеме интеграции индивидуального сознания. Напомним, что многообразие переживаний образов измененных состояний сознания, особенно

образов, несущих трансперсональный опыт, в определенном плане отражает сложную физико-био-психо-социо-духовную природу человека в особенностях ее проявления на данный момент его жизни, не описанную академической психологией.

Проблема интеграции сознания ставит важные теоретические вопросы. Это вопрос об иллюзорности, степени искаженности и, следовательно, полезности образного опыта, подлежащего целостному интегральному осмыслению человеком. Очень интересен и вопрос о роли программирования и самопрограммирования образов измененных состояний сознания. Что, например, в отличие от испытуемых научного эксперимента по приему психотропных препаратов (например, Дж. Лилли) увидит в микромире индеец, наглотавшись пейота в мистическом ритуале? Ведь у него нет возможности спроецировать на образы свои научные представления. Какова цель интеграции всего объема потенциального человеческого сознания (и возможна ли вообще поставка такой цели)? Полезен ли познавательный потенциал «синтегрированного сознания» для духовно-нравственного развития человека, в чем он выражается?

Необходимым представляется и восстановление истинной иерархии духа души и тела. Вне этого проблема интеграции сознания будет лишь «наркотическим самообманом», иллюзией, возникающей на основе измененности сознания.

Важный аспект рассмотрения трансляционной функции образной сферы личности связан с психическим механизмом **проекции**, которая особенно видна на уровне образов измененных состояний сознания. В этом вопросе следует иметь в виду следующие мировоззренческо-гносеологические моменты. Речь идет о разведении проекции как базисной *психологической закономерности* и как некоей *мировоззренческой установки*. Известно, что все законы, принципы, правила и т.п. имеют рамки своего применения. Объяснение того, что происходит с человеком, надо искать, прежде всего, в нем самом, в проекциях его внутреннего мира на окружающую жизнь. Человек живет в созданном им самим мире: «Мир как мое представление» — известная философская идея. Но при абсолютизации принципа проекции до мировоззренческого уровня есть опасность «потерять» объективный мир¹⁴.

¹⁴ Человеческое познание — это сложнейшее переплетение объективных и субъективных компонентов, тайну сочетания которых философская мысль раскрывает уже не одно тысячелетие. Надо ли проходить нам снова берклианство, становиться наивными агностиками или их противниками?

Поэтому будем исходить из признания того, что механизм проекции, участвуя в создании индивидуальной для каждого человека субъективной картины мира, *высвечивает объективные* аспекты многомерной реальности, *усиливает* значимые для человека вещи в его познании мира. Это помогает пониманию соотношения субъективных и объективных компонентов познания.

Нетрудно заметить, что феноменология образов измененных состояний сознания связана с некими *потенциальными возможностями* психики. Вот на эту правомерность пользования зарезервированными каналами получения информации при изучении трансляционной функции образной сферы личности хочется обратить особое внимание. В этой связи укажем на главное — на необходимость учета опасности принять «красивые картинки» за «откровение», данное через образ. Перспективной задачей становится поиск критериев разграничения: а) просто «игры воображения», б) образов, репрезентирующих значимую информацию из глубинных неосознаваемых структур психики, в) того психического процесса, который мы гипотетически назвали «перцепцией неявных аспектов реальности», «восприятием идеального мира», «отражением невидимого духовного мира» через символические созерцания.

Исходя из сказанного, «перцепция невидимого мира» должна изучаться с учетом возможных деструктивных моментов, поскольку в картографии потенциального сознания существуют ячейки, попадание в которые чревато переживаниями, способными привести к психическим изменениям. Деструктивные моменты могут пониматься и как заблуждения, иллюзии, имеющие, однако, негативные моменты с точки зрения психического и духовного здоровья (например, шизофреник не сомневается в истинности содержания своего внутреннего мира). Но источник деструктивности образов может иметь и более сложную природу, в частности, в связи с вопросами энерго-информационной экологии. Если же допустить гипотетическое существование

В отечественной психологической традиции (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и др.), в частности, достаточно убедительно говорится о том, что в *образе отражен объект* (в той или иной мере, степени адекватности образа и прообраза). Ошибочно полагать, что человек «представляет свои представления». Поэтому не будем переоценивать гносеологическую роль проекции. А то ведь можно и современный терроризм вместе с многофакторностью его порождения посчитать иллюзорной обеспокоенностью — проекцией агрессивных импульсов людей.

отрицательного метафизического фактора образного опыта, то этот вариант представляет большую опасность для человека.

В этой связи обратимся к православной аскетической традиции в ее особом подходе к *роли образной сферы в духовной жизни*. Разработанная в деталях за два тысячелетия точка зрения святых отцов заостряет ряд значимых аспектов данной проблемы. Анализ святоотеческой традиции актуален, ибо она, являясь неотъемлемым достоянием духовного опыта человечества, задает новый исследовательский метаконтекст.

ОБРАЗНАЯ СФЕРА ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

8.1. ПОЗИТИВНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «СОЗЕРЦАНИЙ ВНУТРЕННЕГО ЗРЕНИЯ»

Примечательно, что слово и образ в христианстве представляют собой единство. Бог всему дает формы (образы). Утверждается существование некой «лестницы образов» — от земных к божественным. На ее вершине — образ Сына Божьего, представления о божественных сферах, небесном невидимом мире. Ниже находится образ человека, сотворенного по образу Бога. В основании лестницы располагаются образы предметного мира.

Образная сферы человека, согласно христианской антропологии, может быть проводником духовных мыслей и значимой для людей информации. Образы памяти, например, помогают не забывать о своих плохих поступках для раскаяния в них или хранить добрые воспоминания о ком-то для благодарности людям. Роль воображения усматривается в «возогревании религиозного чувства».

Воздействие образа нравственно-духовного содержания для пробуждения возвышающих душу переживаний известно. К фантазии, например, апеллируют индийские традиции. Не случайно и то, что различные религии во все времена стремились показать человеку сферу божественного через богослужение, архитектуру храмов и т.п. Поскольку же потребность как-то представить и символически изобразить Бога — одна из древнейших, воображение присутствует в религиозном акте. Большинство людей, подчеркивает И.А. Ильин, неспособно к отрешенному нечувственному созерцанию, которое требует долгой практики. Оно дается немногим и потому *«нуждается в чувственном образе для того, чтобы через него узреть нечувственное и через воображение возжечь в сердцах луч Божьего совершенства и вознестись*

в этом огне к непостижимой Его самосути» [162, с. 276.]. Здесь стоит отметить и позицию В.В. Зеньковского, подчеркивающего, что фантазия охватывает сферы религиозной, этической и эстетической жизни [141–143].

Изучение роли образного опыта связано с темами иконотворчества и иконовосприятия. Восприятие иконы раскрывается в святоотеческой традиции как подлинный духовный опыт, возводящий человека к высшим духовным прообразам. Связь иконы с невидимым божественным миром дает переживание святости, возникающего у молящихся. Этим, подчеркивает Б.П. Вышеславцев [61, с. 70], отклоняется пренебрежительное отношение к образам религиозного содержания как к «игре воображения». Об иконе как о послании из «мира горнего» говорил о. Павел Флоренский. В качестве одного из аспектов роли образов в духовной жизни следует выделить и богослужбное воображаемое пространство-время, дающее возможность молящемуся человеку присутствовать в празднуемом событии.

В православной литературе существует обширная накопленная феноменология проявлений образов с нравственно-духовным и божественным содержанием [20; 23; 38; 76; 93; 157; 159; 205; 209; 246; 290; 297; 307; 311; 322; 327; 349]. Так, в Священном Писании можно найти многочисленные образы, в которых Творец мира открывался людям [Бытие: 15:1–12; 18:2, 17, 33; 21:17–18; 22:10–18; 31:11–13; 32:24–30; 28:12]. При этом выделяются различные аспекты «богосозерцания» — через *сновидения* (например, как при заключении Завета с Авраамом — Быт.), «голосом с небес» (так говорил Бог Моисею), *через Ангела* (например, в явлении Аврааму при жертвоприношении им Исаака и другим библейским персонажам), в видении «небесного» (Иаков видел лестницу от неба до земли и Господа, стоявшего на ней (о понимании антропоморфных изображений Бога в Библии см. в катехизической хрестоматии «Уроки и примеры христианской веры» [327, с. 102]). Много подобных образных свидетельств есть и в Новом Завете. Святоотеческая традиция подчеркивает, что божественные видения не являются плодом фантазии, а возникают от действия Святого Духа. Итак, явление «небесных посланий и посланников» происходит в образных событиях внутреннего мира — в особых состояниях сознания (например, в молитвенном), в сновидениях, дремотноподобном «тонком сне». Существуют описания явления Бога и «посланцев горнего мира» для призвания к различным формам Служения Богу, или для указания на конкретные действия в таком Служении, для охранения, предупреждения, инфор-

мирования людей о чем-то¹, совета, разъяснения, для помощи и духовного укрепления людей². Наивысшим проявлением в рассматриваемой позиции можно считать укрепление «небесными образами» св. мучеников. Явление божественных существей людям связано с извещением о «небесной помощи» на войне. Например, при осаде Пскова поляками (1581 г.) старцу Дорофею было видение Богородицы с несколькими святыми, когда Она не только повелела людям молиться о прощении грехов, но и указала средства для избавления от осады. Есть в православной литературе примеры чудесных исцелений вследствие посещения Богородицы, Ангелов, святых (очень часто это св. Пантелеймон), которые в сновидении исцеляют. После пробуждения человек оказывается здоровым или «резко идущим на поправку». Типично даваемые через видение советы или настоятельные указания идти куда-то конкретно (в храм, к некоей иконе, к определенному старцу и т.п.). Характерно получение «небесного знамения» как ответ на молитву. Есть видения, указывающие *местонахождение сокрытых икон и святых мощей*, а также распоряжения (чаще всего самой Богородицы) по поводу перенесения какой-либо иконы из одного храма в другой, подсказки, где находится некая икона или что необходимо освящение храма в честь конкретной иконы.

К хрестоматийным случаям относятся истории обретения икон «Казанской» и «Державной», обстоятельства прихода «Иверской» иконы на Святую Гору Афон, история основания Боголюбского монастыря. В Казани Богородица трижды являлась десятилетней девочке с повелением сообщить архиепископу и начальнику города, чтобы они обрели Ее икону на месте недавнего пожара. Словам девочки не придали значения, и тогда она сама с помощью матери откапала в указанном месте сияющую чудным светом икону (8 июля 1579 г.). Державная икона Божьей Матери явила себя в селе Коломенское под Москвой в день отречения царя-мученика Николая II от престола в пользу брата. Богородица несколько раз являлась в сновидении

¹ Показателен случай с некоей Феодулой, давшей обет девственности, но обрученной с суждальским князем. Богородица явилась в ответ на ее молитвы и сказала, что браку не суждено состояться (действительно, князь скончался).

² Православные тексты гласят, что небесные видения укрепляли монахов в их духовных подвигах, помогали людям в трудные моменты их жизни. Так, когда один афонский монах, истощенный лишениями, страданиями, хотел покинуть Святую Афонскую Гору, ему явился Господь, распятый на Кресте, и напомнил, что «с Креста не сходят, а снимают».

Евдокии Адриановой и указывала место, где находится икона (в подвале). В частности, снилась белая церковь и величественно восседающая на троне Женщина. Державная икона как бы взяла на себя мистическую царскую власть над Россией и над народом, отвергшим царя-помазанника Божьего (особые гонения обрушились именно на почитателей данной иконы). Иверская икона явилась в «достигавшим до неба огненном столбе» на море. В сновидении Богоматерь явилась старцу Гавриилу и сказала, чтобы он сказал настоятелю и братии, что Она хочет дать свою икону монастырю, и чтобы сам Гавриил по морю пошел и забрал икону. Это и было сделано. История основания Боголюбского монастыря повествует о следующем. Когда князь Андрей Боголюбский переезжал из Киевских земель в Суздальские, в 10 верстах от Владимира лошади, везшие икону, встали и не могли двинуться дальше. В ночной молитве князю было явление Богородицы, которая объявила, что Ее икона должна остаться в этом месте.

Описаны случаи, когда «указания свыше» относительно судьбы иконы даны нескольким людям. Так схимнику Дорофею через образное видение было сказано отнести некую икону Богоматери на его родину; когда же настоятель монастыря стал этому препятствовать, Богоматерь во сне приказала ему не делать этого. Примерами относительно сокрытых мощей являются известные случаи с преподобными Сергием Радонежским и Серафимом Саровским. Близкими по смыслу являются указания в образе местонахождения святых источников и других святых мест. К многочисленным свидетельствам данной группы феноменологии можно отнести и образы «ловушек» на духовном пути. Так, характерно видение «расставленных сетей» — символов страстей и грехов, в которые попадает человек.

8.2. ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ПРЕЛЬЩЕНИЕ

Общая установка православно-христианской традиции заключается в весьма *осторожном отношении* к образной сфере человека и ее роли в познании духовных смыслов бытия. Напомним, что строгость святоотеческого подхода основана на глубочайшем опыте духовного делания, выявившем за две тысячи лет реальные опасности, которые могут придти в душу через видения. Отметим также, что святоотеческое отношение подтверждается экспериментальными данными, свидетельствующими, что чаще фантазируют люди слабо социализированные, с низ-

ким самоконтролем, эмоционально нестабильные [81]. О том, что роль образов в порождении религиозных и мистических переживаний не должна делать образный опыт руководящим началом, хорошо пишет И.А. Ильин. Воображению не позволяется произвол «творения чувственной химеры», или питания «младенчески-мечтательной религиозности», ищущей удовлетворения в вымыслах. Воображение должно оставаться подчиненным более глубоким показаниям религиозного опыта, прежде всего, «созерцанию сердца», так как оно способно «прельщаться беспочвенными химерами» и вовлекать в обман — и сердце, и волю, и мысль» [162, с. 109, 318]. Он говорил и о том, что и желанные образы, и отвратительные фантазии повисают на душе гирляндами, то помогая ей, то мешая загромождением горизонта духовного видения.

Православная аскетика нацелена на борьбу с воображением, утверждая, что духовное здоровье — это ясность и чистота души. Человек творит вторичный мир образов потому, что его «умное зрение ослабело», и не видит Богосозданное [120, с. 52]. Особо подчеркивается постоянная борьба со «страстными образами» этого мира, через которые человеку приходит привязанность к «плотскому» и «материальному». Поэтому «монашеская аскеза включает в себя как неременное условие борьбу с воображением, потому что через воображение пробуждаются и возрастают страсти, живущие в каждом из нас. Такие крайние виды подвижничества, как затвор, отшельничество, столпничество и т.д., имели целью очистить ум от воображения, иссушить страсти в сердце, отключить ум от разнообразия помыслов и образов и сконцентрировать его на Едином» [24, с. 55].

У святителя Григория Паламы мы находим ясную мысль о том, что воображение не может подняться над чувственным [310, с. 105]. Преп. Максим Исповедник говорил, что, когда ум прикрепляется к чему-нибудь чувственному, он обязательно приобретает страсть по отношению к этой вещи (например, вождление, скорбь) [310, с. 114]. Святые отцы подчеркивают: мечтание, связанное с прошлым и будущим, о добрых или злых делах — «легчайшая брань сатаны», поскольку приходят различные помыслы³, занимающие ум с целью воспрепятствовать

³ Помыслы — это любые произвольно возникающие образы, например, воспоминания, мечтания, а также мысли, намерения, желания. Под «помыслами» понимаются также «диавольские искушения» через воображение (например, «срамное воображение», по выражению преподобного Филофея Синайского). Святые отцы нередко называют Сатану фантазером, поскольку он возомнил себя подобным Богу.

его обращению на духовные предметы. Склонность к мечтательности и бесплодному фантазированию рассматривается как небезобидный порок уже потому, что привычка витать в облаках удаляет человека от высшей реальности, от познания духовных смыслов бытия. Православная традиция подчеркивает, что в отношении человека с Богом воображению нет места потому, что Бог выше любого образа.

В святоотеческом учении выделяются четыре основных вида воображения. 1. Воображение, связанное с действием страстей (любая страсть облекается в образ, например, чревоугодие рисует всевозможные яства). 2. Воображение как жизнь в сфере фантазий. 3. Воображение, связанное с решением проблем, с творчеством. 4. Воображение в связи со стремлением человека проникнуть в тайну бытия, постигнуть Божественный мир. Эта позиция имеет особое значение в нашем анализе.

Создание «мысленных божественных картин», «представлений о духовной реальности» небезвредно для развития духовности человека по нескольким причинам: 1) появляется экзальтация и привязка к возникающим приятным психофизиологическим состояниям и эмоциональным переживаниям — душевным, т.е. псевдодуховным по сути; 2) имеет место неадекватность самопознания и познания сферы духовного.

Важный аспект в отношении православной традиции к образам заключается и в том, что образная сфера тесно связана с механизмом внушения и самовнушения на основе чувств, выражающих себя в грезах и фантазии и усиливающих греховные страсти. Поскольку страсти возбуждаются образами, святые отцы призывали незамедлительно отвергать все образы греховного, низменного содержания, доказывая, что они могут ввести в безнравственные состояния (в широком спектре их проявления). Если сразу не отвергнуть представления, способные вызвать отрицательные чувства, то образы неизбежно усилятся в своем влиянии на внутренний мир личности. Действительно, как указывал, в частности, В.В. Зеньковский, воображение может стать «жуткой силой души» потому, что для него нет границ; люди в фантазиях теряют чувство реальности, инстинкт самосохранения, отдаются порокам. Подчеркивается, что подавлять воображение опасно, а часто и невозможно [227; 142].

Святитель Феофан Затворник, обобщая святоотеческие наставления, подчеркивает, что в силу духовной неопытности и неосторожности человек может «застрять» на образах своего воображения, оставаясь уверенным, что он на правильном духовном пути. Так, в молитве чело-

век должен представить Богу сердце, совершенно чистое от впечатлений, не имеющее образов и готовое принять одни «напечатления Божьи» (св. Марк Подвижник) [123, т. 1, с. 518]. Образы, какими бы священными по содержанию ни были, держат внимание *вовне*, в то время как во время истинной молитвы человек должен собраться умом *в сердце*. И.А. Ильин подчеркивает, что воображение, оставшееся без такой молитвы, будет заниматься содержанием образов, отвлекая внимание от нее посторонними переживаниями и лишая человека «духовного присутствия» [162, с. 295].

Сказанное подводит к одному из центральных понятий в святоотеческой традиции — понятию **прелести** — духовного прельщения, раскрывающего роль, которую образная сфера личности играет в высших проявлениях нравственно-духовного познания. Уже сам термин «прелесть» указывает на духовную болезнь ложной духовности в человеке: в высшей степени (*пре-*) *лесть* себе относительно успехов в деле духовного роста. Это горделивое мнение обусловлено желанием духовных дарований, особых переживаний, мистических откровений. Святитель Паисий Величковский ясно объяснял: впасть в прелесть означает стать жертвой обмана, самообмана (самообольщения), имея при этом твердую уверенность, что находишься в истине. Святитель Игнатий (Брянчанинов) подчеркивал, что прелесть есть искажение человеческой природы ложью, усвоение лжи, принятой за истину. Находящийся же в прелести «обманут и внутри себя и вовне, однако ни плена своего, ни странности поведения прельщенные люди не понимают» [19, с. 348.], и представляют действительность в извращенной форме.

Преп. Симеон Новый Богослов так выражает общую святоотеческую позицию: воображение чинов ангельских, обителей святых, видение света, слышание гласов и т.п. есть знак пребывания в прелестном состоянии. Прелесть же, по выражению афонского старца Иосифа, является по природе своей удалением от истины, приветствием лжи. Действие прелести на человека столь сильно, что он «уже не в силах послушаться ее хотя бы на волосок» [209, с. 258].

Согласно святоотеческой традиции, существуют изощренные способы прельщения человека «сладкой ложью». Все предложения облекаются в привлекательные одежды. При этом каждое доброе начинание склоняется в сторону лжедобра. Именно поэтому надо быть недоверчивым ко всем приятным, необычным душевным состояниям и не принимать без тщательной проверки «откровений», «видений», «просветлений», «блаженных состояний» и т.п. [19, с. 77]. Человек, не

принимающий видений, избежит прельщений. Преп. Нил Сорский ясно выразил общую святоотеческую озабоченность: «Чтобы не впасть в прелесть, не допускай в себе никаких представлений, никаких образов и видений; ибо парения, сильные мечтания <...> не перестают быть и тогда, когда ум стоит в сердце и совершает молитву, и никто не в состоянии владычествовать над ними, *кроме достигших* (курсив мой.— А.Г.) благодатию Святого Духа совершенства» [286, с. 40].

В прелести человек, принимая наваждение за реальность, переживает «блаженный духовный опыт», «созерцает божественное». У него редко возникает вопрос, откуда приходят его переживания и кто дает ему «в кредит» необычные силы и состояния [19, с. 95–96]. Прельщенный человек не только не видит свои пороки и страсти, но считает, что имеет «святые дарования». Проявления души, кажущиеся светлыми и богоугодными, создают впечатление «избранности», представляются высокой духовной жизнью. И действительно, у человека, составившего искаженное мнение о своем нравственно-духовном статусе и степени личностного развития, появляется необычное воодушевление, подъем внутренних сил, принимаемые им за достигнутый уровень развития.

Итак, прелесть — это духовный самообман, при котором человек свои психические (психофизиологические) состояния и порождаемые ими «высокие душевно-духовные» переживания и иллюзорные фантазии-видения принимает за проявления высокого нравственно-духовного уровня, вплоть до признания божественного действия в себе Духа Святого, за истинное божественное откровение, богообщение и т. п. Человек усваивает ложные образы и впадает в гордыню и тщеславие. Все эти моменты подтверждают возможность ***рассматривать состояние прелести в широком смысле как когнитивно-эмоциональное искажение в духовно-нравственном познании с соответствующей поведенческой неадекватностью.***

В том, что люди в прелестном состоянии *теряют способность сознать свои заблуждения*, святые отцы усматривали «особенный ужас». Более того, прельщенный человек обычно берется пророчествовать и, соответственно, дает ложные предсказания. Форма, в которую облекается образ (мысль) и его переживание, затрудняет возможность понять самообман: образ кажется «естественным», «хорошим», «истинным», «святым». Человек пребывает в иллюзии контакта с «высшим», принимая собственные фантазии за нечто ниспосланное «свыше». Понятно, что прелесть тем более духовно разрушительна для личности, чем сильнее люди в этом состоянии считают, что являются «носителями Света» для других.

Выделяют причины прелести, которые могут быть также поняты и как факторы, определяющие разнообразие видов прелестных состояний и сопровождающих их образов-переживаний.

Основная причина нравственно-духовного прельщения — искажение душевной жизни», возникающее на основе страстей, корнем которых и является **гордыня** — явная или замаскированная. В связи с действием гордыни понятно, что причинами прелести могут быть: неправильная молитва, чрезмерная духовная практика, внешнее доделание. Особенно это относится к монашествующим. Другая базисная причина состояния прелести: **искание** и даже **ожидание** благодатных ощущений, видений, откровений свыше. Желание увидеть подобное с самого начала извращает духовный путь человека, подчеркивает архимандрит Рафаил [24, с. 245]. Прелесть возникает у тех, кто ищет небесных наслаждений, откровений, даров, которые человек и получает в воображении. Даже пассивное ожидание высших духовных состояний усиливает гордыню. На фоне искания и ожидания «божественного в себе» прелесть легко возникает от **фантазий** о «небесном». «Как ум нечистый, желая видеть Божественные видения и не имея возможности видеть их, сочиняет для себя видения из себя или обманывает себя и обольщает — так сердце, усиливаясь вкусить Божественную сладость и другие Божественные ощущения и не находя их в себе, сочиняет их из себя...» (святитель Игнатий Брянчанинов [233, с. 77]). Святитель Феофан Затворник очень метко говорил о том, что при допущении подобных образов, возникает опасность молиться мечте.

Прелесть может происходить от **неправильно трактуемых человеком приятных душевных переживаний и телесных ощущений** (приходящих во время молитвы или психотехнических упражнений вне православной традиции) *и привязки к этим состояниям*. Поскольку искомое считается достигнутым, путь к реальному духовному росту блокируется.

Таким образом, прельщение возникает во взаимодействии факторов внутренних (фантазии, ожидания «божественных состояний», неадекватная оценка собственного состояния и др.) и внешних (жизненный контекст, социальное окружение, информационная экология) влияний. Из этого следует, что виды прелести взаимосвязаны: воображение, например, «разгорячает душу» и приводит к экзальтации, а «психофизиологическая разгоряченность» стимулирует фантазию.

Существуют виды прелести, связанные не с чувствами, а с областью мысли. Православная традиция подчеркивает, что искаженная

грехом мысль склонна безумие почитать мудростью, а мудрость осмеивать. Прелесть действует первоначально на образ мыслей, по мнению святителя Игнатия. Будучи принята человеком, она извращает образ его мыслей и сердечные ощущения [227, с. 90]. Интеллектуальная «прельщенность ума» различима с трудом и потому угрожает даже духовно развитым людям [209]. Подобный вид прелести проявляется, в частности, во мнении людей о том, что они имеют откровения по богословским вопросам. Такие мнения рождают множество ложных взглядов и богословских теорий (ересей). Богословскому прельщению «мнением» способствует мечтательность, порождающая иллюзию «общения с высшим миром», веру в некую особую миссию в мире, достойную «пророческих» откровения [227, с. 91–92].

Один из главных отличительных признаков прелести — эмоциональные состояния разной интенсивности и оттенков: от простой душевной восторженности до болезненной экзальтации. Состояние прелести характеризуется определенным фанатизмом, дышащим, по выражению святителя Игнатия, «разгорячением и превозношением». Он, в частности, в этой связи пишет о подмене духовности душевностью. Особенно способны принимать собственные фантазии за «божественные откровения» люди, склонные к эмоциональной экзальтации. Их много в различных христианских сектах.

Следует сказать о таком виде прелести, как претензии неочистившегося от страстей человека на обладание истинной любовью. Истинная духовная любовь, как утверждает Евангелие, есть дар Духа Святого, а не результат, по святоотеческому выражению, нервно-психического напряжения искаженного естества человеческого. Отмечается показательный момент: в сочинениях о любви вне рамок святоотеческого наследия менее всего говорится о покаянии, о необходимости борьбы со страстями. Поэтому претензии на истинную любовь часто являются прелестью, имитацией.

В последнее время становится популярным использование приемов йоги для так называемой «христианской медитации», которая дает «ощущения покоя и здоровья», «эйфорию», «предрасположенность к духовной жизни», «раскрытие личных отношений с Богом», «сладостную молитву», «трепетное ожидание прикосновения «святого духа», и т.п. Согласно православно-христианским идеям, все это — отступление от верного духовного пути в сторону «внехристианской» духовности [19, с. 100–101]. Афонский старец Иосиф подчеркивает, что христианская духовная жизнь не имеет ничего общего ни с магией, ни с йогой, ни с иными вне- или антихристианскими

системами [209, с. 177]. К современным формам прелести можно отнести также различные «контакты с космосом», «НЛО-опыт», выходы сознания в так называемый «астрал» и т.п. Также подчеркнем, что, исходя из знания особенностей, закономерностей и механизмов прелести, можно понять и психологический и духовный статус переживаний образов трансперсонального опыта.

Святоотеческая традиция признает, однако, что в *начальный* период духовной практики⁴ наличие блуждающих в сознании посторонних мыслей и образов неизбежно. Прелестью они не считаются («до поры до времени»), но и им надо учиться противостоять и стараться отводить ум от «хаоса потока образов». Борьба человека должна начинаться с действия через образы не только конкретных страстей, но и с различными «пустыми мечтаниями». О тонкостях влияния «внутренней образности» в борьбе со страстями говорит святоотеческое указание (например, преподобных Иоанна Лествичника, Марка Подвижника) о вреде воспоминаний о греховных действиях. В святоотеческой традиции разработаны специальные приемы борьбы с образами, в частности, «не совлечение» с ними в соответствии, например, с общими принципами работы с помыслами преп. Нила Сорского. Важно также достижение способности «пребывания ума в сердце» и др., ибо, как утверждается, безуспешно гоняться за помыслами, если сердце оставлено без прикрытия [123, т. 1, с. 235]. Характерно, что при достижении известного в православной аскетике состояния «соединения ума с сердцем» действие различных образов-помыслов прекращается само.

Свойства и проявления прелести неисчислимы. В борьбе с прелестью, поэтому, важна многоплановость работы с ней. Главным же является различение прелести.

8.3. РАЗЛИЧИЕ СОСТОЯНИЯ «ПРЕЛЕСТИ»

Евангелие говорит: *«Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они»* (1 Ин. 4:1). Различение прелестных состояний поэтому стало для христианских подвижников тончайшей духовной

⁴ Старец Иосиф Исихаст дает хорошее сравнение. Начинающий духовный путь подобен стоящему в час восхода солнца лицом на восток, так что лишь его лицо освещается [209, с. 326].

работой. В православной аскетике чувство реального в духовной жизни задается через очень точное понятие *трезвения* (есть, например, понятие «трезвеного созерцания» [322]). Под ним понимается преодоление когнитивных, эмоциональных и поведенческих искажений в нравственно-духовном и религиозном познании. «Трезвение, — писал преподобный Исихий Иерусалимский, — есть твердое водружение помысла и его стояние у дверей сердца, так что он видит подкрадывающиеся помыслы и уразумевает, какой образ покушаются начертать и напечатлеть в уме демоны, чтобы прельстить им чрез воображение» [290, с. 190].

Основополагающим моментом в различении прелести в христианском вероучении выступает борьба с гордыней. Говоря о высоком занятии «непрестанного памятования Бога», свт. Игнатий Брянчанинов указывает, что эта высота очень опасная, когда лестница к ней не основана на камне смирения [313, т. 4, с. 497]. Он подчеркивает, что «мнящий о себе, что он бесстрастен, никогда не очистится от страстей; мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что он свят, никогда не достигнет святости. Просто сказать: приписывающий себе духовные делания, добродетели, достоинства, благодатные дары, лстящий себе <...>, заграждает <...> вход в себя и духовным деланиям, и христианским добродетелям, и Божественной благодати» [313, т. 1, с. 243].

Святоотеческая традиция свидетельствует о том, что отрицательные метафизические силы могут принимать вид «светлого ангела», который обычно говорит человеку, что послан Богом, чтобы находиться рядом с ним для духовной помощи. Он может создавать большие наваждения, изображая «небесные Престолы», или самого Иисуса Христа, или представляя, например, «огненную колесницу и приглашая кого-то войти в нее, подобно известному библейскому пророку Илии (4 Цар. 2:11). Подтасовка и подмена происходят на очень тонком уровне духовного чувства без предметных видений «бесовских маскарадных перевертышей».

Проблема трезвения в духовном познании — это вопрос истинной духовной религиозности, ее глубины и полноты. Причем данный вопрос связан с сущностью человеческой свободы и ответственности. Духовное трезвение — это, выражаясь словами И.А. Ильина, стремление человека к постоянному *отгораживанию себя от любых иллюзий, пристрастий, соблазнов, выдающих себя за «волю Божию»*. «Нет ничего соблазнительнее, — пишет он, — как принять влечение своего инстинкта, или похоть своей воли, или интерес своей человеческой

особы — за указания или повеление Бога, укрыться за этот щит и предаться упорству и неистовству своих хотений, во исполнение якобы «предписаний Всевышнего». История религий, подчеркивает философ, полна такими осуществлявшимися соблазнами, приводившими к всевозможным противодуховным искажениям религиозности, жесточайшим проявлениям нетерпимости, к лжеучениям, лжеобрядам, войнам, казням и к неистовству всяческого разврата» [162, с. 422]. И.А. Ильин подчеркивает, что «человек должен строить свой религиозный опыт с таким чувством, что ему дана полная свобода, что на него возложена полная ответственность и что от него требуется величайшее напряжение духа, души и плоти» [162, с. 367]. «Религиозность, как жажда, как зов, как искание — включает в себя чувство ответственности: живую заботу о том, как бы не впасть в иллюзию, в выдумку, в бред, в фантазирование, в соблазн, в суеверие или в своеумную ересь» [162, с. 131]. Поэтому каждый, утверждая свою свободу, должен измерить эту ответственность и допросить себя о своей духовной зрелости. «Человеку не следует помышлять, будто все, что в нем происходит, делает Бог. Это было бы равносильно сложению с себя той великой ответственности, которая возложена на каждого из нас Богом» [162, с. 392]. При непонимании человеком своей высочайшей ответственности и при недостаточной духовной трезвости вслед за выдающимся философом можно констатировать, что свобода обращения к Богу допускает возможность злого действия. Этот аспект имеет самое прямое отношение к ложному пониманию «свободы совести» как претензии на неограниченное никем и ничем следование любым внутренним устремлениям. Вопросы, которые были затронуты в связи с концепцией самоактуализации — а это непростые вопросы, которые каждый ищущий Бога должен задавать себе — соотносятся с тем, что бороться-то необходимо не только с дурным воображением, но и, что более важно, с субъективно «высокими образами небесного содержания» и «божественными состояниями» (но эта борьба более трудна).

Самый общий принцип при различении прелести связан с установкой исходно *не доверять любым видениям*, особенно в случае, если это будут «созерцания божественных миров», видения «небесного содержания», причем любой субъективной локализации — вне или внутри человека. Видения *принимались* православными святыми (осознавались как положительный элемент духовного опыта) только в том случае, если содержание образов соответствовало святоотеческому духовному опыту. Принятие образа означает, как бы разрешение

ему войти в душу, в сердце *без какого бы то ни было сомнения*. При малейшем сомнении относительно природы любых помыслов они либо просто не принимаются в смысле известного принципа святоотеческой аскетики «не принимать, но и сразу не отвергать, либо при ощущении их «лукавости» решительно отбрасываются.

Вначале внушаются образы, мысли и действия как бы непредсудительные и кажущиеся добрыми, О. Лазарь напоминает [19, с. 249–251], что святые отцы всегда подчеркивали: наиболее опасно неосознанное порабощение злым действием, замаскированным под добродетель. Чаще люди обольщаются ложными добродетелями, чем соблазняются явными грехами. Из этого тонкого обольщения выйти труднее, чем подняться из впадения в очевидный грех (в первом случае не виден вред).

Православный аскетический опыт свидетельствует о том, что темные силы *не имеют возможности действовать самовластно* (им не дано такого права), поэтому они *ищут согласия человека на предлагаемое* ими, и только в этом случае потом прельщают согласившегося. Предлагаемое прельщение, конечно, может быть очень тонкое, едва различимое. Святитель Игнатий так говорит об отличии «истинного богоощущения» от мнимого. «Прелесть, когда приступает к человеку, мыслию ли, или мечтанием, или тонким мнением, или явлением, зримым чувственными очами, или гласом из поднебесной, слышимым чувственными ушами, — приступает всегда не как неограниченная властительница, но как обольстительница, ищущая в человеке согласия, от согласия его приемлющая власть над ним. Всегда действие ее, внутри ли оно, или снаружи человека, есть действие извне; человек может отвергнуть его. Всегда встречается прелесть первоначально некоторым сомнением сердца; не сомневаются о ней те, которыми она решительно возобладала. Никогда <...> прелесть <...> не наставляет подвижника на покаяние <...>; напротив того, возбуждает в нем мечтательность, <...> приносит ему какое-то безвкусное, ядовитое наслаждение, тонко льстит ему, внушает самомнение, устанавливает в душе идол «я»«. Благодать же обычно приходит к *смирившемуся* человеку, достигшему уже некоей внутренней чистоты сердца, и внезапно изменяет ум и сердце, объемлет всего человека [19, с. 276]. «Видения от Бога», приносят душе умиление, благоговение и т.п. Имеющий такие переживания обязательно заметит, что с ними «чудно соединена глубокая внутренняя, *мирная, тихая* (курсив мой.— А.Г.) радость» [19, с. 247]. Образы, связанные с прелестью, характеризуются тем, что вводят человека в высокоумие, в самомнение; переживаемые же оттенки

радости являются результатом неосознаваемого удовлетворение тщеславия [313, т. 3, с. 18]⁵.

Для различения «прелестных состояний» необходима нравственно-духовная чистота человека. Узнавание божественной благодати облегчается, если человек не осквернен страстями. [286, с. 308–309; 322, с. 202].

К поведенческим критериям истинности видений могут быть отнесены и *последствия переживания подобных образов*. При воздействии божественного видения человек начинает что-то менять в своей жизни и в себе, вступая на путь постепенного, но радикального изменения. Этим кладется основание для того, что входит в понятие истинного покаяния как изменения жизни — «метаноия» (*греч.*). Но все изменения, возводящие к Богу, должны проходить на фоне борьбы с гордыней (ибо и в прелести можно что-то менять в себе).

Православная традиция подчеркивает опасность *самовольного* и *добровольного* вхождения человека в контакт с «невидимым миром» и с метафизическими силами, действующими в нем. Человек, знакомый с глубиной православного духовного опыта с ужасом взирает на то легкомыслие, с которым современные люди доверяют явлениям и видениям духовного содержания. Людям, в частности, стало совершенно чуждо недоверие к своим «добрым» мыслям и чувствам. В результате именно искаженный духовный опыт стал общераспространенным. В оккультном опыте любой домysel, любая фантазия на основе контактерства с «невидимым духовным миром» принимается за «откровение». Андрей Кураев подчеркивает, что все оккультные,

⁵ Святитель Игнатий подчеркивает, что божественное действие «не зрится, не слышится, не ожидается, не вообразимо, не объяснимо никаким сравнением, заимствованным из века сего; приходит, действует таинственно. Сперва показывает человеку грех его, растит в очах человека грех его, непрестанно держит страшный грех пред его очами, приводит душу в самоосуждение, являет ей падение наше <...> потом мало-помалу дарует сугубое внимание и сокрушение сердца при молитве» [313, т. 2, с. 319]. В другом месте своих трудов святитель подчеркивает, что «святая истина извещается сердцу тишиною, спокойствием, ясностью, миром, расположением к покаянию, к углублению в себя, к безнадежии на себя, к утешительной надежде на Бога». Ложь же, принимая личину добра, льстиво приносит сердцу «довольство, упитательство собою, какое-то неясное мутное наслаждение. «И это наслаждение обольщенного сердца похоже на притворную тишину, которую прикрыта поверхность глубокого, темного омута <...>. Ум человеческий не в состоянии отличить добра от зла; замаскированное зло легко, почти всегда, обманывает его» [19, с. 192].

теософские трактаты наполнены советами «духовного бесстрашия»: начните экспериментировать, вступите в область духов без оглядок [119, т. 1, с. 263]. Святые же отцы, имеющие несопоставимо больший опыт истинной духовной жизни как раз и предостерегают от подобного «младенческого бесстрашия». Поверившие в «чудесные видения» обычно либо пострадали от своей доверчивости — пострадали умом, телом, духом, либо были близки к таким опасностям. В святоотеческой традиции описано бесчисленное количество различных случаев опасностей от неразличения прелести [297, с. 111–119].

Обобщенно святоотеческая традиция выделяет три основных рода видений: видения обычные — следствия текущих жизненных впечатлений и переживаний, демонические видения (прямые или символически замаскированные) и видения от Бога. В связи с различением состояний прельщения полезно сказать также о выделении святителем Игнатием (Брянчаниновым) четырех видов (классов) помыслов в сознании (можно понимать их как факторы метафизического влияния: 1) помыслы от божественной Благодати (от «образа Божиего в каждом человеке, особенно по факту крещению, уничтожающего первородный грех); 2) помыслы от Ангела-хранителя; 3) помыслы, возникающие из наличествующего искаженного человеческого естества; 4) Помыслы от «темных сил» [286, с. 297]. Выделенные виды помыслов, естественно, взаимосвязаны. Существуют области неосознаваемого психического, через которое проявляется Божественное воздействие на душу человека. «Указанное воздействие выполняет роль независимого и в то же время ненавязчивого арбитра, обладающего абсолютной и неизменной для всего человечества шкалой ценностей. У всех народов мира этот независимый внутренний арбитр именуется голосом совести либо внушением Ангела-хранителя» [236, с. 78]. Видения, возникающие от взаимодействия выделенных факторов, обычно правильно различаются подвижниками, по крайней мере те, «у кого ум чист, и кто имеет дар рассудительности и духовный опыт». Людям духовно слабым лучше не только не принимать в душу никаких видений, но даже не обращать на них внимания. Если видение «от Бога» и полезно человеку, то оно может повториться несколько раз с явным указанием на его цель [246, с. 411–412].

Итак, при встрече с образом, видением, равно как и с мыслью, переживанием, словом, с любым явлением внутреннего мира рекомендуется держаться уже указанного правила-принципа: «*не принимать*» видения (т.е. тем самым как бы не воздавать поклонения содержанию образа, т.е. «нечистым духам», стоящим за видением). В то же время

не следует *и отвергать* образ — возможного божественного действия через него (естественно, если образ не несет открытого богохульного содержания) [22, с. 112–113].

В заключение раздела отметим следующее. Поскольку причинами галлюцинаторного опыта в традиционной психологии считаются патологические процессы нервно-психического и соматического плана, подчеркнем, что православные святые обычно характеризовались как имеющие выраженную трезвость ума. При описанном отношении к образному опыту святые отцы не могли настраиваться на образы «горнего мира». Такая установка принципиально отличается от отношений к образности в различных сектантских сообществах, где люди взвнчивают себя (молитвами, плясками, верчением и другими приемами) до психопатологичности с ее галлюцинациями, дающими картины псевдооткровений.

8.4. ОБ ОТНОШЕНИИ К МИСТИЧЕСКИМ «ОТКРОВЕНИЯМ»

Рассмотрение вопроса об откровениях в религиозном опыте в контексте анализа феномена прелести чрезвычайно актуально в связи с обилием псевдодуховных сект самых различных направлений и претензий как их лидеров, так и рядовых последователей на получение «божественных посланий». Тема же ложных пророческих откровений — одна из центральных библейских, в частности, новозаветных тем. Знамения не являются несомненным признаком «божественного посланничества» [321, т. 1, с. 622].

В православном энциклопедическом словаре [245] видения определяются как один из способов, посредством которого Бог объявляет истинным пророкам Свою волю. Человек, который получает видение, приходит в особое (восторженное) состояние. В словаре также говорится о видениях как о «картинах, измышляемых собственным умом». Из этого, равно как и из всего сказанного выше, ясно, почему в святоотеческой традиции наиболее опасными считаются *самовольные попытки непосредственно чувственно* узреть «невидимый духовный мир». Этот святоотеческий взгляд подтверждается тем, что визионерский опыт (с его акцентом на зрительные вторичные образы) считается в психологии одной из главных форм, в которой актуализируется область неосознаваемого. Но именно поэтому данный опыт, как утверждается в богословии, не может быть источником истинной

информации о «мире горнем»: сфера неосознаваемого психического принадлежит «искаженной природе» человека, подверженной отрицательным метафизическим влияниям. В попытках наглядно-чувственного постижения духовного мира человек, как указывалось, не только начинает мнить себя «созерцателем божественных тайн», но, по сути, — творить Бога и божественные сферы по своим ограниченным и искаженным представлениям о них. Поэтому развивающееся от духовного самопрельщения **визионерство** рассматривается православной аскетикой как *душевная болезнь*, связанная с так называемым «отвержением чувств» — состоянием души, при котором она входит в опасное для себя чувственное общение с «невидимым миром». Православная аскетика подчеркивает, что, говоря об *божественных откровениях*, необходимо строго отмежевываться от **мистицизма** — порождения ложно направленной религиозности. Главное заблуждение так называемого «мистического постижения духовной реальности» со святоотеческих позиций видится в том, что человек пытается *своими усилиями завладеть тем, что надлежит принять как дар Святого Духа, создав внутренние к тому условия — нравственную чистоту* (чистоту сердца). Духовные совершенства, способные открывать созерцание «духовных пространств», по сути, лишь рисуются мистиком в воображении, и такая фантазия переживается в «высоких душевных» состояниях (т.е. не духовных по своей сущности), не способных открыть «метафизические тайны невидимого мира». Такое воображение, как мы видели из анализа понятия прелести, успешно «рисует» мистицизм. Мистицизм уводит человека от Бога, от подлинной цели жизни и дает такое направление развитию духа, при котором необычайно возрастает утонченная гордость, противоречащая истинному духовному познанию. Сопровождающие мистический опыт глубокие эмоциональные переживания (нередко и появляющиеся экстрасенсорные способности) приводят человека к убеждению, что он сам в себе имеет полноту бытия и способен быть «как боги». В свете сказанного более понятным становится духовно-психологический статус видений средневековых католических визионеров (и их современных последователей), в которых фантазия соединяется с неким «мистическим эгоцентризмом», для которого высшим религиозным достижением является не «духовно-объективное» (т.е. истина), а «чувственно субъективное» (наслаждение от экстатических состояний) [162, с. 376]. **Ясно, что подобный мистицизм прямо подпадает под определение состояния прелести.**

Святоотеческая традиция подчеркивает, что человек должен помышлять о Боге, как о не имеющем никакого образа. И.А. Ильин,

например, метафорически точно говорит о «многосозерцании божественных непредставимостей сердцем» [162, с. 379]. О непредставимости Бога в образах говорится также в исламе и иудаизме. О значении же предметных образов можно говорить лишь в том смысле, что посредством их душа познает сотворенный Богом мир, а также восходит от образа к Первообразу и «горним прообразам».

Говоря о существовании высочайших духовных состояний, к которым восходили христианские православные святые, и истинных в них видениях, святые отцы особо подчеркивали подвиг *очищения души*⁶. Надо укрощать страсти, упражняться в молитве и только потом «восходить в видения», причем не самовольно. В высшие богооткровенные состояния человек не только не может войти собственными усилиями, но и не должен даже желать этого. Истинные видения имеют место в очищенной душе. Только благодать по ступеням возводит подвижников в невыразимые в словах «божественные созерцания», раскрывающие им тайны «устроения мира горнего и небесных сил», Промысла Божьего о земном мире и мн. др. Архимандрит Софроний пишет: «К созерцанию человек возводится Божественною благодатию после покаяния, великого и глубокого смирения, и *это совершенно неожиданно* для человека» (курсив мой.— А.Г.) [23, с. 302]. Без искоренения страстей «богообщение» (и его образное сопровождение) является лишь духовно разрушительной *иллюзией*, поскольку человек, имея не очищенную душу, не может избежать «прелести» в мистических видениях. А потому он будет толковать возникающие образы в ключе, льстящем «духовному самолюбию».

⁶ Архиепископ Никон выражает рассматриваемый закон духовной жизни: благодатное состояние само придет, «аще будет место чисто, а не скверно». Те, кто не хочет знать этого закона, заботиться об очищении сердца, однако стремятся вторгнуться в ту область духа, которая без вреда для них еще не может быть открыта. За такое «дерзновение взойти в чертог брачный без одежды брачной, бывают оставляемы благодатию Христовою». Овладев их воображением, дьявол внушает им все, что ведет к их погибели: делает их «прозорливыми», обольщает видениями [16, с. 451]. Св. Исаак Сирий также говорит: «У кого ум осквернен постыдными страстями и кто поспешает наполнить ум свой мечтательными помыслами, тому заграждаются уста наказанием за то, что, не очистив прежде ума <...> и не покорив плотских вожделений, <...> устремился <...> идти путем, исполненным мрака, когда ослеп очами. Ибо и те, у кого зрение здраво, будучи исполнены света и приобретя себе вождей благодати, день и ночь бывают в опасности» [286, с. 308].

Духовное *видение* в своем максимальном выражении должно пониматься как созерцания внутреннего зрения, не передаваемые на языке внешних чувств и логических формул [286, с. 398]. Их нельзя считать ни «картинами воображения», ни порождениями разума. Именно поэтому в святоотеческой традиции акцент делается на восприятии *внутренним зрением сердца* человеком, достигшим духовной чистоты благодатью («*чистые сердцем Бога узрят*» — говорится в Евангелии: Мф. 5:8). *Духовные видения* не сводятся и к *интеллектуальному* богосознанию. К Божественной сущности абстрактные представления и рассудочные категории не приложимы. Чисто интеллектуальное богословствование, как указывают, святые отцы, имеет место при отсутствии непосредственного духовного опыта, причем «мудрование» ослабляет благодать.

Человек не получает божественного откровения «для удовлетворения любопытства праздного ума и пустого сердца» [235, с. 182]. Вхождение человека в «невидимый мир» сопряжено с риском. Незаконное, если можно так выразиться, в него проникновение порождает лжеоткровения, губительные духовно и телесно. Любопытство, несерьезность в этой области А.И. Осипов сравнивает с легкомысленным заглядыванием в колбу со смертоносными бактериями [223]. Поэтому неслучаен факт: люди, активно занимающиеся спиритизмом, часто кончают жизнь самоубийством. Основание «законного получения истинного откровения» — жизнь по духовным законам, приводящая к нравственному очищению и высокому духовному состоянию человека⁷. Чистота сердца является основой доверия к получаемой информации из мира идеальных реальностей и духовных смыслов⁸. Именно исходя из сказанного, святоотеческая традиция запрещает обращаться к экстрасенсам, магам, гадалкам, колдунам и распространять их «предсказательную информацию»: в силу духовной неочищенности все они находятся (причем чаще неосознанно) под воздействием «темного плана». А известно, что «*если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму*» (Мф. 15:14).

⁷ Святоотеческая традиция учитывает, что в принципе возможны случаи, когда и на обычного человека сойдет благодать: это, как говорят святые отцы, «дело Божие».

⁸ Можно также говорить о трех видах прозорливости (согласно старцу св. Силуану Афонскому [306]): 1) в силу естественной некоторым людям интуиции, повышающейся от духовной жизни; 2) по демоническому действию; 3) по благодати, даруемой Богом человеку после его долгой подвижнической жизни [294, с. 40].

Истинность Божественных откровений в Священном Писании определяется нравственно-духовной чистотой пророков и апостолов. Поэтому святые отцы предупреждают о неправомерности распространения высокоблагодатных духовных состояний, которые испытывали они (а в послепостольскую эпоху также святые отцы и учителя Церкви), на людей, находящихся в болезненно-экстатическом «высоко-душевном» состоянии прелести, имитирующей «богооткровенность». Православная традиция предостерегает от опасности застревания на душевности с порождаемыми ею фантазиями ложных «откровений».

Образная сфера личности открывает как бы «душевную проекцию духовного»⁹. Именно поэтому опасность прелести через образный опыт особенно велика. Еще раз вспомним предупреждение святителя Игнатия о том, чтобы люди «разгоряченные чувства» не сочли «ревностью по благочестию», любовью к Богу и ближним. Этим смещением можно усилить область фантазий и перейти в состояние «эмоционального иступления», искажающее всю систему психического отражения-регулирования¹⁰. Именно поэтому находящиеся «в разгорячении и иступлении» — жертвы самообольщения [19, с. 308]. В частности, истерическое состояние способно порождать «покаянный плач». Но плач как «духовное явление» может иметь под собой неверную основу и проистекать по самым различным причинам. Так, святитель Игнатий подчеркивал, что слезы могут легко проливаться по греховным побуждениям — по склонности к сладострастию, из тщеславия, лицемерия, человекоугодия, по злобе. Св. Иоанн Лествичник также подтверждает, что слезы происходят от многих причин: от человеческого естества, от Бога, от неправильной скорби и от скорби истинной, от блудной страсти, от любви, от памяти о смерти и др. С «богоугодным

⁹ Священник Тимофей пишет о «расцвете богатой душевности» в современном человеке. «Отличить душевное от духовного порою трудно, но есть один самый главный признак. *Душевное богато в своих оттенках, в чувствах, переживаниях, в умозаключениях, в желаниях. Духовное более цельно и прямо направлено в небо, в вечность, в нетление*» [296, с. 78].

¹⁰ С позиций современных психологических исследований в рамках рассматриваемого вопроса для нас интересны исследования психологии настроения. Например, показано, что, если применять категорию «настроение» для оценки переживаний и состояний человека, то понятия «повышенного» и «гармоничного» настроения не совпадают. Гармоничное настроение, в частности, устойчиво; эйфорическое же состояние не всегда гармоничное [183, с. 118–119].

плачем часто сплетается гнуснейшая слеза тщеславия», — говорил он. Согласно святителю Игнатию, «слеза от Бога» — это слеза тихая и чистая, изменяющая душу [19, с. 360–367].

Расцвету душевности в духовной жизни способствует современная массовая культура. «Искусство и литература делают душу человека склонной к подражанию и к эмоциональной включенности в ситуацию. Человек, привыкая переживать душевное состояние персонажей пьес, телесериалов и романов, в результате сам начинает «играть в жизнь», как артист на сцене. Искусство развивает высокую пластичность психики, нередко доходящую до патологии, и *эмоциональную отдачу представшему перед сознанием образу* (курсив мой. — А.Г.). Любовь болеет за другого; ей больно, потому что больно человеку. Сентиментальный человек болеет за себя; ей больно, потому что негативный образ страдания вторгся в сознание и вызвал отрицательные эмоции. Любовь основана на желании блага другим людям. Сентиментальность — на желании собственного душевного комфорта; страдания других она воспринимает как неприятный диссонанс в своем душевном покое. <...> «Обратная сторона сентиментальности — это жестокость. То, что лежит за пределами непосредственных ощущений, сентиментальному человеку чуждо и безразлично. В сказке Экзюпери «Маленький принц» автор проговаривается: «Если потухнет моя звездочка, то какое мне дело до всей Вселенной». Сентиментальный человек готов плакать при виде больной собаки и в то же время останется глух и равнодушен к страданиям миллионов людей, лишь бы он не видел этих страданий. Сентиментальность — это не любовь, а болезненная впечатлительность, это хроническая, заглушенная истерика, заменяющая любовь. Сентиментализм создал либерализм с его люциферрианской вседозволенностью. Уже в прошлом веке один писатель сказал: нет зверя более лютого, чем либерал (дается ссылка на М. Салтыкова-Щедрина. — А.Г.). Мы бы добавили: из всех зверей наиболее похож на либерала крокодил, который пожирая свою жертву, горько плачет» [25, с. 166–167].

Вопрос об индивидуальных откровениях подводит к необходимости задуматься о природе «откровений», интерпретируемых с позиций «озарений» и «просветлений» в восточных подходах. В.А. Елисеев подчеркивает, что различение, делаемое, в частности, святителем Игнатием (Брянчаниновым) между *созерцанием* и *духовным видением*, очень важно в связи с пониманием *медитации* как главного средства саморазвития в восточных мистических практиках. Медитация и плоды ее — это не *духовное видение*, в котором исчезает слепота духа, а практика лож-

ных образов, в которой еще более этот дух ослепляется, ибо попадает в ловушку необычайных и затягивающих переживаний, откуда он сам уже не хочет выйти. В медитации нет *покаяния* и *смирения* — этих необходимых условий духовного *видения* [133, с. 10]. Книга Елисеева интересна, в частности, тем, что ее написал не просто кандидат психологических наук, а человек, прошедший школу восточных практик саморазвития и достигший на этом пути высот. В случае знакомства с данной работой следует обратить внимание, в частности, на психологические и духовные различия в понимании покаяния. Так, йоговское «покаяние», например, — наложение на себя ограничений или отказ от вредной привычки — по сути, является лишь аскетизмом *во имя свое* и для достижения «состояния божества», а не *во имя Божие*.

Об отношении православной традиции к сновидениям

Поскольку пророческие созерцания часто приходят в сновидениях, представляет интерес отношение святоотеческой традиции к снам. Этот материал, однако, предварим следующей информацией.

При анализе проблемы интерпретации сновидений мы отметили гипотетическую для традиционной психологии внесенсорную детерминированность сновидений. Этот аспект системного подхода к интерпретации сновидений заслуживает внимания, поскольку подтверждается многотысячелетним опытом человечества. Православная традиция допускает возможность особой чувствительности души, способной к внесенсорному восприятию в связи с остатками способности общения с «невидимым духовным миром» в искаженной грехопадением душе [159]. Многочисленные свидетельства внесенсорной передачи информации (телепатического, ясновидческого характера) содержатся в книге архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Они интересны не только ввиду подтверждения наиболее тонких аспектов трансляционной функции образной сферы личности, но и тем, что по данному вопросу высказывается представитель религиозной традиции, осторожно относящейся к различным чудесным явлениям и одновременно известный ученый. Можно предположить, что природная способность внесенсорного восприятия может быть правильно использована только людьми высокого нравственно-духовного уровня. Вне этого «медиумы» неизбежно впадают в прелесть.

Опираясь на понятие трансляционной функции образной сферы личности, мы приходим к выводу, что сны могут быть рассмотрены как

созерцание «внутренним зрением» метафизических аспектов действительности, трансцендентальных сфер и т.п. В этом смысле сновидения способны отражать *реальные события*. В таком «сне-перцепции» сознание человека может пребывать в различных местах и временах — в настоящем, прошлом и будущем — и отражать происходящее там. При этом уровень внесенсорного контакта с прообразами опыта отражают: 1) перемещение «сновидящего сознания» в привычном человеку земном пространстве-времени (примером является сон Ломоносова, в котором он провидел место гибели своего отца); 2) связь с «невидимым сверхчувственным миром», дающая высокосимволические образы иной реальности (относительно земной), различных «вселенских событий» (образы трудны для осмысления и описания).

Павел Флоренский указывал, что сновидение выступает простейшей ступенью перехода к жизни в невидимом, которая дает предощущение иной по сравнению с земной жизни [307, с. 7]. В сновидениях, как отмечает христианская мысль, могут встречаться «мир дольний», т.е. наш земной мир, и «мир горний» — «мир небесный». «Сон является тонкой границей сознания человека между материальной и духовной реальностью мира, ступенью в мир запредельный» [307, с. 8]. Святитель Николай (Велимирович) рассматривает сны как сигналы, дающие достоверную информацию. Он не только вспоминает библейские свидетельства: книгу Иова (33:15–17), толкование Иосифом снов двух провинившихся слуг фараона — виночерпия и хлебодача, предсказавшее казнь последнего и прощение первого, сон Навуходоносора, сон жены Пилата об Иисусе Христе, но и подчеркивает, что о современных «снах-сигналах» можно написать тома [289, с. 52–55]. Варианты, описанные нами в разделе образной феноменологии (7.1), те же, что и при классификации сновидений. Так, позиция *призвания к служению Богу* имеет многочисленные подтверждения в монашеской жизни. Отчетливо видно, что явление «посланцев Неба» для *разъяснения вопросов, информирования, предупреждения* происходит обычно в сновидениях и дремотных состояниях. Например, именно во сне откровение не возвращаться к царю Ироду получили волхвы. Многочисленны случаи, когда верующие бесплодные женщины во сне узнают, что они будут матерями. Характерно получение во сне *совета, вразумления, запрета* на что-то. Святитель Николай Чудотворец во сне явился императору Константину и тем самым приостановил исполнение приговора одному невинно осужденному. Одной женщиной, думавшей о самоубийстве из-за сильнейших головных болей, во сне было сказано отправиться к некоему старцу; она поехала и излечилась [76].

В сновидениях чаще всего сообщается о *местонахождении икон, сокрытых святых мощей*. Сны могут духовно *укреплять* людей и чудесным образом *исцелять*, свидетельствовать о реальном *существовании «темных сил»*. Через сны часто передаются обещания помощи «свыше» и другие утешения. Большое место занимает феноменология, связанная с *«тайной загробного мира» и посмертного состояния души*.

Особое значение имеет осмысление фактов *предсказательного* потенциала сновидений. Интерес к снам, кстати, в основном и возник благодаря ему. Исторически в сознании людей зафиксировалась подтвержденная жизнью мысль о том, что «вещие сны» существуют. Оракулы древних культур, персонажи эпических поэм в сновидениях раскрывали содержание будущего. Описанные «вещие сны» могут быть разделены на относящиеся к самому сновидцу и его близким, к делам общественным и «вселенские события» (например, затмениям солнца), а могут не содержать символики и показывать некое событие достаточно прямо (т.е. без использования фиксированной символики). Класс провидческих сновидений охватывает «тонкие и неуловимые сферы», подчеркивает вполне материалистический исследователь проблемы А. Вейн [49]. В истории проблемы сновидений мы видим акцент, который делался именно на мистическом проникновении человека через сны в будущее. В философско-мировоззренческом и психологическом осмыслении сновидений не случайно выделяется этап рассмотрения снов в качестве основы религиозных воззрений и понимания сновидения как ясновидения [98]¹¹.

Вместе с тем подчеркивается, что позитивная феноменология не должна «усыплять бдительности». Исходя из сказанного о святоотеческом взгляде на образную сферу личности осторожное отношение православной традиции к сновидениям понятно. И положительное, и отрицательное сосуществуют в общем контексте различения прелести. Подчеркивается опасность ложных трактовок, чтобы у людей была осторожность в оценке подсказок сновидений. Ветхий Завет также содержит предостережение относительно ложных пророков-сновидцев.

Великий учитель православного монашества св. Иоанн Лествичник сравнивает того, кто слепо верит снам, с человеком, пытающимся

¹¹ Подчеркнем, однако, что переоценка пророческого потенциала снов — это путь к суевериям и формированию установок, способных «накликать беду» (ибо образы материализуются). Отметим и существование таблиц, указывающих на прогностический потенциал сна: сон, например, может быть «пустой».

схватить свою тень. Он вводит некое главное различие в оценке снов: рассматривать можно лишь сны, которые не вводят в *прелесть* (прежде всего, «не исполняют самовозношением»), или в *отчаяние* [76, с. 16]. Ученик св. Симеона Нового Богослова св. Никита Стифат различает следующие виды снов [76, с. 29].

1. **Простые сны** (так называемые «мечтательные сны»). Имеют в виду сновидения, динамично изменяющиеся по содержанию под влиянием различных страстей и общей «омраченности ума». Такие сны бывают у людей, сильно подверженных страстям и не борющихся с «ветхим человеком» в себе. К «простым снам» могут быть отнесены и сновидения, представляющие собой «отзвуки дневных размышлений» (об этом, в частности, говорил святитель Василий Великий).

Считается, что для *неочищенной* души и не стремящейся к очищению от «мечтательных снов нет никакой пользы; «самое мечтание их исчезает вместе с пробуждением». Однако святоотеческие писания позволяют все же говорить, что и в таких сновидениях может присутствовать психодиагностический потенциал для духовной работы над собой. Уже то, что «злые заботы и злые мысли днем вызывают злые сны» [215, с. 57] может быть толчком к изменению себя.

Монах Евагрий, например, пишет: «Когда демоны, <...> показывают нам встречи с знакомыми, пирования с родными, хоры жен <...> и мы увлекаемся тем, то значит, мы болеем этою частию своею и страсть эта в нас сильна. Но когда они обладают нашею раздражительною частию, то заставляют нас <...> ходить по страшно-обрывистым местам, наводят на нас людей вооруженных или ядовитых змей и зверей плотоядных. Если теперь мы (во сне) мест тех ужасаемся, а зверьми и людьми гонимые предаемся бегству, то нам надобно попещись о своей раздражительной части. <...> Естественные телесные во сне движения, без мечтаний срамных, показывают, что душа некоторым образом здорова; сплетение же таких мечтаний есть признак, что она больна. При этом знай, что воображение неопределенных лиц указывает на остатки давней страсти, а воображение лиц определенных указывает на новые уязвления сердца. Признаки безстрастия будем определять днем посредством помыслов, а ночью посредством сновидений» [123, т. 1, с. 586].

Иными словами, «простые сны», порождаясь страстями, их и отражают, а потому потенциально могут быть человеком увидены. Поэтому «простые сновидения» содержат переходную форму к классу «сновидений».

2. **Сны-видения** (сны-зрения). Как утверждается, такие сны видят люди, ориентированные на духовное развитие, «помышляющие с

молитвой о Боге» [215, с. 58]. Признаком «снов-видений» выступают повторяемость содержания образа, в силу чего сон не забывается. На уровне «снов-зрений» люди получают **большие** возможности познания через них расположений своей души — склонности, внутренние недуги, страсти и т.п. В этом смысле в принципе накопленные данные о психологии сновидений, некоторые правила интерпретации снов могут быть применены для тех же целей. По крайней мере, направленность на нахождение конкретных внутренних проблем и конфликтов может выступить общим моментом. В то же время необходим специальный анализ, связанный с соотношением различных антропологических моделей. Представляется интересным исследование, в котором можно будет сопоставить данные от священников об их духовной оценке снов своих подопечных с трактовками на уровне психологического анализа. Эту работу можно было бы начать со сбора данных у православных практических психологов, работающих с людьми.

«Сны-видения» открывают и «вещи божественные». Многие из приведенных примеров относятся к этому типу сновидений. Именно в них происходит «видения небожителей», показывается «после-смертная перспектива», дается совет или вразумление. Святоотеческое предание гласит, что Пресвятая Богородица, например, во сне развеяла некоторое недоразумение между святыми — Кириллом Александрийским и Иоанном Златоустом.

3. Сновидения-откровения относятся святоотеческой традицией к людям, в которых уже реально действует Святой Дух. Такие сновидения бывают, как правило, лишь у тех, у которых, выражаясь словами Никиты Стефата, «ум очищен и чувства душевные просветлены». Им в «снах-откровениях» открывают Божьи тайны. Сновидения данного класса имеют особенную силу впечатления. Например, св. Андрей, замерзая на улицах Константинополя, вдруг увидел Ангела, который, коснувшись его, погрузил в сон. Как говорится в повествовании о данном событии, св. Андрей был поднят «выше третьего неба», где видел Господа, сидящего на Престоле, Серафимов вокруг и многое другое [251, с. 109–114]. Отличительной чертой подобных снов является и их пророческая сила. Видевшие такие сны считали их предзнаменованиями.

Отметим, что о снах-откровениях свидетельствуют многие религиозные традиции; отмечается поразительная реалистичность, сила и глубина переживаний образного опыта. Подчеркивается значение интуитивного чувствования значения сна, ибо вербализация искажает его чистоту и адекватность воспроизведения содержания. Есть

описание феноменологии «снов-действий», в которых преодолевается пассивное состояние «наблюдателя» за сновидящим сознанием. Отмечены эффекты действия во сне для окружающего мира (вариант проявления «созидающей силы образа»). Чем «выше сознание субъекта», тем дальше во времени расположено увиденное во сне события, причем видится многовариантность будущего («дерево возможностей») [285].

Святоотеческую точку зрения на сновидения следует учитывать, как минимум, в том смысле, что она предупреждает: в работу всего механизма сновидений вносится искажение от отрицательного метафизического фактора, а потому неизбежны иллюзии в самопознании или в картине реальности. Чтобы было легче учесть святоотеческий подход в работе со сновидениями, следует поставить вопрос о рамках контроля сновидного опыта, жесткости его фиксации, особенностей принятия снов как событий внутреннего мира.

Итак, при рассмотрении сновидений мы видим как их положительную роль в плане трансляционной функции образной сферы личности, так и явные моменты, связанные с опасностью прельщения. Поэтому в отношении к сновидениям в принципе известная осторожность не помешает. Порой действительно лучше просто проигнорировать что-то в полученном через сон внутреннем опыте. И уж как минимум порой может быть лучше не придавать снам какого-то особого значения.

Наконец надо сказать несколько слов и об **образах посмертного опыта в святоотеческой традиции**. В последние десятилетия тематика «жизни после жизни» становится популярной в психологической литературе неакадемического толка. Какой вклад в осмысление посмертных переживаний может внести православная традиция? Традиция содержит широкий спектр образной феноменологии, связанной с околосмертными и посмертными состояниями души. Например, говорится о возможности контактов с умершими. Блаженный Августин признает, что умершие могут указать места, где зарыты их тела без должного погребения. Подчеркнем, что святоотеческая интерпретация феноменологии отличается от подходов, базирующихся на опыте клинической смерти, оккультных теориях, на данных о контактерстве в спиритических сеансах, на описаниях «астральных путешествий». Есть основание считать, что православная традиция, развеивая наивные воззрения на духовный мир, в частности, на природу зла, раскрывает характер влияния отрицательного метафизического фактора на околосмертные переживания. Подчеркивается также, что современ-

ные подходы к проблеме посмертных переживаний якобы с научной точки зрения несостоятельны в силу принципиальной невозможности научно изучать «потусторонний мир». Подход к подобным явлениям «научно» при отсутствии учета хотя бы гипотетического представления о посмертных переживаниях на основе культурологических данных вряд ли будет полезен для изучения проблемы [159, с. 85]. Неадекватны и претензии оккультных и псевдонаучных учений, принимающий опыт клинической смерти или измененных состояний сознания как опыт «загробного мира». Согласно православной традиции, сущность образных переживаний, связанных с тематикой смерти, больше, чем созданные на основе этих учений искусственные модели. Современные исследования посмертного опыта не использует знаний о феномене прельщения.

Часть четвертая

**Образная сфера человека как система
социальных представлений**

9.1. ВТОРИЧНЫЙ ОБРАЗ В СОЦИАЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ

Сегодня исследования социальных представлений характеризуются теоретической многозначностью, малой ценностью экспериментально полученных фактов для общественной практики (их неадекватностью жизненным реалиям), недостаточным учетом духовно-нравственного контекста как локально-национального, так и общецивилизационного уровня. Поскольку образная сфера личности многоуровневая, исследование социальных представлений должно осуществляться на философском, социологическом, социально-психологическом, личностном уровнях. Обозначим ряд актуальных проблем изучения социального восприятия.

Анализ взаимовлияния мировоззренческой картины мира и социальных представлений. Интерес представляет как исследование особенностей переживания человеком индивидуальной семантики внутреннего мира, так и выход в надиндивидуальные семантические пространства на обозначенных уровнях изучения проблемы. Поскольку в интегральном образе реальности все для человека обретает определенный смысл, нельзя упускать из виду изучение роли защитных механизмов в построении «мировоззренческой картины мира». Система взглядов человека сопротiwляется пересмотру, и незаметно для человека происходит отбор фактов, влияющих на сознание.

Исследование процессов социального отражения в зависимости от индивидуальных особенностей образной сферы человека. Известно, что социальные представления в роли эталонов восприятия зависят от индивидуальных особенностей человека. Как влияют особенности образной сферы человека на представления о социальной реальности? Актуальным является изучение индивидуализации «картины мира»

под влиянием образов памяти, фантазий, сновидений, образов измененных состояний сознания. Например, к интересным проблемам можно отнести роль измененных состояний сознания в сектантских сообществах.

Анализ влияния на систему социальных представлений: **а)** системы коллективных представлений в контексте культурных, социально-политических и экономических традиций общества; **б)** ближайшего социального окружения, положительно и отрицательно «значимых других»; **в)** социальной деятельности, духовных ориентаций человека, его «хобби» и пр.; **г)** представлений людей о смысле человеческой жизни вообще, собственной жизни и ее основных целях.

Изучение мифологического и символического компонента в социальных представлениях. Большой интерес, в частности, представляет анализ форм «духовно-нравственного прельщения» человека в российской общественной жизни в сопоставлении с подобными психологическими моментами в других культурах. Эта задача актуальна для более общей проблемы — соотношения планетарных и локальных¹ архетипов [400].

Одной из главных проблем является изучения *субъективной формы* существования социальных представлений различного уровня в индивидуальном сознании. Например, у памяти на социальные события всегда есть полимодальный образ-референт, позволяющий воспринимать уроки истории как бы в иллюстрациях. Основной вопрос — взаимоотношения сенсорных и понятийных компонентов образа. Любые представления о социально-психологических реалиях — это и понятийное знание, и конкретные предметные образы. Данный момент хорошо просматривается в психологии общения в связи с усвоением человеком социально-психологических и нравственных смыслов, с отражением групповых норм, ролей, внутреннего мира другого, в частности, посредством мысленного помещения себя/других в конкретные социальные ситуации (Р. Миллс).

В исследованиях социальных представлений актуально не только определить типы личности, воспринимающие социальную реальность определенным способом [2], но и исследовать характерную субъективную форму образов в рамках данной типологии. Подобная проблема

¹ Например, это касается некой внутренней свободы от бытовых моментов жизни у русского человека. Н. Бердяев, в частности, писал, что Россия — это страна свободы духа, которая дается лишь тому, кто не поглощен жадной земного благоустройства.

значима, в частности, в связи с изучением процессов социального прогнозирования. При исследовании участия образной сферы личности в отражении перспектив человечества (по сравнению с периодом тоффлеровского «футурошока») встает проблема адекватности образов относительно «искренних социальных утопий», «апокалипсических ожиданий» и навязываемого психоманипулятивного видения будущего в интересах определенных социально-политических и экономических проектов.

Изучение социальных представлений связано с проблематикой **социальной установки** (аттитюда), описывающей феномен длительного сохранения присущих людям ценностей и привычек, несмотря на изменения социальной среды. Социальная установка влияет на поток образных референтов социальных представлений, подвергаясь его влиянию. Значимым является соотнесение особенностей познавательного, эмоционального и поведенческого компонентов аттитюда с закономерностями глубинной психологии, а также с данными, касающимися отражения нравственно-духовных смыслов². С помощью социальной установки изучается система отношений людей друг к другу и к миру. Ценностное отношение, подчеркивает П.Н. Шихирев, регулирует социальные процессы и на других уровнях, обеспечивает необходимую эмоциональность идеологических и мифологических форм, через которые осуществляется эта регуляция [357].

Проблематика социальных представлений связана с изучением **социальных стереотипов** — устойчивой совокупности представлений, складывающихся у человека на основе жизненного опыта совместно с влиянием других источников информации. Люди как-то представляют себе объекты внешнего мира прежде, чем непосредственно познакомятся с ними и как-то оценят. Стереотипы, по выражению Шихирева, являются «иероглифами», которыми записываются социальные отношения. Стереотипы как «автоматизмы» внутренней психической жизни личности, а также как компоненты группового сознания

² При этом надо учитывать, что в исследовании социальной установки характерным является различие теоретической интерпретации. Например, это касается понимания установки как психологического переживания ценности социального объекта (Томас и Занецкий), как состояния готовности, влияющего на реакции индивида (Оллпорт), как синдрома устойчивости реакции на социальные влияния (Кэмпбелл), как устойчивой системы представлений о социальном объекте, предрасполагающей к определенной реакции (Рокич), как организации опыта (Аш) и др. [357].

выступают «фильтрами» социального восприятия. Стереотипы имеют выраженную образную форму (Оллпорт).

В плане функционирования образной сферы личности на уровне неосознаваемых сфер психики примечательно то, что действие стереотипа традиционно связывается с механизмами психологических защит. Однако сегодня больше сторонников имеет точка зрения, основанная на признании решающей роли социальной общности в функционировании стереотипов. Это важный момент в плане осознания отрицательных последствий формирования корпоративной этики «сетевых сообществ» самого различного содержания.

Следует подчеркнуть роль стереотипов в психоманипуляции. В этой связи уместно вспомнить рассуждения Липпмана об «утонченности» и исключительной силе внушения на основе стереотипов³. Это понятно, поскольку стереотипизация широко использует метафоры, связь которых с образной сферой личности известна.

Для исследования образной сферы личности актуальны следующие вопросы. Какие новые стереотипы мы имеем на сегодня? Какие образы современной «имагосферы» берутся или отвергаются человеком для поддержки уже сформированных стереотипов? Как влияет форма подачи стереотипизированного представления на его регулируемую функцию? Как изменение стереотипов отражается на образной сфере личности в целом? Какие новые закономерности можно обнаружить при исследовании стереотипов? Каков *реальный* разрушительный потенциал безнравственных стереотипов.

Основателем концепции собственно **социальных представлений** является Дюркгейм, который подчеркивал роль коллективных представлений людей — продуктов социального взаимодействия — в регуляции общественной жизни. Рассматривались «морфологические» аспекты общественного организма (географические, экономические, демографические и т.п.) и «физиологические» — духовные аспекты жизни общества, коллективное сознание (институционализированное и неинституционализированное), динамика общественного мнения. Большинство традиционных форм общественного сознания — религия, идеология, мораль — образуются совокупностью соответствующих

³ В последнее время актуальность изучения стереотипов в связи с целенаправленным воздействием на социальные представления возросла. Достаточно указать на создание политиков «по заказу», когда выстраивается «имидж» с параметрами, соответствующими стереотипам массового сознания.

представлений. Их изучение предполагает переход к проблеме духовности. Секреты общественной жизни надо искать в мифах, верованиях людей, в религии.

Известный исследователь — С. Московичи [217] — считает социальные представления каналом связи человека с миром, универсальным механизмом социального познания, соотносящим индивидуальное и общественное сознание, особой формой обыденного коллективного знания, усваиваемого людьми. «Социальные представления, подчеркивает П.Н. Шихирев, — основной элемент группового сознания, в них выражено отношение определенной группы к тому или иному объекту. Поэтому социальное представление выражает не индивидуальное мнение человека, а его мнение как члена группы, класса, культуры» [357, с. 278]. Социальные представления автономны, неразрывно связаны с культурой. Они сохраняют стабильность сознания в интерпретации фактов, помогают включать новое в существующую у человека картину мира. Социальные представления, по мнению другого эксперта по проблеме, Д. Жоделе, являются знаниями здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которого социально обусловлены свойствами обыденного практического мышления, направленными на осмысление социального, материального и идеального окружения. Социальная детерминированность социальных представлений предопределена контекстом и условиями их возникновения, каналами циркуляции, функциями, которые они выполняют [357, с. 276].

Для изучения образной сферы личности в исследованиях социальных представлений особо актуальны следующие моменты: 1) формирование представлений и их взаимодействие под влиянием жизненных обстоятельств и групповой принадлежности; 2) понимание человеком ценностно-смыслового содержания своих представлений; 3) роль представлений в межгрупповых отношениях; 4) влияние социального положения человека на формирование своей системы социальных представлений; 5) многоуровневое влияние идеологий — планетарного, национального масштаба, корпоративного плана.

В изучении социальных представлений обычно подчеркивается перевод абстрактного понятия в конкретную образную форму и при соединение данного образа к представлениям, уже имеющимся у человека. Анализируется объем знаний об объекте, единство образной формы и смыслового содержания, а также личностная значимость объекта. Социальное представление выполняет три основные функции: познания (описание, интерпретация и объяснение реальности),

социальной регуляции, подключение новой информации к уже имеющейся системе представлений. Социальные представления устойчивы на индивидуальном и групповом уровнях. Взаимодействуя друг с другом, они дают ценностные ориентиры в построении «картины мира».

Для психологии образной сферы теоретически значимо то, что когнитивные, ценностные, регулятивно-динамические показатели социальных представлений и личностные особенности взаимосвязаны достаточно сложными закономерностями. К.А. Абульханова считает социальные представления одной из процедур социального мышления, механизмом сознания личности. Общественная реальность дифференцируется по сферам, в которых живет человек и которые задают «барьеры» проникновению представлений в индивидуальное сознание. «Одни представления остаются для личности умозрительными абстракциями, другие отвечают ее позиции и выражают ее, оказываются ее основанием, опорой. Одни представления, чтобы стать принятыми, требуют усилий личности, другие — блокируются, отвергаются механизмом защиты, третьи — усваиваются автоматически» [1, с. 93].

К.А. Абульханова подчеркивает, что влияние общественного сознания на индивидуальное осуществляется не только понятиями, нормами, идеалами, стереотипами, неписаными законами общества и т.п., усваиваемыми в опыте социализации⁴, но и *архетипами коллективного бессознательного*. Социальные представления того и другого генеза могут существовать как бы независимо друг от друга. Однако указывается, что эта независимость кажущаяся, которая может не проявляться в эмпирических исследованиях, не схватывающих неосознаваемые детерминанты социальных представлений. Подход к социальным представлениям через детерминацию их коллективным бессознательным очень важен для изучения образной сферы личности, поскольку объясняет феноменологию различных невербализуемых символических образов или ярких экзистенциальных переживаний внутренних образных событий.

⁴ Этот опыт может актуализироваться лишь в проблемных ситуациях, например, социально-политических. Но и здесь указываются индивидуальные особенности. Так, для одних людей политические представления всегда актуальны, для других они находятся на периферии текущего социального восприятия, для третьих они являются тем, чему личность сознательно противодействует.

Закономерности и особенности социальных представлений объясняют как потенциально большие возможности манипулирования сознанием людей, так и психологическую к нему устойчивость. Отметим, например, такие важные характеристики представлений, как их конкретность, осознанность, консервативность, согласованность. Огромную роль играет личностная значимость социальных представлений в связи с тем, насколько человек что-то ясно и адекватно себе представляет. Человек должен замечать (хотя бы интуитивно) противоречивость в представлениях. К.А. Абульханова указывает, что их разнородность и разнородность, отсутствие «логики» в дифференциации-обобщении требует высокого уровня социального мышления. Актуальным вопросом является изучение противоречий, которые существуют между классами социальных представлений по генезу, содержанию и степени осознания их личности (приводится пример с характерными сегодня в России противоречиями между моральными, правовыми, экономическими представлениями людей). Конкретность, четкость социальных представлений помогает интерпретировать происходящее. Неопределенные представления имеют более изолированный характер, а личностно-значимые связаны со всей системой познания⁵. «Представлениям присущ субъективизм. Они могут быть констатирующими, консервативными, ригидными, установочными или при большей степени сложности, четкости и гибкости становятся предпосылкой для появления в сознании проблем. Представления, на основе которых возникают проблемы, всегда личностно значимы, интеллектуально интересны, социально затрагивают личность и потому более субъективны и становятся предметом «работы» социального мышления» [1, с. 99].

Социальные представления ценностно иерархичны. Это характеризует их степень субъективной определенности в восприятии мира. К.А. Абульханова указывает на «наложение» одних представлений на другие, их совпадение по смыслу и содержанию. Одни представления подтверждают другие и тем самым способствуют возрастанию субъективной уверенности, их большей определенности. В итоге личность не нуждается в обосновании и доказательствах. Она просто «так считает» и «так понимает» [1].

⁵ Именно для личностно-значимых социальных представлений справедлив вывод К. Абрика о том, что с изменением лишь одного представления меняется вся система.

Отметим, что социальные представления людей детерминированы особенностями взаимодействия человека с действительностью, в частности, результатом этого взаимодействия (т.е. тем, что оно дает человеку относительно системы его потребностей, как участвует в личностном развитии). Человек, столкнувшийся с бюрократизмом судопроизводства, будет иметь иные образы о судебной системе страны, чем тот, кто считает справедливым решение его дела. В период «железного занавеса» по-разному воспринимали собственную страну и «забугорный мир» люди «выездные» и «невыездные». Важная проблема — экстраполяция личного отрицательного или положительного опыта на более высокие уровни социального отражения.

Концепция социальных представлений открыла новые возможности для развития социальной психологии. П.Н. Шихирев указывает, в частности, на перспективы интеграции концепции с теорией групповой идентификации Г. Тэджфела в плане анализа взаимовлияния социальных представлений и групповых процессов, а также построения системы образных явлений, функционирующих в системе социальных отношений⁶. Исследование социальных представлений, согласно Д. Жоделе, возвращает социальной психологии ее историческое, социальное и культурное измерение. Их теория должна позволить объединить подходы к целому ряду проблем, находящихся на стыке психологии с другими социальными науками [357].

В проблематике социального восприятия большую актуальность имеет изучение *социально-мифологических представлений*, несущих выраженную иррациональную компоненту (часто религиозную). Подобные представления, соединяя реальность повседневной жизни людей с «трансперсональными областями психики», могут сильно воздействовать на любые образы социальной реальности на индивидуальном и групповых (разного масштаба) уровнях. Мифологические представления поэтому становятся естественной частью социально-политических традиций и функционируют в различных планах. С. Кара-Мурза

⁶ Критика же в адрес концепции сводится к следующему [357, с. 279–280]. Каждое положение концепции в отдельности не оригинально (см. атрибутивные теории, теории когнитивного баланса, теории социальной установки и социального стереотипа). Концепция эклектична. Связи между основными теоретическими конструктами не всегда ясны. Сам термин многозначен. Уравниваются научное и обыденное знание. Гипертрофировано влияние прошлого опыта. Подчеркивается, что на сегодня накоплен взаимонейтрализующий материал как за, так и против этой концепции.

указывает, что миф способен заместить в сознании страшный образ действительности образом, с которым можно «ужиться» [168]⁷. Другой интересной гранью работы мифологических представлений является их участие в познании духовной реальности. Есть основания рассматривать миф как в высокой степени символическое отражение реальных событий, происходящих вне сфер «наблюдаемого мира». Символы приходят из традиции, сотрудничают и борются, имеют свои неземные законы, отмечает С. Кара-Мурза [168, с. 442–443].

Для понимания механизмов скрытого влияния на социальные представления людей вспомним метафору «имаго-символосферы» — некой информационной среды, как бы «обволакивающей» человека образами, символами, изображениями знаковых структур. Поскольку в образе всегда отображен некий объект-прообраз, за символом стоит реальность, которая участвует во взаимодействии человека и отображаемого им мира⁸. Символ воздействует на человека, потому что в нем объединяются две реальности — материально-физическая (вид символа) и духовно-метафизическая (смысл и содержание символа). Отражая реальность (настоящего, прошлого или будущего), символ содержит энергию и информацию символизируемой сущности, воздействующей на человека [152, с. 73] (подобные идеи восходят к К. Юнгу). Символами хорошо выражается содержание религиозной веры. В этой связи ясно, что изучение мифологических и символических представлений выходит на проблему познания духовных смыслов.

Важный аспект изучения мифологизированных социальных представлений — реальные искажения социального восприятия. Развитие «мифологического тумана» уменьшает пристрастность социального восприятия, повышая его адекватность. Именно мифологизированные представления не позволяют критически оценивать ход реформ, способствуют их идеализации или, наоборот, подталкивают

⁷ Это ведет к печальным последствиям. Мифическое представление о войне, созданное на основе образов художественной литературы, заменяет реальный образ войны. Так, есть мнение, что Франция позорно проиграла войну 1940 г. во многом потому, что в стране были сильны пацифистские представления, почерпнутые из романов Барбюса, Ремарка [168].

⁸ В воздействии «символосферы» на человека главным являются особенности «принятия» им символа — например, произвольное или непроизвольное обращение на него внимание, последующее преднамеренное или непроизвольное использование полученной через «образ-символ» информации. Интересный материал по данному вопросу можно найти в дискуссии о влиянии антихристианской символики «666» [153].

к тому, чтобы замечать лишь «рыночный обман». Психология призвана помочь осмыслить всю систему мифов «перестройки реформ» в стране (как «справа», так и «слева»). В какой мере «образ прошлого» был опорочен средствами идеологического воздействия и в какой мере были вскрыты реальные социальные язвы административного социализма? В какой мере представление об «убожестве народного хозяйства» было иллюзией? Следует к тому же подчеркнуть деликатность «развенчания иллюзий», демифологизации отдельных событий и фактов. Сегодня видны плоды пренебрежительного отношения к реальным ценностям — «героическому труду народа», «подвигу в войне» и т.п.

Другая актуальная проблема — *роль языка в формировании социальных представлений*. Исходя из природы вторичного образа ясно, что язык играет важнейшую роль в создании образов социальных реалий. Нет необходимости доказывать, что слова «биржевой спекулянт», «наемный убийца» или проститутка порождают иные образы, чем слова «брокер», «киллер» или «жрица любви». Слово «гуманизм», указывает С. Кара-Мурза, в общественном сознании ассоциируется с чем-то «добрым», хотя данный термин исторически отражает философское представление о человеке, обосновывающее в целом далеко не гуманную идеологию и политику. Поэтому адекватное представление о «гуманизме» должно включать все смыслы, вложенные в данное понятие [168, с. 86–87]. И тогда надо, в частности, говорить об известной на Западе фразе «Бог умер», об обожествлении человека, поставленного в центр мироздания, о том, что «гуманизм» не был рассчитан на всех людей, а потому обосновывал колониальное ограбление народов, уничтожение индейцев, работорговлю. Именно полисемантика представлений о «гуманизме» помогает понимать сущность происходящего на планете.

9.2. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ПСИХОМАНИПУЛИРОВАНИИ

Актуальность изучения механизмов социальных представлений возросла в связи с масштабом манипулирования психикой людей через экологию имажсферы. Анцент на «приземленности» человека все активнее ставится в кино- и видеобизнесе, в рекламе, политическом пиаре и т.д. Провоцирование искусственных потребностей, стимулирование «животного начала» блокируют духовные устремления

людей, потребность в *глубоком естественном* общении. Общение все чаще подменяется виртуальными коммуникативными интернет-суррогатами. Из человека все успешнее делают, по выражению Е.А. Файдыша, политкорректного паразита, ориентированного на потребление и максимальный комфорт [330]. На это направлена организация всей имажосферы человека. Задаваемые образы кодируют окружающую реальность, а через нее и людей. Образы приходят на смену не только истинам духовно-нравственных достижений человечества, но и здравому смыслу. Поэтому можно говорить о **«войне образов»**, в которой воздействием на человека образами определенного содержания и при соответствующей подаче размываются нравственные основы человека. Парадоксом современности является декларирование демократических принципов при росте воздействия на социальные представления людей через СМИ, рекламную индустрию, пиар-технологии, имиджмейкерство. В итоге психоманипуляция стала приемом замаскированного тоталитаризма.

В вопросе о допустимости преднамеренного влияния на социальные представления людей существуют две точки зрения: 1) переход от прямого принуждения к манипуляции сознанием является прогрессивным шагом; 2) любая психоманипуляция недопустима, поскольку посягает на свободу воли человека. Психоманипуляция лишает людей свободы выбора в гораздо большей степени, нежели прямое принуждение. Возникает тоталитаризм, обладающий незаметным, но более эффективным инструментом принуждения, при этом превращающий человека в существо, социальные установки и представления которого программируются [168, с. 47]⁹.

Под психоманипуляцией следует понимать скрытое духовно-нравственное и психологическое воздействие на человека (незаметное для него) путем программирования его сознания-подсознания и поведения в определенном направлении задаваемыми мнениями, представлениями, мировоззренческими смыслами и т.п. Достаточно указать на технологии конструирования исторического знания по социальному заказу.

⁹ С. Кара-Мурза подчеркивает, что манипуляция сознанием возникает с установлением демократии западного типа, которая считается антиподом тоталитаризму. Указывается на наивность представления о том, что наличие демократических механизмов само по себе обеспечивает свободу человека. Как только манипуляция сознанием превратилась в «технологии господства», понятие демократии стало лишь идеологическим штампом [168, с. 38].

Широко используется формирование искаженных социальных представлений, вымышленных идеалов, «нужных мифов». В результате сильного искажения социального восприятия люди начинают жить в иллюзорном мире виртуальной реальности, который даже способен «заставить человека действовать против собственных и национальных интересов» [332, с. 29].

Слово «манипуляция» восходит к латинскому *manipulus* — пригоршня. В европейских языках данный термин толкуется как обращение с объектами с определенными целями (например, в смысле ручного ими управления). Термин «манипуляция» стал употребляется и в переносном смысле: для обозначения ловкого и притом скрытого управления людьми; воздействия, побуждающего человека сделать поступки, противоречащие его интересам. Манипуляция — это применение власти, при котором обладающий ею не раскрывает своих целей. Оксфордский словарь определяет манипуляцию как «акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, скрытое управление или обработка». Психоманипуляция состоялась, когда люди верят, что все происходящее — естественно и неизбежно [168, с. 19–20].

Психоманипулирование раскрывается, в частности, понятием «латерального программирования психики», воздействующего на поведение человека непосредственно и помимо его сознания и воли. Его суть — прочное запечатление в памяти как бы «очевидных» вещей: человеку убежденно говорят о чем-то как бы само собой разумеющемся, не требующем доказательств факте [187, с. 65–66].

Программирующие воздействия могут иметь более сложную природу. Так, А.Н. Лебедев и А.К. Боковиков подчеркивают, что, помимо основного канала, несущего текст рекламного сообщения, может существовать другой канал воздействия на психику потребителя, связанный с «коллективным бессознательным». Поэтому в ряде случаев факт программирования не осознают ни рекламодатель, ни потребитель, ни производитель рекламы [187, с. 66].

В последние годы, особенно после событий в Югославии, Нью-Йорке, Москве, Ираке, стали говорить об «обществе спектакля», в котором люди серьезно, с полной эмоциональной отдачей наблюдают некий захватывающий «спектакль», поставленный на сцене города, страны, планеты неким «творческим коллективом». ТВ создает реальность, а не показывает истинную картину. В представлении людей об общественной жизни как спектакле задействована психология «человека играющего», имеющего искаженное понимание реальности. Примеча-

тельно, что психология игры эффективна для влияния на ценности личности и связанные с ними потребности. Не потому ли мы видим факт бесчисленных игр на ТВ, которые эту психологию усиливают? С духовной точки зрения, «человек играющий» в большей мере является характеристикой «ветхого человека», чем «состояния ребенка». Достаточно того, что в игре, особенно коллективной, человек находится одновременно и в обычной социальной действительности, и в сфере воображаемого. С. Кара-Мурза призывает отдавать себе отчет в том, что в игры могут вовлечься целые народы, доходя даже до саморазрушения [168, с. 161]. В «мире игры», подчеркивает А.И. Неклесса, не все реальное достоверно и не все достоверное реально¹⁰. В «игре-спектакле» поэтому так легко нарушаются культурные табу¹¹, а историческое время превращается во «время созерцания спектакля» [168]. Надо подчеркнуть, что элементы виртуального СМИ-спектакля обычно ложью не являются, а потому трудно предъявить претензии к «итоговой лжи как правде». Никогда платоновская аллегория «пещерного театра теней», подчеркивает С. Кара-Мурза, не сбывалась с такой точностью, как относительно «виртуальной ТВ реальности». Для многих людей реальностью становятся задаваемые с экрана (и всей имажосферы) образы, смешанные с проекциями их фантазий. [168, с. 256–259]. В сознании человека «бесперебойно заработал внутренний телевизор, на экран которого устремилась «виртуальная реальность» фантазий беснующегося «подсознания» [298, с. 201]. Поэтому надо подчеркнуть, что реальность

¹⁰ «Мир, исподволь утративший «большие смыслы», мир без границ, но и без горизонта, неизбежно театрализуется, *обменивая невоплощенные идеалы на земной мираж — мечту* (курсив мой.— А.Г.) об обществе тотального комфорта и виртуозные плоды индустрии досуга. В условиях социальной деградации жизнь приобретает игровой характер. Взаимодействие же большой игры с разнolikoй неорархаикой способно породить элективное сообщество «профессиональных игроков». В итоге доминирующей реальностью на планете может стать Мир игры, стремящийся реализовать свою высшую ставку — возможность выпустить на волю Мир распада. <...> Начинает брезжить иной, совсем не фукуямовский конец истории» [74, с. 136].

¹¹ Ставятся телевизионные «кровавые спектакли». В этом смысле показателен репортаж о бомбардировке американской авиацией Триполи в 1986 г. Падение ракет на город было приурочено к началу вечерних информационных выпусков телевидения США [168, с. 271]. Для «кровавого спектакля», освещающего ведение чеченской войны, собирались по моргам трупы, чтобы имитировать перед телекамерами геноцид. Фальсификация узаконивается, чтобы всем стало ясно: истинное есть не более чем один из моментов в движении ложного [168, с. 169].

«общества спектакля» имеет метафизическое измерение демонической природы. Основными «вехами» логики такого понимания выступают: «виртуальная реальность» — «вымышленная реальность» — человеческие фантазии — «демонические влияния».

Манипуляцию общественным сознанием можно сравнить с действиями небольшой, но хорошо вооруженной армии против мирного населения [168]. Информационно-психологическое оружие по вызыванию определенных мыслей, чувств и действий имеет долгую тайную историю сокрытия целей действий одних групп людей против других. В военное время психологическая война успешно работала для дезориентации и деморализации противника, в мирное время она используется для влияния на население своей страны и других государств. Историк М. Назаров указывает, что сегодня информационное оружие включает подписание «обманных договоров», утечку информации, блеф (типа «звездных войн»), проталкивание на руководящие посты агентов влияния, вбрасывание компромата, навязывание ложных направлений научного исследования и дискредитацию правильных, формирование системы образования, научной и культурной среды [219, с. 73–74].

Теория манипуляции сознанием базируется на теории А. Грамши¹², подчеркивавшего, что власть господствующего класса держится не только на принуждении, но и на общественном согласии¹³, для достижения которого широко используются данные различных направлений психологии. Эффективно служит задачам психоманипулирования, например, бихевиоризм, психоанализ. В фашистской Германии идея Эроса воплощалась в схеме: вождь-мужчина должен соблазнить

¹² Основа данной теории была заложена в эпоху буржуазных революций в Европе [168, с. 54–55]. Следует напомнить, что А. Грамши и деятели так называемой «франкфуртской школы» использовали найденные подходы для подрыва христианства на Западе.

¹³ Изменение в обществе протекает не как столкновение классовых сил, а как невидимое изменение всей системы представлений среднего человека о мире, добре и зле; изменению подлежат символы и образы, традиции и предрассудки. «Культурное ядро» разрушается организованными информационными потоками. Когда «кризис власти» созрел, быстрые целенаправленные операции наносят удар по сознанию, вызывают шок, заставляющий людей перейти к активной позиции. С. Кара-Мурза подробно анализирует идеологические действия в ходе перестройки, которые сломали «культурное ядро» советского общества, а также мирный переход Испании от тоталитарного общества к демократии западного типа. Кризис гегемонии франкистской элиты был разрешен посредством серии пактов с левой оппозицией [168, с. 58–61].

женщину-массу. Использовалась также символика инстинкта смерти — Танатоса. Возрожденные древние ритуалы, связанные со смертью, актуализировали архаические взгляды на смерть. Для «преодоления» Смерти людям было предложено стать ее служителями [168, с. 67]. Созданные эффективные методы информационного воздействия приводили к тому, что человек, субъективно не меняя убеждений, менял оценки социально-политическим явлениям или не замечал «помощи» в интерпретации фактов через задаваемые варианты объяснения. Были найдены способы обхода психологических защит личности и группы. Это могла быть помощь некому «внутреннему персонажу», через голос которого делался определенный выбор. Особое внимание привлекалось к атакам на священные образы и символы.

С. Кара-Мурза анализирует разрушение символов традиционного общества в средневековой Европе [168, 338–343]. Искажались представления о нравственности, о священном. Десакрализация мира, начавшаяся в эпоху Реформации, представила мир как механическую машину, не предполагающую нравственных законов. В представление о человеке внедрилась идея о том, что он — «свободный атом», *ин-дивид* (лат.). Игнорировалось очевидное: человек не может быть атомом, поскольку он — средоточие множества человеческих связей — семьи, церковной общины и т.п. (Вл. Соловьев). У «человека-атома» возникло представление о частной собственности как естественном праве. Чувство собственности стало прилагаться даже к человеческому телу. Здесь корни современного отношения к гомосексуализму, эвтаназии, другим аспектам «распоряжения» своим телом. В области представление о государстве разрушался образ монарха как представителя божественного порядка. Представителем Бога стал класс богатых. Новый тип государства ввел в законные рамки войну всех против всех.

Огромной силой воздействия обладает научная картина мира. Поэтому психоманипуляция опирается на поддержку науки [168, с. 223–227]. Имитируется беспристрастность науки (прежде всего в плане ее свободы от этических предрассудков) в принятии решений на уровне экспертов, обосновывается возможность абстрагирования от якобы второстепенных факторов в анализе каких-то неприятных сторон реальности. Широко используется авторитет известных личностей¹⁴. Особую роль играют антропологические модели. Именно

¹⁴ Обеспокоенные голоса перекрываются суждениями экспертов. М. Назаров приводит пример со скандалом по поводу применения в Югославии орудия с урановыми сердечниками [219].

авторитет науки, подчеркивает С. Кара-Мурза, помог создать представление о человеке как «атоме, воюющем против всех». Социалдарвинизм усилил представление о «людях-животных», борющихся за существование, дал свои безнравственные «этические принципы»: «выживание способных» — необходимое условие прогресса. Подобные идеи усиливаются в связи с концепцией «золотого миллиарда», закрепляющей «справедливость неравенства» — следствия многовекового ограбления одних народов другими [168, с. 228–230]. Сегодня при обосновании представлений о «прогрессивности» нового мирового порядка воздействие научных теорий возросло именно в изображении общества, управляемого принципами борьбы за существование. Забвение же нравственно-духовных законов бытия, запрещающих «экспансию эгоизма», находится в общем русле их забвения.

Психоманипулятивное воздействие целостно, однако оно имеет свои закономерности в различных сферах психики в зависимости от условий, задач, особенностей аудитории.

Эмоциональная сфера. Феномен «эмоционального заражения» в толпе известен. Большую роль в этом процессе играет создание или использование кризисной ситуации — техногенных катастроф, террористических актов, социальных конфликтов и т.п. В повышении эмоциональности, увеличивающей доверие к информации извне, используются чувства того и другого знака. Особую роль играют страхи — адекватные в ответ на реальную опасность и воображаемые. С. Кара-Мурза подчеркивает важный момент: доктрины манипуляции сознанием разрабатывались применительно к «западному» страху. Не случайна популярность «фильмов ужасов». С. Кара-Мурза провел психологический анализ «западного страха» [168, с. 132–144]. Корни западных страхов находятся в протестантизме. Показательно, что именно в ходе Реформации было сожжено около миллиона «ведьм», а в Тридцатилетней войне погибло 3/4 населения Чехии и 2/3 населения Германии. Ужас и страх усилили расизм европейца (Э. Фромм). Тема смерти и по сей день составляет одну из главных тем протестантских проповедников. В XIX в. в США особый жанр проповеди-спектакля доводил людей до ужаса. Дальнейшая эволюция западного иррационального страха связана с «расколдовыванием» мира, с идеей тотального господства разума, приведшего к самоотчуждению человека. Новая волна страха охватила Запад с началом «холодной войны». Это был искренний страх ядерного апокалипсиса.

В России человеку никогда в сознание не вводился «вирус мистического страха» [168, с. 149]¹⁵. В эскалации страхов (особенно сегодня страхов терроризма) следует отметить возможность использования сочетания чувств и воображения на основе того, что человек склонен представлять себя на месте другого. Например, по ТВ показывают изуродованных неким взрывом людей, а воображение телезрителя «подставляет» на их место себя или своих близких и требует «казней» любому, кто будет объявлен виновником [168, с. 158–159]. Подобными эмоциями легко подпитать любой нужный образ-заказ.

Говоря о страхе терроризма, не надо, однако, забывать, что терроризм возник как средство устрашения общества в политических целях и что он имеет давнюю историю преднамеренного использования в этом качестве¹⁶. Целью терроризма — спонтанного, управляемого, создаваемого — всегда была деморализация страхом, когда люди одобряют любые действия политиков либо требуют от них того, что соответствует целям террористической организации. Современный международный терроризм может быть представлен как некая игра (правила которой неизвестны) на сцене политического театра глобального масштаба, зрители которого призваны к эскалации страха, чтобы отвлечь их внимание. Страх терроризма неразрывно связан с особенностями освещения террористической деятельности в СМИ. Люди не боятся автомобиля потому, что его опасности «не раскручены» так, как опасности терроризма. Можно согласиться с мнением о том, что если бы ТВ показывало с той же интенсивностью жертвы автокатастроф, как и дела рук террористов, то человек боялся бы автомобиля панически.

Воображение [168, с. 89–95, 112–113, 159–164]. В изменении социальных представлений особая роль принадлежит воображению. Даже спонтанные фантазии могут отразить предчувствие социальных изменений. Власть основывается на «народном воображении» потому, что людей поражают не факты сами по себе, а то, как эти факты представляются (Ле Бон). По этой причине традиционно подача фактов осуществляется в определенном, но скрытом от человека русле.

¹⁵ С. Кара-Мурза делает вывод: вплоть до эпохи перестройки в России *экзистенциальный* страх не играл существенной роли. В России страхи были вполне реалистичными. Поэтому страх перед ядерным апокалипсисом был иной, нежели на Западе. Но уже предвыборная стратегия Ельцина была основана на западном типе страха [168].

¹⁶ Во время Французской революции террор стал официальным морально оправданным методом [168, с. 150–151].

Следует подчеркнуть психоманипулятивный потенциал опоры на связи *воображения с процессами антиципации*. Здесь есть возможности и «усыпления бдительности», и преждевременных действий. Сильные средства воздействия открываются через изучение *взаимосвязи воображения и мотивационной сферы*. В состояниях фрустрации, например, начинают доминировать грезы, возникает стремление к «бегству от реальности» через алкоголь и наркотики. Через мотивацию и систему потребностей возможно эффективно влиять на ценности, изменяя которые можно заставить людей «захотеть чего угодно». Сильный синергетический эффект, наблюдаемый, в частности, во время проведения избирательных кампаний, дает совместное употребление образов, слов и чисел¹⁷ (печатные тексты, радио- и телепередачи, кино-, теле-, видео-картинки). Роль воображения можно обнаружить в реализации потребности человека понять, что происходит с людьми во время социальных кризисов, когда маски срываются на самом высоком уровне¹⁸. Важный аспект роли воображения в психоманипуляции касается воздействия на воображение *метафор* и *аллегорий*. Здесь следует подчеркнуть, что метафора, создающая красочный образ, способна подавлять здравый смысл. Особенно сильно воздействие парадоксальных метафор. Использование метафор полимодально. Широко используется, в частности, метафоры запаха: «запахло жареным», «запах крови» и др. С. Кара-Мурза анализирует целый букет «демократических» психоманипулятивных метафор, способствующих катастрофическим явлениям в стране: «наш общий европейский дом», «нельзя быть немножко беременной», «пропасть не перепрыгнуть в два прыжка», «столбовая дорога цивилизации», «коней на переправе не меняют» и т.д. Анализируются и «заморские метафоры» о пере-

¹⁷ Много интересного можно найти при изучении идеологической машины фашистской Германии, где возник язык, с помощью которого народ превратился в толпу визионеров и оказался в искусственно созданном космосе [168]

Примером соединения знаковых систем, приводимым С. Кара-Мурзой, являются географические карты, актуализирующие социальные предрасудки, выражающие представления о геополитической реальности и помогающие создать нужный образ. Карта «утраченных исконных земель» воздействует на национальные чувства безотказно. В последние годы фабрикация географических карт стала средством разжигания этнических конфликтов.

¹⁸ Например, когда главный идеолог компартии становится антикоммунистом, секретари обкомов захватывают народную собственность [168].

стройке, в частности слова испанского премьера Ф. Гонсалеса, который сказал, что «предпочел бы быть зарезанным в нью-йоркском метро, чем умирать от скуки в Москве». Анализ выражения интересен тем, что вскрываются противоречия задаваемых образов, нереалистичность их соотношения, провокационность афоризма, задающего ложную дилемму [168, с. 114–119].

Роль **внимания** и **памяти** [168, с. 170–176] в психоманипулировании проявляется в привлечении или отвлечении внимания, в обеспечении того, чтобы некая информация запомнилась или ушла в подсознании, чтобы потом актуализироваться в образном опыте и его ассоциациях. Главная роль принадлежит непроизвольному запоминанию. Частое повторение в СМИ некоего утверждения действует независимо от оценки человеком. Даже отвергнутая вначале точка зрения со временем может превратиться в смутное представление или даже перейти в согласие¹⁹. Велико значение ассоциаций эмоциональных образов памяти и воображения. Особой способностью манипулировать всеми видами внимания обладает ТВ. На это могут быть направлены профессиональные способности всех категорий работников ТВ, особенно тележурналистики, телережиссуры, операторского искусства. Исключительно сильно сосредотачивает внимание на определенных темах освещение неких «невероятных событий», на фоне которых можно давать любую информацию.

Актуальная сегодня проблема — отображение в СМИ истории человечества. Давно известно, что тот, кто пишет историю, контролирует настоящее. При утрате и искажении исторической памяти любую проблему можно представить ложно. С. Кара-Мурза акцентирует вопрос о разрушении национальных символов, которые упорядочивают историческую память, задают ориентиры, указывают цели и опасности, поддерживают в сложных социально-политических обстоятельствах²⁰.

¹⁹ Показателен вопрос о продаже земли в России. Все больше людей относятся к идее благожелательно, хотя аргументы противников распродажи страны весьма серьезны в плане геополитической перспективы [168].

²⁰ Особое место в мире символов занимают образы умерших, которые продолжают участвовать в делах страны. Манипуляции с такими образами — важная часть политического процесса (примерами могут служить дискуссии о перезахоронении Ленина, факты осквернения могил воинов-освободителей) [168, с. 442–443].

С конца 80-х и все 90-е годы XX в. в России видны активные попытки исказить знание об «исторической России». В СМИ создавались негативные стереотипные представления о российской государственности, умалялось духовно-нравственное и культурное наследие. Замалчивались и искаженно трактовались факты участия России в мировой истории, в частности, в качестве освободителя народов (Европы — от Наполеона и фашизма, балканских стран — от османского ига, Грузии и Армении — от геноцида и др.)²¹. Яркой иллюстрацией являются учебники истории, написанные в это время (достаточно указать на то, как в них отображена роль СССР в победе над фашизмом). В целом общая тенденция — русо- и славянофобия в «путинской России» исправляется, хотя донесение до аудитории отечественных глубинных духовных смыслов и сегодня недостаточно. Примеры отрицательных стереотипов русской истории как средств манипулирования историческим сознанием будут приведены ниже²². Это позволит увидеть то огромное искажение образа «истории государства российского», которое накапливалось с XVIII в.

Многие искажения исторических представлений делаются просто из желания самовыражения, сенсации, отсутствия целостного взгляда на историю (возможного лишь в масштабном духовно-философском контексте) или просто по неведению вследствие профессиональной некомпетентности²³. В историческую науку, указывает профессор Б.М. Сапунов (известный специалист в области телекоммуникации), двинулись политики, математики²⁴, биологи, колдуны и пр. Поэтому

²¹ Многие ли люди знают, например, что первая инициатива разоружения, которую, кстати, «просвещенная» Европа не приняла, принадлежит императору Николаю II (конец XIX в).

²² Мы, однако, рекомендуем читателю ознакомиться с картиной отечественной истории самостоятельно [15д; 199а; 208д; 210а; 292]; можно добавить также фундаментальную работу О. Платонова «Терновый венец России» и труды известного отечественного историка В. Кожина.

²³ Например, некий факт (или даже предположение) встраивается в систему исторического знания так, что становится как бы основным. В итоге вся историческая картина перестраивается в сторону лжи.

²⁴ Примером могут быть наукообразные работы Фоменко, в которых ставятся с ног на голову все факты мировой истории. Абсурдно выглядит и сама идея «мирового заговора» переписчиков истории, Историю переписать по заказу невозможно. Построения Фоменко не заслуживают серьезного рассмотрения хотя бы уже потому, что традиционная хронология имеет достаточную верификацию по перекрестным ссылкам, причем в различных культурах..

не все можно использовать на ТВ без специального анализа²⁵. Говоря об античном язычестве, забывают, например, о свойственной ему жестокости, человеческих жертвоприношениях, а также о том, что античный мир погиб от безнравственности [284, с. 74].

Мышление. Сегодня можно констатировать, что мышление (рациональное более, чем иррациональное²⁶) достаточно легко искажается имаго-символосферой, высказываниями авторитетных ученых, популярных артистов и телеведущих, особенно вне цензуры нравственных критериев²⁷. Важным аспектом проблемы является вопрос о «психоманипулятивной герменевтике», т.е. изменении смысла слов и понятий, тонком навязывании их толкования в нужном направлении. Этот момент активно использовался в стране при перестройке в толковании главных понятий западной цивилизации («свобода», «демократия», «деньги» и т.д.)²⁸. Обозначенный прием предполагает, в частности, исключение из информационных сообщений слов, вызывающих отрицательные ассоциации. Слово «война», например, заменяется на «конфликт», «миротворческая операция». С. Кара-Мурза дает хорошее представление о спектре вариантов. Ищутся фразы-лозунги, направляющие восприятие новостей в заданном направлении, создаются «новоязы», используются «диалог-спектакли», в дискуссии участвуют «подсадные» оппоненты, некомпетентные для ведения полемики и противодействия манипулированию (подлежащие публичной дискредитации), подменяется предмет спора (например, жизненно важный вопрос — его второстепенной стороной), используется особенности произношения текста (тембр голоса, ритм, паузы).

Примером искажения смысла понятий является **психоманипуляция представлением о «свободе информации»** [168, с. 254–259].

²⁵ В подготовке телепередач на исторические темы необходимо учитывать: 1) мировоззренческие позиции авторов, 2) их субъективное видение, творческую фантазию, 3) специфику современных трактовок [284].

²⁶ Показательно, что во время перестройки именно интеллигенция, более оторванная от остатков народной традиции с ее стабилизирующими иррациональными элементами, оказалась и более подверженной «искусственной шизофренизации» [168].

²⁷ Легкость, с которой люди соблазнились экономическими авантюрами 1990-х годов, объясняется, в частности, тем, что проблема добра и зла устранялась, и мышление нацеливалось лишь по критериям «эффективности» [168, с. 109].

²⁸ Примером «манипулятивной герменевтики» может быть использование понятий «естественный», «природный», чтобы придать нормам европейской культуры статус бесспорности и «общечеловечности» [168, с. 28–29].

С. Кара-Мурза подчеркивает одну важную вещь: тезис о «свободе слова», «свободе распространения информации», по сути, антидемократичен, поскольку обслуживает интересы элитарного социального меньшинства (заказчика соответствующей идеологии) и, соответственно, противоречит объективным интересам большинства людей. Государство, защищая истинную свободу выбора гражданина, обязано найти приемлемые формы контроля за образами, циркулирующими в обществе (иначе оно — соучастник заказчика, что, по определению, является проявлением коррупции). И надо сказать, что опасность устранения нравственных норм на Западе отчетливо представляли; свобода слова была категорией философской. Даже сегодня свобода информации предоставляется только в той мере, в которой у власти есть уверенность в контролирующей силе психоманипуляции²⁹. Современные сторонники контроля за СМИ подчеркивают, что свобода информации — это право личности; на информационную продукцию конституционные гарантии свободы слова не распространяются. Важный момент связан с правом человека знать о последствиях потребления продуктов прежде всего в плане возможности стать «зависимым» от него, ибо это лишает человека свободы. Прежде всего это относится к алкоголю и наркотикам. На Западе не работает лозунг «Не хочешь — не нюхай»; человек, попробовав наркотик, становится наркозависимым. Но телепродукция является «информационным наркотиком» (есть даже термин «теленаркомания»).

К основным приемам психоманипулятивного воздействия можно отнести следующее [168, с. 236–253]. Основным приемом в реализации «свободы информации» является **принцип «дозирования правды»**. Образ некой «событийной реальности» искажается массой неточностей, рекламным обрамлением, мозаичной и хаотичной комментирующей информацией, отбором событий для «информационного рациона» аудитории и помещением данной информации в нужный контекст (что уже является ее интерпретацией). Общей дезинформируемости помогает динамика смены сенсационных тем. В случае произвольного применения данного приема сообщениям о неких событиях придается повышенная срочность и важность, и на них концентрируется и удерживается внимание аудитории. В соответствии с приказом тема и забывается. С. Кара-Мурза подчеркивает, что под прикрытием сенсации

²⁹ На Западе не скрывается, что СМИ служат интересам элиты. Запреты на свободу сообщений, поэтому, были устранены в США только в 1960-е годы, когда технология манипуляции стала безотказной [168, с. 235].

можно умолчать о том, что не должно быть замечено, прекратить массовый психоз, поддерживать необходимый уровень «нервозности» для повышения внушаемости людей. Сенсационность особо искажает социальное восприятие за счет панических настроений под воздействием раздуваемых СМИ слухов.

Настойчивое повторение одних и тех же образов в различных версиях и контекстах не только дает «чувство очевидности», но возводит психологический барьер против иных точек зрения на происходящее. Типично отрицание или затушевывание взаимосвязи неких событий. Проблема разделяется на фрагменты, что затрудняет создание целостного образа. Используется также принцип, согласно которому факты, противоречащие интересам «заказчика», не существуют или показываются скупо. «Информационная важность» убийства священника в Польше в период «холодной войны» была в 140 раз выше «ценности» аналогичного случая в зоне влияния США [168]. В ход идут и особенности изложения информации (паузы в определенных местах и по определенному поводу), формирование ложного чувства знакомства аудитории с комментатором и т.п. Существует и сознательная фальсификация информации. Показательна история появления в западной прессе фотографии «сербского лагеря смерти», на которой мы видим изможденное лицо боснийского мусульманина за колючей проволокой. Этот телекадр в 1992 г. стал формальным оправданием антисербской позиции США в войне в Боснии. Но оказалось, что изображен был вовсе не «лагерь смерти», а пункт сбора беженцев, расположенный в здании школы. Забор из колючей проволоки был установлен до войны, чтобы дети не выбегали на дорогу. Журналисты при желании могли снимать «узников-мусульман» отдыхающими на воздухе. Прискорбно, что тележурналисты не признают за собой ни профессиональной, ни моральной вины, ибо в этом кадре не было лжи, а было лишь умолчание [168, с. 207]³⁰.

³⁰ Старец Паисий приводит примеры, касающиеся роли СМИ в формировании негативных установок на Православие. Так, рядом со священником, который из-за болезни был очень толстым, помещали нищего мальчугана и писали: «Вот как живёт Церковь и как бедствует народ». Или фотография патриарших покоев совмещалась с фотографией баракка нищего. Старец говорил об умении журналистов отобразить жизнь монастыря в любом виде. Он также отмечал, что аморальность, блуд, развращенность, направленные на разрушение семей и все подобное показываются как естественные факты, а малейшие проступки христианина раздуваются [36].

Ложь убедительно преподносится на ТВ в виде правды видеорядом, созданием нужного фона для дикторского текста. При необходимости используется сознательная дезинформация. Примерами могут быть «убийство мирных албанцев сербами в деревне Рачак», «кадры радости палестинцев 11 сентября» («ликование палестинцев» заснято до событий 11 сентября — во время войны Ирака против Кувейта [219, с. 86]. «Разоблачение фальшивок, как правило, замалчивается или дается <...> на мало читаемых страницах газет и в неудобное время телевещания» [219, с. 75].

Существующий в западных СМИ принцип «отделения фактов от комментариев» не работает, не компенсирует психоманипулятивного потенциала дезинформационного воздействия на людей, не мешает демонстрации «нужной объективности». Несмотря на декларирование права личности на свободу информации, проблема правды-лжи в имажосфере общества устраняется. Люди остаются зрителями «виртуальных спектаклей». Человеку разными способами сообщается, как он должен относиться к событиям, чтобы оставаться политкорректным обывателем. При кажущемся разнообразии каналов информационного воздействия (в частности, позиций различных СМИ) внушается один и тот же набор главных установок. Предлагается лишь одна версия действительности, подаваемая через *разные образные решения*. Различие политических взглядов конструируется для создания образа «демократичности». В итоге, как подчеркивает писатель В.П. Филимонов, с помощью средств манипуляции массовым сознанием воинствующая ложь овладевает умами великого множества людей. Это влечет за собой необратимое **изменение мировоззрения** — потерю исторической памяти, национальных традиций и обезличивание [332, с. 10].

9.3. МАНИПУЛИРОВАНИЕ МНОГОЛИКОСТЬЮ ЭКРАНА

«Всеми любимый...»

Сегодня телевизионный экран стал не только главным носителем информации, но и все более претендует на внедрение универсального мировосприятия. Люди любят ТВ не только за то, что оно помогает, как они считают, отдыхать. Они благодарны «ящику» и за то, что он расширяет представления о реальности, показывает мир за пределами непосредственного опыта, распространяет культурные ценнос-

ти. Роль ТВ в жизни человека и общества очевидна и в связи со своим влиянием на формирование социальных стереотипов, идеологических установок, мифологии, социальных норм. ТВ стало важнейшим компонентом «общей системы культуры человечества», предназначенным для удовлетворения потребностей людей в «аудио-визуальном освоении мира» [284, с. 60]. Среди социальных функций ТВ обычно выделяют информационную, культурно-публицистическую (в различных жанрах) и образовательную. Считается, что соответствующие блоки телепередач служат формированию культуры и морали. Однако и у исследователей, и у телезрителей усиливается мнение о том, что ТВ в целом играет отрицательную роль в обществе, часто вообще выходит за пределы нравственных и эстетических оценок [284, с. 63].

Телепередачи в целом противоречат классической триаде этоса В.С. Соловьева, согласно которой первым нравственным отношением является отношение к плоти и инстинктивным отправлениям. Нарушение норм, принятых здесь, в цивилизованном обществе должно вызывать чувство стыда. Второй постулат — отношение человека к другим людям — основан на сострадании и милосердии. По данным позициям, подчеркивает Б.М. Сапунов, нравственные оценки перевернуты: «убийцы героизируются, жертвы вызывают в лучшем случае жалость, в худшем — презрение». Третья ипостась — это благоговейное отношение к Богу и высшим ценностям. Здесь на первый план часто выходят передачи оккультного содержания. Но самое опасное — это переориентация жизненных ценностей и фиксация на идее достижения успеха любой ценой [284, с. 64–65]. Особенно разрушителен показ насилия как средства решения проблем. Образ современного насильника, узаконивая культ «добротного насилия», по сути, стал образом положительного героя.

Уже говорилось о том, что замена нравственности правовым контролем — а это тенденция, характерная для западного мира, — невозможна, поскольку это усыпляет и «сжигает» совесть. ТВ же все более интенсивно разрушает системы координат добра и зла. Человек неосознанно стремится потреблять безнравственные образы, ибо так легче спрятаться от совести. Но тогда не нужно удивляться плодам: формированию парадоксальных представлений, *оправдывающих любые античеловеческие действия под флагом «гуманистических ценностей»*. Релятивизации мировоззренческого уровня³¹ помогает, в частности, удивительная

³¹ Такая релятивизация обосновывается философией постмодернизма, который во всех сферах социальной жизни задает «новые правила игры», свободные от онтологии духовных законов. Люди не осознают абсурдности

способность телеэкрана «стирать» различия между правдой и ложью (даже явная ложь может не замечаться)³². Созданная «индустрия аморальности» успешно формирует и удовлетворяет соответствующий спрос. Показывается то, что люди видеть не должны по нравственным соображениям, ибо созерцание «сладкого запретного плода» актуализирует низменное в душе (показательно в этой связи появление термина «телеидиот»). Следует отметить изобретение новых видов аморальности (например, в связи с «хэппенингом», имеющим одним из положений своей концепции разрушение этических и эстетических норм). Примечательно, что интенсивность «индустрии аморальности» возрастает при проведении крупных акций психоманипуляции [168].

С. Кара-Мурза указывает, в частности, на вторжение ТВ в таинство смерти. Все культуры ввели зрелище смерти в ткань социальных норм и ритуалов. ТВ же вводит зрелище смерти в каждый дом вне всяких норм, в самом неприглядном виде. На людей обрушиваются потоки образов катастроф, похорон, убийств, моргов и т.п. Образы смерти привлекаются в политических целях. Используется тот факт, что зрелище смерти удовлетворяет фрейдовскому «комплексу танатоса», который возбуждает интерес зрителей (показательно, что на частом показе смерти настаивают рекламодатели) [168, с. 261–262]. Показательно, что когда один знаменитый фотограф на Западе выставил снимки агонии своего отца, он был негласно отвержен обществом. ТВ же показывает африканских детей, умирающих от голода, рядом с которыми, как некий стандарт человека, демонстрируется морской пехотинец или очаровательная девушка из ООН с лицом активистки «Общества защиты животных». Под влиянием подобных образов солидарность в мире не возрастает. Напротив, происходит легитимизация социал-дарвинистского представления о низшем подвиде *Homo sapiens*, о котором надо заботиться как о птицах, попавших в нефтяное пятно. С. Кара-Мурза предлагает представить, что к умирающему европейскому ребенку

идеи локальных, бесконечных, направленных в никуда изменений (Поппер), в частности, благодаря ТВ. В его лице постмодернизм получил буквально канал трансляции проявлений духовно-нравственной коррозии человеческой души. Экранные образы, создавая иллюзию сопричастности реальности (естественно, виртуальной), дают возможность быть «духовно слепым» относительно событий, происходящих в мире.

³² Интересны следующие данные. Подготовленные ложный и верный вариант некоего сообщения были: а) напечатаны в газете, б) даны по радио, в) показаны по ТВ. Различили правду и ложь 73,3% радиослушателей, 63,2% читателей газеты и 51,8% телезрителей [168, с. 272].

врываються телевизионщики и снимают агонию. В США показ смерти в прямом эфире баснословно прибылен. Так, 1 мая 1998 г. на всей территории страны были прерваны передачи, чтобы показать в прямом эфире самоубийство на улице Лос Анджелеса [168, с. 262–263]. Разбирается и инцидент с журналистом Бабицким, сделавшим видеозапись работы похоронной команды для продажи немецкому ТВ. С. Кара-Мурза предлагает Бабицкому представить себе, что у него умер дорогой для него человек, а кто-то с ТВ пришел с камерой в морг, а потом показал по ТВ, что паталогоанатомы делают с телом. А как относиться к кадрам с растерзанными телами, после которых сразу дается реклама, или к пятидневному позированию репортеров НТВ перед телом убитого в Грозном солдата российской армии? Кто позволил выставить усопших на обозрение? 24 января 2000 г. ТВЦ дал репортаж об идентификации тел погибших в Чечне. Мы видим фотографии молодых людей крупным планом — так, что их не могут не узнать их близкие. А потом кадры со стоящими на полке черепами. Следом кадр с лежащей около микроскопа печенью.

Э. Фромм считал, что показ насилия³³ призван компенсировать страшную скуку, овладевшую современным человеком, который испытывает потому тягу к изображению преступлений, катастроф, к кровавым и жестоким сценам. «Запад втягивается в то, что философы уже окрестили как «молекулярная гражданская война» — множественное и внешне бессмысленное насилие на всех уровнях, от семьи и школы до верхушки государства. Справиться с ним невозможно, потому что насилие и разрушение <...> это болезнь всего общества» [168, с. 265]. При этом С. Кара-Мурза подчеркивает, что лишь малый шаг отделяет людей от активных садистских и разрушительных действий. В связи с образами насилия подчеркнем несостоятельность известной «гипотезы катарсиса», согласно которой виртуальные сцены насилия снижают агрессивность людей. Эксперименты показали, что вид страдающий жертвы лишь усиливает агрессивность наблюдателя³⁴.

³³ Спросом пользуется специальная видеопродукция. Людей, например, похищают и пытают в подпольных студиях, где записывают видеофильм о пытках, агонии, смерти. Эти кассеты идут по очень высокой цене. В Англии распространением видеофильмов только о пытках детей заняты около 4 тыс. человек [168].

³⁴ Здесь можно усмотреть и влияние гипотетического отрицательного метафизического фактора. Этот план анализа автор планирует осуществить в своих будущих исследованиях по проблеме.

Особая роль в имагосфере «цивилизованной аморальности» принадлежит проекциям **массовой культуры**. Наряду с отдельными достоинствами (доступность культурных ценностей, расширение диапазона культурного поля и т.п.), она имеет выраженные отрицательные качества: тенденция к «гомогенизации» культуры на базе низших образцов, «информационная энтропия», формирование потребительской психологии [284], инфантилизация мышления, повышение внушаемости. Именно под воздействием мозаики «кусочков культуры», выхватываемых человеком из потока сообщений, население стран Запада превратилось в «огромную толпу» — объект психоманипулирования.

Понятно, что в связи со сказанным необходимо комплексное изучение указанной полифункциональности ТВ (особенно его эстетической и «развлекательно-рекреационной» функций), которое должно исходить не из установки на превращение жизни в «сплошную развлекаловку», а из установки на изображение реального драматизма человеческого существования [284, с. 77]. Б.М. Сапунов подчеркивает актуальность вопроса об архаическо-мифологическом и фольклорном наследии культуры. Поскольку ТВ — важнейшее средство формирования новой мифологии, перед ним лежит огромная ответственность за мифологемы, входящие в сознание человечества [284, с. 90]³⁵.

Перейдем к вопросу об особенностях ТВ-образов, которые могут быть использованы для воздействия на людей. Сразу отметим, что даже позитивные характеристики образов используются в психоманипулировании. Так, на заре ТВ мыслилось, что оно дает возможность изображения «подлинной реальности», «новой достоверности». Но реальность, как указывал А.Ф. Лосев, — это неповторимая форма, выражающая сущность предмета, его образ, имя, знак [200].

В этой связи ясен возможный уровень искажения действительности в телеэкранном образе. На макроуровне эти искажения будут связаны с кумулятивным эффектом характеристик самого экранного образа, особенностей образной сферы телезрителей и создателей телепродукции, в частности, спецификой их социальных представлений, издержек процесса телевизионного производства, преднамеренного воздействия на телеаудиторию. На более тонком уровне на экранные образы влияют даже едва заметные интонации, мимика, многозначи-

³⁵ Важно еще раз подчеркнуть, что любой «экранный образ», воспринятый человеком, живет в его образной сфере. Нельзя поэтому недооценивать действие образов деструктивного содержания с их непросчитанным пока психологией влиянием на человеческую душу.

тельные паузы и другие невербальные коммуникативные приемы «беспристрастного» комментатора. Монтаж безгранично расширяет возможности манипуляций с экранным образом. Можно вырезать что-то в одном месте, добавить в другом на фоне специфического комментария, применить специальные операторские приемы (например, при съемке снизу любой человек принимает чванливый вид), дать комбинацию обрывков высказываний и видеоряда (изменяющих контекст используемых слов и образов). И «итоговое целое» может не иметь с действительностью ничего общего, однако восприниматься как «объективное» отображение фактов. «Изображения на ТВ экране не есть реальная действительность как таковая: она лишь указывает на предметы, адресуемые к нам, а потому они являются знаками. <...> Оптические и иные особенности техники и субъективные позиции операторов, режиссеров, художников и др. существенно влияют на конечный результат изображения действительности или трансляцию того или иного сообщения. Опытные операторы хорошо знают цену утверждения, что телекамера сама «отражает мир». Камера снимает то, что хочет снять оператор. <...> Изображение, в конце концов, — лишь символ реальности. К тому же процесс освоения действительности не заканчивается съемкой или записью на магнитную пленку. В него включается такое важное звено, как монтаж, являющийся <...> культурно-эстетической операцией» [284, с. 51].

Известно, что текст, читаемый диктором, воспринимается как очевидная истина, если дается на фоне кадров, снятых «на месте событий» (причем даже если видеоряд не связан с текстом — «эффект присутствия» достигается). Определенным способом связывая речь и образы, можно одному и тому же тексту придать разное содержание. Можно лепить образ в прямом эфире, эффективно использовать видеозаписи из архива (не проблема, если репортаж «из горячей точки» сопровождается видеозаписью многолетней давности). Когда в 1996 г. между США и Китаем возникла напряженность в связи с Тайванем, комментарию западных телеведущих и кадры с американскими авианосцами стали сопровождаться зрелищем расстрела наркоторговцев в КНР. Видна дата — 1992 г., — но образ авианосцев, идущих на выручку, работает [168]³⁶.

³⁶ Как пример искусства телеманипулирования можно привести программу В. Познера «Времена» в связи с десятилетием октября 1993 г. Зритель увидел необычных Гайдара и Черниченко, из которых были созданы негативные образы «нехороших людей из прошлого».

Восприятие теле-видео-компьютеро-образов дает чувство слияния с «миром за экраном», одновременно изолирует зрителя от внешнего мира. Экранные образы в целом раскрывают мир за пределами непосредственного восприятия. Это могут быть «картинки нашего мира», но все чаще это расширение образного опыта происходит через иллюзорную по своей природе виртуальную реальность. Мы сталкиваемся с проблемой бегства человека в виртуальный мир.

Известно также неодинаковое влияние экранных образов разного класса на чувство пространства-времени. «Кинообразы», например, замедляют субъективное время. Актуализируя неосознаваемый психический материал, они становятся элементом непроизвольной фантазии в их компенсаторной функции. Фактически параллельно образам с киноэкрана идет «фильм» в сознании зрителя, сопровождаемый неосознаваемыми ассоциациями с подсознательными структурами. Этот момент наиболее выражен, когда человек ощущает себя в кинозале в уединении (феномен «публичного одиночества»). ТВ же «пришло к нам в дом» (В. Саппак). Даже непроизвольное «мы-чувство», возникающее у телезрителей, влияет на образную сферу каждого. Принцип диалогичности, лежащий основе телевизионного образа, не только делает образ доверительным собеседником, но и создает новые формы контактов (различных «ток-шоу», телемосты и т.п.). Но это положительные моменты теории. На практике сегодня позиция зрителя, ужинающего перед телевизором, глубоко погружает его в пространство события, делает зависимым от разрушительной информации в образе. Параллельное же выполнение домашних дел усиливает закрепление деструктивной информации на подсознательном уровне.

Вспомним, что ТВ формировалось как «достоверный информатор о событии». Классик телевизионной теории В. Саппак говорил, что вера в безусловный характер происходящего есть главный закон воздействия любой телепередачи. Сегодня же следует отметить, что именно в «чувстве достоверности телесобытия» (временная структура телерепортажа включена в настоящее время зрителя), в «эффекте присутствия» в телевизионной ситуации лежат резервы психоманипулирования с экрана. Это видно и на уровне теледокументалистики («репортажность» ТВ), и на уровне телесериалов. Последние не сходят с экранов годами именно благодаря включенности происходящего в жизнь зрителя, когда стирается граница между субъективным и объективным временем. Популярность многосерийных мелодрам связана и с тем, что телезритель через сопер-

живание утешается трагедиями героев, которые становятся близкими и домашними [284, с. 55; 314]. Влияние же героев, «вошедших в домашний круг», не требует пояснений.

Феномен «достоверности говорящего портрета» в документальном телевизионном творчестве усиливает доверие телеаудитории, что широко используется в психоманипулировании: нужная информация вкладывается в нужные уста. При этом известное ТВ-явление «рентгена характера», призванное вскрывать глубинные психологические особенности телегероя, может не сработать из-за успехов технологии создания теле-имиджей. Сегодня телевизионное творчество позволяет создавать любые версии происходящего при показе одной и той же информации. Установка на достоверность телезрелища делает восприятие событий с телеэкранов все более некритичным. То, что психоманипулятивные технологии способны эффективно использовать указанные моменты, видно на примере все более откровенного участия ТВ в «политических играх» разного уровня. Прецедент возможности создания дезинформации планетарного масштаба на примере событий в Косово — более чем тревожный сигнал. В этом контексте уместно вспомнить все сказанное о «псевдособытиях общества спектакля» — разного уровня сцены.

Если балканские события относятся к спектаклю планетарного масштаба, то телерепортаж из зала суда может вестись в любом маленьком городке с местным ТВ. Телеправда из зала суда, указывает С. Кара-Мурза — это сценарий, фабрикующий свою «правду» — телекамера конструирует реальность хотя бы уже в том смысле, что участники процесса «работают на объектив». «Судебный спектакль» через обратную связь аудитории в СМИ действует на суд. Крупный план показа лиц может возбуждать определенные чувства [168].

Особый интерес представляют экранно-образные воздействия сложной структуры, в которых присутствует и «мечтательная иллюзорность», и привязка к реальным событиям. Такие воздействия связывают неосознаваемую информацию с реальными фактами жизни. Образы, которые видела планета 11 сентября 2001 г., потрясли мир. Состоялось даже активное обсуждение темы нового периода в истории человечества. Но применительно к обсуждаемому аспекту проблемы нельзя не отметить связь данных «картинок» с семантикой образов, тиражируемых на весь мир Голливудом. В последние десятилетия его можно называть уже не только «мировой фабрикой грез», хорошо удовлетворяющей любого «зрителя-мечтателя,

но и «фабрикой мирового ужаса», формирующей активные асоциальные установки³⁷.

В базовой метафоре «американской мечты» (*American Dream*) заметны серьезные для психологии социального восприятия моменты — иллюзорность образа мира, который так или иначе присутствует в индивидуальном, групповом сознании и коллективном бессознательном американской нации. «Американская мечта» в силу своей неадекватности реальности (что ясно из самого термина), естественно, оказалась неспособна противостоять более адекватным действительности образам деструктивного содержания, циркулирующим в том же «имагосферном поле». Порождаемые и тиражируемые десятилетиями апокалиптические образы сработали. В каком-то смысле можно утверждать, что 11 сентября некоторые из них актуализировались и материализовались. Другие же тиражированные образы способны запустить «эффект бумеранга в магии воображения».

Хотелось бы избежать аналогии с известной идеей Т. де Шардена, согласно которой все человечество вынуждено выражать себя в европейских терминах, т.е. применительно к нашему времени это означает совершенно правомерное желание людей избегать перспективы самовыражения в образах, созданных на «фабриках мелодраматических грез и апокалиптических видений», тем более, что образы кино-телевизио-интернета создаются, согласно архетипическим сценариям и мифологемам американского образца. В частности, многие образы связаны с такими темами, как «герой американского мессианизма», «заговор против демократии» и др., неактуальными для архетипов других культур. «... Огромные водопады притягивают к себе людей со слабой психикой; у них появляется необъяснимое желание броситься в водопад, как бы отдаться роковой волне — так взгляд змеи завораживает и притягивает к себе зверьков. И здесь (у экранов телевизоров) мы видим нечто подобное — бегство в болезнь, в хаос, в бездушие. Характерный сюжет фильмов — завоевание земли инопланетянами: груды трупов, взрывающиеся здания. Здесь неосознанное чувство души как бы облекается в символы и образы, это — прозрение того, что земля завоевана демонами, пришельцами из того неведомого мира, из тех темных бездн, которые мы называем адом и преисподней.

³⁷ Мы уже обсуждали вопрос о связи переживаний людьми травматического опыта с воспроизведением стрессогенных сцен из фильмов. Вспоминаемое из жизни комбинируется с памятью на фильмы и с фантазиями. Это усиливает влияние на жизнь человека его образной сферы.

Это — ощущение того, что некуда бежать, что сверкающие электрическими огнями города — ловушка, в которую загнали людей, огромное кладбище духа» [25, с. 122].

ТВ максимально успешно реализует все те позиции психоманипулирования, о которых уже говорилось и которые будут затронуты в других разделах. Подчеркнем, однако, две следующие позиции.

*Создание моделей для подражания на основе внушения*³⁸. При трансляции образов насилия, жестокости, порнографии и т.п. через механизм подражания зрители подталкиваются к освобождению от нравственных запретов. Это облегчается и тем, что «герои с экрана» являются эталонами-кумирами — они «кино- телезвезды». Многие преступления совершались именно в подражание им. Можно обсуждать, насколько влияют подобные образы-модели. Но они не могут не влиять уже в силу неразрывности отражающей и регулирующей функции образной сферы личности, содержащей следы от ТВ-образов. Самый сильный удар «теленасилие», призывающее к подражанию, наносит по детям³⁹, которые воспринимают телесобытия как реальные⁴⁰.

ТВ внушение ослабляет волю и внимание; гипнотическое состояние повышенной ТВ внушаемости возникает ввиду того, что усталый человек смотрит телевизор после работы в состоянии расслабленности, причем часто в темноте. Кашпировский, в частности, подтверждал, что внушаемость с экрана многократно увеличивается. Дефицит нормального человеческого общения усиливает эффект: человек как бы раскрывает «ящичку» душу, и тот наполняет его определенными

³⁸ У Бехтерева внушение прямо связывается с психоманипуляцией, поскольку представляет собой вторжение в сознание человека идей, чувств, без непосредственного участия в этом акте Я человека. Заметим, что гипноз в православной терминологии можно определить как «тонкий сон», наводимый демоническими силами, которых вызывает гипнотизер особыми методами (старцы Оптиной пустыни о гипнозе [314, с. 6]). В целом исцеление с помощью применения гипноза понимается как вид колдовства.

³⁹ Вот примеры из Европы и Америки. 1) Трое подростков, воспроизводя увиденное по телевизору, натягивают через улицу ленту и наблюдают, как она перерезает горло мотоциклисту. 2) Группа 5–6-летних детей забивает насмерть подружку, в игре представлявшую черепашку-нинзя (черепашку все били в последней телепередаче). 3) Малолетние приятели наказали сверстника, выбросив его с 12-го этажа [168, с. 267].

⁴⁰ В экспериментах А. Бандуры показано, что после наблюдения агрессивных сцен (воочию и по ТВ) нормальные дошкольники также начинают вести себя агрессивно, причем дополняя поведение фантазией.

образами. «Человек находит на экране свой идеал, своих кумиров, как бы созвучных его индивидуальности и начинает им подражать, следовать их жизненным принципам. Более того, «анонимность человека перед телеэкраном позволяет ему в той или иной мере удовлетворять свои низменные чувства» [314, с. 10].

Телегипноздействие усиливается: а) использованием привлекающего внимание видеоряда со звуковым сопровождением (видеопьютерные спецэффекты); б) нужными стоп-кадрами; в) прерыванием фильмов на трагическом или интересном месте для стимулирования ожидания продолжения; г) подпороговым воздействием; д) настройкой к восприятию или блокированию определенной информации музыкой; е) планированием последовательности подачи информации (важная информация часто предваряется информацией незначимой).

Телевизор ухудшает энергетические характеристики пространства (специалисты говорят о сложном характере такового излучения, принося к нему даже термин психотронного)⁴¹.

Другие экранные манипуляторы

Видеопродукция. Относительно данных экранных образов (на касетах, СД дисках и т.п.) можно сказать все то же, что было сказано о воздействии ТВ. Однако влияние видеопродукции, возможно, меньшее в силу ее невключенности в систему телевидения, в его энерго-информационно-полевое воздействие. Относительно видеопродукции к тому же есть такой положительный момент, как возможность выбора материала для просмотра. Это позволяет, как минимум, соприкоснуться с образами нравственного содержания, а также способствует развитию творческого потенциала личности и накоплению положительных знаний о мире. Ситуация с подбором каналов на кабельном ТВ в принципе аналогична, хотя и требует дополнительного исследовательского внимания. Сделаем ряд комментариев, например, в связи с мультфильмами, которые составляют весьма

⁴¹ Е.А. Файдыш предлагает простой способ убедиться в этом: настроиться на программу, где много рекламы, оставить телевизор включенным и уйти из квартиры на час. По возвращении, человек ощутит ухудшение энергетической квартиры (появилась сонливость, настроение ухудшилось). Таким же образом можно проверить влияние игровых телеприставок и рекламных видеоклипов.

значительную часть видеопродукции на различных информационных носителях⁴².

Есть все основания сделать вывод, что именно зарубежные мультфильмы привели к искаженному поведению дошкольников (естественно, это искажение усиливается ТВ, увлечением компьютерными играми, давая суммарных синергетический эффект). Все чаще можно видеть сочетание сильной скованности, застенчивости, недоразвитости речи (за 20 лет увеличилось число детей, которые могут воспринимать только зрительную информацию) с сильно выраженной демонстративностью поведения и дикими выходками «цветов жизни» (нарочитое кривляние, неприличные жесты, выражения⁴³ и т.п.). Это легко объясняется: дети в силу особенностей детской психологии повторяют то, что видят на экране, однако подобное подражание противоречит психологической природе ребенка. При общении с детской аудиторией следует особо помнить известные слова Бандуры о том, что телевизионная модель поведения может стать предметом подражания для миллионов. Даже простое перенимание злобной мимики (подражание ей) не может не влиять на душу и поведение по известным психо-соматическим закономерностям. Подражание герою мультфильма — это ломка к тому же чего-то естественного в себе. Мультфильмы через сильное воздействие на фантазию дают нетрадиционные для детей установки и модели поведения. Но главная проблема в том, что дети как бы самопрограммируются на такое саморазрушение. Процесс запускается с началом просмотра, и в итоге они отказываются смотреть отечественные мультики, несущие образы добра и нравственной пользы (любят боевики и даже «чернуху»). Психологи показали парадоксальный факт: дети даже из обеспеченных семей являются в определенном смысле недоразвитыми. Заложенное в отечественных мультфильмах оказывается недоступно им. Лишь после занятия с психологом дети возвращаются к естественному детскому восприятию мира и с интересом смотрят наши мультики, рассчитанные на такое восприятие.

⁴² В основу положено интервью с руководителем Центра коммуникативных исследований ИСЭПН РАН Натальей Ефимовной Марковой, которая занимается изучением воздействия на детей и подростков различных СМИ («Первый и последний» 2004. № 9 (25).

⁴³ Так, в мультфильмах про Симпсонов сын называет мать старой потаскухой. Вообще надо подчеркнуть, что типичным является «тонкое и прикольное глумление» над старостью, болезнью.

С позиций психоанализа ясно, что западные мультфильмы эксплуатируют садо-мазохистский комплекс. Ребенок научается испытывать наслаждение от вида боли другого. Поток сцен насилия приводит к фиксации на агрессии и к следованию усвоенным моделям поведения. В традиционных мультфильмах не смаковались подробности убийства (богатыри просто побеждали драконов). Показательно, что один из самых разрушительных образчиков для подражания — «покемоны», их название весьма значимо: «карманные чудовища» (pocket monsters). Понятно, почему эти мультперсонажи стремятся уничтожать друг друга. Идентифицируясь с тем, кто убивает других, ребенок усваивает агрессивные модели поведения и переживания, причем вместе с чувством торжества и победы. По проложенному руслу в эмоциональной сфере начинают двигаться все чувства ребенка. Мультфильмы подобного типа, возводящие садизм в эстетическую категорию, можно рассматривать как новейшие технологии психоманипулирования. Известный сериал о «телепузиках» эффективно возвращает в детях высочайшую степень демонстративности поведения, закладывает порочные наклонности и подталкивает к аморальным действиям. На основе задаваемых с экрана примеров дети начинают делать то же со сверстниками. Шокирующие действия подаются как элемент объяснения ребенку значения слов⁴⁴. Телепузики хорошо работают и на дебилизацию ребенка. Используется, в частности, такой прием, как демонстрация многократно повторяющихся мультипликационных вставок с идеей некоего медленного действия или его остановки (например, медленное шествие зверей, медленный ход кораблей, замирание на ветках птиц и т.п.). Подобные моменты приучают детей к гипнотической тяге к экрану и некритическому восприятию информации. Именно с «телепузиков» начинается создание телеидеота, который будет сидеть у телеэкрана с открытым ртом и заглатывать любую информацию. Показательно, что ребенок впадает в бешенство, когда родители пытаются выключить приемник (эта реакция сродни отлучению от наркотика). Телепузики растормаживают половые влечения, поощряют смену пола (телепузики одобряют переодевание

⁴⁴ В обсуждаемой статье приводится пример объяснения слова «украшение», которое подается в разных контекстах, в том числе «украшение» оказывается в зад у телепузика, т.е. у ребенка останется образ-мысль, что в зад другого человека можно что-то втыкать. Подобные представления закладывают определенные темы в сферу влечений, нарушают культурных табу, что особенно недопустимое в православной культуре.

в платица). Еще один выделяемый отрицательный момент связан с тем, что телепузики внедряют невосприимчивость к опасности или даже приучают нарываться на опасность, моделируя рискованное поведение. Принципы недирективной педагогики неуместны: ребенок делает своей якобы свободный выбор нередко между жизнью и смертью, здоровьем и болезнью. Так, в ответ на реплику «Пора спать!» телепузики прыгают к люку, внутреннее пространство которого ассоциируется с уютным домом; образ люка становится положительно окрашенным, и многие в жизни могут последовать любимым персонажам. Или телепузик катается на качелях. За кадром говорится: «ляля качается». Потом телепузик падает, встает и опять качается, а голос фиксирует эти моменты. В итоге в образе фиксируется «безпроблемная» связь качелей и падения с них, которая в реальности может породить произвольное движение и падение с действительными опасными последствиями.

Просмотр многих других мультфильмов ведет к недоразвитости детей. Например, «Бивис и Батхеда» появились на международном телеканале MTV, внедряющем ценности рок-секс-наркокультуры. Это были первые персонажи, которые стали приучать аудиторию к диким моделям поведения.

Очень неслучайны внушаемые с телеэкрана ненависть к младенцам, установка отвращения к детям, которые становится понятны с точки зрения глобальной программы «планирования семьи». В сериале «Ох, уж эти детки», например, младенцы представлены омерзительными существами, вытворяющими жуткие пакости. И нет ничего удивительного в том, что дошкольники переносят свои вынесенные с экрана чувства на реальных младенцев вокруг (последних можно избить, покалечить, ибо это «такие же чудовища»). Примерами деструктивности могут выступить цинизм и черная неблагодарность подростков (например, «Американский пирог»). В «Улице Сезам» программа девиантного поведения закладывается через уродливых, отвратительных, тупых и злобных персонажей.

Интернет. По поводу «мировой паутины» существуют противоположные мнения. Интернет объединяет мир, с восторгом говорят одни. Он дает новые уникальные возможности доступа к информации (например, через электронные библиотеки), информационного обмена на разных уровнях (сайты организаций и социальных групп, индивидуальные web-странички), научного (телеконференции и т.п.) и личного («чат») общения. С другой стороны, очевидны и отрицательные стороны. Достаточно уже того, что сам термин «мировая паутина»

вызывает далеко не светлые ассоциации. К отрицательным аспектам следует отнести возможность образных потоков дезинформации (созданных как по незнанию/невежеству, так и умышленно) и продукции больного воображения и психики в целом. С. Кара-Мурза указывает, что в Интернете пока преобладает «демократия шума» с малой дозой реального диалога. Особая отрицательная роль Интернета видится в создании виртуальных реальностей, отчуждающих человека от реального контакта с миром. А.И. Неклесса справедливо указывает, что виртуальная реальность в значительной мере автономна от действительности и в то же время параллельна ей в мифологизированной внутренней информационной реальности [74, с. 118]. Отмечены также претензии и способность виртуальных реалий внутреннего мира личности на интерпретацию внешних событий «на равных» (причем борьба за эти права все более расширяется по мере развития новых технологий), а также на создание самих этих событий через материализацию образов, данной интерпретацией порождаемых (в контексте регулирующей функции образной сферы человека). Интернет-общение усиливает и ускоряет разрушение естественных связей между людьми: новые отношения не дают людям того психологического эффекта, который возникает при непосредственных контактах⁴⁵. Показано, что каждый час использования Интернет в неделю в среднем сокращает прямые личные контакты пользователя на 2,7% и увеличивает на 1% его «депрессивный потенциал» [168].

Экран компьютера, подключенного к Интернету, является дверью, открывающей виртуальные пространства⁴⁶ (эффект сильнее, чем в случае телевизора). В компьютерных виртуальных пространствах (на основе Интернета, видеоигр, записей на CD-дисках) имеют место воздействия архетипической символики, в том числе деструктивного содержания (символы зла). Ряд авторов подчеркивает опасность «информационного компьютерного инфицирования», вероятность которого возрастает

⁴⁵ Интернет-общение — что-то среднее между телефонным звонком и просмотром кабельного телевидения [171]. В то же время не видевшему солнца и моря невозможно объяснить, что это такое. Поэтому трагедия будущих поколений сегодня ясна и может быть выражена перефразированием известного словосочетания — «дети Интернет-земель».

⁴⁶ В Интернете хорошо выражен «виртуал брендинг». У каждого брэнда есть свои новости, свои предложения в связи с мироощущением. Связь с брэндом транснациональных корпораций действительно выступает дополнительным выходом в пространства специфических ценностей.

с увеличением времени, которое человек проводит за компьютером за играми, в Интернете [330; 331].

Видеоигры не отстают от создания своего собственного разрушительного образного потока, который также продолжает существовать в душе человека на уровне образов памяти или неосознаваемой информации. В играх активно и добровольно преступаются моральные нормы, нормальные действия сопровождаются девиантными. Сама игровая зависимость выступает формой наркозависимости. Компьютерные игры еще в большей мере, чем мультфильмы, воздействуют на фантазию с ее обширными «подвалами» и еще более прочно задают нетрадиционные для детей установки и модели поведения. Это происходит за счет соединения пассивного отражения экранного образа с активным зрительно-моторным участием в игровой деятельности. Активность-реактивность, произвольность-непроизвольность психического отражения-регулирования получают в видеоиграх свое максимальное выражение. Говоря об их особой деструктивности, надо заметить, что дело не только в том, что содержание большинства видеоигровых образов известно: насилие, агрессия, аморальные чувства, — и что задаваемые эмоциями модели поведения прочно впечатываются в душу. Отрицательным моментом выступает уже подчеркнутая идея самой виртуальности видеоигр (к ним применимо все, что говорится о виртуальных реальностях вообще). Не без последствий остается даже такой момент, как взятие псевдонимов — псевдоимен, влияющих на личность. К видеоиграм имеет отношение многое из того, что говорилось об использовании субсенсорных информационных воздействий и символики. В видеоиграх сохраняется и обозначенный феномен гипотетического метафизического влияния. Показательно, что многие православные священники могут «на глаз» определить, увлекается ли ребенок видеоиграми или нет.

Все сказанное о влиянии экранных образов различного класса подводит нас к необходимости специального исследования данного вопроса. Такой анализ должен касаться содержания, способов технического создания и связанной с ним формы существования образов. Изучению подлежат типы личностей, по-разному подверженных манипулированию экраном.

10.1. ОБРАЗНЫЙ КАНАЛ РЕКЛАМЫ

Как частное лицо я обожаю смотреть по сторонам, любуясь открывающимися видами и пейзажами, но я еще никогда не видел, чтобы рекламный щит украшал пейзаж. Там, где все вокруг радует глаз, человек совершает отвратительную мерзость, воздвигая рекламный щит посреди этого великолепия. Когда я уйду в отставку ..., я обязательно создам тайное общество, члены которого будут путешествовать по миру на мотоциклах и по ночам, при свете луны, крушить рекламные щиты. И кто из присяжных осудит нас, если однажды мы сознаемся в совершении этих полезных для общества деяний?

(Дэвид Огилви, основатель рекламного агентства)

Очевидно, что использование образов в рекламе создает потребности людей. Об этом свидетельствуют многочисленные книги по психологии рекламы. В целом исследователи согласны, что реклама имеет две стороны. С одной стороны, без нее не обойтись, поскольку она, выступая гидом в мире товаров и услуг, подсказывает много полезного. Реклама в принципе способна воспитывать эстетические потребности, что она пыталась делать в социалистических странах¹. С другой стороны, реклама — это мощное разрушительное психологическое воздействие. «Рекламные образы» усиливают нравственно-ущербные антидуховные ценностные ориентации и потребительские

¹ В.В. Усов и Е.В. Васькин [329] говорят о положительных моментах в социалистической рекламе, которые могли бы учитываться в преодолении негативных тенденций современной рекламы.

установки современного человека. «Буржуазная реклама, справедливо заслужившая эпитеты «лживая» и «оглупляющая», еще в начале нашего века была причислена английским писателем Джоном Рескином наряду с наркотиками и шарлатанством к разряду «черной магии» [329, с. 10]. Действительно как не вспомнить о рекламных трюках²!

Словарь Брокгауза и Эфрона дает следующее определение рекламы: «Реклама — объявление о продаваемых товарах или предлагаемых услугах с целью привлечь потребителей расхваливанием, часто преувеличенным, качеств товара». Другие определения реклама подчеркивали «искусство внедрения единственного в своем роде потребительского мотива в головы наибольшего числа людей» (Р. Ривз), «планомерное воздействие на человеческую психику в целях вызвать в ней возможно полную волевою готовность купить объявленный предмет» (Т. Кениг). Реклама определяется и как платное предложение, исходящее от лица или организации в печатной либо звуковой форме, направленное на формирование общественного мнения или взглядов отдельных людей [329, с. 100]. Ф. Энгельс высказывался так: «... первым правилом в торговле является умалчивание, утаивание всего того, что могло бы понизить цену данного товара. Отсюда вывод: в торговле дозвоительно извлекать возможно большую пользу из неосведомленности, доверчивости противной стороны и равным образом дозвоительно приписывать своему товару такие качества, которыми он не обладает. Словом, торговля есть узаконенный обман. Этим и определяется идеологический смысл и направленность капиталистической торговой рекламы, ее формы и метода». А. Веригин в 1898 г. писал: «Реклама, как сила, совершенно безразлична к тому, чему она служит. Ее цель — обратить внимание возможно большего числа людей на тот или иной факт, на ту или иную мысль, на то или иное лицо. В зависимости от того, что именно проповедует, и может решиться вопрос о ее пользе или вреде. В одном случае она может явиться благодеянием, в другом — бедствием» [187, с. 10].

В рекламной деятельности изучается текущая мотивация в отношении потребителя к рекламе и к рекламируемому товару, механизмы психологического воздействия для привлечения внимания и формирования желания купить, создаются методы психологической обработки покупателя, адресность рекламного воздействия на различные группы населения, для чего выделяются типы рекламы и типология

² М. Вебер, кстати, писал, что конкуренция должна быть основана лишь на добротном качестве товара, а не на умении соблазнить покупателя.

социально-психологических установок потребителей. Нужен обмен образами между рекламодателем и потребителем. «Главная психологическая ошибка многих специалистов в области рекламы состоит в проекции собственных психологических установок, вкусов, ценностей, взглядов на рекламу продукции» [187, с. 38].

Исследуется и роль психических процессов при восприятии рекламы, поведение (осознанное и неосознаваемое) покупателя, определяемое решениями о покупке товара под воздействием рекламы [187]. Изучение эмоционального компонента восприятия рекламы позволяет, например, лучше понять отношение к товару. Реклама, создающаяся без учета эмоциональной реакции потребителя, способна вызвать негативную реакцию. Здесь можно говорить о глубинных уровнях анализа вопроса, психоаналитических закономерностях функционирования образов в рекламе [263]. Однако не будем забывать, что углубление в подсознание потребителей упирается в нравственные вопросы. Использование «инстинктивно-организмических» слоев психики подпитывает низменное в человеке через разжигание «блуда души» в широком смысле³. Не случайно на духовном уровне формирование потребности в вещи отождествляется с наслаждением ею, и истинная духовность человека затягивается миром вещей как болотом. Знания о когнитивных процессах, о закономерностях восприятия, внимания, памяти, мышления помогают исследовать механизм принятия решения о покупке. Отметим, однако, странный момент: роль уровня представлений в исследованиях специально не оговаривается. Но именно изучение образной сферы личности, а не отдельных психических процессов и функций в восприятии рекламы, т.е. целостный образ-представление в единстве его когнитивного, эмоционального и поведенческого компонента должен стать важнейшим моментом в исследованиях по психологии рекламы. Роль образной сферы следует изучать относительно всей структуры «рекламного канала» при учете: 1) представлений рекламодателя, 2) образа положительный качеств товара на основе взаимодействия индивидуального видения различных категорий производителей рекламы, 3) образа, транслируемого по СМИ и другим каналам, 4) восприятия рекламного образа потребителем.

³ Показательно, что даже юмором в рекламе нужно пользоваться крайне осторожно [187] (это согласуется с предостережением от «бесовского смеха», которое мы находим в святоотеческой православно-христианской традиции).

Реклама сегодня превратилась не только в мощный механизм создания искусственных потребностей. Она стала проводником интересов монополий и «сетевых сообществ» с их идеологией и мифологией. Этому способствует акцент на способности вещи выражать социальное положение ее обладателя. Человек начинает считать, что без определенных товаров и услуг он принижен в глазах окружающих. Реклама незаметно для человека участвует в формировании и более важных моментов — мировоззрения, нравственных принципов, ценностных ориентаций. Люди же, как правило, не признают этого [187, с. 59]. Здесь важно не считать потребителя глупым и безнравственным, но, с другой стороны, учитывая, что степень «зомбирования рекламой» уже достаточно высока, игнорировать этот момент нельзя. Приведем две цитаты. «Ориентируясь на психологические механизмы поведения потребителя, реклама стала как бы вбирать в себя все его желания, наклонности и даже мании. В таком виде она уже перестала быть только средством информации». «Капиталистическая реклама стремится влиять на жизнь людей, их суждения. Она внушает, что основой общественного мнения о человеке является то, какими благами он пользуется, насколько верно следует изменениям моды и стереотипам поведения. ... Воздействуя таким образом на чувства человека, реклама формирует мещанскую психологию, алчность, страсть к приобретательству» [329, с. 38, 35].

По рекламе можно судить о состоянии нравственности общества. «Кодекс норм рекламной практики Международной торговой палаты в Париже» содержит положения о необходимости благопристойности, честности, ответственности, недопустимости очернения или эксплуатации доверчивости детей и т.д. Но как справедливо замечают специалисты [187, с. 85], ничего не говорится по такой теме, как *политики в рекламе*. Они приводят примеры оскорбления политических установок граждан и подчеркивают, что реклама, использующая политические аналогии, может стать причиной разжигания социально-политических конфликтов. Об этом должны помнить и заказчики, и производители, и потребители рекламы.

Итак, в психологии рекламы следует особо выделять два отрицательных момента.

Реклама как психопрограммирование. Относительно этого момента отметим один парадокс: «Мы лучше воспринимаем и больше доверяем не той рекламе, которая явно пытается воздействовать на нас, а той, которая, казалось бы, только информирует. Возможность выбора при восприятии рекламы иллюзорна. Но хорошая реклама

обязательно такую иллюзию создает. Она убеждает вас, что вы сделали этот выбор сами и что он является единственно правильным» [187, с. 68]. «Использование рекламой массового психопрограммирования, — пишут В.В. Усов и Е.В. Васькин, — позволило предпринимателям навязывать покупателю товары без затрат капитала на улучшение их качества или вынуждать человека на заранее определенные решения и поступки, минуя его сознание. Иррациональные мотивы приобретательского отношения к жизни, внушаемые населению, способствуют превращению материального благополучия и потребления в основу человеческих стремлений» [329, с. 39].

Следует обратить внимание на неоправданное копирование рекламного зарубежного опыта. Еще в 1898 г. А. Веригин писал о том, что опыт рекламного дела в Америке может быть применен в России лишь с большими оговорками. И это подтвердилось в конце века. Подтвердился, в частности, сделанный специалистами прогноз о том, что потеря российской рекламной специфики (американизация сознания русского человека через рекламу) приведет к тому, что русский человек почувствует себя чужим в своей стране, перестанет быть русским [187, с. 5].

Поскольку любой товар имеет образ, представляющий и владельца, и производителя товара, главным становится «рынок образов». Он диктует свои законы, и продавец образов, например, телекомпания стремится приковать внимание зрителя к своему каналу. Для эффективности рекламы неважно, вызывает ли она положительную или отрицательную реакцию. Надо, чтобы информация осела в подсознании. Так возникла «раздражающая реклама», подсознательное влияние которой тем больше, чем сильнее она возмущает людей⁴ [168, с. 174]. В связи с этим следует вспомнить «сублиминальное» воздействие образа в рекламе средствами кино (Вайкери) и другие сходные по влиянию на подсознание технические приемы. Но заметим, что отсутствие специальных технических воздействий на подсознание потребителя (официально использование подпорогового воздействия на сегодня запрещено в рекламе) может быть успешно скомпенсировано. Известно, что сознания достигают сигналы, которые по силе и продолжительности превышают некоторый порог восприятия. Слабые и краткосрочные сигналы оседают в подсознании. Поэтому простое частое

⁴ Известен такой случай: фирма утроила оборот, когда в рекламе рубашек вместо красивого улыбающегося мужчины в рубашку был одет мрачный, кривой на один глаз тип [168].

повторение неких образов создает устойчивое представление о высоком качестве товара. При виде известного брэнда человек не сомневается, что перед ним хорошая вещь. Особенно усиливают зомбировочное действие рекламы совместное действие ТВ и рекламы. Сознание беззащитно перед комбинацией рекламы с «объективным» телерепортажем. Репортаж создает инерцию «доверия», которое распространяется на идущую вслед за ним рекламу, а реклама эмоционально готовит почву для восприятия идей, заложенных в «бесстрастном и объективном» репортаже. Действие рекламы усиливается и тогда, когда она увязывается с информационными сообщениями (особенно в политических кампаниях). Реклама убеждает зрителя в правдоподобности новостей, которые, в свою очередь, усиливают эффект рекламы⁵. Другой прием — реклама, разрывающая ткань телепередачи или кинофильма⁶, когда в ней широко используются нужные стереотипы, страхи (часто подсознательные⁷), социально табуированные образы⁸. Перечень образов, обостряющих интерес к низменному, к сожалению, все время расширяется.

Реклама как виртуальная реальность. Реклама, подчеркивает С. Кара-Мурза, создает изобилие образов, которые разжигают у человека желание приобщиться к изобилию вещей и возможностей,

⁵ Осуществляя подобное, ТВ, по меткому сравнению С. Кара-Мурзы, превращается в «особую спецслужбу», ведущую войну против сознания соотечественников [168].

⁶ В начале 1990-х в Италии был введен запрет прерывать рекламой фильмы категории «высокохудожественные». Показательно, что удаление рекламы с экрана всего на полтора часа породило правительственный кризис [168, с. 261].

⁷ Психологи, изучавшие скрытые страхи в период Второй Мировой войны, пришли к выводу, что американцы испытывают потребность в предметах, служащих символом безопасности и стабильности. Это было использовано в рекламе холодильников [168, с. 143].

⁸ Простая порнография и насилие приелись. Сегодня ищутся (и не только в рекламе) такие социальные табу, которые можно было бы нарушить образными решениями. С. Кара-Мурза приводит пример с одним режиссером, который включил сюжет с инцестом брата и сестры для «атаки на последнее табу», а также ссылается на откровение одного западного телепродюсера, который сказал, что рынок заставляет его искать и показывать мерзкие сенсации. Какой смысл, например, показывать священника, который учит людей добру; а вот если где-то священник изнасиловал малолетнюю девочку, а еще лучше мальчика, а еще лучше старушку, то это вызовет интерес.

хотя бы на уровне фантазии, мечты. Мир рекламы — это «наркотизирующий воображаемый мир. <...> Люди образуют *общество спектакля* в чистом виде — они знают, что живут среди вымышленных образов, но подчиняются его законам» [168, с. 260]. Действительно, поражает то, как создается виртуальный образ «счастливого, свободного, деловито строящего новый мир» человечества при всем том, что на самом деле имеет место в социально-политической реальности как в нашей стране, так и в мире в целом. Поэтому даже пассивное созерцание рекламы уже способно разрушать здравый смысл и мышление людей (особенно подростков) и стимулировать агрессивное и аморальное поведение (по всем направлениям действий страстей). Реклама «сладкой жизни» — это пропаганда той «*похоти плоти, похоти очей и гордости житейской*», о которой говорится в Евангелие. В какие только «картинки» не облачается, например, лозунг «бери от жизни все», который проникает в души людей и развращает их тотальной безнравственностью, социальным дарвинизмом, идеалами материального обогащения «во что бы то ни стало», в том числе и «за счет других». Всегда надо помнить главное: реклама утверждает новые ценности.

Особую роль в виртуализации мира рекламой имеет современный **брэндинг**. Прекрасный анализ данного психоманипулятивного феномена можно найти в книге Н. Кляйн [171]⁹. Воспользуемся ее основными позициями.

Теоретики менеджмента свидетельствуют: на рынке товаров выигрывает тот, кто прежде всего создает не товары, а яркие образы, убедительные идеи, ценности¹⁰. Брэнд можно понимать как некое устойчивое «образное решение» сущности транснациональной корпорации в ее борьбе на рынке глобального уровня и многоаспектном идеолого-экономическом и социально-политическом влиянии на мир. Реклама тиражирует этот образ, постоянно обновляя его, стараясь

⁹ Наоми Кляйн является специалистом по экономическим и социальным последствиям глобализации и становления, по антикорпоративному движению в различных странах мира. В 2000 г. редакция газеты «The Guardian» номинировала ее книгу «NO LOGO» на звание «лучшей книги года», а в 2001 г.в Канаде эта книга получила престижную награду National Business Book Award и была признана лучшей деловой книгой года.

¹⁰ Показательно, что многие известные компании покупают товары и продвигают их под своей торговой маркой.

захватить новые пространства для его распространения¹¹. Для оценки меры психоманипулятивности брэдинга полезно осознание того, что в насаждении своих брэндов корпорации в глобальном масштабе внедряются во все сферы общественной и частной жизни, влияя на сознание людей, особенно молодежи, вмешиваются в процессы развития национального самосознания, разрушая его. Поскольку «глобализация рынка» и сопутствующая ему гомогенизация желаний людей направлена на устранение национально-культурной специфики в мире, один из главных принципов брэдинга призывает: «Заставь мир впитывать твою культуру и говорить на твоём языке». Это поможет глобальным корпорациям продавать свой «образ-товар» везде.

В эпоху первых маркетинговых кампаний (вторая половина XIX в.) реклама информировала людей об изобретениях, убеждала, что жизнь станет лучше, если пользоваться, например, электричеством. Постепенно рынок был наводнен одинаковыми, трудно отличимыми друг от друга товарами. Товарное однообразие подтолкнуло к созданию индивидуального образа. Появились корпоративные логотипы, товарные знаки и торговые марки, призванные вызывать доверие и нейтрализовать тревожность, вызываемую незнакомыми товарами в стандартной упаковке. Брэнд обратился к чувствам потребителей, помогая для этого корпорациям «найти свою душу». Так General Motors превратилась во что-то «очень личное, теплое»; GM стали инициалами друга¹². К середине прошлого века брэнд был уже не просто запоминающимся слоганом или красивой картинкой на этикетке. Он сделал компанию индивидуальностью, запечатленной в образе-бренде. Специалист же по рекламе стал «властелином умов». Расходы на брэнд-рекламу становятся инвестициями компании в себя. Темпы роста расходов на рекламу в мире превышают темпы роста мировой экономики. Потребители все более явно покупали уже не товары, а подобные образы (это, пожалуй, можно считать одним из первых шагов в виртуальный мир из мира

¹¹ Ясно, что чем больше в мире рекламы, тем агрессивнее должны быть брэнды, чтобы выжить, тем более необходим поиск новых областей для расширения брэнда и отслеживание «веяния времени» для сохранения резонанса с аудиторией. Типичным стало кооперирование брэндов, использование их в новых категориях товаров и услуг.

¹² Рекламные ролики General Motors стали строиться на сюжете о священнике, аптекаре или сельском докторе, которые ездят на автомобилях GM, благодаря чему им удается «вовремя добраться до постели умирающего ребенка».

реального). Брэндинг имел и свой кризисный момент (1993 г.), что важно для понимания сущности феномена¹³.

Показательно, что ведущие позиции заняли брэнды, у которых корпоративная идеология была связана с мировоззренческим измерением: предлагаемое на рынке должно преподноситься как концепция нового стиля жизни. Такие «брэнды высшей категории» начинают задавать культурные модели, жизненную позицию. Так, Nike «обогащает жизнь спортом», «хранит магию спорта». IBM продает «готовые решения для бизнеса». Swatch убеждает перейти на свободное от временных зон «фирменное время Интернет». Starbucks преподносит себя как «уютное альтернативное безликому пространству место», где утонченные люди могут наслаждаться кофе и взаимопониманием. Н. Кляйн подчеркивает, что **брэнд стал образом жизни, ценностной мировоззренческой позицией**. Однако при этом он **превратился в агрессивный вирус, запущенный в культуры других народов**¹⁴. Власть брэндов стала все более явно проявляться в воздействии на государственную политику стран, в которых расположены экспортные зоны. Брэнд служит пропаганде в разных сферах жизни — в искусстве, в общественной жизни, спорте, образовании и др. Возникает идея полностью приватизированных брэндом пространств (кварталов и городов), что лишает приютившую его культуру собственной ценности. Агрессивный характер психоманипулирования на основе брэндинга проявляется в принципе *транслировать и распространять «смысл» своего брэнда любыми средствами*. Психоманипулятивный аспект брэндов усиливается пиаром спонсорством корпораций. В то же время брэнды пытаются обезопасить себя от обвинений в том, что они, по су-

¹³ Стремление к тотальной экономии, характерные для начала 1990-х годов, потрясли рынок глобальных брэндов до самого основания. Люди стали обращать больше внимания на цену товара, нежели на престижный имидж марки. Благополучно пережили данный период те компании, у которых во главу угла был поставлен сам брэндинг (например, Nike). Все в корпоративной культуре этих компаний служило рекламе их имиджа: лексикон для описания должностей сотрудников («игроки команды», «члены экипажа»), корпоративные гимны, фанатичное внимание к фирменному стилю.

¹⁴ Достаточно сказать, что одна из популярных брэндинг-тематик, способствующая личностной деформации, — *гомосексуализм*. «Меньшинства» — объемные рыночные ниши, на которые нацелены брэнды. С нестабильностью половой принадлежности заигрывают все подряд. Calvin Klein объясняет, что пол не более чем умозрительная абстракция, трансвеститы выступают моделями в косметических фирмах и пр.

ти дела, продают миру единообразие и одинаковость¹⁵. Хотя это трудно, ибо современный глобализм-проект имеет оппонента в лице национальных традиций. Н. Кляйн указывает на закономерность: по мере того как все больше компаний стремится стать всеобъемлющими брэндами, под сомнение ставится даже идея существования автономного общественного пространства.

Важный аспект анализа феномена связан со связью *брэндинга* с *СМИ, теле- киноиндустрией*. Так, оригинальность MTV состоит в том, что зрители смотрят не конкретные передачи, а «просто MTV»¹⁶. Брэндинг как творец виртуала и как один из главных манипуляторов мировоззрением людей усиливается самым активным в нем участием звезд — кино, ТВ, спорта, деятелей науки и пр., что создает канал для проведения политико-идеологических и социально-экономических идей/интересов/проектов (см. материалы последующих разделов). В кино с помощью «звезд» делаются фильмы как «фирменный брэнд-продукт». Сами же «звезды» часто создаются и тем более продвигаются через брэнды, а потом сами служат средством для усиления брэндов.

Согласно корпоративной мифологии, Nike стала компанией спорта и фитнеса, потому что ее создала кучка чудаков, фанатично преданных спорту и поклонявшихся спортивным звездам. На самом же деле сработали следующие принципы: 1) группа избранных спортсменов превращается в суперзвезд голливудского образца¹⁷, которые ассоциируются с чистой идеей спорта, с греко-римским идеалом мужского тела; 2) найковская команда таких суперзвезд противопоставляется

¹⁵ «Американский культурный империализм» в последние годы вызвал крики о «культурном Чернобыле» во Франции. Ковбой Marlboro переносит американский скотоводческий поселок в африканскую деревню. McDonald's приучает мир к вкусам американцев. В то же время можно говорить не только о продаже образа Америки миру, а и о доставке по всему миру некой рыночной «окрошки» в некоем всемирном супермаркете. Однако, подчеркивает Н. Кляйн, по мере того как культура по всему миру становится все более однородной, задача маркетинга — оттянуть тот кошмарный миг, когда фирменные «товары-брэнды» вдруг предстанут миру как обычные повседневные вещи, каковыми на самом деле и являются.

¹⁶ Рекламодатели образуют тесное партнерство с телеканалом: организуют рекламные распродажи, раздачу подарков, конкурсы, концерты, церемонии вручения наград и др.

¹⁷ В число ведущих мировых брэндов Nike вывел, в частности, баскетбольный талант Майкла Джордана, которого всемирной суперзвездой сделали рекламные ролики Nike.

всему спортивному миру. «Найк-тауны» — сеть крупных розничных торговых точек компании — в итоге становятся храмом, в котором поклоняются соответствующему брэнду.

Говоря о проблеме *брэндов* и *образования*, следует подчеркнуть, что, приходя в школу, в колледж, университет, транснациональные корпорации влияют и на учащихся, и на систему образования в целом. Брэнд пытается стать не приставкой к образованию, а одним из его обязательных предметов (на уроках, например, делают фирменные кроссовки Nike («сделай свой «найк»»). Пространство учебных заведений — арена для брендинга. При этом университеты, принадлежащие разным брэндам, оппозиционны (например, найковцы — адидасовцы). На молодежном рынке возникает очень интересный план анализа психоманипулятивной функции брендинга — «маркетинг крутизны». Н. Кляйн подчеркивает, что брэнды стали распространяться в школах, оказывая влияние на умы подростков. «Погоня за крутизной» стала именно такой психологической струной¹⁸. Подчеркивается, что «потребность в крутизне» связана с глубинным ощущением неполноценности (поэтому для тинейджеров всегда важен вопрос: а круто-то ли это?¹⁹) Но именно благодаря стремлению к компенсации глубинного комплекса неполноценности продаются «прикольные вещи», снаряжение для экстремальных видов спорта и т.п.

Хочу подчеркнуть, что в работе на «молодежном поле» можно усмотреть важную грань психоманипулятивной роли брендинга в «промывании мозгов» обывателя-потребителя. Речь, прежде всего, идет о подталкивании деструктивных процессов унификации мира, об уничтожении национально-культурного разнообразия на планете. Над планетой, указывает Н. Кляйн, витает полиэтнический имидж «глобального тинейджера» в один миллиард, который живет не в конкретном географическом месте как представитель конкретной культуры, а в «параллельной вселенной глобальной потребительской петли» подключенный через мобильник к новостям в Интернете, свя-

¹⁸ Возникла отрасль «охоты за крутизной» (например, журналы по «крутому стилю» жизни). Nike заимствует жизненные установок и визуальные образы у чернокожей городской молодежи. «Крутым» могло быть объявлено все, что угодно. «Крутым» стало выражение презрения к массовой культуре. Возникла даже эстетика «некрутое — это круто».

¹⁹ Следует, однако, говорить о более широком комплексе проблем, конфликтов, проявлений социальной несостоятельности и неуверенности, вытесненных страхов и протестных чувств, свойственных западному обществу.

занный игровыми автоматами, видеоприставками и др. Поэтому большинство рекламных компаний продают *идею* глобального подросткового рынка²⁰ — калейдоскоп из африканских косичек, пирсинга, национальных флагов, английских слов, китайских иероглифов и пр. на фоне электронной музыки. Н. Кляйн дает очень точный образ процесса — армия подростков-клонов, стройными рядами и «единообразно» марширующая в глобальный супермаркет.

Вклад в виртуализацию сознания вносят брэнд-пространства — искусственная среда обитания, ассоциирующаяся с элитным образом жизни («городки» типа Nike Town, Disney city). Н. Кляйн отмечает, что, когда она была маленькая, она ощущала тягу к «соблазнам искусственности» — хотела раствориться в сияющих, нереальных предметах, подержать в руках кусочек «мультяшного мира», близкого детям. У Дисней поняла желание детей заползти внутрь экрана и слиться воедино с любимыми продуктами массовой культуры (данная потребность не исчезает с возрастом²¹). И вот в 1984 г. создается фирменный супермагазин — Disney Store. Другие известные брэнд-имиджи создают свои притягательные торговые храмы — места не только для шопинга, но и просто для посещения, дающего интересный опыт. Подобные социальные пространства отражают стремление брэндов к расширению своих границ включением все новых стилей жизни и видов экономической деятельности. Создание музыки не противоречит производству еды, кофейни — книгоиздательству и т.п. «Брэндинговая виртуальная реальность» включает в себя и создание «фирменных» каникул. Так, круиз на корабле Disney Magic следует на принадлежащий компании остров на Багамах. У Nike — круиз со спортивной тематикой. Люди уже строят идеальные поселения/городки.

Интересно то, что маркетинговые теоретики советуют компаниям учитывать, какую психологическую роль их брэнды играют в массовой культуре. Супермагазины как торгово-развлекательные центры создали псевдообщественное пространство — современный аналог городских площадей. Н. Кляйн указывает на закономерность незаметного наступления на свободу выбора человека через манипулирование

²⁰ Пример брэнд-манипуляции: ТВ-реклама джинсов Diesel показывает двух корейских подростков, превращающихся в птиц после двойного самоубийства и обретающих свободу только благодаря полной самоотдаче брэнду.

²¹ Н. Кляйн пишет: детишки «мультфильма в субботу утром» вырастают в детишек «клуба в субботу вечером».

виртуальными брэнд-образами: чем больше общественного пространства продается корпорациям и осваивается ими, *тем больше гражданам приходится играть по корпоративным правилам*. Когда уличное пространство городов (и сами города) стали ходовым товаром в рекламном бизнесе, традиционная уличная культура оказалась в осаде²² под контролем транснациональных корпораций. Возникает противоречие: с одной стороны, брэнды формируют зависимость людей, с другой, их производители размышляют о личной свободе, идеалах гражданского общества.

В заключении раздела посоветуем читателю ознакомиться с показательным источником по проблеме рекламного бизнеса — книгой Пелевина «Поколение П». Сегодня мировоззренчески-идеологическая роль рекламы важнее информационной: реклама создает виртуальный мир, построенный по вполне определенному социальному проекту с культурным доминированием ценностей, соответствующих интересам транснациональных корпораций мирового финансового интернационала.

10.2. О СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ В ПОЛИТПИАРЕ

Социальное познание в процессах стереотипизации имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. Люди могут, например, не видеть сути происходящих политических и идеологических процессов как раз за счет инерции стереотипов и, наоборот, именно через какой-то символический образ почувствовать некую проблему. Важно также понимать, что образная форма трансляции социально-политической информации через стереотипы успешно маскирует «одну и ту же пластинку». Если какое-то общественное явление видится через «нужный стереотип», то здравый смысл притушается. Подчеркнем, что сильный стереотип работает долго и для самых разных целей²³.

²² Приватизация общественного пространства углубляет разрушение жилых кварталов и местных сообществ. Бизнес-парки, торговые комплексы и т.п. приводят к распаду местных сообществ и уничтожают нормальный городской уклад. Жилой район превращается в товар для шопинга.

²³ Так, в США большие усилия были затрачены на создание стереотипного представления об СССР как «империи зла», угрожающей интересам всех американцев. Затем многие политические акции США в мире оправдыва-

Укажем на некоторые факты и закономерности использования стереотипизации в изменении системы социальных представлений людей [168].

Стереотипы используются для «присоединения» аудитории к каналу воздействия через доминирующие социальные представления. Можно, например, быстро создать ее доброжелательное отношение, перейдя на язык понятных стереотипов²⁴. Для подстройки под стереотипы аудитории сообщение сцепляется с чем-то привлекательным: с популярным фильмом, спортивным соревнованием и т.п. К ним подключается и подобранная реклама. Некий авторитет по определенной проблеме подает себя близким аудитории по социальному, национальному и др. признаку (имидж включает нужную манеру обращения)²⁵. Широко используется «доверительный имидж» политика как «доброе парня» с простительными недостатками. Возник жанр телефильмов, в которых строится такой имидж (в фильме Э. Рязанова о Ельцине Наина Иосифовна жарит котлеты в ожидании мужа-президента).

Информационно-психологическое воздействие на общество облегчается картографированием стереотипов его групп/слоев. Например, в США детально изучаются умонастроения в зарубежных странах²⁶

лись необходимостью борьбы против «красной угрозы» (похоже, что нечто аналогичное мы видим в отношении представлений о «борьбе с терроризмом»). Антисоветский стереотип силен, и он действует и через много лет после развала СССР. С. Кара-Мурза приводит такой пример В 1996 г. в Австрии обнаружили массовые захоронения расстрелянных людей. Сообщается, что расстреляли австрийцев, естественно, русские. ТВ предупреждает, что будет показана сцена, слишком тяжелая для восприятия, и во всех деталях показывает извлечение останков. В СМИ говорится, что русские продолжают быть убийцами по природе. Но оказалось, что русские до тех мест не дошли. Возникает новая версия — о заключенных концлагеря, которых расстреляли нацисты. Но и это не подтвердилось. Когда же промелькнуло сообщение, что расстрелы — дело рук янки, упоминания об этом событии исчезли из СМИ.

²⁴ Использование перед выборами в РФ в 1990-е годы советской фразеологии и фильмов повышало доверие к ТВ.

²⁵ При этом используется уклончивость в изложении позиции (ясное обнаружение интересов сразу включает психологическую защиту тех, кто их не разделяет).

²⁶ Американцы в массе своей поверили, что Кеннеди был убит сумасшедшим одиночкой. Поскольку европейцы в это не верят, данная версия исключена из пропаганды для Европы.

(особенно прицельно стереотипы исследовались у разных групп населения СССР). Применяется изменение контекста, в который встроены найденный требуемый стереотип. Например, в антисоветской пропаганде в период перестройки использовалось чувство справедливости. Стереотип неприязни к нетрудовым доходам и привилегиям был заменен ненавистью к номенклатуре, а потом и к государству.

Стереотипы можно усиливать и даже создавать. Примером является «сатанизация сербов» в период событий в Югославии в 1990-х годах. С. Кара-Мурза подчеркивает, что если непрерывно и продолжительное время помещать слово «серб» в отрицательный контекст (просто употреблять неприятные эпитеты²⁷), то у аудитории возникает устойчивая неприязнь к сербам²⁸. При этом важно не давать доступа в эфир никому из «неправильных сербов», способных изложить свою позицию в конфликте.

Особенно сильны **мифологизированные** стереотипные представления. Сколько убедительного сказано на Западе о «мираже технической цивилизации с ее материальными достижениями», о «мифе прогрессивного будущего», о мифологизированных представлениях о «демократии», «свободе» [363]. Но большинство людей не видят в подобных образах иллюзорного аспекта.

Выделяются следующие основные виды социальных мифологизированных представлений [168].

«**Черные мифы**». Примером может быть образ Ивана Грозного. Из данного мифологизированного представления обычно выводится якобы генетически присущий России тип кровавой деспотии. Однако известные работы В. Кожинова и других авторов [206] развеивают именно иллюзорную составляющую мифа, задавая новые ракурсы понимания этой мощной исторической фигуры (в связи с защитой государства Российского, в частности, с отражением агрессии с Запада, охраной духовных православных основ страны и народа и пр.)²⁹. Другими при-

²⁷ Использовались и исторические корни югославской проблемы — вспоминалось, естественно, и о православной вере сербов.

²⁸ На Западе сформировался устойчивый двойной стандарт. Массовые захоронения мирных сербов, убитых хорватскими боевиками, не вызывали реакций, а гораздо меньшие преступления сербов вызывали бурную реакцию.

²⁹ В плане преодоления иллюзорности социального восприятия полезно знать, что за 37 лет царствования Ивана Грозного было казнено 3–4 тысячи человек. В те же годы только в Варфоломеевскую ночь было убито до 12 тыс., а в Нидерландах было казнено около 100 тысяч человек. Полезно вспомнить и о разземеливании крестьян в Англии с их последующей каз-

мерами могут быть мифы о черносотенцах, «русском фашизме и антисемитизме»³⁰. Интересны западные черные мифы, в частности, об инквизиции³¹. Среди черной мифологии о советском строе С. Кара-Мурза указывает на а) *экономическую* мифологию (миф об убыточности предприятий, о «советском долге»³², о подрывающем народное хозяйство «поголовном воровстве», которого якобы нет в «цивилизованных странах»)³³, б) мифологизированные представления о *советской милиции* (в отечественных антисоветских фильмах конца перестройки навязы-

ню как бродяг. Подобные события известны (хотя и умалчиваются), однако человек именно под властью стереотипа продолжает быть уверенным в том, что Россия — «изначальная империя зла» [168, с. 180].

³⁰ Советские словари определяют черносотенцев как «членов погромно-монархических организаций». В реальности же речь идет о политическом движении, которое выступило против всех революционных течений, т.е. для охраны от них России и, что самое главное, выступало против надвигающейся революции, подготавливаемой тогдашними «демократическими силами». Миф утверждает также, что черносотенцы — объединение из маргиналов и неграмотных слоев. В. Кожин приводит список выдающихся деятелей культуры, которые участвовали в движении. Миф утверждает, что черносотенцы устраивали еврейские погромы. Но Союз русского народа, созданный в ноябре 1905 г., не мог быть причастен к известному погрому в Кишиневе в 1903 г. Также надо знать, что погромов на собственно русских землях не было (они были в Молдавии и на Украине), что в числе организаторов Союза русского народа были виднейшие представители еврейства, что число убитых — до 500 человек — неверно (убито 43 человека), что собственно побоище началось после того, как евреи применили огнестрельное оружие и убили трех человек, в том числе одного ребенка) [168, с. 577–585]. И вообще надо сказать, что если бороться с двойными стандартами в социальных представлениях, то с позиции сегодняшнего официального отношения к коммунизму черносотенцев надо не только реабилитировать, но и поставить на исторический пьедестал.

³¹ По решению инквизиции в Испании прекратилась «охота на ведьм» — на целое столетие раньше, чем в странах, где победила Реформация. Сотни тысяч «ведьм» продолжали идти на костер (в США их сжигали вплоть до XVIII в., причем судьями были профессора Гарвардского университета). Утверждение о том, что Реформация освободила мышление, не выжется с тем, что именно виднейшие деятели протестантизма (Лютер, Кальвин) были фанатичными преследователями ведьм (см. Г.Ч. Ли [168, с. 182]).

³² Объективно долга не было. Дружественные страны были должны СССР около 80 млрд. долларов, а золотой запас составлял 2 тыс. тонн. И это можно было использовать, чтобы за годы реформ не набрать государственный долг.

³³ В 1990 г. были опубликованы данные о доходах «теневого экономики». Они составили тогда 99,8 млрд. руб. А хищения государственного имущества

вался образ бесчеловечной милиции на фоне положительной мифологии об американской полиции³⁴), в) *мифы о технологическом риске*³⁵, г) *экологическую мифологию* (темы сероводородного и нитратного бума,

— всего 5,4 млрд. руб. На Западе за 1990–1994 г. только в системе здравоохранения США хищения составили 418 млрд. долларов [168, с. 317].

³⁴ Так, в ночь перед выборами 1995 г., когда любая агитация запрещена, ТВ пустило известный фильм — «Русский рэгтайм». В действительности же, подчеркивает С. Кара-Мурза, для советской милиции все граждане (помимо «начальства») имели примерно одинаковый статус. Полиция США же в соответствии с глубинными идеологемами западного общества делит (сознательно и неосознанно) людей на «избранных» и «отверженных». Обращение с последними поразительно жестоко, чему есть масса примеров. Весь мир обошли кадры: четверо полицейских остановили водителя-негра, проехавшего на красной свет, и избили его, сделав на всю жизнь инвалидом. Когда суд присяжных оправдал полицейских, начались волнения в Лос Анджелесе. Другой случай: три подростка купили пиццу и не съели четвертый кусок. К ним подошел молодой безработный негр и попросил дать ему этот кусок, если они его не будут есть. Ему отдали. Но один мальчик потом сказал отцу, что он не хотел отдавать кусок, но постеснялся отказать. Негра арестовали и осудили на 25 лет тюрьмы. При обсуждении этого случая в прессе подчеркивалась типичность случая. Аналогичное встречается в Европе. Девушка с Ямайки приехала в Англию к матери и просрочила визу. Когда на улице она была случайно задержана полицией, в участок ее привезли уже мертвой [168, с. 561–566].

³⁵ Когда в Голландии у причала переворачивается паром, когда на пляже под Барселоной тонут люди из-за отсутствия спасательных средств, когда в центре Сеула обрушивается новый мост вследствие низкого качества строительства, когда в Испании в высотном госпитале обрывается лифт, в механизме которого был большой дефект, скрываемый липовым техосмотром, когда сюжеты множества фильмов в США основаны на реальных авариях, вызванных халатностью персонала или махинациями фирм, увязывать эти катастрофы с общественным строем страны никому в голову не приходит. Во время перестройки много говорилось о том, насколько плохо в СССР система водоснабжения. Но, согласно докладу комиссии ООН: в европейских городах из-за плохого состояния водопроводов теряется до 80% воды. Раздутой темой во время перестройки были пожары (например, пожар в гостинице «Россия», где погибло четыре человека, несопоставим с количеством пожаров в дискотеках США и Европы). В детской больнице в Элисте 20 малышей были заражены СПИДом. Ельцин покупает ящик одноразовых шприцев для плохой советской медицины. Потом выяснилось, что в эту больницу направляли уже зараженных детей, о чем в СМИ уже не говорилось. На Западе же произошел чудовищный судебный процесс над директором Национальной службы переливания крови Франции: по дешевке скупалась кровь у маргиналов и наркоманов; заражены СПИДом несколько тысяч человек [168, с. 566–568].

опасности атомных электростанций; интересно, что борьба против Игналинской АЭС в Литве была остановлена после заявления об отделении республики от СССР) [168, с. 558–576].

В качестве примера «светлого мифа» С. Кара-Мурза указывает на представление о том, что Запад — вершина мировой цивилизации, и все культуры проходят один и тот же путь, завершающийся торжеством «либерального капитализма» везде³⁶. Но единообразный мир — утопия (с системных позиций это очевидно), причем самая разрушительная (исчезновение культурного разнообразия в мире) из всех утопических идей человечества. Иллюзорны претензии европоцентризма на создание столбовой «mainstream-культуры»³⁷ как развития античной цивилизации в «правильной» смене формаций³⁸ (эта идея на Западе подвергается критике³⁹).

³⁶ В качестве примера приводится созданный при перестройке миф о Столыпине [168]. Известно, что приватизация земли в его реформах провалилась. Не только слоя «фермеров» создать не удалось. Реформа подтолкнула страну к революции (реформа озлобила общину).

³⁷ Но каковы критерии оценки культурного вклада цивилизаций? Если это технологии, то индикатором уровня развития общества станут затраты энергии на душу населения (что разрушает планету). Почему не взять другие культурные достижения локальных цивилизаций? Например, в области не материальной, а духовной.

³⁸ Древняя Греция не была частью Запада и породила восточно-христианскую цивилизацию. Разрыв Европы с античностью составлял более тысячи лет (представление о «темном» Средневековье мифологизировано). Утерянное культурное наследие античности Запад получал через арабов. Фундаментальную критику европоцентризма дал Леви-Стросс. Он квалифицирует идеи «правильного» развития и «естественного отбора» культур и народов как «фальшивый эволюционизм», стремление устранить разнообразие культур — не переставая приносить заверения в глубоком уважении к этому разнообразию. Указывается, что завершение истории в этом смысле есть начало заката Запада и поглощенного им человечества. О несостоятельности тезиса об унификации мира на базе западной системы как закономерного итоге развития человечества в 1930-е годы писал А. Тойнби.

³⁹ Одна цивилизация может жить жизнью другой, только отказавшись быть самой собою. Эту опасность мы видим в России. Однако миф о «пути Запада» по-прежнему эксплуатируется, хотя все более очевидна невозможность его осуществления. С. Кара-Мурза подчеркивает, что страны, попавшие под влияние Запада, не идут по его пути. Чем далее идет по этому пути «периферийный капитализм», тем более значительным становится расхождение дорог и доходов. Западная мысль поэтому, отказываясь рассматривать мир как целостный объект, приписывает неравенство действию «внутренних факторов». Но капитализм является порождением и насаждением неравенс-

Миф евроцентризма включает следующие элементы. **Запад — христианская цивилизация.** Но исторические факты противоречат этой иллюзии: а) нехристианский характер имели различные мистические учения, в различные века популярные в Европе (например, масонство); б) апостасийный отход от основ христианства проявляется в оправдании колониального расизма и рабства; в) в период реформации «богоугодным» признано нехристианское отношение к наживе, ростовщичеству; г) антихристианские лозунги Французской революции очевидны; д) ценности современного западного потребительского общества уже принципиально несовместимы с ценностями христианства; нехристианским является пафос индустриальной цивилизации, связанный с культом силы, с идеей переделки мира; е) дополняет картину антихристианского Запада рост неоязычества и самоидентификация Евросоюза, в связи с которой о христианских корнях уже, по сути, и не упоминается. **Миф о гуманизме и правовом сознании Запада.** Иллюзорность этого элемента мифа определяется тем, что западные социальные доктрины строились на кальвинистском учении о предопределенности спасения души. Отсюда гуманизм — понятие условное (как и демократия в Древней Греции, в которой рабы к демосу не имели отношения). Убеждение, что люди иной культуры не являются ближними, было необходимо колонизатору. Сегодня мы видим скрытый расизм в кинофильмах⁴⁰. Миф о гуманизме очень прочный, и его, по выражению С. Кара-Мурзы, не изменишь никакими бомбежками сербов и другими кровавыми «гуманитарными акция-

тва в мире (европейские колонизаторы целенаправленно разрушали структуры «национального капитализма», возникавшие в захватываемых странах; только Япония сумела их сохранить, создав «железный занавес»). И сегодня глобальному капитализму необходимо содействие международной экономики, чтобы выкачивать ресурсы из «третьего мира» (около 400 млрд. долл. в год) [168].

⁴⁰ В фильме «Ночной экспресс» американец провел каникулы в Стамбуле и, уезжая, решил подзаработать на контрабанде наркотиков, но попался и оказался в тюрьме. Зритель видит страдание американца. Фильм, естественно, имеет счастливый конец — юноша убивает надзирателя, убегает из тюрьмы и возвращается к невесте. Симпатии зрителя на стороне американца, ибо как можно ему находиться в такой плохой тюрьме! С. Кара-Мурза предлагает представить турка, схваченного с наркотиками, который убивает американского офицера и убегает. В другом фильме американский предприниматель ищет в Чили пропавшего сына, которого убили. Аналогичная трагедия чилийцев выглядит несущественной по сравнению с тем, что произошло с американцем [168].

ми». Идеологи перестройки в СССР, представив отношения на Западе между гражданами за всеобщий тип отношений всех людей, совершили подлог. Наивны те, кто думает, что в «правильной цивилизации Запада» отношение ко всем будет как к «своим» [168, с. 184–192].

Говоря о социальных стереотипах и мифологизированных представлениях, мы соприкасаемся с психологией «пиара». Именно с опорой на подобные образы выбираются главные параметры требуемого имиджа⁴¹, который подправляется обратной связью с аудиторией, опять же исходя из особенностей стереотипизации и мифологизации ее сознания. Теория и практика «пиара» состоит в том, что надо создавать такие образы, чтобы человек любил их, чтобы имидж (принцип «казаться») доминировал над бытийностью (принцип «быть»). Поскольку основным по эффективности воздействия «пиар-каналом» является ТВ, то ясно, что конкуренция имиджей политиков, образных решений их социально-политических программ и т.п., по сути, устранило ответственный осознанный добровольный политический выбор, т.е. суть демократии [168]. Часто выступления политиков бессодержательны. При психоманипулировании также избегаются ситуации, в которых политики вынуждены обнародовать свои идеалы. Политические дебаты становятся театром, на сцене которого социальные противоречия затушеваны⁴². Часто невозможно вспомнить, о чем говорил политик, кроме того, что он всегда обещает «сотрудничать со всеми здоровыми силами». Особый телевизионный язык упростил политическую жизнь в ее традиционном смысле⁴³.

⁴¹ Например, для Ельцина был создан имидж «борца с номенклатурой». Даже когда он уже демонстрировал «номенклатурное барство», у людей не возникло ощущения несовместимости двух образов [168].

⁴² Режиссеры пиар-спектаклей могут иметь и не иметь выраженных политических и идеологических позиций (вспомним, что говорилось о произвольности и преднамеренности в трансляции идей). Но показательно, что половина людей все же способна подобные спектакли расценивать как рекламу — в смысле того, что товар должен стать таким, каким потребитель хочет его видеть [168, с. 274].

⁴³ После смерти Франко С. Кара-Мурза наблюдал политическую жизнь Испании, когда общество наслаждалось дебатами. Потом он попал в Испанию в 1989 г., когда политика перешла на ТВ-язык, но по инерции еще стояла на позиции «борьбы идей». В течение 1990-х наблюдалась деградация политического языка. Самым популярным политиком был секретарь компартии Хулио Ангита, ибо он говорил, как педагог объясняющий урок олигофренам.

«Пиар-ареной» является политика самого разного уровня — от отношений между мелкими фирмами до событий планетарного масштаба. Что касается последнего, то здесь надо указать на проблему информационной интервенции «американизированных образов» в страны «третьего мира», когда с участием элит этих стран, стремящихся войти в «мировую элиту», осуществляется подрыв национальной культуры⁴⁴. Информационная интервенция входила в концепцию холодной войны. Американские телепрограммы стали ходовым товаром, так что «человек массы» во всем мире посчитал бы себя обделенным, если бы был лишен к ним доступа. В то же время информационная экспансия США в целом негативно оценивается большим числом стран «третьего мира», а также, например, Финляндией. Поэтому-то США добиваются соглашений по экспорту телепродукции «в пакете» — без права ее отсеивания. В итоге информационный империализм США в мире возрастет. В Латинской Америке информация о США уже превышает объем сообщений о жизни стран [168, с. 276].

Затронем и материал, касающийся **представлений о «реформах-перестройке»** в советско-российском обществе. Этот материал поучителен, ибо демонстрируют потенциальную силу союза спонтанно-непроизвольного (например, по наивности) и преднамеренного (для претворения в жизнь интересов определенных социальных проектов) воздействия на социальные представления людей в рамках полит-пиара. Действительно, как удалось сломать болезную, но все же мощную «советскую систему»? Как мог произойти невероятный переворот в сознании людей на всех социальных уровнях? С. Кара-Мурза в своей книге ставит подобные вопросы и приводит иллюстрации по теме, и удачные попытки объяснения⁴⁵.

Обобщенно можно утверждать, что в советской перестройке и в периоде реформ 1990-х годов поэтапно и с разными акцентами, но целенаправленно подрывались политические, экономические, идеологические, культурные основы государственной власти и жизни

⁴⁴ Идеологи перестройки в СССР включили информационные потоки из США в свою информационную политику. Но известно: нация, чьи СМИ управляются из-за границы, нацией не является [168]. Международное право на свободу информации делает невозможным защиту от манипулятивного воздействия.

⁴⁵ Хочу сразу оговориться, что этот материал приводится исключительно в плане исследования закономерностей социального восприятия и не отражает моих личных политических сожалений об ушедшем коммунистическом прошлом.

общества, что привело к отвержению более, чем половиной людей советской социально-политической системы⁴⁶. Данный процесс, однако, был запущен раньше — с началом «холодной», информационно-психологической войны [195], активизировался в 1960-е годы, найдя свой субстрат в инакомыслии интеллигенции. Начиная с 1985 г. в процесс разрушения советской системы включилась идеологическая машина КПСС.

Успеху разрушения государства и общества способствовали особенности ментальности советских людей. С. Кара-Мурза подчеркивает, что их доверчивость, например, вытекала из веры в слова «сверху», из незнания иезуитской морали. Люди столкнулись с ложью, которую не распознали и прельстились. Можно говорить о направлениях изменения в сознании, о предпосылках, им способствующих, об уязвимых сторонах национально-культурных особенностей людей. Поскольку внешние причины действуют через внутренние условия, все эти моменты позволительно рассматривать во взаимовлиянии как факторы изменения представлений людей. В основу также положен анализ [168].

1) **«Слепота» относительно информационно-психологической войны.** Люди не осознавали, что информационно-психологическая война продолжается, причем на более высоком уровне. На Западе же, отмечает С. Кара-Мурза, победа в «холодной войне была воспринята как нечто большее, чем разрушение СССР⁴⁷. Неготовность к психоманипуляции усилила действие известной закономерности: при социальных кризисах блокируется здравый смысл, а обдумывание происходящего превращается в непосильную нагрузку. Защита против психоманипуляции ослабилась резким обеднением населения, разрывом человеческих связей. В ходе информационно-психологической

⁴⁶ Указанный период российской истории как некое целое берется условно. Различные аспекты деструкции советской системы проходили с разными акцентами, в разное время. Например, идеологическая работа в СМИ самым активным образом проводилась и после распада СССР, в 90-е годы.

⁴⁷ Термин «психологическая война» понимается как планомерное наступательное воздействие политическими, интеллектуальными и эмоциональными средствами на сознание, психику, моральное состояние населения и вооруженных сил противника [168, с. 293]. Доктрина холодной войны с самого начала носила характер «войны цивилизаций». Разговоры о борьбе с коммунизмом были прикрытием. За постсоветские годы людей, однако, убедили, что холодная война была порождена угрозой, исходящей от СССР. Об информационно-психологической войне см. также в книге В.А. Лисичкина, Л.А. Шелепина [195].

войны применялись приемы, многие из которых нам уже известны (некоторые будут отмечены дополнительно).

2) **Вожденный идеализированный образ «западного образа жизни».** Такой образ возник до перестройки, когда в СМИ стали циркулировать образы, выражающие недовольство всем отечественным. Внедрение новых стереотипов — обогащения, допустимости аморальности и насилия — началось позже. Известный набор фрустрированных при социализме потребностей сделал Запад «сказочной землей», где любые потребности удовлетворяются. О потребностях, хорошо удовлетворяемых в «совке» (лучше, чем на Западе) официально говорить перестали, а люди перестали осознавать эти возможности. Искаженными оказались даже жизненно важные представления — «образ безработицы». В прельщении Западом сыграло роль и то, что человек порой нуждается просто в «виде вещей». Это облегчило путь «иноземных образов» к сознанию масс⁴⁸.

Поскольку в СМИ применялись образы, которые людям было трудно соотнести с реальностью (например, образы Запада), они становились открытыми к психоманипулятивному воздействию.

3) **Утверждение гедонизма.** Доминирующей социальной установкой стала ориентация на увеличение наслаждения от жизни. В обществе забыли не только о возможности страданий. Его социальные блага воспринимались как естественная часть окружающей среды, которые не могут исчезнуть. Утратилась способность замечать жизненно важные изменения вокруг. Страхи человека Запада (безработица, бедность; термин «небольшая безработица» психоманипулятивно смог склонить рабочих к поддержке слома своей жизни) воспринимались надуманными. С другой стороны, советский образ жизни породил скуку и, соответственно, потребность во впечатлениях, развлечениях и т.п. Людям при этом активно внедрялись представления о том, что за увеличение «уровня наслаждения» («бери от жизни все») приходится бороться вплоть до уничтожения ближнего со спокойной совестью. Общество стало усваивать не свойственные ему идеи крайнего прагматизма и социал-дарвинизм.

⁴⁸ Иными словами, часто необходимо не изобилие товаров, а образов, создающих красивые картинки и иллюзии социально-экономических стандартов. Известно, кстати, что на Западе в воскресном «шоппинге» люди часто просто разглядывают витрины. Интересно и то, что в 1989 г. половина опрошенных, на столе у которых были продукты, сказали, что их убедят в успехе перестройки «прилавки, полные продуктов».

4) **Массовая утрата здравого смысла.** Люди, особенно интеллигенция, потеряли способность критически оценивать утверждения политиков и доверились абсурдным обещаниям. Отталкиваясь от фактов, они приходили к странным умозаключениям, абсолютно не желая вникать в суть происходящего. Не осознавалось, в частности, то, что есть вещи, которые нельзя ломать. В итоге сознание многомерно «расщеплялось»⁴⁹. Утрату здравого смысла хорошо иллюстрирует такой образ: во время пожара в доме люди садятся за стол справлять именины. При объяснении особенностей социальных представлений перестроечного (в широком смысле) периода С. Кара-Мурза отмечает аутизацию мышления социальными фантазиями. Известно, что в этом случае приятные образы заменяют неприятную реальность. Трезвый анализ становится невозможен, поскольку все, что противоречит некоему доминирующему образу, подавляется. В итоге на основе коллективного аутизма делались прогнозы, в которые здравомыслящий человек не должен был поверить⁵⁰. Интеллигенция поверила в идею

⁴⁹ Приведем ряд примеров (другие примеры абсурдного перестроечного мышления см. в работе С. Кара-Мурзы [168, с. 394-400]). В 1991 г. «деревянный рубль» оценивался в 5 центов, потому что в Нью-Йорке за него столько дают. Но почему не взять для оценки 20 поездок на метро в Москве? В Нью-Йорке для такого числа поездок нужно 30 долл. За три «деревянных рубля» наполнялся бензином бак автомобиля. Странен вопрос о требовании полной гласности как «полной прозрачности» жизни, поскольку такая прозрачность означает полный контроль над человеком. В фильме о декабристах мы видим сцену их казни. Веревка рвется, и герой говорит: «Бедная Россия, вешать — и то не умеют». Но почему страна, где не умеют вешать, достойна жалости? В те же годы в Англии вешали даже детей, если они в лавке украли что-то на сумму более 5 фунтов — можно ли представить такое в России? При инновационном потенциале советской науки и оборонной промышленности утверждалось, что в обществе отсутствует творческая активность. Был тезис о том, что государство не должно запрещать никакие формы собственности. Но как тогда насчет рабства (к которому и пришли не без помощи создающей силы социальных представлений)? Хирург (!!!) С. Федоров говорил, что экономика — это организм, а в организм вмешиваться нельзя. Колхозы ликвидировали как неэффективные, однако в 1992 г. правительство купило у села 21 млн. т. зерна по 10 долл. за тонну, а у западных фермеров 24,3 млн. т по 100 долл. за тонну. Себестоимость молока в колхозах была 330 руб. за тонну, а у фермеров США 331 долл.

⁵⁰ С. Кара-Мурза приводит такой прогноз корифея рыночной экономики Л. Пияшевой: при свободных ценах на мясо оно будет стоить 4–5 руб. за кг. и появится на всех прилавках. Масло будет стоить также 5 руб., яйца — не выше 1,5. Но люди были уже подготовлены верить в нелепые приятные

«возвращения в мировую цивилизацию», хотя не было никаких оснований считать, что Россию туда приглашают⁵¹. Люди верили и во взаимоисключающие вещи, например, в возможность совмещения капитализма с мечтой о полной социальной справедливости. Фантастичными были образы свободы, которая наступит после слома государственной машины. Перспективы несвободы иного масштаба люди не представляли. Ложный образ свободы был связан с обещаниями капиталистического благоденствия. Люди поверили в магические слова [168, с. 403–421].

На социальное фантазирование влияет «магия чисел», которая разрушает систему координат ориентации человека в реальности. Манипулятивно использование «средних» показателей, чисел, «поражающих» воображение («миллионы расстрелянных»). В то же время влияние чисел на людей зависит от особенностей ментальности. Миттеран, например, был прокурором Алжира и толпами отправлял людей на гильотину — более 1 миллиона убитых алжирцев на 8 млн. населения. Но впечатления на французов этот факт не произвел. Миттеран, замечает С. Кара-Мурза, не только избирался президентом, но и поучал Горбачева по поводу прав человека [168, с. 344–345; 385–386].

Массовой утрате здравого смысла способствовали национально-культурные особенности народа. По ходу изложения материала о роли особенностей отечественной ментальности в перестройчно-реформаторской психоманипуляции об этом говорится. Отметим два дополнительных момента: а) использование силы художественного слова в русской культуре вместе со склонностью «дорисовывать мир в фантазиях»⁵² [168,

фантазии. И даже когда мясо быстро поднялось в цене до 20 тысяч рублей, иллюзии светлого будущего не были разрушены.

⁵¹ С. Кара-Мурза отмечает, что эйфория от перестройки длилась на Западе недолго. Уже в январе 1990 г. пошла исключительно негативная информация: образы пустых прилавков, преступность, проституция, антисоветские фильмы. Он приводит пример с испанской журналисткой, которую во время поездок по стране спрашивали, почему Запад нам не помогает. Она же не понимала вопроса.

⁵² У русского человека литературные образы, в которых некая идея гипертрофирована, а также особый русский нигилизм могут сильно исказить социальное отражение. Сильно искажена литературой история России. «Му-му» создало страшный образ крепостного права. Но число крепостных уже в 1830 г. составляло 37%, право продавать крестьян действовало лишь с 1767 по 1802 гг. [168, с. 346–348].

с. 344–345] и б) фактор искажения социального восприятия стереотипами истмата⁵³.

5) Разрушение нравственности. История всех революций показывает: отказ от нравственных традиций разрушительно сказывается на обществе⁵⁴. Не будем повторять сказанного о воздействии в анализируемый период через СМИ на людей образами пошлости, искаженных, приниженных и осмеянных идеалов, издевательства над тем, что всегда считалось добрым. Не будем говорить и об очевидном — о восторжествовании эстетики безобразного и этики бессовестного. Активно утверждалось, что нравственность — личное дело человека, и потому никто не вправе давать соответствующую оценку его делам. Человека подвели (не без помощи психологического обоснования в школах «личностного роста») к готовности принимать конкретные решения вне нравственного выбора⁵⁵. Раскол в обществе разделил

⁵³ Например, это были представления об объективных законах исторического развития, которые пробьют себе дорогу через случайности. Недооценивались «бифуркационные закономерности», когда малые, но вовремя совершенные социальные действия дают необратимость истории. Сработали представления и о том, что для разрушения общественной системы нужны «серьезные предпосылки и усилия». В итоге люди либо не верили в возможность ликвидации советского строя, либо считали произошедшее закономерным. Стереотипом было также представление о том, что приведение в соответствие производительных сил и производственных отношений в ходе реформ создадут условия для процветания [168, с. 332–333].

⁵⁴ «Радикальный отказ от отцовской культуры, — писал К. Лоренц, — даже если он полностью оправдан, может повлечь за собой гибельное последствие, сделав презревшего напутствие юношу жертвой самых бессовестных шарлатанов. Юноши, освободившиеся от традиций, обычно охотно прислушиваются к демагогам и воспринимают с полным доверием их косметически украшенные доктринерские формулы» [168, с. 463].

⁵⁵ Приведем иллюстрации «аморализации» социальных представлений людей [168]. С конца 80-х годов по возрастающей преднамеренно внедряются образы аморальности. Наглость изображалась как идеальный инструмент решения всех проблем. В СМИ попираются нормы приличия (на ТВ достаточно вспомнить «Доренко против Лужкова»). Хамство политиков, указывает С. Кара-Мурза, подается как выражение ненависти реформаторов к коммунистам. Изощренно пропагандируются образы половой распущенности. СМИ узаконивают асоциальное поведение подростков. Романтизируется проституция, подаваемая как форма протеста против советской несправедливости (фильм «Интердевочка»); показ жизни валютных проституток помог становлению проституции как организованного бизнеса. Показательно, что Ельцин наложил вето на закон о совете по нравственности на ТВ (1999 г.).

людей по их отношению именно к нравственному выбору (прежде всего в невозможности участвовать в разграблении страны, даже под видом разрешенной «приватизации»). Разрушителям нравственности по западным меркам постмодернизма и социал-дарвинизма противостало понимание ее как правды и добра, хранимого народом. В России, подчеркивает С. Кара-Мурза, разные системы нравственных ценностей обрели свое знамя и свой язык. Непризнание этого раскола до сих пор затрудняет понимание нравственных аспектов социально-политических и экономических решений и, соответственно, диалог в обществе⁵⁶.

6) Разрушение исторической памяти. В ходе перестройки масштабно искажались исторические факты, разрушалась целостность исторических представлений. Символы и святыни исторической России осмеивались и очернялись⁵⁷. Мы видим огромное количество «образных СМИ-решений», разрушающих, фальсифицирующих святое для русских людей⁵⁸. Подвергнуто сомнению очевидное, например,

⁵⁶ Никто себя не назовет несправедливым и безнравственным. С. Кара-Мурза подчеркивает, что важна расшифровка понятий. В чем, например, справедливость рынка? Если только в свободе и честности сделки, то платить шахтерам за уголь, который дешевле купить в Австралии, безнравственно. Безнравственны и дотации на оплату отопления. Справедливо замораживать людей, если они не могут платить за тепло. Но С. Кара-Мурза отвергает подобную «мораль». Другой аспект вопроса: если культурные устои в разных частях общества различаются, нужно соглашение. Следует признать наличие культурного противостояния и вести переговоры о согласованных запретах на агрессивную защиту своих ценностей. В дебатах на НТВ были открыто отвергнуты устои русской культуры как ограничивающие рамки показа безобразного. Кстати, антропологи (например, К. Лоренц) предупредили: инстинктивное неприятие безобразного было условием поддержания здоровья всего биологического вида [168, с. 472]. События в Большом театре весны 2005 г. («Дети Розенталя») перешли уже на уровень демонстративного осквернения национальных святынь.

⁵⁷ Остроты атакуют то, что защищено от открытого оскорбления и пренебрежения им (Фрейд). Это позволяет понять психоманипулятивный аспект «юморин», до сегодняшнего дня продолжающий служить подобным целям.

⁵⁸ В 1989 г. в книге Дж. Феннела «Кризис средневековой Руси» создается образ Александра Невского как «предателя» — он побратался с сыном Батгя, Сартаком. Но важно знать, что Сартак был христианином и для отпора тевтонам с Запада Руси нужен был мир на Востоке. Разрушение образа святого князя проходило даже под патриотическим знаменем: на празднике, посвященном Александру Невскому и организованном Обществом его памяти, школьники считали, что они обучаются «западному

роль победы СССР в Великой Отечественной войне, значение подвига людей. Был создан хаос в оценках событий. Ложь об исторических событиях фабриковалась с ложной опорой на авторитеты, со ссылками на неопределенные источники, с фальшивыми цитатами [168, с. 434–476]⁵⁹.

7) Незаметное изменение законов и появление новой сословности. Без диалога с обществом в интересах «новой русской буржуазии» были приняты законы, обеспечивающие разворовывание страны и изменение государственного строя. Имело место сокрытие данных целей, отвлечение внимания. Использовался, в частности, миф о том, что «законы на Руси не исполняются», а потому заботиться о законодательстве не нужно. Коммунистическая система стала к тому же несовместимой с интересами большинства советской элиты, которая увидела возможность перейти в новую элиту с иным уровнем политических и экономических возможностей. Стали возрождаться и традиционно сословные притязания (в стране появились потомки дворян). В целом возникло общее стремление «новой российской элиты» обратиться к «мировой элите» [237].

8) Спецприемы. В стране применялись все уже упомянутые приемы информационно-психологического воздействия на население. Дополним их.

Образы о расплывчатых понятиях. Слова, не имеющие четко определенного смысла, сильно воздействуют на человека (Ле Бон). Такими и оказались ключевые слова идеологии перестройки/реформ: «свобода», «демократия», «правовое государство», «рыночная экономика» и др. Социально-политическая реальность стала описываться в этих понятиях при подмене их смысла. Но известно, что принять иной язык означает стать зависимым от него в силу невладения

рыцарству». Но на Руси не было агрессивных военно-религиозных орденов, этика которых была глубоко чужда русским витязям [168, с. 436].

⁵⁹ Ложь проходила на основе стереотипов и невежества. Например, о трагедии на Ходынке можно было услышать, что ею воспользовались большевики (в 1896 г. их еще не было). «Серая утка» неопределенных источников жила недолго, но была эффективна в психоманипулятивных целях, исключая опасности судебного преследования. Типично было утром сообщить нечто «из кругов, близких к...» Опровержение же включается в информационные выпуски с опозданием и передается вместе с ложным сообщением. Что касается фальшивых цитат, то поражает, как легко люди усваивали «изречения» Ленина, афоризмы Сталина (типа «Нет человека — нет проблемы»).

стоящим за словом смыслом. Это объясняет, почему люди легко уверовали в иллюзии, стоящие за используемыми понятиями. Слово «демократия», войдя в язык в извращенном смысле, стало влиять на социальные представления. Люди не вникали в смысл понятия, и потому большинство из них не заметили, что в октябре 1993 г. был разрушен именно миф о «демократии» в России (даже спустя 10 лет после трагедии по-прежнему звучал лозунг «цель оправдывает средства»). В связи с понятием о не контролируемой ничем свободе (суть которого уже рассматривалась) полезно вспомнить о «горячих точках», о переводе «безналички» в наличные, и вывозе капитала через имитацию внешней торговли, разрушивших финансы страны. Людям понравилось жить без запретов. Расплывчатыми и потому ложно истолкованными понятиями были «гражданское общество» (было создано ложное представление о том, что буржуазное общество является обществом диалога и компромисса), «рыночная экономика», «частная собственность». Социально нейтральное слово «рыночная экономика» заменило слово «капитализм». Относительно «рыночной экономики» человек поверил, что речь идет о рынке товаров, который и будет все регулировать (умалчивалось, что «свободного рынка», необходимого для рыночной экономики, не существует). Человек не мог себе представить: суть «рыночной экономики» в том, что товаром может быть все, что угодно, включая людей как товар. Общество поверило в «приватизацию», не получив информации о том, что акции существенной роли в доходах наемных работников не играют [168, с. 356–368].

Имело место и избегание устоявшихся слов, и замена их благозвучными непривычными терминами. Подбирались и нужные порочащие выражения. Выражение «протестный электорат» дает, например, образ некой озлобленной массы. Слово «дефицит» отвлекало внимание от того, что изобилие не для всех [168]. Даже простое изменение названия успокаивает людей. Так, организации, начавшие разрушение финансовой системы страны были названы «кооперативами», хотя это были частные предприятия, возникшие в основном на теневом капитале.

С. Кара-Мурза пишет о «семантическом терроре новояза» [168, с. 354]. Эффективно влияло изменение имен, сокрытие истинных названий социальных групп, явлений или течений. Ложные же имена могли быть как защищающими («либерал»⁶⁰), так и порочащим («экстрем-

⁶⁰ С. Кара-Мурза задается вопросом, можно ли считать либеральным то политическое течение, которое было у власти после 1990 г.? «Ельцинизм» принципиально противостоит либерализму: никогда еще человек не был

мист»). Создавались специфические «образные решения» вокруг отдельных понятий. Таким словом, например, стало слово «репрессии».

Известный прием *умалчания информации о происходящем* касался целей и намерений⁶¹, сроков, цены, ошибок и последствий социальных изменений, а главное — прикрытия всего этого стереотипами и привычной фразеологией⁶². Говоря о сроках «переходного периода», использовали психологическую тенденцию людей не останавливаться на полпути. Реформирование страны представлялось более легким и краткосрочным. Внушался и самогенерировался образ «скорого благоденствия». Умалчивание касалось «объективных» законов и «безупречных теорий». В блефе Гайдара от общества было скрыто, что теории рыночной экономики действуют только в рыночной экономике. Замалчивалась информация о тех странах, которые пошли по западным перестроечным рецептам. Замалчивались исторические геополитические установки Запада относительно России [168, с. 480–485].

«Образные решения» метафор и стереотипов. Прежде всего надо отметить задействованные ложные, т.е. задающие предельно неадекватные социальные представления, метафоры⁶³. «Нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка» на деле означает «прыгнуть

так лишен социальных прав и не был так беззащитен против произвола [168, с. 377–379].

⁶¹ При разговорах о «возрождении русской культуры», например, понималось сокращения доступа к культурным ценностям для населения [168].

⁶² С начала перестройки изменения подавались людям как «улучшения», не меняющие основ жизненного уклада. При продаже за бесценок Норильского комбината всех успокаивали, что из этих денег учителям зарплату выплатят. Лишь из закрытых работ (в «кругу своих») можно было понять масштаб ломки [168, с. 486–487].

Показательна история Великой французской революции: группа видных деятелей культуры и науки Франции в течение длительного времени целенаправленно убеждала общество в том, что старое должно быть сломано. В течение 20 лет выпускалась «Энциклопедия», в которой каждый вопрос излагался под этим углом зрения [168, с. 494–495].

⁶³ Показателен кинофильм «Город Зеро» К. Шахназарова (1988), сделанный в жанре, в котором философская или политическая идея передается в аллегориях в виде шифровки, доступной немногим, и деструктивно влияющей на подсознание зрителя. Данный фильм анализировался на одном из семинаров при Комитете по безопасности Госдумы (1996). Все сошлись на том, что фильм весьма точно предвосхищает процесс разрушения советского общества. Мнения разделились по вопросу о том, содержит ли фильм программу или предупреждает об опасности [168, с. 502–506].

в пропасть» («строительство моста» отвергается). Абсурдность метафоры «нельзя быть немножко беременной» применительно к экономике очевидна. Существенный вклад в искажение представлений людей о происходящем внесли метафоры, касающиеся идеи изменения государственного строя (типа «капитализации или колонизации России»). Использовались и афоризмы⁶⁴ [168, с. 372–377].

Среди задействованных стереотипизированных представлений отметим [168, с. 524–558] *антигосударственные стереотипы* («репрессированный народ», «рабочий — объект эксплуатации»)⁶⁵ и *стереотип «преступного мышления»* (преступность становится «законом жизни»; преступники вошли во власть, и потому молодые люди идут в преступные «фирмы» как на нормальную работу)⁶⁶. Эффективным психоманипулятивным приемом является так называемое «канализирование стереотипов» (см., например, разбор фильма Говорухина «Ворошиловский стрелок» [168, с. 548–553]).

Особое место в анализе манипуляции сознанием в ходе перестройки занимает роль ТВ (данная глава в книге отсутствует, ее электронную версию можно найти в Интернете), которое после августа 1991 г. стало главным СМИ-каналом формирования социальных представлений о новой реальности в стране, целенаправленного обслуживания богатого меньшинства⁶⁷. Кадровая чистка тележурналистов сделала

⁶⁴ Кириенко свел суть «антикризисной программы» к афоризму: «Надо жить по средствам», что означало сокращение расходов на науку, образование, медицину и т.д. Понятно, что он обращается не к олигархам, доходы которых трогать нельзя, а к трудящимся, которым государство не может обеспечивать врача и учителя [168, с. 376].

⁶⁵ Перестройка раскрепостила мысль о национальном притеснении. С. Карамурза подчеркивает, что СССР не был «санаторием народов», но не был и «тюрьмой» и тем более «кладбищем». Что касается рабочих, то часть из них Советское государство озлобило. Но это не смогло бы стать решающим в перестройке, если бы не был навязан образ: сохранять советский строй — не в интересах рабочих; этот строй — хуже «цивилизованного» капитализма. И любая «антирыночная» программа наталкивалась на этот стереотип [168, с. 527–532].

⁶⁶ Преступник стал положительным героем в искусстве. О «кровавых деньгах» заговорили без угрызений совести. Возникли школы наемных убийц. Создается фильм о чистой любви женщины-следователя к бандиту. Общество убеждают, что приглашение преступников в экономику, а потом и в политическую власть необходимо [168, с. 544–548].

⁶⁷ Шокирующие эпизоды из жизни обедневших групп населения даются с комментариями, превращающими бедствие народа в фарс. Так прошел

ТВ неуязвимым для недовольных «информационным садизмом». Для доминирования новых социальных ценностей атакуется общественная мораль. Освещение исторических событий поразительно бестактно (глумление над дорогими для многих образами и символами, злорадство по поводу бед страны и т.п.). ТВ, «создавая реальность» и фальсифицируя факты⁶⁸, отбросило нормы и профессиональной этики. Реклама стала идеологизированно-политизированной,⁶⁹ насаждающей ценности эгоизма и потребительства. С. Кара-Мурза приводит многочисленные примеры направленного воздействия: телеведущие, например, для поддержки определенных политических программ используют видеоряд, терминологию, интонацию и мимику. ТВ внедряло ложные образы⁷⁰, не предоставляло всего спектра общественного

репортаж о высоких доходах «профессиональных» нищих. Но, по данным социологов, 3/4 людей, просящих подаяние, действительно испытывают острую нужду. Масса бездомных — это люди, ставшие жертвой преступных махинаций с их жилплощадью. ТВ не сообщило, что в Москве на более чем 100 тысяч бездомных открыта всего одна ночлежка на 24 места. В конфликте с шахтерами (лето 1998) ТВ заняло позицию, немислимую в демократическом государстве — оно открыто представляло интересы одной стороны. Несмотря на то, что много шахтеров покончили с собой с целью привлечь общественное внимание, никто с экрана не выразил простого сострадания их семьям [168].

⁶⁸ 22 июня 1992 г. около Останкино собралось тысячи человек. С. Кара-Мурза обратил внимание на телеоператора, который выискивал особенно привлекательные лица и снимал их в разных ракурсах.

⁶⁹ Например, к образам, подлежащим дискредитации, подверстывался видеоряд с изображением нацистов и т.п. — это известный прием психологической войны (канализация негативных чувств на политически неугодные фигуры). Доренко замещает лица конкретных людей образами черепов (вопреки международным правовым нормам неприкосновенности лично-го образа) [168].

⁷⁰ Во время войн в Чечне большинство видеокадров представляли взрывы, разрушения, смерть. Между тем доказано, что видеоряд, демонстрирующий последствия войны, воздействует на подсознание и восстанавливает общественное мнение против стороны, совершившей акт разрушения, независимо от сознательного отношения к целям войны. Поэтому, например, ТВ США во время войны в Ираке 1991 г. показывало только те действия, в которых отсутствовал образ их последствий. Другая иллюстрация — инцидент с Бабицким. Его пребывание у чеченских боевиков подано как обязанность журналиста, продающего свой продукт на рынке информации. Но С. Кара-Мурза уточняет, что подобные журналисты продают оружие в информационной войне против России. Аналогичные явления немислимы на Западе.

мнения, создавало информационный фильтр⁷¹. К эфиру не допускались, например, специалисты, предупреждавшие о последствиях «приватизации». Телеканалы прикрывали создание финансовых пирамид⁷².

Большой интерес представляет разбор С. Кара-Мурзой такой конкретной операции по манипуляции сознанием, как ГКЧП-история.

10.3. ОБ ОБРАЗЕ ПЛАНЕТАРНОЙ СИТУАЦИИ

«Глобальная психоманипуляция» — спонтанная и преднамеренная — происходит на фоне многопланового кризисного потенциала планетарного масштаба. С конца 1970-х — начала 1980-х годов многие ощущали, что человечество вошло в уникальную эпоху широкомасштабных и интенсивных преобразований всех существующих реальностей⁷³. Изменения в мире по масштабам и качественным показателям виделись началом перехода цивилизации к некоей новой эре. Новое

⁷¹ Возьмем несколько иллюстраций. 1) После «объединения» Германии поначалу говорилось о счастье восточных немцев. Потом разговоры затихли, как будто восточных немцев не стало. Российские СМИ умолчали о том, что за четыре года после воссоединения отмечен головокружительный рост добровольной стерилизации женщин. 2) Большинство граждан положительно относилось к сближению Белоруссии и России. ТВ же практически не давало информации о признанных даже на Западе успехах Белоруссии в социально-экономической сфере. Экран был заполнен репортажами о скандале с Шереметом и демонстрациях малочисленной оппозиции. 3) В ходе войны в Боснии и агрессии НАТО против Югославии в 1999 г. телеведущие заняли откровенно антисербскую позицию. Ни разу не был предоставлен эфир сербской стороне. Анализ видеорядов, текстов и рекламы, которая подверстывалась к зрелищу взрывов и пожаров показывает, на чьей стороне воевало российское ТВ. 4) В 1990-е годы ТВ занимало четкую антидумскую позицию. Все телерепортажи давались с враждебной или глумливой интонацией, с искажением обсуждаемых вопросов [168].

⁷² Тем самым ТВ стало соучастником в ограблении миллионов граждан: вводящая в заблуждение реклама не сопровождалась комментариями о механизме финансовых пирамид. ТВ также прикрывало аферы с ГКО.

⁷³ Подобный анализ проводился в рамках научной деятельности НПО СИНЛА, возглавляемого А.И. Неклессой. Автор данной книги входил в руководство данной организации и был участником научных проектов. Идеи Синлы-концепции поэтому с определенными акцентами преломлялись им применительно к собственным исследованиям, пропагандировались как

качество человечества стало восприниматься как несовместимое с существующими инволюционирующими социальными реалиями. Отторжение прежних форм мироустройства многими рассматривалось как проявление процессов самоорганизации планетарного макросоциума. Человечество стало представляться как находящееся на пороге нового «эволюционного витка», связанного с его объединением в многомерный макросоциум. Этот грядущий этап назывался по-разному: «космическая эра», «новый век», «эра Водолея»⁷⁴ и др. Прошедшие годы усилили подобные представления у одних, поубавили оптимизма у других в связи с планетарной проблемностью, озадачили третьих.

В происходящих в мире процессах имеет место диалектическое взаимодействие двух одновременно и противоположных, и взаимодополняющих тенденций: к планетарной *интеграции* и к *сохранению существующих исторических реальностей*. Все, что происходит в мире, является отражением противоречий в этом взаимодействии, определяющих многообразие изменений (порой драматических) в социально-политической и экономической жизни всех планетарных субъектов и цивилизации в целом. В этом смысле понятны идеи, подчеркивающие, что взаимодействие «конкретно-цивилизационных», региональных, национально-культурных, государственных и т.п. социосубъектов уже не может не соотноситься с тенденцией превращения мирового сообщества в *единый социальный организм*.

Для наших задач подобные моменты важны в том смысле, что исследование представлений людей о настоящем и будущем (естественно, с опорой на прошлое) упирается в указанную диалектику интеграционных процессов и необходимость сохранения накопленного планетарного опыта, содержащегося в локальных культурах. Иными словами, на уровне образной сферы личности при стремлении человека к адекватному социальному восприятию должен быть представлен баланс данных тенденций.

«Планетарный процесс» включает образы, отражающие объективные и субъективные его составляющие, а также образы многомерного субстрата. Можно, например, говорить о едином синергетическом

в России (ряд моментов анализировался [97]), так и за рубежом (проект «Землянин» [400]).

⁷⁴ Здесь надо отметить анализ ошибок в исчислении эры Водолея — этой основополагающей идеи для возникновения антидуховного движения New Age [232a].

организме «планета Земля»⁷⁵, компонентом которого является само *человечество* (и, соответственно, ноосфера). Объективный аспект планетарного процесса может быть раскрыт через понимание, во-первых, развития каждого элемента синергетической планетарной макросистемы и, во-вторых, развития ее как единого целого в контексте макрокосма (идеи о «мировом процессе» — world process можно найти в работах А. Минделла [423]). Главная роль в планетарных процессах принадлежит человечеству (хотя, в свою очередь, оно находится под влиянием этих процессов). У человечества важны такие его грани, как нестационарность развития, целеполагание (собственными, преимущественно неосознанными целями и путями их реализации), способность к самокоррекции на основе многочисленных обратных связей [97, с. 10]. Рассмотрение человечества как главного компонента единой планетарной макросистемы позволяет анализировать субъективный аспект планетарного процесса.

На человечество влияет гигантское число факторов. Существуют как многоуровневые (по степени локальности) «внутрицивилизационные факторы», так и «внецивилизационные факторы», например, геомагнитные влияния (можно говорить и о гипотетических метафизических влияниях). Особая роль принадлежит взаимодействию типов отношений группового субъекта со средой — замкнутого статичного и открытого динамичного. В синла-концепции подчеркивалось, что конкретная социосистема имеет спектр потенциальных возможностей, реализуемых на основе взаимодействия некой заложенной в нее многовариантной программы развития («социогенов») со свободой целеполагания⁷⁶. Результат этого взаимодействия выражается в выборе социосубъектом собственного будущего в бифуркационные моменты своей истории.

Но как же в сознании людей отражены планетарные тенденции? К сожалению, несмотря на то, что за последние 10–15 лет многие тенденции стали более явными, в планетарном масштабе мы имеем рас-

⁷⁵ В его структуру входит, в частности, «планетарное тело», включающее, как минимум, геологический субстрат, гидросферу, атмосферу и биосферу [97].

⁷⁶ Именно поэтому были высказаны критические замечания в адрес евроцентристской идеи единственно возможного пути человечества. Человечество могло пойти и другим путем, например, с иным путем западного христианства, который мог не привести западную цивилизацию к идеологии прагматизма.

ширившийся спектр представлений о социально-политической реальности. В этих образах могут быть и общие моменты, и огромные различия в зависимости от пола, возраста, национально-культурной принадлежности. Заметим, что признаки возможных тенденций очевидны для одних и не заметны для других. Описание феноменологии спектра представлений о происходящем на планете — отдельная задача, превышающая силы индивидуальных исследований. Ее решение требует многолетних кросс-культурных исследований на уровне крупных научных центров. Но мы можем познакомиться с некими вариантами представлений о происходящем на уровне экспертных оценок. Это позволит реконструировать важные параметры интересующего нас класса образов социальной реальности. Так, в исследовании А.И. Неклессы [73; 74; 228-230]⁷⁷ мы видим следующую картину: на сцену планетарных событий выходит «мировой андеграунд» коллективного бессознательного человечества, из пластов которого выходит наружу архаика неоязычества, нравственная дикость нового варварства, социальный хаос, безумие людей. Принципиально возможна антропологическая мутация человека. Глобальные изменения происходят именно на этом фоне и затрагивают все сферы жизни людей, приводят к необходимости психологической (в интеллектуальном, эмоциональном, поведенческом аспектах) и социальной адаптации человечества к качественно иной форме цивилизации. Люди движутся к тотальной дезориентации, связанной как с утратой традиционных опор мышления, чувствования и поведения в рамках национальных культур, так и с появлением принципиально новых социальных реальностей. Метаморфозы цивилизации станут вызовом большому человечеству. Человечество видится находящимся на краю непознанного пространства, разглядывающим неведомые ландшафты при отсутствии карт для маршрутов движения. А.И. Неклесса подчеркивает, что на расплывчатых социополитических картах XXI в. видны

⁷⁷ См. следующие статьи А.И. Неклессы: *В журнале «Новый мир»*: «Эпизод истории, или Пакс Экономикана» (1999, № 9), «Глобальный город: творение и разрушение» (2001, № 3), «Трансформация истории» (2002, № 9). *В журнале «Знамя»*: «Контуры Нового мира и Россия (геоэкономический этюд)» (1995, № 11), «Конец цивилизации, или Зигзаг истории» (1998, № 1), «Конец эпохи Большого Модерна» (2000, № 1). О Новом мировом порядке подробнее см.: *Неклесса А.И. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития*. М.: Экономика, 2001. Использовались также материалы докладов и круглых столов.

одновременно и контуры системы глобальной безопасности, ориентированной на новый орган всемирно-политической власти и «мировой океан» нестационарной, турбулентной системы международных связей, способной выйти из-под контроля. Известные идеи об управляемом хаосе можно рассматривать неким средним вариантом между обеими альтернативами или этапом установления первого варианта при условии, что цивилизация не сорвется в «мировую апокалиптическую анархию». В этом смысле подчеркнем, что ситуация в мире сегодня качественно отличаются от той, которая осмысливались Тоффлером несколько десятилетий назад. Супершоковое движение к новой действительности является объективной причиной эскалации глобальной конфликтности.

Социальной психологии предстоит изучить основные параметры многомерных представлений о геополитической ситуации [230, с. 11–22]. Прежде всего, предметом изучения должно стать представление о «глобализации», задающей все темы социального восприятия положения дел на планете. Глобализацию как объективную планетарную тенденцию к интеграции (планетаризации) будем рассматривать в связи с понятиями *глобализма и антиглобализма* в плане их взаимоотношений как тезиса и антитезиса. При этом необходимо осознать различие между *глобализацией* (планетарным процессом) и *глобализмом* (определенным мировоззрением). *Антиглобализм* несет в себе идею протеста против тоталитаризма этого проекта, несущего угрозу планетарному разнообразию. В этой связи справедливо рассмотрение А.И. Неклессой антиглобализма как спонтанного эмоционального ответа части человечества на предчувствуемый «шок нового мира». Другой предмет осмысления социального восприятия — образы *«новой мировой политики»*. А.И. Неклесса отмечает введение в общественное сознание образа «стран золотого миллиарда» и противостоящей ему «оси зла стран-изгоев». Их конфликт чреват мировой анархией [230, с. 6]. Значимый компонент представлений о современном мире — кризис национальной власти, снижение роли демократических институтов. Глобализм несовместим ни с гражданскими институтами, ни с политическим суверенитетом народа. Мировая политика связана с представлением об *экономическом мироустройстве*. Система глобального управления миром сочетает экономику с политикой и тотальным контролем над финансами и налогами.

Особая тема — представление о *духовно-нравственной сфере*. В мире на фоне борьбы мировоззрений, идей, культур переосмысливается вся система отношений человека. Национально-культурные

особенности, в частности, все чаще расцениваются как проявления местничества. Через отстранение от традиционных норм проступают контуры совсем иной системы ценностей, несводимой к исторически реализованным (богатству духовного опыта человечества). Нравственная основа человека деформируется под влиянием смены установок, и все больше уступает правовому регулированию. Можно увидеть важнейшую тенденцию — де-христианизацию Запада, появление различных сочетаний неоязычества. Вспомним, что антихристианство западной цивилизации пророчески усматривали Гоголь, Достоевский. Духовные тенденции на Западе вписываются в святоотеческие представления о нравственной апостасии человечества как отходе от законов истинной духовной жизни. О замещении христианства культом Левиафана писал А. Тойнби. На роль альтернативы христианской цивилизации претендует социальный постмодерн, имеющий гностицистский фундамент [74, с. 27].

Представления о современной социально-политической реальности должны отражать оппозицию между традиционным социальным управлением и новой его формой в виде неформальных **сетевых структур**, как раз и выражающих тенденцию ухода от общечеловеческих нравственных законов бытия в область локальных интересов групповых социальных субъектов «за счет других». Особый интерес имеет сетевая структура неформальных элитарных клубов, религиозных сообществ, а также криминальных и террористических организаций. Именно в связи с сетевыми организациями следует анализировать феномен **«системного терроризма»** со стороны многомерного «теневого сообщества», способного стать перманентной планетарной угрозой [230, с. 7–9]. Децентрализация международного сообщества, развитие транснациональных сетей сотрудничества повышает роль и транснациональных криминально-террористических структур.

Но не только глобализм-проект, предполагающий планетарное размежевание на «страны золотого миллиарда» и «страны-изгои с ограниченным суверенитетом», усиливает конфликтность мира. В мире присутствуют и другие проекты и варианты «объединения человечества», выдвигающие свои специфические угрозы. Это и «исламский проект священной войны», и другие стратегические инициативы, существующие на уровне представлений их авторов и ожидающие своего часа — «кристаллизации» и манифестации.

Большую роль в том, как будут реализовываться угрозы для человечества играет Россия и те представления, которые имеются

не только у ее граждан, но и у людей в других странах. Этот момент связан с кругом известных идей об исторической роли России в мире. Но эта роль будет зависеть от того, каким путем пойдет Россия, как она преодолеет свой системный кризис, в который страна была ввергнута в последние два десятилетия.

В научном плане представляется полезным обозначить виды социальных представлений в связи с глобализацией как предметы социально-психологического исследования. К таким классам образов можно отнести представления об утрате суверенитета, образы угроз национальной безопасности невоенного характера, класс образов геополитических интересов и мн. др.

10.4. МАНИПУЛИРОВАНИЕ ОБРАЗНОЙ СФЕРОЙ ЧЕЛОВЕКА С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Следующая важная проблема для психологической науки — влияние на образную сферу личности новых информационных технологий. Сами по себе данные технологии злом не являются, но злом может стать их использование. Какие изменения образной сферы личности в новой реальности имагосферы можно предположить? Вырисовывается интереснейший предмет комплексного психологического изучения — тотально контролируемое общество, члены которого в своей основной массе об этом бы не догадывались, будучи «зомбированными» информационными потоками внешней имагосферы, «свободой для страстей», инерцией «демократических иллюзий» и другими влияниями. Особенности психического отражения-регулирования члена «общества счастливых рабов» действительно потребует психологического обоснования возникающих психологических реалий. Поражает, как люди уже сегодня готовы связать свою свободу для сохранения иллюзии обладания ей. Для тотально контролируемого глобального социума необходим «всеобщий каталог персональных данных о человеке» на основе пожизненного личного кода — цифрового имени, задействованного в универсальных контролирующих системах. Создается так называемое «сетовое сетевое общество» с его замаскированной тоталитарной сущностью [77]. Сетевое общество — это мир, чуждый человеческой природе. С ним связан широкий круг сложных нравственно-психологических вопросов, которые мы не будем обсуждать в данной книге. Отметим пока лишь несколько моментов.

Глобальная сеть электронных коммуникаций уязвима и для внешних атак. Уже в 40–50-е годы прошлого века в СССР в психотронной лаборатории (Владимирский проект) изучалось психокинетическое воздействие на компьютеры. Последние были признаны ненадежными в военных целях, поскольку была показана возможность дистанционного биоэнергетического воздействия на компьютерные структуры (известные исследования Г.А. Сергеева). В последнее время появляется информация о принципах действия антикомпьютерного оружия, которое могут задействовать террористы под влиянием интересов самых разных социальных проектов.

Изложенный материал показал большие возможности «тонкого ненавязчивого влияния» на людей психологическими средствами. Большинство методов связано с воздействием на образную сферу личности. Все явственнее, например, видятся психоманипулятивные возможности образов «виртуальных миров». При рассмотрении влияния на образную сферу личности информационных технологий надо помнить о возможности незаметного введения в память человека информации, усваиваемой на подсознательном уровне и влияющей на картину реальности. Цифровые технологии позволяют вмонтировать в изображение и звукозапись любую информацию, которая воспримется подсознательно [153; 154; 168].

Особую озабоченность с духовно-нравственной точки зрения вызывают перспективы имплантирования в человека микрочипов, через которые появляется возможность не только текущего контроля за личностью, но и воздействия на нее. Через внедренный в тело «микрочип-излучатель» в мозг передается кодированная информация. Через воздействие же на определенные мозговые центры можно вызывать заданные переживания и *образы*, влияя на поведение. Манипулятивные образы могут составлять спектр — от «мягко искажающих» отражение мира до наведенных фантазий, «грез наяву», сновидений и галлюцинаторноподобных образов измененных состояний сознания.

Главное в проблеме новых информационных технологий — отчуждение человека от окружающего мира. Если десятилетия назад Э. Тоффлер говорил об опасностях влияния на человека искусственной интеллектуальной среды, то сегодня возможны индивидуализированные иллюзорные миры любого содержания. «Особые виртуальные реальности», обладая непрогнозируемыми возможностями влияния на сознание, подтверждают факт порабощающей силы реалий информационного мира будущего (и «принудительной виртуализации

социума» [77]). Предпочтение «реальностей», созданных информационными технологиями, выступит нравственно-духовной проблемой будущих поколений.

Итак, проблема глобального контроля — это вопрос о представлениях человека о возможности и формах «скрытого тоталитаризма» через новые технологии психоманипуляции. Это вопрос о «слепоте» в отношении опасности исчезновения истинной свободы духа. Самое же страшное — это то, что «человек-биоробот» не будет догадываться о том, кто он есть. Психология, исходя из ее нынешнего понимания проблемы, будет активно, но неосознанно способствовать психозомбированию.

Перспектива лишения человека истинной свободы заменой ее на «свободу страстей» под неуспешным многомерным контролем не может не волновать нравственно здоровых «землянин». Но как можно противостоять утрате духовного зрения? Устойчивость по отношению к навязываемым через образную сферу личности социальным представлениям является необходимым дополнением в изучении психоманипулирования по всем уже обозначенным каналам информационного воздействия. Занижение или завышение таких возможностей не позволит определить, насколько человек реально выступает объектом манипуляции.

Сказанное о возможностях влияния на социальное восприятие не означает чего-то безысходного в жизни человечества. Например, создание образа криминальной жизни в России «ментовскими сериалами» не означает, что картина действительности, складывающаяся у граждан, не способна содержать здоровых элементов. Люди могут осознать любые социальные проблемы и внутренне сопротивляться. Человек становится «отманипулированным», если он соучаствует в процессе воздействия на него — сознательно, или неосознанно. Манипуляция человеком невозможна без наличия «резонансного союзника» в его внутреннем мире.

Простое сомнение в навязываемом ослабляет психоманипулятивное воздействие. Поэтому так важна уже известная нам установка на «духовное трезвение» относительно любых возникающих социальных представлений. Психоманипуляция — это соблазн, подчеркивает С. Кара-Мурза (о противодействии манипуляциям с социальными представлениями см. его анализ [168, с. 23–24, 30–33, 210–212]), а потому каждому дана свобода воли и ответственность не впасть в иллюзии. Он отмечает индивидуальный стиль интерпретации сообщений. Одни стараются восстановить логику происходя-

шего; сомнения подталкивают к поиску истины. Другие принимают сообщение лишь как одну из версий. Третьи на основе стереотипов и предрассудков уверенно принимают подаваемое толкование события. Большинство людей не желают тратить сил и времени, чтобы просто критично отнестись к сообщениям. Особый интерес для психологии представляют состояния человека, когда он сам не хочет убедиться в чем-то очевидном, как бы желая быть одураченным. Тот, кто не желает стать объектом манипулирования, должен стараться «чуть подвох» и вопрошать о получаемой информации. Самым простым приемом защиты является прерывание контактов с подозрительным источником информации. Например, если человек прекратит на время смотреть телевизор, он заметит его манипулятивное воздействие.

Согласно принятым законодательным нормам, европейское ТВ обязано⁷⁸: 1) давать объективную и беспристрастную информацию; 2) четко разделять информацию и мнение о ней (телеведущие обязаны прямым текстом и интонационно разделять факты и мнение о каком-то вопросе)⁷⁹; 3) предупреждать о различии социальных позиций⁸⁰; 4) на государственном ТВ предоставлять время для изложения точек зрения всем парламентским партиям пропорционально числу мандатов; 5) обеспечить право граждан и организаций на опровержение информации на том же канале; 6) обеспечивать неприкосновенность образа человека (немыслимо то, что делал, например, С. Доренко);

⁷⁸ В западном обществе отмечается следующий конфликт. На фоне декларирования свободы ТВ уже в 80-е годы в США 2/3 телезрителей признавали, что ТВ оказывает на детей отрицательное влияние. Сегодня 82% детей заявили, что ТВ должно учить различать добро и зло, 77% недовольны тем, что их приучают к мысли, что люди нечестны. В США была создана ассоциация, которая ежегодно организует в национальном масштабе недельный полный бойкот ТВ (в 1996 г. к нему присоединилось 4 миллиона телезрителей; бойкот был поддержан губернаторами 26 штатов. Клинтон и его соперник Доул начали свои предвыборные кампании, высказавшись за ТВ цензуру [168, с. 277–278].

⁷⁹ По мнению С. Кара-Мурзы, телеведущий, рассуждая на тему о сталинских репрессиях, обязан сказать, что, по официальным данным, к смертной казни было приговорено 700 тыс. человек, но телеведущий располагает сведениями о 43 миллионах расстрелянных.

⁸⁰ Говоря, например, о приватизации земли для «нормального сельского хозяйства», телеведущий должен проинформировать, что против этой идеи выступают почти все крестьяне, большинство горожан, конкретные партии.

7) устанавливать квоту для отечественной телепродукции и ограничивать показ рекламы.

Основание для оптимизма заключается в том, что человек, к счастью, все же пока достаточно последователен в сохранении своей интеллектуальной и духовной свободы. Люди поступают наперекор навязываемым им мнениям, ценностям, идеалам, духовно-нравственным нормам или остаются равнодушными (парадокс Ла Пьера). Более того, люди не всегда действуют в соответствии со своими же собственными социально-психологическими установками (в психологии рекламы это ясно показано [176а, с. 64]). Изучение роли образной сферы личности в парадоксе Ла Пьера является актуальной проблемой. Насколько декларируемые установки связаны с формированием определенных социальных представлений (особенно неосознаваемых), с поведением? Насколько позиция творческой активности личности может противостоять навязываемым социальным установкам? Социальной психологии пора углубить исследования в этой области и сделать предметом изучения индивидуальный «фильтр» информационных потоков — психологического механизма, компенсирующего влияние СМИ, как «средства массовой дезинформации». ТВ, в частности, корректнее называть «средствами массово-индивидуальной коммуникации», ибо сознательно или неосознанно человек выбирает из ее потока то, что отвечает его интересам, способствует благополучию семьи [284, с. 57].

В то же время, сопротивляемость какой-то информации не означает, что «фильтры отбора образов» не будут все же постепенно «изнашиваться» под воздействием «информационной осады»: влияние через подсознание есть одновременно влияние на особенности формирования социальных представлений и мировоззрения в целом. Так, Б.М. Сапунов подчеркивает, что настойчивое навязывание определенных сюжетов, картин, мыслей, действующих не только на сознание, но и на подсознание разрушает защитные механизмы психики и «культурные скрепы» [284, с. 58]. Задаваемая система образов может включаться в регуляцию жизнедеятельности личности, ослабляя сопротивление последующему информационному воздействию. И тогда образы — носители психоманипулятивного влияния — будут восприниматься все менее и менее критично.

Существуют приемы и социальные факторы, снижающие психоманипулятивные влияния [168, с. 667–681]. Представим их обобщенно с дополнениями.

1. Формирование позиции самостоятельного интерпретатора информации (непринятие сообщения за «чистую монету», выяснение, «что стоит за ним»). Тренировка внутреннего диалога по проблеме⁸¹, а также поиск нестыковки информации.
2. Анализ СМИ-языка. Так, использование «птичьего языка» указывает на то, что это канал чьих-то интересов⁸². Полезно просто пересказать некое сообщение другими словами, избегая идеологических категорий⁸³.
3. При обнаружении «игры на чувствах» стараться воспринимать сообщения бесстрастно. Полезно подставить вместо предлагаемого «врага» другую фигуру (неодиозную или привлекательную).
4. Минимизация контакта со СМИ при ощущении «втягивания» в информационный поток. Оценка объективности сенсаций и срочности сообщения. При ощущении сенсационности надо усилить недоверие к информации или прервать контакт.
5. При наличии навязчивой темы («информационный вирус»), особенно, когда некое решение представляется безальтернативным, следует отвергнуть предложенную трактовку и подумать о вариантах более глубокой интерпретации проблемы самостоятельно⁸⁴.

⁸¹ Это надо делать для компенсации отсутствия реального диалога в СМИ. Так, в 1990-е годы «независимое ТВ» не давало слова оппоненту. При кажущихся дебатах допускались «противоречия» между олигархами (Гусинский против Березовского и т.п.), проблемы страны не поднимались, внушались решения типа «иного не дано».

⁸² Непонятные слова имеют или целью подавить слушателя фальшивым авторитетом «эксперта», либо выполняют роль шаманского заклинания, оказывающего гипнотизирующий эффект.

⁸³ С. Кара-Мурза на одной лекции в Испании отошел от идеологических категорий и говорил о показателях жизни. И это произвело эффект — для очень многих факт отсутствия при советском жизнеустройстве наркомании перевешивает все блага «общества потребления». В иных терминах люди слышать о социализме не хотели.

⁸⁴ Если относительно депортации крымских татар, поданной в СМИ как преступление, спросить, а как надо было поступить с воевавшей на стороне немцев «пятой колонной» (расстрелять 20 тысяч служивших у немцев мужчин было бы равносильно исчезновению народа с лица земли), вопрос начинает выглядеть по-другому.

6. Воссоздание исторического контекста некоей проблемы. Восстановление для этого исторической памяти, преодоление ее иллюзорности, изучение символики⁸⁵.
7. Осознание привлечения авторитета для поддержки какой-то позиции из совершенно иной сферы⁸⁶.
8. Нахождение групповых стереотипных социальных представлений, на которые происходит воздействие, и блокирование собственных стереотипных установок⁸⁷.
9. Осознание проведения в жизнь социальных проектов, способных подталкивать человека совершать определенные поступки⁸⁸.
10. Анализ обслуживания сообщения рекламой как поддержкой или «помехой».

Особая тема — защитные меры против рекламы. Здесь можно указать на обнадеживающее явление в нашей национальной психологии. «У нас реклама скомпрометирована больше, чем где-либо, — писал А. Веригин в 1898 г., — и не потому, что русская публика подвергалась нашествию эксплуататоров и хищников на ее карманы сильнее, чем за границей, а потому, что нравственное, психологическое воздействие самого общества, его отрицательное и недоверчивое отношение ко всякому нескромному, наглому, соблазнительному выкрикиванию значительно сильнее в России, чем где бы то ни было» [187, с. 100].

Самый простой способ противодействия навязчивой пошлой рекламе — не смотреть. С другой стороны, полезно учиться видеть

⁸⁵ Проблема приватизации земли, например, представлялась как чисто экономическая проблема. Не объяснялось, почему в России никогда не было частной собственности на землю. Не сообщалось и о том, что покупка земли считается лучшим способом отмывания денег. Другой пример касается реалий западной жизни. Так, много говорится о правах человека. Но как насчет «охоты на ведьм» при сенаторе Маккарти, или насчет Миттерана, залившего кровью Алжир?

⁸⁶ Киноактер Депардье приезжает в Москву агитировать за Ельцина, академик Сахаров внушает мысль, что СССР должен разделиться на 35 государств.

⁸⁷ Пример эксплуатации стереотипа: НТВ 1990-х годов вопреки своей информационной политике вдруг начинают сострадать «нашим мальчикам» в Чечне.

⁸⁸ С. Кара-Мурза, например, говорит о том, что социально-экономические последствия реформ стали возможны благодаря ошибочному выбору большинства на основе непонимания конкретного проекта под действием программы манипуляции общественным сознанием.

глубокие символические уровни рекламной имагосферы. Важной в этой связи психологической проблемой является роль психологических защит в механизме формирования и функционирования социальных представлений. Учет фактора психологических защит вносит свой вклад в изучение противодействия психоманипулированию⁸⁹.

Определенная роль в разработке контрманипулятивных мер принадлежит практической работе с образной сферой личности. Имагопрактика должна быть направлена на осознание людьми социальной мифологии и стереотипов, на ослабление оценочности. Необходима помощь в создании позитивных установок на окружающих, на разрешение конфликтов. Имагопрактика должна включать приемы, направленные на достижение баланса между потребностями/интересами человека и группы, на коррекцию особенностей их взаимодействия. Особое значение имеет коррекция этнических стереотипов и предрасудков, национально-культурной идентификации, которая может помочь принятию иных традиций, равно как и любых межгрупповых различий. Главным же защитным средством от любой психоманипуляции является *духовно-нравственный* уровень развития личности.

⁸⁹ Напомним, что механизмы психологической защиты не допускают неприятные переживания до осознания. Поскольку же образ не исчезает из «подвалов» образной сферы личности и зафиксирован в «памяти души», субъективный мир наполняется иллюзорными образами.

В заключение сделаем ряд обобщений. Прежде всего, отметим, что анализ данных, касающихся многоаспектности проявлений образной сферы человека как важнейшего компонента внутреннего мира личности, подтвердил значимость ее изучения в теоретическом и практическом планах. Исследование образной сферы человека значимо, например, для решения, таких теоретико-методологических проблем психологической науки, как психические процессы, психическое отражение-регулирование, познание целостности психики, изучение взаимосвязи индивидуального сознания и неосознаваемых сфер психики, рассмотрение интегральной картины мира в ее отношении к отражению внешней реальности и внутреннему миру, исследование социальных представлений. Феноменологическое описание мира вторичных образов, изучение закономерностей организации образного опыта является необходимым перспективным направлением, связанным с изучением глубинных механизмов психического отражения-регулирования, особенно в плане раскрытия их активного и творческого характера, и что самое главное — в плане отражения, переживания и понимания духовных смыслов бытия. Понятие «образная сфера человека» показало себя эвристичным концептом. Образную сферу человека мы рассматривали, во-первых, как спектр-совокупность вторичных образов, где вторичные образы различных классов и уровней представляют собой элементы особой многомерной структуры, имеющей свои особенности, систему функций; во-вторых, как совокупность образного опыта, который может быть сознательно переживаем конкретным человеком; в-третьих, как множество потенциальных вторичных образов, которые могут быть представлены в человеческой психике. Образная сфера описывается кольцевой структурой, допускающей многомерную конкретизацию, подтверждающей представления о целостности образной сферы человека, демонстрирующей связь понятия вторичного образа с явлениями сознания/неосознаваемого, с психическими процессами и функциями.

Изучение образной сферы предполагает построение многомерного описания ее характеристик, включающего систематизацию набора *исходных* характеристик, описывающих классы вторичных образов

в связи с процедурами их измерения, нахождение *минимально достаточного* набора *интегральных* характеристик, способных нивелировать специфичность и разброс парциальных показателей и недостатки измерительных процедур, изучение соотношения общих и парциальных характеристик относительно классов вторичных образов и образной сферы личности в целом.

В книге показано, что необходимым дополнением к объективистским методологическим установкам в изучении образной сферы человека является *феноменологически-герменевтический подход*, основывающийся на принципах «понимающей психологии» и призванный описывать переживание, осознание и понимание человеком содержания «образных событий» во внутреннем мире. Феноменологически-герменевтический подход обосновывает онтологический статус образной сферы человека. С позиций данного подхода важной теоретической проблемой является доверие человека переживаниям образного опыта. Из данной проблемы вытекает задача поиска психологического знания, в том числе историко-психологического, которое предметно и целенаправленно раскрывает данный аспект.

Центральное понятие, использованное в книге, — понятие трансляционной функции образной сферы человека. Данная макрофункция раскрывает дополнительные ракурсы полифункциональности психического образа, в частности, она ответственна за феноменологию глубинного контакта человека с наиболее скрытыми областями его внутреннего мира, с реальностью бытия в единстве внешних и внутренних, реальных и идеальных его измерений, в том числе неявных для обычного состояния сознания измерений окружающего мира. Особая роль трансляционной функции принадлежит познанию высших духовных смыслов. Она раскрывает содержание нравственных переживаний человека, выступает одним из высших уровней психической саморегуляции, обеспечивающих развитие духовного потенциала человека, включает религиозный опыт.

В то же время изучение трансляционной функции затрагивает междисциплинарное знание. Особую роль в освоении этого знания приобретает история психологии. Создание новых подходов к изучению отражения человеком высших уровней и смыслов духовного бытия предполагает учет и анализ академической психологией нетрадиционных видов психологического знания, мирового религиозно-философского наследия и новейших научных открытий, связанных с категориями «энергии», «информации», «времени» и «пространства». Моменты, не вписывающиеся в традиционную психологическую

парадигму, понимаются нами как области законного психологического интереса и предмет научного изучения.

Одним из таких вопросов является прообраз-источник нравственно-духовного и религиозного опыта. В этой связи возникает проблема критериев разграничения «игры воображения», образной информации из неосознаваемых структур психики, «мистических созерцаний» реальности. Для психологической науки теоретически и практически значимо изучение когнитивных, эмоциональных и поведенческих искажений, чреватых нравственными заблуждениями, иллюзорностью восприятия мира, психическими нарушениями. В книге были обозначены три варианта подхода к проблеме: 1) цель — выяснить природу прообраза — не ставится; 2) образный опыт нравственно-духовного содержания являются выходом индивидуальной психики в неизвестные академической психологии сферы бытия; источник образной феноменологии выступает гипотетическим онтологическим конструктом, требующим осмысления без выяснения его субстанциональной природы; 3) прообразы переживаний допускаются в виде объективного субстанционального существования; образы при определенных условиях выступают своеобразной «символической перцепцией» надпсихической реальности.

Для академической психологии актуальны области феноменологии трансляционной функции образной сферы, накопленной в опыте различных религиозно-мистических традиций, предполагающих механизм «внутреннего прозрения» скрытых измерений реальности. «Трансперсональное познание» демонстрирует роль образов измененных состояний сознания не только как языка общения человека с многослойными и многомерными областями внутреннего мира, но и как психологическое средство считывания информации при непосредственном взаимодействии с реальностью. На этом пути требуется дополнительное внимание к искажениям при отражении образной сферой высших духовных смыслов бытия, а также к феномену создающий (программирующей) силы вторичного образа.

Вклад в изучение трансляционной функции образной сферы вносят все классы вторичных образов, особенно сновидения и образы измененных состояний сознания. При этом значимость образов измененных состояний сознания должна быть осмыслена с учетом деструктивных аспектов галлюцинаторноподобного опыта. В целом наши исследования показывают, что методы субъективного оценивания вторичного образа являются адекватным измерительным инструментарием исследования феноменологии образной сферы человека, с достаточной надежной системой ее основных характеристик в много-

мерном описании. Показано, что характеристики образной сферы человека обладают диагностико-прогностическим потенциалом.

Необходимыми параметрами структуры и полифункциональности образной сферы человека выступают индивидуальные особенности. Дифференциально-психологический подход к образной сфере личности предполагает определение вклада, который вносят сочетания характеристик вторичных образов (различного класса) в адекватность психического отражения-регулирования. Высокая образная способность, диагностируемая различными сочетаниями субъективных и объективных характеристик определяет успешность решения многих задач в жизнедеятельности человека. Актуальной перспективной задачей является создание «имагограммы» человека как «паспорта» индивидуальных особенностей его образной сферы, включая личностные особенности организации образного опыта.

Личностные особенности действительно являются неотъемлемыми характеристиками образной сферы. В основу многомерной «персонализации» образного опыта было положено пространство трех факторов (тревожная погруженность в «грезы», конструктивное использование образов для решения проблем, адекватность образов воображения земным реалиям), каждый из которых включает не только характеристики образного явления как процесса и как результата, но и корреляты с различными психологическими показателями.

При рассмотрении проблемы осознания и понимания образного опыта была подчеркнута значимость анализа двойственности функционирования психологических защит в порождении и понимании образных событий внутреннего мира: их «положительно-охранительная» (от информации для личности в данный момент не полезной) и «негативно-маскирующая» (сокрытие образного опыта, полезного в данный момент) роль в этих процессах. Заострена проблема системных принципов интерпретации вторичных образов различных классов. В частности, она рассматривалась на примере проблематики интерпретации сновидений. Выделенные взаимодействующие блоки, уровни и подуровни анализа проблемы, по мнению автора, способствуют изучению механизмов порождения сновидений при условии использования междисциплинарных и культурологических данных.

Большое внимание в книге уделялось раскрытию положения о том, что образная сфера человека является психологическим инструментом личностного развития, помогающим находить скрытые измерения внутреннего мира человека. Необходимым направлением исследования роли образности в личностном развитии выступает изучение теоретических

и прикладных проблем работы с образной сферой. В раскрытии этого вопроса было подчеркнута значение осмысления мировоззренческих, теоретических и практических проблем имагопрактики. Данные проблемы были рассмотрены в контексте нравственно-духовного развития человека, в связи с особенностями переживания им духовных измерений бытия. Работа с нравственно-духовными смыслами, осуществляемая через образную сферу личности, способствует положительному вкладу в жизнь общества, в «поле цивилизации».

В работе с образной сферой следует особо учитывать сложные психофизиологические состояния, порождающие измененные состояния сознания. Имагопрактика на уровне образов данного класса требует особой осторожности, поскольку психологией недостаточно осмыслены последствия актуализации неосознаваемых сфер при эмоционально-катарсическом отреагировании в этих состояниях. Необходимо более глубокое понимание того, что в этих сферах человек встречается с силами, способными принести ему вред за счет включения во взаимодействие с реальностью, еще не осмысленное наукой, однако известное из многовекового опыта многих духовных традиций. Необходимо определение средств, обеспечивающих «нравственно-духовную безопасность», в рамках которой человек может избежать искажений духовных смыслов бытия. Для изучения опасностей отрицательного влияния образной сферы на личность были выделены три плоскости рассмотрения роли образного опыта в личностном развитии: 1) психокоррекционная плоскость, не затрагивающая метафизических факторов влияния на человека; 2) плоскость начального нравственно-духовного поиска, учитывающая подобные факторы и их влияние; 3) плоскость духовно-религиозных традиций с их максимальным вкладом в проблему искажений нравственно-духовного познания.

В монографии были сформулированы ряд перспективных направлений исследования работы с образной сферой: 1) создание унифицированной системы имагопрактики на основе исследования дублирования и взаимодополняемости, рамок применимости, достоинств, психодиагностической и психокоррекционной силы существующих вариантов; 2) разработка имажинативных моделей для компенсации конкретных классов психологических проблем человека; 3) изучение образов долговременной памяти как средств кристаллизации неосознаваемого жизненного сценария человека (репрезентация психологических защит, искажающих образы памяти, определение лично значимых инвариантов содержания образного опыта и пр.); 4) изучение образной сферы как средства взаимопонимания людей: психолога (психотера-

певта), имагопрактикующего человека и участника групповой имагопрактики; 5) изучение отражения в образе сомато-нравственно-духовных взаимосвязей и их регулятивных эффектов; 6) изучение образной сферы человека в «пограничных состояниях» и при психозах; 7) определение рамок в использовании образного опыта как фактора личностного роста, особенно образов измененных состояний сознания в зависимости от индивидуальных особенностей человека, от выбранного им духовного пути, от принадлежности к определенной культурной традиции.

Большое внимание в книге уделено изучению образного отражения личностью социально-политических явлений. Особое значение приобретает исследование связи социального восприятия и психоманипулирования человеком через окружающую «имаго-символосферу», образы которой произвольно и непроизвольно усваиваются человеком. Воздействие на социальные представления людей изменяют внутренний мир личности, ведет к утрате свободы нравственного самоопределения. Особое значение имеет изучение психологических эффектов образов виртуальных реальностей, максимальным выражением которых может выступить «виртуальное мировоззрение» — иллюзорная картина мира, являющаяся заменителем объективной реальности.

Возрастание удельного веса образов безнравственного содержания в окружающей человека имаго-символосфере свидетельствует о «войне образов» различной семантики: с одной стороны, способствующей духовно-нравственному развитию личности и, с другой — личностно деструктивной. «Война образов» связана с определенными планами бытия, включает онтологию сил добра и зла, стоящих за семантикой образов. «Война образов» в этом плане недостаточно осознается как в научной психологии, так и на уровне обыденного сознания. Для противодействия образам «семантики зла» в имагосфере всех уровней необходимо усиление образов духовно-нравственного содержания, сохраняющих баланс на уровне образной сферы общечеловеческого и национально-культурного. Главной ареной «войны образов» является кино-видеопродукция, западно-ориентированная реклама/брендинг, «черные технологии» политического пиара, интернет. Использование взаимодействия СМИ, рекламы, пиара и других проявлений имаго-символосферы советско-российского социума в период его перестройки привело ко многим негативным изменениям в сознании людей и «материализации» возникших социальных представлений в различных сферах социально-политической и экономической жизни.

Чрезвычайно актуальной, однако достаточно игнорируемой проблемой являются представления людей о происходящем в мире

и о перспективах человечества. Изучение особенностей образа «нового мира» предполагает повышенное внимание к представлению о структуре и функционировании субъективного фактора в создании «нового мироустройства». Важнейшим измерением представлений людей о социально-политических и экономических процессах является, в частности, отражение преднамеренности и спонтанности социально-политической и экономической инициативы людей на различных уровнях. Мировоззренческая основа «элитарного мироустройства» выступает фактором глобального психоманипулирования, способного маскировать социальные проекты социал-дарвинистского характера.

Новые информационные технологии несут большую опасность формирования «виртуального мировоззрения» и образов-представлений заданного содержания, касающихся любых аспектов жизни людей. Непосредственное воздействие на образную сферу личности достижениями новых информационных технологий способно обеспечить создание «нужных картинок» и переживаний, «зомбирующих» людей. Возможности противодействия манипулированию социальными представлениями и мировоззрением человека существуют, и психологическая наука должна собирать соответствующие знания: от простых психологических приемов до возможностей, открывающихся на уровне нравственно-духовного самосозидания на путях познания духовных смыслов бытия.

Наконец, отметим один важный для психологии вторичного образа момент. Изучение образной сферы человека с историко-психологических позиций показало специфику православно-христианской традиции. Данная традиция включает большой описательный материал, изображающий проблему образной сферы человека в форме, отличной от традиционного взгляда. Святоотеческая традиция является источником уникальной феноменологии трансляционной функции образной сферы личности, связанной с иллюстрациями неоднозначной роли образов в нравственно-духовном познании. С одной стороны, посредством образной сферы человек способен познавать «сферы идеального бытия». С другой стороны, общая установка традиции заключается в осторожном отношении к образам с их предметностью и вещественностью, и особенно к роли образной сферы в переживании и понимании духовных смыслов. Ориентация на охрану «чистоты ума» от образов обосновывается тем, что работа воображения связана с областью страстей, в силу чего образы могут стать проводниками деструктивных для духовности человека влияний. Православная традиция раскрывает когнитивные, эмоциональные и поведенческие искажения в нравственно-духовном развитии

и религиозном опыте личности с соответствующей поведенческой неадекватностью. Основным концептом для подобного анализа выступает понятие «прелести», содержащее идею опасности искажения в познании духовных смыслов бытия, что создает необходимость «трезвненного созерцания» реальности. Глубочайший духовный опыт Православия помогает принять данные о закономерностях борьбы с иллюзиями мира, с его фантастическими образами в душе человека. Прелесть является извращенным состоянием нравственно-духовной и религиозной жизни, самообманом, при котором человек свои душевные переживания и фантазии принимает за божественное действие в себе. Прелесть порождает иллюзии обладания «духовными дарованиями», пребывания в «высокой духовной жизни» и т.п. Прельщение возникает во взаимодействии факторов *внутренних* (фантазии о «небесном», ожидание «божественных состояний» и «откровений», неадекватная оценка собственного состояния души) и *внешних* (социальное окружение, энерго-информационная среда, метафизические воздействия). Знание о феномене духовного прельщения является полезным при оценке инославно-христианского, трансперсонального и мистического опыта. Действительно, мы видели, что различение прелести является тончайшей духовной работой, связанной с понятием о «духовном трезвении» на пути преодоления когнитивных, эмоциональных и поведенческих искажений в нравственно-духовном познании. Главное в различении прелестных состояний — нравственно-духовная чистота. Без искоренения страстей образный опыт религиозно-содержания является для личности разрушительной иллюзией.

Иллюзорность, неадекватность психического отражения в познании нравственно-духовных смыслов человеческой жизни, а отсюда и искажения в регуляции поведения надо рассматривать как болезнь, угрожающую не только отдельным самосовершенствующимся личностям. Прелесть является болезнью, угрожающей целым мировоззрениям. Образная сфера личности, к сожалению, пока активно участвует в непроизвольном и преднамеренном изменении картины мира человека в глобальном прельщении. В частности, в том будущем, образ которого рисуется в современной имаго-символосфере, может не остаться даже модной сегодня имитацией любви. Предохранение от прелести начинается с осознания ее наличия в себе. Осознание человеком своей личной причастности к «тотальной прелести» закладывает основу для исправления «внутреннего человека», является стимулом для преодоления искажений в познании духовных смыслов бытия.

Знание о феномене прелести полезно для решения теоретико-методологических проблем и направлений психологии в целом. С позиций

социальной психологии можно увидеть вклад традиции, во-первых, в проблематику адекватности социального познания, во-вторых, в пограничные междисциплинарные исследования на стыке психологии и культурологии, в-третьих, в осмысление духовного опыта человечества, в частности, в психологию религии. Рассмотрение религиозного опыта в связи с феноменом прелести чрезвычайно актуально сегодня в связи с обилием псевдодуховных сект и культов самых различных направлений и претензий их лидеров и рядовых последователей на получение «божественных посланий» (достаточно назвать пример с «воскрешателем мертвых» Гробовым). Важным является вывод о роли изучения индивидуальных особенностей образной сферы в формировании представлений о социальных явлениях, о необходимости анализа взаимовлияния «мировоззренческой картины мира» и «мира конкретных образов». Актуальность изучения наглядно-образных референтов систем социальных представлений сегодня действительно чрезвычайно возросла в связи с проблемой психоманипулирования на основе виртуализации сознания.

Учет искажений в познании высших смыслов бытия высоко значим и для **общей психологии**, и для **психологии личности** (особенно на границе с культурологией), **психоанализа** и **психотерапии**. Описания переживаний образных событий внутреннего мира важны для углубления научных представлений о функциях психического образа, о механизмах построения человеком картины реальности, творческого осознания мира и своего бытия в нем. В монографии заострено внимание на осмыслении существенных аспектов трансляционной функции образной сферы человека, указано на необходимость уделять большее внимание деструктивному воздействию образного сопровождения переживаний нравственного, а особенно религиозно-мистического содержания в связи с искажениями в познании духовных смыслов. Исходя из знания причин и механизмов прелести можно осмыслить духовный статус переживаний, которые описывается в трансперсональном опыте, в частности, в связи с негативными аспектами образов измененных состояний сознания и психологической коррекции, построенной на их основе. Знания о феномене прелести помогут в определении *рамк* использования образной сферы в духовном познании и личностном развитии. Опять же, с одной стороны, мы видим, что многообразные виды вторичных образов способны быть для человека помощью на путях глубинного самопознания, инструментом для вхождения в различные *субъективно позитивные* состояния сознания, например, состояния возвышенные, воодушевляющие, «возогревающие» и как-то оформля-

ющие нравственные и религиозного чувства. С другой стороны, существует ясное авторитетное указание на наличие «подводных камней» в проблеме глубинного самопознания с использованием образной сферы личности. Суть этого предостережения сводится к тому, что нельзя в образах «застревать», придавать содержанию образов некий излишний проективный смысл, некритично доверять видениям, так как порожденные с их помощью психические состояния искажают духовно-нравственное развитие личности.

Итак, материал книги продемонстрировал на новом уровне двойственность образной сферы человека. Заданы ракурсы, которые помогут более специфично и детально прояснять эту двойственность в различных планах и на различных уровнях функционирования образной сферы. На уровне высших духовных смыслов ответственность образной сферы личности выше. Образная сфера человека, в частности, способна быть инструментом личностного развития, помогающим обретению нового уровня переживания себя и мира. При этом необходимы разработка мер, помогающих преодолению деструктивности в образах измененных состояний сознания в духовном познании, и привлечение культурологического материала. Главное же: необходимо в перспективе ответить на вопрос, сформулированный во введении: при каких условиях образ *перестает быть полезным инструментом развития личности, где вторичный образ становится своеобразной «ловушкой»?* Надо отметить, что для ответа на данный вопрос нужны критерии психических состояний, нравственно-духовных и религиозных переживаний, подпадающие под закономерности духовного прельщения, но осмысленные, оцененные и принятые *вне рамок* святоотеческой традиции как момент, действительно общий (об иллюзорности в познании мира говорят сторонники многих традиций). В первом приближении может быть использована, например, аналогия закономерности свертывания психических навыков: опора на внутренний образ, полезная в психологической коррекции для пробуждения нравственных чувств, перестает быть таковой на этапах поиска «высших измерений реальности». Соответственно, могут быть использованы введенные уровни возможностей образной сферы при самопознании и самосовершенствовании личности.

Вся совокупность рассмотренных историко-психологических, междисциплинарных, культурологических данных позволяет говорить о том, что элементы образной сферы человека — вторичные образы различных классов — можно понимать как «окна» в невидимые, невидимые аспекты реальности: внешней объективной, идеально представленной в человеке, и внутренней, субъективной — в их взаимосвязи. И в этом

заключается главный момент в изучении трансляционной функции образной сферы личности. Однако смотреть в эти «окна» в целях познания мира, самопознания и саморазвития следует очень осторожно, понимая факт искажения видения и опасностей самого этого процесса. Можно сказать, что в какие-то из «окон» можно смотреть только в «защитных очках», в некоторые же нельзя заглядывать вовсе. Вместе с тем следует сознавать, что эти «окна» существуют и могут быть в отдельных случаях, при определенных условиях открыты. Главным таким условием выступает достижение личностью духовно-нравственной чистоты.

Изложенный в книге материал актуален и для **истории психологии**, поскольку он задает ориентиры для решения таких теоретически важных ее задач, как расширение проблемно-предметного поля исследований, уточнение концептуально-терминологического аппарата, создание новых методов исследований. Главное же состоит в рассмотрении сферы духовного бытия человека в качестве полноценного предмета научного анализа, в постановке важнейшей теоретико-методологической проблемы.

Поднятые в книге вопросы намечают перспективы дальнейших комплексных исследований глубинных аспектов психического отражения-регулирования, ориентируют на поиск альтернатив сциентистским подходам к образной сфере человека. Значение научного осмысления феноменологии переживания образных событий во внутреннем мире можно обнаружить и в том, что данные, полученные из междисциплинарных источников, способны менять содержание анализа вопроса (например, осмысление посмертных переживаний).

Автор надеется, что охват проблематики, обобщение материала, постановка острых вопросов изучения образной сферы человека пригодятся в изучении сферы вторичных образов, углубят понимание сущности и функционирования психического отражения-регулирования в целом. Многое затронутое в монографии — дело будущих исследований. Вклад данной книги видится в показе поля новых возможностей для академической психологии. Сегодня важна постановка «острых» вопросов, спорных областей психологического знания, освоение которых способно помочь развитию психологии. Разрабатываемый подход к образной сфере человека автор предлагает рассматривать как необходимое дополнение к доминирующим объективистским методологическим установкам в изучении вторичных образов и как способ привлечения внимания психологической науки к ряду новых ракурсов проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова К.А.* Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследования. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М., 2002.
2. *Абульханова К. А.* Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики М., 1997.
3. *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970.
4. *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. Начало общей психологии. СПб., 1999.
5. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977.
- 5а. *Ананьев Б.Г.* Проблема представлений в советской психологической науке // Философские записки. 1950. Т. 5.
6. *Ананьев Б.Г.* Психология чувственного познания. М., 2001.
7. *Ананьев Б.Г.* Уровни пространственной ориентации человека // Вестник ЛГУ. 1971. № 11. Вып. 2.
8. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. М., 2000.
9. *Ананьев Б.Г., Веккер Л.М., Ярмоленко А.В.* Осознание в процессах познания и труда. М., 1959.
10. *Анциферова Л.И.* Архетипическая теория развития личности Карла Густава Юнга // Психологический журнал. Т.21. № 2. С. 16–26; 2000. № 3.
11. *Арнаутов М.* Психология литературного творчества. М., 1970.
12. *Арихейм Р.* Новые очерки по психологии искусства. М., 1994.
13. *Арсеньев А.С.* Размышления о работе С.Л. Рубинштейна «Человек и Мир» // Вопросы философии. 1993. № 5.
14. *Архиепископ Иоанн (Шаховской).* Апокалипсис мелкого греха. СПб., 1997.
15. *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).* Дух душа и тело. М., 1997.
16. *Архиепископ Никон.* Мои дневники. Сергиев Пасад, 1997. Ч. I.
17. *Архиепископ Аверкий (Таушев), иеромонах Серафим (Роуз).* Апокалипсис в учении древнего Христианства. М., 2001.
18. *Архиепископ Серафим (Соболев).* Русская идея. Об истинном монархическом мирозерцании. М.– СПб., 2002.
19. *Архимандрит Лазарь.* Грех и покаяние последних времен. О тайных недугах души. М., 2000.
20. *Архимандрит Константин.* Чудо русской истории. М., 2000.
21. *Архимандрит Софроний (Сахаров).* Видеть Бога как он есть. М., 2000.
22. *Архимандрит Софроний (Сахаров).* О молитве. Сборник статей. Эссекс–М., 2002.
23. *Архимандрит Софроний (Сахаров).* Подвиг богопознания. М., 2002.

24. *Архимандрит Рафаил (Карелин)*. Векторы духовности. М., 2003.
25. *Архимандрит Рафаил (Карелин)*. Тайна спасения. Беседы о духовной жизни из воспоминаний. М., 2001.
26. *Архимандрит Рафаил (Карелин)*. Умение умирать, или искусство жить. М., 2003.
27. *Асмус В.Ф.* Вопросы теории и истории эстетики. М., 1968.
28. *Балонов Л.Я.* Последовательные образы. Л., 1971.
29. *Барабанищikov В.А.* Системогенез чувственного восприятия. М.–Воронеж, 2000.
30. *Барабанищikov В.А., Носуленко В.Н.* Системность. Восприятие. Общение. М., 2004.
31. *Бендлер Р., Гриндер Д.* Формирование трансa. М., 1994.
32. *Бергсон А.* Непосредственные данные сознания // Собр. соч. В 4 т. Т. 2. М., 1913.
33. *Березина Т.Н.* Многомерная психика. Внутренний мир личности. М., 2001.
34. *Берн Э.* 28. Игры, в которые играют люди и люди, которые играют в игры. М., 1988.
35. Бессознательное (Природа. Функции. Методы исследования) / Под ред. А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия, Ф.В. Басина. В 4 т. Тбилиси, 1978.
36. Блаженной памяти старец Паисий Святогорец. Слова. В 4 т. М., 2002–2003.
37. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
38. Богом данная. Жизнеописание блаженной старицы схимонахини Макарии. М., 1997.
39. *Братусь Б.С.* Личностные смыслы по А.Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. М. 1999.
40. *Братусь Б.С.* Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.
41. *Братусь Б.С.* Русская, советская, российская психология. Конспективное рассмотрение. М., 2000.
42. *Брунер Дж.* Психология познания. М., 1977.
43. *Брушлинский А.В.* Психология и гуманизм // Психология личности: новые исследования. М., 1998.
44. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М. 1996.
45. *Брушлинский А.В.* Философия и психология: С.Л. Рубинштейн и С.Л. Франк // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 6.
46. *Булгаков С.Н.* Свет Невечерний. М., 1993.
47. *Васильюк Ф.Е.* Патология регуляции деятельности как следствие нарушения структуры психического образа // Эмоционально-волевая регуляция поведения и деятельности. Симферополь, 1986.
48. *Васильюк Ф.Е.* Психология переживаний. М., 1984.
49. *Вейн А.М.* Три трети жизни. М., 1991.
50. *Вейшик В.* Почему я верю в Бога. Исследование проявлений духовного мира. Минск, 2000.
51. *Веккер Л.М.* Психические процессы. Л., 1974. Т. 1; 1979. Т. 2; 1981. Т. 3.
52. *Веккер Л.М., Ломов Б.Ф.* О чувственном образе как изображении // Вопросы философии. 1961. № 4.

53. *Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М., 1982.
54. *Вернадский В.И.* Биосфера Л. 1926.
55. *Виноградов Н.* О последних судьбах мира и человека // О последних временах. М., 1996.
56. *Воловикова М.И., Трофимов А.* Возвращение к себе. Психология. Символ. Культура. М., 1995.
57. *Вудворт Г.* Экспериментальная психология. М., 1950.
58. *Вундт В.* Очерк психологии. СПб., 1897.
59. *Вундт В.* Сознание и внимание // Хрестоматия по вниманию. М., 1976.
60. *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте. М., 1994.
61. *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного эроса. М., 1994.
62. *Гамезо М.В., Рубахин В.Ф.* Психологическая семиотика: методология, проблемы, результаты исследования // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 6.
63. *Ганзен В.А.* Восприятие целостных объектов. Л., 1974.
64. *Ганзен В.А.* Системный анализ мышления // Вестник ЛГУ. Серия 6. 1990. Вып. 1. № 6.
65. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. Л., 1984.
66. *Ганзен В.А., Гостев А.А.* Систематика мысленных образов // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 2.
67. *Ганзен В.А., Гостев А.А.* Системное описание индивидуального сознания // Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов (очерки по конфликтологии). М., 1993.
68. *Ганзен В.А., Головей Л.А.* К системному описанию онтогенеза человека // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 6.
69. *Ганзен В.А., Толкачев В.К.* Роскошь системного мышления. СПб., 1995.
70. *Ганзен В.А., Юрченко В.Н.* Системный подход к анализу, описанию и экспериментальному исследованию психических состояний человека // Экспериментальная и прикладная психология. Л., 1981. Вып. 10.
71. *Гарфилд П.* Творческое сновидение. М.–СПб., 1996.
72. *Гиндилис Н.Л.* Процесс индивидуации как «путь к себе» // Психологический журнал. Т. 17. № 1.
73. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Под ред. А.И. Неклесса. СПб., 2000.
74. Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира / Под ред. А.И. Неклесса. М., 2002.
75. *Гладков Б.И.* Толкование Евангелия. 4-е изд. СПб., 1913.
76. *Голощатов С.* Галлюцинации и религиозные видения. Казань, 1994.
77. *Гордеев К., Манягин В.* В тени тенет: кошмар «сетевой цивилизации». М., 2003.
78. *Гостев А.А.* Актуальные проблемы изучения образного мышления // Вопросы психологии. 1984. № 1.
79. *Гостев А.А.* Дорога из Зазеркалья: психология развития образной сферы (тренинг творческого воображения). М., 1998.
80. *Гостев А.А.* «Духовное трезвение» как неотъемлемый компонент духовного познания: постановка проблемы // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. М., 1999.

81. *Гостев А.А.* Изучение ориентации человека-оператора относительно гравитационной вертикали в динамически измененной пространственной среде // Психологическая наука и общественная практика. Ч. 1: Тезисы к 6 Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. М., 1983.
82. *Гостев А.А.* Индивидуальные особенности представлений: некоторые результаты, проблемы и перспективы изучения // Когнитивная психология. 1986.
83. *Гостев А.А.* Индивидуальные особенности пространственных представлений в операторской деятельности // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 1.
84. *Гостев А.А.* К вопросу о когнитивных, эмоциональных и поведенческих искажениях в познании духовных смыслов (из историко-психологического наследия) // История психологии и историческая психология: состояние и перспективы развития: Тезисы III Московской встречи по истории психологии. М., 2001.
85. *Гостев А.А.* К вопросу о механизмах формирования представлений человека о социальных явлениях // Актуальные проблемы социальной психологии. Кострома, 1986. Ч. 3.
86. *Гостев А.А.* К проблеме системного изучения «русского сознания» в переходный период развития общества // Психический образ: строение, механизмы, функционирование и развитие. М., 1994. Т. 1.
87. *Гостев А.А.* Образная сфера в творческой деятельности: Метод. разработка. М., ВИПК Гостелерадио, 1988.
88. *Гостев А.А.* Образная сфера личности // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 3.
89. *Гостев А.А.* Образная сфера человека. М., 1992.
90. *Гостев А.А.* Образная сфера человека: актуальность феноменологического аспекта // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. М., 1999.
91. *Гостев А.А.* Образная сфера человека в святоотеческой православной традиции (материалы к историко-психологическому анализу проблемы отражения духовных смыслов). Депонировано ИНИОН РАН. М., 2001 (№ 56653 от 26.07.2001).
92. *Гостев А.А.* Образная сфера личности в познании духовных смыслов // История психологии в Беларуси: состояние и перспективы развития: Материалы II Международной научной конференции. Минск, 2003.
93. *Гостев А.А.* Образная сфера человека в познании и переживании духовных смыслов. М., 2001.
94. *Гостев А.А.* «Образность» и познание // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 4.
95. *Гостев А.А.* Особенности пространственных представлений в операторской деятельности: Дис. ... канд.психол.наук. М., 1979.
96. *Гостев А.А.* Трансляционная функция образной сферы: историко-психологический аспект // Актуальные проблемы истории психологии на рубеже тысячелетий. М., 2002.
97. *Гостев А.А.* Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов (Очерки по конфликтологии). М., 1993.
98. *Гостев А.А.* Психология вторичного образа (субъект, феноменология, функции): Дис. ... докт.психол.наук. СПб, СПбГУ, 2002.

99. *Гостев А.А., Дружинин В.Н., Дрынков А.В.* Проблемы психологии образа // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 2.
100. *Гостев А.А., Елисеев В.А., Соснин В.А.* Святоотеческая мысль как источник историко-психологического анализа // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4: Методологические проблемы историко-психологического исследования. М., 2002.
101. *Гостев А.А., Зазыкин В.Г.* Методические разработки по проведению психологических тренингов в условиях практики Гостелерадио (Тренинги по психической саморегуляции и формированию профессионально важных качеств). М., ВИПК Гостелерадио, 1988.
102. *Гостев А.А., Зазыкин В.Г.* Психологические проблемы эффективности идеологического воздействия средствами телевидения и радиовещания. Методические разработки ВИПК Гостелерадио. М., 1989.
103. *Гостев А.А., Петухов Б.М.* Измерение и факторизация характеристик вторичного образа // Вопросы психологии. 1987. № 2.
104. *Гостев А.А., Рубахин В.Ф.* Классификация образных явлений в свете системного подхода // Вопросы психологии. 1985. № 1.
- 104а. *Грановская Р.М.* Элементы практической психологии. Л., 1988.
105. *Грановская Р.М., Березная И.Я.* Интуиция и искусственный интеллект. Л., 1991.
106. *Грибак Л.П.* Резервы человеческой психики. М., 1987.
107. *Грот Н.Я.* Психология сновидений с естественно-научных позиций. М., 1878.
108. *Гроф С.* За пределами мозга. М., 1993.
109. *Гроф С.* Области человеческого бессознательного. М., 1994.
110. *Гроф С.* Путешествие в поисках себя. М., 1994.
111. *Гроф С.* Холотропное сознание. М., 1996.
112. *Гроф С., Хэлифакс Дж.* Человек перед лицом смерти. М., 1996.
113. *Гуссерль А.* Логические исследования. Пг., 1921.
114. *Демин Н.Н., Коган А.Б., Моисеева Н.И.* Нейрофизиология и нейрохимия сна. Л., 1978.
115. *Джемс У.* Многообразие религиозного опыта. М., 1910.
116. *Джемс У.* Психология. М., 1991.
117. *Джидарьян И. А.* Представление о счастье в российском менталитете. СПб., 2001.
118. *Джон-Роджер.* Жизнь 101 // Путь к себе. 1992. № 6–8.
119. *Диакон Андрей Кураев.* Сатанизм для интеллигенции. В 2 т. М., 1997.
120. *Диакон Андрей Кураев.* Школьное богословие. М., 1997.
121. *Дикая Л.Г., Семикин В.В.* Регулирующая роль образа функционального состояния в экстремальных условиях деятельности // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 1.
122. *Дильтей В.* Понимающая психология: Хрестоматия по истории психологии // Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М., 1980.
123. *Добротолобие.* В 5 т. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.
124. *Древнейший толкователь снов.* Ярославль, 1991.
125. *Дружинин В.Н.* Психологическое исследование образов // Психологический журнал. 1993. № 5.
126. *Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. М., 1995.

127. *Дружинин В.Н.* Структура и логика психологического исследования. М., 1994.
128. *Дружинин В.Н.* Экспериментальная психология. СПб., 2000.
129. *Дружинин М.Р.* Пространственные представления учащихся как математическая способность // Научные труды Краснодарского пед. ин-та. 1966. Вып. 47.
130. *Дудецкий А.Я.* Теоретические вопросы воображения и творчества. Смоленск, 1974.
131. *Дунаев М.М.* Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. М., 2002.
132. *Дьяченко О.М.* Об основных направлениях развития воображения дошкольников // Вопросы психологии. 1988. № 6.
133. *Елисеев В.А.* Православный путь ко спасению и восточные и оккультные и мистические учения. М., 1995.
- 133а. *Елохина Т.П.* Формирование вторичного образа сложного пространственного статического объекта (на примере городского района) Дис. ... канд. психол. наук. Л., 1985.
134. *Епископ Варнава (Беляев).* Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетике. В 4 т. Нижний Новгород, 1998.
135. *Епископ Феодан Затворник.* Толкование на книгу св. Ермы «Пастырь». Свято-Введенский монастырь Оптиной Пустыни, 1999.
136. *Епископ Василий (Родзянко).* Теория распада вселенной и вера отцов. М., 1996.
137. Жизнь после смерти. М., 1991.
138. *Завалишина Д.Н.* Психологический анализ оперативного мышления. М., 1985.
139. *Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А.* Образ в системе психической регуляции деятельности. М., 1986.
140. *Залесский Д.Г., Обухов Я.Л., Русских Н.И.* Символодрама – три года в России // Архив психотерапии. Профессиональная психотерапевтическая лига. 1997. Т. 1.
141. *Зеньковский В.В.* Основы христианской философии. М., 1996.
142. *Зеньковский В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1996.
143. *Зеньковский В.В.* Психология детства. М., 1996.
144. *Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М., 1994.
145. *Знаков В.В.* Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2.
146. *Знаков В.В.* Духовность в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопросы психологии. 1998. № 3.
147. *Знаков В.В., Романова И.А.* «Истина» и «правда» в античной философии, христианстве и психологии понимания // Психология личности: новые исследования. М., 2000.
148. Зрительные образы: феноменология и эксперимент. В 4 ч. Душанбе, 1971–1974.
149. *Зубов В.П.* Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. М., 2001.

150. *Игнатъев Е.И.* О некоторых особенностях изучения представления и воображения // Известия АПН РСФСР. М., 1956. Вып. 76.
151. *Игумен Евмений.* Пастырская помощь душевнобольным // Христианский собеседник. Макариев-Решемская обитель. 1999. Вып. 48.
152. *Иванов М.С.* К вопросу о богословии символа // Журнал Московской Патриархии. 1984. № 4.
153. *Иеродиакон Авель (Семенов), Александр Дроздов.* Знамение пререкаемо. Глобализм, цифровая кодификация личности и печать антихриста. Владимир, Храм Казанской иконы Божьей Матери, 2002.
154. *Иеромонах Анатолий (Берестов).* Число зверя. М., 2000.
155. *Иеромонах Анатолий (Берестов), Алевтина Печерская.* «Православные колдуны» — кто они? М., 1998.
156. *Иеросхимонах Дамаскин (Христенсен).* Не от мира сего. Жизнь и учение иеромонаха Серафима (Роуза) Платинского. М., 1995.
157. *Иеромонах Гавриил (Кранчук).* Афонское приношение современной православной духовности. М., 2000.
158. *Иеромонах Корнилий.* Несколько слов о тайне беззакония. М., 2001.
159. *Иеромонах Серафим (Роуз).* Душа после смерти. М., 1991.
160. *Иеросхимонах Сампсон.* Дневник. М., 1999.
161. *Ильин Е.П.* Психология воли. СПб., 2000.
162. *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта. М., 1993.
163. *Каплан-Уильямс С.* Работа со сновидениями. М., 1997.
164. *Каплунович И.Я.* Индивидуальные различия в операторной структуре пространственного мышления // Новые исследования в психологии. 1977. № 2.
165. *Каплунович И.Я.* О структуре пространственного мышления при решении математических задач // Вопросы психологии. 1978. № 3.
166. *Капра Ф.* Дао физики. СПб., 1994.
167. *Капра Ф.* Станислав Гроф и Рональд Д.Лэинг // Московский психотерапевтический журнал. 1999. № 2.
168. *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2000.
169. *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994.
170. *Кезлер К.* Солнце и тень (мой эксперимент с осознаваемым сновидением). М., 1997.
171. *Кляйн Н.* Люди против брэндов NO LOGO // NO LOGO.
- 171а. *Кольцова В.А.* Теоретические и методологические проблемы истории психологии. М., 2004.
172. *Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы историко-психологического исследования: Дис. ... докт.психол.наук. М., ИП РАН, 2004.
173. *Короленко Ц.П., Фролова Г.В.* Чудо воображения. Новосибирск, 1975.
174. *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. М., 1983.
175. *Козлов В., Майков В.* Основы трансперсональной психологии. М., 2000.
176. *Криптнер С. Диллард Дж.* Сновидения и творческий подход к решению проблем. М., 1997.
177. *Крутецкий В.А.* Вопросы психологии способностей школьников. М., 1964.
178. *Крыжановская Л.М.* Сеансы психологической помощи — тренинги: Учебное пособие. Тверь, 1993.

179. *Крылов А.А.* Человек в автоматизированных системах управления. Л., 1972.
180. *Кувшинов Н.И.* Процесс развертывания образов в ориентировочный период деятельности у детей младшего школьного возраста // Вопросы психологии. 1966. № 3.
181. *Кудрявцев Т.В.* О структуре технического мышления и средствах его развития // Вопросы психологии. 1972. №4.
182. *Кудряшов Н.И.* Магия движения (оздоровительная славянская система целостного движения). М., 1997.
183. *Куликов Л.В.* Психология настроения. СПб., 1997.
184. *Кучеренко В.В.* Сенсомоторный психосинтез: Психология: Словарь// Под ред. А.В.Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд. М., 1990.
185. *Лаберж С., Рейнголд Х.* Исследование мира осознанных сновидений. М., 1995.
186. *Лазарус А.* Мысленным взором. Образы как средство психотерапии. М., 2000.
187. *Лебедев А.Н., Боковинов А.К.* Экспериментальная психология в российской рекламе. М., 1995.
188. *Лейнер Х.* Кататимное переживание образов. Методика использования воображаемых ситуаций в коррекции самочувствия. М., 1996.
- 188а. *Леонтьев А.А.* Восприятие текста как психологический процесс // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. Киев, 1979. С. 18–30.
189. *Леонтьев А.Н.* Психология образа // Вестник Московского университета. 1979. № 2.
190. *Леонтьев Д.А.* Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 1.
191. *Линда Н.Д.* Как избавиться от головной или сердечной боли за 5 минут (и без лекарств). М., 1999.
192. *Линда Н.Д.* Медитативная психотерапия. М., 1994.
193. *Литкина А.И.* Роль представлений в работе с детьми над литературным текстом // Известия АПН РСФСР. 1956. Вып. 76.
194. *Липовецкий Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб., 2001.
195. *Лисичкин В.А., Шелепин Л.А.* Третья мировая информационно-психологическая война. М., 1999.
196. *Ломов Б.Ф.* Особенности развития представлений о пространстве в процессе первоначального обучения черчению // Известия АПН РСФСР. 1956. Вып. 86.
197. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
198. *Ломов Б.Ф.* Развитие пространственного воображения в процессе обучения черчению // Проблемы общей и индустриальной психологии. Л., 1963.
- 198а. *Ломов Б.Ф.* Человек и техника. М., 1966.
199. *Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н.* Антиципация в структуре деятельности. М., 1980.
200. *Лосев А.Ф.* Вещь и имя // Имя. СПб., 1997.
- 200а. *Лосев А.Ф.* Логика символа. М., 1973.

201. *Лурия Л.Р.* Маленькая книжка о большой памяти. М., 1968.
- 201а. *Лустина Е.А.* Слово и образ в процессе воображения: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1984.
202. *Майкова К.Ю.* Основные направления трансперсональной психологии: Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 1999.
203. *Маккена Т.* Истые галлюцинации. М.—Киев, 1996.
204. *Мамардашвили М.К.* Сознание — это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть // Вопросы философии. 1989. № 7.
205. *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. М., 1997.
206. *Манягин В.Г.* Апология грозного царя. М., 2002.
207. *Махлах Е.С.* О некоторых особенностях вербального и образного типов памяти // Психологические механизмы памяти и ее закономерности в процессе обучения. Харьков, 1970.
208. *Мелик-Пашаев А.А.* Художественное творчество и «искусство из искусств» // Современная психология: состояние и перспективы исследования. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М., 2002.
209. *Монах Иосиф.* Старец Иосиф Исихаст. Свято-троицкая Сергиева Лавра, 2000.
- 209а. *Монах Иосиф.* Блаженный послушник. Жизнеописание старца Ефрема Катунакского. М., 2004.
210. Монашеское делание. М., 1991.
211. Методические указания по индивидуальному тренингу психотехники режиссера. Киев, КГИК, 1987.
212. *Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К.* Планы и структура поведения. М., 1965.
213. *Минделл А.* Дао шамана: путь тела сновидений. Киев-М., 1996.
214. *Мингетти А.* Словарь образов (Практическое руководство по имагогике). Л., 1991.
215. *Митрополит Иерофей (Влахос).* Одна ночь в пустыне Святой Горы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997.
216. *Митрополит Иоанн.* Самодержавие Духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994.
- 216а. *Моляко В.А.* Формирование образа экологической катастрофы на примере чернобыльской атомной аварии // Вопросы психологии. 1992. № 5–6.
217. *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 1. С. 3–18; № 2.
218. *Муди Р.* Жизнь после жизни. М., 1990.
- 218а. *Назаров М.* Вождю третьего Рима. М., 2004.
219. *Назаров М.* Мировой заговор на конечном этапе. Война без правил тотальной превентивная перманентная не только в Ираке. М., 2003.
220. *Назаров М.* Тайна России. М., 1999.
221. *Найсер У.* Познание и реальность. М., 1981.
222. *Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М., 1993.
223. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989.
224. *Натадзе Р.Г.* Воображение как фактор поведения. Тбилиси, 1972.
225. Начала христианской психологии. М., 1995.

226. *Науменко Е.А.* Интуитивность как психологическое свойство личности: Дис. ... докт. психол. Наук. СПб., 2001.
227. *Невярович В.* Терапия души (Святоотеческая психотерапия). Воронеж, 1997.
228. *Неклесса А.И.* Интеллект, элита и управление // Россия XXI. М., 2002. № 1.
229. *Неклесса А.И.* Трансмутация истории // Новый мир. 2002. № 9.
230. *Неклесса А.И.* Управляемый хаос // Интеллектуальная хроника России. Год 2003: Приложение к журналу «Экономические стратегии». М.: Институт экономических стратегий, 2003.
231. *Нечкина М.В.* Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982.
- 231а. *Никифорова О.И.* К вопросу о воображении // Вопросы психологии. 1972. № 2.
232. *Ничипоров Б.В.* Введение в христианскую психологию. М., 1994.
- 232а. *Нойергард О.* Полдень магов. М., 2004.
233. О прелести. Как впадали в прелесть гордые и избегали ее смиренные. М., 1997.
234. О сновидениях: Как христианин должен относиться к сновидениям. М. 1998.
235. *Осипов А.И.* Путь разума в поисках истины. Основное богословие. М., 1997.
236. От чего нас хотят «спасти» НЛЮ: Экстрасенсы, оккультисты, маги. М., 2001.
237. *Панарин А.С.* Испытание глобализмом. М., 2000.
238. *Перепелицын М.Л.* Философский камень. М., 1990.
239. *Перлз Ф., Гудмен Ф., Хефферлин Р.* Практикум по гештальт-терапии. СПб., 1995.
240. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
241. *Петровский А.В.* Общая психология. М., 1986.
242. *Петухов В.В.* Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1984. № 4.
243. *Петухов Б.М.* Информационная совместимость оператора с режимами работы: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1985.
244. *Петухов Б.М.* Пространственно-временная типология психики. Работа на соискание Премии Московского комсомола (Рег. № 50). М., ИМБП МЗ СССР, 1983.
245. Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2 т. Репринтное издание. М., 1992.
246. Письма Святогорца. К друзьям своим о святой горе Афонской. М., 1998.
247. *Пономарев Я.А.* Психология творчества. М., 1976.
248. *Пономарева Р.А.* Использование способов создания подростками образа технического объекта // Вопросы психологии. 1974. № 3.
249. *Пономаренко В.А.* Авиация. Человек. Дух. М., 1998.
250. Посмертные вещания преподобного Нила Мироточивого Афонского. СПб., 1996.
251. Посмертные мытарства души и Страшный суд Божий. Древние и современные свидетельства. М., 2000.

252. Православно-догматическое богословие (епископа Винницкого Макария). СПб., 1868; Переиздание Свято-Троицкого Ново-Голутвинского монастыря, 1993.
253. Православные ученые о вере, Церкви и духовности. Самара, 1997.
254. Практикум по общей и экспериментальной психологии // Под ред. А.А.Крылова. Л., 1987.
255. *Преподобный Иоанн Лествичник*. Лествица. СПб., 1996.
256. *Пригожин И.* Порядок из хаоса. М., 1986.
257. *Протоиерей Валентин Свенцицкий*. Диалоги. М., 1995.
258. *Протоиерей о. Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадский)*. Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств апокалипсиса. СПб., 1900.
259. *Протоиерей Николай Депутатов*. Простецкое богословие. Богосознание. Опыт православного мирозерцания. М., 2000.
260. *Протоиерей Стефан Ляшевский*. Библия и наука о сотворении мира. М., 1997.
261. *Прохоров А.О.* Интегрирующая функция психических состояний // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 3.
262. *Проценко П.Г.* Биография епископа Варнавы. Н. Новгород, 1999.
263. Психология и психоанализ рекламы. Самара, 2001.
264. Психология (Учебник) // Под ред. А.А.Крылова. М., 1998.
265. Пути за пределы «Эго» (Трансперсональная перспектива). М., 1996.
266. *Радомская Т.И.* Литературные тексты как психологический источник (К выходу книги В.П. Зубова «Русские проповедники») // Источниковедение истории отечественной психологии (Материалы конференции к 90-летию Психологического института им. Л.Г. Щукиной). Романов-Борисоглебск, Тутаев, 2004.
267. *Райков В.Л.* Формирование сновидений естественного сна в гипнозе // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 6.
268. *Рамуль К.А.* Введение в методы экспериментальной психологии. Тарту, 1963.
269. *Ребус Б.М.* Индивидуально-психологические различия в обобщении образов пространственного воображения при решении технических задач // Научные труды Краснодарского пед. ин-та. 1966. Вып. 74.
270. *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.
271. *Рейнуотер Дж.* Это в ваших силах. Как стать собственным психотерапевтом. М., 1993.
272. *Рибо Т.* Опыт исследования творческого воображения. СПб., 1901.
- 272а. *Ричардсон Дж.* Мысленные образы. Когнитивный подход. М., 2006.
273. *Розен Г.Я.* Интроспекция (современное состояние проблемы) // Зарубежные исследования по психологии познания. М., 1977.
274. *Розет И.М.* Психология фантазии. Минск, 1977.
275. *Розов А.И.* Фантазия и творчество // Вопросы философии. 1966. № 9.
276. *Ротенберг В.С.* Адаптивная функция сна. М., 1982.
277. *Ротенберг В.С.* Психологические проблемы психотерапии // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 3.
278. *Рубахин В.Ф.* Психологические основы обработки первичной информации. М., 1974.
279. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957.

280. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. В 2 т. М., 1989.
281. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М., 1976.
282. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М., 1997.
283. *Рыбальский М.И.* Классификация иллюзий и галлюцинаций // Вопросы социальной и клинической психоневрологии. М., 1976.
284. *Сапунов Б.М.* Культурология телевидения. М., 2001.
285. *Сатпрем.* Шри Ауробиндо, или путешествия сознания. Л., 1989.
286. Сборник о молитве Ииусовой. М., 1994.
287. Свет православия. Христианский собеседник. Издание Макариев-Решемской Обители, 1998. Вып. 38.
288. *Святитель Василий Великий.* Беседы на шестоднев. М., 1999.
289. *Святитель Николай (Велимирович).* Символы и сигналы. Русско-сербское Братство св. Царя Николая и Владыки Николая, 2003.
- 289в. *Святитель Феофан Затворник.* Мысли на каждый день года. М., 1997.
- 289а. *Святитель Феофан Затворник.* Созерцание и размышление. М., 2000.
290. *Святитель Феофан Затворник.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. М., 1997.
291. *Святитель Феофан Затворник.* Творения. Толкование на Послания св. ап. Павла к Солунянам, к Филимону, к Евреям. М., 1998.
292. *Святой праведный Иоанн Кронштадтский.* Моя жизнь во Христе. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991.
- 292а. Святой преподобный Александр Свирский. М., 2003.
293. *Священник Кирилл Копейкин.* Во свете Твоем узрим Свет... // Христианство и наука. М., 2000.
294. *Священник Родион.* Люди и демоны. Образы искушения современного человека падшими духами. СПб., 1993.
295. *Священник Андрей Горбунов, иеродиакон Амель (Семенов).* Найдем ли Бога и себя? Современность в свете пророчеств Апокалипсиса. СПб., 2004.
296. *Священник Тимофей.* Две космогонии. М., 1999.
297. Сияние святости. М., 1999.
298. Слово современнику. Минск, 2002.
299. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология человека. Основы психологической антропологии. Введение в психологию субъективности. М., 1995.
300. *Смирнов С.Д.* Мир образов и образ мира // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1981. № 2.
301. *Смирнов С.Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985.
302. *Смирнова Н. Л.* Образ умного человека: российское исследование // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997.
303. *Смирнова Н. Л.* Типы социальных представлений // Современная психология: состояние и перспективы исследования. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М., 2002.
304. Собрание писем блаженной памяти оптинского старца иеромонаха Амвросия. Ч. 1. Сергиев Пасад, 1908.
- 304а. *Соколов Л.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Киев, 1915. Ч. 1.
305. Сонник толкования снов. М.: Типографии тов-ва Сыгина, 1908.
306. *Старец Силуан.* Жизнь и поучения. Минск, 1991.
307. Стена нерушимая. Явления Богоматери на Русской земле. М., 2000.

308. *Степин В.С.* Философская антропология и философия науки. М., 1992.
- 308а. *Суворова В.В., Матова М.А.* Фантомные образы бинокулярного зрения в системе межполушарных отношений // Вопросы психологии. 1982. № 4.
309. *Судзуки Д.* Мистицизм: христианский и буддистский. Киев, 1996.
310. Тайственный мир молитвы. М., 2001.
- 310а. *Тайнов Э.А.* Трансцендентальное. Очерк православной метафизики. М., 2002
311. Тайны загробного мира. Киев, 2001.
312. *Тарт Ч.* Пробуждение. Преодоление препятствий к реализации возможностей человека. М., 1997.
313. Творения Святителя Игнатия. В 6 т. М., 1998.
314. Телевизионная антропофагия. Одесса, 1997.
315. *Теплов Б.М.* Психология музыкальных способностей. М., 1947.
316. *Тихомиров В.Р.* Что такое реальность с точки зрения физики? // Христианство и наука. М., 2000.
317. *Тихомиров Л.* Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира // О последних временах. М., 1996.
318. *Тихомиров Л.* Религиозно-философские основы истории. М., 2000.
319. *Гермоген, епископ Саратовский и Царицынский.* Толкование на «Откровение» Иоанна Богослова. М., 1917.
320. Толкование снов // Сост. Е.М. Цветков. М., 1989.
321. Толковая Библия, или комментарий на все книги св. Писания Веткого и Нового Завета. 2-е изд. Института перевода библии. Стокгольм, 1987; Репринт с издания — Петербург, 1904–1913.
322. Трезвенное созерцание. М., 2002.
323. Тринадцать диалогов о психологии. М., 1997.
324. *Уваров А.С.* Христианская символика. Ч.1. Символика древнехристианского периода. М.–СПб., 2001.
325. *Уоли Р.* Дух шаманизма. М., 1996.
326. *Уоли Р.* Основания духовности. М., 2000.
327. Уроки и примеры христианской веры. Опыт катехизической хрестоматии / Сост. протоиерей Григорий Дьяченко. М., 1998.
328. *Урсано Р., Зонненберг С, Лазар С.* Психодинамическая психотерапия. Российская психоаналитическая ассоциация, 1992. Вып. 3.
329. *Усов В.В., Васюкин Е.В.* Волшебный мир рекламы. М., 1982.
330. *Файдыш Е.А.* Мистический космос. Путеводитель по тонкоматериальным мирам и параллельным пространствам. М., 2002.
331. *Файдыш Е.А.* Техно фэн-шуй и геомантия для современного человека. М., 2000.
332. *Филимонов В.П.* Но избави нас от лукавого. СПб., 2003.
333. *Филитовская О.В.* Тайна сия велика есть // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1.
334. *Фиолетов Н.Н.* Очерки христианской апологетики. М., 1992.
335. *Флоренская Т.А.* Диалог в практической психологии. Наука о душе. М., 2001.
336. *Флоренская Т.А.* Диалог в практической психологии. : Дис. ... докт. психол. наук. М., 1993.

337. *Флоренский П.* Столп и утверждение истины. М., 1914.
338. *Форчун Д.* Эзотерическая философия любви и брака. Киев, 1995.
339. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. М., 1992.
340. *Франк С.Л.* Душа человека. Опыт введения в философскую психологию // С.Л.Франк. Реальность и человек. М., 1997.
341. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
342. *Харламенкова Н.Е.* Образы мужчины и женщины у подростков // Современная психология: состояние и перспективы исследования. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М., 2002.
343. *Холтон Дж.* Что такое «антинаука»? // Вопросы философии. 1992. № 2.
344. *Хоружий С.С.* Диптих безмолвия. М., 1991.
345. *Хофман И.* Активная память. М., 1986.
346. *Христианство и наука.* М., 2000.
347. *Худяков А.И., Зароченцев К.Д.* Обобщенный образ как предмет психофизики. СПб., 2000.
348. *Цзен Н.В., Пахомов Ю.В.* Психотренинг: игры и упражнения. М., 1988.
349. Чудеса последних времен. Саранск, 1999.
350. Чудесное видение, виденное послушником Ново-Афонского СимоноКананитского монастыря 11 октября 1908 года. Издание Подворья в Москве Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, 1995.
351. Чудотворные иконы Матери Божией. Царица Небесная Спаси землю русскую. Коломна, 1993.
352. *Шадриков В.Д.* Духовные способности. М., 1996.
353. *Шадриков В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982.
354. *Шарден Пьер Т.* Феномен человека. М., 1987.
355. *Шемакин Ф.Н.* Исследование топографических представлений // Известия АПН РСФСР. 1954. Вып. 53.
356. *Шеповальников А.Н.* Как заказать сновидение (Раскрывая тайны психики). Л., 1987.
357. *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология. М., 1999.
358. *Шихирев П.Н.* Эволюция парадигмы в современной социальной психологии: Дис. в виде научного доклада ... докт. психол. наук. М., 1993.
359. *Шпет Г.Г.* Сочинения // Приложение к журналу «Вопросы философии». М., 1989.
360. *Шпет Г.Г.* Явление и смысл. М., 1914.
361. *Штрангер Э.* Два вида психологии // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
362. *Шустер Г.* Детерминированный хаос. М., 1988.
363. *Эвола Ю.* Люди и руины. М., 2002.
364. Эмоции и воображение (клинико-психологические исследования): Материалы симпозиума. М., 1975.
365. Эмоции и воображение (некоторые вопросы психологии и психопатологии): Тезисы симпозиума / Под ред. В.М. Банщикова и др. М., 1975.
366. *Юнг К.* Аналитическая психология // История зарубежной психологии 30–60 годы XX века (тексты). М., 1986.
367. *Юнг К.* Психологические типы. Минск, 1998.

368. *Юнг К.* Феномен духа в истории и науке. М., 1992.
369. *Якиманская И.С.* Развитие пространственного мышления школьников. М., 1980.
370. *Якиманская И.С., Зархин В.Г., Кадаяс Х.-М.Х.* Тест пространственного мышления: опыт разработки и применения // Вопросы психологии. 1991. № 1.
371. *Яннарас. Х.* Вера Церкви. Введение в православное богословие. М., 1992.
372. *Ярошевский М.Г.* В.И.Вернадский: личностное начало ноосферы // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 5.
- 372a. *Anderson J.R.* The architecture of cognition. L., 1983.
373. *Ahsen A.* Eidetics: an overview // J. of Mental imagery. 1977. V. 1.
374. *Ardis J.A., McKellar P.* Hypnagogic imagery and mescaline // J. of Mental science. 1956. 102.
375. *Arnold M.B.* On the mechanism of suggestion and hypnosis // J. of Abnormal and Social Psychology. 1946. 41.
375. *Arrien A.* Cross cultural values and transpersonal experience // External Program. Institute of Transpersonal Psychol. Palo Alto, 1987.
376. *Arrien A.* Spiritual perspectives // External Program, Institute of Transpersonal Psychology. Palo Alto, 1986.
377. *Barber T.X., Wilson S.C.* Guided imaging and hypnosis: theoretical and empirical overlap and convergence in a new creative imagination scale // A. Sheikh, J.T.Shaffer (Ed.). The potential of fantasy and imagination. N.Y., 1979.
378. *Bartlett F.C.* Thinking. N.Y., 1958.
379. *Barratt P.E.* Imagery and thinking // Austral. J. Psychol. 1953. 5.
380. *Betts G.H.* The distribution and functions of mental imagery. Columb. Univ. Contrib. Educ. 1909. 26.
381. *Boorstein S.* (Ed.), Transpersonal Psychotherapy. Palo Alto, 1980.
382. *Boushahia J.J., Reidel-Geubtner V.* The Dream Dictionary. Pilgrim Press, 1983.
383. *Bunge M.* On non scientific psychology and pseudo-science: a debate.-New ideas in psychology. 1991. 9. 2.
384. *Campbell J.* The Hero with a thousand faces. N.Y., 1956.
385. *Carreiro M.E.* The psychology of spiritual growth. Hadley, 1987.
386. *Cirlot J.E.* A Dictionary of symbols. N.Y., 1962.
387. *Clift J.D., Clift W.B.* The hero journey in dreams. N.Y., 1988.
388. *Cohen D.B.* Toward a theory of dream recall // Psychol. Bull. 1984. 81.
389. *Crampton M.* A Historical survey of mental techniques in psychotherapy and description of dialogic imagery method. N.Y., 1990.
390. *Emery M.* Intuition Workbook: An expert's guide to unlocking the wisdom of your subconscious mind. New Jersey, 1994.
391. *Emmons M.* The inner source: a guide to meditative therapy. N.Y., 1978.
392. *Ernest C.H.* Imagery ability and cognition: a critical review // J. of Mental Imagery. 1977. 2.
393. *Fanning P.* Visualization for change. Oakland, 1988.
394. *Fezler W.* Creative imagery: how to visualize in all five senses. N.Y., 1989.
395. The function and nature of imagery / P.W.Sheehan (Ed.). N.Y., 1972.
396. *Galton F.* Inquiries into human faculty and its development. L., 1883.

397. *Glouberman D.* Life choices and life changes through imagework. N.Y., 1989.
398. *Gordon R.* An investigation into some of the factors that favour the formation of stereotyped images // Brit. J. of Psychol. 1949. 39.
399. *Gostev A.* The Soul of the nations of Europe: Russia // Eurotas new Newsletter of the European Transpersonal Association. 1995. 2.
400. *Gostev A, Tucker J.C., Gilliland M.* Zemlyanin: The emerging global citizen? (Essays on the evolution of human consciousness). Moscow-San Francisco, 1998.
401. *Guy M.E., McCarter R.E.* A scale to measure emotive imagery // Perc. & Mot. Skills. 1978. 46.
402. *Hiscock M., Cohen D.B.* Visual imagery and dream recall // J. of Research in personality. 1973. 7.
403. *Hoffer A. and Osmond H.* The hallucinogens. N.Y., 1967.
404. *Horowitz M.* Image formation and cognition. N.Y., 1970.
405. *Holt R.R.* The nature of TAT-stories as a cognitive affective products: a psychoanalytic approach // Methods in clinical psychology. Projective assessment. N.Y.-L. 1978. 1. IV.
406. *Hudson L.* Contrary imagination. L., 1966.
407. Imagery: current theory, research and application / A.A. Sheikh (Ed.). N.Y.: 1983.
408. Imagery: Its many dimensions and applications / J.E. Shorr et.al. (Ed.). N.Y., 1980. V. 1.
409. Imagery: Theoretical and clinical application / J.E. Shorr et.al. (Ed.). N.Y., L. 1983.
410. International Congress of Psychology. 1988. XXIV Sydney (Abstracts).
411. *Kluver H.* Mechanisms of hallucinations // O. McNemar, M.A. Merrill (Eds.). Studies in personality in honour of Lewis M. Terman. N.Y., 1942.
412. *Kosslyn S.M.* Image and mind. Cambr., 1980.
413. *Krippner S.* Dreams and the development of a personal mythology // J. of Mind&Behavior. 1986. 7.
414. *Krippner S.* Dreamtime and dreamwork. Los Angeles, 1991.
415. *Krippner S.* An experimental approach to the anomalous dream // F.Gackenbach & A.Sheikh (Eds.). Dream images: a call to mental arms. N.Y., 1991.
416. *Lane J.B.* Problems of assessment of vividness and control of imagery // Perc.&Mot. Skills. 1977. 45.
417. *Laski M.* Ecstasy in secular and religious experience. Los Angeles, 1990.
418. *Latimer J.E.* The Healing power of inner Light Fire. Accessing Higher Consciousness to Transform Your Life. Boulder, 1990.
419. *Lilly J.C.* The center of the cyclone: an autobiography of inner space by J.C.Lilly. N.Y., J.P., 1972.
420. *Masters R.E.L. and Houston J.* The varieties of psychedelic experience. L.:A.B., 1967.
421. *McKellar P.* Imagination and thinking: a psychological analysis. N.Y., 1957.
422. *Mindell A.* Working on yourself Alone. Arkana, 1990.
423. *Mindell A.* The Year 1: Global process work. L.& N.Y., 1989.
424. *Mossman M.R., Mossman J.F.* Light imagery work. Minneapolis, 1988.
425. *Naparstek B.* Staying well with guided imagery. N.Y., 1994.

426. *O'Flahery W.* Dreams, illusions and other realities. Chicago & London, 1984.
427. *Paivio A.* Imagery and verbal processes. N.Y., 1971.
428. *Pehrson J.B., Mehrrens S.E.* Intuitive Imagery. A Resource at Work,. Boston, 1997.
429. *Pitman R.K., Orr S.P. et.al.* Psychophysiological responses to combat imagery of Vietnam veterans with posttraumatic stress disorder versus other anxiety disorders // J. of Abnormal Psycho. 1990. 99 (1).
430. The potential of fantasy and imagination / Ed. A.A.Sheikh & Shaffer. N.Y., 1979.
- 430a. *Richardson A.* The meaning and measurement of memory imagery // Brit. J. of Psychol. 1977. 68.
431. *Richardson A.* Mental imagery. L.:R.K.P., 1969.
432. *Richardson A.* Verbalizer-visualiser: a cognitive style dimension // J. of Mental imagery. 1977. 1.
434. *Richardson J.T.E.* Mental imagery and human memory. L., 1981.
435. *Saunders M., McKnew G.* Using imagery in therapy: A Path to Nurturance, Impovement and Reconciliation. Bethesda, 1992.
436. *Shakti Gawain.* Creative visualization. N.Y., 1978.
437. *Sheehan P.W.* Mental imagery // B.M.Foss (Eds.). Psychology survey: 1. L., 1978.
438. *Sheehan P.W.* A shortened form of Betts Questionary upon mental imagery // J. of Clin. Psychol. 1967. 23.
439. *Sheikh A.A., Panagiotou N.* Use of mental imagery in psychotherapy: a critical reiew // Perc. and Mot. Skills. 1975. 41. *Shepard R.N.* Form, formation and transformation of internal representations // R. Solso (Ed.) Information processing and cognition. N.J., 1975.
441. *Shepard R.N.* The mental image // Am. Psychol. 1978. 33(2).
442. *Shorr J.E.* Psychotherapy through imagery. N.Y., 1974.
443. *Shorr J.E.* Shorr imagery test. Los Angeles: Institute for Psycho-Imagination Therapy, 1974.
444. *Singer J.L.* Daydreaming. N.Y., 1966.
445. The stream of consciousness: scientific investigation into the flow of human experience / Pope K.S., Singer J.L.(Eds.). N.Y., 1978.
- 445a. Transpersonal psychology // Ch.Tard (Ed.). N.Y., San-Francisco, London, 1975.
446. The truth about creative visualization. MN, by A Llewellyn Educational Staff, 1987.
447. *White K.D., Ashton R., Brown R.* The measurement of imagery vividness: normative data and their relationship to sex age and modality differences // Brit. J of Psychol. 1977. 68.
448. *White K.D., Sheehan P.W., Ashton R.* Imagery assessment: a survey of self-report measures // J. of Mental imagery. 1977. 1.
449. *Wilber K.* Psychologia perennis: The spectrum of consciousness // The meeting of the ways: exploring in East/West psychology. N.Y., 1979.

Научное издание

А.А. Гостев

ПСИХОЛОГИЯ ВТОРИЧНОГО ОБРАЗА

Редактор — *О.В. Шапошникова*
Корректор — *И.В. Клочкова*
Обложка — *А. Пожарский*
Макет и верстка — *Н.Г. Новикова*

Сдано в набор 14.09.07. Подписано в печать 14.11.07
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура PeterburgС
Усл. печ. л. 32,0. Уч.-изд. л. 29,6.
Тираж 500 экз. Заказ

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-51-29

E-mail: publ@psychol.ras.ru
www.psychol.ras.ru

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”»
121099, Москва, Шубинский пер., 6